

Правда о Портъ-Артурѣ

ЧАСТЬ II.

Nec est ad astra mollis e terris via.

Senec. Herc. fur. 437.

Hectora qui nosset, si felix Troja
fuisset?

Publica virtuti per mala facta via
est.

Ovid, Trist. 4. 3. 75.

Періодъ третій.

Итакъ, чего такъ боялись, чему не хотѣли вѣрить — свершилось.

Началась тѣсная блокада крѣпости...

Лишь только Фокъ оставилъ Волчьи горы и занялъ передовые опорные пункты, въ Артурѣ среди его мирнаго населенія началась паника.

Никто уже теперь не вѣрилъ, что крѣпость въ состояніи будетъ долго устоять.

Всѣ начали спѣшно собираться. Всѣ, кто имѣлъ средства и право выѣхать изъ Артура, бросились къ китайцамъ нанимать шаланды.

Тѣ, кто старался успокоить всполошившихся горожанъ, не имѣли успѣха.

— Помилуйте, еще нѣсколько дней тому назадъ увѣряли, что японцевъ дальше Зеленыхъ горъ никогда не пустятъ — а они уже сидятъ на Волчьихъ горахъ. Нѣтъ, довольно насъ обманывали, никому и ничему больше не вѣримъ... — говорили артурцы и спѣшно собирались въ путь.

Но какъ и на чемъ было уѣзжать?! Объ этомъ мало думали. Только бы выѣхать скорѣй изъ крѣпости.

Стессель и К^о совершенно потеряли голову и на всё обращаемые къ нимъ вопросы отвѣчали, что имъ нѣтъ дѣла до мирныхъ жителей: это дѣло коменданта крѣпости и его штаба.

Все направилось въ штабъ. Генералъ Смирновъ безпрепятственно выдавалъ разрѣшенія на выѣздъ изъ крѣпости всѣмъ, кто имѣлъ на это право.

По дорогѣ въ Голубиную бухту потянулись извозчики...

Въ одинъ изъ слѣдующихъ вечеровъ я узнаю, что большинство отѣзжавшихъ вернулось.

Какъ? почему? отчего?!

Да очень просто! Японцы не пропустили шаландъ въ Чифу.

Часть ихъ успѣла проскользнуть незамѣченными сторожевыми судами и уйти въ море—остальные же были остановлены боевыми выстрѣлами японскихъ миноносцевъ и прибуксированы къ берегу.

Вотъ какъ это произошло — передаю рассказъ одной изъ женщинъ, вернувшихся съ шаланды.

— Успѣлись мы въ шаланду. Много насъ было: женщины, дѣти, мужчины, чиновникъ какой-то. Сидимъ и попутнаго вѣтра ждемъ. Отошли отъ берега всего шаландъ пять. Слава Богу, больше не въ Артурѣ! Путь хотя впереди большой, опасный, по морю нужно ѣхать, да еще въ китайской шаландѣ, и боязно, очень боязно, а все же лучше, чѣмъ въ Артурѣ. Упаси Боже, какъ начнутъ это стрѣлять! Да, такъ вотъ это сидимъ и вѣтра ждемъ. Китайцы веслами юлятъ—значить, направление держать. Темно стало. Другихъ шаландъ не видать. Огня не зажигаемъ. Сидимъ тихонечко и молчимъ. Какъ же, нельзя—японцы могутъ услышать. Дѣтей собрали. Сказки имъ рассказываемъ. Маленькихъ съ матерями подъ палубу спрятали. Всѣ притаились. Совсѣмъ темно стало. Вѣтерокъ слабенькій задулъ, китайцы паруса начали натягивать. Наконецъ тронулись. Тихонько впередъ подвигаемся и смотримъ кругомъ. Ничего не видать. Вокругъ и вдаль темная вода. Тамъ, гдѣ Артуръ долженъ быть, тоже темно. Только иногда словно зарница блеснетъ. То были выстрѣлы.

Подошелъ старый китаецъ.

— Шибко тихо есть...

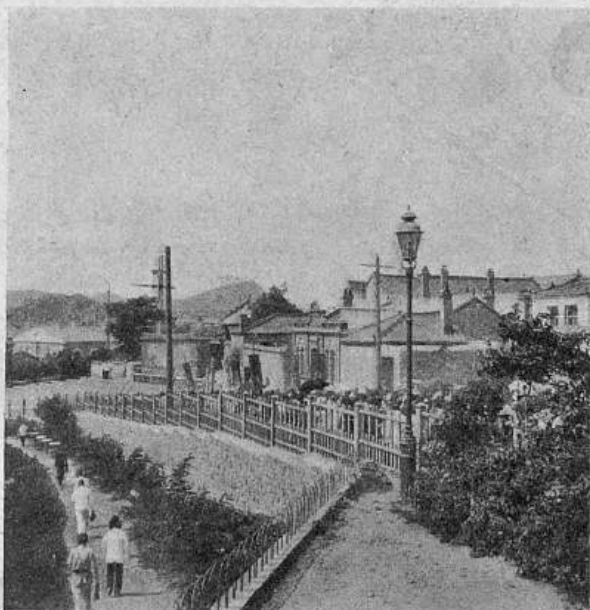
— Тише, тише, смотрите—по всей шаландѣ шепотъ прошелъ. Впереди что-то зачернѣло, дымъ надъ нимъ. Батюшки, японцы! Огонекъ... бухъ... выстрѣлъ... Просвисталъ снарядъ и упалъ за нами. На шаландѣ всѣ закричали, забѣгали. Быстро приближался миноносецъ. Еще выстрѣлъ. Боже мой, что было у

насъ: крикъ, шумъ, визгъ, плачь... Наконецъ миноносецъ присталъ къ намъ. Нѣсколько матросовъ и офицеръ перебрались на шаланду. Матросы съ ружьями, офицеръ съ саблей.

Срамное у насъ произошло. Женщины сбились въ кучу и со страхомъ ожидаютъ, что будетъ; дѣти плачутъ, а мужчины нѣкоторые на колѣни стали и съ плачемъ въ голосъ просятъ, чтобы ихъ не убивали...

Японцы смѣялись и между собой что-то говорили.

Потомъ намъ объявили, что мужчинъ возьмутъ на миноносецъ, а намъ разрѣшаютъ вернуться въ Артуръ.

Крестный ходъ 25 іюля.

— Скажите въ Артурѣ, чтобы больше никто не смѣлъ въ Чифу на шаландахъ ѣхать, будемъ шаланды разстрѣливать. Все равно всѣхъ будемъ разстрѣливать, кто бы на нихъ ни былъ.

Когда намъ это объявили, мужчины опять стали плакать и просить, чтобы ихъ не убивали, а отпустили въ Артуръ.

Японцы ничего имъ не отвѣчали и молча повели на миноносецъ. Офицеры же, стоявшіе на миноносцѣ, что-то кричали нашимъ, шипѣли по-своему и громко смѣялись.

Забравъ нашихъ мужчинъ, миноносецъ отошелъ.

Потомъ, когда его почти совсѣмъ не было видно, онъ далъ выстрѣлъ. Снарядъ, не долетѣвъ до насъ, упалъ въ воду.

Скоро мы добрались до берега и, какъ видите, теперь опять въ Артурѣ.

Столько страху натерпѣлись, что озолоти меня—второй разъ на шаландѣ не поѣду. Лучше въ Артурѣ умереть, чѣмъ утонуть.—

Когда населеніе узнало, что произошло съ шаландами, негодованію на начальствующихъ лицъ не было границъ.

Положеніе дѣйствительно было тяжелое, въ особенности тѣхъ, у кого были дѣти.

Проѣзжая по городу, я замѣтилъ, что былого оживленія уже нѣтъ. Всѣ поняли, что легкое время прошло, что наступаютъ тяжелые дни.

CXXX.

Извѣстій съ сѣвера не приходило. Вѣра въ скорое освобожденіе постепенно слабѣла.

Многіе подъ вліяніемъ всевозможныхъ, самыхъ невѣроятныхъ, слуховъ совсѣмъ упали духомъ.

Гнѣздо паники и всяческихъ сенсационныхъ слуховъ ожило.

Меня удивляло, что члены этого случайнаго союза всегда особенно были энергичны и, если хотите, даже жизнерадостны въ тѣ именно моменты, когда крѣпость переживала тяжелые и неожиданные удары, а будущность ея становилась очень тревожной.

— Ну, вотъ видите, я вамъ говорилъ, что мы долго не въ состояніи будемъ продержаться на передовыхъ позиціяхъ. Вышло именно такъ, какъ я говорилъ, а не такъ, какъ предполагали наши храбрецы. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ—что вы тамъ ни говорите, а Артуру скоро будетъ конецъ.

— Не думаю.

— Ахъ, оставьте пожалуйста.

Ну, мѣсяцъ, два, наконецъ, три продержимся—а что проку?

Какой существенный достигнуть будетъ этимъ результатъ?

Если Куропаткинъ насъ не выручитъ, Артуръ будетъ взятъ.

А что Куропаткинъ не придетъ, то въ этомъ я болѣе чѣмъ увѣренъ. Въ этомъ увѣрены всѣ, кто знаетъ, что представляетъ изъ себя крѣпость.

— Позвольте...

— Нѣтъ-съ, не позволю. Куропаткинъ отлично знаетъ, что Артуръ не крѣпость, что въ немъ нѣтъ самаго необходимаго. Повѣрьте, онъ на Артуръ давно махнулъ рукой.

Почему Артуръ долженъ защищаться? Вы думаете, что Артуръ имѣетъ какое-нибудь значеніе для оперирующей на сѣверѣ арміи?

Ровно никакого! Артуръ нуженъ японцамъ, а не намъ.

Артуръ долженъ защищаться во имя традицій.

Я васъ спрашиваю—какой существенный результатъ будетъ достигнуть упорной и продолжительной обороной Артура?

Крѣпость будетъ взята или сдастся, безусловно! Почему? Потому, что Куропаткинъ махнулъ на нее рукой. Значитъ, существеннаго результата не будетъ достигнуто.

Что же остается? Я васъ спрашиваю и прошу отвѣтить, что же остается?!?—

— Остается еще очень...

— Вы хотите сказать—очень много. Совершенно вѣрно—очень много. Первое (членъ союза „гнѣздо паники“ загнулъ большой палецъ, а потомъ и пошло): масса убитыхъ; второе: масса раненыхъ; третье: масса вдовъ, сиротъ, калѣкъ, дармоѣдовъ; четвертое: сколько ужасовъ придется перенести отъ грядущихъ бомбардировокъ! пятое: всѣ, кто останется въ живыхъ, выйдутъ изъ крѣпости безусловно нервно-больными людьми; шестое: какое мы имѣемъ право, защищая честь русскихъ знаменъ, плодить калѣкъ, вдовъ и сиротъ?..

Мой собесѣдникъ вдохновился, у него уже не хватало пальцевъ. Онъ схватилъ мою руку и, видимо, на ней рѣшилъ „загибать“ пункты. Я освободилъ руку и попробовалъ возразить, что крѣпость должна держаться до послѣдней крайности, а до послѣдней крайности еще далеко...

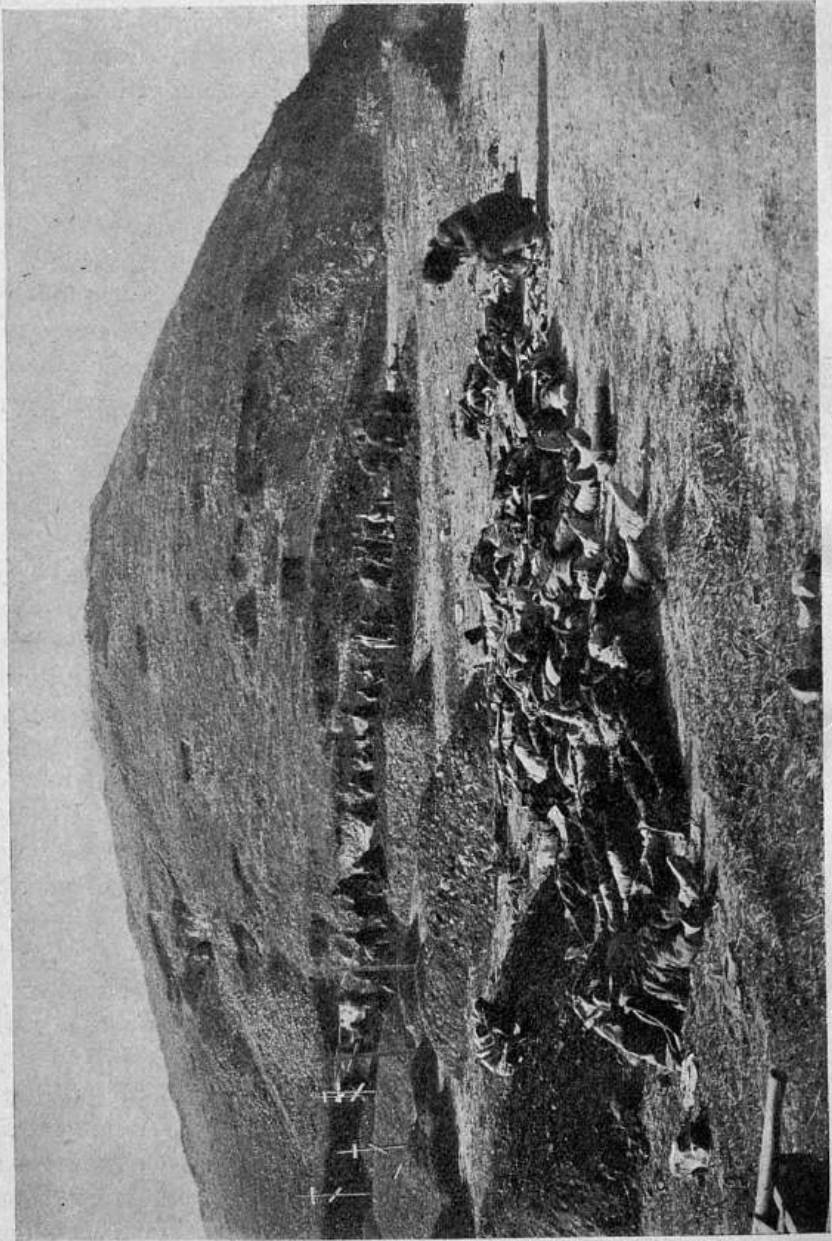
— Позвольте, позвольте, позвольте-съ. Это вы можете рассказывать кому угодно, а не мнѣ. Я-то отлично знаю, что до крайности очень близко.

Уйдетъ эскадра—и мы погибли.

Вы знаете, сколько у насъ снарядовъ? Нѣтъ. А провіанта? Нѣтъ. А сабель и штыковъ? Нѣтъ. А орудій и пулеметовъ? Нѣтъ. А съ духомъ войскъ вы знакомы? Нѣтъ. А знаете ли вы, что крѣпость Портъ-Артуръ не имѣетъ еще Высочайше пожалованнаго штандарта? Нѣтъ.

Ну такъ вотъ! Вы ничего не знаете, а я все это отлично знаю. Я все это говорю не голословно, а съ фактами-съ въ рукахъ.

Тамъ, сидя въ Россіи и читая въ креслѣ газету о доблести русскихъ войскъ, пріятно щекотать свое патріотическое само-

Штурмъ отбитъ!

любіе. Пускай, молъ, дерутся—Европа и міръ узнаютъ, что за силища эта Россія.

Нѣтъ-съ, слуга покорный!

Въ Петербургѣ хорошо, а ты вотъ посиди въ Артурѣ въ ожиданіи прелестей бомбардировокъ!

Насъ до сихъ поръ бомбардировали только съ моря. А что будетъ, когда насъ будутъ громить съ сухопутнаго фронта? Вы понимаете ли, понимаете ли вы, что крѣпость будетъ уязвляться въ каждой ея точкѣ? Не только внутренній, даже внѣшній рейдъ будетъ обстрѣливаться. Эскадра будетъ уничтожена, если она во-время не уйдетъ. Мнѣ объ этомъ говорилъ самъ генераль Смирновъ.—

— Надѣюсь, что генераль Смирновъ, тѣмъ не менѣе, не смотреть такъ мрачно на будущее.

— Что генераль Смирновъ!

Генераль Смирновъ фанатикъ!

Онъ твердитъ, что крѣпость не сдастся. Но онъ забываетъ, что все-таки главное лицо въ крѣпости не онъ, а генераль Стессель. А что Стессель не допустить кровопролитія—это вѣрно. Мы имѣемъ на него нѣкоторое вліяніе. Онъ упрямъ, но онъ не фанатикъ въ родѣ Смирнова. Мы сумѣемъ въ нужную минуту склонить и Кондратенко...—

Имѣйте въ виду, что все это говорилось, когда еще ни одного снаряда не упало съ сухопутнаго фронта. И говорилось это не простымъ обывателемъ Артура, а человѣкомъ по своему положенію очень солиднымъ и носящимъ военный мундиръ.

Я попробовалъ возразить еще.

— Неужели вы думаете, что генераль Кондратенко способенъ противостать Смирнову въ дѣлѣ упорной защиты крѣпости?

— Я этого не говорю. Я говорю, что стоитъ только генералу Кондратенко притти къ заключенію, что дальнѣйшая оборона безцѣльна, и онъ убѣдитъ Стесселя капитулировать. Не забудьте, что Разнатовскій, Фокъ, Савицкій и много другихъ противъ упорной защиты. Всѣ они прекрасно понимаютъ, что дѣло проиграно. Кто себѣ врагъ?!

Намъ нужно отбить штурмъ, одинъ только штурмъ, и потомъ съ честью капитулировать. Поймите вы, что Артуръ вовсе не крѣпость, а укрѣпленный лагерь.

Уже наши войска доказали свою доблесть...

— Ужъ не на Киньчжоу ли?

— Да, если хотите, то и на Киньчжоу. Фокъ берегъ людей.

Онъ прекрасно зналъ, что рано или поздно Киньчжоу падеть.

А Зеленые горы? Помилуйте, два мѣсяца держались.

Теперь на прибавку еще одинъ отбитый штурмъ—и роль Артура сыграна.

Погибнуть можно, но съ умомъ, съ пользою для дѣла.

Почему не умереть, если это спасетъ кампанію? А кампанія, ясно теперь уже, проиграна.

За что я цѣню, а Россія еще оцѣнить генераловъ Стесселя, Фока и Рейса? За то, что они берегутъ вѣрныхъ имъ людей.

Они отобьютъ одинъ штурмъ, а потомъ сумѣютъ съ честью выйти изъ положенія осажденнаго.

А Смирновъ? Смирновъ—это фанатикъ! Что для него люди?—пѣшки! Онъ, видите ли, комендантъ и поэтому никогда не сдаться крѣпости. Мы для него пушечное мясо.

Счастье наше, что въ Петербургѣ спохватились и во-время его ограничили... —

Что мнѣ оставалось дѣлать? Съ покорностью выслушать всю эту белиберду, придя домой, занести въ свой дневникъ, а на слѣдующій день отправиться къ полковнику М. А. Тыртову и отвести у него душу. Такъ я и сдѣлалъ.

Прихожу 21-го іюля къ Михаилу Алексѣевичу и рассказываю о разглагольствованіяхъ Х.

Полковникъ Тыртовъ внимательно меня выслушалъ и говоритъ:

— Тому, что въ крѣпости вообще говорятъ подобныя вещи, я не удивляюсь; у страха глаза велики, а разсудокъ малъ. Но я удивляюсь, какъ можетъ говорить подобныя рѣчи такое, по всей видимости, почтенное лицо, какъ Х. Ему это положительно непростительно. Онъ не долженъ забывать, что онъ офицеръ. И притомъ офицеръ съ виднымъ положеніемъ въ крѣпости. То, что онъ говоритъ, можетъ быть принято на вѣру младшими чинами и крайне губительно отозваться на настроеніи войсковыхъ массъ.

Его настолько разстраиваетъ всякая неожиданность, что онъ положительно теряетъ способность логическаго мышленія и подчасъ способенъ говорить абсурды.

Онъ вообще не умѣетъ себя вести въ окружающей его обстановкѣ.

Простившись съ полковникомъ Тыртовымъ, я зашелъ въ магазинъ экономическаго общества.

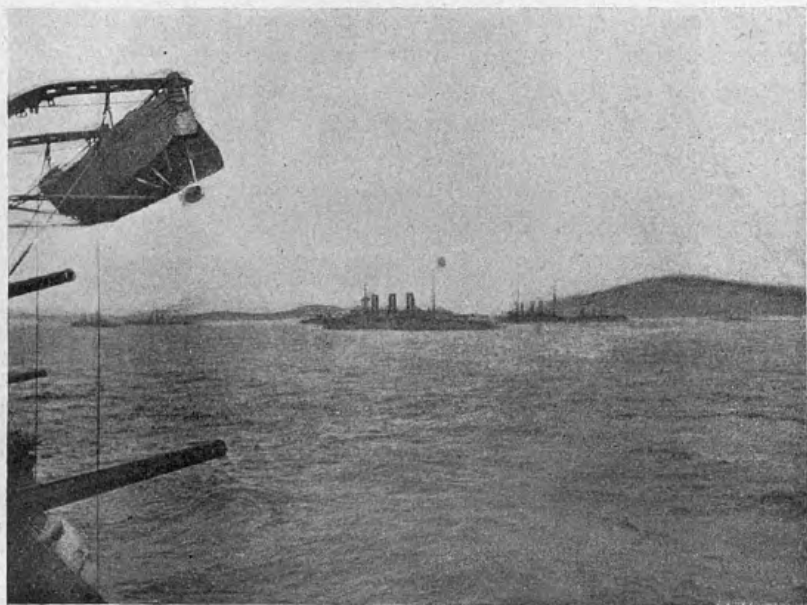
Въ магазинѣ толпа.

Солдаты-продавцы едва успѣваютъ отпускать товаръ.

Спрашиваю у завѣдующаго магазиномъ—что случилось? Почему такой наплывъ покупателей?

— Во-первыхъ, завтра праздникъ, а во-вторыхъ, всѣ дѣлаютъ себѣ запасы. Какъ только наши оставили Волчьи горы и противникъ продвинулся къ крѣпости, всѣ рѣшили, что пора запастись всѣмъ необходимымъ. Теперь уже не вѣрятъ въ скорую помощь съ сѣвера.

Въ толпѣ замѣтилъ знакомаго офицера. Поздоровались.

„Баянъ“ передъ боемъ.

— А, господинъ корреспондентъ! Ну, какъ дѣла? Что подѣлываете? Слышали, чѣмъ кончился сочиненный романъ про м-те Тауцъ?

— Какъ же, слышалъ.

Дѣло было такъ.

На одной изъ шаландъ, отправившихся въ Чифу, была супруга полицмейстера г-жа Тауцъ.

По городу послѣ возвращенія части шаландъ распространился слухъ, что шаланда, на которой уѣхала жена полицмейстера, очень еще молоденькая дамочка, попала въ руки японцевъ. Не возвращена же шаланда въ Артуръ по той простой причинѣ, что м-те Тауцъ очень понравилась японцамъ.

Толкамъ и пересудамъ, конечно, не было границъ. Дамскій

элементъ Артура, какъ болѣе чуткій ко всему, что носило романическій характеръ, далъ своей фантазіи волю, и исчезновеніе м-ме Тауцъ облеклось въ романъ изъ японо-артурской войны.

До начала войны въ м-ме Тауцъ (тогда еще дѣвушку) былъ влюбленъ японскій офицеръ, проживавшій въ Артурѣ въ качествѣ парикмахера. Парикмахеръ этотъ въ послѣдствіи ежедневно брилъ ея супруга и поклялся, что рано или поздно м-ме Тауцъ будетъ принадлежать ему, мнимому парикмахеру.

Шаланда была настигнута у береговъ Квантуна, всѣ русскіе были умерщвлены, а м-ме Тауцъ была спасена своимъ поклонникомъ и теперь въ его власти.

Быть можетъ, авторши и восхищались постоянствомъ японца, съ каждымъ днемъ прибавляя новую главу въ сочиненномъ ими романѣ, но несчастному законному супругу, самому полицмейстеру, было не до восхищенія.

Бѣдный Тауцъ метался со своими конными полицейскими по ближайшимъ бухтамъ, разыскивая слѣды своей молодой супруги, оставляя на произволъ судьбы ввѣренную ему позицію.

Много было загнано лошадей, много несчастныхъ китайцевъ испробовали на своихъ спинахъ силу русской нагайки...

Но вѣдь каждая исторія чѣмъ-нибудь да кончается. Кончился и фантастическій романъ м-ме Тауцъ.

Скоро въ Артуръ пришло извѣстіе, что м-ме Тауцъ благополучно прибыла въ Чифу и шлетъ свой искренній привѣтъ законному супругу.

Полицейстеръ повеселѣлъ, китайцы и артурскій пролетаріатъ вздохнули свободнѣе.

Авторамъ романа стало скучно. Въ глазахъ дамъ г. Тауцъ потерялъ обаяніе несчастнаго супруга.

Парадъ 22-го іюля.

Утромъ, часовъ около 9-ти, я отправился къ фотографу Липпентнеру съ цѣлью пригласить его снять на плацу передъ отрядной церковью парадъ войскъ.

Фотографъ съ удовольствіемъ было согласился, но узнавъ, что на парадъ будетъ самъ Стессель, заявилъ:

— Нѣтъ, я очень боюсь этого генерала. Онъ меня прогонитъ. Вы имѣете разрѣшеніе? Если не имѣете—я не поѣду. Этотъ генералъ все можетъ. Онъ можетъ подарить мнѣ розги.

Какъ я ни уговаривалъ австрійца—послѣдній былъ твердъ

въ своемъ рѣшеніи. Пришлось итти къ Стесселю. Едва я вышелъ изъ воротъ Пушкинскаго училища — какъ изъ-за угла стессельскаго дома показалась крупная фигура самого генерала, эскортируемая взводомъ казаковъ. Генералъ направлялся въ церковь — былъ 10-й часъ на исходѣ.

Начальникъ района, осадивъ коня и поздоровавшись со мной очень привѣтливо, спросилъ:

— Вы тоже въ церковь?

— Такъ точно, ваше превосходительство. У меня, ваше превосходительство, есть просьба.

— Говорите, говорите. Чѣмъ могу служить господину военному корреспонденту?

— Ваше превосходительство (я привыкъ со старшими говорить почтительно), разрѣшите мнѣ снять парадъ и для этой цѣли пригласить фотографа.

— Кто онъ? штатскій?

— Такъ точно, ваше превосходительство, штатскій и при этомъ еще австрійскій подданный.

— Хорошо. Только вы за нимъ наблюдайте. Вы за него отвѣчаете.

— Почему же, ваше превосходительство?

— Вы же за него просите. Я и понятія даже не имѣлъ, что въ крѣпости есть австрійскій подданный. Онъ, можетъ быть, шпионъ. Надо спросить Тауца. Я ему скажу. Такъ нельзя. Вы его пригласите, пусть снимаетъ, а Тауцу нужно сказать. Пожалуй, въ крѣпости есть еще японскіе подданные...

Генералъ тронулъ лошадь.

— ...Вы снимайте, если хотите, только фотографъ, пожалуйста, шпионъ...

Я пожалѣлъ, что распустилъ свой языкъ, но было уже поздно.

Вернувшись къ фотографу и сообщивъ ему, что генералъ Стессель далъ разрѣшеніе — я усадилъ его въ коляску со всѣми его атрибутами и быстро довезъ до церкви.

Парадъ уже начался. Генералъ по обыкновенію говорилъ войскамъ зажигательныя рѣчи.

Вся площадь передъ входомъ въ крѣпость была усеяна свободными отъ службы офицерами, чиновниками, дамами, обывателями.

День былъ жаркій, ясный, солнечный.

Большинство присутствовавшихъ было въ бѣлоснѣжныхъ

кителяхъ, дамы блистали изящными свѣтлыми нарядами, которыми могъ позавидовать любой модный и фешенебельный курортъ. У всѣхъ оживленные лица, улыбки...

Ничто, положительно ничто не напоминало, что Артуръ уже осажденъ и съ моря и съ суши.

Ничто не говорило, что не сегодня—завтра, а то, можетъ

Крейсеръ „Баянъ“ передъ самымъ боемъ.

быть, сейчасъ, сію минуту непріятель откроетъ бомбардировку города.

Когда бомбардировка надвигалась съ моря, крѣпость задолго до ея начала узнавала, что она приближается. Наблюдательные посты доносили о приближеніи непріятельской эскадры, когда она еще была за видимостью горизонта Артура.

Теперь же, когда противникъ притаился за горами, которые мы различаемъ невооруженнымъ глазомъ; теперь, когда мы отлично знаемъ, что непріятель энергично и быстро возводитъ

батарей, подвозить, устанавливаетъ орудія—мы не могли предугадать день и часъ, когда японцы откроютъ по насъ огонь.

Никто не могъ предвосхитить, когда раздастся первый выстрѣлъ съ суши по городу, но большинство уже отлично знало, что площадь города ежеминутно можетъ быть обстрѣлена въ любой ея точкѣ.

Какъ тогда, такъ и теперь, я не могъ и не могу понять, чѣмъ можно было объяснить это спокойствіе передъ смертельной опасностью, которая ежесекундно могла разразиться надъ всѣми собравшимися, разряженными, покойными и флиртирующими, улыбающимися, спорящими, хохочущими, злословящими, сплетничающими...

Было ли это нѣмой покорностью передъ неизбежнымъ, или то была истинно-русская увѣренность — „авось“, ничего не будетъ?

Парадъ приходилъ къ концу. Войска перестраивались къ церемониальному маршу. Фотографъ возился съ установкой большого аппарата.

Среди публики появленіе фотографа произвело нѣкоторую сенсацию.

— ...Господа, сейчасъ Стессель будетъ увѣковѣченъ, говорить кто-то въ толпѣ мастеровыхъ.

Полицмейстеръ, огромнаго роста мужчина, повернулся въ сторону говорившаго и такъ сердито посмотрѣлъ на смѣявшихся, что тѣ сразу примолкли. Одинъ изъ мастеровыхъ, однако, не вытерпѣлъ и еще громче сказалъ:

— Чего буркалы вытаращилъ? Небось, здѣсь мы не въ твоей власти, здѣсь не арестный домъ...

Полицмейстеръ продолжалъ бросать молніеносные взгляды, около него суетился околodочный, что-то страстно хотѣлъ ему сказать, вскидывая голову и безпрестанно прикладывая руку къ козырьку—совершенный видъ молодого вороненка, приготовляющагося броситься на намѣченную жертву. Очевидно, готовился маленькій скандалъ, который неминуемо бы разыгрался при благосклонномъ участіи полиціи—но вотъ раздалась команда, зашумѣлъ оркестръ... Фотографъ спрятался подъ плащъ. Стессель, окруженный сонмомъ своихъ наперсниковъ, благодарилъ проходившіе мимо него взводы стрѣлковъ, артиллеристовъ, казаковъ и моряковъ.

Парадъ кончился. Начальствующія лица тронулись въ Мариинскую больницу, праздновавшую въ этотъ день свой годовой праздникъ.

Пріѣхалъ туда съ полковникомъ Артемьевымъ и я.

Въ саду Краснаго Креста уже прогуливался комендантъ крѣпости Смирновъ, о чемъ-то разговаривая съ гражданскимъ комиссаромъ Вершининымъ. Мы подошли къ нимъ. Поздоровались.

— ...Отлично—отчегоже, Александръ Ивановичъ?—я вполне раздѣляю ваше желаніе, продолжалъ свою бесѣду Смирновъ съ Вершининымъ: это вполне будетъ отвѣчать настроенію жителей и гарнизона. Только предупреждаю, оркестровъ дамъ сколько угодно, а войскъ ни полвзвода.

Теперь такое тревожное время, что все должно быть на своихъ мѣстахъ и на чеку. Войскъ съ оборонительной линіи отвлекать немислимо. Полковые священники могутъ обойти съ молитвой участки своихъ полковъ—полагаю, что это будетъ цѣлесообразнѣе... Итакъ, Александръ Ивановичъ, вопросъ рѣшенъ: молебень 25-го, оркестровъ сколько угодно, но войскъ ни полвзвода...

Только предупреждаю, меня на молебнѣ не будетъ—съ раняго утра уѣзжаю на сѣверо-восточный фронтъ.

— Вполнѣ согласенъ, спѣшу съ готовностью подчиниться рѣшенію вашего превосходительства.

— А-а! Прасковья Георгіевна, и вы пожаловали, — здороваясь съ м-ме Тыртовой, сказалъ Смирновъ: не боитесь? А вдругъ начнутъ стрѣлять. Вотъ Александръ Ивановичъ 25-го устраиваетъ крестный ходъ и молебень на городской площади—боюсь я, что къ тому времени японцы начнутъ бомбардировать городъ.

Судя по работамъ осаждающаго, прежде всего подвергнутся бомбардировкѣ внутренняя гавань (ковшъ), портъ и Старый городъ.

Гдѣ мы съ вами стоимъ—это мѣсто тоже будетъ небезопаснымъ. А Стрѣлковая, ваша улица, улицы, прилегающія къ порту и гавани, находясь на створѣ непріятельскихъ батарей, будутъ сильно страдать. Всѣ недолеты будутъ ложиться въ указанныхъ направленіяхъ.

— Ну, Константинъ Николаевичъ, вы неутѣшительныя новости говорите.

— Э, барыня, все это будутъ цвѣточки, ягодки-то впереди. Ничего—и мы будемъ задавать японцамъ. Посмотрите кругомъ—это теперь все молчитъ, а какъ заговоритъ—и японцамъ будетъ не сладко.

Будемъ надѣяться, что японцы будутъ давать перелеты и ваша улица не пострадаетъ.

Однако, чего же это мы ждемъ, ваше превосходительство, обратился Смирновъ къ подходившему егермейстеру Балашову.

— Стесселя, ваше превосходительство, Стесселя. Хотя можно уже начать, часъ уже давно наступилъ.

Въ садъ Маріинской больницы черезъ широко распахнутыя ворота какъ разъ въ это время въѣзжалъ давно ожидаемый начальникъ района.

Балашовъ, въ бѣломъ кафтанѣ, съ красной лентой черезъ плечо, поспѣшилъ навстрѣчу съ искреннимъ привѣтствіемъ.

— Опоздалъ, опоздалъ. Боевыя распоряженія задержали. Идемте, идемте... гудѣлъ голосъ прибывшаго.

Наконецъ довольно продолжительный молебень кончился.

Заручившись согласіемъ генерала Стесселя, я рѣшилъ и здѣсь снять группу. Липпейнтнеръ уже ожидалъ. Сообщилъ о своемъ желаніи Балашову, какъ хозяину праздника.

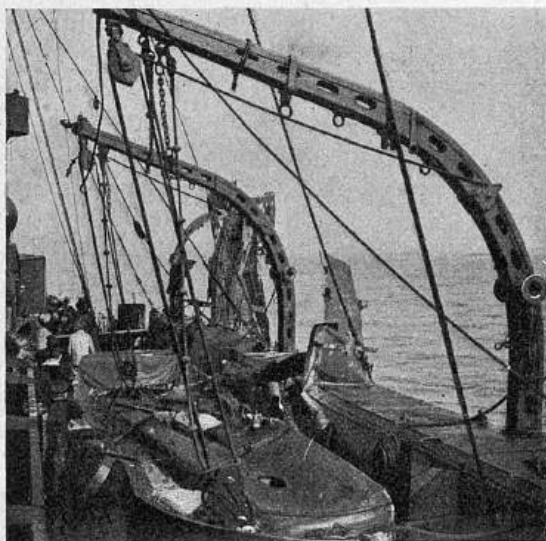
Послѣдовало согласіе, но, какъ всегда на каждомъ истинно-русскомъ торжествѣ, не обошлось безъ маленькаго, на первый взглядъ, но въ сущности очень серьезнаго инцидента.

Когда всѣ вышли въ садъ, я предложилъ всѣмъ стать у террасы, при чемъ принялъ дѣятельное участіе въ установкѣ группы. Стессель торопилъ. Когда всѣ сгруппировались, онъ обращается ко мнѣ:

— Чего мы ждемъ? Снимайте!

— Сейчасъ придетъ батюшка, говорю я.

— Отлично можно и безъ поповъ, чего онъ тамъ копается? Снимайте же!

Разбитый вельботъ на крейсере „Баянъ“.

Липпейнтнеръ смотритъ на меня вопросительно.

— Ваше превосходительство, батюшка уже идетъ, онъ кропитъ св. водой помѣщенія... Генераль сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ и прибавилъ полнымъ голосомъ: Не понимаю, зачѣмъ понадобился тутъ попъ...

Вышелъ съ крестомъ и въ облаченіи священникъ, служившій молебенъ, и, крайне сконфуженный, приткнулся съ боку къ группѣ.

Группы этой отпечатать не удалось—т. к., во-первыхъ, вышла она крайне неудачной, а во-вторыхъ, она была уничтожена взрывомъ одного изъ снарядовъ, разрушившимъ ателье нашего единственного въ Артурѣ профессиональнаго фотографа.

Послѣ молебна мы съ полковникомъ Артемьевымъ отправились въ Новый городъ съ цѣлью посѣтить въ госпиталѣ раненаго князя Гантимурова.

Больному дѣлали перевязку, и поэтому пришлось очень долго ждать.

Въ этомъ же госпиталѣ содержался въ отдѣльномъ помѣщеніи, охраняемомъ часовымъ, плѣнный больной японскій офицеръ.

Намъ разрѣшили его навѣстить.

Больной не слышалъ нашего прихода. Онъ стоялъ у окна и задумавшись глядѣлъ вдаль, въ промежутокъ горъ, гдѣ блестѣла гладь океана...

Услышавъ наши шаги, онъ быстро обернулся и, привѣтствуя насъ глубокимъ поклономъ, вопросительно на насъ посмотрѣлъ.

Я не зналъ, подать ему руку, или нѣтъ. Артемьевъ тоже, видимо, колебался. Руки мы ему не подали.

Предложивъ ему рядъ незначительныхъ вопросовъ и получивъ въ отвѣтъ нѣсколько кивковъ головы и продолжительное безмолвное шипѣніе съ глубокимъ поклономъ въ концѣ, мы разстались.

Проходя по корридорамъ госпиталя, я, находясь еще подъ впечатлѣніемъ плѣннаго офицера, старался уяснить себѣ, почему я, войдя къ нему въ палату, просто не подаль руки, а задумался и въ результатѣ не подаль. Оскорбить я его, безусловно, не хотѣлъ: лежакаго не бьютъ. Въ храбрости японцевъ я успѣлъ уже убѣдиться. Почему же? Представьте—мнѣ было неловко подать руку офицеру, славшемуся, не будучи раненымъ, въ плѣнъ.

Я тогда былъ убѣжденъ, что въ плѣнъ сдается только тотъ, кто не въ силахъ уже больше защищаться. Я былъ увѣренъ, что русскій солдатъ и офицеръ здоровыми въ плѣнъ не пойдутъ.

Я вѣрилъ въ бывлыя традиціи нашей арміи, въ которыхъ меня воспиталъ корпусъ.

Впослѣдствіи мнѣ, для котораго честь арміи такъ же дорога, какъ память ряда моихъ предковъ, проливавшихъ въ ея рядахъ свою кровь за честь и достоинство Россіи, пришлось горько разочароваться. Оказалось, что въ плѣнъ можно сдаваться не только единичнымъ лицамъ, но цѣлымъ баталіонамъ, полкамъ, батареямъ и даже крѣпостному гарнизону.

Я не виню рядовыхъ бойцовъ. Я не могу имъ бросить жестокаго упрека. Почему? Потому, что въ этомъ виновата вся система воспитанія нашей арміи: они—покорное стадо. Въ нашей войсковой массѣ почти отсутствуетъ индивидуальность. Нашъ солдатъ тогда только несокрушимая мощь и непобѣдимая сила, когда ея управляютъ офицеры въ лучшемъ значеніи этого слова. Для нашего воина примѣръ—это все. Если насъ гнететъ позоръ цѣлаго ряда сдачъ въ плѣнъ, то въ этомъ, повторяю, виновата вся наша система, которая ведетъ армію къ полному разложенію. Наша армія остановилась въ своемъ развитіи, между тѣмъ какъ армія японцевъ бѣшено прогрессировала; чѣмъ была наша армія 50 лѣтъ тому назадъ—тѣмъ она осталась и теперь; измѣнились лишь ея форма и вооруженіе. Хотя офицеры стали образованнѣй въ общей массѣ, но это ничуть не воспитало духъ арміи.

Старшіе начальники въ большинствѣ случаевъ—это тѣ же чиновники, облеченные въ военные мундиры и вооруженные пашками.

Они своимъ сибаритствомъ растлѣваютъ намъ армію. Они ведутъ ее къ гибели. Забыты суворовскіе завѣты.

Мы забыли уроки исторіи. Исторія Великой Французской Революціи краснорѣчиво намъ говоритъ, что бываетъ съ арміей, въ которой генералы—лишь генералы по имени. Дальнѣйшее развитіе революціи во всѣхъ ея перипетіяхъ даетъ намъ примѣръ—примѣръ полнаго разложенія арміи.

Къ моменту гибели Людовика XVI во Франціи арміи фактически не существовало: армія растаяла.

Она растала потому, что генералы перестали быть солдатами по своимъ внутреннимъ убѣжденіямъ.

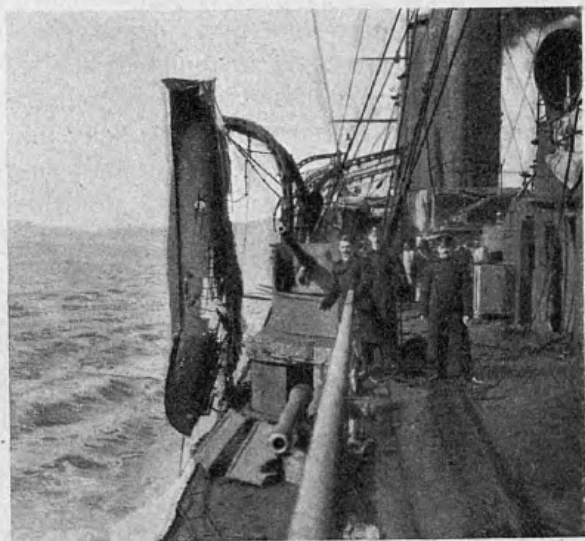
Они удалились отъ солдата. Они заботились исключительно о себѣ. Они смотрѣли на солдата, лишь какъ на средство для достиженія своихъ своекорыстныхъ цѣлей, почестей и власти. Они забыли, что, любя свою родину, они должны были любить и цѣнить ея сыновъ, становящихся подъ знамена.

Только любя солдата, какъ человѣка, входя въ его нужды, понимая и уважая его, можно побѣждать.

Наша система растлѣваетъ генераловъ, генералы армію—и армія наша таетъ.

25 іюля

Роскошное утро воцарилось надъ Артуромъ. Отъ моря до верхушекъ горъ все блистало подъ ослѣпительными лучами іюльскаго солнца.

Разбитый вельботъ на крейсере „Баянъ“.

Еще вѣетъ прохладой, еще солнце невысоко, еще городъ не ожилъ: Артуръ по старой привычкѣ просыпается поздно. Улицы еще пустыжны.

Проснулась лишь крѣпость. Береговой и сухопутный фронты молчатъ. Тамъ, далеко кругомъ, все тихо и мирно. Бредутъ лишь, несмотря на воскресный день, очередныя партіи солдатъ и китайцевъ на работы. Ничто не говоритъ, ничто не напоминаетъ, что городъ осажденъ, что онъ отрѣзанъ отъ всего міра и живетъ своей особенной жизнью, жизнью призрачныхъ надеждъ и упованій.

Раннее солнце востока, проникая въ дома, фанзы, казармы, блиндажи, каюты и казематы, пригрѣвая на утреннемъ холодкѣ часовыхъ въ сторожевомъ охраненіи, часовыхъ при орудіяхъ, на батареяхъ,—будитъ все спящее живое. Для всѣхъ оно свѣ-

титъ ласково и привѣтливо, не разбирая ни добрыхъ ни злыхъ. Сотни и тысячи людей, которымъ суждено было навѣки уснуть въ землѣ Квантуна, просыпались съ обновленнымъ запасомъ душевныхъ и физическихъ силъ.

Артуръ просыпался.

Люди, освѣжившіеся покоемъ минувшей ночи, бодры и веселы подъ лучами жизнерадостнаго солнца.

День 25 іюля торжествовалъ въ блескѣ своей красоты.

Заблаговѣстили къ обѣднѣ.

Сегодня будутъ молиться объ избавленіи Артура отъ грядущихъ тяжелыхъ испытаній.

Церкви полны молящихся.

Въ отрядной церкви литургія приходитъ къ концу. Къ паперти ея съ разныхъ концовъ города подходятъ крестные ходы.

Здѣсь собралось, кажется, все населеніе Артура отъ мала до велика для единодушной, горячей, искренней молитвы къ Богу правды, любви и милосердія...

Около 10^{1/2} час. тронулся наконецъ общій крестный ходъ.

Живая волна людей медленно подвигалась впередъ. Передъ портомъ крестный ходъ остановился. На лицахъ всѣхъ, особенно женщинъ и даже дѣтей, печать религіознаго настроенія и сознанія, что они совершаютъ что-то очень нужное, важное, безъ чего Артуру не устоять и не избавиться отъ ужасовъ надвигающихся страдныхъ дней.

Служили краткое молебствіе. Священники торопились, пѣвчіе торопились, словъ молитвъ проглатывались—молящіеся по привычкѣ крестились, но даже самые ближайшіе не разбирали словъ молитвъ и пѣснопѣній. Однимъ словомъ, все шло по обыденному. Улицы буквально запружены народомъ.

— Не поздравляю, если японцы вздумаютъ открыть огонь по городу. Страсти тутъ произойдутъ — говорить кто-то въ толпѣ.

— И очень просто! И японцы сейчасъ узнаютъ! И...и...и огонь откроютъ!.. И шпіоны у насъ есть!..

И я ухожу!.. загорячился нѣкій старецъ и поплелся...

— Богъ милосердный милостивъ—ничего не будетъ, помолимся и...

Толпа двинулась; я не слышалъ дальше, чѣмъ убаюкивалъ себя говорившій. Крестный ходъ, прослѣдовавъ по набережной,

повернулъ на Пушкинскую и наконецъ прибылъ на Цирковую площадь.

Всѣ обращены лицомъ къ сѣверо-восточному фронту, лицомъ къ надвигавшемуся врагу.

Начался молебенъ.

Солнце царственно лило палящіе лучи на обнаженные головы молящихся.

Кругомъ относительная тишина, нарушаемая лишь рѣдкими глухими выстрѣлами на сѣверо-восточномъ фронтѣ.

Въ прозрачномъ, сухомъ и жаркомъ воздухѣ льются грустно-мелодичныя молитвословія пѣвчихъ, и явственно слышатся молитвенные возгласы старшаго въ Артурѣ священника, отца Глаголева.

Молящіеся сплошной массой столпились у крестовъ и хоругвей.

Кругомъ—горы, носящія на груди своей сотни орудій, за ними—врагъ.

11 часовъ. Воцарилась полная, торжественная тишина.

Населеніе Артура молилось.

Раздался возгласъ священника:

— Паки и паки, преклонше колѣна...

Всѣ опустились на колѣни.

Все замерло... лишь отчетливо слышались слова „колѣно-преклонной“ молитвы.

Было ровно 11 ч. 15 м. утра.

Послышался отдаленный выстрѣлъ. Выстрѣлъ не нашъ. Секунды уходили въ вѣчность... надъ головами высоко, высоко что-то запыло, завывало... и опять тихо.

Нѣкоторые поднялись. Большинство, склонившись, молилось.

Выстрѣлъ повторился. Еще, еще... Вой и пѣніе ниже, явственнѣй... Еще... Снарядъ со стремительнымъ свистомъ-шипѣніемъ пронесся, казалось, надъ самыми головами. Большинство повернуло голову, какъ бы слѣдя за полетомъ снаряда... Секунда... другая... донесся трескъ взрыва тамъ, за нами, въ порту.

Да что же это?! Вѣдь это не съ моря, а оттуда, съ суши.

Среди молящихся началось волненіе; многіе подымались, опять опускались на колѣни.

Выстрѣлъ за выстрѣломъ... Все чаще, чаще...

Полиція заметалась. Полицмейстеръ Тауцъ быстро ушелъ.

Священникъ дрожащимъ голосомъ кончаетъ молитву. Всѣ поднялись. Многіе спѣшно уходятъ, другіе бѣгутъ. Разбились по группамъ—стоятъ въ раздумьи, словно не понимая, что творится.

Торжественно и громко несутся аккорды гимна: „Тебе Бога хвалимъ“.

Громъ взрывовъ на улицахъ, прилегающихъ къ порту, усиливается.

На лицахъ у всѣхъ недоумѣніе и испугъ.

Свершилось. Такъ вотъ она дѣйствительность осажденной крѣпости! Никто здѣсь не знаетъ, откуда несутся къ намъ смерть и разрушеніе. Оттуда, изъ-за горъ. Но горъ много...

Такъ вотъ они тѣ черные деньки, мысль о которыхъ давила, какъ кошмаръ.

Куда же дѣвалось у всѣхъ молитвенное настроеніе? Куда исчезла надежда на помощь Того, Кому только что такъ парадно и усердно молились, Кому вѣрили, у Кого просили защиты?!

Молебень кончался. Еще гремѣло многолѣтіе Государю, а священники уже быстро, почти бѣгомъ уходили отъ мѣста молитвы; пѣвчіе, кресты и хоругви едва поспѣвали за ними.

Священнослужители хотя и ближе къ Богу, но они тоже люди: имъ было страшно.

Площадь быстро опустѣла. Бомбардировка продолжалась.

Когда кончился молебень, я потребовалъ лошадь и отправился по улицамъ Старого города.

Большинство снарядовъ рвалось передъ портомъ и въ самомъ порту. Одинъ изъ снарядовъ разорвался у забора офицерскаго экономическаго Общества, рядомъ съ домомъ полковника

Разрушенія на крейсере „Баянъ“.

Тыртова; м-те Тыртова была одна дома, когда началась бомбардировка.

Когда разорвался снарядъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ крайняго окна гостиной, м-те Тыртова, сидѣвшая въ этой комнатѣ, остолбенѣла отъ ужаса и, ошеломленная взрывомъ, была близка къ обмороку.

Мысль о мужѣ, отправившемся на крестный ходъ, заставила ее овладѣть собой и взять себя въ руки. Страхъ за участь мужа былъ сильнѣе чувства самосохраненія.

Когда я подѣхалъ къ зданію порта, къ домику, который занималъ старшій бухгалтеръ, я увидѣлъ грозную картину разрушенія. Это были слѣды дѣйствія 120 мм. бомбъ: крыша разворочена, въ домѣ хаосъ.

Сошелъ съ коня—вхожу.

Меня встрѣчаетъ самъ хозяинъ со словами:

— Скажите—что дѣлать? Куда ѣхать? Куда спрятаться? Гдѣ безопаснѣе? Вы должны знать. Неудобно ли? Сидѣлъ спокойно у окна. Помолился еще, когда крестный ходъ у насъ останавливался.

Вдругъ—трах! и видите, что случилось со мной.

Что могъ я отвѣтить напуганному, выбитому изъ колеи почтенному человѣку? Сказавъ нѣсколько фразъ, долженствовавшихъ его успокоить и ободрить, я прошелъ въ сосѣднюю квартиру.

Въ ней меня поразило слѣдующее обстоятельство. Снарядъ, пронизавъ крышу и потолокъ, разорвался въ гостиной, разворотивъ въ ней положительно все. Въ сосѣдней же столовой, отдѣленной лишь тонкой стѣной, все было цѣло—даже теплилась лампадка передъ образомъ.

Бомбардировка съ перерывами продолжалась до сумерекъ.

Проѣзжая по Стрѣлковой улицѣ, я встрѣтилъ пристава Пржевальскаго. Полицейскій чинъ былъ страшно взволнованъ, собиралъ осколки разорвавшихся снарядовъ, передавая ихъ сопровождавшимъ его околочнымъ и городовымъ.

— Эти осколки нужно представить г. полицмейстеру и начальнику района.

Улицы показались вымершими; кое-гдѣ лишь попадались прохожіе, съ любопытствомъ разсматривавшіе результаты бомбардировки.

Населеніе Старого города попряталось въ дома. Окна закрыты—у оконъ никого. Словно всѣ были увѣрены, что стѣны и крыша спасутъ ихъ отъ адской разрушительной силы рвущихся снарядовъ.

Артуръ около 3-хъ часовъ дня словно застылъ. Неожиданность бомбардировки подѣйствовала на всѣхъ крайне угнетающе.

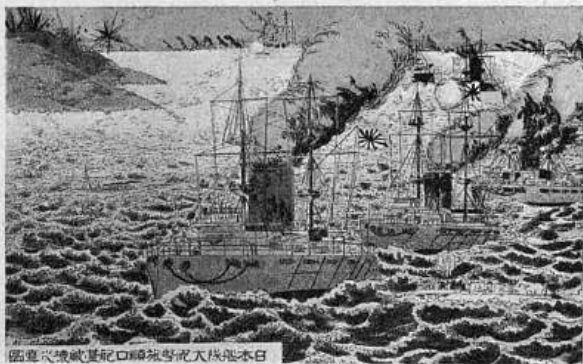
Обѣхавъ Старый городъ, я направился въ Новый.

На улицъ, кромѣ городскихъ, почти никого. Извозчики тоже куда-то попрятались.

На всемъ пути до Новаго города я души живой не встрѣтилъ.

Никто не рѣшался показаться въ Старый городъ.

Чѣмъ дальше я былъ отъ порта, чѣмъ глуше доносились до меня взрывы снарядовъ, тѣмъ покойнѣе становилось на душѣ.

Морской бой подъ Портъ-Артуромъ.
(Съ японскаго оригинала).

А вѣдь тамъ, назадъ, оставались люди. Тамъ оставались мои новые знакомые, которыхъ я за короткій періодъ времени успѣлъ оцѣнить, полюбить и сжиться съ ними.

Я нѣсколько разъ старался поймать себя на мысли, не ѣду ли я въ Новый городъ потому, что тамъ совершенно безопасно.

Въ концѣ концовъ я убѣдилъ себя, что я ѣду туда въ силу необходимости, а вовсе не изъ трусости. Я убѣдилъ себя въ томъ, что мнѣ необходимо по возможности побывать сегодня повсюду, чтобы составить себѣ цѣльное впечатлѣніе—чѣмъ былъ Артуръ въ первый день бомбардировки съ суши.

Я убѣдилъ себя въ этомъ и спокойно продолжалъ свой путь.

Дорога въ Новый городъ ведетъ прямая, ровная, отлично шоссированная.

Подѣзжая къ городскому саду, я встрѣтилъ пролетку, въ пролеткѣ красивый чиновникъ.

— Будьте добры сказать: въ Старый городъ можно про-
ѣхать? Мнѣ тамъ быть необходимо...

— Какъ же, можно.

— Но вѣдь тамъ рвутся снаряды. Говорятъ—много уби-
тыхъ, раненыхъ?

— Снаряды рвутся, но убитыхъ и раненыхъ еще не видѣлъ.

— А вотъ у насъ свѣдѣнія есть, что убитыхъ очень много.
Что теперь—хуже или лучше, чѣмъ во время морской бомбар-
дировки?....

Я слушалъ словоохотливаго чиновника, смотрѣлъ на его
разстроенное, поблѣднѣвшее лицо и угадывалъ, что ему ужасно
не хочется туда ѣхать. Онъ, видимо, ожидалъ отъ меня такого
отвѣта, который далъ бы ему право вернуться назадъ.

— По моему, теперь лучше; что будетъ дальше—не знаю.
Кромѣ того, снаряды рвутся на опредѣленной площади. Честь
имѣю кланяться.

Поворачивая съ шоссе въ городъ, я оглянулся: чиновникъ
ѣхалъ назадъ.

Сопровождавшій меня мой вѣстовой Николай Худобинъ
изобразилъ на своемъ лицѣ огромную улыбку.

— Чего, Николай Терентіевичъ, изволите смѣяться?

— Чего изволите?

— Я говорю—чего вамъ такъ весело?

— Да вонъ, нашъ-то разговорщикъ назадъ вернулся.

Въ Новомъ городѣ жизнь текла обычнымъ путемъ—словно
сегодня ничего не происходило, только прохожихъ мало.

Заѣхалъ въ ресторанъ „Звѣздочку“. Нѣсколько столовъ
занято.

Публика закусываетъ, крѣпко выпиваетъ. Выпиваетъ по-
артурски.

Подошелъ къ буфету. Обращаюсь къ буфетчику. Послѣдній
вмѣсто того, чтобы дать мнѣ требуемое, засыпалъ меня вопросами.

— Вы изъ Стараго города? Ну что? Страшно тамъ? Много
народу побило? Снаряды, говорятъ, въ крестный ходъ посыпались?
Вотъ бѣда-то! А-я-я-яй! Что же это будетъ? Неужели и насъ
будутъ бомбардировать?

Теперь, пожалуй, каждый день. Этакъ вѣдь нельзя...

— Дайте мнѣ пожалуйста...

— Теперь прямо хоть ложись и умирай. Чѣмъ все это
кончится? Прежде—придетъ эскадра, отбомбардируетъ и уйдетъ.
Уйдетъ надолго. А теперь? Теперь никуда не скроешься. Японцы
тоже изъ Артура не пускаютъ...

— Я васъ прошу—дайте мнѣ...

— О Господи, Господи! Чѣмъ все это кончится? А о Куропаткинѣ ни слуху ни духу, и дѣла наши плохо идутъ. Вамъ рюмку водки? Англійской? Да, и что это будетъ? Говорятъ, что долго намъ не продержаться. А ну ихъ! Чего даромъ народъ-то губить. Все равно съ японцами намъ не справиться...

Буфетчикъ, вѣрно, долго еще говорилъ бы на эту тему. Для меня же было вполне достаточно. Я поспѣшилъ уйти.

Въ дешевыхъ городскихъ квартирахъ, расположенныхъ рядомъ со „Звѣздочкой“ и занятыхъ по преимуществу красавицами Артура, шло веселье. Изъ оконъ раздавались звуки піанино.

Сооруженіе батареи на сухопутномъ фронтѣ.

Чей-то поставленный на шампанскомъ голосъ старался изобразить цыганскій романсъ. Пѣла плохо, но все-таки пѣла.

Проѣхавъ къ казармамъ 12-го полка, я умилился душой.

Нѣсколько солдатъ изъ обоза играли въ чехарду. Были они выпивши, или нѣтъ—я не знаю. Но что имъ было совершенно безразлично, идетъ бомбардировка Старого города, или нѣтъ—то это было ясно.

У зданія флотскаго экипажа меня поразила слѣдующая картина. Извозчикья коляска. Въ коляскѣ, на заднемъ сидѣніи, два китайца, на переднемъ—два стрѣлка. Всѣ четверо сильно выпивши. Возница дремлетъ. Лошади едва плетутся. Сѣдоки о чемъ-то горячо бесѣдуютъ, затѣмъ начинаютъ обниматься—очевидно, доказывая этимъ свою дружбу.

Глядя на эту сцену, я невольно задумался надъ вопросомъ—

что это: русская ли разнузданность, или китайская хитрость?

Читатель долженъ помнѣть, что китайцы были прекрасными и полезными шпионами, только не для насъ, а для японцевъ.

Часамъ къ 6 вернулся въ Старый городъ. Бомбардировка прекратилась. Все приняло обычный обликъ, все по старому: на улицѣ масса публики, на Этажеркѣ играетъ оркестръ, на аллеяхъ много морскихъ офицеровъ, дамъ меньше.

Единственно, что напоминало о первой бомбардировкѣ—это разрушенія. Публика группами собирается и съ любопытствомъ разглядываетъ ихъ. Улицы, гдѣ попали снаряды, уже подметены. Телеграфные и телефонные столбы и провода исправляются. Ямы, въ видѣ воронокъ, на улицѣ и тротуарахъ засыпаны.

По городу словно буря прошла, и все успокоилось, все вошло въ обыденную колею. Явилась даже увѣренность: это только такъ; вѣрно, больше не повторится. Не можетъ же быть, чтобы японцы начали разрушать городъ. Главная ихъ цѣль—форты и укрѣпленія крѣпости. Не станутъ же они безцѣльно тратить дорого стоящіе снаряды на разрушеніе домовъ мирныхъ жителей.

Въ 10 часовъ вечера я пріѣхалъ къ редактору „Новаго Края“ на воскресную бесѣду.

Кромѣ г. Томаровича, никто изъ нашихъ не пришелъ.

Редакторъ, Петръ Александровичъ Артемьевъ, по обыкновенію былъ бодръ. Никакія неожиданности, казалось, не могли выбить его изъ колеи: онъ со спокойной увѣренностью смотрѣлъ на будущее. Онъ вѣрилъ въ счастливую звѣзду Артура, и поэтому ничто не могло его заставить хотя на минуту усумниться въ счастливомъ исходѣ наступившей тѣсной блокады крѣпости.

Никогда не забуду его фразы, сказанной мнѣ имъ въ эту ночь на прощанье.

— Спокойствіе, полное спокойствіе, увѣренность въ своихъ силахъ и рѣшеніе, но не на словахъ, а безповоротное рѣшеніе воина умереть съ честью.

Выйдя вмѣстѣ съ Томаровичемъ на улицу, мы сразу попали въ тьму кромѣшную. Полная темень, грязь невылазная, и сильный дождь. Счастье наше, что я позаботился о коляскѣ.

Артуръ ночью, подъ проливнымъ дождемъ, нѣчто до горечи непріятное.

Было совершенно тихо. Береговой и сухопутный фронтъ молчали. Все окутано безпросвѣтной тьмой. Только въ сторонѣ моря свѣтовая полоса—то прожекторы освѣщаютъ рейдъ.

— Ну и темень! Того и гляди, японцы поведутъ сегодня

штурмъ. Посмотрите: кругомъ въ трехъ шагахъ ничего не разглядѣть—говорить Томаровичъ.

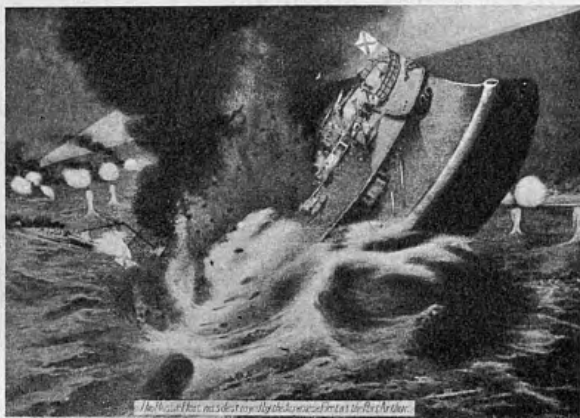
— Кто идетъ? раздался голосъ выросшаго изъ темноты патруля.

— Свои, свои.

Мы спускались съ Перепелиной горы въ городъ.

Около 2-хъ ночи, когда мы съ Томаровичемъ, забравшись на оттоманку, пили чай, мирно бесѣдуя о минувшемъ днѣ, въ сторонѣ Дагушаня послышалась сильная ружейная стрѣльба, съ минуты на минуту усиливавшаяся.

Орудія молчали. Свѣтили лишь боевыя ракеты.

Гибель судна въ японскомъ изображеніи.

Никакъ начался штурмъ? Но почему молчатъ орудія?

Ружейный знакомый трескъ усиливался. Послышались отдѣльные орудійные выстрѣлы, за ними начались залпы.

Всѣ звуки смѣшались.

Я хотѣлъ было ѣхать на фронтъ, но дождь, полившій, какъ изъ ведра, заставилъ меня отказаться отъ этого рѣшенія.

Къ 5 часамъ утра все успокоилось.

Оказалось, что шла атака Дагушаня.

На слѣдующій день противникъ, оставивъ въ покоѣ городъ и всю оборонительную линію, обрушился на Дагушань. Гора Дагушань и Сяогушань, эти естественные форты Артура на его восточномъ фронтѣ, переживали страшные часы.

Во-первыхъ, онѣ не были использованы, такъ какъ при распланировкѣ крѣпости ихъ не считали серьезными опорными

пунктами, и поэтому их и не думали укрѣплять и вооружать, какъ того требовало ихъ положеніе относительно крѣпости.

Генералъ Смирновъ успѣлъ Дагушанъ и Сяогушанъ слегка лишь вооружить.

Во-вторыхъ, съ оставленіемъ генераломъ Фокъ Волчьихъ горъ, онѣ подвергались фланговому огню, и поэтому защищать ихъ было положительно невозможно.

Противникъ развилъ по нимъ такой страшный фронтальный и фланговый орудійный огонь, что защитники ихъ положительно таяли.

Роты 13-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка шли туда, какъ на вѣрную смерть. Они защищали Дагушанъ вмѣстѣ съ артиллеристами до послѣдней крайности.

Такъ какъ Дагушанъ былъ не фортъ и даже не долговременное укрѣпленіе, а лишь ничѣмъ почти не защищенная артиллерійская позиція, безъ какихъ бы то ни было признаковъ казематовъ и блиндажей, въ которыхъ можно было укрыться во время подготовительной къ штурму бомбардировки, то становится до очевидности понятнымъ, что творилось на этой горѣ, когда противникъ направилъ туда огонь всѣхъ своихъ орудій.

Защиту Дагушаня я считаю одной изъ блестящихъ страницъ всей эпопеи защиты Артура.

Стрѣлки и артиллеристы доказали, на что способенъ нашъ воинъ.

Будь Дагушанъ и Сяогушанъ укрѣпленъ такъ, какъ подсказывала сама природа—защита Артура облегчилась бы многимъ.

Дагушанъ на восточномъ, Высокая на западномъ фронтѣ—двѣ почти равнозначасія величины. Какъ та, такъ и другая не вошли въ утвержденный планъ крѣпости.

Чѣмъ же была Высокая гора для крѣпости—читатель узнаетъ дальше.

Теперь, когда все пережитое кануло въ вѣчность, когда эпопею защиты Артура заслонили событія революціи—мало кто интересуется ею; но тотъ, кто заглянетъ въ эту исторію, тотъ невольно отдастъ должное артурскому гарнизону и призоветъ проклятіе на тѣхъ, кто довель Россію до Артура.

Я не останавливаюсь здѣсь на отдѣльныхъ фактахъ исключительнаго геройства отдѣльныхъ лицъ, но свидѣтельствую, что защита Дагушаня—это рядъ блестящихъ доказательствъ выносливости, отваги и самоотверженія нашихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Когда шла атака Дагушаня, мы почему-то были совершенно

спокойны. Никто, кромѣ, конечно, начальствующихъ лицъ, не зналъ, какое серьезное значеніе имѣлъ Дагушань.

Можно было предположить, что противникъ, поведя такъ интенсивно атаку на Дагушань, будетъ форсировать весь восточный фронтъ, который, кстати сказать, былъ самый глубокій и самый сильный.

Трудно было, конечно, предположить, куда противникъ главнымъ образомъ будетъ стремиться, но предположеніе, что онъ будетъ форсировать самый сильный фронтъ, не выдерживало критики.

Генералъ Смирновъ сразу опредѣлилъ, куда противникъ присосется. Онъ указалъ на сѣверо-восточный фронтъ, что блестяще и подтвердилось.

Но генералы Фокъ и Стессель съ Рейсомъ и птенцами были другого на этотъ счетъ мнѣнія, и поэтому всѣми силами препятствовали коменданту въ сильной оборонѣ указаннаго фронта и въ возведеніи третьей линіи укрѣпленій на этомъ же фронтѣ.

26 іюля въ 8 час. вечера послѣдняя незначительная часть войскъ праваго фланга послѣ упорнаго боя отошла за верки крѣпости.

Противникъ стремительно, цѣлыми массами, велъ нѣсколько атакъ, подѣргаясь сильнѣйшему артиллерійскому огню всего нашего восточнаго фронта и части береговыхъ батарей.

Когда непріятелю удалось наконецъ занять Дагушань и Сяогушань съ огромными потерями, численность которыхъ опредѣлить трудно, съ цѣлью, конечно, установить за ночь батареи, — наша артиллерія, по приказанію генералъ-лейтенанта Смирнова, развила настолько сильный огонь по квадратамъ и прицѣлу, что не только возводитъ какія бы то ни было сооруженія, но даже кругомъ не было никакой возможности держаться.

На утро всѣ склоны Дагушаня были изрыты.

Снаряды огненнымъ ливнемъ всю ночь омывали Дагушань.

На Золотой горѣ.

26 іюля поздно вечеромъ я отправился на Золотую гору.

Дежурный офицеръ на батарее, прапорщикъ запаса артиллеріи г. Х., директоръ отдѣленія русско-китайскаго банка въ Артурѣ, не захотѣлъ меня пропустить. Предъявивъ

свои документы, я попросилъ вызвать командира батареи капитана Зейца.

Съ его приходомъ инцидентъ былъ исчерпанъ.

Во время ужина получается телефонограмма съ приказаніемъ Золотой горѣ открыть огонь по Дагушаню, давая выстрѣлъ каждыя 5 минутъ.

Капитанъ Зейцъ немедленно устрѣлся за карту и началъ вычислять углы возвышенія.

Наверху засуетилась прислуга у орудій.

Мы сидѣли въ прочномъ бетонномъ казематѣ, который,

Садъ русско-китайской школы. Налѣво дома генерала Смирнова и Стесселя.

тѣмъ не менѣе, несмотря на свою прочность, былъ пробитъ 12-тидюймовымъ снарядомъ во время морской бомбардировки.

Черезъ 5—10 минутъ Золотая гора открыла огонь изъ своихъ 11-дюймовыхъ чудовищъ.

Въ казематѣ лампы, свѣчи потухли. Изъ посуды кое-что разбилось. Въ открытый люкъ послѣ каждого выстрѣла врывалась струя воздуха.

Заперли всѣ люки и желѣзные массивные двери. Не помогло. Каждый выстрѣлъ не тушилъ уже лампъ и свѣчей, но

страшно оглушало; на столбъ все тряслось и дребезжало. Поднялся на батарею. Совершенно темно. Прислуга у мортиръ возится съ фонарями.

— Первое!..

Столбъ пламени, и оглушительный грохотъ выстрѣла. Стальная глыба съ стихающимъ свистомъ — урчаніемъ понеслась наверхъ, высоко.

Мортиры, съ высоко поднятыми дулами, отчетливо обрисовываются на бѣлесоватомъ бетонѣ.

Внизу въ казематѣ дребезжитъ звонокъ телефона.

— Ваше высокоблагородіе, недолетъ. Просятъ обстрѣлять склонъ, обращенный къ неприятелю — докладываетъ телефонистъ.

— Второе!

Опять грохотъ выстрѣла, да какой — въ ушахъ все время страшный звонъ и шумъ. Едва различаешь выстрѣлы сосѣднихъ морскихъ батарей.

Дядя Мошинскій тоже открылъ огонь. Дальше—Плоскій мысъ, Крестовая. Весь фронтъ гудитъ.

— Ваше высокоблагородіе, снарядъ попалъ въ сѣдло Дагушаня. Просятъ обстрѣлять склонъ, обращенный къ неприятелю—опять докладываетъ телефонистъ.

Капитанъ Зейцъ сбѣжалъ внизъ въ казематъ, склонился надъ разложенной картой.

Поднялся, поправилъ прицѣлъ.

— Третье!

Каждая 5 минутъ раздается выстрѣлъ. Южная ночь полна очарованія. Вышелъ на гласисъ. Подошелъ къ самому обрыву. Крутой скатъ въ море. На морѣ тишина. Горизонтъ чистъ, никого не видать. Проекторы съ береговыхъ батарей освѣщаютъ водную поверхность. Сталь приглядывается, упорно смотрѣтъ по одному направленію. Чѣмъ дольше я смотрѣлъ впередъ, тѣмъ явственнѣе обрисовывались очертанія приближавшагося судна. Метнулся лучъ прожектора—и ничего, кромѣ темной зеленоватой волны.

Обернулся назадъ: ровный обрѣзъ горы, и на равномъ разстояніи другъ отъ друга четыре жерла мортиръ.

Послѣ послѣдняго выстрѣла прошло двѣ минуты. На батареѣ тихо и темно. На гласисѣ я одинъ.

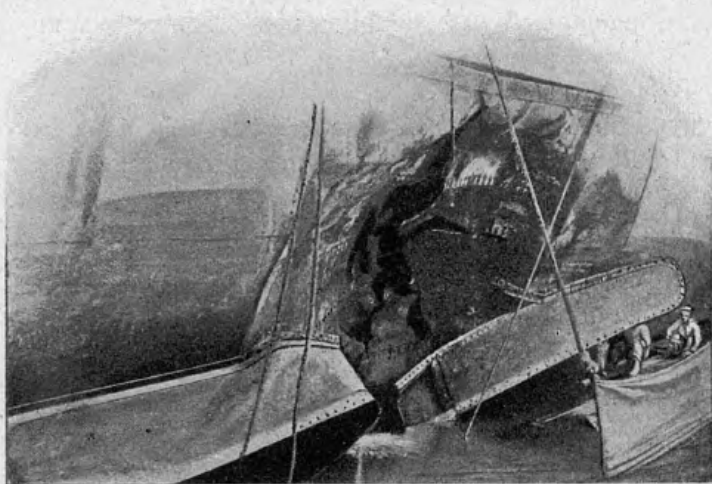
Внизу разстилается городъ, погруженный въ полную темень: ни на улицахъ ни въ домахъ ни признака свѣта. Городъ словно вымеръ.

Батарея сразу освѣтилась, словно днемъ. Огромный столбъ пламени вылетѣлъ изъ жерла мортиры.

Отъ сотрясенія воздуха зашумѣли мелкіе камешки, оторвавшись съ обрыва, и покатались внизъ.

Уже 3 часа подрядъ весь береговой фронтъ отъ Золотой горы громить Дагушань.

Вернулся въ казематъ. Большинство бывшихъ на батарее офицеровъ улеглось спать. Кто въ казематѣ, кто прямо на дворикѣ. Жарко и душно было.

Пробойна въ корпусѣ „Паллады“.

Разговорился съ адъютантомъ крѣпостной артиллеріи, молодымъ, безусымъ поручикомъ.

Сей юноша вполне оцѣнилъ свое положеніе, какъ адъютанта крѣпостной артиллеріи, и поэтому съ большимъ апломбомъ критиковалъ дѣятельность генерала Кондратенко, давая мнѣ довольно прозрачно понять, что онъ очень недоволенъ моими описаніями боевъ на Зеленыхъ горахъ, гдѣ я хвалю генерала. По мнѣнію юноши, я жестоко ошибался въ оцѣнкѣ Кондратенко.

Я избѣгалъ, по возможности, споровъ, и поэтому готовъ даже былъ принести свою покаянную — лишь бы выиграть во мнѣніи своего юнаго критика.

На батарее, за исключеніемъ Зейца, всѣ спали, когда я опять спустился въ казематъ. Заснуть не было никакой возможности: каждый выстрѣлъ въ буквальномъ смыслѣ оглушалъ.

Я пристроился у стола. Привязалъ лампу и началъ писать свои ежедневныя „извѣстія“ для „Новаго Края“.

Черезъ два—три выстрѣла ко мнѣ спускался капитанъ Зейцъ и, полусонный, со мной бесѣдовалъ.

— Ну и задаемъ же мы японцамъ! Я думаю, тамъ на двѣ, на три версты отъ его склоновъ нѣтъ ни одной живой души. Я иногда удлиняю дистанцію и посылаю нѣсколько бомбъ за Дагушань...

— Ваше высокоблагородіе, доложилъ вошедшій унтеръ-офицеръ: изъ штаба крѣпости приказали уменьшить огонь—стрѣлять черезъ полчаса.

— Передай на батарею, я сейчасъ приду.

— Отчего вы не передадите командованія вашему помощнику?

— Нѣтъ-съ. Нельзя-съ, стрѣльба очень серьезная — сказалъ Зейцъ, скрываясь въ корридоръ.

Выстрѣлы стали рѣже. Въ казематѣ полная тишина. На батареяхъ тоже. Преодолевая сонъ, пишу, изрѣдка поглядывая на часы. Еще пять минутъ до выстрѣла. Увлечся, не доглядѣлъ—да такъ и подпрыгнулъ на стулѣ отъ неожиданнаго удара.

Вышелъ опять на батарею. Чуть свѣтаетъ. На востокѣ загорался день. Океанъ подернутъ дымкой—едва плещется о прибрежныя скалы. Сгущается туманъ. Съ моря повѣяло холодкомъ. На батареѣ тихо.

У готовой къ выстрѣлу мортиры въ живописной группѣ стоятъ на парапетѣ артиллеристы, словно окаменѣлые, дремлютъ...

Капитанъ Зейцъ въ нишѣ траверса съ часами въ рукахъ тоже дремлетъ. Въ сторонѣ стоитъ бравый фейерверкеръ. Время приближается къ выстрѣлу...

— Ваше высокоблагородіе...—Капитанъ Зейцъ вскочилъ...

— Готово? Провѣрилъ?

— Четвертое!

Прислуга зашагала, задвигала руками...

Природа еще въ полудремѣ.

На высотѣ горы внизъ и вдаль распространилась и царила такая обаятельная, чуткая, дѣвственная тишина просыпавшагося ранняго утра!

Грянулъ выстрѣлъ. Вывавшійся столбъ пламени растворился въ свѣтѣ торжествовавшего уже утра. Громъ выстрѣла

покатился по океану и словно раздвинулъ завѣсу неба: на востокѣ яркимъ золотомъ блеснуло, замигало солнце въ отраженіи края небосвода, уходящаго въ далекій горизонтъ освѣтившагося океана.

На батарее лит. Б.

Когда солнце медленно покатилося по бирюзовому небу и, озаривъ красноватымъ свѣтомъ горы, отразилось нѣжнымъ розовымъ свѣтомъ въ Прѣсномъ Озерѣ—я разбудилъ Н. Худобина. Черезъ нѣсколько минутъ лошади были осѣдланы, и мы легкой рысцой спускались по военной дорогѣ въ городъ.

— Куда теперь? спросилъ Худобинъ, съ раскраснѣвшимся и лоснящимся отъ сна лицомъ.

— Прямо, братецъ, къ коменданту крѣпости.

Когда мы подъѣхали къ дому Смирнова, у воротъ стояли уже осѣдланныя лошади.

Пройдя въ вестибюль, я передалъ ординарцу свою визитную карточку и попросилъ его доложить коменданту.

Я уже зналъ, что генераль Смирновъ встаетъ съ восходомъ солнца.

Черезъ нѣсколько минутъ ординарецъ вернулся.

— Его превосходительство приказали просить.

На обширной верандѣ за стаканомъ чая сидѣлъ уже при шарфѣ и шашкѣ генераль Смирновъ.

Поздоровавшись, довольно сурово спросилъ меня:

— Чѣмъ могу служить?

— Ваше превосходительство, наступила тѣсная блокада крѣпости, разрѣшите сопровождать васъ при объѣздѣ оборонительной линіи.

— Я противъ этого ничего не имѣю, но долгомъ считаю предупредить, что, во-первыхъ, я буду ѣздить по атакованному фронту, посѣщая самыя опасныя мѣста; второе—сопутствуя въ объѣздахъ мнѣ, вы наживете себѣ всемогущаго врага въ лицѣ генерала Стесселя. Начальникъ района относится крайне враждебно ко всѣмъ меня окружающимъ.

Если все это отвѣчаетъ вашимъ желаніямъ и вы не боитесь за послѣдствія—сопровожайте. —А-а... вотъ и поручикъ Гаммеръ! Знакомы?.

Мы представились другъ другу вторично. Въ самомъ началѣ осады я уже встрѣчался съ нимъ въ штабѣ крѣпости.

— Ну-съ, господа, ъдемъ!

Вышли на крыльцо.

— Здорово, молодцы охотники! поздоровался генералъ съ конными охотниками отъ полковъ дивизіи Кондратенко.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!

Старшій подвель вороного коренастаго жеребца-монгола.

— Господа, прямо на лит. А.

Съ мѣста тронулись крупной рысью. Генералъ впереди, по бокамъ Гаммеръ и я, конвой едва поспѣвалъ.

Городъ уже просыпался. По дорогѣ встрѣчались отдѣльныя группы солдатъ, матросы, дружинники, мастеровые. Съ каждымъ, положительно съ каждымъ встрѣчнымъ генералъ здоровался.

— Здорово, друзья! Здорово, дружинники! Здорово, молодецъ артиллеристъ!—то и дѣло привѣтствовалъ встрѣчныхъ Смирновъ.

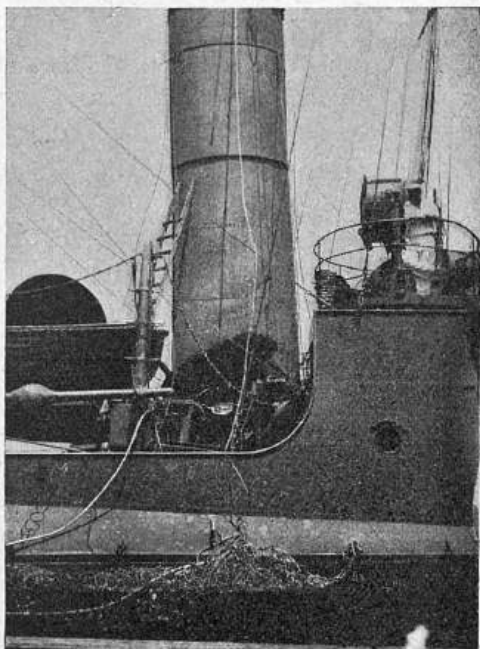
— Здравія желаемъ, ваше пр-во! неслосъ намъ вслѣдъ. Генералъ все прибавлялъ ходу — неслись быстро.

Черезъ полчаса были уже на батарее лит. А.

Только что поднялись на батарею, засвистѣли пули. На дворѣ батареи никого. Часть орудійной прислуги у брустверовъ, часть въ казематѣ. Навстрѣчу съ рапортомъ шелъ командиръ батареи.

— Э! да у васъ тутъ музыка. Все время посвистываетъ, сказалъ Смирновъ, принявъ рапортъ.

— Такъ точно, ваше превосходительство. Какъ только былъ прекращенъ орудійный огонь по Дагушаню, противникъ

Разрушенія на крейсере „Аскольдъ“ послѣ боя 28 іюля.

на вершинѣ выставилъ частые посты. Наша батарея у нихъ какъ на ладони. Я убралъ прислугу въ блиндажи. Пули хотя на излетѣ, все же опасно, доложилъ батарейный командиръ.

— Гаммеръ, дайте-ка бинокль. Надо поглядѣть на этихъ шельмецовъ. Да, да, совершенно отчетливо видно отдѣльныхъ японцевъ. Вотъ вѣдь каналы—ничѣмъ ихъ не испугаешь. Ночью тамъ, гдѣ они теперь сидятъ, чортъ знаетъ что было. Ну-съ, а насчетъ опасности, то теперь это лишь игрушки. Цвѣточки и ягодки впереди. Вы въ этомъ направленіи и ведите своихъ подчиненныхъ.

Въ нишахъ блиндажей высыпали группы артиллеристовъ.

— Здорово, друзья артиллеристы!—поздоровался Смирновъ: смотри у меня, не оплошай! Теперь наступила наша очередь помѣряться съ японцемъ.

Отдавъ соотвѣтствующія распоряженія, генералъ тронулся дальше.

Когда спустились внизъ на дорогу, ведущую изъ крѣпости въ Дальній, обнажили себя передъ Дагушанемъ. Пули одна за другой стремительно засвистали надъ головами.

Смирновъ, словно нарочно, уменьшилъ ходъ и, показывая рукой въ сторону Дагушаня и на дорогу, сказалъ:

— Неудобно ли? Теперь вся эта дорога до поворота обстрѣливается.

Дѣйствительно, прибывшіе и прибывающіе на линію обороны санитары, стрѣлки жались у откосовъ и къ китайской стѣнѣ.

— Еще не обстрѣлялись. Ничего, попривыкнуть, перестанутъ обращать вниманіе на этихъ птичекъ, когда начнется настоящая бомбардировка—съ улыбкой и сверкая глазами, шутилъ комендантъ.

Мы подымались по военной дорогѣ.

— Здѣсь будетъ, пожалуй, ближе на лит. Б—сказалъ Смирновъ.

Только что мы свернули направо, какъ въ воздухѣ прощуршала шрапнель и разорвалась на дорогѣ.

Опоздай мы на минуты двѣ-три, шрапнель разорвалась бы надъ нашими головами.

Подѣзжая глубокой ложиной къ батарее лит. Б—мы издали еще увидѣли группу генераловъ и офицеровъ.

Генералъ Горбатовскій пристально разглядывалъ въ подзорную трубу вершину Дагушаня.

Поднявшись на лит. Б и принявъ рапортъ отъ командира ба-

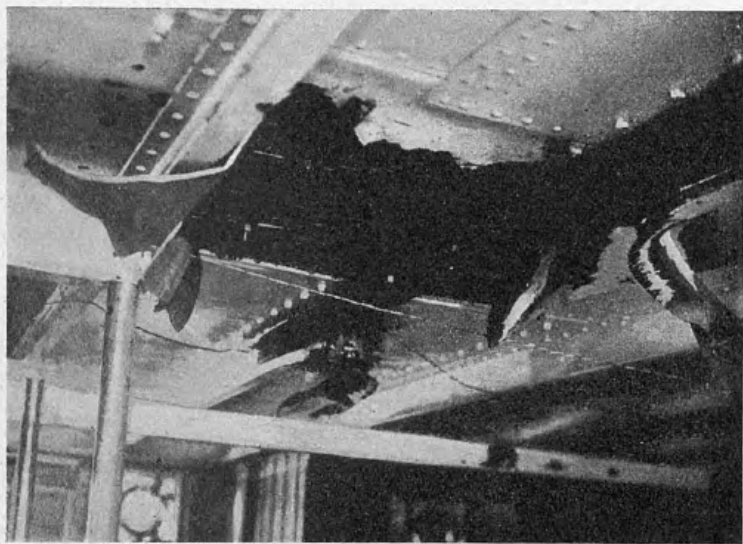
батареи капитана Вахнѣева, генералъ Смирновъ приказалъ немедленно открыть огонь изъ всѣхъ орудій восточнаго фронта и двинуть въ атаку на Дагушанъ нѣсколько назначенныхъ ротъ.

Роты двинулись впередъ. Показалась цѣпь. Едва различаемъ стрѣлковъ. Цѣпь медленно подвигается.

На Дагушанъ никого не видно. Японцы попрятались.

Батареи осыпаютъ Дагушанъ шрапнелью и фугасными бомбами. На склонахъ явственно различаемъ огромные взрывы.

— Полковникъ Тохателовъ, прикажите батареямъ обстрѣ-

Разрушенія на крейсере „Баянъ“ (дѣйствіе взрыва 120-мм. снаряда).

лять вершину—на ней и за ней навѣрное много японцевъ—чего они даромъ обстрѣливаютъ склоны?—отдаетъ приказаніе Смирновъ.

Полковникъ Тохателовъ спускается въ казематъ. Хочетъ передать по телефону на дальнія батареи. Ничего не выходитъ. Центральная не отзывается. Тохателовъ горячится.—Дайте лит. А; лит. А—говорю! Да что вы, ошалѣли? лит. А. А. А..!

Наконецъ центральная отозвалась.

А время идетъ. Снаряды несутся къ Дагушаню и, вмѣсто вершинъ, рвутся на его склонахъ.

Снаряды съ батареи лит. А начали ложиться въ сѣдлѣ Дагушаня.

— Ну, что же это? Только одна батарея поправилась. Передайте же на другія батареи. Что онѣ смотрять?—начинаетъ горячиться Смирновъ.

Тохателовъ мечется. Кричитъ наверхъ, на залитерную батарею. Приказываетъ передать по семафору.

Наконецъ всѣ батареи сосредоточили огонь на вершинѣ Дагушаня.

Генераль Кондратенко, совершенно сонный, какъ-то безучастно смотритъ на все вокругъ происходящее.

Генераль Горбатовскій, страшно чѣмъ-то взволнованный, ходитъ по гласису.

Генераль Смирновъ пристально смотритъ на Дагушань.

Здѣсь я впервые убѣдился, въ какомъ прекрасномъ состояніи былъ крѣпостной телефонъ. Благодаря его примитивному устройству, начальникъ отдѣла крѣпостной артиллеріи не только не могъ одновременно отдать однороднаго приказанія на всѣ подчиненныя ему батареи (какъ это практикуется въ Германіи), но даже не могъ добиться быстрого соединенія съ одной изъ нихъ.

А на центральной станціи знали, что самъ комендантъ крѣпости на батареѣ лит. Б и лично оттуда руководитъ артиллерійскимъ огнемъ.

Я говорю—въ центральной знали.

Да, знали, потому что, какъ только комендантъ пріѣзжалъ на какую-нибудь батарею, поручикъ Гаммеръ немедленно передавалъ въ центральную и въ штабъ крѣпости о мѣстѣ нахождения генерала.

Если тогда, когда на батареѣ находился самъ комендантъ крѣпости, руководившій огнемъ артиллеріи, нельзя было быстро отдать экстреннаго приказанія, то что же творилось, когда командиръ отдѣла или сектора по собственной инициативѣ спѣшилъ и долженъ былъ сообщить важное, не терпящее отлагательства приказаніе на одну изъ вѣрренныхъ ему батарей?

Бывали случаи, что, не добившись соединенія, отправляли посыльныхъ; посыльные возвращались, а центральная все еще не соединяла съ требуемымъ №.

Солнце уже было довольно высоко, когда стрѣлковыя цѣпи приблизились къ подошвѣ Дагушаня.

Артиллерійскій огонь усилился, шла энергичная подготовка атаки.

Шрапнель и бомбы непрерывно рвались на Дагушанѣ.

Приближался моментъ начала атаки.

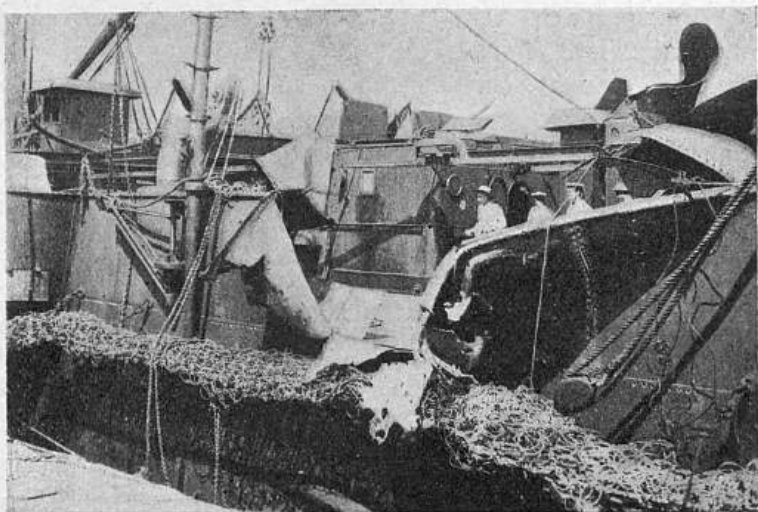
Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за атакующими.

Генералы Смирновъ, Кондратенко, Горбатовскій сгруппировались у подзорной трубы.

Капитанъ Вахнѣевъ страшно суетился, бѣгая отъ одного орудія къ другому.

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство, посмотрите, какъ удачно попалъ снарядъ изъ второго орудія—прямо въ сѣдло Дагушаня! А вотъ еще, еще лучше!—не успѣлъ онъ сообщить этого пріятнаго извѣстія и сознавая, что всѣмъ уже порядочно прискучила его суетливость, оборвавъ фразу, уже мчится къ орудіямъ и, поправляя прицѣлъ, командуетъ:

— Третье!

Разрушенія на крейсере „Аскольд“ (бой 28 іюля).

Стрѣлки уже тѣмъ временемъ начали быстро подниматься наверхъ, съ трудомъ карабкаясь по уступамъ Дагушаня.

Солнце близко къ полудню, жжетъ немилосердно.

— Полковникъ Тохателовъ, прекратите артиллерійскій огонь—крикнулъ Смирновъ.

Опять Тохателовъ бросился исполнять приказаніе, что, при его довольно грузной фигурѣ, было нелегко. Послѣ долгаго мученія у телефона и передачи семафоромъ, огонь постепенно сталъ стихать. Только лит. А гремѣла еще всѣми орудіями. Наконецъ удалось и ей сообщить—батарея замолчала.

Наступилъ интересный фазисъ атаки.

Всѣ—казалось, притаивъ дыханіе—смотрятъ на Дагушань. На батареѣ и далеко дальше налѣво и направо все замолчало.

Вниманіе всего фронта приковала середина Дагушаня.

Стрѣлки уже наполовину его одолѣли. Подымаются все выше, выше...

Въ этотъ моментъ на лѣвомъ скатѣ Дагушаня изъ лощины показалась колонна японцевъ и быстро двигалась во флангъ нашимъ. Наши, атакывавшіе Дагушань, еще не видятъ японцевъ, стремятся наверхъ.

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство,— закричали со всѣхъ сторонъ: смотрите—японцы показались...

— Полковникъ Тохателовъ, открыть огонь шрапнелью...! скомандовалъ Смирновъ.

Всѣ съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдили за показавшейся колонной японцевъ. Ясно, ясно видно, какъ они бѣгутъ. Бѣгутъ на виду всего фронта. Впереди офицеръ размахиваетъ шашкой. Японцы, карабкаясь, словно кошки, энергично подвигаются впередъ.

— Огонь открывайте! Скорѣй открывайте огонь! Вѣрная шрапнель слизнетъ всю колонну, горячится Смирновъ.

Капитанъ Вахнѣевъ провѣряетъ наводку своихъ орудій.

— Первое!

Всѣ такъ и впились въ японцевъ.

Разрывъ... Недолетъ. Второе! Третье!

Разрывы. Японцы бѣгутъ впередъ — нѣсколько человѣкъ упало.

— Почему другія батареи молчатъ? Передайте на другія батареи—кричитъ генераль Гербатовскій. Кондратенко молчитъ.

Сзади насъ высоко возвышающаяся За-литерная батарея открыла бѣглый огонь. Лѣвѣе тоже открыли огонь.

Дальше влѣво и вправо молчатъ. Эти батареи или не видятъ наступающей колонны, или зѣваютъ.

Полковникъ Тохателовъ, потерявъ надежду передать нужное приказаніе по телефону, выбѣжалъ на горжу батареи и кричитъ во весь голосъ:—Передайте семафоромъ, чтобы открыли огонь по колоннѣ, огонь по к-о-л-о-н-н-ѣ...

Огонь постепенно усиливался, но было уже поздно—японцы, очутившись въ сферѣ все усиливавшагося орудійнаго огня, скрылись за склономъ Дагушаня. Шрапнель за шрапнелью рвались имъ въ догонку.

Стрѣлки наши все подымаются. Еще, еще—и они будутъ уже близко къ вершинѣ.

Но не тутъ-то было.

Японцы караулили. Лишь только стрѣлки себя обнажили для выстрѣла—навсѣху затрещали винтовки.

Нѣсколько нашихъ опрокинулось и полетѣло съ кручи. Задніе еще поднимаются. Японцы поддерживаютъ сильный ружейный огонь. Еще нѣсколько раненыхъ или убитыхъ. Стрѣлки остановились, прячутся за камни, откосы, ползутъ по ложбинкамъ. Остановились. Остановились—и постепенно, по одиночкѣ, ползкомъ начали спускаться назадъ.

Атака не удалась.

Атака Дагушаня, этой огромной, высокой горы, и не могла удасться при свѣтѣ дня, да еще при условіи, что она велась незначительнымъ отрядомъ. Для того, чтобы отобрать Дагушань, необходимо было организовать отрядъ по крайней мѣрѣ въ составѣ не менѣе одного полка.

Но этого хотѣлъ, требовалъ генераль Стессель, считалъ ее вполне цѣлесообразной, и поэтому, вопреки здравому разсудку, она была произведена.

Что это не моя фантазія, а фактъ свершившійся, служить доказательствомъ помѣщаемый ниже приказъ генерала Стесселя.

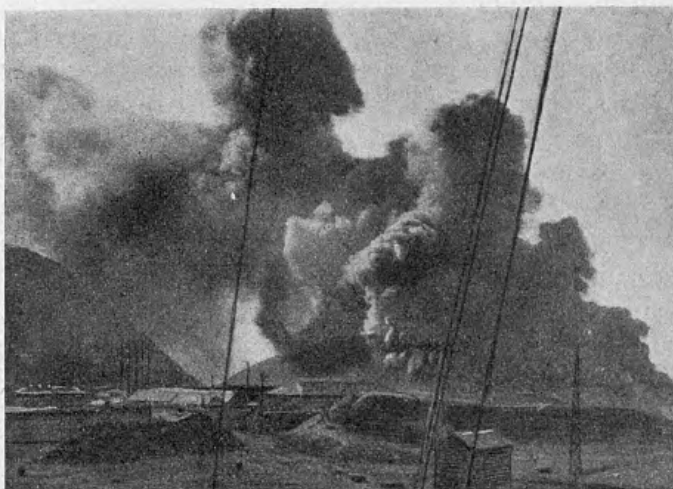
Приказъ ген. Стесселя отъ 27-го іюля, за № 478:

Сего числа изъ донесеній начальствующихъ лицъ и личныхъ наблюдений съ горы Зубчатки, я пришелъ къ заключенію, что большія массы неприятеля собраны противъ нашего праваго фланга; а за гору Дагушань, въ ближайшія къ западной и сѣверо-западной ея сторонамъ промоины, деревни и полосы гаоляна по одиночкѣ собираются японцы. Предполагая, что усилія ихъ для захвата Дагушаня, Сяогушаня употреблены были только для того, чтобы сдѣлать для себя возможнымъ вести атаку на нашъ правый флангъ, я полагаю, что Дагушань и Сяогушань заняты слабо, дабы не подставлять излишнее число людей подъ нашу шрапнель, а потому необходимо только принять мѣры: 1) чтобы постояннымъ огнемъ очередныхъ орудій все время обстрѣливать вершины и скаты западные и сѣверо-западные, гдѣ могутъ быть ихъ резервы, и тѣмъ не дать возможности работать и выстроить блиндажи, такъ какъ, укрѣпивъ позиціи на горахъ этихъ, они положеніе нѣкоторыхъ фортовъ сдѣлаютъ крайне тяжелымъ; 2) весьма полезно на эти горы производить вылазки или охотниками, или по очереди ротами 16-го в.-с. с. полка, которыя занимали эти горы, и хотя и подъ сильнымъ огнемъ, но все-таки отступили, и, разумѣется, только своими отважными вылазками, которыми онѣ сдѣлаютъ пребываніе противника нестерпимымъ на этихъ горахъ, роты эти хотя нѣсколько искупятъ свою оплошность; командующему полкомъ полковнику Дунину организовать наилучшимъ образомъ это дѣло, по указанію коменданта крѣпости...

По мнѣнію генерала Стесселя, роты, которыя съ такой геройской стойкостью удерживали Дагушань, не имѣя ни малѣй-

шихъ прикрытій, могутъ только безсмысленной атакой „искупить свою оплошность“...

... Эти двѣ мѣры, по моему мнѣнiю, могутъ держать непрiятеля въ постоянной тревогѣ; третьей мѣрой могу рекомендовать дѣланiе засадъ охотниками на пути ихъ движенiя или, лучше сказать, пробиранiя по одиночкѣ къ Дагушаню и нашимъ передовымъ позицiямъ; 10—15 отважныхъ

Пожаръ маслянаго склада въ порту.

охотниковъ, спрятавшихся вблизи заранѣе высмотрѣннаго пути, могутъ, разумѣется, штыками, а не выстрѣлами, положить не одинъ десятокъ непрiятелей. Прошу мѣры эти привести въ исполненiе **немедля**.

П. п. Начальникъ Квантунскаго укрѣпленнаго раiона генераль-лейтенантъ Стессель. Съ под. вѣрно: Начальникъ Штаба полковникъ Рейсъ.

Въ приказѣ этомъ глухо сказано, когда производить вылазки. Но устными приказанiями на вылазкахъ этихъ генераль Стессель въ первый перiодъ блокады настаивалъ, и настаивалъ очень энергично.

СXXXI.

Съ 27 iюня на страницахъ газеты Новый Край вплоть до 26-го августа включительно редакцiя начала печатать ежедневно мои сообщенiя подъ заглавiемъ „Извѣстiя Новаго Края“.

Сообщенія эти основывались исключительно на личныхъ наблюденіяхъ и свѣдѣніяхъ, получаемыхъ мною въ штабѣ крѣпости.

Съ разрѣшенія коменданта крѣпости и согласія начальника его штаба полковника Хвостова, а также съ вѣдома генерала Стесселя и Рейса, ¹⁾ былъ установленъ слѣдующій порядокъ. Ежедневно послѣ объѣзда оборонительной линіи я отправлялся въ штабъ крѣпости, гдѣ мнѣ давали всѣ телефонограммы за минувшія сутки до 12 часовъ даннаго дня. Разборомъ телефонограммъ я занимался въ кабинетѣ начальника штаба, въ его присутствіи и подъ наблюденіемъ то поручика Князева, то поручика Гаммера.

(Это дѣлалось очень деликатно, но тѣмъ не менѣе для меня было ясно, что за мной учрежденъ бдительный надзоръ. Если эти строки попадутся полковнику Хвостову, пусть онъ на меня не посягаетъ. Пословица: „береженого и Богъ бережетъ“ жизненна и правдива. Берецья же полковнику Хвостову отъ Стесселя нужно было больше, чѣмъ кому бы то ни было. Положеніе его было тяжелое. Онъ былъ между молотомъ и наковальней).

Когда отчетъ мой былъ готовъ, я отдавалъ его на просмотръ всегда самому полковнику Хвостову. Все же, что въ моемъ отчетѣ касалось сообщеній о дѣйствіяхъ эскадры, давалось на просмотръ лейтенанту Макалинскому, прикомандированному къ штабу крѣпости. Послѣдній, вычеркнувъ тѣ мѣста моихъ сообщеній, которыя, по его мнѣнію, не подлежали оглашенію, немедленно возвращалъ мнѣ рукопись съ разрѣшеніемъ таковую отправить въ редакцію.

Здѣсь же я запечатывалъ мое сообщеніе въ пакетъ и со своимъ ординарцемъ отправлялъ къ редактору газеты полковнику Артемьеву.

Полковникъ Артемьевъ, въ свою очередь, выпускалъ изъ сообщенія тѣ мѣста, которыя казались ему подозрительными, т. е. мѣста, которыя могла вычеркнуть цензура. Только послѣ просмотра рукописи Артемьевымъ, всегда имъ самимъ, послѣдняя отправлялась въ наборъ. Послѣ набора корректурный оттискъ

¹⁾ Генералы Стессель и Рейсъ всегда были прекрасно освѣдомлены, что творится въ штабѣ крѣпости. Почетную роль въ этомъ дѣлѣ, повторяю, игралъ подполковникъ (тогда еще капитанъ) Водяга.

въ количествѣ 2-хъ экземпляровъ отправлялся въ штабъ генерала Стесселя и въ морской штабъ на цензуру. Подписанные цензорами оттиски возвращались въ редакцію, гдѣ тщательно сличались помощникомъ редактора Н. Н. Веревкинымъ и, по сличеніи, отправлялись для правки въ наборную. Изъ наборной второй, исправленный, согласно указаніямъ цензуры, корректур-

Павель Петровичъ Лассманъ,
секретарь редакціи газеты „Новый Край“.

ный оттискъ отправлялся самому редактору для сличенія съ оригиналомъ цензуры. И только послѣ крайне тщательнаго сличенія оттиска съ оригиналомъ полковникъ Артемьевъ, всегда лично, подписывалъ разрѣшеніе на печатаніе № газеты.

Вотъ черезъ сколько чистилищъ проходили мои „извѣстія“, прежде чѣмъ они попадали въ редакцію газеты, а затѣмъ къ читателю.

Несмотря на всѣ эти свирѣпыя строгости, самыя невозможныя требованія двухъ цензуръ (сухопутной и морской), генералъ Стессель все-таки сумѣлъ найти въ моихъ извѣстіяхъ столько преступнаго, что приказомъ отъ 26 августа, за № 578, закрылъ газету на одинъ мѣсяцъ.

Привожу здѣсь и приказъ, который иллюстрируетъ, до какого произвола можетъ дойти человѣкъ, одѣтый по какому-то недоразумѣнію въ форму генерала.

Въ виду того, что, несмотря на неоднократныя указанія, въ газетѣ „Новый Край“ продолжаютъ печатать не подлежащаго оглашенію свѣдѣнія о расположеніи и дѣйствіяхъ нашихъ войскъ, изданіе газеты прекращаю на одинъ мѣсяцъ.

Для того, чтобы ознакомить съ моими преступными „извѣстіями“, которые печатались въ „Новомъ Краѣ“, я позволяю себѣ представить ихъ на судъ читателя въ полной неприкосновенности, дабавляя и иллюстрируя лишь многочисленными фактами, которые были совершенно въ нихъ опущены или слабо освѣщены.

Сухопутный фронтъ.

27 іюля, въ 5 часовъ утра, комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ Смирновъ объѣхалъ лѣвый флангъ восточнаго фронта, а затѣмъ остановился на л. Б, приказавъ двинуть по направленію къ Дагушаню роту стрѣлковъ съ цѣлю его атаковать. Сзади держался значительный резервъ.

Лишь только они подошли къ подошвѣ горы,—съ близъ лежащей лощины поднялась колонна японцевъ и, разсыпавшись въ цѣпи, пошла по отрогамъ Дагушаня во флангъ нашимъ.

Наши отошли.

Отъ японцевъ осталось очень мало. Прятаться было некуда.

Дагушань и Сягушань обстрѣливаются со всѣхъ сторонъ.

Морской раіонъ.

26 іюля на горизонтѣ цѣлый день крейсировали броненосецъ „Чинъ-іенъ“, 2 крейсера I класса и 8 судовъ II и III классовъ и 18 миноносцевъ и миноносокъ.

Въ 7 часовъ утра на рейдъ вышли наши 15 миноносцевъ, затѣмъ „Новикъ“, „Гилякъ“ и „Бобръ“ ходили въбухту Тахэ обстрѣливать берегъ; около часу вернулись въ портъ, девять вошли въ гавань, а остальные въ 6 час. вечера. Нѣсколько японскихъ снарядовъ легли у „Ангары“, гдѣ наши раненые. Броненосцы отвѣчали.

27 июля рано утромъ, около 6 часовъ, 9 миноносцевъ, „Новикъ“ и 4 канонерки ходили къ бухтѣ Тахэ, но послѣ появленія непріятельскаго флота вернулись къ гавани; была небольшая перестрѣлка между канонерками.

На горизонтѣ у Кэпа видны: броненосецъ „Чинъ-иенъ“, крейсера „Ниссинъ“ и „Кассуга“ и 2—III класса, на SO и S „Якумо“, „Читозе“, „Касаги“, „Такасаго“ и 3—III класса; кромѣ того, около 15 миноносцевъ и миноносокъ. Японская сухопутная артиллерія безуспѣшно стрѣляла по судамъ, наши отвѣчали.

27 июля, въ 4 часа пополудни, комендантъ крѣпости прибылъ на батарею лит. А и оттуда наблюдалъ за расположеніемъ и движеніемъ противника на Дагушанѣ и Сяогушанѣ.

Отдѣльныя группы японцевъ показывались на сопкахъ. Видны были рабочіе съ инструментами. На гребняхъ различались цѣпи стрѣлковъ. Время отъ времени японцы стрѣляли по лит. А и ближайшимъ укрѣпленіямъ, но безъ результата. По приказанію коменданта крѣпости, наши батареи восточнаго фронта поддерживали рѣдкій огонь.

Къ 5 часамъ къ коменданту прибыли—начальникъ обороны генераль-маіоръ Кондратенко, начальникъ праваго боевого участка генераль-маіоръ Горбатовскій, начальникъ артиллеріи генераль-маіоръ Бѣлый, которымъ генераль-лейтенантъ Смирновъ далъ частныя и общія указанія.

На батареѣ лит. А.

Когда мы прибыли на лит. А, меня поразило нѣсколько подавленное настроеніе какъ начальствующихъ лицъ, такъ и подчиненныхъ.

Приближался вечеръ.

Согласно полученнымъ отъ китайцевъ свѣдѣніямъ, явилось основаніе предположить, что на сегодняшнюю ночь японцы готовятъ генеральный штурмъ. Извѣстіе это стало достояніемъ гарнизона. Всѣ ожидали ночи, не обѣщавшей ничего добраго. Всѣ ожидали штурма, но никто не зналъ, куда направлятъ японцы главный ударъ. Свѣдѣнія китайцевъ были крайне неточны и сбивчивы, да и довѣряться имъ было очень рискованно.

Когда пріѣхалъ Кондратенко, Смирновъ, отдавъ ему и генералу Бѣлому нѣсколько приказаній, уѣхалъ въ штабъ крѣпости.

Кондратенко сегодня я положительно не узналъ. Онъ ходилъ, словно сонный, и наконецъ усѣлся на брустверъ. Не то онъ дремалъ, не то задумчиво глядѣлъ въ сторону Дагушаня.

Я подошелъ къ нему.

— Ну что, Романъ Исидоровичъ, кажется, сегодня наступилъ рѣшительный день?

— Усталъ я, и до смерти мнѣ спать хочется. Если бы можно было, такъ вотъ такъ растянулся бы и заснулъ.

Романъ Исидоровичъ дѣйствительно выглядѣлъ страшно измученнымъ и сидя почти-что спалъ.

Кругомъ царилъ полный беспорядокъ: сложенные бруссы, камни, шпалы, балки, цементныя бочки.

Сутились кругомъ стрѣлки, артиллеристы.

Дальше стояли носилки. Разбить маленькій перевязочный пунктъ.

— А вы слышали, что завтра утромъ эскадра насъ оставляетъ? спросилъ меня вдругъ Романъ Исидоровичъ и посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, словно хотѣлъ узнать, что я думаю.

— Слышалъ.

— Что съ ней будетъ?

Выйдетъ ли она побѣдительницей? Мало, очень мало надежды. Витгефтъ не справится съ задачей провести эскадру во Владивостокъ. Гораздо было бы лучше, если бы эскадра осталась здѣсь. Подумайте только — сколько снарядовъ, орудій, офицеровъ и матросовъ она насъ лишитъ со своимъ уходомъ! А моряки, вѣдь это золотой народъ. Помните, на Высокой какъ они себя вели съ мичманомъ Вершицкимъ. Народъ расторопный, сообразительный, смысленый, энергичный. Пѣхотѣ съ ними не тягаться по смыслености—я говорю, конечно, про массу. Вотъ пограничники, тѣ имъ, пожалуй, не уступать.

Я и не подозрѣвалъ, что Романъ Исидоровичъ такой сторонникъ и защитникъ нашихъ артурскихъ моряковъ.

Можетъ быть, Кондратенко, какъ каждый человѣкъ передъ грядущей разлукой съ людьми, которымъ грозитъ далекое и опасное путешествіе, склоненъ былъ впасть въ сентиментальный тонъ?

Не думаю.

П. А. Артемьевъ и
Николай Николаевичъ Веревкинъ (†).

Человѣкъ трезваго ума и чистаго сердца не могъ иначе относиться къ морякамъ.

Вернувшись въ городъ послѣ зари, я проѣхалъ въ портъ.

Стоялъ темный вечеръ. Звѣзды ярко горѣли, сверкали на небѣ, и на землѣ было тихо. Океанъ дремалъ.

Во внутренней гавани все уже спало, только на „Монголіи“ еще не спали. Тамъ шла спѣшная пріемка грузовъ.

Темные силуэты судовъ чернѣли неподвижными громадами. Завтра гавань опустѣетъ.

Что будетъ завтра?

Что ожидаетъ эскадру въ морѣ?

Ночь раненаго на Дагушанѣ.

Во время послѣдней атаки японцами Дагушаня и оставленія его нашимъ отрядомъ въ ночь на 27 іюля—остались не убранными нѣсколько раненыхъ. Болѣе легко раненые доползли до расположенія своихъ. Тяжко раненый не могъ безъ посторонней помощи двигаться впередъ и остался лежать, не замѣченный санитарями.

Представьте его положеніе. Всю ночь наши батареи буквально засыпали снарядами всѣ склоны Дагушаня, въ особенности были ужасны разрывы 15-пудовыхъ бомбъ Зейцевской батареи, которыя, вы помните, всю ночь до самаго разсвѣта рыли Дагушань. Несчастный долгіе часы одинъ лежалъ въ этомъ аду. Ежеминутно взрывъ снаряда могъ превратить его въ ничто. Было отчего поспѣдѣть. Но Богъ хранилъ нашего защитника. Не тронулъ его снарядъ, ни одинъ изъ сотни тысячъ визжавшихъ вокругъ осколковъ.

Наступилъ давно желанный разсвѣтъ. Всѣ батареи замолкли. Только Крестовая и Зейцъ каждыя 5 минутъ посылали на Дагушань свою ужасную силу.

Я думаю, рѣдко кто ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, съ такой жаждой восхода солнца, какъ этотъ измученный человѣкъ.

Взошло солнце. Огонь окончательно прекратился. Наши санитары замѣтили несчастнаго. Видятъ, какъ онъ движется, видятъ, что подымается—но силы измѣнили: только конвульсивное движеніе—и опять упалъ и затихъ. Раненый лежитъ на самой вершинѣ, у подножья правой сопки Дагушаня, на склонѣ обращенномъ къ намъ.

Спѣшатъ четверо санитаровъ. Быстро поднимаются наверхъ

съ носилками. Запыхались, торопятся. Уже различаютъ японцевъ, выглядывающихъ изъ-за гребней. Не дошли 30 шаговъ до раненаго. Въ упоръ залпъ, одинъ за другимъ.

Схватили раненаго и кубаремъ, оставивъ носилки, бросились внизъ. Двое санитаровъ и раненый получили по пулѣ. Весь путь прошли они подъ огнемъ. Японцы, очевидно, задались цѣлью со всѣми покончить.

Какая отвратительная, непонятная жестокость!

Долго еще лежали, бѣлѣя подъ солнцемъ, оставленные героями-санитарами носилки, напоминая объ ужасной ночи, проведенной на Дагушанѣ нашимъ раненымъ стрѣлкомъ.

Бомбардировка Артура съ суши продолжается систематически—обыкновенно съ 7 час. утра до 11 или 12 дня, и затѣмъ вновь съ 2 или 3 часовъ до 6—7 часовъ вечера.

Существенныхъ поврежденій городу не причинено. Стрѣльба производится, очевидно, по квадратамъ, т. к. паденіе снарядовъ наблюдается одновременно лишь на опредѣленной, сравнительно небольшой, площади.

Противникъ задался цѣлью уничтожить намъ эскадру, портъ и портовые мастерскія.

Артиллерійскій огонь осаждающаго настолько былъ мѣтокъ, что послѣ 2-хъ-3-хъ перелетовъ и недолетовъ начиналъ въ буквальномъ смыслѣ слова „гвоздить“ всю площадь порта. Скверно тамъ было.

Въ началѣ бомбардировокъ опасно было показываться на улицахъ, прилегающихъ къ порту. Улицы быстро пустѣли.

Но какъ только замѣчали, что противникъ пристрѣлялся, движеніе постепенно возстановлялось.

Генераль Стессель и служащіе фирмы „Кунстъ Альберсъ“.

28 іюля въ газетѣ „Новый Край“ мы читали:

„Начальникъ укрѣпленнаго района генераль-лейтенантъ Стессель приказалъ, чтобы на будущее время всѣ магазины были открыты, какъ до начала бомбардировки, такъ и во время ея.“

Теперь, когда прошло уже много времени, я часто задаю себѣ вопросъ, какъ могъ генераль Стессель рѣшиться отдать подобный приказъ.

Во время осады никто не могъ разрѣшить этого вопроса.

Чѣмъ руководствовался генераль Стессель, требуя отъ торговыхъ служащихъ подобнаго самоотверженія?

Нужно помнить, что всѣ торговые заведенія были расположены на улицахъ, прилегающихъ къ порту, и поэтому наиболѣе поражались отъ недолетовъ.

Что оставалось дѣлать служащимъ? Подчиниться нелѣпому приказанію!

Генералу Стесселю, кромѣ отдачи несуразныхъ приказовъ, абсолютно нечего было дѣлать, но проявлять свою власть хоть на комъ-нибудь страстно хотѣлось. Вотъ, за отсутствіемъ серьезныхъ дѣлъ, выжидая отвѣта съ сѣвера, онъ и занялся преслѣдованіемъ жителей.

Штурмъ Портъ-Артура.
(Съ японскаго оригинала).

Начнется бомбардировка. Снаряды, давая недолеты, рвутся по улицамъ, по которымъ расположены значительнѣйшіе магазины.

На улицахъ, кромѣ нижнихъ чиновъ, никого.

Чѣмъ дальше—тѣмъ было хуже. Очевидно, орудія осаждающаго разстрѣливались и теряли свою мѣткость. Положимъ, вполнѣдствіи они стрѣляли залпами уже прямо по городу.

Итакъ, на улицахъ никого. Все притаилось въ домахъ. Магазины открыты, приказчики сидятъ безъ дѣла, въ ожиданіи—только не покупателя, а снаряда. Входишь въ магазинъ: ясно, что люди страшно нервничаютъ, но стараются владѣть собой, скрываютъ страхъ, а то и ужасъ, выражающійся на ихъ лицахъ при громѣ взрыва то на улицѣ, то въ сосѣднемъ домѣ на Военной горѣ; въ порту непрерывный грохотъ взрывовъ.

Одни страшно угнетены—словно къ смерти приговоренные, другіе какъ-то неестественно много смѣются, суетятся.

Долго продолжалось это испытаніе, но, когда снаряды начали попадать въ магазины, когда оторвало ногу бухгалтеру торговой фирмы „Кунстъ-Альберсъ“, коммерсанты пришли просить защиты у Смирнова.

Вспоминаю такой случай. Вечеръ, 5 часовъ. Магазинъ „Кунстъ-Альберсъ“ закрылся, и служащіе группой идутъ въ общежитіе. Ёдетъ навстрѣчу Стессель (городъ въ этотъ день не бомбардировался); служащіе его привѣтствовали, поклонились, но не особенно подобострастно—слегка лишь приподняли шляпы.

Стесселю такая развязная недисциплинированность не понравилась. Онъ имъ даже не отвѣтилъ, а осадивъ коня, прямо спросилъ:

— Вы кто такіе?

— Служащіе „Кунста-Альберса“—былъ отвѣтъ.

— А, знаю, знаю. Это все блиндажники! Ну чего вы прячетесь въ блиндажи, чего бережете свою торгашескую шкуру? Все равно, сколько ни прячетесь, придетъ трудное время, всѣхъ упеку въ такое мѣсто, откуда врядъ ли вернетесь...

Служащимъ (большинство германскіе подданные) пришлось безмолвно слушать возмущеннаго генерала.

Что они могли сказать или возразить всемогущему воину!?

Стессель съ искреннимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на покорно внимавшихъ ему штатскихъ „въ торгашескихъ шкурахъ.“

Наконецъ онъ тронулъ коня, но не утерпѣлъ и, обернувшись, въ догонку послалъ имъ:

— Всѣ вы трусы подлые, только портите мнѣ гарнизонъ. Подождите, я вамъ еще покажу!...

Приказчики, прибавивъ шагу, удирали отъ воинственнаго и храбраго генерала.

Въ пустынной улицѣ еще долго гудѣлъ голосъ начальника раіона, поносившаго ненавистныхъ ему „торгашей“.

„Give a clown an inch and he'll take an ell.“

CXXXII.

Еще задолго до выхода эскадры 28 іюля адмиралъ Витгефть неоднократно собиралъ совѣтъ адмираловъ и командировъ, на которомъ всесторонне обсуждался вопросъ о прорывѣ эскадры во Владивостокъ. Большинство было за выходъ эскадры.

Одни высказывались за то, чтобы дать бой непріятельской

эскадрѣ и сопровождать выходъ ея демонстраціей на Дальній, какъ ближайшій морской базисъ непріятеля; другіе находили болѣе цѣлесообразнымъ итти на линію между Кореей и Шандунемъ, гдѣ, давъ бой, постараться прорѣзать линію и разобщить сообщенія противника между Японіей и ея арміей. Кромѣ того, имѣлось въ виду, что, въ случаѣ поврежденія нашихъ судовъ, они могли бы вернуться въ Артуръ для исправленія.

На военномъ совѣтѣ же, состоявшемся 5 іюля по поводу рѣшенія вопроса о походѣ эскадры во Владивостокъ, большинство

Типографія газеты „Новый Край“ послѣ бомбардировки въ ночь на 13 октября.

высказалось противъ этого похода по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) эскадра должна будетъ взять свои орудія, отданныя на сухопутный фронтъ, что равносильно сокращенію силы фронта почти на 30%;

2) уходъ эскадры вызоветъ въ гарнизонѣ упадокъ духа и энергіи;

3) Артуръ не продержится болѣе 2-хъ недѣль и будетъ взятъ сухопутными и морскими силами непріятеля, т. к. эскадра, оставаясь въ Артурѣ до подхода къ нему арміи Куропаткина, значительно усиливаетъ активную и пассивную оборону крѣпости;

4) въ будущемъ можетъ облегчить движеніе главныхъ нашихъ силъ черезъ Киньчжоу и мимо Дальняго, въ предположеніи, что туда можетъ выйти эскадра и дать противнику генеральное сраженіе, и, наконецъ,

5) большинство нашихъ миноносцевъ непригодно для дальняго плаванія.

Черезъ три недѣли, на совѣщаніи, состоявшемся 25-го іюля, когда выяснилось, что непріятель, бомбардируя портъ, причиняетъ судамъ большія поврежденія не только въ надводныхъ, но и подводныхъ частяхъ (Ретвизанъ), многіе, бывшіе ранѣе противъ похода во Владивостокъ, стали его сторонниками.

Наканунѣ выхода эскадры контръ-адмиралъ Григоровичъ предложилъ адмиралу Витгефту сначала словесно, а потомъ письменно, что для успѣха прорыва эскадры во Владивостокъ необходимо взять съ собой лишь быстроходныя суда, а тихоходовъ — броненосцы „Полтаву“ и „Севастополь“—оставить въ Артурѣ для усиленія береговой обороны.

Контръ-адмиралъ Лошинскій, придя вечеромъ на „Цесаревичъ“ и узнавъ о проэктѣ Григоровича, вполне оцѣнилъ и энергично поддержалъ его. Кромѣ того, контръ-адмиралъ Лошинскій развилъ проэктъ Григоровича еще въ слѣдующемъ направленіи:

Когда эскадра двинется изъ Артура на прорывъ блокады по направленію Шандуня, онъ, адмиралъ Лошинскій, съ двумя броненосцами, четырьмя канонерскими лодками и десятью миноносцами будетъ демонстрировать въ Дальній.

Если большая часть непріятельскихъ силъ пойдетъ на преслѣдованіе уходящей эскадры, то отрядъ подъ флагомъ адмирала Лошинскаго будетъ громить Дальній—морскую и главную продовольственную базу японской арміи.

Если же противникъ, по ошибкѣ или въ силу другихъ обстоятельствъ, всѣми силами обрушится на отрядъ Лошинскаго, то послѣдній, пользуясь минными загражденіями и поддержкой береговыхъ батарей, можетъ долго вести бой съ превосходящимъ въ числѣ и силѣ противникомъ.

Съ этимъ предложеніемъ адмиралъ Витгефтъ, къ крайнему сожалѣнію, не согласился, отвѣтивъ:

— Мнѣ приказано идти во Владивостокъ со всей эскадрой, и я это исполню.

Согласись адмиралъ Витгефтъ съ предложеніемъ адмирала Григоровича, въ бою 28 іюля адмиралъ Того не имѣлъ бы перевѣса въ ходѣ передъ нашей эскадрой, силы его, расчлененныя демонстраціей на Дальній, оказались бы слабѣе нашихъ. Эскадра

Артура благополучно, безъ особыхъ поврежденій, прорвалась бы во Владивостокъ, а городъ Дальній отрядомъ контръ-адмирала Лощинскаго былъ бы уничтоженъ.

Если же мы припомнимъ, что были упущены два прекрасныхъ случая затопить непріятельскія суда превосходными нашими силами: 1) 2 мая упустили подорванный близъ моментально погибшаго „Хатцузе“ броненосецъ „Фуджи“ и еще одинъ броненосецъ и 2 крейсера, и 2) 4 мая подошедшіе одинъ броненосецъ и 4 крейсера, высадившіе десантъ для порчи желѣзной дороги между Дальнимъ и Артуромъ,—то силы противника были бы значительно слабѣе нашихъ.

За день и въ день выхода эскадры настроеніе какъ адмирала, такъ и большинства офицеровъ было нѣсколько подавленное. Предстоящій походъ мало обѣщалъ добраго. Эскадра выходила въ море съ неполнымъ вооруженіемъ (большинство отданныхъ на фронтъ орудій было оставлено). Всѣ это знали. Знали отлично, что нѣтъ стереоскопическихъ аппаратовъ. Знали, что наши снаряды, попадая на суда противника, производятъ слабыя разрушенія, а подчасъ и совсѣмъ не разрываются. Знали изъ минувшаго опыта, что даже 120 м.м. снаряды японцевъ производятъ страшныя опустошенія. Всѣ были прекрасно освѣдомлены, что противникъ, обладая большимъ ходомъ, будетъ имѣть въ рукахъ инициативу.

Ни для кого не было секретомъ, что адмиралъ Витгефтъ, проведя почти всю свою жизнь на берегу, не могъ сразу стать искуснымъ флотоводцемъ и выполнить задачу, для которой нужно было родиться по крайней мѣрѣ Нельсономъ.

Адмиралъ Витгефтъ наканунѣ выхода эскадры былъ раненъ осколкомъ разорвавшагося на „Цесаревичѣ“ снаряда.

Передъ самымъ уходомъ въ море адмиралъ Витгефтъ былъ въ глубоко удрученномъ состояніи и, разставаясь съ остававшимися на берегу Артура, какъ бы предвосхищая свой близкій конецъ, сказалъ свое послѣднее, тяжелое прощаніе:

— Увидимся, господа, на томъ свѣтѣ.

Бой 28-го іюля.

Еще съ вечера получено было приказаніе свезти съ „Монголіи“ на берегъ всѣхъ больныхъ и раненыхъ. Остался одинъ медицинскій персоналъ.

Цѣлую ночь шла усиленная нагрузка матеріала, угля и провіанта.

Главный докторъ г. Кинастъ, собравъ всѣхъ, объявилъ, что желающіе могутъ не уходить въ море.

Всѣ до единого рѣшили итти вмѣстѣ съ эскадрой.

Всѣ въ нервно-приподнятомъ настроеніи. Сна ни въ одномъ глазу. Да и до сна ли, когда кругомъ царитъ страшный шумъ: грохочутъ лебедки, привозятъ почту, телеграммы, багажъ, деньги для препровожденія во Владивостокъ. Отдается масса распоряженій—путь предстоитъ долгій и опасный.

Съ разсвѣтомъ 28 іюля эскадра снялась, вышла на внѣшній рейдъ и, построившись въ кильватерную колонну, ушла за Ляотъшань.

„Монголія“ тронулась ровно въ 8 часовъ и въ половинѣ девятого уже подходила къ эскадрѣ.

Въ сторонѣ Дальняго показались японскіе миноносцы.

Навстрѣчу вышелъ „Новикъ“ и немедленно ихъ отогналъ.

Наконецъ эскадра тронулась. Сзади тонулъ въ синевѣ горъ Артуръ, впереди все шире разворачивался насыщенный минами океанъ.

Эскадра идетъ почти полнымъ ходомъ.

Грозная сила броненосцевъ и крейсеровъ, окрашенныхъ въ желто-бурый цвѣтъ (цвѣтъ береговъ Квантуна), быстро несется впередъ.

„Монголія“—за ней, сверкая своимъ бѣлоснѣжнымъ корпусомъ, съ ярко-краснымъ крестомъ на бѣлой трубѣ.

На „Монголіи“ вся команда пристально смотритъ въ воду—слѣдятъ, не покажется ли мина.

Машина работаетъ быстро, развили полный ходъ.

— Если суждено нарваться на мину, то налетишь на нее и малымъ ходомъ—рѣшилъ командиръ судна г. Костюринъ.

Впечатлѣнія короткія, но чрезмѣрно сильныя.

Контръ-адмиралъ Рейценштейнъ на крейсере „Аскольдъ“ послѣ боя 28 іюля 1904 г.

Всѣ сознавали ежеминутную, ежесекундную опасность — но рѣшились на все. Что будетъ—то будетъ.

Когда прошли миль 10, т. е. черезъ пространство, наиболѣе насыщенное минами, всѣ облегченно вздохнули.

Утро стояло ясное, тихое. Маловѣтріе, по горизонту—мгла. Безоблачно. Полное солнце.

Съ постепеннымъ удаленіемъ отъ артурскихъ береговъ — начали показываться, какъ въ паутинѣ, непріятельскіе миноносцы, крейсера и броненосцы.

Показывались съ обѣихъ сторонъ и, постепенно стягиваясь къ эскадрѣ, сжимали ее.

Эскадра перешла на умѣренный ходъ, т. к. „Монголія“ начала отставать.

Въ полдень эскадры сблизились на разстояніе выстрѣла.

Въ 12 ч. 15 м. пополудни съ „Цесаревича“ раздался первый выстрѣлъ.

Начался слабый артиллерійскій бой на дальнемъ разстояніи. Непріятельская эскадра сближалась, орудійный огонь усиливался.

Когда она почти соединилась, „Цесаревичъ“, постепенно заворачивая вправо, ведя за собой всю эскадру и учащая огонь—прорвался, заставивъ непріятеля разъединиться.

Прорвавшись, увеличили ходъ и, отстрѣливаясь, понеслись впередъ. Японцы гнались.

„Монголія“ отстала. Командиръ ея отдалъ приказаніе ввести пятый котель и скоро началъ нагонять эскадру.

На горизонтѣ появились еще четыре крейсера и, проходя у „Монголіи“ подъ кормой, дали два холостыхъ выстрѣла (предупрежденіе, чтобы „Монголія“ вышла изъ боевой линіи), а затѣмъ пошли на соединеніе съ лѣвой своей колонной.

Когда крейсера проходили къ „Монголіи“, со стороны Дальняго показались японскіе миноносцы. Крейсера противника, очевидно, ихъ приняли за наши, открыли сильный огонь и поддерживали его до тѣхъ поръ, пока миноносцы не показали опознательныхъ.

Около 2-хъ часовъ пополудни перестрѣлка начала постепенно стихать и наконецъ совсѣмъ стихла.

Японцы двумя правильными колоннами молча преслѣдовали нашу эскадру, несущуюся въ строѣ кильватера.

— Даже было смѣшно — говорилъ мнѣ командиръ „Монголіи“ г. Костюринъ.—Мы держимъ во Владивостокъ, а они словно насъ конвоируютъ.

Но до истиннаго веселья было далеко. Всѣ отлично знали, что японцы только ждутъ момента, чтобы начать рѣшительный, упорный и жестокий бой.

На горизонтѣ то и дѣло показываются новыя вражескія суда и на пути присоединяются къ эскадрѣ.

Двѣ готовыхъ къ бою эскадры неслись впередъ.

Капитанъ I ранга (нынѣ контръ-адмиралъ) Рейценштейнъ.

Эскадра кораблей Артура, матово блестя подъ яркими лучами полуденнаго солнца, мчится къ цѣли, въ желанный Владивостокъ.

Японцы съ двухъ сторонъ сопровождаютъ ее стройными линіями.

Суда шли въ слѣдующемъ порядкѣ. Первымъ, далеко впе-

реди, неся „Новикъ“. Головнымъ шелъ „Цесаревичъ“, затѣмъ: „Ретвизанъ“, „Побѣда“, „Пересвѣтъ“, „Севастополь“, „Полтава“, „Аскольдъ“, „Паллада“, „Діана“. Миноносцы тонкой натянувшейся цѣпью въ количествѣ восьми шли слѣва.

Непріятельская эскадра двумя кильватерными колоннами шла сходящимся курсомъ. Первая справа: „Миказа“ — головнымъ, затѣмъ: „Асахи“, „Фуджи“, „Шикисима“, „Ниссинъ“, „Кассуга“, „Якума“ и еще три крейсера. Вторая слѣва: 1) „Чинъ-иенъ“, 2) „Матсushima“, 3) „Ицикушима“, 4) еще какая-то „шима“ и еще 4 крейсера. Часть миноносцевъ шла впереди, вся ихъ остальная масса, словно стая волковъ, слѣдовала за эскадрой.

Тихій, ясный, солнечный день. Покойное море, съ легкой лишь зыбью на немъ.

Наши въ кильватерной колоннѣ несутся впередъ; ихъ сопровождаютъ на правильной дистанціи, вытянувшись въ стройныя колонны, непріятельскія суда.

Сзади группами и въ одиночку ползутъ хищники-миноносцы.

Если глядѣть на эту гонку съ мостика „Монголіи“, получается впечатлѣніе, что это не болѣе, какъ грандіозные морскіе маневры. Силу и мощь несутъ морскіе гиганты. Кажется, что вотъ-вотъ сойдутся, начнутъ сигналить, семафорить, мѣнять строй фронта...

Но нѣтъ, уже часъ, другой несутся впередъ, высоко бороздя поверхность океана.

Вѣрно, уже кончили маневры и спѣшатъ въ портъ на отдыхъ...

— Ваше высокородіе, справа показались еще 4 крейсера, держатъ курсъ на насъ—докладываетъ вахтенный.

Голось вахтеннаго вернулъ къ дѣйствительности.

Да, вѣдь это не маневры, это прелюдія къ грандіозному бою, который вотъ-вотъ разыграется.

— Вонъ, вонъ — смотрите...! Справа летятъ на перерѣзъ 4 огромныхъ крейсера, неся впереди, какъ бѣлую грудь, взбаламученную, взбитую поверхность воды. Въ бинокль явственно различаются на нихъ люди. Стоять подбоченившись и, вѣрно, ехидно, зло улыбаясь, шутить, и всѣ, всѣ думаютъ, увѣрены:

— Напрасно, не уйдете, всѣ наши будете. Насъ много, мы и артиллеріей и ходомъ сильнѣй.

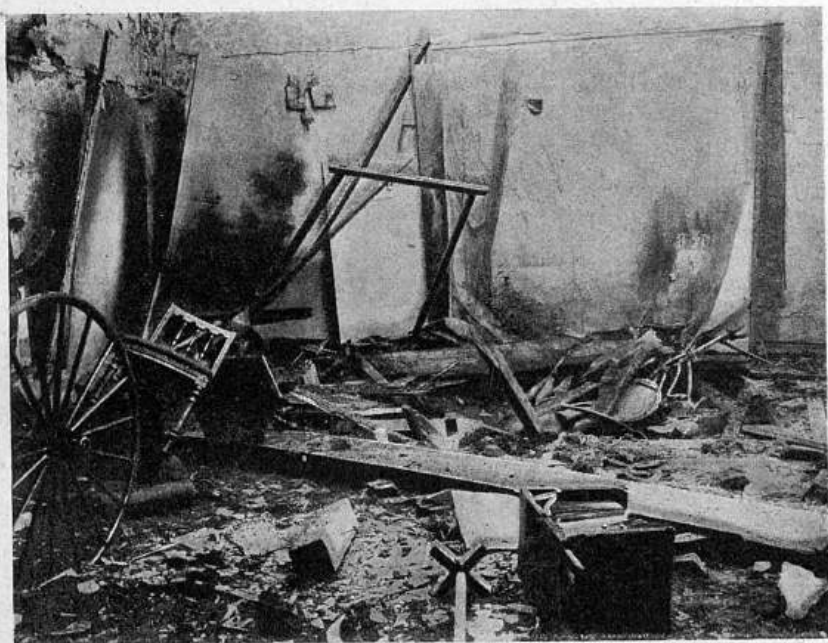
Ужъ близко-близко.

Ну, что будетъ?!

Мелькнуло сизое облачко, сверкнулъ огонь. Одинъ, другой выстрѣлъ, за кормой поднялись два фонтана, донеслись два глухихъ взрыва. Крейсера уже рѣзали корму и неслись дальше, на соединеніе съ лѣвой своей колонной.

Что будетъ? Чѣмъ кончится день? Что станетъ съ эскадрой вечеромъ? Какъ пройдетъ ночь? Что ждетъ ее въ грядущій день?

Скверно на душѣ: жутко, досадно, до слезъ больно. Сознаніе, что мы много слабѣе, что намъ не управиться—гнететь. Что-то въ горлѣ щекочетъ...

Дѣйствіе 120 mm. снаряда. (Фотографія Липпейнтнера).

Несутся впередъ наши громады, несутся смѣлой, удалой русской грудью впередъ—идутъ на смертный, неравный, но открытый, честный бой.

Нѣтъ, это не маневры. Нѣтъ, шутки въ сторону. Сейчасъ разыграется небывалый еще въ Тихомъ океанѣ морской бой.

Эти двѣ колонны, несущіяся вслѣдъ нашей эскадрѣ, не суда дружественной намъ націи, нѣтъ—это враги, цѣль которыхъ—уничтожить, стереть съ лица океана надежду Артура, надежду Россіи.

Почему же они томятъ? Почему не начинаютъ бой? Вѣдь

иниціатива же на ихъ сторонѣ, превосходство въ силѣ и скорости тоже.

Почему они не сближаются, а методично уже третій часть мѣняются лишь выстрѣлами?

Они хотятъ выиграть солнце!

„Монголія“ продолжаетъ итти всей эскадрѣ въ кильватеръ. Въ струнку вытянулись наши суда, чернѣютъ ихъ стальные линіи бортовъ.

Вдругъ сигнальщикъ докладываетъ...

— Ваше высокородіе, щетиниться начали.

Дѣйствительно—блестящая линія бортовъ, до сихъ поръ совершенно гладкая, стала принимать странное очертаніе. Гладкая, совершенно ровная ихъ поверхность медленно выдвигала направо и налево орудія, которыя, какъ большія жала, стали все расти, расти, постепенно подымаясь...

Морскія громады, выдвигая изъ своего стального тѣла огромныя щупальцы, готовились защищаться. Кормовыя башенныя орудія, словно усами морскихъ чудовищъ, поводили на фонѣ лазореваго неба. Точно они сердились, точно эти черные гиганты готовы были броситься и начать истреблять другъ друга.

Наша линія судовъ отъ непріятеля по ту и другую сторону на дистанціи 14 верстъ.

Всѣ пристально смотрятъ впередъ. Эскадра продолжаетъ итти полнымъ ходомъ.

Орудія сверкаютъ на солнцѣ.

Что дѣлается у непріятеля? Онъ тоже готовится къ бою.

Никто не останавливается. Всѣ несутся впередъ, впередъ—къ далекому горизонту.

Что ихъ ожидаетъ впереди?

Некогда думать. Всѣ на своихъ мѣстахъ, отъ кочегара до адмирала.

Съдой Витгефтъ впереди всѣхъ на красавцѣ „Цесаревичъ“. Бодро смотритъ маститый старецъ въ глаза надвигающейся смерти.

Всѣ знаютъ и сознаютъ, что туда, надъ чѣмъ рѣветъ флагъ командующаго эскадрой, будетъ направлена вся сила огня.

Адмиралъ Того, этотъ холодный и безстрастный японецъ, тоже на мостикѣ. Онъ—мозговой центръ, сердце японцевъ на морѣ. Онъ, родина котораго тридцать лѣтъ тому назадъ была лишь страной туристов—сейчасъ вступитъ въ смертный споръ съ дѣтищемъ Великаго Петра, съ эскадрой колосса, имя которому Россія.

Солнце, океанъ и „Монголія“—вотъ свидѣтели того, что творится сейчасъ, что должно безповоротно свершиться.

Они, только они свидѣтели, какъ разумныя существа, имеваемая людьми, потратившія тысячелѣтія на то, чтобы перейти отъ первобытнаго состоянія къ болѣе осмысленной жизни, пережившія уже всѣ ужасы борьбы человѣка съ человѣкомъ, слышавшія о великой истинѣ, повѣданной всему міру Христомъ, что любовь къ ближнему есть основаніе, смыслъ и вѣнецъ дряблага существованія людей—готовились вступить въ кровавый споръ, готовились истреблять другъ друга не кулакъ кулакомъ, а утонченнымъ путемъ, изъ дальнобойныхъ орудій, къ совершенству которыхъ шли отъ древнѣйшихъ мудрецовъ...

— Да что же это? Скоро ли будетъ конецъ этому напряженію, этой пыткой!?

„Монголія“, разсѣкая своимъ острымъ килемъ волны, какъ ангелъ-хранитель въ бѣлоснѣжномъ одѣяніи, неслась за своими, за эскадрой.

А на судахъ, нѣтъ-нѣтъ да и посмотрятъ, гдѣ „Монголія“. Не отстала ли? Видна ли еще?

Вѣдь на эскадрѣ люди! Всѣмъ хочется жить. День такъ хорошъ! Такъ жизнерадостенъ, такъ лучезаренъ!

Сейчасъ, сію минуту долженъ начаться бой. Сейчасъ жизнь нѣсколькихъ тысячъ людей превратится въ адъ.

Никто не знаетъ, не увѣренъ, пощадитъ ли его смерть.

Невидимый, неумолимый ангелъ смерти уже витаетъ въ солнцемъ озаренной синевѣ неба.

Ангелъ этотъ, символъ небытія, раскрылъ уже свои холодныя, вѣчныя объятія.

Многіе въ незримомъ облакѣ его дыханія. Для многихъ лучи вѣчнаго солнца уже догорали.

Но каждый изъ уже обреченныхъ и всѣ, всѣ, кому жить еще было суждено, кто далекъ еще отъ бездны могилы, страстно, мучительно хотѣли жить.

Жить хотѣли, жить!

Только обликъ бѣлой, какъ снѣгъ, „Монголіи“, ярко выдѣляющійся среди стаи несущихся сзади черныхъ волковъ-миноносцевъ даетъ тѣнь надежды на жизнь.

Походное снаряженіе японскаго кавалериста

Жить хотѣли!

Тамъ, далеко, въ родной Россіи остались близкіе, дорогіе, о благополучіи которыхъ тревожно билось не одно преданное, любящее сердце.

Жить и любить хотѣли!

А о возможности жить, о надеждѣ на жизнь и самой жизни говорила лишь одна „Монголія“.

Уже четыре часа пополудни. Эскадры продолжаютъ мчаться. 5 часовъ. Правая колонна японцевъ начала выдвигаться впередъ. Флагманское судно противника, броненосецъ „Миказа“, уже на траверсѣ „Пересвѣта“.

5¹/₂ вечера. Уменьшили ходъ.

Эскадры сблизились на 40 кабельтовыхъ. Еще нѣсколько минутъ, еще, еще — взвились облачки, засверкали огни, загремѣли орудія...

Начался бой.

Участь эскадры, участь Артура, судьба многого и многихъ рѣшалась.

Суда быстро подвигаются впередъ. Орудійный огонь усиливается съ каждой минутой.

На небѣ свѣтло и тихо. Солнце склоняется къ западу. На ничтожной площади необъятнаго словно дремлющаго океана десятки тысячъ людей, какъ разъяренные звѣри, истребляютъ другъ друга.

Седьмой часъ. Бой во всей своей силѣ. Голубое небо покойно и прозрачно. Золотой дискъ солнца низко спускался къ горизонту. На востокъ забродили едва уловимыя тѣни — предвѣстники вечера, на западѣ океанъ горѣлъ — переливался яркимъ словно растопленнымъ золотомъ.

А на груди теперь царственно-покойной стихіи грохочетъ громъ, точно хохотъ торжествовавшего діавола.

7¹/₂ ч. вечера. На „Цесаревичѣ“ подняли сигналъ о передачѣ командованія. На „Пересвѣтѣ“ (флагъ контръ-адмирала князя Ухтомскаго), на которомъ все перебито, мачты сбиты — нельзя поднять сигнала (сигналы были поданы по борту).

На эскадрѣ переполохъ и смятеніе...

Некому управлять.

„Ретвизанъ“, предполагая, что младшій флагманъ князь Ухтомскій тоже убитъ, вышелъ изъ строя кильватера и бросился на „Кассугу“ съ цѣлью его таранить и этимъ защитить „Цеса-

ревича“, который начал болтаться (у него был испорченъ рулевой приводъ), и, выйдя изъ строя, повернулъ.

За „Ретвизаномъ“ послѣдовали „Побѣда“ и „Пересвѣтъ“.

Каждый изъ командировъ дѣйствуетъ на свой рискъ и страхъ.

Все смѣшалось. Эскадры, какъ боевого, стройнаго цѣлаго, не существовало.

Самый ужасный, критическій въ морскомъ бою моментъ.

Китайская гавань.

Произошло нѣчто внушительно-грозное, страшное, величественное и нелѣпое.

„Ретвизанъ“, эта стальная громада, очутился словно въ кипящемъ гигантскомъ котлѣ. Вокругъ него непрерывно вздымались огромные столбы воды меньшей и большей высоты. Противникъ всю силу орудійнаго огня направилъ на него, буквально засыпая его снарядами всѣхъ калибровъ.

Наконецъ „Ретвизанъ“, не выдержавъ этого кипѣнія, вынырнулъ изъ клокочущей воды и повернулъ за „Цесаревичемъ“. Шелъ онъ медленно, съ сильнымъ дифферентомъ на носъ.

Теперь все, вся сила чугуна и стали обрушилась на „Пересвѣтъ“. Его мгновеніями совсѣмъ не было видно изъ-за вздымавшихся гигантскихъ фонтановъ.

Показался „Пересвѣтъ“. Но во что онъ превратился? Мачты сбиты, трубы разворочены. Кренъ на правый бортъ, дифферентъ на носъ.

Истерзанный, едва узнаваемый „Пересвѣтъ“ двинулся за „Ретвизаномъ“. За нимъ шли изуродованныя „Побѣда“ и „Полтава“, съ подведенными пластырями въ подводныхъ пробоинахъ.

Снарядовъ на броненосцахъ едва хватило бы на двухчасовой бой.

Когда „Ретвизанъ“ и „Пересвѣтъ“ повернули—броненосцы противника сразу прекратили огонь и отошли на разстояніе внѣ выстрѣла, а вмѣсто нихъ стали приближаться крейсера съ видимымъ намѣреніемъ атаковать наши броненосцы.

Навстрѣчу имъ бросились „Аскольдъ“, „Новикъ“ и „Діана“. Японцы отъ боя уклонились.

Наступали сумерки, начало быстро темнѣть.

Бой совершенно прекратился.

Приближались минныя атаки.

О какомъ бы то ни было строѣ не было и помину. Всѣ корабли разбѣлись.

Ясно было одно: всѣ суда повернули къ Артуру.

Японцы, сомкнувшись, образовали стальной непроницаемый полукругъ.

„Монголія“ очутилась отрѣзанной и шла за эскадрами.

Общая очертанія судовъ еще различаются. Въ разныхъ направленіяхъ раздаются выстрѣлы. Но различить своихъ и чужихъ трудно.

Иногда съ душой леденящимъ воемъ перелетаетъ снарядъ и разрывается въ сторонѣ. Гулъ взрыва, всплескъ воды — и опять тихо.

Спускалась ночь. Небо облачно, мѣстами, какъ бы прорвавшись, сверкаютъ звѣзды. „Монголія“ идетъ то среднимъ, то малымъ ходомъ, сообразуясь съ паденіемъ снарядовъ.

Ночь. Судовъ не видно.

Видны лишь то багрово-красныя, то фосфорическія вспышки, за ними громъ и грохотъ выстрѣловъ и взрывовъ.

Бой возобновился. Временами „Монголія“ совсѣмъ оставливается, отходить назадъ.

Судовъ совсѣмъ уже не видно.

Полная неизвѣстность. Куда итти? Гдѣ свои, гдѣ враги? Ориентируются по вспышкамъ.

Минутами на морѣ наступаетъ полная тишина.

Океанъ притаился—темный и холодный.

Небо молчить.

На землѣ идетъ кровавая борьба.

Около 10-ти вечера, послѣ наступившей полной тишины показались вспышки въ 2-хъ мѣстахъ. Раньше „Монголія“ ихъ держала по носу. Вдругъ онѣ раздѣлились: вспышки идутъ по носу и слѣва.

Такъ какъ по направленію вспышекъ слышались залпы малокалиберной артиллеріи, покрывавшіеся гуломъ большихъ орудій, явилось предположеніе, что началось самое ужасное—минныя атаки.

„Монголія“, опасаясь плавающихъ минъ, отошла вправо.

Кругомъ, кромѣ вспышекъ и гула орудій—вода и сумрачный небосводъ. Снаряды то и дѣло перелетаютъ и ложатся то вправо, то влѣво. Иногда ложатся близко, очень близко. Вода, поднятая снарядами, съ шумомъ рушится.

„Монголія“ даетъ полный ходъ и уходитъ изъ расширяющейся линіи огня.

Около часу ночи къ западу вспышки участились, началась густая стрѣльба—шло усиленное отраженіе минной атаки.

По соображеніямъ, тамъ долженъ былъ находиться „Цесаревич“.

Среди орудійнаго гула и грохота раздался страшный взрывъ—и все смолкло.

Помимо густой канонады, въ разныхъ направленіяхъ слышались короткіе залпы, доносились отдѣльные выстрѣлы.

Это говорило за то, что эскадра начала постепенно разсѣиваться и уже не представляла изъ себя компактной боевой массы.

Ночь.

Темно, тихо, грустно.

Всѣ разбрелись по палубѣ. Кто сидитъ. Кто прогуливается. Тихо бесѣдуютъ. Всѣмъ не по себѣ.

Японскій разъѣздъ.

Командиръ „Монголіи“ на мостикѣ. Вахтенный докладываетъ, что что-то идетъ рядомъ. Всѣ пристально всматриваются. Застопорили машину. На темной поверхности океана всплыли три гигантскихъ мины.

Жутко всѣмъ и каждому.

Тихо кругомъ. Только шипитъ машина, стучать вентиляторы.

Напрягли до крайности зрѣніе. Разобрали: не мины, а миноносцы.

Когда шли минныя атаки, всѣ нервничали, но каждый хотѣлъ скрыть то, что творилось въ душѣ. А на душѣ было тяжело. Сколько сердець здѣсь и кругомъ билось тревожно! Каждый выстрѣлъ, каждая вспышка болѣзненно отзывались въ нихъ.

Почти всѣ на pont пассажирскаго парохода (Монголія—экспрессъ Восточно-Китайской ж. д., совершавшій рейсы между Артуромъ, Японіей и Шанхаемъ, прекрасно оборудованный пароходъ). Совершенно мирная обстановка, только вспышки и громъ выстрѣловъ напоминаютъ о тяжелой и безпросвѣтной дѣйствительности.

Нѣтъ-нѣтъ, да кто-нибудь и скажетъ:

— Ничего не видно. Кругомъ гремитъ. Быть можетъ, сейчасъ кто-нибудь идетъ ко дну, раненые мучатся, страдаютъ, погружаясь навѣки въ холодъ бездоннаго океана.

Да, намъ хорошо. А тамъ? Кругомъ стерегутъ, вокругъ рыщутъ враги, кровожадные, хитрые, во много разъ превосходящіе числомъ.

На „Монголіи“ во мракѣ ночи не видно краснаго креста—символа пріюта и утѣшенія раненыхъ... ее не видятъ, добраться до нея трудно.

„Монголія“, какъ одухотворенное цѣлое, только одна говорить здѣсь о жизни и даетъ надежду на жизнь.

На много верстъ кругомъ враги и только враги.

Только здѣсь враждующіе люди найдутъ милосердіе; только попавъ сюда, они могутъ надѣяться на жизнь.

Только „Монголія“ на просторѣ этой ночи ближе всѣхъ къ враждующимъ, она ихъ понимаетъ, она имъ сочувствуетъ. У ней нѣтъ враговъ.

— ...Небо и ночь, звѣзды и океанъ безучастны ко всему, что здѣсь творится и произойдетъ. И завтра и всегда они будутъ. Будутъ привѣтливо свѣтить, играть волной океана, гонимой вѣтромъ, отражающей красивое, полное поэзіи, но безучастное небо....

— Полное поэзіи, но безучастное небо! Обыкновенное явленіе! Чѣмъ больше красоты и поэзіи—тѣмъ холоду больше. Все сводится къ тончайшему эгоизму... сказалъ кто-то и умолкъ.

Кругомъ тоже все стихло.

Только тамъ, въ батарейныхъ палубахъ и судовыхъ лазаретахъ, никакъ не могли стихнуть. Тамъ гомонъ стоялъ.

Тамъ умирали, тамъ страшно страдали, корчились, змѣями изгибались, то съ мольбой, то грозно призывая всѣ силы небесъ, земли и ада.

Они на помощь звали эти силы...

Въ морѣ опять засверкали вспышки, загудѣли выстрѣлы.

— Да, совершенно вѣрно. Чѣмъ больше поэзіи, красоты, тѣмъ холоду больше, тѣмъ недоступнѣй жертва собой, своей жизнью, благополучіемъ, даже своимъ покоемъ... задумчиво сказала одна изъ сестеръ милосердія.

Только „Монголія“, еще въ Артурѣ вырвавшая изъ когтей смерти не одну жизнь, самоотверженно шла за людьми, призванными умереть. Здѣсь она ихъ единственный, но вѣрный другъ, готовый погибнуть съ ними и за нихъ.

Правда, въ нее преднамѣренно не стрѣляли, но она могла ежесекундно нарваться на мину и пойти ко дну.

А если зарвется, близко подойдетъ, чтобы во-время подать нужную помощь—не пощадить ее и снарядъ.

Уже начало свѣтать. Вспышки все рѣже и блѣднѣй, выстрѣлы дальше и глуше.

Разсвѣтъ.

Мглистый, непривѣтливый разсвѣтъ. Оріентироваться въ положеніи судовъ немыслимо.

Съ наступленіемъ полного разсвѣта по носу открылся островъ Кеппъ, а съ лѣвой стороны—крейсеръ „Паллада“ и миноносецъ, державшіе курсъ на Артуръ.

Войдя въ кильватеръ „Паллады“, „Монголія“ пошла за ней въ Артуръ.

Подойдя къ Ляотъшаню, „Паллада“, освѣдомленная о набросанныхъ японцами за ночь минахъ, отдала якоря; ее примѣру послѣдовала „Монголія“.

Въ это время на горизонтѣ съ юга показались еще три судна, оказавшіяся „Побѣдой“, „Полтавой“ и „Пересвѣтомъ“, которыя, не обращая вниманія на тралящій караванъ, прошли на внѣшній рейдъ съ миноносцемъ.

По сигналу, съ „Монголіи“ были спущены шлюпки за ранеными.

Когда входили на внѣшній рейдъ, тамъ стояли уже „Ретвизанъ“ и „Севастополь“. „Ретвизанъ“ пришелъ ночью, „Севастополь“ на разсвѣтѣ.

Черезъ нѣсколько времени къ „Монголіи“ подошелъ тралящій караванъ и началъ тралъ. Когда стали разворачиваться,— съ лѣвой стороны у носа взорвалась мина. „Монголія“ вся вздрогнула и закачалась.

Китайскій базаръ.

Подходя къ своему буйку, „Монголія“ была предупреждена голосомъ со шлюпки, что тамъ усмотрѣна полупловучая мина; пришлось свернуть.

Въ 12 часовъ „Монголія“ благополучно вошла въ гавань и начала приѣмъ раненыхъ. Воля Провидѣнія пощадила „Монголію.“

На „Пересвѣтѣ“

Разсказъ Ольги Александровны м-те Черкасовой о впечатлѣніяхъ боя
28 іюля.

Все было хорошо на броненосцѣ. Ничто не напоминало о томъ, что намъ предстоитъ вступить въ бой. На броненосцѣ жизнь текла безъ особыхъ измѣненій. Офицеры спокойны, матросы тоже. Всѣ прехладнокровно исполняютъ свое дѣло.

День на рѣдкость хорошій: тихій, солнечный. Поднялась на палубу.

На палубѣ броненосца по обыкновенію все сверкало чистотой.

Я всматривалась и въ офицеровъ и въ матросовъ, думала, что они внизу только такъ спокойны. Нѣтъ! какими я ихъ видѣла въ каютъ-компаніи, такими они были и здѣсь.

Только командиръ нашъ выглядѣлъ серьезнѣй и озабоченнѣй.

Когда показались японцы, задымились на горизонтѣ трубы, всѣ словно повеселѣли.

Жутко было, когда шли минами. Я знала, что броненосецъ могъ ежесекундно подорваться. А какъ мины прошли, на душѣ стало совсѣмъ легко.

Когда узнали, что показались японцы, совсѣмъ уже не было страшно. Опять поднялась наверхъ.

Долго шли рядомъ съ японцами. Ихъ отлично было видно.

Когда же японцы начали понемногу отставать—совсѣмъ повеселѣла.

Воскресла надежда, что удастся пройти во Владивостокъ.

Потомъ пошло все хуже и хуже.

Японская эскадра стала сближаться. Начался бой. Снаряды неслись съ такимъ ревомъ и воемъ, рвались съ такимъ ужасающимъ громомъ и грохотомъ, что бывали мгновенія, когда казалось, что все кончено.

Броненосецъ весь дрожалъ и гудѣлъ отъ своихъ выстрѣловъ, машина работала съ какимъ-то kloкочущимъ гуломъ.

Когда же въ броненосецъ начали попадать снаряды, да еще рваться, это было уже нѣчто, не поддающееся описанію. Сначала было такъ страшно, что минуты казались часами, а потомъ ничего, привыкла.

Начали прибывать раненые. Ужасныя то были раны, ужасныя мученія. Боже, какъ мучились они, только что здоровые, сильные, жизнерадостные! Многіе жалобно стонали, кричали. Но шумъ, трескъ былъ такъ великъ, что ихъ стоновъ и крика не было слышно.

Я съ Лидіей Михайловной Нипениной сидѣла въ перевязочномъ пунктѣ. Кругомъ раненые, истерзанные осколками снарядовъ. Слышимъ, въ броню ударилъ снарядъ. Ничего, выдержалъ „Пересвѣтъ“, только весь задрожалъ и затрясся. Еще, еще.

Вдругъ, одно только мгновеніе—страшный свистъ, трескъ, грохотъ. Совсѣмъ оглушило. Дышать трудно, головокруженіе, тошнота.

Это былъ разрывъ снаряда. Всѣ, кто могъ, побѣжали наверхъ. На насъ, конечно, никто не обращалъ ровно никакого вниманія.

Я говорю:—Лидія Михайловна, побѣжимъ. Побѣжали наверхъ, а тамъ—цѣлый адъ: ливень снарядовъ и осколковъ, огонь, дымъ.

Мы ничего не понимали. Не знали, что дѣлать. Мужъ въ боевой рубкѣ, старшій артиллерійскій офицеръ.

Подбѣжалъ докторъ Августовскій, схватилъ меня и протасилъ черезъ палубу, гдѣ лежали убитые, раненые...

Дѣти въ саду Пушкинскаго училища до начала войны.

Попали подъ брандспойтъ, струей котораго старались разсѣять газы... Матросы, съ растеряннымъ видомъ, блуждающими глазами, стоятъ, опустивши руки. Посмотрѣла вокругъ, понять не могу—что такое, что случилось, откуда вода?

Вѣрно, пробоина. Все кончено. Почему же никто не распоряжается, не спасаются? Я совершенно оцѣпенѣла и нравственно и физически. А тамъ, навѣрху, все гремитъ, трещитъ и рвется. Удары, словно раскаты грома, перекатываются по палубѣ...

Среди начавшихъ снова суетиться матросовъ слышу разговоръ:

— Всѣ офицеры перебиты, никого не осталось.

Я рванулась впередъ, къ трапу не могу пройти.

Матросы суетятся, бѣгаютъ взадъ и впередъ. Толкаютъ, не обращая никакого вниманія. Я умоляю, прошу указать путь. Напрасно.

Наконецъ поднялась наверхъ. Пробралась кое-какъ до боевой рубки. Слышу громкій голосъ мужа, повторяющаго: „сорокъ два кабельтовыхъ“.

Ага! японцы удаляются: они были раньше на разстояніи чуть ли не двадцати.

Спустилась внизъ. По пути убитые, раненые, все въ крови, скользко. Жара внизу стоитъ невыносимая. Раненые умоляютъ, просятъ пить. Мы съ Лидіей Михайловной поимъ ихъ водой съ краснымъ виномъ. Скоро все красное вино вышло. Раздобыли мадеры.

Жара все увеличивается.

Нечѣмъ дышать. Бой наверху стихаетъ, тамъ все тише, тише. Японцы уходятъ.

Стало темнѣть. Въ помѣщеніи, гдѣ мы находились, шелъ проводъ въ башню. Отъ взрыва онъ испортился, началъ давать огромныя искры, сопровождавшіяся страшнымъ трескомъ.

Всѣ мы перепугались, думали, что невѣсть что случилось.

Но жара донимала больше всего. Попросили матросовъ открыть иллюминаторы.

Наступилъ вечеръ, совсѣмъ темно. Начались минныя атаки. То и дѣло слышимъ:

— Съ правой стороны миноносецъ. Открыть огонь.

Матросы по всему борту повторяютъ приказаніе.

Лидія Михайловна страшно волнуется.

— Они плохо передаютъ команду. Вотъ видите, смотрите, тотъ не слышалъ, не передалъ дальше. Матросикъ, голубчикъ, говори, кричи громче. Не слышитъ вѣдь тотъ тебя.

— Полноте, Лидія Михайловна—стараюсь я успокоить: а если бы насъ здѣсь не было, отражали же бы атаки...

Долго еще мы слѣдили за отраженіемъ минныхъ атакъ. Наконецъ усталость взяла свое. Измучилась я. Не было силъ больше бодрствовать. Еле дотащилась до стола, легла на него и заснула.

Возвращеніе эскадры.

Утромъ 28 іюля комендантъ крѣпости съ утра былъ на Электрическомъ утесѣ, откуда, отдавая общія распоряженія, наблюдалъ за выходомъ эскадры.

Генераль-лейтенантъ Смирновъ, провожая взглядомъ уходившую эскадру, перекрестилъ ее вслѣдъ и сказалъ:

— Дай Богъ ей счастья! Если она разобьетъ противника и овладѣетъ моремъ, крѣпость устоитъ. Но плохо будетъ, если ее

разобьютъ, и она не вернется назадъ. Сколько она увозить людей, орудій и снарядовъ! Какъ все это намъ здѣсь необходимо!

Въ началѣ 2-го часа генералъ-лейтенантъ Смирновъ отправился по Мандаринской дорогѣ на сѣверный фронтъ сухопутной обороны, на укрѣпленіе № 3.

Съ уходомъ эскадры городъ словно притаился. Всѣ сознавали, что значить для Артура счастливый или несчастный походъ эскадры.

Населеніе и гарнизонъ ждали.

Внутренняя гавань и портъ словно вымерли.

Съ тревогой за будущее проводилъ Артуръ ушедшую эскадру, всѣ успокаивали себя надеждой на счастливый исходъ.

Томительно прошелъ день 28 іюля. Вечеромъ со стороны моря, въ направленіи Шандунскаго полуострова, доносился глухой гулъ орудійной канонады. Для всѣхъ стало очевиднымъ, что эскадрѣ пришлось принять бой. У всѣхъ былъ въ умѣ и сердцѣ одинъ вопросъ: чѣмъ все это кончится, кто побѣдитъ, пробьется ли эскадра во Владивостокъ? Кончился день, ночь прошла, настало утро. Сигнальный постъ съ Ляотъшаня доноситъ, что приближаются наши суда.

Эскадра вернулась. Но, Боже, въ какомъ видѣ!—Послѣ полудня она втянулась во внутренній рейдъ. Мы не досчитались 4-хъ судовъ. „Цесаревич“, „Аскольд“, „Новикъ“ и „Діана“ не вернулись, о судьбѣ ихъ никому ничего не было извѣстно. Адмиралъ Витгефтъ убитъ.

Съ возвращеніемъ назадъ эскадры, обезсиленной однимъ лучшимъ броненосцемъ и тремя быстроходными крейсерами, роль ея нужно было считать окончательно сыгранной, такъ какъ моремъ владѣлъ сильный какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи противникъ, и поэтому эскадра наша до прибытія балтійскаго флота не могла вступать съ нимъ въ бой.

Эскадра вернулась въ Артуръ, проигравъ морское сраженіе, но она, возвратившись въ крѣпость, могла пополнить запасъ снарядовъ, дать орудія и усилить десантомъ количество обороняющихся Артуръ войскъ.

Самъ собой напрашивался вопросъ—почему тихоокеанская эскадра, состоящая изъ лучшихъ судовъ всего русскаго флота, въ теченіе 7-ми мѣсяцевъ кампаніи ничего не сдѣлала и въ концѣ концовъ должна была отказаться отъ активной дѣятельности и своей главной цѣли—овладѣть моремъ, чтобы прервать сообщеніе между Японіей и континентомъ и тѣмъ положить на-

чало конца кампаніи? Кто виновать въ этомъ?—На это можетъ быть только единственный отвѣтъ: давнымъ давно назрѣвшая, настоятельная необходимость ввести коренныя реформы во флотъ, на которыя давнымъ давно указывалось дѣятельнѣйшими и просвѣщеннѣйшими офицерами русскаго флота. Давнымъ давно пора было забыть въ свое время цѣнныя положенія морскаго устава Петра I-го.

Винить отдѣльныхъ личностей крайне трудно—виновата система и тотъ чиновничій и канцелярскій хаосъ, который, какъ тысячеглавая гидра, сосетъ и подтачиваетъ мощный и въ основаніи своемъ здоровый организмъ Россіи.

Затопленіе парохода „Шилки“. Пароходъ былъ затопленъ по приказанію вице-адмирала Макарова на вѣншемъ рейдѣ съ цѣлью предупредить загражденіе прохода японскими брандерами.

Германскому, англійскому офицеру покажется прямо невѣроятнымъ, если я буду утверждать, что на русскихъ судахъ довольно аккуратно велась только матросская служба—все остальное было въ полномъ запущеніи. Адмиральская, штабная, развѣдочная службы, серьезныя практическія занятія по артиллерійской стрѣльбѣ и минному дѣлу велись настолько небрежно, что большинство офицеровъ имѣли самое смутное представленіе о практическомъ примѣненіи теоріи. Офицеры въ большинствѣ случаевъ не знали своихъ судовъ, этихъ колоссальныхъ лабиринтовъ, благодаря постоянному перемѣщенію съ одного судна на другое.

Суда $\frac{3}{4}$ года стояли въ гаваняхъ и въ плаваніи были очень мало. Знаменитая книга Кладо старшими считалась азбукой, и ею пренебрегали въ полной мѣрѣ, а когда началась война, когда

нужно было дѣйствовать, а не выплавывать лишь морской цензъ—оказалось, что большинство даже этой-то азбуки не знаетъ.

Довольно сказать, что офицеры настолько мало принуждались къ занятіямъ, что съ началомъ кампаніи совершенно не знали даже береговъ Квантунскаго полуострова.

Единственно, кто показалъ себя на высотѣ своего призванія—это офицеры корпуса инженеръ-механиковъ. Корпусъ же флотскихъ офицеровъ, при умѣломъ руководствѣ, могъ дать отличнѣйшихъ боевыхъ офицеровъ, которые сумѣли бы со своими совершенно новыми кораблями, вооруженными отборнѣйшей артиллеріей, помѣяться силами и побѣдить японцевъ на морѣ. Я знаю много достойнѣйшихъ, серьезнѣйшихъ офицеровъ, которые мнѣ прямо говорили:—И рады работать, но мы, какъ единицы на кораблѣ (артиллерійскій, минный офицеръ), не можемъ правильно вести свое дѣло, если эскадра—эта сложнѣйшая машина—въ полномъ запущеніи и какой-то спячкѣ. Настъѣдаетъ рутина. Нашъ флотъ только тогда подымется на высоту своего назначенія, когда адмиралы будутъ не воспитанниками паруснаго флота, а будутъ изучать суда новой конструкціи, проникнутся духомъ современной морской тактики, начнутъ честно относиться къ своимъ обязанностямъ, работать и требовать работы, работы не на показъ, а дѣйствительной, продуктивной работы.

Тяжелое, скажу больше, угнетающее впечатлѣніе произвелъ на гарнизонъ и населеніе возвратъ разгромленной эскадры.

Эти изуродованные корпуса броненосцевъ, сбитыя трубы, мачты—производили на всѣхъ столь угнетающее впечатлѣніе, что сплошь и рядомъ приходилось слышать:

— Ну, теперь не долго! Скоро наступитъ начало конца!

Ежедневная бомбардировка города, порта, сильно взвинчивала нервы, и душевное состояніе большинства было пониженное.

Съ возвращеніемъ же эскадры—явилось предположеніе, что вотъ-вотъ подойдетъ вражескій флотъ и начнетъ бомбардировку крѣпости съ моря.

О! Положеніе тогда будетъ не изъ завидныхъ.

Все это вмѣстѣ взятое заставило и болѣе сдержанные элементы роптать и клеветать на эскадру.

Я уже не говорю про ея исконныхъ враговъ, съ генералами Стесселемъ и Никитинымъ во главѣ. Дѣятельность послѣдняго выражалась лишь въ одномъ: попойки, ругань, сплетни, грязныя сплетни о всѣхъ, кто былъ противъ Стесселя.

Онъ безнаказанно дѣйствовалъ за спиной послѣдняго.

Стессель его любилъ и довѣрялъ своему однокашнику настолько, что поручилъ даже составлять телеграммы на имя Государя Императора, которыми они такъ безсовѣстно обманывали Его Величество.

Тамъ прямо неистовствовали, торжествуя позорный исходъ боя.

Положеніе крѣпости, гарнизона, моряковъ, населенія было невыносимо тяжелое.

Классное помѣщеніе въ русско-китайской школѣ.

Всѣ и каждый предвосхищали, что приближаются рѣшительные моменты.

Всюду и вездѣ чувствовалось крайнее напряженіе.

Это были тяжелые часы и дни, переживаемые многострадальнымъ Артуромъ.

Нѣтъ ничего хуже неизвѣстности.

Всѣ съ часу на часъ ждали штурма.

Но куда противникъ направить свой главный ударъ? Когда будетъ штурмъ, днемъ или ночью?

Когда придетъ эскадра, и съ моря завоютъ снаряды, завизжать отвратительнымъ визгомъ смертоносные осколки, устоятъ ли войска?

Вѣдь съ самаго начала кампаніи ихъ систематизировали на отступленіи.

Нѣтъ, нѣтъ! Ничего нѣтъ хуже неизвѣстности.

Она гнететъ! Она изводитъ!

Согласитесь, что въ Артурѣ были люди, а не боги. Понятнымъ становится, что люди, не усвоивъ еще вполне—что выхода нѣтъ, что нужно сплотиться и дать дружный отпоръ врагу—оставались людьми, на каждомъ шагу доказывая, что они люди и только люди.

Потомъ, потомъ они стали лучше, добрѣе, снисходительнѣе другъ къ другу; въ особенности тогда, когда не знали, не были увѣрены, будутъ ли они убиты сегодня, сейчасъ, сію минуту, или завтра.

Выше всѣхъ были „сѣрые“ люди. Они были самые добрые. Они всегда были къ землѣ ближе, а здѣсь и къ правдѣ. Они удивительно просто реагировали на дѣйствительность и заставляли людей „будто высшаго порядка“ имъ удивляться, а подчасъ и подражать, какъ слѣдуетъ жить и умирать, исполняя долгъ человѣка и воина.

Наканунъ выхода эскадры по гарнизону было отдано слѣдующее приказаніе:

Приказаніе

по войскамъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона.

Іюля 28 дня 1904 г. кр. Портъ-Артуръ.

№ 46.

Начальникъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона приказалъ: завтра, 29 іюля, съ утра полковые священники 25, 26, 27, 28, 13, 15 и 16 полковъ должны обойти свои полки съ крестомъ, особенно передовыя части 14-го полка, тоже, но на мѣстѣ расположенія, у казармъ 10-го полка, обходя исполнить отъ 8 до 11 часовъ, если не будетъ боя.

Приказъ былъ отданъ 28-го, въ день выхода эскадры—появленіе священниковъ на фортахъ и батареяхъ совпало съ тяжелымъ днемъ, днемъ возвращенія разгромленной эскадры. Весь гарнизонъ уже зналъ, что разгромленная эскадра вернулась въ портъ, сознавая, что роль ея на морѣ сыграна.

Въ морскомъ регламентѣ Петра Великаго священникамъ строго возбраняется появляться во время боя на батарейныхъ палубахъ: „дабы своимъ... видомъ не“...

Великій и мудрый Петръ былъ великолѣпный психологъ. Онъ глубоко проникновенъ въ психологію русскаго человѣка.

Несмотря на всю свою некультурность, славянинъ Россіи больше, чѣмъ кто-либо, таитъ въ себѣ зачатки истиннаго христіанства, и въ серьезныя переживаемыя имъ минуты всякое профанированіе религіознаго чувства его коробитъ. Онъ протестуетъ,

протестуетъ, быть можетъ, грубо; протестуетъ, какъ некультурный человѣкъ. Но протестъ этотъ подсказанъ глубокимъ внутреннимъ, душевнымъ движеніемъ.

— И чего этихъ..... здѣсь носить? Сидѣли бы себѣ дома да и молились бы тамъ за насъ грѣшныхъ! говорили вслухъ солдаты.

Я былъ этому свидѣтель.

Простой, мало или совсѣмъ необразованный, неграмотный крестьянинъ-воинъ приходитъ, быть можетъ, даже къ неожиданному для самого себя сознанію (ему этого никогда не говорили), что проповѣднику мира и любви не мѣсто тамъ, гдѣ люди съ ихъ, проповѣдниковъ, благословенія и на законнѣйшемъ якобы основаніи готовятся истреблять другъ друга.

29-го, рано утромъ я пріѣхалъ къ Смирнову съ тѣмъ, чтобы сопровождать его при объѣздѣ оборонительной линіи.

Генералъ былъ уже на ногахъ. По обыкновенію, бодръ, энергиченъ и мало удрученъ. Онъ, конечно, уже раньше всѣхъ зналъ о возвращеніи эскадры. Меня удивилъ этотъ покой.

— Ваше превосходительство, вамъ извѣстно, что эскадра разбита—вернулась...

— Я объ этомъ сюрпризѣ узналъ на разсвѣтѣ. Эскадра разбита, мало того, она вернулась не въ полномъ составѣ. До сихъ поръ нѣтъ еще „Цесаревича“, „Аскольда“, „Діаны“ и „Новика“. Да, дѣла наши не блестящи. Но, что будетъ, то будетъ, а теперь нужно дѣйствовать и дѣйствовать. Наступаютъ серьезные минуты.

Гаммеръ, готовы? Биноколь, карту взяли?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Ну-съ, тронулись.

Черезъ 10 минутъ мы крупной рысью быстро подвигались впередъ, на л. Б.

Городъ просыпался. Кружные горы еще въ утренней дымкѣ. Черезъ головы завывли снаряды. Началась бомбардировка порта.

Теперь Артуръ просыпался рано. Прошли красные деньки.

Городъ вставалъ съ первымъ взрывомъ упавшаго снаряда: жутко нѣжиться въ постели, когда то и дѣло громяхаютъ взрывы.

— Неудобно ли! Съ каждымъ днемъ они все раньше и раньше начинаютъ насъ беспокоить—бросилъ намъ Смирновъ, поднявъ своего вороного въ галопъ;—нужно торопиться: меня ждутъ на л. Б.

Мы съ Гаммеромъ и конные вѣстовые едва поспѣвали за нимъ.

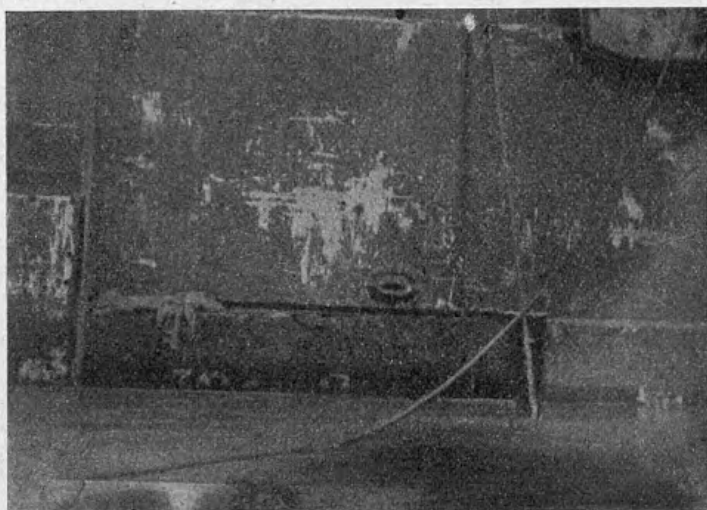
Въ началѣ 9-го были уже на батарее л. Б.

Прибывъ на батарею, Смирновъ приказалъ открыть огонь по Дагушаню и Сяогушаню и двинуть въ атаку роты.

Всѣ съ напряженнымъ любопытствомъ наблюдали за всѣми ея фазами.

Такъ какъ силъ для атаки было назначено максимальный минимумъ, то сегодня, какъ и первый разъ, наступленіе шло очень вялое и кончилось тѣмъ, что люди, едва добравшись до подошвы горъ, куда-то затерялись.

Генералъ Горбатовскій страшно горячился.

Сдвинутая взрывомъ подводной мины броневая плита.

— Гдѣ же атакующія роты? Что это за комедія? На Сяогушанѣ никого не видно, тамъ всего лишь нѣсколько сторожевыхъ постовъ. На Дагушанѣ тоже. Передайте полковнику Х., что я его

Смирновъ смотрѣлъ на все это, хмуръ былъ его взглядъ, онъ молчалъ.

Дѣйствительно, передъ нами разыгрывалась комедія атаки.

Развѣ мыслимо было атаковать минимальными силами высокія горы съ крутыми скатами?

Японцы, забравъ ихъ, конечно, приготовились какъ слѣдуетъ защищать эти вершины, имѣвшія для крѣпости столь серьезное значеніе.

Такъ атака и не удалась. Пока шелъ этотъ фарсъ, непріятель методично посылалъ въ городъ и портъ снарядъ за снарядомъ.

Батарея, обстрѣливавшая портъ, была въ сторонѣ Волчьихъ горъ, правѣе ихъ, на склонѣ другой горы въ подзорную трубу ясно различалась другая батарея, на которой японцы спѣшно производили работы.

Комендантъ приказалъ открыть по ней огонь Залитерной батареей.

Означенная батарея быстро перешла на пораженіе. Японцы работы прекратили.

— Эхъ, кабы у насъ было достаточно снарядовъ, нескоро бы японцы возвели свои осадныя батареи — сказалъ кто-то изъ окружавшихъ генерала Смирнова.

— Да, господа, снаряды намъ нужно беречь. Ихъ у насъ немного. Сколько же намъ предстоитъ защищаться, никто не знаетъ. Помните это и даромъ не тратьте ихъ.

Отъ лит. Б мы пѣшкомъ обошли весь с.-в. фронтъ до укрѣпленія III-го включительно.

Лишь къ часу вернулись домой.

На слѣдующій день въ моихъ „извѣстіяхъ“, подъ редакціей цензуры, появилось слѣдующее:

Въ 8 час. утра комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ Смирновъ съ началомъ бомбардировки отправился на одну изъ батарей, откуда наблюдалъ за рекогносцировкой Дагушаня и Сяогушаня.

Ровно въ 9½ час. роты, согласно выработанной диспозиціи, повели одновременно атаку.

Японцы заняли сопки, сѣдловины и гребни.

Наша артиллерія восточнаго фронта засыпала ихъ шрапнелью и бомбами.

Со стороны японцевъ потери большія.

Во время рекогносцировки на Дагушань и Сяогушань 29 іюля убыль въ рядахъ противника опредѣлена свыше 200 человекъ, съ нашей стороны 28. Результатъ послѣдней рекогносцировки имѣетъ значеніе. Только юго-восточные склоны Дагушаня и Сяогушаня заняты наблюдательными постами непріятели. Большія силы держатся далеко сзади, т. к. мортирный огонь нашихъ батарей производитъ значительное опустошеніе даже и ночью, поддерживаемый рѣдкимъ огнемъ.

Непріятель настолько напуганъ, что во время послѣдней рекогносцировки Сяогушань былъ атакованъ пятаю стрѣлками, рота залегла за гребнемъ ближайшей долины и совместно съ артиллеріей поддерживала наступленіе пяти стрѣлковъ залповымъ и шрапнельнымъ огнемъ.

Наблюдатели на Дагушанѣ и Сяогушанѣ огнемъ изъ винтовокъ мѣшаютъ убирать раненыхъ, были случаи пораненій санитаровъ.

Согласитесь, читатель, что извѣстіе это мало отвѣчало дѣйствительности, но зато вполне устраивало цензуру штаба укрѣпленнаго раіона.

Меня же это совѣмъ не устраивало, т. к. читавшіе газету удивлялись, какъ она извращаетъ истину.

Меня спасало только то, что я не подписывался подъ „извѣстіями“.

День 29 іюля памятенъ мнѣ еще тѣмъ, что на одной изъ батарей былъ пойманъ японскій шпіонъ въ костюмѣ китайца-рабочаго.

Я попросилъ коменданта крѣпости разрѣшить мнѣ повидать и допросить захваченнаго.

Разрѣшеніе дано мнѣ было въ слѣдующей формѣ:

Служебная записка.

Штаба Портъ-Артурской крѣпости № 188.

29 іюля 1904 года.

Комендантъ крѣпости разрѣшилъ военному корреспонденту Ножину допросить задержаннаго сего числа у форта № 1 японца.

И. д. комендантскаго адъютанта

поручикъ Князевъ.

Въ Полицейское Управленіе.

Пріѣхавъ въ арестный домъ, я въ присутствіи смотрителя началъ бесѣдовать со „шпіономъ“.

„Шпіонъ“ оказался самымъ обыкновеннымъ манзой. То же самое было уже установлено и жандармской властью. Много потомъ хохоталъ надо мной князь Микеладзе, начальникъ крѣпостной жандармской команды.

30 іюля.

Съ разсвѣтомъ началась бомбардировка Угловыхъ горъ и медленное наступленіе на этотъ фронтъ.

Генераль Смирновъ командировалъ на западный фронтъ генерала Кондратенко.

Фокъ же былъ назначенъ начальникомъ общаго резерва.

Самъ же Смирновъ, вполне увѣренный, что противникъ, форсируя теперь опорные пункты на Угловыхъ горахъ, рано или поздно поведетъ главные штурмы на исходящій уголъ с.-в. фронта—все свое вниманіе обратилъ на него и Высокую гору западнаго фронта.

Вотъ что было напечатано въ моихъ „извѣстіяхъ“ за этотъ день:

30 іюля, въ 7 часовъ утра комендантъ крѣпости генераль-лейтенантъ Смирновъ, сопровождаемый личнымъ адъютантомъ подпоручикомъ Гаммеромъ, прослѣдовалъ на Крестовую гору, гдѣ былъ встрѣченъ начальникомъ

артиллеріи крѣпости генераль-маіоромъ Бѣлымъ и вмѣстѣ съ нимъ подробно осмотрѣлъ результаты крѣпостного вооруженія.

Поблагодаривъ генерала Бѣлаго за блестящее выполненіе работъ, комендантъ крѣпости отправился на Опасную гору.

Взойдя на высшую точку высоты, откуда открывается видъ на весь восточный фронтъ оборонительной линіи, генераль-лейтенантъ Смирновъ наблюдалъ и изучалъ расположеніе батарей противника.

По пути на Опасную гору комендантъ крѣпости выслушалъ подробный докладъ подполковника Рашевскаго.

Въ исходѣ 11-го часа генераль-лейтенантъ Смирновъ отбылъ съ Опасной горы въ штабъ крѣпости.

30 іюля генераль Стессель, соскучившись отъ ничего-недѣланья, пишетъ оригинальный приказъ, какъ разъ противорѣчащій истинному положенію вещей.

Приказъ

по войскамъ Квантунскаго укрѣпленнаго района.

Іюля, 30 дня, 1904 г. кр. Портъ-Артуръ, № 488.

Обѣзжая войска, я часто наблюдаю необычно большое количество работъ, которыя они и до сей поры несутъ. Я указывалъ и вновь указываю на настоятельную необходимость, особенно въ такую жару, давать людямъ болѣе отдыха и свободнаго времени, дабы они могли помыться и бѣлье и сами вымыться и отдохнуть. Прошу помнить, что только въ здоровомъ, неутомленномъ тѣлѣ и духъ бодръ.

Утомленный солдатъ вѣчно сонный и невеселый. Требую, чтобы люди болѣе 5 часовъ въ сутки не работали. Требую, чтобы на бивакахъ было веселье; при достаткѣ свободнаго времени будутъ и пѣсни на позиціяхъ и бивакахъ.

Начальникъ Квантунскаго укрѣпленнаго района
генераль-лейтенантъ Стессель.

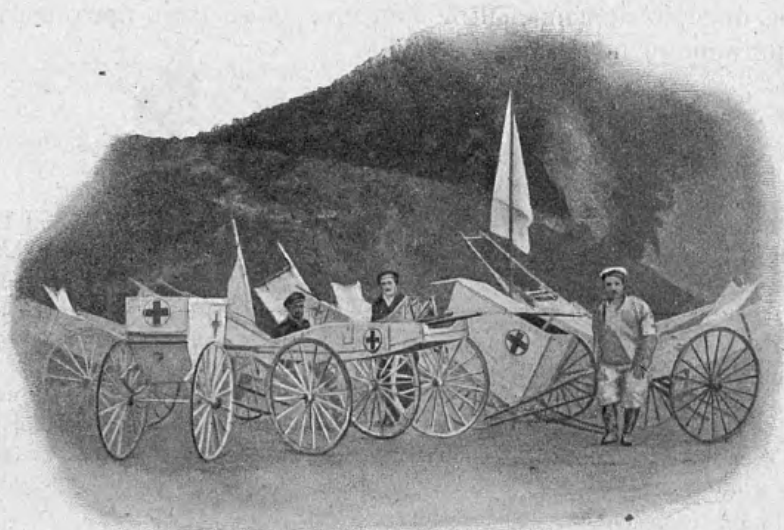
Если бы этотъ приказъ, переданный по телеграфу, прочли въ Петербургѣ, то безусловно и Петербургъ и Россія остались бы очень довольны.

Вотъ благодать-то въ осажденной крѣпости! Вотъ порядокъ! Все готово къ защитѣ. Да, Артуръ это—твердыня! О нее, какъ обѣ утесъ, разобьются живыя волны японцевъ. Помилуйте, главный начальникъ, который оповѣстилъ уже всему міру, что „съ трехъ сторонъ море, а съ четвертой непріятель“... требуетъ лишь пяти-часовой работы, требуетъ веселья, пѣсенъ на бивуакахъ! Нѣтъ, за Артуръ можно быть покойнымъ. Пусть Куропаткинъ собирается съ силами.

Если бы этотъ приказъ разносилъ инженеровъ, которые строили себѣ и генералу Стесселю блиндажи—мы бы тоже были довольны.

Дѣло въ томъ, что приказъ этотъ извращалъ истину.

Непріятель желѣзнымъ кольцомъ сковывалъ крѣпость, возводя подавляющее количество батарей, а въ крѣпости, на ея оборонительной линіи, далеко не все было готово. Нужно было производить и основныя и мобилизаціонныя работы. Если людей заставляли трудиться, то дѣлали это въ силу крайней необходимости, они работали столько же для обороны крѣпости, сколько для самихъ себя. Они рыли, рыли, рыли безъ конца каменистый грунтъ, но рыли его для того, чтобы легче было отбивать

Морской санитарный отрядъ.

штурмъ и прятаться отъ града чугуна и стали, который въ теченіе долгихъ пяти мѣсяцевъ обильно сыпался на нихъ.

Теперь некогда было думать объ отдыхѣ. Дорога была каждая минута. Люди это понимали и безропотно трудились. Трудились охотно, сознавая, что, чѣмъ глубже будетъ ходъ сообщенія, чѣмъ прочнѣе блиндажъ, тѣмъ для нихъ же лучше, тѣмъ отъ смерти дальше.

Но генераль Стессель, со свойственными его мышленію нелѣпостями, да еще суфлируемый геніемъ генерала Фока, все представлялъ въ иномъ свѣтѣ, все шиворотъ на выворотъ.

Приказъ этотъ въ ближайшемъ будущемъ принесъ свои плоды.

Приспѣшники и „искренно цѣнящіе“ въ Стесселѣ товарища-солдата не замедлили воспользоваться этимъ приказомъ. Изъ части требуютъ людей на работы неотложныя.

Командиръ части не даетъ, ссылаясь на приказъ Стесселя. Требованіе повторяется въ категорической формѣ—командиръ ѣдетъ къ Стесселю и жалуется, что его людей мучать.

Стессель словесно отмѣняетъ приказаніе. Начинаются пререканія. А работы, экстренно-неотложныя работы ведутся кое-какъ или совсѣмъ остаются безъ движенія.

31 іюля.

Въ семь съ половиной часовъ утра комендантъ крѣпости, въ сопровожденіи личнаго адъютанта подпоручика Гаммера, отправился на Высокую гору.

Поднявшись на батарею, откуда проектируются всѣ батареи западнаго фронта, генералъ-лейтенантъ Смирновъ выслушалъ подробный докладъ начальника сектора о дѣйствіяхъ ввѣренныхъ ему батарей, произведенныхъ наблюденіяхъ и работахъ и, оставшись вполне довольный состояніемъ и дѣйствіями этихъ батарей, направился на Зубчатую гору.

По дорогѣ былъ встрѣченъ начальникомъ 4-й в.-с. стрѣлковой бригады полковникомъ Ирманомъ, который доложилъ коменданту о состояніи артиллерійской обороны всего западнаго фронта.

Прибывъ на Зубчатую гору, комендантъ крѣпости былъ встрѣченъ подполковникомъ артиллеріи Бржозовскимъ; принявъ отъ него рапортъ о состояніи ввѣренныхъ ему частей — направился на батарею л. Д. откуда указалъ командиру батареи капитану Вельяминову (кандидатъ на в.-судебную должность) мѣсто вѣроятнаго расположенія непріятельской батареи, въ теченіе уже почти цѣлой недѣли бомбардирующей городъ.

Въ такой редакціи были помѣщены въ газетѣ мои officialныя извѣстія.

Но въ нихъ было пропущено самое существенное, которое безусловно и не могло появиться на страницахъ газеты, которую ежедневно, внѣ всякихъ сомнѣній, читали японцы.

Дѣло въ томъ, что генералъ Смирновъ остался очень недоволенъ многимъ, а въ особенности укрѣпленіемъ и вооруженіемъ Высокой горы.

Высокая гора, которой суждено было сыграть столь роковую роль въ защитѣ Артура, представляла изъ себя обособленный горный массивъ въ исходящемъ углу западнаго фронта, вершина котораго, вѣнчая окружающія высоты, гордо глядѣла кругомъ въ глубь крѣпости, въ ея внутреннюю гавань, портъ, городъ, внѣшній рейдъ и въ даль безконечнаго океана.

Вотъ на этой-то горѣ, имѣвшей такое доминирующее значеніе въ оборонѣ крѣпости, было возведено укрѣпленіе, вооруженное лишь четырьмя шестидюймовыми орудіями крѣпостного калибра.

О какихъ бы то ни было казематахъ бетоннаго или блиндажахъ земляного происхожденія не было и помину. Здѣсь были просто навалены мѣшки, камни, песокъ съ сухой цементной прокладкой, долженствовавшіе служить для прислуги и стрѣлковъ прикрытіемъ отъ 6" и 11" огня.

Полагаю, что ни для кого не секретъ, что такъ наз. сухая кладка не имѣетъ прочности и, при желаніи, можетъ быть разобрана пальцами и, конечно, не въ состояніи сопротивляться не только осадной, но и полевой и противотанковой малокалиберной артиллеріи.

Быть можетъ, какъ утверждаетъ г. Тимченко-Рубанъ, „тутъ намѣчалась постройка нѣсколькихъ долговременныхъ и полудолговременныхъ укрѣпленій, намѣчалось созданіе прочнаго каркаса обороны, подлежащей развитію въ мобилизаціонный періодъ.....“ но обороняющимъ Артуръ отъ этого было не легче.

Орудія на Высокую были поставлены во время начавшейся уже кампаніи, а о сооруженіи прочныхъ батарей не могло быть рѣчи. Для того, чтобы спасти гарнизонъ Высокой отъ гибельнаго дѣйствія одиннадцатидюймовыхъ бомбъ, оставалось одно средство: рыть пещеры, долбить и взрывать горную породу. И обороняющіе несли тяготы прегрѣшеній просвѣщенныхъ инженеровъ, стяжавшихъ всемірную извѣстность,—рыли, долбили, взрывали каменистый грунтъ и также спокойно гибли отъ сатанинской силы взрывовъ одиннадцатидюймовыхъ бомбъ.

31 іюля на батареѣ былъ еще рай земной. Противникъ держалъ ее лишь въ рѣдкомъ шестидюймовомъ огнѣ.

Каждая 5-6 минутъ надъ головами пѣла свою заунывную пѣснь шестидюймовая бомба и, давая перелетъ, рвалась за горой.

Однимъ изъ взрывовъ на нашихъ глазахъ былъ сильно раненъ унтеръ-офицеръ военно-полевого телеграфа, исправлявшій перебитые провода.

Незадолго до отъѣзда съ Высокой—надъ Волчьими горами поднялся шаръ.

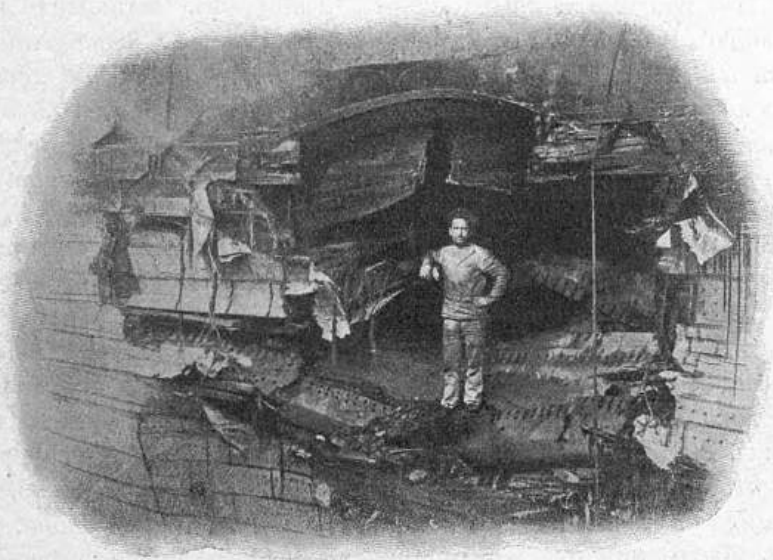
Кстати, о воздушномъ шарѣ. Въ крѣпости не было воздухоплавательнаго парка.

Вы смѣтаетесь, читатель?

Да! Да! Даже шара не было! Его везли въ Артуръ морскимъ путемъ на пароходѣ „Монголія“ вмѣстѣ съ значительнымъ запасомъ боевыхъ припасовъ — но, къ несчастію, все это попало въ руки не къ намъ, а къ японцамъ.

Можно себѣ представить, какъ ехидно злорадствовали японцы, когда нашъ шаръ рекогносцировалъ еще нашъ Артуръ.

Прибывшій вмѣстѣ съ Макаровымъ лейтенантъ Лавровъ (погибшій на Высокой горѣ) занялся сооруженіемъ воздушнаго

Пробовина на крейсере „Паллада“.

шара — труды его были близки къ осуществленію, но успѣхомъ не увѣнчались.

Вернемся къ рѣшавшему надъ Артуромъ русско-японскому шару.

Итакъ, около полудня надъ Волчьими горами въ расположеніи противника поднялся шаръ. Наши ближайшія батареи немедленно открыли по немъ шрапнельный огонь. Было ли попаданіе, или нѣтъ — трудно установить, но шаръ, продержавшись немного болѣе получаса, быстро опустился. По дошедшимъ до насъ черезъ китайскихъ лазутчиковъ свѣдѣніямъ (которымъ штабъ крѣпости солидно платилъ и этимъ достигалъ цѣли), оказалось, что съ поднявшагося шара офицеры японскаго генеральнаго штаба производили рекогносцировку

крѣпости и сфотографировали ее. Результаты рекогносцировки слѣдующіе: штабъ командующаго осадной арміей барона Ноги, изучившій крѣпость согласно точнымъ даннымъ японскаго генеральнаго штаба, основаннымъ на топографическихъ съемкахъ его офицеровъ въ мирное время, никакъ не ожидалъ встрѣтить такой массы новыхъ укрѣплений въ крѣпости, вынесенныхъ далеко впередъ отъ полигона крѣпости, ея фортовъ и долго-временныхъ укрѣплений. Все это было сдѣлано въ періодъ времени отъ 4 марта—дня прибытія генерала Смирнова, до 18 іюля—дня оставленія Фокомъ Волчьихъ горъ.

По максимальному расчету офицеровъ японскаго генеральнаго штаба *послѣ тщательнѣйшаго изученія ими (до тѣсной блокады) „геніальнаго“ плана всей крѣпости, уступчивости хода работъ ея фортификаціонныхъ сооруженій, вооруженія и всего количества годныхъ орудій въ арсеналахъ, которыя имъ были доподлинно извѣстны, согласно точнѣйшимъ донесеніямъ агентовъ изъ развѣдочнаго бюро, вплоть до самаго прибытія въ крѣпость генерала Смирнова,* — для взятія Артура открытыми штурмами нужно было пожертвовать отъ 5 до 10 тысячъ. Говорятъ, когда объ этомъ подробно было доложено Его Величеству Императору Японіи, то онъ колебался утвердить планъ штурма крѣпости, находя, что это будетъ стоить чрезмѣрнаго количества человеческихъ жизней. — Вотъ какого мнѣнія были японцы о твердыняхъ Портъ-Артура до начала войны, и были вполне правы. То, что они встрѣтили въ крѣпости послѣ пятимѣсячнаго пребыванія въ ней новаго коменданта—генерала Смирнова, для нихъ было полной неожиданностью. Офицеры развѣдочнаго бюро, привыкшіе въ теченіе 6-ти лѣтъ своего пребыванія въ Артурѣ видѣть, что русскіе въ крѣпости почти ничего не дѣлали, а если и дѣлали, то кое-какъ; прекрасно ознакомившись съ системой русскихъ военныхъ инженеровъ: стачки съ подрядчиками, ¹⁾ неимовѣрный грабежъ, халатность, небрежность положительно во всемъ, и при этомъ полная безотвѣтственность, такъ какъ воровали всѣ, отъ самыхъ старшихъ инженеровъ до десятника включительно,—никоимъ образомъ не могли ожидать, что все это измѣнится какъ бы мановеніемъ волшебства.

Дѣйствительно, то, что было сдѣлано генераломъ Смирновымъ въ крѣпости въ теченіе 5-ти мѣсяцевъ, при минимальной наличности силъ, средствъ и всѣхъ препятствій, создаваемыхъ Стесселемъ и его присными, — станетъ достояніемъ,

1) Объ этомъ при желаніи можно написать цѣлый томъ.

исторіи. Честный и безпристрастный военный историкъ, подробно разобравшись во всѣхъ планахъ и документахъ осажденнаго Портъ-Артура, повѣдаетъ міру свое правдивое сказаніе, я же описываю только то, что я видѣлъ собственными глазами.

Японская осадная армія имѣла воздушные шары, которые въ послѣдствіи подымались неоднократно и приносили имъ огромную пользу; въ крѣпости же ихъ не было, какъ не было ни почтовыхъ голубей ни беспроволочнаго телеграфа! — На Ляотшанѣ поставили мачту и аппаратъ, но дѣйствовать онъ не могъ, потому что консулъ въ Чифу, несмотря на настоятельныя просьбы изъ крѣпости, за все время осады не сумѣлъ выбрать мѣста, поставить станцію и установить сообщеніе. Вообще на консульской дѣятельности въ Чифу я остановлюсь въ послѣдствіи и остановлюсь очень подробно. Теперь скажу только одно: какъ могли оставить на такомъ важномъ посту, какой изъ себя представляло консульство въ Чифу во время всей осады, такого бездѣтельнаго, непредпріимчиваго, трусливаго и бездарнаго чиновника, какимъ явился г. Тидеманъ? По-моему, это прямо государственное преступленіе. ¹⁾

Съ Высокой горы мы довольно сносными военными дорогами проѣхали на Зубчатую гору, а оттуда на укрѣпленіе Кладбищенской импани.

Здѣсь комендантъ очень долго бесѣдовалъ съ знакомымъ уже читателю командиромъ 26-го полка полковникомъ, нынѣ свиты Его Величества генераль-маіоромъ, Семеновымъ.

Съ Кладбищенской импани открывался видъ на передовые редуты и лѣвый флангъ с.-в. фронта.

Семеновъ былъ по обыкновенію крайне подвиженъ, энергиченъ и дѣятеленъ, подробно докладывая и выслушивая указанія Смирнова объ оборонѣ вѣреннаго ему участка.

Продолжаю свои официальные извѣстія, выполнѣ отвѣчающія истинному ходу событій.

Съ ранняго утра непріятель довольно часто обстрѣливалъ укрѣпленіе № 3, фортъ 5 и Высокую гору.

Наши батареи всего сухопутнаго фронта поддерживали рѣдкій огонь по производимымъ непріятелемъ работамъ.

Никакихъ особенныхъ передвиженій въ расположеніи противника не замѣчено.

Японцы впереди Высокой горы, въ деревняхъ, производили какія-то работы.

¹⁾ Неужели для этого достаточно было быть родственникомъ генерала Базилевскаго?

Командиръ батареи приказалъ обстрѣлять ихъ мортирами.

Въ отвѣтъ на это, непріятель съ разстоянія чуть ли не 7 верстъ сталъ стрѣлять изъ полевыхъ орудій.

Вечеромъ 31 іюля секретами нашихъ передовыхъ охраненій было обнаружено, что противъ западнаго фронта сухопутной обороны началось вначалѣ частичное, а затѣмъ массовое передвиженіе противника.

Секреты и заставы продолжали выслѣживать и задерживать наступленіе передовыхъ частей непріятеля.

Ночь была темная, глухая, барометръ показывалъ на дождь. Туманъ увеличивался.

До 2 час. ночи наши передовыя части тѣснились японцами какъ противъ горы Сиротка, такъ и на линіи бухты Луизы и Малой Голубиной.

Прожектора и боевыя ракеты непрестанно свѣтили всю мѣстность, отчетливо освѣщая передвигавшіяся колонны и цѣпи противника.

Въ 2 часа ночи непріятель, сосредоточившись, перешелъ въ энергичное наступленіе, поведя атаку на гору Сиротка, предпринявъ въ то же время и фланговое движеніе.

11 и 12 роты 26-го полка, занимавшія передовое сторожевое охраненіе противъ Сиротки, нѣсколько разъ отбивъ атаки, переходили на „ура“ въ штыки, отбрасывая наступающихъ.

Численность же атакующихъ все увеличивалась, а потому роты отошли подъ прикрытіе батарей.

Охотничьи команды поручиковъ Волчинскаго и Мюльберга, сильно тѣснимыя превосходящимъ противникомъ, постепенно отступали на указанныя по диспозиціи мѣста.

Поручикъ Мюльбергъ раненъ серьезно въ ротъ.

Стессель, Фокъ и офицеры.

Посѣщая почти ежедневно большинство фортовъ и укрѣпленій крѣпости, я прямо любовался здоровымъ, веселымъ видомъ людей. Цѣлый день проводили они въ тяжелыхъ крѣпостныхъ работахъ, а вечеромъ повсюду гремѣли пѣсни. Любуясь этими жанровыми картинками, я совершенно забывалъ, что въ нѣсколькихъ верстахъ непріятель, что наши передовыя цѣпи уже залегли впереди крѣпости и зорко слѣдятъ подъ покровомъ ночи за противникомъ.

Меня съ началомъ тѣсной блокады всегда удивляло то обстоятельство, что офицеры стали несравненно меньше бражничать. Мнѣ не приходилось видѣть на фортахъ, батареяхъ, укрѣпленіяхъ разгула, всѣ какъ-то подтянулись, между тѣмъ какъ на передовыхъ позиціяхъ питіе было развито до крайнихъ предѣловъ. Солдатъ Стессель и Фокъ лишали совершенно водки—зато офицеры днями и ночами пьянствовали, что, конечно, расшатывало ихъ организмъ, и такъ уже утомленный тревожной боевой обстановкой, и крайне скверно дѣйствовало на ихъ психическое состояніе. Люди, находившіеся постоянно въ вин-

номъ угарѣ, не могли быть офицерами въ полномъ значеніи этого слова.

Объясняется это, конечно, тѣмъ, что они, находясь въ тяжелой боевой обстановкѣ, не видѣли примѣра, не имѣли любимаго начальника, который бы ихъ вдохновлялъ. Фока они ненавидѣли, такъ какъ, кромѣ площадной ругани и крайнихъ несправедливостей, дурачествъ съ солдатами, среди которыхъ онъ искалъ популярности, они ничего не видѣли. Стесселя, который среди нихъ искалъ популярности, но который дѣйствовалъ подъ вліяніемъ Фока, они боялись, но и только. Часть офицеровъ, участвуя въ пирушкахъ со Стесселемъ, когда онъ иногда появлялся среди баталіоновъ въ дивизіи Фока, стоявшихъ въ резервѣ подъ Юпилазой, и слушая его шутки и издѣвательства надъ солдатомъ (Стессель страшно былъ грубъ съ солдатами и старшими начальниками; они ему прямо органически были противны),—не вносили, конечно, въ среду солдатъ своимъ обращеніемъ оздоравливающей струи. Солдаты ихъ тоже не любили.

Съ началомъ же тѣсной блокады, когда пѣхотные офицеры на фортахъ, батареяхъ и укрѣпленіяхъ слились въ постоянное общеніе съ артиллерійскими офицерами, стоящими несравненно выше ихъ по умственному и духовному интеллекту, а во главѣ всѣхъ сталъ генераль Смирновъ, этотъ замѣчательно просвѣщенный, умный, но и жестоко-требовательный офицеръ, а также его ближайшіе помощники: генералы Кондратенко и Горбатовскій, полковники Семеновъ и Третьяковъ, показывавшіе на каждомъ шагѣ примѣры самоотверженной дѣятельности, порядка, справедливости, гуманности и требованія абсолютной дисциплины,—все измѣнилось. Офицеры стали неузнаваемы. Повторяю, что, какъ только 4-я дивизія вступила въ крѣпость, генераль Смирновъ назначилъ Фока начальникомъ резерва и этимъ устранилъ его отъ активной дѣятельности, въ силу чего послѣдній

Японское изображеніе русскаго генерала.

не имѣлъ никакого сношенія съ боевой линіей и не растлѣвалъ своимъ вліяніемъ войска. Но, положимъ, онъ и тутъ ухитрился вносить разладъ, раздоръ и безпорядокъ. Помню такой случай. Генераль Смирновъ осматривалъ работы на форту № 5. Затѣмъ, облокотившись на брустверь, наблюдалъ за расположеніемъ и работами противника. Его окружили пѣхотные, морскіе и артиллерійскіе офицеры, послѣдніе время отъ времени просили его совѣтовъ, указаній. Генераль Смирновъ давалъ на все обстоятельные отвѣты. Вдругъ мы слышимъ внизу *страшную* ругань. Генераль Смирновъ спрашиваетъ:—Кто это такъ тамъ отличается?—Побѣжали посмотрѣть. Возвращаются и докладываютъ, что начальникъ резерва генераль Фокъ распекаетъ одного изъ офицеровъ своей дивизіи (его весь гарнизонъ и населеніе прозвали „сумасшедшій мулла“). Подымается на фортъ Фокъ и, несмотря на присутствіе главы крѣпости генерала Смирнова, здоровается съ гарнизономъ—явное нарушеніе основныхъ правилъ дисциплины. Говорятъ, что генераль Смирновъ ему сказалъ нѣсколько убѣдительныхъ словъ, и Фокъ временно сократился до новаго воцаренія Стесселя — уже въ генераль-адъютантскомъ званіи.

1 августа.

Съ наступленіемъ разсвѣта, Высокая, Угловая горы и сосѣднія батареи, форты и укрѣпленія открыли довольно сильный артиллерійскій огонь, парализовавъ дальнѣйшее наступленіе противника.

Японцы тоже открыли бѣглый огонь шрапнелью и мелинитовыми бомбами по Угловой горѣ и Сироткѣ, которая вслѣдствіе этого очутилась нейтральной. Гора Сиротка не укрѣплена, на ней находились лишь наши наблюдательные посты.

Комендантъ крѣпости въ началѣ шестого часа утра отдалъ приказаніе о частномъ сосредоточеніи резерва.

Въ началѣ 7-го часа генераль-лейтенантъ Смирновъ, въ сопровожденіи адъютанта подпоручика Гаммера, направился на Зубчатую гору, гдѣ уже засталъ начальника укрѣпленнаго района генераль-лейтенанта Стесселя.

Ознакомившись съ ходомъ артиллерійскаго боя, комендантъ крѣпости направился по военной дорогѣ на фортъ № 5, гдѣ, получивъ всѣ донесенія о ночномъ наступленіи противника и выяснивъ положеніе вещей на западномъ фронтѣ, далъ общія указанія относительно артиллерійской обороны, въ частности форта № 5, и, распредѣливъ резервъ, въ 12 часовъ выѣхалъ на Высокую гору.

Прибывъ на батарею Высокой горы, генераль-лейт. Смирновъ далъ начальнику сектора инструкціи о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ вѣрренныхъ ему батарей, вытекавшихъ изъ начинающаго выясняться характера общаго наступленія на крѣпость.

Мелинитовыя бомбы, давая перелеты черезъ батарею, одна за другой ложились на восточномъ ея склонѣ. Одна изъ бомбъ разорвалась въ нѣсколь-

кихъ шагахъ отъ проходившаго взвода саперъ, наряженныхъ на работы, но настолько счастливо, что осколкомъ слегка лишь царапнула одного изъ чиновъ.

Высокая гора начала энергично посылать снарядъ за снарядомъ; мѣшала правильной пристрѣлкѣ легкій туманъ и какъ изъ ведра лившій дождь, но все-таки удалось потушить поражавшую батарею.

Комендантъ крѣпости, поблагодаривъ начальника сектора за отличную стрѣльбу, въ 3 часа пополудни уѣхалъ домой.

2 августа.

Въ ночь съ 1 на 2 августа противъ лѣваго фланга, въ направленіи Угловой горы и прилегающихъ предгорій, началъ опять сосредоточиваться противникъ.

Въ началѣ 3-го часа непріятель въ значительныхъ силахъ пошелъ на штурмъ.

Первый штурмъ былъ встрѣченъ сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ и былъ быстро отбитъ.

Съ началомъ разсвѣта противникъ опять бросался на штурмъ и каждый разъ съ огромными потерями отбитъ.

Наши батареи развили убійственный огонь.

Послѣ отраженія второго штурма, непріятельскія батареи постепенно развили страшный шрапнельный огонь по всей линіи фортовъ, батарей и укрѣпленій.

Бомбардировка шла съ перерывами. Огонь идетъ сосредоточенный.

На Зубчатой горѣ съ самаго начала бомбардировки находился совместно съ другими начальникъ укр. района генераль-лейтенантъ Стессель.

Во время артиллерійскаго огня противникъ подъ его прикрытіемъ перебѣжками продвигался впередъ.

Наши батареи бьютъ наступающихъ.

Очевидно, японцы готовятся къ генеральному штурму.

Потери противника огромны.

Наши—благодаря укрытію—ничтожны.

Я пишу: наши, благодаря укрытію, ничтожны. Конечно, какъ у обороняющагося, онѣ были несравненно меньше. Но если бы у насъ дѣйствительно были сносныя укрытія, то и потери дѣйствительно были бы ничтожны.

Но штабъ района считалъ, что потери ничтожны — и „въ извѣстіяхъ“ онѣ таковыми были.

3 августа.

Ночью съ 2 на 3 августа по всей линіи обороны шла рѣдкая перестрѣлка передовыхъ частей.

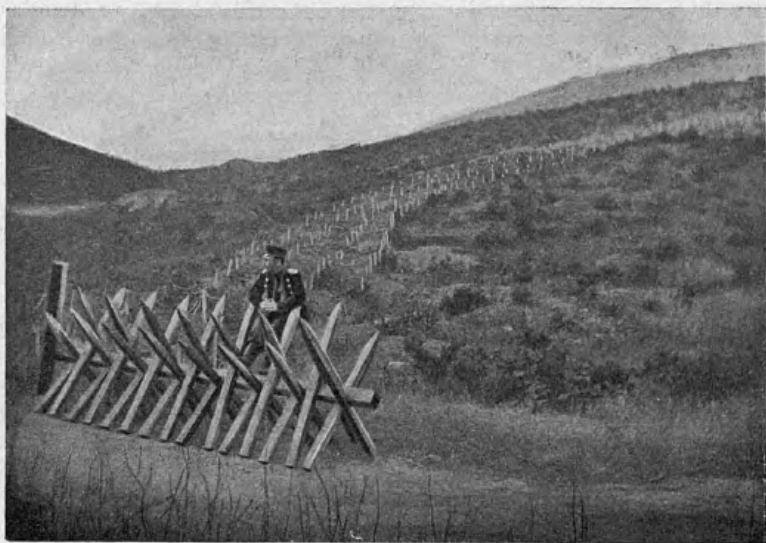
Въ 9 часовъ утра съ Кумирнскаго редута было замѣчено въ подворную трубу, что по Мандаринской дорогѣ отъ Волчьихъ горъ въ направленіи отъ Генеральной горы приближается группа въ 6 человекъ съ бѣлымъ флагомъ.

Немедленно дано было знать по телефону командиру 26 полка, который приказалъ прекратить стрѣльбу на ввѣренномъ ему участкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ донесено коменданту крѣпости.

Съ Кумирскаго редута выѣхалъ навстрѣчу приближающейся группы командиръ роты капитанъ Лавровъ съ нѣсколькими охотниками.

Встрѣтились они съ японскимъ парламентаремъ, оказавшимся маіоромъ японской службы, въ сопровожденіи одного офицера и 4 солдатъ.

Обмѣнявшись привѣтствіями на русскомъ языкѣ, маіоръ Ямооки попросилъ вызвать офицера штаба главнаго начальника. Немедленно объ этомъ дано было знать въ штабъ крѣпости.

Проволочное загражденіе.

Около 10 часовъ прибылъ на передовую линію начальникъ штаба раіона полковникъ Рейсъ, въ сопровожденіи 2 офицеровъ, которому было передано японскимъ маіоромъ два пакета.

Одинъ главному начальнику арміи, другой командующему эскадрой.

При прощаніи съ полковникомъ Рейсомъ, маіоръ высказалъ свое сожалѣніе, что ему пришлось его побеспокоить въ такую дурную погоду.

Во время переговоровъ комендантъ крѣпости приказалъ прекратить огонь по всей оборонительной линіи.

Японцы же продолжали стрѣлять по правому флангу.

Содержаніе письма барона Ноги было приблизительно слѣдующее:

— Русскія войска доказали уже свою доблесть, но Артуръ все равно будетъ взятъ, а потому, во избѣжаніе излишняго кровопролитія, а также возможныхъ со стороны ворвавшихся въ городъ японскихъ солдатъ насилій, убійствъ и грабежей, такъ

какъ сначала трудно будетъ установить порядокъ, командующій осадной арміей Его Величества Императора Японіи предлагаетъ вступить въ предварительные переговоры о сдачѣ крѣпости.

Въ крѣпости немедленно собрался военный совѣтъ. Генераль Стессель требовалъ, чтобы отвѣта не было послано на томъ основаніи, что предложеніе сдать крѣпость—страшная дерзость со стороны японцевъ.

— Развѣ они не читали моего приказа, что, пока будетъ живъ хоть одинъ защитникъ, крѣпость не сдастся?

Генераль Смирновъ старался вразумить Стесселя, доказывая, что элементарныя правила военной этики требуютъ, чтобы отвѣтъ былъ посланъ. — Ну хорошо, упорствовалъ Стессель: если непременно нужно послать отвѣтъ, то ничего не писать въ посылаемой бумагѣ, а просто нарисовать имъ кукишъ.

Комендантъ, генераль-лейтенантъ Смирновъ, категорически заявивъ, что отвѣтъ долженъ быть посланъ и посланъ въ самой вѣжливой формѣ,—приступилъ къ составленію послѣдняго. Содержаніе его было кратко, но носило характеръ сдержаннаго достоинства.

Вотъ онъ:

„Честь и достоинство Россіи не могутъ допустить даже переговоровъ о выработкѣ условій сдачи крѣпости. Генераль-лейтенантъ Стессель. Генераль-лейтенантъ Смирновъ.“

Парламентерскіе переговоры.

Утро 4-го августа стояло на рѣдкость непріятное. Туманъ, моросить мелкій дождикъ, сыро, слякоть. Городъ уже бомбардируется. То и дѣло завываютъ снаряды, съ глухимъ гуломъ разрываясь въ порту.

Получивъ наканунѣ разрѣшеніе генерала Смирнова сопровождать парламентеровъ, я отправился въ штабъ района.

Бомбардировка порта усиливается; на фронтѣ сравнительное затишье.

Въ составъ парламентеровъ вошли: офицеръ генеральнаго штаба капитанъ Головань и состоявшій въ прикомандированіи штаба крѣпости лейтенантъ Маколинскій.

Капитанъ Головань передалъ мнѣ приказаніе генерала Смирнова, что, если я хочу сопровождать парламентеровъ, то долженъ одѣть форму стрѣлка.

Принесли солдатскую рубашу, снаряженіе и вооруженіе и предложили переодѣться, а также снять очки. Повиновался.

— Снимите шпоры — командуетъ капитанъ Головань. Повиновался.

Принесли парламентарскій флагъ (полотнище грязнѣе грязнаго).

— Вы повезете флагъ! — Запротестоваль.

— Почему?

— Разрѣшите послать за чистымъ полотнищемъ, тогда повезу.

— Посылайте!

Набили чистое полотнище, снарядились, вооружились (винтовка черезъ плечо), сѣли на коней—тронулись.

Прохожіе съ любопытствомъ и недоумѣніемъ на насъ поглядываютъ.

Перевязочный пунктъ во время штурма.
(Съ японскаго оригинала).

Я думаю, не у одного мелькнула мысль—ужъ не конецъ ли Артуру?

Дождь усилился. Дороги размыты. Подвигаемся впередъ съ трудомъ. Винтовка съ непривычки прямо пытается.

Наконецъ прибыли на укрѣпленіе Кладбищенской импани. Капитанъ Головань увѣдомилъ объ этомъ коменданта крѣпости.

Генералъ Смирновъ немедленно прекратилъ огонь по всей боевой линіи.

Ровно въ 9 часовъ тронулись въ путь.

Впереди съ флагомъ пришлось ѣхать мнѣ съ однимъ изъ конныхъ охотниковъ; на дистанціи 20—30 лошадей парламентары и эскортъ. Миновали наши цѣпи, заставы, секреты. Дождь все моросить, туманъ, наши укрѣпленія остались далеко назадъ. Проѣхали нѣсколько оставленныхъ китайцами, словно вымершихъ деревень. На задворкахъ у плетней лежатъ голодные, исхудав-

лые псы. Китайца встрѣтили: оборванный, грязный. На всемъ лежитъ печать разрушенія отъ снарядовъ, все пусто, уныло. Ъдемъ уже вольной дорогой, извивающейся то въ ту, то въ другую сторону. По бокамъ плотной стѣной высоченный гаолянъ, выше насъ, конныхъ. Ничего кругомъ не видно—дорога и гаолянъ. Впереди въ туманѣ проецируются горы. Изъ чащи вынырнулъ нашъ офицеръ, бывший въ секретѣ, и присоединился къ намъ.

Продолжаемъ подвигаться впередъ.

Мое недовѣріе къ японцамъ растетъ.

Не могу забыть Зеленыхъ горъ, какъ тогда они нашъ отрядъ Краснаго Креста обстрѣляли. Ничего не видно. Можетъ быть, залегли въ гаолянъ и караулятъ. Однимъ залпомъ всѣхъ снимутъ. Наши и не услышатъ. Жутко. Дорога круто повернула вправо.

— Баринъ! Баринъ! Вонъ стоятъ, вполголоса говорить ѣхавшій за мной охотникъ. Гляжу впередъ, ничего не вижу. Наконецъ замѣтилъ за крутымъ поворотомъ дороги на небольшомъ перевалѣ 4 японцевъ. Одѣты въ „хаки“, трудно отличить отъ окраски мѣстности. Мы же, въ плохо окрашенныхъ кителяхъ, рельефно выделяемся.

Приблизившись къ японцамъ шаговъ на 50, услышали русское:

— Стой.—Остановились.

— Одна ходи.—Стоимъ, какъ вкопанные.

Подожелъ, очевидно, унтеръ-офицеръ.

— Что нужно?

Отвѣтили.

— Хорошо. Онъ отдалъ какое-то приказаніе одному изъ нижнихъ чиновъ—тотъ быстро скрылся.

Стоимъ и другъ друга разглядываемъ.

Унтеръ-офицеръ, плотный, широкоплечій мужчина, вытащилъ записную книжку и прехладнокровно что-то записываетъ.

Минуть черезъ 10 пришли изъ ближайшей цѣпи: переводчикъ (отрекомендовался полковымъ), этакій вертлявый, болтливый; угрюмый, грузный капитанъ и премолоденькій подпоручикъ.

Завязался разговоръ. Присоединившійся къ намъ офицеръ просить вернуть убѣжавшую въ распоряженіе японцевъ лошадь.

Капитанъ любезно соглашается, спрашивая ея примѣты.

Переводчикъ неумолчно трещить, рассказывая, что въ Мукденѣ онъ бралъ уроки русскаго языка у офицера приморскаго полка.

Спрашиваетъ фамиліи нѣкоторыхъ офицеровъ...

Наконецъ прибылъ майоръ Ямооки, въ сопровожденіи коннаго съ флагомъ и корпуснаго переводчика, который, несмотря на свой высокій рангъ, говорилъ по-русски преотвратительно.

Послѣ официальныхъ представлений, онъ принялъ подъ расписку пакетъ и въ свою очередь передалъ другой намъ, попросивъ въ полученіи такового тоже выдать расписку. Прибывшій съ нимъ старшій переводчикъ заявилъ, что „это очень, очень важное письмо“ ¹⁾.

Когда шла церемонія передачи пакетовъ, въ сторонѣ Дагушаня завылъ снарядъ. Маіоръ Ямооки тревожно спросилъ: — Неужели стрѣляютъ? — Лейтенантъ Макалинскій быстро нашелся и спокойно отвѣтилъ:—Нѣтъ, это, вѣрно, на морѣ.

Впослѣдствіи выяснилось, что съ одной изъ батарей было замѣчено въ расположеніи противника передвиженіе пѣхоты.

Результаты бомбардировки.

Дежурный фейерверкеръ не утерпѣлъ и послалъ туда снарядъ. Конечно, ему за это досталось.

Маіоръ Ямооки, получивши пакетъ, условился о часѣ и мѣстѣ встрѣчи для дальнѣйшихъ переговоровъ. Мы знали содержаніе отвѣта, знали, что дальнѣйшихъ переговоровъ не понадобится, но, конечно, парламентареры должны были отвѣтить любезнымъ согласіемъ.

¹⁾ Письмо это оказалось отъ Германскаго Императора на имя его морскихъ военныхъ агентовъ, которымъ разрѣшалось выѣхать изъ крѣпости. Одинъ изъ нихъ, капитанъ Гильгенгеймъ, при перѣздѣ изъ Артура въ Чифу былъ убитъ китайскими морскими разбойниками.

Для встрѣчи было выбрано то же мѣсто, а время—между ча-сомъ и двумя въ этотъ же день. Откланявшись, разѣхались. Какъ только добрались до укрѣпленія Кладбищенской импани и опу-стили парламентарскій флагъ,—по всей линіи опять грозно загре-мѣли орудія, особенно на сѣверо-восточномъ фронтѣ. Гулъ ихъ послужилъ какъ бы апоѳеозомъ парламентарскихъ переговоровъ.

При возвращеніи назадъ, насъ встрѣтилъ казакъ и пригласилъ меня отъ имени Стесселя къ нему. Генералъ наблюдалъ за пе-реговорами съ Зубчатой горы. Лейтенантъ Макалинскій поѣхалъ съ докладомъ къ коменданту, а мы съ капитаномъ Головань поѣхали къ генералу Стесселю.

Застали генерала въ бетонномъ казематѣ батареи уже отзавтракавшимъ, въ самомъ благодушномъ настроеніи духа, окруженнымъ молодежью со всѣхъ ближайшихъ батарей. Стоялъ шумъ, крикъ, хохотъ. Батарея порожнихъ бутылокъ свидѣтель-ствовала, что завтракъ былъ съ обильнымъ возліяніемъ. То и дѣло слышалось: — Эй, Ивановъ, вина! Я въ другомъ отдѣле-ніи каземата бесѣдовалъ съ полковникомъ Семеновымъ. — На-конецъ я вошелъ къ Стесселю. — А, вотъ нашъ парламентаръ! Непремѣнно нужно вамъ сняться. Ну, рассказывайте, рассказы-вайте, что видѣли. Да нѣтъ, раньше закусите, да хорошенько выпейте, языкъ будетъ болтаться лучше. — Отклонивъ предло-женіе, я вкратцѣ передалъ суть.

— А я не хотѣлъ ничего отвѣчать этимъ желторожимъ нахаламъ. Предлагалъ нарисовать кукишъ и послать. Крѣпости захотѣли! Я имъ покажу крѣпость! Такъ нѣтъ же, нашъ умный комендантъ захотѣлъ съ ними антимоніи разводить.

Общій хохотъ. Молодежь, подъ вліяніемъ лишне выпитаго, забывая чинопочитаніе, одобряетъ: — Отлично, отлично, ваше превосходительство! Такъ и слѣдовало. Ваше здоровье, ваше превосходительство!

— А знаете, господа, меня заграницей считаютъ по про-исхожденію швейцарцемъ. Ей Богу, не вру. Недавно получилъ письмо изъ Австріи отъ какого-то «Стресселя», который гор-дится своимъ дядюшкой въ Артурѣ. Другіе пишутъ, что я только въ 1893 году перешелъ въ русское подданство. У меня письма есть, ей Богу.

Опять общій хохотъ. Генералъ въ самомъ хорошемъ на-строеніи. Насколько Стессель былъ искрененъ въ своемъ бла-годушіи, я не знаю, но онъ произвелъ на меня въ эти минуты самое располагающее впечатлѣніе. Хорошій компанейскій то-варищъ офицеръ-строевикъ, думалось мнѣ. Твой удѣлъ ко-

мандованіе запаснымъ баталіономъ, не больше, а судьба вонъ какое колѣно выкинула.

— Ну, господа, мнѣ пора, сказалъ Стессель подымаясь.

Былъ уже третій часъ въ началѣ.

— Намъ по дорогѣ, ѣдемъ вмѣстѣ.

Подали лошадей. Отправились.

Спускались внизъ на военную дорогу, — встрѣчается рота солдатъ, идущая на смѣну. Стессель, поздоровавшись, остановилъ роту и подозвалъ къ себѣ ротного командира:

— Капитанъ, японецъ меня просилъ, чтобы я сдалъ крепость, но имъ вмѣсто отвѣта посланъ кукишъ. Передайте на всѣ батареи, что я разрѣшилъ выдать всѣмъ по чаркѣ водки, пусть выпьютъ за здоровье Батюшки-Царя.

Тронулись дальше.

— Знаете — неожиданно сообщилъ мнѣ генералъ Стессель — съ русскимъ солдатомъ, этой сволочью, нужно умѣть обходиться. Онъ ничего иного не понимаетъ, кромѣ кулака и водки. Съ кулакомъ и водкой съ нимъ можно чудеса дѣлать. Всѣ эти гуманности, школы, которые завели у насъ въ арміи, только портятъ его. Нѣтъ ничего хуже грамотнаго солдата — пьяница и неисправимый негодяй. — Мы вѣзжали въ арсеналъ. —

— Смотрите, сколько орудій китайскихъ. Это все я забралъ въ китайскую кампанію.

Нужно замѣтить, что всѣ эти орудія достались намъ при мирномъ занятіи Артура. Миновавъ арсеналъ, мы вѣзжали въ городъ; было около 4 часовъ. Надъ головой завывли снаряды, и взрывы ихъ послышались впереди нашего пути. Еще, еще. Началась бомбардировка порта и бомбардировка ожесточенная, какъ бы въ отместку за отказъ вступить въ переговоры. Поминутно слышались взрывы по всѣмъ направленіямъ. Впереди вся площадь обстрѣливалась. То были недолеты въ портъ. Стессель осадилъ лошадь, очевидно, раздумывая, какую выбрать дорогу. Въ это время санитары проносили раненыхъ съ фронта.

— Гдѣ раненъ?

— На Куропаткинскомъ люнетѣ, ваше превосходительство — говорилъ слабымъ голосомъ стрѣлокъ: ничего, ноги только малость попортило.

Въ потухающемъ взорѣ страдальца я увидѣлъ, что ему дѣйствительно „ничего“ не оставалось: беспощадная смерть держала его уже въ своихъ объятіяхъ.

— Въ блиндажѣ раненъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, это значить мы на брустверѣ были, все тихо, вдругъ...

— Вотъ вѣдь подлецы, не угодно ли?—обращается ко мнѣ генераль: ну, на кой чортъ имъ блиндажи строятъ? Всѣхъ васъ переколотятъ, если будете торчать у бруствера, когда противникъ открываетъ артиллерійскій огонь.

Выбравъ болѣе безопасную дорогу, мимо тюрьмы, черезъ Ново-Китайскій городъ—мы скоро были у цѣли. Подъѣзжая къ штабу района, я обратился къ генералу съ просьбой дать мнѣ ознакомиться съ письмами, которыя онъ получаетъ изъ-за границы.

— Съ удовольствіемъ. Заходите какъ-нибудь ко мнѣ и забирайте всю эту чепуху.

На этомъ мы разстались.

Вечеромъ по войскамъ района былъ отданъ слѣдующій приказъ:

4 августа.

Парламентерскіе переговоры.

Приказъ

генераль-лейтенанта Стесселя, за № 496.

Славные защитники Артура! Сегодня дерзкій врагъ черезъ парламен-тера маіора Ямооки прислалъ письмо съ предложеніемъ сдать крѣпость. Вы, разумѣется, знаете, какъ могли отвѣтить русскіе генералы и адмиралы, коимъ вѣрена честь Россіи. Предложеніе отвергнуто. Я увѣренъ въ васъ, мои храбрые защитники, готовьтесь драться за Вѣру и своего обожаемаго Царя. Ура! Богъ Всесильный поможетъ намъ!

4 августа.

4 августа комендантъ крѣпости генераль-лейтенантъ Смирновъ въ 7 часовъ утра вмѣстѣ съ адъютантомъ подпоручикомъ Гаммеръ отправился на Орлиное Гнѣздо, а оттуда посѣтилъ Заредутную батарею. Спустившись въ редутъ, комендантъ крѣпости подробно осматривалъ блиндажи для прикрытія пѣхоты отъ артиллерійскаго огня.

Осмотрѣвъ эти работы, генераль-лейтенантъ Смирновъ отправился на мортирную батарею шт.-капит. Ручьева (батарея эта, благодаря замѣчательно удачной установкѣ орудій, была въ дѣйствиі до самой сдачи, несмотря на то, что находилась въ центрѣ с.-в. фронта, непрерывно бомбардировавшагося въ теченіе 5 мѣсяцевъ); онъ здѣсь былъ встрѣченъ начальникомъ инженеровъ полковникомъ Григоренко, который лично руководилъ работой по поспѣшному восстановленію бруствера, размытаго ливнемъ.

Выслушавъ докладъ о состояніи остальныхъ укрѣпленій послѣ прошедшихъ дождей, генераль-лейтенантъ Смирновъ отправился на Малое Орлиное Гнѣздо, гдѣ полковникъ Тохатовъ доложилъ о цѣли, по которой производилась стрѣльба. Отсюда было замѣчено, что за Сахарной Головой непріятель энергично и спѣшно производитъ земляныя работы.

Видно было, что таскают бревна, балки, а из лощинъ непрерывно выбѣгали въ одиночку японцы, подносявшіе либо снаряды, либо припасы.

По этимъ работамъ немедленно былъ открытъ огонь съ л. Б и Малаго Орлинаго Гнѣзда; работы пріостановились, и японцы вразсыпную убѣжали въ овраги и деревни.

Съ Малаго Орлинаго Гнѣзда комендантъ крѣпости, въ сопровожденіи полковника Тохателова, направился по батареямъ л. Б, откуда приказалъ открыть огонь по горѣ, находящейся влѣво отъ Дагушаня, склоны и вершины которой были покрыты сплошными окопами. За горой же, въ глубокомъ оврагѣ, было замѣчено скопленіе непріятеля. Повидимому, тамъ сосредото-

Морской санитарный отрядъ.

чились батареи и пулеметы. Противникъ какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ отвѣтилъ, быстро перейдя на пораженіе.

Снаряды отлично ложились какъ съ л. Б, такъ и съ Зейцевской батареи (Золотая гора). Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ японцы очистили окопы, которые были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно снесены.

Въ это время Заредутная батарея дала нѣсколько очень удачныхъ выстрѣловъ по замѣченнымъ японскимъ колоннамъ, усиливавшимъ центръ своего расположенія.

На Дагушанѣ попрежнему замѣчался лишь одинъ наблюдательный постъ. На скатѣ Сяюгушаня, обращенномъ къ морю, противникъ по временамъ производитъ земляныя работы.

По окончаніи стрѣльбы комендантъ крѣпости спустился въ расположеніе 4 роты 25 полка, гдѣ пробовалъ пищу, оставшись доволенъ ея доброкачественностью.

Проѣзжая Ново-Китайскимъ городомъ, генераль-лейтенантъ Смирновъ выслушалъ подробный докладъ генерала Горбатовскаго о расположеніи и состояніи нѣкоторыхъ частей с.-в. фронта.

Состояніе войскъ бодрое. Людямъ дается отдыхъ путемъ частой смѣны какъ сторожевого охраненія, такъ и нарядовъ на работы.

Въ 2 часа пополудни комендантъ отправился домой, подтвердивъ полковнику Григоренко, чтобы онъ приложилъ всѣ старанія для возможно лучшаго прикрытія пѣхоты отъ шрапнельнаго огня.

Въ моихъ „извѣстіяхъ“ за четвертое августа, конечно, нельзя было помѣстить многого: 1) Работы по оборонительной линіи велись не вездѣ съ одинаковой интенсивностью. Инженеры, избалованные шестилѣтнимъ ничего-не-дѣланіемъ или только занятые частными постройками, крайне халатно относились къ серьезнымъ мобилизаціоннымъ работамъ. Съ воодушевленіемъ работали лишь Рашевскій, Шварцъ, Зедгенидзе и понуждаемый Смирновымъ Григоренко. Остальные — Лиле и К^о положительно ничего не хотѣли дѣлать. Это былъ голосъ большинства офицеровъ на оборонительной линіи. 2) Я пишу о доброкачественности пищи. Обѣдъ можно было ѣсть, но онъ далеко не былъ питателенъ. А осада только началась. 3) Упомянувъ генералѣ Горбатовскомъ, я не смѣлъ писать, что этотъ генералъ, неотлучно находясь на вѣренномъ ему и уже уязвляемомъ фронтѣ, не знаетъ, что такое сонъ и отдыхъ. Онъ цѣлыми днями на линіи обороны, гдѣ своимъ присутствіемъ и любовнымъ отношеніемъ къ солдатамъ и нижнимъ чинамъ вноситъ въ ихъ среду бодрость духа и увѣренность въ своихъ силахъ. 4) Говоря о бодромъ состояніи войскъ, я не смѣлъ указать, что, хотя они и бодры духомъ, но немощны тѣломъ: все малорослый, худосочный, изнуренный народъ. 5) Приводя приказаніе Смирнова о возможно лучшемъ прикрытіи пѣхоты отъ шрапнели — нельзя было упомянуть, что козырьки были не вездѣ, а гдѣ были, то очень непрочные. Не смѣлъ говорить о томъ, что офицеры Христомъ Богомъ просили прислать имъ досокъ, бревенъ, желѣза для устройства прочныхъ блиндажей собственными силами. Просили они, но не скоро, а то и совсѣмъ ихъ не получали, хотя этого добра было сколько угодно. Инженеры отговаривались, что у нихъ нѣтъ перевозочныхъ средствъ, а то и прямо отказывались исполнять просьбы „мелкихъ сошекъ“. 6) Не смѣлъ сказать, что Смирнову приходилось иногда самому лично провѣрять, исполнено ли его приказаніе, и только этимъ путемъ заставлялъ работать излѣнившихся инженеровъ ¹⁾.

Много, много жизней лежитъ на душѣ артурскихъ инженеровъ.

¹⁾ Я думаю, что полковникъ Григоренко не будетъ отрицать этихъ фактовъ, если, конечно, ему въ этомъ только не измѣнила память.

Если Петербургъ сдѣлалъ ошибку, сокративъ до минимума периметръ крѣпости, онъ отвѣтитъ передъ судомъ исторіи, какъ отвѣтитъ передъ нимъ масса кормившихся въ Артурѣ инженеровъ, изъ которыхъ одна часть, при первомъ облакѣ порохового дыма, убѣжала отдыхать въ Россію, а другая во время осады преступно не хотѣла работать.

Если бы инженеры работали въ періодъ владѣнія нами Артуромъ за страхъ и совѣсть, ошибки, допущенныя Петербургомъ, никогда не имѣли бы такихъ горестныхъ послѣдствій.

Петербургъ отпускалъ средства, и съ ними можно было если не все, то многое сдѣлать.

5 августа. Наканунѣ штурма.

Съ ранняго утра въ Артурѣ и кругомъ воцарилась полная тишина.

Осаждающій притаился и молчалъ.

Предчувствіе подсказывало, что не къ добру это затишье. Наступилъ и полдень—все тихо.

Мы давно уже отвыкли отъ этой тишины. Сегодня она нарушалась лишь взрывами во вновь строящемся докѣ. Конечно, производя эти грандіозныя работы, мы были увѣрены, что производимъ ихъ для себя.

Деньги тратились большія.

Интересно, есть ли объ этихъ работахъ отчетъ. Положимъ—бумага чего не терпитъ.

Чѣмъ выше солнце, тѣмъ настроеніе тревожнѣй.

По городу разнесся слухъ, что къ ночи можно ожидать штурма.

Въ 2 часа генералъ Смирновъ, въ сопровожденіи начальника инженеровъ полковника Григоренко, отправился на сѣверовосточный фронтъ. По обыкновенію, я ему сопутствовалъ. Начали осмотръ съ форта II-го то пѣшкомъ, то верхами.

Вездѣ комендантъ подолгу останавливался, подробно осматривая возведенныя сооруженія, внося поправки, давая указанія Григоренко. Всюду спѣшно производятся работы: копаютъ, таскаютъ, утрамбовываютъ—готовятся защищаться.

Солнце склонялось уже къ западу, косо глядѣло на землю. Тишь и гладь вокругъ. Молчатъ японцы, молчимъ и мы.

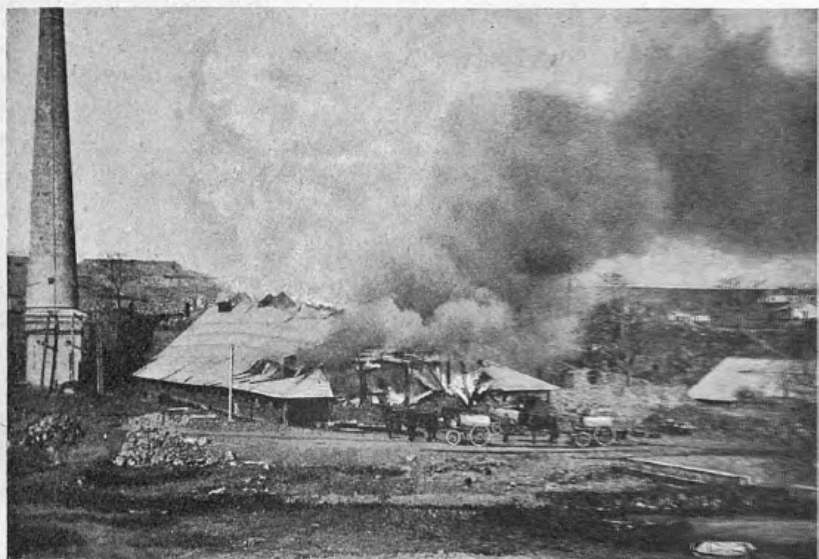
Въ многочисленныхъ госпиталяхъ и лазаретахъ Артура настроеніе тревожное. Въ эти обители страданій, смерти и печали

первой залетѣла вѣсть о возможномъ штурмѣ. Тамъ все готовится встрѣтить надвигающуюся грозу.

Комендантъ уже на Куропаткинскомъ люнетѣ. Командиръ его, вѣчно грустный, задумчивый красавецъ, поручикъ Дударовъ, внимательно слушаетъ распоряженія коменданта.

Положеніе люнета во время штурма будетъ серьезное. Онъ будетъ страшно поражаться огнемъ и первый, какъ наиболѣе выдвинутый, въ лобъ приметъ на себя штурмовыя волны.

Комендантъ спѣшитъ уже дальше. Я простился съ Дударовымъ навсегда. Онъ былъ наповаль убитъ шальной пулей.

Пожаръ отъ взрыва снаряда.

Переходя черезъ мостикъ, оглянулся: Дударовъ стоялъ задумавшись, онъ никого не видѣлъ.

Солнце золотило горы, блистало на стали орудій, играло оазами рѣдкой зелени...

Солнце свѣтило всѣмъ—друзьямъ и недругамъ.

Все тихо. Воздухъ чистъ и прозраченъ.

Сегодня даже Шининзскій переваль явственно виденъ.

Японцы молчатъ, молчимъ и мы.

Эта тишь, этотъ царственный покой въ природѣ и среди враждующихъ людей манилъ къ себѣ, ласкалъ собою, властно обѣщая жизнь и свѣтъ.

Стрѣлки, артиллеристы— эти сѣрые люди, всю жизнь такъ близко соприкасавшіеся съ землею, непосредственно цѣнящіе и любящіе ее—видимо, упивались прохладой и покоемъ наступившаго вечера.

Вглядываясь въ загорѣлыя, изможденныя, до времени старческія лица, я читалъ въ нихъ только жажду покоя и простое, каждому понятное чувство: Господи, какъ тихо, какъ хорошо!

Только бы жить, все равно—какъ, но лишь бы жить! подтверждали взгляды каждаго и всѣхъ, кого я только ни видѣлъ въ этотъ вечеръ на оборонительной линіи въ канунъ жесточайшихъ артурскихъ штурмовъ.

Надежды, тоскливыя надежды на доброе, мирное, свѣтлое воскресали и росли.

Суровая дѣйствительность уступала могучему полѣту грѣзъ. Грѣзы!?... Грѣзы!

Да, только бы жить—для многихъ было только грѣзы.

Властные, оковъ жизни и смерти не признающія, чудныя, но только и только грѣзы.

Комендантъ энергично продолжалъ осмотръ боевой линіи.

Поддался ли онъ очарованію дремлющаго дня, исходилъ ли онъ изъ чисто практическихъ соображеній, не знаю—всегда суровый, сосредоточенный, жгучій взглядъ сверкающихъ глазъ ни на секунду не выдавалъ его душевныхъ движеній; но я знаю, что ни одинъ выстрѣлъ по его винѣ не нарушилъ торжественной тишины уходившаго въ вѣчность дня Артура.

На всемъ фронтѣ отъ моря и до моря продолжала царить тишина. ¹⁾

Сѣли на коней. Рысью взобрались по крутому скату на Залитерную батарею штабсъ-капитана Высокихъ.

Внизъ и вдаль развернулась картина нашихъ фортовъ, батарей и укрѣпленій.

Впереди, на золотисто-бирюзовомъ небосклонѣ проектируются горы. Онѣ сплошь заняты притаившимся врагомъ—человѣкомъ.

Тамъ сегодня тоже тихо, совсѣмъ тихо.

Миръ и любовь, казалось, царили надъ Квантуномъ, надъ умолкнувшими врагами.

День догоралъ.

Добрались наконецъ до лит. Б. Командиръ ея капитанъ Вахнѣевъ, жизнерадостный, веселый, лихой танцоръ въ мирное

¹⁾ Лишь около 4-хъ часовъ началась и быстро прекратилась легкая перестрѣлка на западномъ фронтѣ.

время, дѣятельный артиллеристъ теперь, съ увлеченіемъ докладываетъ, какъ онъ отлично пристрѣлялся къ работамъ осаждающаго.

— Ваше превосходительство, разрѣшите открыть огонь — мигомъ всполошу японцевъ.

— Не увлекайтесь, капитанъ. Еще много предстоитъ впереди, берегите снаряды. Смотрите, достанется вамъ. Вы долго и безнаказанно испытывали терпѣніе противника. Желаю вамъ счастья и успѣха. ¹⁾

Осмотрѣвъ еще рядъ укрѣпленій, напутствуя вездѣ людей на надвигающуюся страду, Смирновъ тронулся на Опасную гору.

Поднялись на наблюдательную вышку. ²⁾

Солнце уже за Ляотъшанемъ.

Съ высоты Опасной горы все, какъ на ладони.

Вонъ тамъ и дальше, дальше—цѣпи горъ, теряющіяся въ прозрачной синевѣ упавшихъ сумерекъ. Онъ уже не наши. Тамъ врагъ, непримиримый, настойчивый и сильный.

Да врагъ ли? Правда ли, что онъ готовитъ чугуны и сталь съ цѣлью разгромить, уничтожить, истребить все живое въ крѣпости?

Такъ ли? Врагъ—человѣкъ. Ему вѣдь близки чувства любви, милосердія, страха; стремленіе сохранить жизнь. Врагъ достойный, храбрый—но онъ человѣкъ...

День догорѣлъ.

Вечеръ, неизмѣнный предвѣстникъ ночи, медленно спускался на землю, окутывая нѣжной, прозрачной дымкой утомленныхъ въ вѣковой враждѣ людей.

Со стороны доносился легкій шумъ города, постепенно сходящій на нѣтъ.

На оборонительной линіи замерли аккорды молитвъ... Десятки тысячъ моленій отлетѣли къ Тому, Кто справедливъ и милосердъ... Все стихло... Люди готовились отойти ко сну, тревожному, чуткому, для многихъ послѣднему.

Сумерки сгустились.

Вечеръ потухъ.

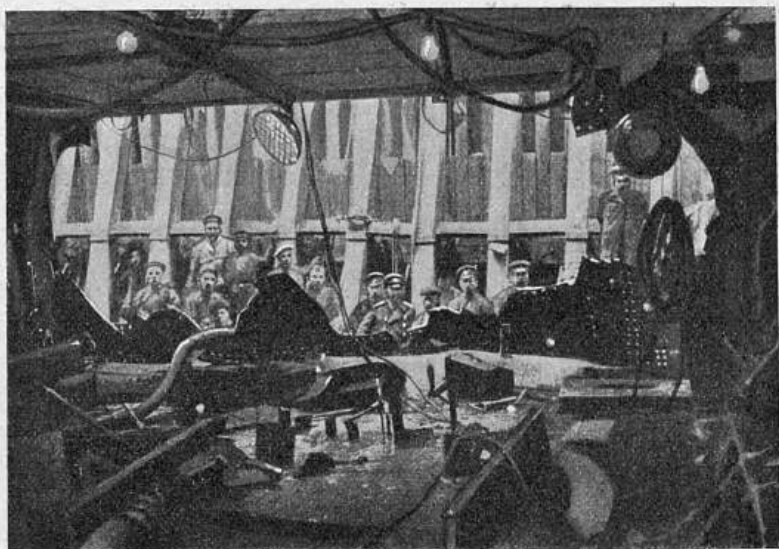
¹⁾ На слѣдующій день лит. Б была разбита въ пухъ и дребезги, а Бахнѣвъ израненъ въ 40 мѣстахъ. Остался живъ.

²⁾ Отсюда Смирновъ предполагалъ руководить обороной во время штурмовъ. Полковникъ Рашевскій вполне приспособилъ ее для этой цѣли, соединивъ телефономъ съ штабомъ крѣпости.

На западѣ, на темномъ фонѣ сумрачнаго океана еще горѣла и догорала вечерняя заря, догорали съ ней надежды, таяли грѣзы тѣхъ, кому осталось лишь жить до зари...

Генераль Смирновъ, отдавъ послѣднія распоряженія по распредѣленію и сосредоточенію боевыхъ силъ на оборонительной линіи сѣверо-восточнаго фронта, спустился внизъ къ лошадямъ.

Ночь, темная... звѣздная... Тихо вблизи, тишь убаякала даль. Мертвый покой кругомъ, болѣзненно нарушаемый стукомъ копытъ.

Пробоина на броненосцѣ „Цесаревич“.

Молча спускались мы въ низину Артура, словно очарованные этимъ не земнымъ, но и не небеснымъ покоемъ.

Это былъ покой дремлющаго ада.

Далеко впереди, на кружныхъ высотахъ, залегли стальные чудовища, притаились въ оврагахъ, долинахъ и балкахъ, направивъ на насъ свои смертоносныя жерла. Холодомъ, смертью вѣетъ отъ нихъ.

Вокругъ этихъ адскихъ чудовищъ копошились во снѣ маленькіе, но сильные люди.

Глубокая ночь. Звѣзды ярко горятъ, перемигиваются. Словно узнать онѣ хотятъ, что у людей дѣется.

Но люди спятъ.

Тяжелый сонъ, сонъ тревожный сковалъ ихъ.

Только въ спальнѣ одного изъ домовъ, прилегавшихъ къ порту, не спятъ. Дѣвочка-ребенокъ всѣхъ перепугала.

Отецъ и мать безпомощно смотрятъ на нее...

Спала она. Вдругъ вскакиваетъ съ перекошеннымъ отъ ужаса лицомъ и съ недѣтскимъ, душу надламывающимъ воплемъ бросается на колѣни.

— Мама! папа! Страшно, страшно! Стрѣляютъ! Господи, добрый Боженька, спаси васъ и меня, и матросиковъ, и солдатиковъ!..—съ тѣмъ и замерла—блѣдная, съ расширенными зрачками, протянутыми къ образу рученками, передъ которымъ мирно тѣплился огонекъ лампадки.

Затѣмъ нервный припадокъ, и бредъ продолжается:

— ... Осколки... осколочки миленькіе... пташечки... маленькія... не нужно драться... больно... кровь льется... мамочка! мамочка!.. это съ улицы... съ улицы... кровь... стаканъ крови... ¹⁾).

Звѣзды померкли. Ночь на исходѣ. Заалѣла заря. Пташки встрепенулись—запѣли. Океана волна за волной быстрѣй покатились, зашумѣли—приливъ начался.

Въ кабинетѣ коменданта огонь. Въ креслѣ онъ дремлетъ, рядомъ звонокъ телефона дребезжитъ неустанно.

Близокъ разсвѣтъ.

Востокъ запылалъ во всю свою ширь необъятную. Секреты отходятъ къ своимъ заставамъ.

По всей линіи и у насъ и у нихъ будятъ людей.

Разсвѣтъ наступаетъ.

Люди проснулись.

Разсвѣтъ наступилъ!

Августовскіе штурмы.

6 августа.

Раннее утро. Въ синевѣ небесъ привѣтливо сверкаетъ яркое солнце. Воздухъ прозраченъ, недвижимъ.

День будетъ ясный, тихій.

Еще все покойно на землѣ Артура.

5 часовъ 10 минутъ.

.....Выстрѣлъ!—тамъ, въ сторонѣ Волчьихъ горъ. Вой сна-

¹⁾ У ребенка на глазахъ 4 августа вблизи порта изуродовало снарядомъ проходившаго рабочего.

ряда прошумѣлъ и стихъ... Грохочущій гулъ взрыва разбудилъ городъ — все встрепенулось.

Еще выстрѣлъ, еще, еще. Секунды затишья.

Еще, еще.

Началось!

Въ воздухѣ заплѣло, завывало — все больше, гуще, сильнѣе. Выстрѣлы, ударъ за ударомъ, наполняя, сотрясаютъ воздухъ, земля дрожитъ отъ взрывовъ. Гулъ взрывовъ, выстрѣловъ, громъ — все смѣшалось.

Идетъ артиллерійскій бой.

Сотни орудій ревутъ, гудятъ...

Сотни снарядовъ, вздымая огромныя облака дыма, мечутъ смерть и разрушеніе.

Люди уничтожаютъ другъ друга.

На землѣ заклокотала ненависть людская и злоба.

Тысячи людей и покойно и въ ужасѣ, словно въ кровавомъ кошмарѣ, мечутся у орудій въ пороховомъ дыму, среди гула, треска выстрѣловъ и взрывовъ, одухотворенные однимъ лишь желаніемъ, стремящіеся къ одной лишь цѣли—уничтожить побольше себѣ подобныхъ.

На землѣ адъ!

А на небѣ?

На небѣ?

Тихо!

Все выше, выше поднимается лучезарный шаръ, все ярче, привѣтливѣе свѣтитъ онъ на дымящіяся горы, заглядываетъ всюду: и въ пороховыя погреба, и въ госпитали, гдѣ все блеститъ чистотой въ ожиданіи тѣхъ, кому жарко у грохочущихъ орудій, кто уже корчится отъ боли, барахтаясь въ лужѣ собственной горячей крови...

Громъ земли гремитъ и жалобно стонетъ и злобно воетъ.. все сатанински рветъ и рушитъ.

А солнце все выше и выше катится по небосклону. Сколь царственно-щедро льетъ оно всѣмъ свой свѣтъ, столь же царственно-безучастно глядитъ въ упоръ въ остановившіеся, уже мутные, съ печатью страданія, глаза тѣхъ, кто только что жилъ, стремительно надѣялся, страшно страдалъ и — умеръ.

Отъ моря и до моря на протяженіи 25 верстъ ужъ не покой минувшей ночи, не здоровый жизнерадостный шелестъ мирно-проснувшихся людей—нѣтъ: кругомъ и вокругъ борьба сонма незримыхъ злыхъ ангеловъ смерти, вырывающихъ изъ объятій жизни существованіе сотенъ неразумныхъ людей.

6 августа противникъ въ 5 час. 10 мин. утра открылъ огонь изъ всѣхъ батарей по нашимъ фортамъ и укрѣпленіямъ.

Особенно энергично обстрѣливались западный и восточный фронты. Батарея, бомбардирующая городъ, энергично стрѣляла.

Непріятель, постепенно усиливая огонь, повелъ атаку на предгорія Угловыхъ горъ и самыя горы.

Въ 7 часовъ штурмъ былъ отбитъ съ большими со стороны противника потерями.

Начался опять сосредоточенный артиллерійскій огонь.

На западномъ фронтѣ—главнымъ образомъ противъ Угловой горы, а на восточномъ—противъ Лит. Б, Малаго Орлинаго Гнѣзда и другихъ.

Съ форта № 1 за ходомъ боя наблюдалъ начальникъ укрѣпленнаго района генераль-лейтенантъ Стессель.

На Опасной горѣ былъ комендантъ крѣпости, откуда, соединясь съ штабомъ крѣпости, руководилъ боемъ.

Къ 12 часамъ огонь началъ нѣсколько стихать.

Въ 2 часа возобновился съ удвоенной силой.

Наши форты, батареи и укрѣпленія буквально засыпались снарядами.

Подготовивъ артиллерійскимъ огнемъ атаку, японцы перешли въ наступленіе, но вездѣ были отбиты съ огромнымъ урономъ. Только противъ Водопроводнаго редута они заняли ложину и, пользуясь темнотой, залегли въ наружномъ рвѣ, открывъ перестрѣлку съ нашими передовыми цѣпами.

Съ наступленіемъ сумерекъ и до утра шла бомбардировка города.

Наши батареи мѣткимъ огнемъ, пользуясь тѣмъ, что противникъ открылъ себя ночной стрѣльбой, много подбили орудій, нанеся пораженія прислугѣ.

Вечеромъ, около 6 часовъ, отъ попавшаго въ одно изъ зданій близъ арсенала снаряда возникъ пожаръ, который быстро сталъ распространяться. Противникъ засыпалъ мѣсто пожара снарами. Усилиями геройски самоотверженныхъ молодцовъ-пожарныхъ, работавшихъ все время подъ градомъ бомбъ и мѣстныхъ взрывовъ, бѣдствіе удалось локализовать къ 2 часамъ утра.

По полученнымъ дополнительнымъ свѣдѣніямъ отъ участниковъ дѣла, въ ночь на 1 августа поручикъ Волченскій не раненъ; поручикъ Мюльбергъ раненъ въ щеку (выбито два зуба), охотники команды, будучи окружены непріятелемъ со всѣхъ сторонъ въ значительныхъ силахъ (до полка пѣхоты и одного или двухъ эскадроновъ кавалеріи), приняли неравный бой, положивъ на мѣстѣ болѣе 300 японцевъ и лошадей; три раза ходили на него въ штыки и, пробившись сквозь его массы, наконецъ отступили. У насъ раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ до 30 нижнихъ чиновъ.

Лишь только снаряды начали рваться въ городъ, я отправился къ коменданту. По обыкновенію у дверей дома ждали уже осѣдланныя лошади.

Канонада съ каждой минутой увеличивалась. Улицы, прилегающія къ порту, засыпались снарядами. По всѣмъ направ-

леніямъ раздавались взрывы, вздымавшіе клубы черно-бураго дыма.

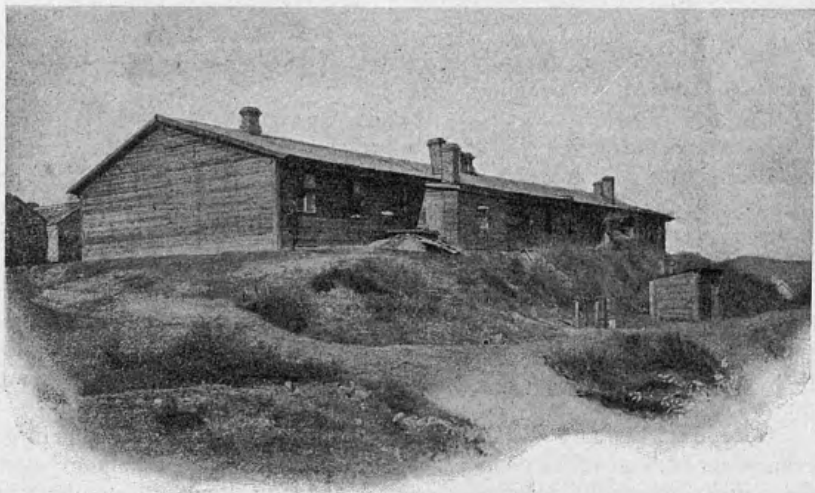
На линіи обороны все заволокло дымомъ.

Береговой фронтъ еще молчалъ.

Комендантъ былъ по обыкновенію спокоенъ, то и дѣло подходилъ къ телефону, принималъ донесенія, отдавая приказанія въ точной, категорической формѣ.

— Ваше превосходительство, мы сегодня куда отправимся?

— Сегодня на Опасную гору, я оттуда буду руководить боемъ. Генерала Кондратенко я отправилъ на западный фронтъ.

Казармы.

Вотъ никакъ не могу уѣхать, телефонъ не отпускаетъ, трезвонить безъ конца.

Началось! Ну, и задаютъ же намъ японцы. Слышите, какой они огонь раздули.

Получилось донесеніе полицмейстера. Сообщаетъ, что взрывами ранено и убито нѣсколько человѣкъ въ сводномъ госпиталѣ.

— Ээ! это только пустяки.

Впереди много еще жертвъ. Не убивайтесь.

— Да, но если бьютъ на позиціи, на фортахъ, батареяхъ, это понятно, но вѣдь блокада только, только что началась, а артиллерія перешла уже на пораженіе центра крѣпости, разрушаетъ госпиталь. Что же будетъ дальше? Что будетъ, когда

противникъ, постепенно придвигая батареи, будетъ поражать все самое цѣнное, съ нашей эскадрой во главѣ?

— Все будетъ разрушаться, а люди умирать—преспокойно отвѣтилъ Смирновъ.

— Но позвольте, ваше превосходительство, мнѣ что-то непонятно. Какъ же это такъ? Не успѣлъ противникъ обложить крѣпость, а первые выстрѣлы поражаютъ не только центръ, но даже прострѣливаютъ крѣпость насквозь.

Вѣдь, собственно говоря, осада и оборона лишь въ началѣ первой стадіи своего развитія. То, что происходитъ сейчасъ, то, что мы сейчасъ видимъ и слышимъ, могло произойти лишь послѣ того, когда бы мы остались лишь за центральной оградой, а все остальное было уже потеряно. Я говорю, конечно, о центральной оградѣ въ прямомъ смыслѣ, а не о нашей центральной оградѣ.

— Да, положеніе города довольно непріятное, но не нужно падать духомъ. Будемъ защищаться. Будемъ искупать всѣ вмѣстѣ чужіе грѣхи. А тамъ—что будетъ, то будетъ. Наше дѣло теперь защищать, а не разсуждать.

— Я вполне съ вами согласенъ, ваше превосходительство, но сердце сжимается, когда подумаешь, что раненые уже съ самаго начала осады находятся въ сферѣ орудіянаго огня, и нѣтъ имъ нигдѣ спасенія.

О здоровыхъ я не говорю.

— Ну-съ, нужно собираться.

Гаммеръ идетъ. Э! да я вижу—нервничать начинаете, о жалости сердце заговорило, когда крѣпость нужно отстоять. Вотъ какъ я васъ разъ десять протаскаю подъ дѣйствительнымъ огнемъ, тамъ впереди—живо нервы успокоятся...

Въ это время грохнула Золотая гора, противникъ давно уже ее обстрѣливалъ. Вышли на балконъ.

— ...Да, такъ вотъ нервы у васъ и успокоятся. На войнѣ нѣтъ жалости, и тотъ военачальникъ не военачальникъ, который гдѣ нужно жалѣетъ людей. Здѣсь всѣ мы не больше, какъ пѣшки. Мнѣ жалко зарѣзать цыпленка, но я смотрю и долженъ смотрѣть покойно на раненаго и послать въ критическую минуту тысячи на вѣрную смерть...

Въ это время раздался еще выстрѣлъ съ Золотой; не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ высоко, высоко наверху что-то зашумѣло. Все громче, громче, словно громоздкая карета мчалась сверху по плохо мощеной улицѣ, съ сопровождающимъ все увеличивающимся гуломъ — затѣмъ что-то сверкнуло, уда-

рилось въ землю и засыпало всѣхъ насъ землей и гравіемъ, запылило глаза.

— Счастливо! Пойдемъ посмотримъ, здоровый осколчище, сказалъ Смирновъ.

Оказалось, что это половина преждевременно разорвавшаяся снаряда съ Золотой горы, въсомъ пудовъ въ 8-9.

Это уже былъ не первый случай преждевременныхъ разрывовъ съ Золотой горы.

Чугунныя бомбы 11" мортиръ Золотой горы были такъ хитро устроены, что большинство изъ нихъ рвалось не въ расположении противника, а то надъ городомъ, то надъ оборонительной линіей.

— Чортъ возьми, этого еще не доставало. Мало намъ японцы подсыпаютъ, а тутъ еще свои задаютъ. Положимъ, это хорошо, меньше лодырей въ госпиталя будетъ шлаться. Нехорошо на фронтъ, да несладко и въ городъ. Какъ узнаютъ, что въ городъ мало чѣмъ лучше, не будутъ особенно стремиться въ госпиталю.

Выѣхали на Опасную гору.

Проѣзжая казармами 10 полка, я былъ удивленъ при видѣ массы парадныхъ офицеровъ. Что такое? Оказалось, что стоявшій въ резервѣ 14-ый полкъ (Савицкій) праздновалъ свой полковой праздникъ.

На фронтъ шелъ ожесточенный огонь.

Подѣзжая къ Опасной, попали подъ шрапнельный огонь. Комендантъ, обернувшись ко мнѣ, со смѣхомъ сказалъ:

— Вотъ это лучше всего успокоитъ ваши нервы.

На горъ уже ожидали полковники Рашевскій и Некрашевичъ-Покладъ.

Рашевскій подробно доложилъ о состояніи работъ. Некрашевичъ-Покладъ торжественно молчалъ.

Возвращаясь назадъ той же дорогой—я былъ непріятно пораженъ весельемъ, которое царило въ 14 полку. Музыка, „ура“—все это такъ мало гармонировало съ грохотомъ орудейной канонады.

Увидѣвъ слѣдовавшаго мимо казармъ коменданта, выбѣжало нѣсколько офицеровъ съ приглашеніемъ раздѣлить трапезу.

Комендантъ, получившій приглашеніе еще наканунѣ, уклонился отъ торжества за недостаткомъ времени и серьезностью окружающей обстановки...

Часовъ около 2 получилось по телефону отъ Кондратенко извѣстіе, что окопы внизу Угловой оставлены.

— Ну скажите, нельзя держаться! Приучили бѣгать — теперь извольте съ ними справляться! Если жалѣть людей, нужно сдать крѣпость. Пусть мнѣ укажутъ способъ защиты безъ траты людей.

Скверное, гнетущее чувство овладѣло мной. Отстоимъ ли Артуръ? Нужно держаться по крайней мѣрѣ до 1 октября: раньше помощи не будетъ, да къ этому времени подойдетъ и эскадра.

Падетъ Артуръ — какой это будетъ ударъ для національнаго самолюбія!

Въ 4 часа пополудни канонада увеличилась до невѣроятнаго.

Весь фронтъ дымить.

Начало смеркаться. Вдругъ надъ арсеналомъ взвилось огромное пламя, временами заволакиваемое густымъ чернымъ дымомъ. Пламя растетъ и распространяется все шире и выше: загорѣлся арсеналь. Сумерки сгустились. Въ сторонѣ пожарища слышится непрерывный трескъ рвущихся патроновъ. Зарево освѣщаетъ склоны Перепелиной, дома и кружныя горы.

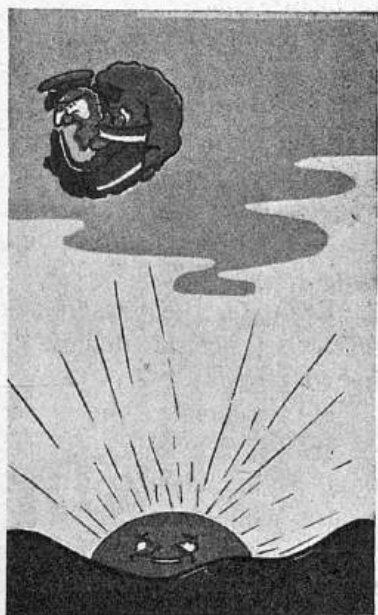
Противникъ сосредоточилъ на пожарищѣ сильный огонь бомбъ и шрапнели. Гремить кругомъ, вездѣ и всюду; надъ огромнымъ костромъ рвется шрапнель; грохочутъ взрывы бомбъ подъ аккомпаниментъ взрывающихся патроновъ.

Картина сильная и эффектная!

Пожаръ быстро разгорается. Полъ-Артура подернуто пурпуромъ.

Къ мѣсту пожара лихо мчалась пожарная команда, со своимъ героемъ-брандмейстеромъ Вейканеномъ во главѣ.

Огонь надъ арсеналомъ былъ сосредоточенъ настолько сильный, что командиръ расположенной тамъ 57м/м батареи капитанъ Петренко вывелъ ее оттуда и, когда встрѣтилъ летѣвшаго туда брандмейстера, постарался его отговорить отъ этого рискованнаго предпріятія.

Японская каррикатура.

Но для Вейканена не существовало опасности.

— Служба-съ! Ничего не подблещи!—и помчался дальше.

— Сумасшедший человек! послалъ Петренко напутствіе Вейканену.

Совсѣмъ уже стемнѣло, когда началась работа пожарныхъ. Арсеналь пылалъ. Орудійный огонь по фронту то усиливался, то слабѣлъ, замиралъ и вновь спазматически возобновлялся.

Вся эта грозная обстановка могла послужить темой для картины „Послѣдній день Артура“. Но это былъ лишь его первый страдный день.

Вечеромъ къ коменданту прибылъ съ докладомъ генераль Кондратенко.

Смирновъ, слегка пожуривъ Романа Исидоровича за очищеніе окоповъ внизу Угловой горы, убѣдительно просилъ помнить серьезное значеніе Угловой и ни въ коемъ случаѣ не пятиться назадъ.

— Сегодня день прошелъ великолѣпно, при минимумѣ потерь.

Если бы не отдали этихъ окоповъ, день былъ бы вполне нашъ. Вы всегда можете рассчитывать на мою помощь изъ общаго резерва.

Не позволяйте, не допускайте только отступленія. Держите резервъ всегда вблизи, чтобы во-время поддержать боевую линію. Во-время подведенный резервъ всегда контръ-атакой отброситъ атакующаго.

— Совершенно вѣрно, ваше превосходительство. Но если резервъ держать вблизи, онъ подвергается обстрѣлу, несетъ потери.

Намъ нужно беречь людей.

— Укройте его, держите въ укрытомъ мѣстѣ. Если мы будемъ держать резервъ далеко отъ мѣста атаки, то насъ всегда будутъ вышибать. Люди приучены оглядываться назадъ. Вѣдь мы обороняемся—всѣ выгоды на нашей сторонѣ.

Мы должны и мы можемъ держаться.

Кондратенко сталъ скоро прощаться.

Смирновъ на прощанье жметъ руку и, пронизывая острымъ взглядомъ уходившаго, говоритъ:

— Итакъ, въ общей сложности все обстоитъ благополучно. Съ этой стороны намъ опасаться нечего. Побѣждайте туда и завтра, дѣйствуйте съ тѣмъ же успѣхомъ. Я въ васъ увѣренъ. Душа же моя болитъ за сѣверо-восточный фронтъ, гдѣ много орудій подбито.

Наступила ночь. Луна свѣтила. Огонь продолжался по всей линіи. Арсеналь догораль. Эта ночь была первой ночью бомбардировки города и порта. Вой снарядовъ надъ головами напоминалъ свистъ гигантскихъ змѣй, съ быстротою молніи ползущихъ по небу и жалившихъ землю съ шумомъ, съ смертоноснымъ шипѣніемъ.

Въ эту ночь не спалось. Снаряды рвались безпорядочно по всей площади, прилегавшей къ порту.

Настроение тяжелое, удрученное.

Мѣсяцъ тусклѣлъ, все заволакивалось легкой дымкой. Проекторы стремительно свѣтили рейдъ. Съ неба глядитъ ночь. На морѣ тишина, а на землѣ попрежнему адъ.

Въ городѣ тишина могилы. Лишь снарядъ за снарядомъ падаютъ по всѣмъ направленіямъ, давая при взрывѣ кроваво-красный огонь. Словно какія-то волшебныя чудовища, скаля зубы, грозно рыкають.

На оборонительной линіи свѣтятъ боевыя ракеты.

Дождь непріятельскихъ снарядовъ льется на сухопутный фронтъ, сопровождающійся красно-красными взрывами на фонѣ облаковъ чернаго дыма.

Луна закатилась. И въ городѣ и на фронтѣ стало темно и хуже.

Темная ночь. Чистое, глубокое небо, съ милліардами мерцающихъ звѣздъ, а на землѣ, окутанной темнотой ночи, по всѣмъ направленіямъ: въ низинахъ, балкахъ, долинахъ, холмахъ, увалахъ, оврагахъ, раздаются взрывы—вѣрь краснаго пламени и визгъ осколковъ.

Золотая гора, Электрическій утесъ, Стрѣлковая, Крестовая страшно грохочутъ въ отвѣтъ. Все дрожитъ и трясется. Вылетаютъ рамы, звенятъ стекла, рушатся крыши, все живое притаилось, попряталось по домамъ.

По улицамъ спѣшатъ части войскъ, шумятъ патронныя двуколки, несутся ординарцы.

Воздухъ кипитъ отъ летящихъ снарядовъ и осколковъ.

То здѣсь, то тутъ, то тамъ блеснетъ то фосфорическій, то красный огонекъ—и вслѣдъ за нимъ грохотъ выстрѣловъ, заставляющій людей и съ сильными нервами вздрогнуть.

Особенно въ отвѣтъ японцамъ неистовствуютъ Золотая, Утесъ. Когда же стрѣляетъ броненосецъ — получается что-то невѣроятное по силѣ звука: сухой трескъ выстрѣла, равноподобный удару грома, и какой-то свистъ, скрипъ воздуха, стремящагося заполнить разрѣжаемое полетомъ снаряда пространство.

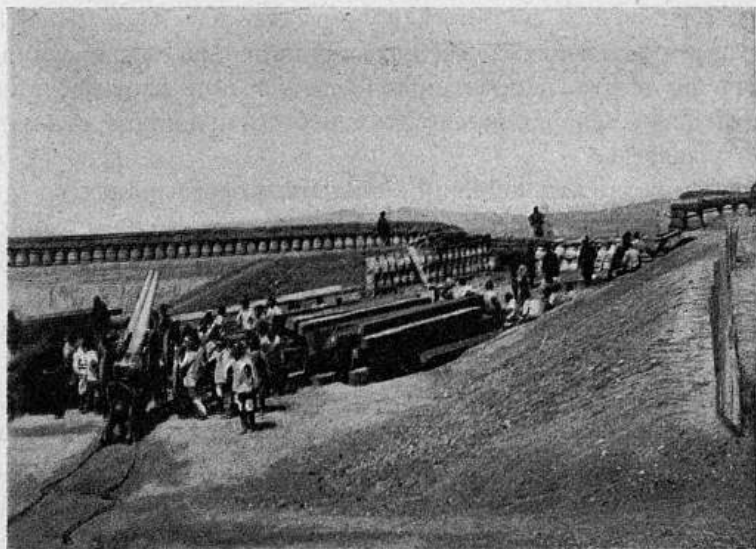
Невольно вспомнились слова Смирнова, сказанныя имъ сегодня:

— Меня всегда считали двужильнымъ, а теперь и я узналъ, что такое нервы, засыпая на часъ-полтора въ сутки.

Все утомилось, но все на-чеку. Ждутъ штурма. Прожекторы съ сухопутныхъ батарей тоже свѣтятъ непрестанно.

Но что значатъ эти нѣсколько слабыхъ прожекторовъ на двадцатипятиверстный фронтъ?

Ночь глубокая развернулась надъ утомленнымъ, обгорелымъ кровью Артуромъ.

Сооруженіе батарей.

Что дѣлается впереди? Что задумалъ врагъ? Что онъ готовитъ?

Никто не знаетъ—всѣ въ ожиданіи.

Только въ передовыхъ окопахъ притаились стрѣлки и зорко, зорко глядятъ впередъ.

Эти узкіе, глубокіе, черной лентой извивающіеся окопы, съ живыми въ нихъ людьми—змѣями окружили всю крѣпость, притаились и караулятъ, не дремлютъ.

Да до дремоты ли, когда вотъ-вотъ ежесекундно упадетъ вражескій снарядъ и превратитъ любого въ комъ крови, мяса и песку? Люди еще не освоились съ непривычной обстановкой. Сна ни въ одномъ глазу.

Говорятъ шепотомъ. Лица блѣдныя, утомленныя. Едва различаютъ другъ друга.

Все чуждо имъ здѣсь: и море, и земля, и врагъ, и смерть, раскрывшая надъ ними, какъ ночь эта глубокая, свои широкія, мощныя объятія.

Она дышала надъ дремлющимъ Артуромъ...

7 августа.

Всю ночь съ 6 на 7 августа японцы съ невѣроятными усиліями и потерями стремились овладѣть Водопроводнымъ редутомъ; лѣзли вплотную, наши сбрасывали ихъ штыками. Непріятель все бросалъ ручныя бомбы и до утра держался за брустверомъ.

До разсвѣта Перепелочная гора осыпалась шрапнелью, а городъ бомбардировался.

Раннимъ утромъ непріятель развилъ ужасающій по силѣ по всему сѣверо-восточному фронту артиллерійскій огонь.

Въ началѣ 7-го часа комендантъ крѣпости генераль-лейтенантъ Смирновъ, въ сопровожденіи своего адъютанта подпоручика Гаммера, направился на Большую гору. Всѣ дороги, прилегающія къ укрѣпленіямъ, засыпались шрапнелью.

Пришлось мѣстами ѣхать на дистанціи 5 лошадей.

Цѣлый день шелъ ожесточеннѣйшій артиллерійскій бой.

Густыя колонны атакуютъ Панлуншанскій и Водопроводный редуты. Противъ послѣдняго установлена батарея, которая не даетъ высунуться.

Водопроводный редутъ, подъ командой капитана Кириленко, держится геройски. Дѣло дошло до того, что японскіе пулеметы на брустверѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ противъ Кумирнскаго редута японцы намѣревались перерѣзать проволочныя загражденія. Японцы истреблены, инструменты и винтовки отобраны.

Угловая гора нейтральна и совершенно оставлена въ 1 часъ 15 мин. дня. Наша новая линія—отъ Высокой горы, черезъ Длинную, на Дивизіонную. Наши потери при отбитіи штурма по всей линіи до 500, у японцевъ огромны.

Непріятельскіе миноносцы стрѣляли изъ-за Сигнальной горы.

Водопроводный редутъ совершенно разрушенъ, поддержанный же жертой пограничниковъ остался въ нашихъ рукахъ.

Въ 6 час. 30 мин. вечера охотники атаковали Угловую гору. Японцы ее занимаютъ съ одной стороны, наши съ другой.

Съ наступленіемъ вечера до восхода луны по всей оборонительной линіи наступило сравнительное затишье (кромѣ редутовъ).

Впереди Панлуншанскаго редута сосредоточивался противникъ.

Съ восходомъ луны и всю ночь опять продолжался ужасающій по силѣ артиллерійскій бой. Огонь главнымъ образомъ сосредоточился противъ сѣверо-восточнаго фронта. Японцы, прикрываемые своимъ огнемъ, штурмовали нѣкоторые форты и укрѣпленія. Куропаткинскій люнетъ былъ отбитъ съ огромными для штурмующихъ потерями. Прожектора и боевыя ракеты непрерывно свѣтили.

Городъ всю ночь осыпался шрапнелью и бомбардировался мелинитовыми снарядами.

Сегодня повтореніе вчерашняго. Городъ и портъ страдаютъ меньше: все обрушилось на фронтъ.

Береговая оборона и броненосцы, словно озлившись, непрестанно гудятъ. Стоитъ непрерывный грохотъ. Земля дрожить, дома трясутся.

Выѣхали на Большую гору. Всѣ дороги осыпаются шрапнелью. Смирновъ впереди, поднялъ коня въ галопъ. На перевалѣ, открывшемъ насъ Дагушаню, комендантъ скомандовалъ:

— Дистанція 5 лошадей!—Понеслись. Жутко было. Но сзади слѣдовали охотники. Приободрился. Съ Большой горы все расположеніе, какъ на ладони.

Взбираясь по крутому подъему, комендантъ на минуту осадилъ коня. Кругомъ на много верстъ гудѣла орудійная канонада.

Осадивъ своего Монгола и глядя въ сторону с.-в. фронта, гдѣ сосредоточилась вся сила огня, Смирновъ, указавъ въ сторону противника рукой, сказалъ:

— Знаете, и на войнѣ, въ этой разрушительной силѣ, которую человѣкъ посылаетъ человѣку, рѣшивъ настоять каждый на своемъ—сказывается мощь человѣческаго ума, и, какъ хотите, но въ этомъ много поэзіи—особенной, исключительной, но все-таки поэзіи.

Взобравшись на гору, комендантъ, ознакомившись съ обстановкой боя—началъ отдавать распоряженія.

Послѣ полудня получило донесеніе, что Угловая пала.

Коменданта это извѣстіе готово было привести въ бѣшенство, но онъ сдержался: кругомъ стояли офицеры. Только по поблѣднѣвшему лицу и недоброй искоркѣ въ глазахъ я угадалъ, что творилось въ душѣ этого сильнаго человѣка.

Въ 5 ч. пополудни прибылъ съ докладомъ Кондратенко, тихій, сконфуженный.

Неласково принялъ его Смирновъ. Онъ вспылилъ.

— Вчера минимумъ потерь. Сегодня вы очистили гору.

— Ваше превосходительство, всѣ блиндажи изрыты, удерживать гору значило бы не вести бой, а устраивать бойню своихъ.

— Но позвольте! Зачѣмъ вы мнѣ тамъ погубили четыре поршневыхъ орудія и четыре, четыре шестидюймовыхъ мортиры? Вы вѣдь знаете, какъ я дорожу мортирами. Надо было удерживать Угловую гору хотя жидкою цѣпью до ночи, а ночью возобновить траншеи. Помилуйте! Вѣдь такимъ поспѣшнымъ отступленіемъ вы меня сразу посадите въ ковшъ.

— Признаться сказать, ваше превосходительство, я не приказывалъ отступать, они сами это сдѣлали. Мнѣ самому мортиръ жаль; хотя я знаю, что двѣ изъ нихъ уже испорчены, но я постараюсь ихъ вернуть обратно.

— Хорошо. Поѣзжайте назадъ, но имѣйте въ виду, что я не могу вамъ дать ничего изъ общаго резерва. Знайте и имѣйте въ виду, что здѣсь у меня на сѣверо-восточномъ фронтѣ назрѣваютъ событія первостепенной важности.

Кондратенко уѣхалъ.

Съ первыми сумерками скрывшейся луны, вся сила орудій-

Арсеналь. Китайскія орудія.

наго огня осаждающаго обрушилась на Панлуншанскій, Водопроводный и Кумирнскій редуты и достигла наивысшаго напряженія.

Тамъ было что-то ужасающее по силѣ разрушенія.

Послѣ 9-ти на Кумирнскій редутъ поведенъ былъ рядъ кровопролитнѣйшихъ атакъ. Всѣ атаки были съ успѣхомъ отбиты.

Склоны устланы трупами.

Съ полуночи начался рядъ атакъ на Водопроводный и Панлуншанскій редуты. Японцы геройски шли впередъ, несмотря на губительнѣйшій огонь. Дошли, началась рукопашная свалка. Подъ давленіемъ много разъ превосходящаго въ силѣ противника наши уступили с.-в. уголъ Водопроводнаго редута.

Генераль Кондратенко, согласно указанію Смирнова, нахо-

дясъ на западномъ фронтѣ, съ началомъ атакъ переѣхалъ въ штабъ полковника Семенова.

Находясь еще подъ впечатлѣніемъ результата послѣдняго доклада относительно Угловой, Романъ Исидоровичъ, признавая положеніе Водопроводнаго редута критическимъ, не рѣшилъ самъ донести коменданту, а предложилъ телефонировать Семенову. Послѣдній донесъ объ отчаянномъ положеніи Водопроводнаго редута.

Комендантъ отдалъ слѣдующее распоряженіе:

— Направить къ редуту столько ротъ изъ частнаго резерва, сколько найдете необходимымъ. Взамѣнъ вышлю столько же ротъ изъ общаго резерва съ условіемъ, чтобы для атаки отправлялись роты, хорошо знакомыя съ мѣстностью.

Семеновъ:

— Направляю роты пограничниковъ съ Бутусовымъ во главѣ.

Комендантъ:

— Гаммеръ ведетъ къ вамъ 2 роты моряковъ.

На разсвѣтѣ пограничники подошли къ деревнѣ Палиджунъ, скрыто пробрались траншеями къ Водопроводному редуту и бросились на „ура“ въ ровъ японцевъ. „Ура“ было принято капитаномъ Кириленко, удерживавшимъ южную часть редута. Послѣдовала дружная общая атака. Японцы бросились бѣжать, неожиданно смявъ давно залегшіе въ лощинахъ свои резервы. Все это произошло такъ неожиданно, что и резервы начали быстро отступать, нечаянно обнажили себя и, попавъ подъ фланговый огонь форта III и укрѣпленія III, обратились въ паническое бѣгство по направленію Волчьихъ горъ.

На склонахъ осталось свыше 1000 труповъ.

Приблизительно въ это же время шла грозная атака на Панлуншанскій редутъ. Японцы ломились и въ концѣ концовъ сломили упорство нашихъ.

Рота послѣ значительныхъ потерь отошла. Редутъ въ рукахъ японцевъ.

Полковникъ Семеновъ доноситъ коменданту.

Смирновъ отвѣчаетъ:

— Признавая крайнюю серьезность удержанія Панлуншанскаго редута, предлагаю обязать командира роты вернуть во что бы то ни стало редутъ обратно. Если не вернетъ, будетъ преданъ суду. Но въ то же время немедленно направить въ поддержку этой ротѣ цѣлый баталіонъ. При такихъ силахъ успѣхъ контръ-атаки обезпеченъ. Взамѣнъ такого расхода частнаго резерва, высылаю изъ общаго резерва двѣ роты моряковъ.

Семеновъ:

— Направляю баталіонъ полковника Мачабелли, одна изъ ротъ котораго была гарнизономъ на Панлуншанскомъ редутѣ. Послѣдовала лихая и страшно кровопролитная атака.

Самъ князь Мачабелли палъ смертью героя на горжѣ редута.

Редутъ былъ взятъ. Но при хаосѣ рукопашной свалки, гдѣ въ упоръ стрѣляли пулеметы, бросали ручныя бомбочки, загорѣлись блиндажи, редутъ запылалъ факеломъ. Удержаться на немъ было немыслимо, и наши отошли на 400 шаговъ назадъ въ траншеи, откуда открыли по редуту сильный огонь.

Японцы тоже не могли его занять. Редутъ сталъ нейтральной полосой, и мы до паденія Высокой горы удерживали Панлуншанъ въ своихъ рукахъ. Панлуншанъ имѣлъ огромное значеніе для дальнѣйшей обороны крѣпости.

Геройская смерть князя Мачабелли.

Съ покойнымъ Иваномъ Ильичемъ я познакомился впервые еще на Зеленыхъ горахъ. Онъ произвелъ на меня отмѣнно-хорошее впечатлѣніе. Невольно я любовался его крѣпкой, статной фигурой, словно приросшей къ красавцу-коню. Тогда онъ командовалъ 13 восточно-сибирскимъ стрѣлковымъ полкомъ.

Вся боевая линія о немъ заговорила послѣ атаки Куинъ-Сана баталіонами 13 полка. Во главѣ баталіоновъ шелъ самъ Мачабелли, вдохновляя вѣранный ему полкъ къ чудесамъ храбрости и отваги.

Я младенчески вѣрилъ тогда тому, что генераль Фокъ по достоинству оцѣнитъ этого офицера, что онъ постарается поставить его всѣмъ въ примѣръ—въ особенности командирамъ полковъ и даже своему другу Савицкому.

Я надѣялся, что Савицкій, оставаясь все-таки человѣкомъ, устыдится своего поведенія и постарается хоть въ миниатюрѣ подражать князю.

Но къ несчастію, у насъ дѣлалось все по теоріи Фока.

Послѣ боевъ на Зеленыхъ горахъ я не видѣлъ князя вплоть до тѣсной блокады.

Въ послѣднихъ числахъ іюля рѣшилъ его навѣстить. Ъду въ новый городъ. Узнаю отъ полковника Эдусова, что князь Мачабелли отрѣшенъ отъ командованія полкомъ и теперь съ однимъ изъ баталіоновъ занимаетъ позицію на Панлуншанѣ.

Я не вѣрилъ своимъ ушамъ:—Полковникъ, да этого быть не можетъ. За что?

— Да ни за что. Вы знаете, какъ мы неожиданно-быстро очистили Волчьи горы. Фокъ обвинилъ во всемъ князя.

— Да князь-то при чемъ?

— Ровно ни при чемъ. Во всемъ виноватъ Фокъ со своимъ штабомъ. Но нужно было найти виноватаго. Фокъ нашелъ. А такъ какъ князь командующій, то его и отстранили.

Полковникъ Эдусовъ волновался.

— Смѣю васъ увѣрить, что князь положительно ни въ чемъ не повиненъ. Я-то вѣдь отлично знаю: князь—герой—этого у насъ не любятъ. Поглядите кругомъ.

Если бы вы знали, какъ тяжело это отозвалось на князѣ.

Штурмъ Портъ-Артура.

(Съ японскаго оригинала).

Онъ нравственно совершенно разбитъ. Поѣзжайте къ нему, повидайте его, успокойте. Если поѣдете, я дамъ вамъ письмо, нужно многое ему сообщить.

Я простился.

Черезъ часъ съ небольшимъ я подъѣзжалъ къ палаткѣ князя Мачабелли.

На холмикѣ одиноко стояла маленькая походная солдатская палатка, въ сторонѣ другая.

Солнце было на закатѣ.

Вѣстовой доложилъ, разбудивъ...

На корточкахъ вползъ въ палатку. Князя я не узналъ. Осунулся, поблѣднѣлъ, глаза впади.

Князь встрѣтилъ меня не то испуганно, не то злобно.

— Вамъ меня нужно видѣть?—На лицѣ играла нехорошая

улыбка. Горечь глубокой, скрытой обиды читалъ я въ ней: Мой прїѣздъ взбодрилъ душевную рану.

Я потерялся.

— Князь, вотъ письмо отъ полковника Эдусова. Онъ шлетъ вамъ прївѣтъ. Разрѣшите осмотрѣть вашу позицію.

— Идемте.

Какъ ни старался онъ прїободриться, отдавая по дорогѣ распоряженія возившимся стрѣлкамъ, это былъ уже не тотъ князь Мачабелли, которымъ я любовался на передовыхъ позиціяхъ.

Это была лишь тѣнь его.

Солнце низко склонилось.

Тихо было кругомъ, когда мы простились.

— Навѣщайте, не забывайте — были его послѣднія слова, когда, тронувъ коня, я жалъ его холодную, влажную руку.

Въ этомъ послѣднемъ пожатіи, въ этомъ послѣднемъ взглядѣ, обращенномъ на меня, я почувялъ, князь понялъ, что не простое любопытство влекло меня...

Больше я его не видѣлъ.

7-го августа, часовъ въ семь вечера къ полковнику Мачабелли прибылъ ординарецъ полковника Семенова г. Загоровскій съ предписаніемъ князю разставить посты между Панлуншанемъ и Дивизионной горой, чтобы этимъ предотвратить прорывъ въ Чайную долину.

— Вы знаете, говорилъ мнѣ впослѣдствіи Загоровскій, я положительно не узналъ Мачабелли: настолько онъ измѣнился. Это былъ совершенно другой человѣкъ.

Когда я ему передалъ приказаніе Семенова, онъ какъ-то вяло отвѣтилъ:—Да помилуйте, я совершенно не знаю здѣсь мѣстности, какъ я буду разставлять посты?

Былой энергіи, отваги, подвижности—и слѣдъ простылъ.

Тяжелое на меня произвелъ впечатлѣніе князь.

Когда ночью получилоcь приказаніе двинуть ввѣренный князю баталіонъ для контръ-атаки Панлуншанскаго редута—передаютъ очевидцы—Мачабелли сразу ожилъ.

Князь сталъ самымъ собой.

Воскресла ли въ немъ надежда вернуть полкъ, закипѣла ли въ немъ кровь его предковъ, забурила ли горечь незаслуженной обиды и несправедливости, рѣшилъ ли онъ умереть съ тѣмъ, чтобы скорѣе прекратить существованіе обезчещеннаго командира полка, или просто движимый сознаніемъ долга,—но онъ шелъ, какъ тогда на Зеленыхъ горахъ, впереди своихъ баталіо-

новъ, такъ и теперь впереди своихъ ротъ въ контръ-атаку Панлуншанскаго редута.

Съ шашкой наголо, съ высоко поднятой головой шагаль онъ, грудью встрѣчая вихрь пуль винтовокъ и пулеметовъ.

Японцы развивали бѣшеный огонь.

Ряды рѣдѣли. Князь впереди—еще невредимъ.

Еще нѣсколько шаговъ—бросились на „ура“. „Ура“ гремитъ среди сухого треска винтовокъ. Штыками выбиваютъ японцевъ, раздаются отдѣльные выстрѣлы, срываются, рвутся бомбочки. Каша какая-то.

Метнулся лучъ прожектора и освѣтилъ фосфорическимъ свѣтомъ отвратительно-грозную, кровавую картину ночного рукопашнаго боя людей.

Озвѣрѣвшія, красныя, блѣдныя, съ выпученными, бессмысленно горящими глазами лица; согнутыя, выпрямившіяся фигуры, сѣрыя—наши, желтыя—враговъ; колютъ, рѣжутъ, рубятъ, душатъ, рвутъ, давятъ, бьютъ прикладами, впиваются зубами...

Японцы защищаются отчаянно. Но наши уже на горжѣ. Мачабелли впереди, окруженный толпой стрѣлковъ. На редутѣ занялся пожаръ. Горятъ блиндажи. Жаръ усиливается, жаръ нестерпимъ. Японцы постепенно очищаютъ редутъ, но и намъ его не занять. При яркомъ красномъ свѣтѣ пламени—повсюду видны истерзанныя группы и въ одиночку трупы и жалобно стоноущіе раненые; корчатся они, ползутъ, встаютъ и падаютъ...

Японцы очистили редутъ, но и намъ его не занять. Редутъ пылаетъ, черезъ него японцы открыли залповый и одиночный огонь. Пулеметъ та-та-та-каетъ.

Убийственная струя его косить.

Суматоха среди нашихъ. Отходятъ назадъ, въ траншеи. Заняли ихъ.

Разсвѣтъ.

— А гдѣ баталіонный командиръ?

Нѣтъ; ищутъ—нѣтъ. Нѣтъ князя!

Совсѣмъ разсвѣло, а князя нѣтъ.

Ужъ не спрятался, не убѣжалъ ли—мелькнуло.

День.

Да, князь убѣжалъ!

Вонъ впереди, на горжѣ редута лежитъ онъ бокъ-о-бокъ съ гарнистомъ, кругомъ груды труповъ.

Да, князь убѣжалъ, скрылся отъ злыхъ, несправедливыхъ и безчестныхъ людей.

Долго потомъ, днемъ и ночью, на разсвѣтѣ и сумерками

добрые люди, стрѣлки рядовые хотѣли вернуть къ себѣ хотя трупъ бездыханный героя-командира.

Много легло ихъ въ этой отвагѣ, но князя они не вернули. Японцы не дали, убрали.

А въ городѣ потомъ долго ходили слухи упорные, вѣрные, что князь былъ еще живъ, и лишь раненымъ его японцы взяли.

Только прѣхавъ въ Россію—я узналъ, что князь Мачабелли погибъ безвозвратно.

Нѣтъ Мачабелли, нѣтъ сотенъ офицеровъ, погибшихъ въ Артурѣ, гдѣ нашли они лишь могилу въ чуждой имъ землѣ.

Война — это призывъ къ смерти! Смерть — вѣнецъ воина.

Но зачѣмъ, зачѣмъ на тѣхъ, кто жизнью своей покупаетъ славу знаменъ, на трупахъ которыхъ создается величіе націи, при жизни надѣвать терновый вѣнецъ, сплетенный изъ несправедливости, клеветы и злобы старшихъ начальниковъ?

Неужели еще долго будутъ живы въ рядахъ великой русской арміи, великой молчальницы, прототипы Стесселя, Фока, Рейса, Савицкаго, Никитина, Дмитревскаго и многихъ, многихъ другихъ?!

Гибель Н. А. Высокихъ.

7-е августа было днемъ печали для многихъ.

Въ то время, когда огонь противника дошелъ до своего крайняго напряженія, когда батареи на Маломъ и Большомъ Орлиномъ Гнѣздѣ стали стихать, надъ Залитерной батареей поднялось облако бѣлаго дыма—грохнулъ взрывъ, начался пожаръ.

Произошелъ взрывъ бомбоваго погреба, батарея была разрушена. Большинство нижнихъ чиновъ убито на мѣстѣ, остальные тяжело ранены.

Только командиръ батареи (герой Киньчжоу) штабсъ-капитанъ Николай Алексѣевичъ Высокихъ остался живъ. Онъ, совершенно голый, бѣжалъ, спотыкаясь, на батарею своего брата, хотѣлъ найти тамъ спасеніе отъ сплошныхъ, ужасныхъ ожоговъ, покрывавшихъ его тѣло.

Въ изступленіи отъ невыносимыхъ мученій онъ забылъ, что братъ его Владимиръ, командиръ сосѣдней батареи на Маломъ Орлиномъ Гнѣздѣ, вчера еще тяжело раненъ.

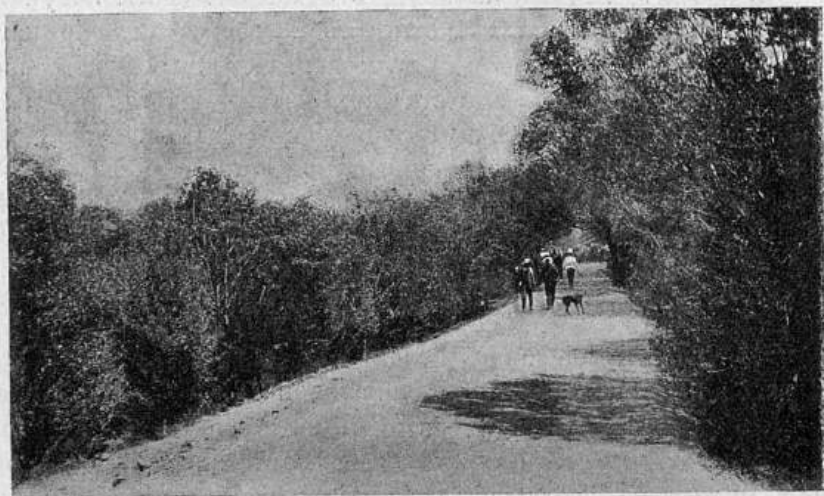
Николая Высокихъ скоро доставили въ госпиталь, гдѣ онъ умеръ.

Смерть сопровождалась такими страданіями, при видѣ которыхъ не слѣзы горячія льются, нѣтъ—кровь холодѣетъ, сердце

перестаетъ биться, и разъ навсегда въ мозгу запечатлѣвается: Великій Боже, гдѣ Твое милосердіе и справедливость?

Когда я смотрѣлъ на обезображенное лицо Николая Алексѣевича, передо мной предстала картина:

Май, ночь. Мы спѣшно отступаемъ съ Киньчжоу. Съ связанной рукой шагаетъ впереди своихъ артиллеристовъ Николай Алексѣевичъ Высокихъ. Онъ нравственно и физически разбитъ. Его уговариваютъ сѣсть на лошадь. Онъ отказывается. Въ его глубокихъ, честныхъ, чистыхъ глазахъ, въ которыхъ свѣтится отблескъ яркаго мѣсяца, я читаю скорбь о погибшихъ товарищахъ-артиллеристахъ, заботу о живыхъ.

Аллея въ арсеналѣ.

Высокихъ шелъ до тѣхъ поръ, пока подъ нимъ не подкопились ноги, и онъ въ обморочномъ состояніи рухнулъ на землю.

Не стало Николая Высокихъ.

Сколько нравственной чистоты, чуткости, правды, любви и довѣрія къ людямъ унесъ съ собой въ могилу офицеръ-рыцарь Высокихъ!

Всю ночь на 8-е августа шла непрерывная канонада. Огонь главнымъ образомъ сосредоточивался на центрѣ с.-в. фронта. Нервы натянулись.

Не до сна. На фронтѣ непрестанно свѣтятъ ракеты. Ежеминутно ожидаютъ штурма.

8 августа.

8 августа, съ 4 часовъ утра орудійный огонь дошелъ до крайняго напряженія, а съ разсвѣтомъ началъ постепенно слабѣть, нанеся въ общей сложности нѣкоторые поврежденія фортамъ и батареямъ.

Въ 6 час. утра комендантъ крѣпости потѣхалъ на Опасную гору. Всѣ подступы обстрѣливались усиленно шрапнелью по предполагаемымъ резервамъ.

Комендантъ крѣпости, благополучно миновавъ вмѣстѣ съ начальникомъ полевой артиллеріи генераль-маіоромъ Никитинымъ (бывшимъ совершенно не у дѣлъ) поражаемое пространство, поднялся наверхъ, откуда и руководилъ ходомъ боя изъ блиндированной вышки, соединившись непосредственно телефономъ съ начальникомъ своего штаба подполковникомъ Хвостовымъ.

Шрапнель и бомбы рвались кругомъ.

Къ 12 часамъ вполнѣ выяснилась обстановка боя.

Вернувшись домой, комендантъ крѣпости отдалъ начальнику штаба подполковнику Хвостову распоряженіе о сосредоточеніи морского резерва; въ 4 часа потѣхалъ вмѣстѣ съ генераль-маіоромъ Никитинымъ на центръ сѣверо-восточнаго атакowanego фронта.

Съ вершины Скалистой горы комендантъ крѣпости ознакомился съ фактическими результатами двухдневнаго артиллерійскаго боя. Съ высоты открылся видъ на все наше расположеніе и расположеніе противника.

Шрапнельный и ружейный огонь возобновлялся иногда съ крайней настойчивостью.

Огонь фугасными бомбами былъ ослабленъ.

Одна изъ шрапнелей разорвалась очень близко отъ коменданта крѣпости. Нѣсколько пуль ударились около него въ землю, а одна—рядомъ съ нимъ въ камень. Свистъ ружейныхъ пуль не прекращался.

Ознакомившись лично съ обстановкой обороны и отдавъ соответствующія указанія генералу Горбатовскому, исходя изъ предположенія, что въ ночь можно ожидать рѣшительнаго штурма, - генераль-лейтенантъ Смирновъ уѣхалъ домой.

Наши батареи все время поддерживали рѣдкій огонь.

Ночью японцы настойчиво стремились атаковать то люнетъ Куропаткина, то проползти оврагомъ на л. Б; каждый разъ были во-время открываемы и отбиты съ большими потерями.

На разсвѣтъ, противникъ въ большихъ силахъ стремился обойти расположеніе 4-ой роты 25 полка.

Какъ только подошла высланная на поддержку рота 26 полка, японцы бросились бѣжать, съ страшнымъ урономъ, поражаемые непрерывнымъ пулеметнымъ и орудійнымъ огнемъ. Потерь съ нашей стороны не было.

Утромъ началось обстрѣливаніе шрапнелью лит. Б.

Вчера, въ 8 часовъ утра, когда генераль-маіоръ Кондратенко проходилъ вблизи штаба крѣпости, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него разорвался 6-дюймовый фугасный снарядъ, засыпавъ его съ ногъ до головы землею и камнями. Генераль чудомъ остался живъ и невредимъ.

Едва лишь разсвѣло—къ коменданту.

Сѣверо-восточный фронтъ гудитъ.

Съ восходомъ солнца выѣхали на Опасную гору.

Подъѣзжая къ Опасной, опять попали подъ сильный шрапнельный огонь. Противникъ стрѣлялъ по предполагаемымъ резервамъ. Напрасны были труды. Кромѣ нашей группы, никого не было.

Поднялись на вышку. Сегодня противникъ усиленно пристрѣливается къ намъ малокалиберными снарядами изъ-за Дагушана.

Атака во всей силѣ на с.-в. фронтъ. Генераль Горбатовскій, начальник обороны восточнаго фронта, проситъ поддержки. Просьбы повторяются.

Непріятель въ большихъ силахъ ведетъ атаку на редуты, Куропаткинскій люнетъ, Китайскую стѣнку и Большое Орлиное Гнѣздо. Частный резервъ таетъ. Положеніе серьезное.

Генераль Смирновъ телефонируетъ Фоку—немедленно, бѣгомъ подводитъ послѣдній резервъ, 14-ый полкъ. Фокъ вступаетъ съ комендантомъ въ пререканія. Время идетъ. Горбатовскій совершенно теряется, умоляетъ поддержать, каждая минута дорога.

Смирновъ, прекрасно понимая всю серьезность переживаемыхъ моментовъ атаки, подтверждаетъ приказаніе Фоку.

Окружающіе генерала волнуются.

Смирновъ хладнокровно отдастъ приказаніе, Фокъ возражаетъ.

Генераль Смирновъ, всегда спокойный, выдержанный, вышелъ изъ себя.

— Поручикъ Гаммеръ, дайте записную книжку.

Комендантъ быстро написалъ приказаніе.

— Отправляйтесь къ генералу Фоку и передайте ему лично. Гаммеръ исчезъ.

Отъ генерала Горбатовскаго поступаютъ донесенія одно тревожнѣе другого.

Въ дѣйствительности положеніе вещей было таково: сухопутный артиллерійскій фронтъ сильно пострадалъ и уже началъ слабо отвѣчать на мощный огонь атакующаго. Борьбу уже велъ главнымъ образомъ береговой фронтъ своими крупными орудіями, повернутыми въ сторону противника.

Изъ деревень Дапалиджуанъ, Ліэрръ и Ванзядензы показались значительныя силы пѣхоты. Наблюдая за всѣмъ, что происходило въ сторонѣ атакующаго, можно было ожидать штурма, но только не ранѣ наступленія вечера.

Прибываетъ на Опасную гору генераль Горбатовскій и, крайне взволнованный, докладываетъ, что, по его мнѣнію, наступаетъ рѣшительный моментъ. Убыль войскъ отъ артиллерійскаго огня громадна, стрѣлки страшно истощены и утомлены, необходимо сильное подкрѣпленіе, безъ котораго невозможно будетъ отбить штурмъ.

Генераль, проведеншій нѣсколько сутокъ безъ сна, подъ сильнѣйшимъ орудійнымъ огнемъ, переутомился и нѣсколько сгущалъ краски.

Генераль Смирновъ, выслушавъ подробный докладъ генерала Горбатовскаго, съ собственнымъ ему полнымъ спокойствіемъ сказалъ:

— Ваше превосходительство, не такъ уже все плохо. Прежде всего—спокойствіе и выдержка. Вы сидите тамъ въ самомъ аду, и обстановка вамъ кажется все-угрожающей, вы мало опознаетесь въ ней. Успокойтесь, мы живо дѣло поправимъ.

— Такъ точно, ваше превосходительство, но обстановка очень тревожная. Японцы, по овладѣніи редутами, которые уже въ критическомъ положеніи, по всему вѣроятію, поведутъ на сильно пострадавшій центръ штурмъ. Большое Орлиное Гнѣздо, Залитерная батарея Высокихъ выведены изъ строя; Куропаткинскій люнетъ тоже въ критическомъ положеніи; батарея лит. Б дѣйствуетъ однимъ лишь орудіемъ, морская батарея тоже подбита...

— Согласенъ — продолжаетъ Смирновъ: дѣло обстоитъ очень серьезно, но я принялъ уже мѣры: 14-ый полкъ, находящійся въ общемъ резервѣ, приказалъ передвинуть изъ мѣста расположенія (казармы 10 полка) на с.-в. фронтъ, на которомъ эшелонировать по-баталіонно у Большого Орлинаго Гнѣзда и питательнаго погреба. Кромѣ того, я сниму 6 ротъ десанта (1200 ч.), который сосредоточу у фронта, въ блиндажахъ 9 полка. Рабочіе, съ наступленіемъ ночи, исправятъ орудія. Въ пораженномъ ин-

Японская каррикатура.

тервалъ поставлю полевые орудія изъ общаго артиллерійскаго резерва, и штурмъ мы парализуемъ.

Отправляйтесь назадъ. Въ четыре часа я пріѣду на вашъ участокъ, и тамъ мы уже рѣшимъ всѣ подробности встрѣчи предстоящаго штурма.

Генералъ Горбатовскій уѣхалъ.

На Опасную взбирается поручикъ Гаммеръ и подаетъ коменданту пакетъ.

Генералъ Фокъ, вмѣсто того, чтобы немедленно исполнить приказаніе Смирнова—передвинуть въ этотъ остро-критическій моментъ 14-ый полкъ, стоявшій въ общемъ резервѣ, къ сѣверо-восточному фронту—прислалъ записку на цѣломъ листѣ бумаги, въ которой излагалъ очень подробно свои глубокомысленныя разсужденія объ опасности (въ смыслѣ потерь) такого расположенія резерва, въ особенности у питательнаго погребѣ, куда якобы непріятель посылаетъ кучу шрапнели.

Необходимо замѣтить, что приказаніе свое комендантъ отдавалъ съ Опасной горы, у подножія которой находится питательный погребъ, прекрасно укрытый мѣстностью и въ то же время вовсе не обстрѣливаемый непріятелемъ.

— Это чортъ знаетъ что такое! Не могу резервы подвести! завопилъ уже комендантъ, какъ ужаленный, прочитавъ посланіе Фока.

— Гаммеръ! пишите записку генералу Фоку.

Въ запискѣ было сказано, что если онъ, Фокъ, немедленно не исполнитъ приказанія о подводѣ резерва,—будетъ устраненъ отъ командованія имъ.

Гаммеръ, сломя голову, поскакалъ.

Къ часу артиллерійская атака начала постепенно слабѣть. Атакующій, занявъ деревни Фудзяфанъ и Палиджуанъ, началъ подбираться къ гласисамъ редутовъ.

Приближался штурмъ.

По всѣмъ даннымъ, онъ долженъ былъ наступить не ранѣе ночи.

Нужно замѣтить, что генералъ Смирновъ, сразу оцѣнивъ слабость с.-в. фронта, съ момента своего прибытія вооружалъ его за счетъ западнаго фронта—переносилъ на этотъ фронтъ орудія съ берегового фронта (9" мортиры Волчьей батареи) и ставилъ въ большомъ количествѣ орудія, полученные отъ флота, пребывая въ непоколебимой увѣренности, что главная сила удара будетъ нанесена именно сюда, тѣмъ болѣе, что непосред-

ственно за этимъ фронтомъ помѣщалось все жизненное въ крѣпости (портъ, докъ, интендантскіе склады, главный пороховой погребъ, мельница).

Вѣроятнѣйшимъ пунктомъ атаки комендантъ опредѣлилъ исходящій уголъ, образуемый верками крѣпости между капониromъ II-ымъ и редутомъ I-ымъ, о чемъ еще за мѣсяць передъ этимъ предупредилъ генерала Горбатовскаго, назначеннаго на этотъ фронтъ, и, при постоянныхъ объѣздахъ этой линіи, подолгу останавливаясь на ней, требовалъ отъ сопровождавшаго его Григоренко созданія мощныхъ блиндажей. Все, что можно было успѣть къ началу атаки, было сдѣлано; работали, не покладая рукъ, на страшномъ солнцепекѣ. А солнце на Квантунѣ горячее!

Отправивъ Гаммера, комендантъ, отдавъ послѣднія приказанія, обратился къ присутствовавшимъ:

— Господа, орудіиный огонь стихаетъ, непріятель дѣлаетъ передышку, раньше сумерекъ атака не возобновится,—можно и намъ передохнуть, подкрѣпиться.

Спускаясь внизъ, опять попали подъ шрапнельный огонь, но настъ поздно замѣтили. На Дагушанѣ у нихъ установленъ наблюдательный постъ: лишь только покажется группа, они немедленно открываютъ огонь.—По дорогѣ комендантъ встрѣтилъ строящійся резервъ 14-го полка. Генераль Смирновъ лихо подскакалъ къ нимъ.

— Здорово, молодцы стрѣлки!

— Здравія желаемъ!.. гаркнули въ отвѣтъ.

— Друзья, вы присягали служить вѣрой и правдой; такъ помните же—насталъ часъ, когда это предстоитъ доказать на дѣлѣ. Вы—молодцы! Я въ васъ увѣренъ. Да благословить васъ Господь исполнить свято вашъ долгъ, какъ исполняютъ его уже ваши товарищи впереди. Съ Богомъ!—Вечеромъ увидимся, я къ вамъ пріѣду.

Впослѣдствіи, при дальнѣйшихъ непрерывныхъ штурмахъ сѣверо-восточнаго фронта, генераль Смирновъ долго не могъ найти одного баталіона 14-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка, не понимая, гдѣ онъ могъ потеряться на атакованномъ фронтѣ. Послѣ тщательныхъ розысковъ оказалось, что этотъ баталіонъ съ охотничьими командами, съ вѣдома генерала Фока, оставался въ казармахъ.

Самъ же генераль Фокъ не повелъ и не вышелъ съ 14-ымъ полкомъ (послѣдній въ резервѣ) на позицію, а оставался жить въ своей городской квартирѣ.

Послѣ всѣхъ этихъ художествъ Фока, комендантъ отстранилъ его отъ командованія резервомъ, и поэтому съ 8-го августа вплоть до 3-го декабря генераль Фокъ абсолютно не игралъ никакой боевой роли. Вся его дѣятельность заключалась въ писаніи длиннѣйшихъ объяснительныхъ записокъ и начиниваніи Стесселя всевозможными совѣтами.

Послѣ бомбардировки и пожара.

Крѣпости грозила серьезная опасность. Если врагъ проявитъ настойчивость, ночь будетъ тяжелая. Комендантъ все это отлично понималъ, но ни единымъ взглядомъ не выдавалъ себя. Видъ, какъ всегда, бодрый и покойный. Подъѣхавъ къ штабу крѣпости, онъ приказалъ начальнику своего штаба командировать генеральнаго штаба капитана Степанова изъ штаба Стесселя въ штабъ отряда генерала Горбатовскаго:—Тамъ Степановъ теперь нуженъ, и я надѣюсь, что онъ будетъ очень полезенъ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ Хвостову снять съ судовъ 6 ротъ десанта и передвинуть его къ арсеналу, въ блиндажи 9-го полка.

Какъ увидить читатель, предположеніе Смирнова оправдилось въ полномъ объемѣ. Всю силу штурмующихъ колоннъ и артиллерійскаго огня противникъ направилъ на с.-в. фронтъ, его исходящій уголъ—редуты I и II, которые были оставлены лишь тогда только, когда они превратились въ груды развалинъ. Явилось полное основаніе предполагать, что, врѣзавшись въ с.-в. фронтъ, занявъ 2 редута, противникъ поведетъ дальнѣйшій штурмъ, такъ какъ за редутами шла слабая оборона Китайской стѣнки, а за нею батареи, входящія въ линію верковъ крѣпости.

Не премину упомянуть. Говорятъ, что генераль Стессель, подъ влияніемъ Фока, въ періодъ времени, когда еще шли операціи на передовыхъ позиціяхъ укрѣпленнаго района, неотступно настаивалъ на особенно сильномъ укрѣпленіи западнаго фронта со стороны Угловой горы, въ предположеніи, что противникъ именно тамъ поведетъ главную атаку.

Это предположеніе оба генерала основывали на своей *idée fixe*. Были, видите ли, когда-то маневры. Фокъ со своей дивизіей осаждалъ Артуръ. Стессель оборонялъ его.

Кончилась осада очень быстро. Фокъ неожиданно, обходнымъ движеніемъ на Угловую гору, вошелъ въ Артуръ. Стессель капитулировалъ и съ тѣхъ поръ вѣрилъ Фоку, какъ Марсу.

Военный совѣтъ.

Генераль Смирновъ, отдавъ распоряженіе полковнику Хвостову, пригласилъ всѣхъ насъ къ себѣ завтракать.

— Господа, милости прошу ко мнѣ на бутылку квасу.

Генераль Никитинъ, поручикъ Гаммеръ и я послѣдовали за комендантомъ.

Всѣ проголодались и съ большимъ аппетитомъ завтракали, запивая восхитительнымъ квасомъ, которымъ Смирнова снабжалъ штабъ крѣпости.

Генераль по обыкновенію шутилъ, словно все обстояло благополучно. Я старался уловить хоть тѣнь тревоги на лицѣ говорившаго. Не могъ. Такой же, какъ и всегда—оживленный, бодрый, энергичный.

— ...Намъ противостоитъ врагъ серьезный — продолжалъ генераль: вся бѣда въ томъ, что мы не можемъ, боимся проявить активную дѣятельность.

Не понимаю, отказываюсь понимать, какъ наша многочисленная кавалерія на сѣверѣ не можетъ...

— Ваше превосходительство, его превосходительство генералъ Стессель!

!?!?!?

Въ дверяхъ изъ-за портьеръ продвинулась крупная фигура генерала...

Всѣ встали.

Смирновъ привѣтствовалъ входившаго.

Смирновъ: — А-а! Ваше превосходительство, вотъ не ожидалъ. Милости прошу. Неудобно ли съ нами позавтракать.

(Генералъ Стессель здороваётся съ нами. Видъ необычайный. Весь какъ-то вошелъ въ себя. Совершенно неопредѣленный взглядъ. О быломъ величїи нѣтъ и помину).

Стессель:—Покорнѣйше благодарю, съѣть.

Недоумѣвающе смотритъ, въ особенности на Никитина. Гаммеръ чувствуетъ себя неловко. Никитинъ сознаетъ, что онъ попался. Видъ у него такой, что плакать онъ не будетъ, но чувствуетъ за собой вину, находясь въ обществѣ Смирнова. Смирновъ хитро улыбается.

Смирновъ:—Не угодно ли квасу?

Стессель:—Покорнѣйше благодарю.

Стессель:—Ваше превосходительство, редутами I и II овладѣваетъ противникъ (*признаки волненія*). Большое Орлиное Гнѣздо, Залитерная батарея разрушены, смежныя батареи сильно повреждены, частный резервъ истощенъ. Противникъ развиваетъ страшный огонь. Потери огромныя. Поражаетъ даже ружейнымъ огнемъ. Держаться трудно. Что будемъ дѣлать? (*со страхомъ и недоумѣніемъ смотритъ въ упоръ*).

(Безъ доклада входитъ Фокъ. И съ мѣста, отъ двери, начинаетъ).

Фокъ: — Ваше превосходительство (*генералъ Смирновъ слушаетъ стоя, всѣ сидятъ*), генералъ Горбатовскій просто измѣнникъ. Такъ поступаютъ только измѣнники. Онъ безумно расходуетъ резервы, напихиваетъ ими окопы, устраиваетъ бойню, резервы таютъ. Если онъ такъ будетъ продолжать нѣсколько дней, намъ придется сдать крѣпость. (*Страшно волнуясь и повышая тонъ, говоритъ въ носъ*). Онъ измѣнникъ, измѣнникъ, ваше превосходительство.

(Всѣ въ недоумѣніи смотрятъ на Фока. Стессель въ полуборотъ. По выраженію лица можно судить, что не совсемъ одобряетъ).

Смирновъ: — Не знаю, ваше превосходительство. Дѣйствія генерала Горбатовскаго (*говоритъ, довольно мягко улыбаясь*) не

похожи на дѣйствія измѣнника. Онъ уже третій день и ночь руководить обороной, находясь все время въ сферѣ жесточайшаго артиллерійскаго огня, гдѣ своимъ мужествомъ и храбростью, появляясь вездѣ, воодушевляетъ стрѣлковъ и артиллеристовъ. Я самъ наблюдаю за отбитіемъ штурма. Частный резервъ, въ силу дѣйствительной необходимости, пришлось израсходовать. *(Фокъ блуждаетъ взоромъ. Смирновъ, сдвинувши брови и слегка повышая тонъ, продолжаетъ)*. А вотъ вы, ваше превосходительство, кажется, не намѣрены исполнять моихъ приказаній!?!

Сегодня, вмѣсто *(улыбается)* немедленнаго исполненія моего приказанія, литературой изволили заниматься...

Перевязка.

Долгомъ считаю предупредить *(мягко)*, что только разъ повторяю свое приказаніе. Имѣйте это въ виду, ваше превосходительство.

Фокъ: — Я, я *(совершенно растерянный видъ)*, я, ваше превосходительство! Да я, я все готовъ исполнить, ваше превосходительство.

Смирновъ: — Отлично!

Ну-съ, господа, я долженъ васъ успокоить. Ваше превосходительство, какъку не угодно ли?

Фокъ: — Премного благодаренъ *(продолжаетъ стоять)*.

Смирновъ: — Итакъ, я долженъ васъ успокоить. Я сдѣлалъ уже всѣ необходимыя и соответствующія распоряженія *(затягиваетъ папирской)* и вполнѣ надѣюсь, что мы штурмъ отобьемъ.

Ну, а если (*улыбается*) счастье намъ измѣнить (*повышаетъ голосъ*)—многимъ изъ насъ придется заплатить жизнью (*пауза*).

Вѣдь отступать теперь некуда, русская же крѣпость не сдается!

(*Группа застыла: Фокъ повернулся въ полуоборотъ къ стѣнѣ; Стессель, высоко поднявъ голову, слегка приоткрывъ ротъ, смотритъ на Смирнова; Никитинъ понурилъ голову; Гаммеръ, облокотившись на спинку стула, смотритъ въ сторону Смирнова и хитро улыбается*).

Я же въ послѣдній моментъ стану во главѣ послѣдняго резерва (*встаетъ, въ подымаются*) и поведу его въ послѣднюю контръ-атаку со словами: „En avant, le dernier de Cardigant“ Но такъ какъ лордъ Кардиганъ былъ одинъ, а Смирновыхъ много (*смѣется*), то я принужденъ буду сказать: „Впередъ одинъ изъ многочисленныхъ Смирновыхъ!!“

(*У всѣхъ, видимо, отлегло на душѣ. Садятся, но все-таки не могутъ понять: шутитъ Смирновъ, или онъ тоже признаетъ, что положеніе серьезное*). Я черезъ полчаса буду на атакованномъ фронтѣ, меня тамъ ожидаетъ Горбатовскій. (*При этомъ словъ лицо Фока темнѣетъ*).

Стессель:—Ну, а если они прорвутся?

Смирновъ:—Будемъ защищаться.

Фокъ:—Нужно жалѣть...

Смирновъ (*перебивая*):—Нужно и должно возстановить связь, отбросивъ противника контръ-атакой, что мы легко сдѣлаемъ при помощи батарей берегового фронта, орудій изъ артиллерійскаго резерва.

Стессель:—Но вѣдь тогда весь Старый городъ будетъ обстрѣливаться. Бой будетъ въ самомъ городѣ. Будетъ рѣзня. Эти дьяволы озвѣрѣютъ. Мы...

Смирновъ (*внушительно, въ наставительномъ тонѣ*):—На войнѣ нужно быть ко всему готовымъ, ваше превосходительство, и прежде всего пожертвовать своей жизнью. (*Стессель въ душѣ протестуетъ, но во взглядѣ хочетъ выразить согласіе*).

Фокъ:—Я полагаю, что нужно прежде всего, памятуя обстановку, въ которой войска въ теченіе столь продолжительнаго и тяжелаго... (*Смирновъ перебивая*)

Смирновъ:—О смерти думать еще преждевременно. Я не допущу прорыва. Противнику онъ не такъ легко удастся. Ему придется многое преодолѣть, раньше чѣмъ добраться до города.

Да наконецъ, у насъ есть еще городская ограда, а на ней дружинники.

Стессель (*вставая, за нимъ всѣ*):—Ну, честь имѣю кланяться. Вполнѣ надѣюсь и полагаюсь на васъ, ваше превосходительство.

Фокъ:—Но дѣло обстоитъ все-таки плохо, очень плохо. Вѣдь у насъ съ небольшимъ двѣ дивизіи... (*Идетъ процессъ рукопожатій*).

Стессель (*въ дверяхъ*):—Серьезное положеніе.

Фокъ (*скрываясь за нимъ*):—Тяжелое положеніе.

Смирновъ:—Наши военачальники, кажется, успокоились (*смотритъ на часы*). Однако, четвертый въ началѣ.

Гаммеръ, лошади здѣсь?

Гаммеръ:—Такъ точно.

Смирновъ:—Ну-съ, господа, кто со мной на оборонительную линію?

Никитинъ (*угрюмо*):—Я тоже съ вами, ваше превосходительство.

Смирновъ:—Меня спрашиваютъ изъ банка, сообщу ли, успѣю ли я сообщить во-время, когда наступитъ время для уничтоженія цѣнностей и бумагъ. Рано, рано еще объ этомъ думать. Итакъ, ровно въ 4 мы двигаемся. А корреспондентъ съ нами?

Я отвѣтилъ утвердительно, но сообщилъ, что долженъ захватить на четверть часа въ редакцію.

— Отлично, поѣзжайте. Но помните, что тронусь ровно въ 4 часа, ни минутой раньше ни минутой позже.

Слегка замѣшкавшись, я пропустилъ выѣздъ коменданта. Пришлось догонять; спуталъ дороги и заблудился.

Худобинъ былъ тоже новичекъ. Мы долго плутали. Минувавъ арсеналь, поѣхали ложиной, черезъ которую ежеминутно съ воемъ перелетали снаряды, разрываясь на высотахъ, то лѣвъѣ, то правѣ. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ атакующему фронту — тѣмъ движеніе по тыловымъ дорогамъ усиливалось; приходилось перегонять обозы со снарядами, патронами. Плелись резервы стрѣлковыхъ частей, морского десанта. Навстрѣчу, едва подвигаясь, попадались санитарныя двуколки (эти истинныя орудія пытки; мнѣ разъ пришлось здоровому въ нихъ проѣхать нѣсколько верстъ, и я всталъ совершенно изломанный), носилки съ ранеными и убитыми. Обгоняли обозы съ балками, желѣзными листами, предназначенными для починки разрушенныхъ блиндажей. Дорога узкая, на которой нельзя разѣхаться двумъ встрѣчнымъ повозкамъ, каменистая, съ огромными выбоинами и рытвинами. Въ одномъ мѣстѣ произошла задержка. Съ той и

другой стороны встрѣтились нѣсколько повозокъ, фургоновъ, походныхъ кухонь—и разѣхаться, при всемъ желаніи, не могли: дорога была черезчуръ узка, и, по несчастію, какъ нарочно, съ одной стороны отвѣсная скала, съ другой—довольно крутой обрывъ въ оврагъ. Это происходило на военной магистральной, питающей весь сѣверо-восточный фронтъ. Пришлось спуститься въ оврагъ и объѣхать ихъ. Среди ожидавшихъ освобожденія пути было много только что раненыхъ и тяжело страдающихъ стрѣлковъ, матросовъ и артиллеристовъ. Основная планировка

Сестры милосердія.
(Съ японскаго оригинала).

дорогъ во всей крѣпости была отвратительная и во время осады давала себя чувствовать.

На пути въ госпиталь часто ломались носилки подъ ранеными.

Я всегда становился втупикъ, отчего это происходитъ—отъ неудовлетворительности дорогъ, или недобросовѣстности лицъ, принимавшихъ носилки въ госпиталь?

Около 5 часовъ добрались наконецъ къ веркамъ. Генераль Смирновъ верхомъ поднялся на переваль, систематически обстрѣливаемый то шрапнелью, то фугасными бомбами.

Не успѣли подняться, какъ чуть ли не надъ самой головой раздается звонкій взрывъ шрапнели. Вороной конь коменданта взвился на дыбы и затѣмъ пе-

решелъ въ карьеръ, немедленно осаженный генераломъ. Все, къ счастью, обошлось благополучно: ни одна изъ сотенъ пульекъ, забарабанившихъ по землѣ, не задѣла генерала Смирнова.

Рысью миновавъ поражаемое пространство, спустились въ лошину. Резервы подходили къ Скалистому утесу обходнымъ путемъ, черезъ лошины, овраги и балки. Спустившись къ Скалистому Утесу, у подножія котораго встрѣтили генерала Горбатовскаго, взобрались почти по отвѣсному подъему на высоту Скалистаго Утеса, съ котораго открылся видъ на центръ сѣверо-восточнаго фронта. Комендантъ крѣпости подробно рекогносцировалъ всю мѣстность, притаясь между огромными глыбами

вывѣтрившейся горной породы. Черезъ головы, шипя, свистя, летѣли фугасныя бомбы и шрапнель, разрывавшіяся по другую сторону лощины, не причиняя сосредоточившемуся резерву никакого вреда, такъ какъ послѣдній прижался къ подошвѣ утеса. Рѣдкій ружейный огонь поддерживался по всей линіи — пули, словно стремительно летящія птички, одна за другой то перелетали, то впивались съ глухимъ стукомъ въ утесъ. Ознакомившись съ ближайшаго разстоянія съ обстановкой боя, генералъ Смирновъ отдалъ приказанія генералу Горбатовскому о разстановкѣ ротъ десанта, за которыми вмѣстѣ съ этимъ послалъ къ арсеналу Гаммера, поручивъ послѣднему подвести эти роты къ веркамъ на указанные мѣста.

Нужно было видѣть, съ какимъ чувствомъ благодарности во взорѣ провожали стрѣлки, матросы и артиллеристы генерала Смирнова, который, несмотря на опасность отъ ежеминутно рвущихся въ воздухъ шрапнели и снарядовъ на противоположныхъ склонахъ лощины, спокойно, словно не замѣчая ея, подвигался верхомъ пообстрѣливаемой дорогѣ, здороваясь съ людьми.

Уже начало смеркаться, когда генералъ Смирновъ, кончивъ рекогносцировку центра сѣверо-восточнаго фронта, тронулся въ обратный путь. Спускаясь въ лощину, встрѣтили баталіонъ моряковъ изъ десанта. Его велъ капитанъ 2-го ранга Лебедевъ. — Бодро шли моряки въ бой, многимъ изъ нихъ суждено было вернуться назадъ по этой же дорогѣ, но уже мертвыми или ранеными; въ числѣ ихъ погибъ смертью героя и ихъ командиръ А. В. Лебедевъ, сраженный на мѣстѣ нѣсколькими пулями, когда онъ, находясь впереди ввѣреннаго ему баталіона, велъ его въ контръ-атаку.

— Друзья! вамъ предстоятъ молодецкія дѣла, я васъ пускаю въ штыки! Будьте же достойными потомками моряковъ — героевъ Севастополя, — обратился къ нимъ генералъ Смирновъ.

— Рады стараться, ваше превосходительство. — Тогда капитанъ 2-го ранга Лебедевъ обратился къ ротамъ, высоко поднявъ палаши:

— Братцы! комендантъ намъ оказываетъ особую милость, пускаетъ насъ въ штыки! Ура коменданту!

Дѣйствительно, въ теченіе всей осады Артура, моряки, отдавшіе почти всѣ свои орудія, силы, здоровье и жизнь на батарее сухопутнаго фронта, явили себя достойными потомками героевъ-моряковъ севастопольской обороны. Имена и дѣла адмираловъ Лощинскаго, Вирена, подполковника по адмиралтей-

ству Мёллера, капитана 2-го ранга Лебедева, Лазарева *), Цвингмона; лейтенантовъ: Долгобородова, Де-Ливрона, Сухомлинова, Лаврова, Руднева, графа Келлера, Колчака, Бошняка, Воробьева, Подгурскаго, Мисникова, Хоменко, Кротка, Винкъ, Романова и многихъ другихъ,—должны быть внесены на скрижали лѣтописи обороны Артура.

Между прочимъ, я долженъ бросить коменданту слѣдующій упрекъ: онъ двинулъ десантъ къ веркамъ нѣсколько рано. Надо было выждать полного захода солнца. Моряки, при передвиженіи къ веркамъ, потеряли на пути около ста человѣкъ.

Когда я черезъ недѣлю сказалъ объ этомъ генералу—онъ со мной не согласился.

— Зато моряки осмотрѣлись засвѣтло и знали свои позиціи.

9 августа.

Въ ночь на 9 августа противникъ повелъ усиленную атаку на редуты. Введенный въ бой морской десантъ молодецки отстоялъ атаку, понесъ нѣкоторыя потери.

Въ началѣ 5 часа утра японцы атаковали отдѣльную гору на правомъ флангѣ Длинной между Дивизионной.

Къ 11 часамъ было замѣчено, что на лѣвой сопкѣ Угловой горы, подъ нижнимъ окопомъ, выше дороги, за большимъ уваломъ скрываются густыя цѣпи японцевъ.

Наша артиллерія развила сильный огонь по занятой японцами вершинѣ и увалу.

Огонь былъ настолько дѣйствителенъ, что заставилъ замолчать непріятельскую батарею, засыпавшую Длинную гору шрапнелью и бомбами, и обратилъ въ бѣгство непріятельскія цѣпи, сосредоточившіяся за уваломъ.

Противникъ продолжалъ усиленно насаждать на Длинную гору. Лейтенантъ Щербачевъ, который, будучи сильно раненымъ, остался въ строю, настолько хорошо управлялъ боемъ и вѣренными ему людьми, что, несмотря на невѣроятную трудность, отбилъ всѣ атаки японцевъ и удержалъ Длинную гору до прибытія поддержки.

Въ 11 час. 30 мин. утра Длинная гора, благодаря геройской стойкости гарнизона, осталась за нами. Опасность миновала. Японцы отошли но съ огромными потерями.

Приблизительно въ это же время противникъ сосредоточилъ сильнѣйшій артиллерійскій огонь на редутахъ №№ 1 и 2, продвинувъ впередъ свои густыя колонны—съ очевидной цѣлью штурмовать эти редуты.

Въ 12 час. пополудни осадныя орудія начали усиленно громить батареи Зубчатой горы. На батареи буквально посыпался градъ бомбъ. Немыслимо было высунуться изъ блиндажей. Противникъ не давалъ вздохнуть.

Когда началось долбленіе Зубчатой горы, полевая артиллерія противника начала быстрое передвиженіе по гаюляну на нашъ восточный фронтъ.

*) Потомокъ знаменитаго адмирала.

Батареи Зубчатой горы подверглись настолько сильному огню, что все офицеры оказались ранеными.

Развив против редутов №№ 1 и 2 сосредоточенный огонь, неприятель двинулся на штурмъ.

Подготовивъ свое наступленіе сильнѣйшимъ артиллерійскимъ огнемъ, противникъ захватилъ редутъ № 1, но удержаться тамъ долго не могъ, такъ какъ немедленно былъ выбитъ стрѣлками, поддержанными ротами моряковъ.

Отбравъ назадъ редутъ, наши попали опять подъ сосредоточенный артиллерійскій огонь.

Выдающуюся отвагу показали командоры на редутѣ № 1, подъ командой мичмана Бокъ.

Шелъ ожесточенный бой—японцы, видимо, рѣшили забрать редуты. Но все ихъ усилія парализовались геройской стойкостью моряковъ, стрѣлковъ, огнемъ мортиры и 2 скорострѣльныхъ орудій.

Генераль Горбатовскій доносить и свидѣтельствуетъ коменданту крѣпости о выдающейся отвагѣ и геройской стойкости моряковъ и стрѣлковъ, бывшихъ вчера въ бою.

Редутъ № 1 четыре раза переходилъ изъ рукъ въ руки. Японцы цѣлой лавиной ломились на редуты: противъ редута № 2 сосредоточилось около 3 полковъ.

Бой шелъ ожесточенный.

Въ 2 часа дня редуты №№ 1 и 2 поражались убійственнѣйшимъ артиллерійскимъ огнемъ, который сталъ постепенно стихать и въ 3½ часа почти прекратился.

Въ исходѣ 2 часа пополудни комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ Смирновъ, обычно сопутствуемый личнымъ адъютантомъ подпоручикомъ Гаммеръ, отправился на Большую гору съ цѣлью лично выяснить обстановку и результаты боя.

Съ наблюдательнаго поста развернулась картина всего, какъ нашего, такъ и неприятельскаго, расположенія.

Единственно, что мѣшало наблюденію—это непрерывный свистъ пуль на излетѣ. Очевидно, съ наблюдательныхъ постовъ была замѣчена на вершинѣ группа, и по ней открытъ ружейный огонь на авось.

Въ половинѣ седьмого вечеромъ замѣчено, что по дорогѣ къ западу отъ Нальпотоу двигаются къ югу большими массами—пѣхота, горная артиллерія, кавалерія и обозъ, по направленію отроговъ Угловой горы. На сѣверныхъ отрогахъ Панлушана обнаружены тоже значительныя силы. Упорно производятся какія-то работы на сѣверо-западномъ склонѣ Угловой горы, которыя, несмотря на сильный нашъ артиллерійскій огонь, настойчиво продолжаются.

Переноска японцемъ раненаго русскаго офицера.

Въ 9 часовъ вечера со скалистого редутика двинулись 3 роты 13 полка, подъ командой капитана Гаврилова, во флангъ и тылъ японцамъ, сосредоточившимся противъ редутовъ 1 и 2.

Роты продвинулись за деревню Дапалиджуанъ, нигдѣ не обнаруживъ японцевъ, и къ 12 часамъ вернулись въ деревню Палиджуанъ.

Поздно вечеромъ начальникъ обороны генераль-маіоръ Кондратенко, въ виду тревожной обстановки боя, объѣхалъ весь восточный фронтъ, начиная отъ Скалистаго кряжа, усиливъ части, гдѣ представлялась настоящая необходимость, резервами.

Особенно тревожнымъ участкомъ считалось расположеніе редутовъ №№ 1, 2 и форта 2, гдѣ изъ 200 человѣкъ 5 роты 25 полка осталось 40.

До утра по всей линіи обороны царилъ относительный покой. Раздавались рѣдкіе орудійные выстрѣлы, и шла обычная перестрѣлка передовыхъ частей.

Уборка труповъ.

(По показанію очевидца, жандармскаго унтеръ-офицера Егора Оедорова).

9-го августа жандармской командѣ было приказано убрать японскіе трупы подъ Орлинымъ Гнѣздомъ, редутами первымъ и вторымъ, Куропаткинскимъ люнетомъ и вдоль Китайской стѣны. Восемь жандармскихъ унтеръ-офицеровъ съ 80 китайскими кули и пятью артиллерійскими повозками въ 12 часовъ ночи прошли передовую цѣпь. Двигаться нужно было съ величайшей осторожностью, тѣмъ болѣе, что непріятель былъ въ одной верстѣ.

Принялись за уборку труповъ.

Вся мѣстность была изрыта нашими фугасами и японскими снарядами. Ямы были углублены кирками и лопатами. Въ нихъ складывали трупы и зарывали.

Проработали спокойно до 2½ часовъ ночи.

Вдругъ раздался орудійный выстрѣлъ: непріятель замѣтилъ нашихъ „могильщиковъ“.

Шрапнельный огонь продолжался около 15 минутъ.

Работа подъ огнемъ продолжалась, при чемъ былъ контуженъ ун.-оф. Воловъ и ранено 3 китайца.

Проработали до разсвѣта; убрано было 800 японскихъ труповъ, да изъ нашихъ окоповъ вывезено 250 труповъ; всего около 1050 труповъ.

Зловоніе отъ разлагавшихся труповъ было невыносимое. Ун.-оф. Оедоровъ, присутствовавшій при этомъ, говорилъ мнѣ:

— Насъ всѣхъ рвало по нѣскольку разъ. На что по природѣ китайцы, какъ видно, и привыкшіе къ вони, такъ какъ они ѣдятъ все вонючее, но тутъ и они не вынесли: ихъ тоже многихъ рвало...

Нужно замѣтить, что генераль Стессель въ преслѣдованіи крѣпостныхъ жандармовъ не зналъ границъ.

Вмѣсто того, чтобы поощрять ихъ въ выслѣживаніи японскихъ шпионовъ, которыхъ въ Артурѣ было достаточное количество, онъ сначала ихъ выслалъ изъ крѣпости, а затѣмъ заставилъ убирать трупы.

Когда ему докладывали объ отличившихся жандармахъ — онъ обыкновенно спрашивалъ:—А убитые есть?

Отвѣчали.

— Ну, когда будетъ побольше убитыхъ, тогда и крестъ дамъ.

СXXXII.

Сегодня у генерала Смирнова былъ военный совѣтъ. Очевидно, дѣла на оборонительной линіи принимаютъ угрожающій характеръ. Всѣ боятся 13-го числа. 13-ое стало уже роковымъ для насъ.

Настроеніе войскъ и жителей регулируется интенсивностью бомбардировокъ. Чуть бомбардировка стихаетъ, настроеніе повышается, хотя къ бомбардировкамъ начинаютъ привыкать: идетъ довольно сильная бомбардировка города, тѣмъ не менѣе встрѣчаешь не мало прохожихъ; видъ довольно спокойный. Только-только успѣлъ разорваться снарядъ, едва успѣли убрать убитыхъ и раненыхъ, смотришь—на мѣстѣ взрыва, забрызганного кровью, уже масса любопытныхъ.

Удивительно просто и спокойно мы начали смотрѣть на жизнь, смерть, страданія.

Шелъ человѣкъ; свистъ, громъ взрыва, клубы дыма—и нѣтъ человѣка. Казалось бы, что сейчасъ свершилось чудовищное преступленіе: убійство ни въ чемъ неповиннаго человѣка...

Никто не обращаетъ вниманія.

Вѣдь это стало обыденнымъ явленіемъ.

Теперь мы больше обращаемъ вниманія на пустяки.

Напримѣръ: цѣлыми днями толкуютъ о забранномъ въ плѣнъ японскомъ офицерѣ, который сообщилъ: — Русскіе, держитесь еще одинъ день. Если завтра удержитесь, мы уйдемъ. Въ Японіи бунтъ. Нагасаки горятъ. Большинство сознаетъ, что это ерунда, но хочетъ заставить себя повѣрить и вѣрить.

Весь этотъ шумъ, грохотъ выстрѣловъ, постоянная смертельная опасность заставляють иногда замечаться о покоѣ. Страстно хочется покоя. Страстно хочется быть въ обстановкѣ, въ которой былъ бы увѣренъ въ слѣдующемъ днѣ.

Въ городѣ положительно некуда спрятаться. Развѣ въ блиндажъ Стесселя или Лилъе.

Разъ какъ-то я навѣстилъ во время бомбардировки м-ше Субботину въ блиндажѣ.

Тамъ я почувствовалъ себя въ полной безопасности. Но больше туда не заглядывалъ.

Обстановка полной безопасности растрѣвала духъ и энергію.

Мнѣ же, по долгу принятыхъ на себя обязанностей, нужно было быть тамъ, гдѣ опасно.

Мнѣ нужно было наблюдать не за людьми, которые живутъ, а за людьми, которые приготовились умирать и умирали.

Заѣхалъ я какъ-то къ товарищу, штабсъ-капитану Кириллову, на батарею № 21. Отличные, прочные казематы; далеко отъ атакованнаго фронта; впереди гладь безконечнаго океана. Просидѣлъ тамъ нѣсколько часовъ и уже почувствовалъ тяготѣніе къ покою. Страшно не хотѣлось ѣхать въ городъ, гдѣ повсюду направленіямъ рвались снаряды. Съ трудомъ переломилъ себя, поѣхалъ, но больше уже батареи не навѣщалъ.

10 августа. Восточный фронтъ обороны.

10 августа, съ разсвѣтомъ, обнаружилось, что японцы совершенно очистили редутъ № 1, а изъ окоповъ 2-го по одиночкѣ убѣгаютъ, поражаемые ружейнымъ огнемъ стрѣлковъ.

Редуты №№ 1 и 2, послѣ пятидневнаго упорнѣйшаго боя, представляють безформенную груду развалинъ.

Послѣ отбитаго штурма на редуты №№ 1 и 2, по всей линіи обороны наступило сравнительное затишье.

Далеко кругомъ—во рвахъ, на брустверахъ редутовъ и Куропаткинскаго люнета, мѣстность густо усыяна японскими трупами. Сдѣлано распоряженіе о немедленной уборкѣ труповъ.

Начальникъ жандармской крѣпостной команды ротмистръ князь Микеладзе и ротмистръ Познанскій, завѣдующій отрядомъ добровольцевъ-санитаровъ, совмѣстно съ вѣренными имъ чинами, энергично и быстро руководятъ уборкой труповъ.

Весь день береговыя батареи и Перепелочная гора, а также суда, очень удачно обстрѣливаютъ пѣхотное и артиллерійское расположеніе противника.

На сѣверо-восточномъ склонѣ Дагушаня поставлены непріятелемъ орудія, которымъ не даетъ вздохнуть Перепелочная гора. Въ деревнѣ, противъ Вахнѣвской батареи лит. Б, японцы цѣлый день производили какія-то работы, видны двуколки, верховыя лошади и рота пѣхоты въ разсыпномъ строю; лит. А усердно ихъ донимаетъ цѣлый день.

Около 3 часовъ пополудни противникъ открылъ перекрестный артиллерійскій огонь по Китайской стѣнѣ. Въ это время пѣхота начала группироваться впереди редута № 1, пробираясь по одиночкѣ по оврагу противъ открытаго капонира № 2. Артиллерійскій огонь постепенно усиливался по всему восточному фронту, началась рѣдкая орудійная и ружейная стрѣльба.

Саперныя работы, руководимыя капитаномъ Шварцемъ, производились на виду у непріятеля. Противникъ почти не мѣшалъ: иногда разорвется шрапнель или просвистятъ одна за другой пули.

Стоить только показаться отдѣльному японцу—зоркій глазъ стрѣлка его караулитъ; выстрѣлъ—и японецъ навзничь или ничкомъ. Покажется группа, ее сейчасъ же засыпаютъ шрапнелью.

Съ наступленіемъ вечера, по всей линіи обороны восточнаго фронта наступило полное затишье. Ни орудіяго ни ружейнаго выстрѣла.

Пользуясь наступившимъ покоемъ, приступили къ уборкѣ труповъ.

Ротмистръ князь Микеладзе и ротмистръ Познанскій лично руководили этой тяжелой, трудной работой.

Съ 11 часовъ вечера, при полной лунѣ, противникъ открылъ два прожектора, одинъ изъ-за Дагущаня, другой противъ форта № 2, и, освѣтивъ работавшихъ надъ уборкой труповъ, открылъ частый ружейный огонь.

Между прочимъ, ясно было видно въ лучѣ прожектора, что продвигавшіяся впередъ густыя японскія цѣпи подбодрились шрапнелью своихъ

Штурмъ.

(Японская картина).

же батарей. Ясно было видно, что японцы валились отъ своихъ же шрапнельныхъ пуль. Видимо, имъ отступленія нѣтъ.

До 3 часовъ ночи производилась уборка труповъ, дальше производить было нельзя—японцы засыпали работавшихъ пулями.

Западный фронтъ обороны.

10 августа, съ 7 час. утра, противникъ началъ обстрѣливать рѣдкимъ артиллерійскимъ огнемъ Высокую гору и Дивизионную.

Японцы заняли карантинные баракы и деревню Даянтоу.

Ночью въ Карантинную бухту вошла канонерка и доставила орудія, которыя были поставлены на сопку, ниже наблюдательнаго поста.

У подножья Высокой горы расположены два баталіона, скаты заняты двумя ротами.

Противъ Трехголовой расположенъ бивуакъ одного баталіона, который окруженъ заставами вплоть до моря.

Японцы расположились не въ деревняхъ, а у самаго подножія Высокой горы.

Въ расположеніи конныхъ командъ безъ перемѣнъ.

Развѣзды казаковъ и 14 полка доходили до противника, но, встрѣченные сильными залпами, принуждены были отойти.

Непріятельскіе окопы, на предгорьяхъ съверіѣ Голубиной бухты и Угловой, увеличиваются. Замѣчается передвиженіе частей пѣхоты отъ бухты Луизы и Угловой.

По имѣющимся свѣдѣніямъ, артиллерія противника въ бояхъ 6-го и 7-го августа понесла сильный уронъ. Много орудій подбито.

Морской раіонъ.

10 августа, въ 10 часовъ 35 м. утра, броненосецъ „Севастополь“ вышелъ къ бухтѣ Тахэ съ цѣлю обстрѣлять 120 м/м. непріятельскую батарею, стрѣлявшую по №№ 21 и 22.

Какъ только „Севастополь“ вышелъ на внѣшній рейдъ—на горизонтѣ показались „Ниссинъ“ и „Кассуга“.

„Севастополь“ продвинулся впередъ, на него быстро надвигались „Ниссинъ“ и „Кассуга“, открывъ огонь.

Электрическій утесъ немедленно повернулъ два орудія въ море и тоже по нимъ открылъ огонь.

Первый выстрѣлъ—недолетъ, второй—перелетъ.

Крейсера немедленно стали отходить. „Севастополь“ взялъ курсъ на Тахэ и началъ пристрѣливаться къ сухопутной непріятельской батарее.

Только что пристрѣлялся и началъ громить ее изъ двѣнадцатидюймовыхъ орудій, рѣшивъ отдать якоря,—опять подошли ближе „Ниссинъ“ и „Кассуга“, открывъ бѣглый огонь, а изъ державшихся на горизонтѣ 24 миноносцевъ отдѣлился отрядъ, который отправился въ направленіи „Севастополя“.

„Севастополь“ отошелъ подъ прикрытіе береговыхъ батарей.

Когда разорвался снарядъ около штаба крѣпости, рядомъ съ генераломъ Кондратенко шелъ начальникъ крѣпостной артиллеріи генералъ-маіоръ Бѣлый, который тоже былъ засыпанъ землей и камнями.

СXXXIII.

Съ наступленіемъ ночи, осаждающій неожиданно открылъ сильный огонь по городу.

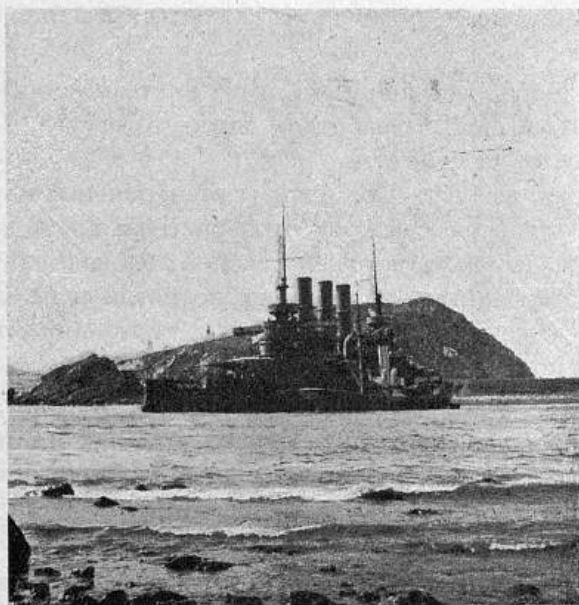
Странно было: на фронтѣ сравнительная тишина, а въ городѣ и портѣ непрерывный гулъ взрывовъ.

Одинъ снарядъ попалъ въ Пушкинское училище. Всѣ мы переполошились: лично я жилъ въ саду Пушкинскаго училища, въ домѣ завѣдующаго русско-китайской школой; зданіе училища превращено въ лазаретъ, онъ наполненъ больными, ране-

ными. Тамъ помѣстился Дальнинскій госпиталь. Къ счастью, все обошлось благополучно.

Площадь, на которой стоитъ лазаретъ, непрерывно обстрѣливается, и несчастные раненые всегда подъ страхомъ новыхъ, еще большихъ раненій.

Какое кипѣло въ каждомъ изъ насъ негодованіе при сознаніи, что съ первыхъ уже дней осады, благодаря искусству нашихъ инженеровъ, крѣпость прострѣливалась насквозь!

Броненосецъ „Ретвизанъ“.

Говорятъ, что въ этомъ виновата гражданская междоусобица, сузившая периметръ крѣпости до минимума.

Да больнымъ и раненымъ было ли отъ этого легче?!

Только что началась тѣсная блокада, а снаряды осаждающаго громятъ уже центръ осажденной крѣпости.

Крѣпость, отрѣзанная отъ всего міра, не имѣющая ни малѣйшаго представленія, на сколько недѣль, мѣсяцевъ она представлена самой себѣ, своимъ жизненнымъ и боевымъ средствамъ, съ перваго дня тѣсной блокады подвергается обстрѣлу во всѣхъ ея точкахъ.

Еще Угловая гора съ предгоріями была въ нашихъ рукахъ,

еще Дагушань оборонялся нами—а снарядъ за снарядомъ съ батареи, расположившейся на Волчьихъ горахъ, уже громили городъ.

27 іюля снарядомъ, разорвавшимся на „Цесаревичъ“, былъ раненъ покойный адмиралъ Витгефть.

Въ этомъ виновата междовѣдомственная коммиссія!?

Она виновата! Согласенъ. Она не прониклась уваженіемъ къ военнымъ инженерамъ.

Но почему эти военные инженеры, свѣтила ихъ, не заставили себя уважать и чутко прислушиваться къ ихъ просвѣщенному мнѣнію?

А что они просвѣщенны, въ этомъ никто не сомнѣвается! Что они были въ Артурѣ и работали тамъ—тоже.

Но гдѣ же результаты?

Мы, сидя въ Артурѣ, и тѣ тысячи раненыхъ, дышавшихъ подъ ежесекунднымъ страхомъ быть растерзанными влетѣвшимъ снарядомъ съ первыхъ же дней тѣсной блокады вплоть до послѣдняго ея дня, никоимъ образомъ не могли и не могутъ проникнуться уваженіемъ и любовью къ тѣмъ лицамъ, которыя строили крѣпость.

Не только лица, пережившія всѣ строгости осады, ихъ вдовы, сироты, потомки—но даже самъ холодный, безпристрастный историкъ, разбираясь въ эпопеѣ защиты Артура, бросить грозный упрекъ и произнесетъ надъ лицами, строившими крѣпость, беспощадный и суровый приговоръ.

Онъ, конечно, будетъ знать о „междовѣдомственномъ совѣщаніи, совѣщаніи многочисленномъ, въ которомъ военное вѣдомство имѣло хотя высокаго, но лишь одного представителя“; онъ будетъ, конечно, знать, что инженеры, отказавшись отъ „первоначальнаго проекта укрѣпленія Артура, соотвѣтствовавшаго требованіямъ прикрытія ядра крѣпости“, который былъ грандіозенъ (70 верстъ по периметру одного сухопутнаго фронта), пошли еще дальше подъ вліяніемъ междовѣдомственнаго совѣщанія.

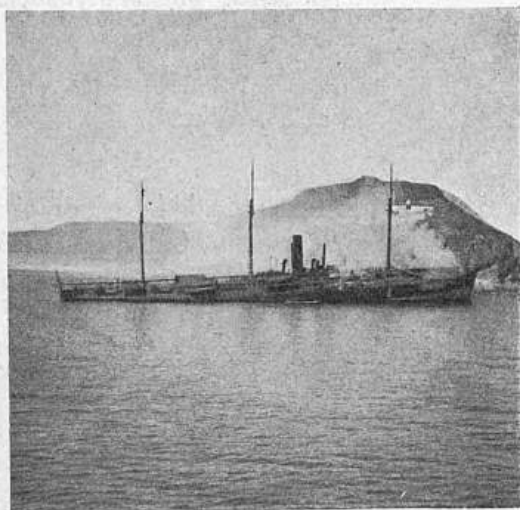
Они даже согласились „укрѣпленія въ районѣ горъ Угловой и Высокой, на хребтѣ Панлуншанъ и на горѣ Дагушанъ *поставить во вторую очередь* и въ Артурѣ временно *сжаться, сжаться* до того срока, пока боевые вопросы не будутъ освобождены отъ вліянія междовѣдомственнаго совѣщанія, либо пока входившіе въ это совѣщаніе гражданскіе сановники не проникнутся уваженіемъ къ военной наукѣ и къ основнымъ требованіямъ тактики крѣпостного боя“.

Зная о междовѣдомственномъ совѣщаніи и о томъ огромномъ вліяніи сановниковъ—невѣждъ въ военной наукѣ—на просвѣщенныхъ инженеровъ, историкъ невольно задастъ вопросъ: почему же просвѣщенные инженеры безпрекословно подчинялись, а не протестовали?

Почему они не протестовали, а рѣшили сжаться и выждать *перерожденія* гражданскихъ сановниковъ?

Почему они, просвѣщенные инженеры-офицеры, подчинились и дѣлали завѣдомую глупость и глупость преступную, стойкую Россіи безчисленныхъ жертвъ, огромныхъ, непосильныхъ затратъ и того позора, который тяготѣетъ надъ Россіей?

Почему центръ просвѣщенныхъ инженеровъ, съ просвѣщенѣйшимъ изъ нихъ генераломъ Величко во главѣ, не протестовали, какъ люди, не протестовали, какъ офицеры? Почему они не довели до свѣдѣнія Государя о „тенденціозности“ междовѣдомственнаго совѣщанія и не настояли на томъ, что подсказывалъ имъ ихъ просвѣщенный разумъ?

Брандеръ-заградитель.

Они и только они могли и должны были это сдѣлать.

Они не слѣпые исполнители, а вдохновенные творцы, для которыхъ созданіе мощныхъ крѣпостей—смыслъ и цѣль существованія.

Громко, искренно протестующій ихъ голосъ могъ и не быть гласомъ вопіющаго въ пустынь.

А если послѣ жестокой, упорной борьбы они не добились бы того, что подсказывали имъ совѣсть и разумъ, то не умыть должны были руки, не ждать *перерожденія* сановниковъ, а какъ оскорбленные слуги Царя и народа, демонстративно уйти со службы и этимъ теперь, теперь, когда умолкли громы Артура, доказать народу и Престолу, что они были правы.

Государь понималъ, что перерожденія чиновниковъ не дождешься. Онъ призвалъ къ себѣ на помощь весь народъ!

Онъ гордо смотритъ впередъ, онъ увѣренъ, что съ лучшими людьми, избранниками народа, онъ доживетъ до счастливаго, чуднаго мгновенія, когда „солнце правды возсіяетъ надъ всей великой, многострадаальной русской землей“, а тѣ, кто не умѣлъ по своему малодушію или не хотѣлъ по своему эгоизму помочь Государю разогнать скопившіяся надъ родиной тучи—да сгинуть!!!

Служебный подлогъ генерала Стесселя.

Приказъ

по войскамъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона.

Августа, 11 дня, 1904 г., кр. Портъ-Артуръ.

№ 525.

Я сегодня имѣлъ особое счастье получить телеграммы Батюшки-Царя и Матушки-Царицы; спѣшу подѣлиться счастьемъ съ вами, боевые соратники. Богъ поможетъ намъ исполнить долгъ.

Прошу священниковъ прочесть вездѣ въ госпиталяхъ и церквахъ.

Генералу Стессель.

Отъ имени Моего и отъ лица всей Россіи поручаю вамъ поздравить гарнизонъ, войска, моряковъ и жителей Артура съ одержаннымъ успѣхомъ въ бояхъ тринадцатаго, четырнадцатаго и пятнадцатаго іюля. Я твердо увѣренъ въ ихъ полной готовности поддерживать своей беззавѣтной храбростью боевую славу Нашего оружія. Горячо благодарю всѣхъ. Да благословитъ Всевышній ихъ тяжелый, самоотверженный подвигъ и да сохранить Онъ артурскія твердыни отъ посягательства врага.

Николай.

Генералу Стессель.

Глубоко признательна за дорогую Мнѣ память вашу и вѣранныхъ вамъ доблестныхъ войскъ. Отъ души благодарю васъ и всѣхъ; всегда мысленно и молитвенно со всѣми вами. Да сохранить васъ Господь.

Марія.

Прочитали мы этотъ приказъ, Высочайшія телеграммы, и тяжеля, гнетущія думы насъ посѣтили.

Радовались лишь японцы.

Радовались наши враги. А враговъ Россіи по бѣлу свѣту не мало.

Наши враги, открытые и скрытые, поняли, что неладное творится у насъ.

Повторяю—все, что творилось въ крѣпости, быстро становилось достояніемъ японцевъ. И они, прочитавъ Высочайшія телеграммы, поняли, воочію убѣдились, какъ Государя, а за нимъ и всю Россію обманываютъ. Но никто еще не зналъ, что Стесселя признали уже вреднымъ для Артура и его отзываютъ.

Государь поздравляетъ насъ съ успѣхомъ!

Съ какимъ? Съ какимъ успѣхомъ—невольнo задавалъ каждый вопросъ.

Съ неорганизованнымъ отступленіемъ дивизіи Фока, очищеніемъ позиціи на Зеленыхъ горахъ, бѣгствомъ, позорнѣйшимъ бѣгствомъ Фока съ Волчьихъ горъ, которое ошеломило всѣхъ и каждого!

Сначала мы думали, что тутъ какое-то недоразумѣніе, но когда убѣдились, что телеграммы дѣйствительно получены, что въ подлинности ихъ не могло быть никакого сомнѣнія—всѣмъ стало ясно, что генераль Стессель въ своихъ телеграммахъ обманываетъ Государя.

Обманывать враговъ—некрасиво.

Но обманывать своихъ, обманывать всю страну, которая жила исключительно тѣмъ, что творилось въ далекой ея окраинѣ, обманывать ради своихъ мелкихъ, своекорыстныхъ расчетовъ, —это преступленіе, которому нѣтъ имени!

Генераль Стессель во что бы то ни стало хотѣлъ остаться въ Артурѣ и, чтобы доказать, что онъ успѣшно дѣйствуетъ во ввѣренномъ ему районѣ, не стѣснялся доносить ложь.

Отозваніе генерала Стесселя изъ Артура, какъ выяснило уже слѣдствіе, сопровождалось слѣдующими перипетіями.

Съ началомъ высадки японцевъ, а въ особенности послѣ киньчжоускаго боя, генераль Стессель началъ засыпать Куропаткина телеграммами о немедленной помощи, представляя положеніе вещей въ самомъ тревожномъ свѣтѣ.

Затѣмъ генераль Стессель отправляетъ съ донесеніями состоявшаго при штабѣ крѣпости, генеральнаго штаба подполковника Гурко.

Передъ этимъ уже успѣлъ прорваться съ донесеніями къ Куропаткину и вернуться назадъ князь Гантимуровъ.

Когда Гурко уѣзжалъ изъ Артура, то по долгу службы явился, конечно, къ коменданту (Гурко успѣлъ уже оцѣнить

Стесселя) съ вопросомъ, что послѣдній прикажетъ доложить главнокомандующему.

Смирновъ отвѣтилъ приблизительно слѣдующее:

— Доложите главнокомандующему все, чему вы были непосредственнымъ свидѣтелемъ (а этого уже было вполне достаточно).

Кромѣ того, желательно было бы, если ужъ хотятъ здѣсь имѣть укрѣпленный районъ съ отдѣльнымъ начальникомъ, то генераль Субботинъ, какъ знающій прекрасно Квантунъ, будетъ здѣсь какъ разъ на мѣстѣ.

Жертвы штурма.

Гурко уѣхалъ.

Разыгрался киньжоускій бой со всѣми его послѣдствіями.

Командируется въ концѣ мая или началѣ іюня на сѣверъ генеральнаго штаба капитанъ Одинцовъ съ самыми тревожными свѣдѣніями.

Передъ отъѣздомъ Одинцовъ является къ коменданту.

Смирновъ напутствуетъ:

— Передайте главнокомандующему все, чему вы были непосредственнымъ свидѣтелемъ.

Одинцовъ уѣхалъ.

Куропаткинъ, прочитавъ донесеніе Стесселя и выслушавъ подробный докладъ Одинцова, въ общихъ чертахъ подтверждавшій докладъ Гурко, рѣшилъ, что генераль Стессель боленъ.

Но прежде, чѣмъ рѣшиться отозвать заболѣвшаго генерала, не преминулъ запросить адмирала Витгефта о состояніи умственной и духовно-нравственной природы генерала Стесселя.

Отвѣтъ былъ крайне тревожный.

Тогда только генераль Куропаткинъ съ болью въ сердцѣ рѣшилъ прервать свои дружескія отношенія, основанныя на быломъ прошломъ, когда онъ, воспитываясь вмѣстѣ съ Стесселемъ въ I-мъ кадетскомъ корпусѣ, ходилъ къ отцу послѣдняго въ отпускъ. Подчиняясь требованіямъ необходимости, рѣшилъ наконецъ отозвать къ себѣ своего старого товарища, для котораго, минуя основной законъ объ управленіи крѣпостями, создалъ должность начальника укрѣпленнаго раіона и этимъ заварилъ кантунскую кашу.

Были отправлены въ Артуръ 5 іюня двѣ шифрованныхъ депеши: одна на имя Стесселя — сдать все Смирнову и выѣхать изъ Артура, а другая Смирнову.

Генераль Стессель, получивши обѣ телеграммы, скрылъ ихъ и молчить, словно онъ ихъ не получалъ.

Получаются второй разъ телеграммы на имя Стесселя и Смирнова.

Привезъ ихъ, по всѣмъ даннымъ, прапорщикъ запаса, нѣкто Тагѣвъ, прибывшій на нашемъ миноносцѣ „Лейтенантъ Бураковъ“, которымъ командовалъ герой артурской эскадры лейтенантъ Долгобородовъ (Тагѣвъ былъ награжденъ Стесселемъ орденомъ Св. Станислава 3-ей степени съ мечами и бантомъ).

Стессель и Рейсъ рѣшили, что дальше молчать нельзя, нужно дѣйствовать.

Телеграмма на имя генерала Смирнова опять уничтожается.

И вотъ Стессель и Рейсъ, эти артурскіе „Робертъ“ и „Бертрамъ“, начинаютъ, не мудрствуя лукаво, дѣйствовать.

Стессель пишетъ письмо Куропаткину слѣдующаго содержанія:

Высокочтимый

Алексѣй Николаевичъ!

Твою депешу отъ 19 іюня я получилъ на позиціи, отбивая многочисленныя атаки японцевъ. Насколько я прежде стремился изъ Артура, настолько я признаю теперь свое пребываніе здѣсь необходимымъ для пользы отечества и войскъ. Меня всѣ здѣсь знаютъ, не только офицеры и солдаты, но даже и китайцы. Въ меня вѣрятъ, и всѣ знаютъ, что въ Артуръ могутъ японцы войти не иначе, какъ перешагнувъ черезъ мой трупъ. Генералу же Смирнову

не довѣряютъ ни Фокъ ни Никитинъ; офицеровъ и солдатъ онъ не знаетъ и называетъ послѣднихъ бѣгунцами и смердами. Можетъ быть, онъ и прекрасный человѣкъ, но онъ профессоръ, а не строевой начальникъ. Если тебѣ такъ необходимо, чтобы я прибылъ въ Ляоянъ, то я исполню твое приказаніе, когда получу отъ тебя твое новое предписаніе.

Глубокоуважающій тебя
твой Стессель.

Непріятель же не выжидалъ окончанія переписки друзей, онъ продолжалъ энергично дѣйствовать.

Генераль Оку, расколошмативъ насъ на Киньчжоу и овладѣвъ Дальнимъ, оставилъ для наблюденія за нами (занятыми, вмѣсто чудной Нангалинской позиціи, двадцатипятиверстный фронтъ на Зеленыхъ горахъ) свою 9-ю дивизію, а самъ со всѣми войсками ушелъ обратно на сѣверъ.

Пока за нами наблюдала эта дивизія, Ноги преспокойно высаживалъ въ Дальнемъ свой осадный корпусъ.

Мы же, будучи въ полтора раза сильнѣй, и не подумали сдѣлать диверсію на Дальній, хотя Смирновъ, рекогносцируя оборонительную линію на Зеленыхъ горахъ и замѣтивъ, что противникъ, окапываясь, строить проволочныя загражденія и закладываетъ фугасы,—настаивалъ на необходимости диверсіи.

Фокъ, вполне соглашаясь, говорилъ:

— О да, да. Я сдѣлаю диверсію въ Заливъ Джонокъ—и, конечно, поступалъ по своему, не проявляя никакой активной дѣятельности.

Пока письмо Стесселя доѣхало до Ляояна, генераль Ноги, постепенно собираясь съ силами, началъ оперировать на Зеленыхъ горахъ.

Стессель, отправивъ письмо къ Куропаткину, конечно, не вполне былъ увѣренъ въ благопріятныхъ для себя результатахъ. Находясь же подъ гнетомъ совершаемаго преступленія, онъ идетъ дальше.

Основываясь на приказѣ намѣстника (I часть, стр. 62) и пользуясь военными событіями, разыгрывавшимися на передовыхъ позиціяхъ, начинаетъ непосредственно сноситься съ Государемъ Императоромъ. Онъ начинаетъ составлять телеграммы, въ полной мѣрѣ не отвѣчавшія дѣйствительности. Начинаетъ доносить завѣдомую ложь, возводя пораженія и отступленія въ вѣренномъ ему районѣ въ побѣды, и въ концѣ концовъ доби-

вается вышеприведенныхъ телеграммъ отъ Государя Императора и Государыни-Матери.

Мы, съ комендантомъ во главѣ, понятія не имѣли, что Стессель совершаетъ подлогъ. Мы, читая телеграмму Государя, лишь поражались героическимъ нахальствомъ генерала, рѣшающагося доносить своему Государю завѣдную ложь.

Правъ, вполне правъ генеральнаго штаба капитанъ Одинцовъ, говорившій мнѣ: — Всѣ, соприкасавшіеся съ генераломъ (Стесселемъ), знаютъ его положительныя *качества*, даже *рѣдкія*, а именно: отсутствіе боязни передъ отвѣтственностью за принятое рѣшеніе и способность провести въ жизнь это рѣшеніе.

Одинъ изъ госпиталей.

Жаль только, что эти „рѣдкія качества“ генераль направлялъ въ преступную сторону.

Эти „качества“ очень цѣнны въ полководцѣ, если они направлены на пользу отечества, а не въ преступныхъ цѣляхъ преслѣдованія личныхъ интересовъ.

Въ Японіи, напримѣръ, за „качества“, направленныя не въ пользу народа, народъ бы давно потребовалъ смерти такого полководца.

Тамъ онъ удивительно мстителенъ къ лицамъ, его опозорившимъ и раззорившимъ.

У насъ же нравы мягче, гуманнѣе. Вѣдь мы христіане!

Итакъ, въ Артурѣ всѣ возмущались — я говорю, конечно, о сознательной части гарнизона — поступками генерала Стесселя, прекрасно оцѣнивая, какъ растлѣвающе дѣйствуетъ эта ложь на массу нижнихъ чиновъ, но помочь горю никто не могъ. Все ограничивалось лишь платоническимъ негодованіемъ.

Были попытки написать обо всемъ намѣстнику, но Стессель быстро локализовалъ ихъ. Поступалъ онъ очень просто: всѣ письма на имя намѣстника и другихъ высокопоставленныхъ лицъ читались и неудобныя—конфисковывались.

Гражданскій комиссаръ полковникъ Вершининъ попробовалъ вначалѣ обо всемъ доносить намѣстнику и удивлялся, отчего послѣдній ничего не отвѣчаетъ.

Разгадка была очень проста. Покойный начальникъ штаба Стесселя генераль-маіоръ Разнатовскій однажды прямо сообщилъ Вершинину.

— Напрасно вы пишете. Всѣ ваши письма Стессель приказалъ конфисковывать.

Получивъ Высочайшія телеграммы, Стессель почувствовалъ подъ собой нѣкоторую почву.

Что же онъ началъ творить послѣ пожалованія его генераль-адъютантомъ?

Тогда онъ окончательно заболѣлъ совѣстью.

Взрывъ бомбы на улицѣ.

Раннее утро. Бомбардировка только что началась.

Управляющій типографіей „Новаго Края“ г. Томаровичъ спѣшитъ окончить туалетъ и уйти изъ своего дома, который какъ разъ на створѣ непріятельской батареи, обстрѣливающей портъ. Взрывыснарядовъучащаются. Сегодняони что-тоужъмноговрвутся; по улицамъ ставни заперты изъ предосторожности, для защиты отъ мелкихъ осколковъ.

— Слышу, говоритъ г. Томаровичъ, приближающійся вой снаряда; не успѣлъ сообразить—глухой ударъ, взрывъ, въ окнѣ пламя, дымъ и визгъ осколковъ, и все стихло.

Только дымъ, тяжелый, удушливый, тянулся къ разбитому окну. Выглянулъ на улицу и замеръ...

У самого окна, какъ шелъ и при свистѣ посторонился къ стѣнѣ, такъ и завалился солдатикъ—отъ головы остались лишь темняныя кости. Голову потомъ неосторожный извозчикъ переѣхалъ.

11 августа. Восточный фронтъ.

Конецъ августовскихъ штурмовъ.

Около 11 час. ночи 10 августа, японцы усиленными перебѣжками стали подтягивать значительныя силы къ Заредутной батарее.

Масса японцевъ, пользуясь складками мѣстности, ползла въ направленіи этой батареи.

Наши передовыя стрѣлковыя охраненія открыли частый ружейный огонь. Въ 12 часовъ, сосредоточившись противъ Заредутной батареи, японцы бросились впередъ.

Натискъ былъ энергичный, настойчивый и сильный, но сломился о несокрушимую стойкость нашихъ. Японцы въ одномъ мѣстѣ нѣсколько продвинулись. Это было ихъ гибелью: стрѣлки дружно, съ громовымъ „ура“ бросились впередъ въ штыки и почти всѣхъ уничтожили — перекололи. Оставшіеся бросились бѣжать, но валились подъ градомъ летѣвшихъ имъ вслѣдъ пуль.

Непріятельскіе прожекторы свѣтили мѣсто атаки. Со стороны непріателя быстро подходила поддержка, но, попадая подъ страшный ружейный и пулеметный огонь, быстро таяла. Японцы, подбодряемые шрапнельнымъ огнемъ своей же артиллеріи, ломались впередъ, уничтожаемые огнемъ и штыкомъ.

Груды труповъ увеличивались. Первый бѣшенный натискъ былъ парализованъ. Штурмъ со страшными потерями былъ отбитъ. Непріатель отошелъ, скрывшись въ оврагахъ, балкахъ и лощинахъ. Въ это время Смирновъ приказалъ снять резервъ десанта.

Въ 2 часа 10 минутъ, противникъ густыми колоннами вновь бросился на штурмъ на участкѣ между Заредутной батареей и Большимъ Орлинымъ Гнѣздомъ.

Опять затрещали винтовки и пулеметы. На сравнительно небольшой площади началось страшное истребленіе японцевъ.

Колонна за колонной шли впередъ, въ одномъ мѣстѣ прорвались черезъ Китайскій валъ, но попали подъ перекрестный огонь поршневыхъ орудій на капонирѣ II и Лаперовской батарее.

Шелъ упорный, настойчивый, бѣшенный бой.

Ружейный и пулеметный огонь временами доходилъ до невѣроятнаго напряженія; вдругъ мѣстами слабѣлъ — тамъ шла штыковая работа — и вновь возобновлялся, когда, покончивъ съ ближними, стрѣлки открывали залпы по бѣжавшимъ впереди японцамъ.

Въ 2 часа 45 минутъ противникъ опять не выдержалъ и остановилъ штурмъ, оставивъ на крѣпостныхъ веркахъ груды мертвецовъ.

Къ мѣсту боя бѣгомъ спѣшилъ нашъ частный резервъ.

Наступило затишье. Раздавались лишь рѣдкіе сухіе выстрѣлы изъ винтовокъ по показывавшимся въ лучѣ японскихъ же прожекторовъ отдѣльнымъ японцамъ.

Въ началѣ 3-го часа начался третій въ эту ночь штурмъ.

Противникъ густыми колоннами бросился впередъ и на половину завладѣлъ Ручьевской батареей.

Введенный въ бой резервъ открылъ мѣткій, сильный и частый огонь, перешедшій въ рукопашный бой, который былъ настолько свирѣпымъ, что, несмотря на всѣ усилія, на всю храбрость, полное презрѣніе къ смерти и подбадриваніе съ тылу своимъ же огнемъ — японцы въ безпорядкѣ отхлынули. Третій штурмъ былъ отбитъ.

Понявъ, что ничего не подѣлаешь, артиллерія противника открыла сосредоточенный шрапнельный и фугасный огонь по линіи, на которую велись штурмовыя колонны.

Началось долбленіе. Генераль Горбатовскій, лично руководившій боемъ и находившійся уже шестыя сутки въ сферѣ непріятельскаго артиллерій-

скаго и ружейнаго огня, приказаль резервамъ отойти въ уцѣлѣвшія прикрытія и блиндажи.

Всѣ напряженно ожидали четвертаго штурма. Но солнце взошло, артиллерійское долбленіе продолжалось, а четвертаго штурма не дождались. Только груды труповъ передъ верками крѣпости.

На правомъ флангѣ восточнаго фронта ночь на 11-е число прошла совершенно покойно.

Уборка труповъ.

(Показаніе очевидца).

11-го августа изъ штаба укрѣпленнаго района, за подписью полковника Рейса, было получено приказаніе убрать трупы въ той же мѣстности, что и въ прошлый разъ.

90 китайскихъ кули, съ кирками и лопатами и пятью артиллерійскими повозками, въ сопровожденіи жандармовъ, отправились по назначенію.

Отъ 12 часовъ ночи и до 2 часовъ проработали непрерывно. Ровно въ 2 часа японцы открыли ружейный и орудійный огонь, который, однако, минутъ черезъ 20 прекратили. Убить былъ китаецъ, раненъ 1 китаецъ, и контуженъ ун.-оф. Ѳедоровъ. Зарыто около 800 японскихъ труповъ, подобранныхъ впереди позиціи, и около 100 было подобрано въ нашихъ окопахъ и зарыто; кромѣ того, вывезено на повозкахъ 6 труповъ нашихъ стрѣлковъ.

Зловоніе было ужасное: затыкали въ ноздри вату, пропитанную гвоздичнымъ спиртомъ, но ничего не помогало...

Уборка труповъ продолжалась до 5 часовъ утра 12 августа.

Выписки изъ дневника покойнаго полковника С. А. Рашевского.

Признавая въ покойномъ Сергѣѣ Александровичѣ выдающагося, талантливаго инженера и геройски храбраго офицера, я подолгу и часто бесѣдовалъ съ нимъ по поводу развертывавшихся передъ нами событій, напоминавшихъ собою скорѣе кошмаръ, чѣмъ дѣйствительность.

Всегда корректный, сдержанный, крайне политичный и осторожный — онъ иногда измѣнялъ себѣ и прямо ругательски-ругалъ все высшее начальство, съ генераломъ Базилевскимъ во главѣ. Исключительно къ кому онъ относился съ дѣйствительнымъ уваженіемъ, это былъ комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ Смирновъ.

Въ частыхъ интимныхъ бесѣдахъ онъ прямо мнѣ говорилъ:

— Комендантъ здѣсь единственное лицо съ своей собственной разумной инициативой, съ трезвымъ и просвѣщеннымъ взглядомъ на вещи, неуклонно и творчески проявляющій вездѣ свои недюжинныя способности. Съ нимъ можно работать. Это чело-вѣкъ глубокихъ знаній. Онъ не разбрасывается, не размѣни-

вается на мелочи и умѣетъ разграничивать дѣятельность начальника и подчиненныхъ. Онъ страшно, неумолимо требователенъ, но согласитесь, что работы такая уйма, что ему нѣтъ времени лясать точить. Согласитесь, что здѣсь все разлѣнилось настолько, что даже теперь, когда надъ нами виситъ гроза осаждающей арміи, мы не хотимъ добросовѣстно работать.

Въ моемъ дневникѣ, который я велъ въ Артурѣ день за днемъ, эта фраза записана въ ея неприкосновенной точности и глубоко запечатлѣлась въ моей памяти.

Въ своей „Правдѣ“ я стремлюсь и имѣю много данныхъ сказать правду о Портъ-Артурѣ; если у меня появляются неточности, то да проститъ меня читатель, а участникъ обороны Портъ-Артура пусть возражаетъ: это только поможетъ воскреснуть правдѣ. Эпопея Артура заключаетъ въ себѣ миллионъ мелочей, отдѣльных положеній, съ которыми одному лицу не справиться.

Китайская гавань.

Г. Тимченко-Рубанъ являясь *талантливымъ защитникомъ стараго режима* и будучи убѣжденнымъ сторонникомъ того, что созданіе многообразныхъ и восхитительныхъ проектовъ крѣпостей *на бумагахъ* въ центральныхъ учрежденіяхъ, вполне достаточно для успѣшнаго веденія войны, въ статьѣ: „По поводу Правды о Портъ-Артурѣ“ пишетъ: „... Эпопея Портъ-Артура—дѣло народное, близкое каждому честному русскому сердцу; каждому пытливому уму сознательнаго русскаго гражданина. И мнѣ кажется, что каждый русскій военный, могущій внести въ вопросъ о Портъ-Артурской „акціи“ (?) хотя лучъ правдиваго свѣта на почвѣ полной объективности, могущій тѣмъ умѣрить *вакханалію* разоблачителей, могущій ослабить горечь якобы проявившихся у Артура русской несостоятельности и русскаго nepотизма, обязанъ отбросить скромность, отбросить боязнь упрека за добровольческій выпадъ въ защиту *старого режима* и въ защиту лицъ, *создавшихъ* Портъ-Артуръ и оборонявшихъ эту крѣпость, обязанъ громко и во всеуслышаніе сказать о томъ, что ему извѣстно положительно и безусловно“ ...

Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ обороны въ лицѣ военнаго корреспондента. Горизонтъ моихъ наблюдений былъ великъ. Я всегда зналъ приблизительно все, что творилось въ крѣпости, путемъ общенія со всѣми начальствующими лицами и неустанныхъ поѣздокъ по передовымъ позиціямъ и оборонительной линіи.

Я не былъ ни раненъ ни контуженъ. Но я нравственно много выстрадалъ, живя въ теченіе 9 мѣсяцевъ въ какомъ-то кошмарѣ.

Я собиралъ матеріалы упорно, настойчиво, чтобы впоследствии подѣлиться своими наблюдениями.

За одно только желаніе написать впоследствии книгу—люди Артура, которые въ Артурѣ создавали кошмаръ, обвинили меня въ томъ, что я японскій шпионъ, и, если бы не заступничество офицеровъ-рыцарей, я бы давнымъ-давно былъ повѣшенъ въ Артурѣ, какъ предатель.

Тотъ, кто пережилъ осаду Артура, тотъ, кто видѣлъ, что тамъ творилось, не можетъ, разъ это все онъ перестрадалъ, писать и говорить о ней покойно и хладнокровно.

Современникъ не можетъ писать объективно. Я и не претендую на объективность. Я черезъ-чуръ еще близко стою къ пережитому. Исторія разберетъ, кто правъ, кто виноватъ. Врядъ ли она... „станетъ въ защиту *старого режима и въ защиту лицъ, созидавшихъ Портъ-Артуръ*“: черезъ-чуръ онъ и они дорого стоятъ Россіи и въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніи.

Я пишу то, что я видѣлъ собственными глазами, слышалъ собственными ушами, пишу то, что документально достоверно.

Еще задолго до того времени, когда генераль Стессель лишилъ меня званія военнаго корреспондента, я обратился къ полковнику Рашевскому съ просьбой воспользоваться его дневникомъ и сдѣлать выписки, которыя меня интересуютъ, какъ частнаго наблюдателя.

Сергій Александровичъ согласился. Я сдѣлалъ эти выписки и теперь, въ подтвержденіе многаго, что я пишу въ своей книгѣ, привожу ихъ текстуально (подлинный дневникъ находится, насколько мнѣ извѣстно, въ инженерномъ вѣдомствѣ).

Повторяю, если у меня будутъ неточности, пусть возражаютъ съ фактами и документами въ рукахъ—я только буду благодаренъ.

Читатель долженъ знать, что Рашевскій былъ неутомимый работникъ, онъ завѣдывалъ всѣми инженерными работами на атакованномъ сѣверо-восточномъ фронтѣ, въ оборону котораго влагалъ всю душу, всѣ свои недюжинныя способности, работая день и ночь среди непрерывной смертельной опасности.

Вотъ что записано у него въ дневникѣ, отвѣчающемъ 11-му августа.

„Да, наши временныя прикрытія совершенно безсильны противъ бризантныхъ снарядовъ—необходимо въ мирное время въ промежуткахъ между фортами сдѣлать безопасныя помѣщенія для пороховыхъ погребовъ и для людей.

Больше всего достается злополучной батарее лит. Б. Положеніе этой батареи, въ смыслѣ оказываемой ею поддержки сосѣднимъ—укрѣпленію второму, Куропаткинскому люнету и редутамъ, превосходное, но зато, въ смыслѣ укрытія и маскировки, батарея отчаянная: и сама она видна отовсюду, и орудія ея, поставленныя для круговаго обстрѣла—какъ на блюдечкѣ. Стоитъ только чѣмъ-нибудь выказать этой батарее, что она еще жива, т. е. не только выстрѣлить, а даже показаться кому изъ прислуги, и по ней немедленно открывается усиленный огонь бризантными бомбами...

За эти дни на батарее успѣли смѣниться 5 командировъ, изъ которыхъ четырехъ: **Вахнѣва, Волкова, Коржинскаго, Данилова**, ранило, а **Сандецкаго** убило. Вообще потери въ крѣпостной артиллеріи тяжелы: изъ 79 офицеровъ уже убыло 30...

Когда редуты №№ 1 и 2 заняты японцами, и когда сосѣднія съ ними батареи сбиты, особенно важно дѣйствіе батарей Золотой горы, между тѣмъ генераль Стессель запретилъ стрѣлять изъ нихъ въ виду того, что часть снарядовъ рвется преждевременно“...

По поводу стрѣльбы съ Золотой горы произошелъ любопытный инцидентъ.

Такъ какъ преждевременные разрывы съ Золотой горы угрожали безопасности Стесселя (нѣсколько многопудовыхъ осколковъ упали въ садъ и дворъ Смирнова—рядомъ домъ Стесселя) то послѣдній, не мудрствуя лукаво, просто приказалъ прекратить стрѣльбу.

Является къ Смирнову начальникъ крѣпостной артиллеріи генераль-маіоръ Бѣлый съ жалобой на Стесселя: 11-ти дюймовая батарея, благодаря трусости Стесселя, должна бездѣйствовать, хотя приносить огромный вредъ осаждающему.

— Вотъ что, идемте къ Стесселю—рѣшаетъ Смирновъ.

Вы скажите ему, что будете стрѣлять стальными бомбами.

Приходятъ къ Стесселю.

Генераль страшно кипитъ по поводу преждевременныхъ разрывовъ чугунныхъ бомбъ.

— Ваше превосходительство, разрешите стрѣлять стальными—просить Бѣлый.

— А онѣ не рвутся?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— Хорошо. Но такъ ли?

Смирновъ энергично поддерживаетъ Бѣлаго.

Вышли.

— Ну, вотъ и отлично! потирая руки, говоритъ Смирновъ.—

Дуйте чугунными, ихъ пропасть.

Запасъ стальныхъ бомбъ для Золотой горы ограниченный.

Онѣ не рвутся—только ихъ мало.

Всѣ преждевременные разрывы чугунныхъ бомбъ относите за счетъ непріятельскихъ снарядовъ.

Послѣ бомбардировки.

Бѣлый такъ и исполнилъ.

Золотая гора начала неистовствовать, нанося огромный вредъ противнику. Случайные же, подчасъ очень частые разрывы относили за счетъ непріятеля.

Стессель успокоился, но скоро узналъ, что его перехитрили. Страшно онъ ругалъ вмѣстѣ со своими Смирнова, но протестовать не рѣшался, т. к. гора была грозой для японцевъ.

Однимъ изъ осколковъ преждевременно разорвавшагоснаряда были изувѣчены два подростка, портовые мастеровые.

Въ 12 ч. дня они отдыхали на склонѣ Золотой горы. Упавшій осколокъ оторвалъ у обоихъ по ногѣ.

Врядъ ли эти мальчики (я ихъ видѣлъ въ послѣдствіи въ госпиталѣ), оставшіеся на всю жизнь калѣками по милости „отечественной“ небрежности, станутъ „въ защиту стараго режима“.

Изъ дневника С. А. Рашевского.

„... Къ вечеру изъ Ляояна отъ Куропаткина прибылъ гонецъ-китаецъ съ письмомъ нижеслѣдующаго содержанія: „Я отступаю къ Ляояну подъ сильнымъ натискомъ превосходныхъ силъ трехъ японскихъ корпусовъ. У Ляояна думаю дать генеральное сраженіе. Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ надѣюсь перейти въ наступленіе...“

Это извѣстіе главнокомандующаго буквально насъ всѣхъ возмутило: онъ себѣ даже не потрудился выяснить тяжесть нашего положенія; видимо, ему совершенно не ясна обстановка крѣпостной войны и положеніе Артура, совершенно почти неподготовленнаго къ противодѣйствию нынѣшнимъ бризантнымъ снарядамъ. И безъ того онъ слишкомъ былъ непопуляренъ неудачей своихъ дѣйствій, скорѣе даже полной бездѣятельностью въ теченіе болѣе 5 мѣсяцевъ, своей наглою расчетливостью — допустить высадку японцевъ, чтобы затѣмъ ни одного уже не выпустить обратно; теперь же этотъ новый, точный расчетъ — начать наступленіе черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ — и холодное отношеніе его къ участи Артура окончательно дискредитировали его въ глазахъ нашего гарнизона...

Въ госпиталяхъ сейчасъ 4700 человѣкъ...

Лаперовская гора.

Названа въ честь командира 2-ой батареи 4-ой восточно-сибирской стрѣлковой артиллерійской бригады, подполковника Ивана Николаевича Лаперова. Батарея, расположенная на этой горѣ, подъ командой подполковника Лаперова, съ 10-го августа вплоть до капитуляціи Артура оказала во время осады и при отбитіи всѣхъ штурмовъ блестящія, неоцѣненные услуги.

8-го августа утромъ подполковникъ Лаперовъ получилъ отъ полковника Мехмандарова записку, съ приказаніемъ коменданта крѣпости — занять гору близъ форта III и перемѣстить туда свою батарею.

Къ часу дня, въ то время, когда артиллерійская канонада стала нѣсколько стихать, прибыли въ штабъ Горбатовскаго Мехмандаровъ и Лаперовъ съ своимъ старшимъ батарейнымъ офицеромъ капитаномъ Шихлинскимъ. Генерала Горбатовскаго они нашли у Скалистаго Утеса и доложили ему о приказаніи коменданта.

Положеніе с.-в. фронта было тяжелое послѣ четырехдневной непрерывной бомбардировки.

Генераль Горбатовскій былъ утомленъ и крайне взволнованъ.

— Какія тутъ батареи! Видите, что творится кругомъ. Часы сосчитаны. Кажется, придется III-й фортъ очищать. Поѣзжайте и доложите коменданту, въ какомъ мы находимся положеніи. Пусть пріѣдетъ, посмотреть, укажетъ, что дѣлать.

Всѣ были поражены!

Встрѣтили адъютанта— спросили.

Адъютантъ: — Положеніе—критическое.

Тогда Лаперовъ, Шихлинскій, съ Мехмандаровымъ во главѣ, отправились искать удобныя позиціи.

Мехмандаровъ выбиралъ, выбиралъ — ничего не выбралъ; незамѣтно добрались до штаба района. Домъ послѣдняго былъ построенъ у подножія холма, черезъ улицу отъ него дома Смирнова и Стесселя.

На этомъ холмѣ Мехмандаровъ остановился.

Совершенно случайно встрѣчаютъ самого Смирнова.

— Вы что тутъ дѣлаете?

— Артиллерійскую позицію выбираемъ, отвѣтилъ Мехмандаровъ.

— Да вы бы, полковникъ, ужъ лучше у меня на квартирѣ выбрали позицію. Вѣдь кажется, я ясно указалъ ее: гора, отступя и правѣ Курганной. Взгляните на карту.

Дѣло, какъ оказалось, представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Когда шли августовскіе штурмы, всѣмъ распоряжался Смирновъ, безъ вмѣшательства Стесселя. Коменданта рвали на части. Уѣзжая на фронтъ и не имѣя времени дожидаться начальника полевой артиллеріи с.-в. фронта полковника Мехмандарова, Смирновъ, встрѣтивъ начальника штаба района полковника Рейса, приказалъ: — Поставьте полевую артиллерію на хребтѣ горъ, отъ Безыменной къ укрѣпленію III (тогда эти горы еще не имѣли названій), при чемъ указалъ ему предполагаемая позиціи на картѣ. Полковникъ Рейсъ, абсолютно не знавшій крѣпости, передавая это приказаніе Мехмандарову, перепуталъ; послѣдній же, услышавъ отъ генерала Горбатовскаго тревожное заявленіе, „что часы сосчитаны“, понялъ, что комендантъ требуетъ выбора ряда позицій, эшелонированныхъ въ глубь.

Вотъ тутъ-то, при случайной встрѣчѣ коменданта съ Мехмандаровымъ и Лаперовымъ, все разъяснилось. То тутъ они поняли наконецъ, чего требуетъ отъ нихъ Смирновъ.

Комендантъ продолжалъ:

— Повторяю, сухопутный фронтъ, какъ вы видите и слы-

шите, на с.-в. умолкъ, слабо себя проявляетъ. Вы, полевая артиллерія, конечно, не въ состояніи бороться съ непріятельской осадной артиллеріей. Поставьте полевые орудія на наивыгоднѣйшихъ позиціяхъ хребта горъ, отъ Безыменной до укрѣпленія Ш-го, закрыто.

Поражайте прислугу непріятельской артиллеріи шрапнелью и держите ее въ постоянномъ нервномъ напряженіи.

При постановкѣ орудій, придерживайтесь перваго артиллерійскаго гребня, чтобы съ началомъ штурма, который назрѣваетъ, можно было быстро выкатить орудія на гребень и бить по штурмующимъ колоннамъ. Я приказалъ уже инженерамъ разработать дорогу и двухбарбетную установку для вашихъ орудій.

Мехмандаровъ уѣхалъ, съ нимъ Лаперовъ и Шихлинскій.

Вернулись на фронтъ. Искали, искали. Нашли позицію для одного взвода рядомъ съ Малымъ Орлинымъ Гнѣздомъ и доложили Кондратенко.

— Да генералъ Смирновъ указалъ гору за Курганной и правѣе. Пойдемте, поищемъ, говорить Кондратенко.

Искали, долго искали. Темно стало. Не нашли.

Кондратенко: — Полковникъ Лаперовъ, поставьте одинъ взводъ здѣсь, а батарею оставьте на Большой горѣ, завтра узнаемъ отъ коменданта подробности.

Къ вечеру 9-го августа поняли наконецъ—какой хребетъ, какую гору подразумѣвалъ Смирновъ.

Позднимъ вечеромъ Лаперовъ привелъ батарею къ штабу Горбатовскаго и хотѣлъ ее провести напрямки на гору.

Горбатовскій запротестовалъ.

— Ведите батарею кругомъ. Слышите, какъ тихо. Будете шумѣть, поднимете тревогу—японцы сейчасъ откроютъ огонь.

Лаперовъ: — Помилуйте, ваше превосходительство. Вѣдь этакъ всю ночь придется блуждать! Мы не успѣемъ орудій по-

Японская карикатура.

ставить! Вонъ двуколки же шумятъ. А мы мигомъ пройдемъ, намъ рукой подать.

Горбатовскій протестовалъ.

Лаперовъ послушался.

— Рысью маршъ! батарея загремѣла и черезъ полчаса была уже у подошвы намѣченной горы.

10-го утромъ орудія были разставлены на Лаперовской и Митрофаньевскихъ горахъ, а въ ночь съ 10-го на 11-ое батарея уже отбивала штурмъ на Китайскую стѣнку противъ Волчьей батареи.

Лаперовъ поражалъ штурмующія колонны черезъ Волчью гору шрапнелью на дистанціи менѣе одной версты высокими разрывами, т. к., въ виду малаго разстоянія и пересѣченной мѣстности, нельзя было поражать настильнымъ огнемъ (брался прицѣлѣть на дальнюю дистанцію, а дистанціонная трубка ставилась на близкую).

Корректировку велъ капитанъ Ручевъ. Его батарея временами должна была бездѣйствовать, т. к. штурмующія колонны попадали въ мертвое пространство.

Когда шелъ штурмъ на стѣнку, то то и дѣло прибѣгали къ Лаперову стрѣлки и настойчиво просили.

— Ваше высокородіе, не жалѣйте, не жалѣйте снарядовъ. Какъ только раздастся вашъ залпъ, японцы, какъ мухи, валятся.

Кромѣ батареи Лаперова, доминирующее значеніе при штурмѣ имѣли поршневыя орудія, поставленныя на капонирѣ II-омъ. Орудія эти своимъ прицѣльнымъ, убійственнымъ огнемъ поражали штурмующія колонны и резервы во флангъ и въ тылъ.

Они тысячами положили атакующихъ, и долину, въ которой они устроили эту бойню, защитники с.-в. фронта назвали *Долиной смерти*.

Штурмъ былъ отбитъ! Не будь Лаперовской батареи и двухъ орудій на второмъ капонирѣ, не поражай они такъ удачно, — возможно, что японцы бы прорвались. А вѣдь это было 11-го августа.

Выборъ артиллерійской позиціи для батареи былъ блестящій, и мы этимъ обязаны коменданту, выбравшему ее, Мехмандарову и Лаперову, сумѣвшимъ использовать всѣ ея выгоды.

Въ эту ночь мы ничего не отдали врагу.

Японцы, потерявъ 22,000 людей, поняли, что Артура имъ открытой силой не взять.

Первый актъ великой артурской трагедіи кончился.

Протестъ Японіи.

Ночной штурмъ 11-го августа на центръ сѣверо-восточнаго фронта былъ финаломъ августовскихъ штурмовъ.

Напрасно генераль Ноги, командующій осадной японской арміей, намекалъ корреспонденту „Daily Mail“ во время его перваго съ нимъ свиданія:—Вы прибыли удачно, какъ разъ во-время—ни рано, ни поздно: вы увидите заключеніе нашей побѣдоносной кампаніи.

Результаты восьмидневнаго штурма были ничтожны.

На западномъ фронтѣ мы потеряли Угловую гору съ ея предгоріями, Панлуншанскій редутъ сталъ нейтральнымъ. На восточномъ пали лишь редуты I и II.

И это послѣ непрерывной, страшной бомбардировки и свирѣпыхъ атакъ, которыя стоили японцамъ двадцать двѣ тысячи убитыхъ и раненыхъ.

Японцы воочію убѣдились, что открытой силой имъ Артура не взять.

Они поняли, что русскіе не китайцы.

Они никакъ не ожидали, что крѣпость, которую можно было еще въ январѣ взять „голыми руками“, превратилась въ твердыню, о которую разбились десятки тысячъ человѣческихъ жизней.

Гордые въ сознаніи своего превосходства, они третьяго августа предлагали сдать Артуръ, а 13-го августа на военномъ совѣтѣ, подсчитывая убыль своихъ, пришли къ скорбному сознанію, что скоро Артура имъ не взять.

Японія, ежеминутно ожидавшая паденія Артура, заготовлявшая фонари и флаги для грандіознаго національнаго праздника, должна была сознаться, что, какъ русскіе ни халатны, какъ ни безпечны, но въ тяжелыя минуты, въ послѣднія минуты они способны на чудеса.

Въ странѣ Восходящаго Солнца начали раздаваться негодующіе голоса, что осадная армія не на высотѣ своего положенія; недовольство готово было перейти въ волненія.

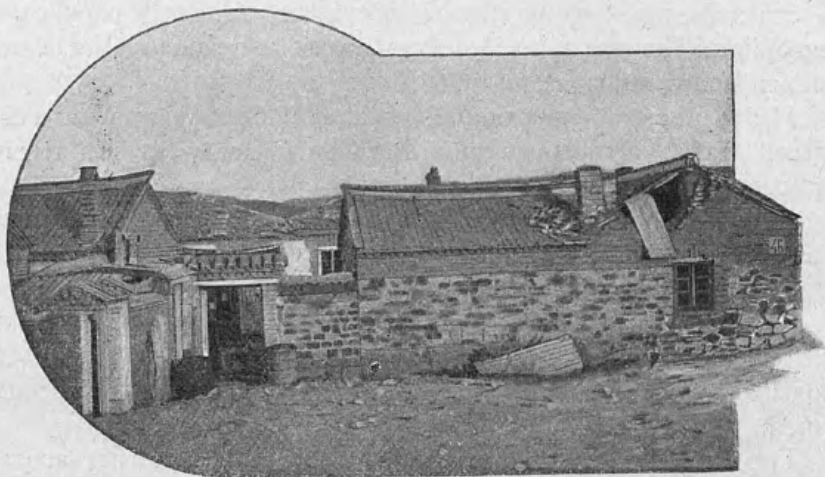
Правительство Микадо поступило очень разумно: всѣмъ недовольнымъ предложили отправиться подъ Артуръ, пополнить убыль арміи Ноги и показать примѣръ, какъ слѣдуетъ брать крѣпость.

Самолубіе гордыхъ японцевъ, въ особенности самураевъ (дворянъ), было задѣто: цѣлые транспорты отваливали съ добровольцами къ берегамъ Артура.

Впослѣдствіи китайцы доносили, что въ Луньвантанской долинь происходитъ обученіе вновь прибывшихъ, среди которыхъ много стариковъ и почти дѣтей.

Орудія броненосцевъ и Электрическаго утеса посылали въ долину свои стальные чудовища, издали (18 верстъ) напоминая о томъ, какъ грозенъ Артуръ.

При отбитіи сентябрьскаго штурма, дѣйствительно, среди убитыхъ и раненыхъ была масса стариковъ и юношей, почти мальчиковъ.

Китайскія фанзы.

Силенъ тотъ народъ духомъ, который въ годину испытанія способенъ протестъ свой поддержать примѣромъ и дѣломъ.

Въ бытность свою передъ войной въ Японіи, близко знакомясь съ исторіей ея культуры,—я тогда еще пришелъ къ глубокому и непреложному убѣжденію, что японцы—это народъ, къ которому побѣдоносно шествуетъ великое будущее.

Я имѣлъ дерзость объ этомъ писать, но надо мной тогда смѣялись.

Свѣдѣніе отъ китайцевъ.

10 августа въ бухтѣ Луиза высадилось 100 матросовъ. За деревней Худзятунъ, на дистанціи 50 шаговъ по прямой линіи, спрятанными въ кукурузѣ и гаолянѣ стоятъ 200 орудій, обстрѣливающія наши форты и укрѣпленія. Въ деревнѣ Чжунятунъ разбитъ японскій госпиталь. Въ деревнѣ Юйдо-Санъ (на сѣверъ отъ Артура 10 верстъ) стоятъ 4 большихъ орудій, каждое подвезено 32 лошадьми.

Японская армія, сосредоточенная подъ Артуромъ, равна 50,000, изъ которыхъ за время тѣсной блокады, считая съ 17 іюля, убыло ранеными и убитыми отъ 25 до 30 тысячъ.

Раненыхъ и убитыхъ увозятъ въ Симихоза, Суанцтайгоу и Дальній.

Въ этомъ сообщеніи о четырехъ большихъ орудіяхъ идетъ рѣчь объ одиннадцатидюймовыхъ мортирахъ, которыя съ 18 сентября начали обстрѣливать городъ, портъ и линію обороны.

Когда мы узнали объ этихъ орудіяхъ, этихъ колоссальныхъ истребителяхъ, не скажу, чтобы насъ это порадовало.

Бетонъ на многихъ укрѣпленіяхъ, въ томъ числѣ и на лит. Б, я это утверждаю, не выдерживалъ 120 м/м снарядовъ—что же насъ ожидало, когда противникъ начнетъ посыпать насъ одиннадцатидюймовыми глыбами?

Г.г. инженеры, согласившіеся на сокращеніе толщи бетонныхъ сооружений и строившіе эти бетонныя укрѣпленія, понесутъ ли они должное возмездіе? А что бетонъ разрушался, то объ этомъ свидѣлствуютъ какъ участники обороны, такъ и дневникъ полковника Рашевского, погибшаго смертью героя вмѣстѣ съ Кондратенко.

12 августа.

Въ 10 часовъ утра было замѣчено, что по горной тропѣ отъ деревни Дагунъшагоу въ Суншагоу прошла на вьюкахъ горная батарея, по которой удачно открыла огонь батарея № 22—черезъ четверть часа несли 7 носилокъ, и шло 30 раненыхъ.

Около 12 часовъ пополудни было замѣчено за Сахарной Головой значительное сосредоточеніе противника, которое было разбѣяно удачнымъ артиллерійскимъ огнемъ, то же было продѣлано и съ сосредоточившейся у желѣзнодорожнаго моста колонной.

Съ 2 часовъ началась усиленная бомбардировка Большой горы 120 м.м. непріятельскими орудіями, и въ это же время изъ деревни Дапалиджуанъ показались японская кавалерія и пѣхота, немедленно попавшія подъ огонь нашихъ батарей берегового фронта.

Съ 5 часовъ вечера началось опять энергичное обстрѣливаніе фугаснымъ и шрапнельнымъ огнемъ лит. Б, батареи тыловой и Малаго Орлинаго Гнѣзда.

Съ 6 часовъ замѣчено противъ сѣверо-восточнаго фронта частичное передвиженіе непріятеля, которое парализуется мѣткимъ стрѣлковымъ огнемъ.

Ночь на 12 августа прошла по всей линіи **покойно**. Слышалась лишь рѣдкая ружейная стрѣльба, и доносился шумъ отъ передвигавшагося обоза и производимыхъ работъ, по которымъ велась рѣдкая орудійная стрѣльба.

Непріятельскія батареи поддерживаютъ огонь противъ всего восточнаго фронта, особенно аккуратно обстрѣливаютъ сѣверо-восточный фронтъ, начиная отъ Скалистаго Утеса до лит. А.

Въ 8 часовъ утра комендантъ крѣпости генераль-лейтенантъ Смирновъ, въ сопровожденіи адъютантовъ—поручика Князева и подпоручика Гаммера, объѣхалъ весь восточный фронтъ, начиная отъ Опасной горы.

По пути подробно знакомился съ результатами артиллерійскаго боя 6, 7, 8 и 9 августа.

Весь путь отъ Опасной горы поражался рѣдкимъ, но мѣткимъ шрапнельнымъ огнемъ.

Орудія приведены въ порядокъ и готовы къ дальнѣйшей борьбѣ.

Особенно сильно пострадала крупновская батарея шт.-кап. Высокихъ. На всемъ пути комендантъ крѣпости, проѣзжая по наиболѣе поражаемымъ артиллерійскимъ огнемъ батареямъ, здоровался съ людьми, и на привѣтствія—„здорово, друзья“, „здорово, родные“, „здорово, молодцы-артиллеристы“, дѣйствительные наши богатыри весело отвѣчали, ободренные тѣмъ, что и въ опасныхъ теперь мѣстахъ не забываетъ ихъ комендантъ.

На одной изъ батарей комендантъ пробовалъ пищу, оставшись доволенъ ея качествомъ.

Миновавъ Орлиное Гнѣздо, пришлось спѣшиться и пройти ложиной, т. к. предстояло идти открытымъ мѣстомъ, сильно обстрѣливаемымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ.

Поднявшись на Скалистый Утесъ, генераль-лейтенантъ Смирновъ ознакомился съ положеніемъ нашихъ укрѣпленій за крѣпостными верками и, отдавъ общія указанія прибывшему начальнику обороны генераль-маіору Кондратенко, въ 1 ч. дня уѣхалъ домой.

Западный фронтъ.

12 августа. Ночью капитанъ Стемпневскій сдѣлалъ съ Высокой горы вылазку съ цѣлью увезти съ Угловой горы орудія. Увезти не удалось, но зато они успѣшно взорваны пироксилиномъ.

Въ расположеніи конныхъ командъ безъ перемѣнъ. Вчера вечеромъ началась на полуостровѣ разгрузка провіанта. Японцы продолжаютъ усиленно окапываться по предгорьямъ Угловой и на хребтѣ, соединяющемъ Угловую съ Высокой. Около 30 орудій противникъ поставилъ въ окрестностяхъ деревень Хандзятунъ, Сягохандзятунъ; часть ихъ въ фанзахъ, часть по берегу моря, за скатомъ высоты. Сѣвернѣе Голубиной бухты сосредоточено до 4 баталіоновъ пѣхоты и 2 эскадрона кавалеріи.

По полученнымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, у японцевъ среди солдатъ много стариковъ и малолѣтнихъ.

Изъ дневника Рашевского.

„... При рекогносцировкѣ оставленныхъ японцами редутовъ, возлѣ убитаго офицера нашли воззваніе на русскомъ языкѣ нижеслѣдующаго содержанія:

Господамъ командующимъ

русскими войсками.

Командующій войсками здѣшняго округа просить господъ командующихъ русскими войсками о томъ, что дать соотвѣт-

ственное содѣйствіе и нужное средство на оставленные нами въ здѣшнюю окрестность на убитые и раненые при этой кампаніи изъ нашихъ войскъ...

Съ почтеніемъ."

Объѣздъ атакованнаго фронта.

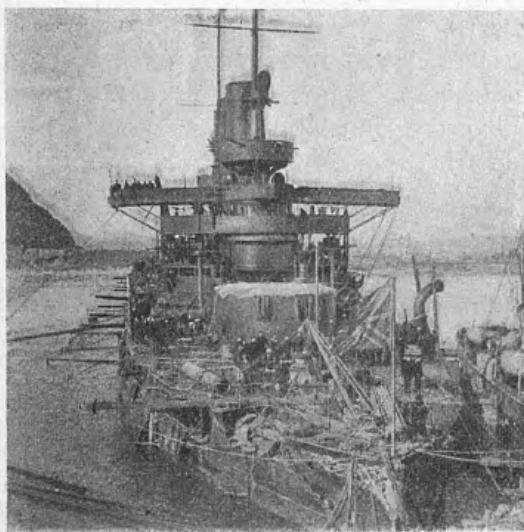
Лишь только разсвѣло, я отправился въ штабъ крѣпости, чтобы до жары составить отчетъ о минувшей ночи. Работаю.

Въ штабѣ вдругъ засуетились. Оказалось, подъѣзжалъ комендантъ. Я тоже вышелъ на крыльцо. Смирновъ отдавалъ какія-то распоряженія полковнику Хвостову.

Увидѣвъ меня, комендантъ крикнулъ:

— А вы сегодня не ѣдете? Да я васъ въ самое безопасное мѣсто повезу, успѣете написать отчетъ.

— Съ удовольствіемъ, ваше превосходительство. Напрасно вы только думаете, что я струсилъ. Я не зналъ, что вы и сегодня объѣзжаете боевую линію. Разрѣшите послать за лошадью.

Опущенное сѣтовое огражденіе отъ минъ.

— Посылайте, посылайте. Мы тронемся, а вы догоняйте. Путь на Опасную.

Скоро я ихъ догналъ.

По дорогѣ узнаю, что комендантъ опять ѣдетъ на сѣверовосточный фронтъ. Интересно.

Начиная отъ лит. Б (на которой комендантъ пробылъ болѣе часа, рекогносцируя съ бруствера подъ огнемъ противника расположеніе непріятельскихъ батарей), военная дорога была дорогой смерти и разрушенія. Повсюду еще засохшія лужи крови, валялись ружья, сумки, сапоги, разбитыя двуколки, окро-

вавленная одежда, колеса, лошади, необрунные еще обезображенные трупы, исковерканные лафеты.

Дорога изрыта снарядами.

Сарай на Маломъ Орлиномъ Гнѣздѣ, гдѣ еще недавно въ обществѣ братьевъ Высокихъ и офицеровъ сосѣднихъ батарей мы провели нѣсколько беззаботныхъ часовъ, сгорѣлъ и превратился въ груды развалинъ. Дорогу и мѣстность послѣ бомбардировки положительно нельзя было узнать. Орлиныя Гнѣзда разбиты въ дребезги. Нѣтъ уже Высокихъ, нѣтъ Дударова; много жизней догорѣло за послѣдніе дни. Большинство блиндажей, прикрытій, брустверовъ разбито.

По дорогѣ узнаю, что князь Мачабелли уже пятый день лежитъ передъ Панлуншанскимъ редутомъ. Никакъ не могутъ его взять. Другіе увѣряютъ, что онъ раненъ и еле живымъ взять въ плѣнъ. Часть стрѣлковъ сидитъ наверху, часть внизу.

Резервъ жметъ подъ крутыми обрывами, устройтъ изъ остатковъ волнистаго желѣза и всякой дряни импровизированныя прикрытія — развѣ отъ солнца, но никакъ не отъ шрапнели и бомбъ.

Видъ измученный, усталый. Отъ офицеровъ осталась лишь тѣнь. Грязные, оборванные, не мытые, который уже день среди непрерывной, смертельной опасности.

— Ваше превосходительство, нельзя ли досокъ, хоть какое-нибудь прикрытіе соорудить. Вы сами видите, какъ донимаютъ шрапнелью и бомбами. (Противникъ весь с.-в. фронтъ держалъ подъ шрапнельнымъ и бомбовымъ огнемъ).

— Вотъ этакихъ маленькихъ досочекъ—говоритъ пожилой и подвижной ротный командиръ—мы отлично устроимся.

Это была картина, которая никогда не изгладится изъ памяти.

Кругомъ молча стоятъ собравшіеся офицеры. Въ глазахъ cadaго читаю покорность судьбѣ и просьбу...

Смотрю на коменданта. Глаза такъ и сверкаютъ, онъ улыбается, слушая, но я его уже знаю. Не до улыбки ему. Онъ злится. Два дня тому назадъ отдано строжайшее приказаніе доставить доски. Приказаніе не исполнено. Изъ инженеровъ на линіи—одинъ Шварцъ. Рашевскій на правомъ флангѣ.

— Будьте покойны, сегодня же у васъ будутъ доски. Гаммеръ, запишите—отвѣчаетъ Смирновъ.

Бѣдемъ дальше. Спѣшиваемся. Нѣтъ возможности ѣхать. Впереди на $\frac{1}{4}$ версты открытое къ расположенію противника мѣсто, передъ Ручьевской батареей. Рвется шрапнель, бомбы, свистятъ пули. Подбѣгаетъ начальникъ участка.

— Ваше превосходительство, прямо идти нельзя, нужно ложиной... открытое мѣсто... кто покажется, бьютъ.

Дѣйствительно, сзади, здѣсь и дальше стрѣлки прижались къ крутымъ откосамъ. Впереди на дорогѣ ни души.

— Пустяки. Лошадей вывести къ батарее Ручьева, а мы напрямки—сказалъ Смирновъ и быстро зашагалъ впередъ.

Ничего не подѣлаешь—пришлось храбро шагать за нимъ.

Какъ только открыли себя, шрапнель участилась, давая перелеты.

Смирновъ невозмутимо шелъ впереди, спокойно бесѣдуя съ капитаномъ Шварцъ.

На Заредутной батарее, замѣтивъ, какому риску подвергаетъ себя комендантъ, начали что-то кричать и махать краснымъ флагомъ. Навстрѣчу во всю прыть бѣжалъ капитанъ Гусаковский, командующій батальономъ 13-го полка, проявившій въ предыдущую ночь чудеса храбрости. Отрапортовавъ о состояніи вѣренной ему части, капитанъ, волнуясь, докладывалъ:

— Ваше превосходительство, здѣсь очень опасно.

— Вижу, но намъ недалеко до Заредутной — отвѣтилъ комендантъ, продолжая что-то объяснять капитану Шварцу.

Придя на Заредутную, Смирновъ, весело поздоровавшись съ нижними чинами: Здорово, друзья! здорово, родные! здорово, молодцы-артиллеристы!—подробно осмотрѣлъ Ручьевскую батарею, которой остался очень доволенъ. Благодаря правильной скрытой установкѣ, она была въ дѣйствиіи до самой капитуляціи.

На нѣкоторыхъ батареяхъ комендантъ пробовалъ пищу, хвалилъ кашевара, шутилъ съ солдатами, подолгу бесѣдовалъ съ офицерами, а шрапнель рвалась, гудѣли бомбы...

Одинъ изъ офицеровъ жаловался, что нѣтъ походныхъ записныхъ книжекъ.

— Забирайте у военнаго корреспондента; смотрите—какой у него портфель.

У меня живо разобрали весь запасъ писчей бумаги.

Солнце пекло уже невыносимо. Августъ—чуть ли не самый жаркій мѣсяцъ на Квантунѣ.

Потянуль вѣтерокъ—насъ обдало трупнымъ запахомъ, и запахъ этотъ словно застылъ въ воздухѣ.

Поднявшись на Скалистый Утесъ и притаившись за каменными глыбами (высовываться было немыслимо, т. к. японцы, взявъ постоянный прицѣлъ, снимали каждого, кто рисковалъ показаться), Смирновъ долго и подробно знакомился съ обста-

новкой обороны, давая указанія прибывшему начальнику инженеровъ с.-в. фронта полковнику С. А. Рашевскому.

Спустившись, офицеры опять окружили, прося досокъ для укрытія.

Добрались до штаба.

Генералъ Горбатовскій, въ виду переутомленія непрерывными штурмами, былъ смѣненъ на время генераломъ Надѣинымъ.

Навстрѣчу Смирнову спускался изъ блиндажа Надѣинъ, на ходу застегивая китель.

За нимъ въ дверяхъ появились два инженера, Мелье и Родіоновъ.

Смирновъ, принявъ рапортъ, неласково посмотрѣлъ на эту парочку.

— Господа! я васъ не здѣсь надѣялся встрѣтить, а тамъ, у Китайской стѣнки; здѣсь нечего рыть, а тамъ блиндажи нужно строить!

Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ:—Мы сейчасъ туда идемъ, лишь только привезутъ матеріалъ.

На поворотѣ дороги показался Кондратенко.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ вошли въ блиндажъ, гдѣ о чемъ-то довольно долго совѣщались.

Выходя изъ блиндажа, Смирновъ продолжалъ начатый разговоръ:

— ... Вотъ въ Финляндіи еще существуетъ законъ—рубить ту руку, которая украла. Его теперь не приводятъ въ исполненіе, но народъ воспитанъ вѣками въ неизмѣнныхъ законахъ. Посмотрите—какая тамъ честность!

Генералъ говорилъ громкимъ, рѣзкимъ голосомъ.

— Романъ Исидоровичъ, я сегодня поѣхалъ въ самое опасное мѣсто, чтобы Ножина даромъ ухлопать, смѣялся Смирновъ, прощаясь съ Кондратенко. — Помните, сегодня въ 7—8 я васъ жду.

Въ этотъ день Кондратенко былъ въ отличномъ расположеніи духа. Я съ нимъ заболтался и не замѣтилъ, что Смирновъ былъ уже далеко.

На прощаніе я сказалъ ему, что онъ себя не бережетъ.

— Э, полноте, какое, я черезчуръ теперь себя берегу.

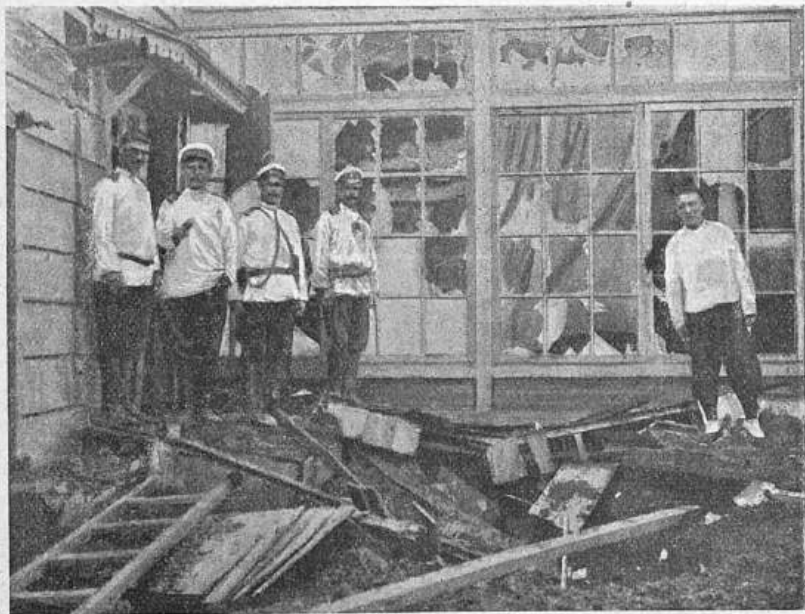
Догналъ карьеромъ. Смирновъ продолжалъ возмущаться инженерами.

— ... Я заставлю ихъ работать. Я давно приказалъ подвезти доски. Этотъ доложилъ, что все исполнено. Если самъ не поѣдешь, не убѣдишься—даже въ такое время надуютъ.

Кондратенко съ ними ссорится, потому что они ничего не хотятъ дѣлать. Онъ постоянно мнѣ объ этомъ докладываетъ и жалуется на Григоренко.

Мое ли дѣло въ такое серьезное время, когда на моихъ плечахъ лежитъ столько важныхъ, неотложныхъ дѣлъ, провѣрять инженеровъ?

А приходится расходовать на мелочи, иначе люди будутъ таять, а мнѣ каждый стрѣлокъ дорогъ. На участкахъ, кромѣ

Результаты бомбардировки.

Шварца и Рашевского, ни одного инженера! Въмѣсто руководства работами, они преблагополучно въ блиндажѣ сидятъ. Въдь это возмутительно! Я ихъ заставлю работать.

Нѣтъ, я опять вернусь къ Финляндіи: нужно рубить ту руку, которая украла...

Возвращаясь вечеромъ изъ редакціи домой на рикшѣ, я, подъѣзжая уже къ воротамъ, страшно торопиль китаеза, обѣщая ему рубль на чай. Дѣлалъ я это, не отдавая отчета, инстинктивно. Въ городѣ было совершенно тихо. Городъ часа 3 уже не бомбардировался.

Не успѣли мы приблизиться къ воротамъ, какъ завылъ снарядъ. Бросились подъ ворота, приткнулись къ каменному забору...

Снарядъ разорвался на томъ мѣстѣ, гдѣ мы были за нѣсколько секундъ. Осколки забарабанили по крышѣ Пушкинскаго училища.

Когда упалъ послѣдній осколокъ, я машинально, совершенно разбитый, поплелся домой.

Сзади двигалась какая-то тѣнь; мѣсяцъ свѣтилъ, думалъ — своя. Нѣтъ, это былъ китаецъ.

— Капитанъ, рубль давай, обѣщай есть.

Августа, 12 дня, 1904 года. Кр. Портъ-Артуръ.

№ 526.

Многія геройскія части въ передовыхъ линіяхъ по 7 и даже болѣе дней. Не хвалить васъ, а преклоняться надо: молча, безъ жалобъ, вы несете царскую службу. Мало, но есть все-таки и такіе, которые по третьему дню начинаютъ выказывать и даже высказывать признаки переутомленія; помните, что только полное напряженіе нравственныхъ и физическихъ силъ cadaго защитника, отъ генерала до рядового, спасетъ крѣпость, и не заикайтесь болѣе ни о какихъ утомленіяхъ и переутомленіяхъ, а работайте, пока не ляжете косями.

Генераль-лейтенантъ Стессель.

Вотъ какимъ сильнымъ приказомъ обогатилъ генераль Стессель свой архивъ.

Будь генераль случайно убитъ—что сказалъ бы историкъ о его дѣятельности?

У кого поднялась бы рука написать о немъ правду?

Полковникъ Вершининъ и уборка труповъ.

№ 519.

Масса труповъ непріятельскихъ заражаютъ воздухъ около фортовъ и редутовъ. Санитарной комиссіи, подъ предсѣдательствомъ подполковника Вершинина, немедленно и не позже утра 12-го числа все убрать и дезинфицировать, и подполковнику Вершинину лично убѣдиться, все ли исполнено, и къ 8-ми часамъ вечера 12-го числа мнѣ объ исполненіи донести, при чемъ не допускаю никакихъ невозможностей — **чтобы было исполнено.**

Генераль-лейтенантъ Стессель.

Подъѣзжая сегодня къ блиндажу генерала Надѣина, мы встрѣтили у перевязочнаго пункта подъ Скалистымъ Утесомъ гражданскаго комиссара Квантунской области подполковника Вершинина.

Онъ распоряжался подъ огнемъ противника уборкой „непріятельскихъ“ труповъ.

У единственнаго представителя гражданскаго населенія въ Артурѣ было много своихъ прямыхъ обязанностей, но генераль Стессель считалъ, что во время осады самое подходящее дѣло комиссару, т. е. губернатору, руководить уборкой „непріятельскихъ“ труповъ.

13-ое августа. Восточный фронтъ.

13 августа, около 2 часовъ пополудни, подошедшіе на разстояніе выстрѣла непріятельскіе крейсера „Ниссинъ“ и „Кассуга“ открыли огонь по бат. №№ 21 и 22.

По наблюденіямъ прапорщика Цисковскаго установлено, что японцы на сѣверо-западъ отъ занимаемаго редута поставили двѣ батареи—одна малаго, другая большаго калибра, и въ то же время спѣшно строятъ продольно редуту глубокой ходъ сообщенія, настолько углубленный, что видны только фуражки.

Батареи открыли по работамъ сосредоточенный огонь, парализуя дальнѣйшее производство работъ.

Около 3 часовъ противникъ противъ форта № 2, лѣвѣе и впереди деревни Удзяфанъ, поставилъ 8 полевыхъ орудій, по которымъ немедленно по установкѣ открытъ былъ настолько сильный огонь, что непріятель ихъ отодвинулъ.

Около 7 часовъ у ближайшей деревни показалась въ значительныхъ силахъ непріятельская пѣхота и кавалерія.

„Ретвизанъ“ быстро развилъ сильный перекидной огонь, заставивъ японцевъ быстро разсѣяться.

Одинъ изъ его снарядовъ попалъ въ одно изъ орудій непріятельской батареи.

Въ 10 час. вечера бат. № 22 открыла огонь по показавшимся двумъ миноносцамъ—одинъ быстро затонулъ.

Въ 11 часовъ вечера японцы, державшіеся противъ редутовъ №№ 1 и 2, на высокомъ шестѣ подняли какую-то бумагу. Наши на время прекратили ружейный огонь.

Нѣсколько человекъ вызвалось взять выставленный листъ бумаги. Оказалось, что на ней ломаннымъ русскимъ языкомъ было написано слѣдующее:

„Командующій японской арміей проситъ командующихъ артурской арміи оказать возможное содѣйствіе въ уборкѣ раненыхъ и убитыхъ въ здѣшней мѣстности“.

Внизу шла подпись: „командующій японской арміей“, но безъ подписи.

Странное явленіе—просятъ объ уборкѣ труповъ, а сами не позволяютъ убирать.

14 августа, около 3 часовъ утра, лучемъ прожектора было обнаружено движеніе противника къ редуту № 1.

Немедленно по всей линіи открылся бѣглый ружейный и довольно частый орудійный огонь, вызвавшій и со стороны японцевъ беспорядочный огонь по форту № 3.

Съ разсвѣтомъ было замѣчено, что японцы на сѣверной сторонѣ редута № 2 производятъ земляныя работы, которымъ очень мѣшаетъ нашъ огонь.

Съ 8 часовъ непріятель открылъ рѣдкій огонь 6-ти дюймовыми бомбами по Большому Орлиному Гнѣзду.

Приблизительно въ это же время усмотрѣно, что на редутѣ № 2 непріятель устраиваетъ бойницы изъ мѣшковъ и подноситъ на редутъ какіе-то предметы.

Немедленно съ форта былъ открытъ артиллерійскій огонь, заставлявшій каждымъ выстрѣломъ разбѣгаться изъ редута.

На открытый огонь съ форта непріятель отвѣтилъ съ сѣверо-востока, изъ батареи вправо отъ редута № 2, приблизительно въ одной верстѣ.

Въ 10 часовъ утра ясно было видно, какъ японцы перебѣгали изъ-подъ редута № 2 и деревни Удзяфанъ въ лошину къ сѣверо-западу, по направлению полотна ж. д.

Перебѣгающихъ удачно провожали шрапнельнымъ огнемъ.

Стрѣляли и наши мортиры; эффекты отъ взрывовъ 15-ти пудовыхъ бомбъ поразительны и производятъ угнетающее впечатлѣніе среди осаждающихъ.

Западный фронтъ.

13 августа, въ 10 часовъ вечера, обнаружено противъ Дивизіонной горы на приблизительномъ разстояніи 800 сажень двѣ японскія батареи, которыя сильно начали обстрѣливать траншеи.

Въ это же время между Длинной и Дивизіонной горами появились двѣ роты японцевъ, прогнанныя огнемъ нашей артиллеріи. Фортъ № 5 настолько хорошо пристрѣлялся, что, стоитъ только показаться группѣ японцевъ, — выстрѣлъ изъ орудія Канэ, наблюдается взрывъ, и группа летитъ на воздухъ.

Въ 12 часовъ ночи Курганная батарея настолько хорошо пристрѣлялась къ непріятельской батарее, что однимъ снарядомъ взорвала орудіе и вслѣдъ за этимъ, давъ залпъ, совершенно разрушила батарею, заставивъ противника ее очистить. Разрушенная батарея находилась между редутомъ № 1 и средней дорогой.

Въ расположеніи конныхъ командъ безъ перемѣнъ. Передъ фронтомъ постовъ показываются кавалерійскіе разъѣзды въ большомъ количествѣ.

Днемъ замѣчено передвиженіе небольшихъ частей пѣхоты съ предгорій Голубиной бухты къ Угловой горѣ.

13 августа, съ Высокой горы усмотрѣно, со стороны бухты „10-ти кораблей“ движеніе китайцевъ и арбъ къ деревнѣ Сяоханзятунъ; въ этой же деревнѣ замѣчено большое скопленіе китайцевъ и телѣтъ.

Около 6 часовъ утра 14 августа, по распоряженію подполковника Кирикова, команда изъ 25 чел. охотниковъ изъ разныхъ полковъ и нѣкоторыхъ дружинниковъ, подъ командой ст. унтеръ-офицера Фоякина и вольноопредѣляющагося 13-го полка Цибасова, была отправлена на восточномъ фронтѣ для уборки труповъ и могущихъ быть среди нихъ раненыхъ.

Когда они подошли къ боевой линіи, то былъ поднять флагъ Краснаго Креста. Японцы стали имъ махать шапками по своему направленію, какъ бы приглашая ихъ приблизиться. Когда они продвинулись къ трупамъ, японцы открыли по нимъ частый ружейный огонь. Унтеръ-офицеръ Фонякинъ былъ смертельно раненъ и полчася спустя умеръ. Команда отошла въ расположеніе нашихъ передовыхъ цѣпей. Штабсъ-капитанъ Шпановъ, замѣтивъ какіе-то знаки, дѣлаемые японцами, увидѣлъ, что японцы вновь машутъ шапками и, очевидно, приглашаютъ нашихъ идти для уборки труповъ. Предполагая, что, вѣроятно, первый разъ японцы открыли стрѣльбу по недоразумѣнію, онъ приказалъ командѣ идти. Не успѣла команда съ флагомъ Краснаго Креста перейти вторично боевую линію, какъ вновь былъ открытъ частый ружейный огонь, и одинъ изъ дружинниковъ былъ раненъ. Пришлось вновь отойти...

Уборка труповъ.

Въ ночь на 13-ое августа уборка труповъ производилась въ тѣхъ же мѣстахъ. Работали всю ночь, отчасти подъ огнемъ непріятеля. Ранено 2 китаецъ, и контуженъ жандармскій ун.-оф. Суминъ. Зарыто было ок. 700 труповъ, вывезено на повозкахъ 115.

Въ штабѣ крѣпости.

13 августа я по обыкновенію отправился въ штабъ.

Въ штабѣ засталъ Смирнова и Кондратенко.

Они оживленно бесѣдовали по вопросу объ исправленіи и укрѣпленіи с.-в. фронта.

Хвостовъ былъ въ своемъ кабинетѣ. Въ комнатѣ, въ которой бесѣдовали генералы, непрерывно трещали телефоны, входили, выходили офицеры, ординарцы, шныряли писаря.

Сидя скромно въ углу комнаты за стаканомъ чая, Смирновъ и Кондратенко совершенно спокойно рѣшали вопросы первостепенной важности, вопросы о дальнѣйшей защитѣ Артура, ставшаго для каждаго изъ насъ дорогимъ и роднымъ.

— Ваше превосходительство, мы въ два-три дня можемъ усилить фронтъ орудіями съ „Севастополя“ и будемъ еще сильнѣе, чѣмъ до штурма 6, 7 и 8 августа. Нужно только, чтобы побольше орудій далъ флотъ—говорить Кондратенко.

— Я уже объ этомъ сдѣлалъ распоряженіе. Будемъ пользоваться затишьемъ. Часть уже поставлена. Виренъ идетъ намъ на встрѣчу. Но нужно еще, тогда мы неуязвимы. Тамъ, во флотѣ, помимо Вирена кто-то тормазитъ дѣло.

Вотъ что—продолжаетъ Смирновъ: мы сейчасъ Мокалинскаго (лейтенантъ Мокалинскій состоялъ въ прикомандированіи къ штабу крѣпости, для объединенія дѣйствій гарнизона и флота) на князя натравимъ.

— Мокалинскій, поговорите-ка вы съ флотомъ и скажите, что я прошу не задерживать отправки на фронтъ орудій крупнаго калибра.

Ну вотъ, отлично—онъ сейчасъ устроить.

Мокалинскій занялся телефономъ.

— Ваше превосходительство—докладываетъ Мокалинскій—адмиралъ разрѣшилъ дать орудія, они уже отправляются, но при этомъ онъ проситъ, чтобы ихъ хорошенько укрыли.

Разрушенія въ билліардной рестора „Саратовъ“.

— Хорошо, хорошо, мы ихъ спрячемъ. Александръ Михайловичъ, обращается комендантъ къ Хвостову, дайте-ка верстовку.

Развернули карту, началось обсужденіе вопросовъ, сейчасъ по телефону отдавались приказанія, вызвали Григоренко—работа закипѣла.

Я ушелъ въ кабинетъ комендантскаго адъютанта поручика Князева и началъ составлять отчетъ.

До часу продолжалось совѣщаніе.

Изъ комнаты доносился рѣзкій голосъ Смирнова, ровный, тихій тембръ Кондратенко, грузный басъ Хвостова и щебетаніе полковника Григоренко.

Смирновъ нѣтъ—нѣтъ, да такъ уязвить Григоренко, что меня даже въ жаръ бросаетъ.

Тяжело ему иногда приходится, онъ извивается, топчется въ своихъ широкихъ „и такъ далѣе“. Ему очень не по себѣ, въ особенности въ присутствіи Кондратенко. Послѣдній его не выносить.

Упомянувъ фамилію Мокалинскаго, я долженъ сказать, что онъ былъ связующимъ звеномъ между флотомъ и осажденной крѣпостью. Туго ему приходилось, но, благодаря прекрасному знакомству съ порядками флота, онъ приносилъ для крѣпости огромную пользу.

Всѣ не терпящія отлагательства сношенія съ флотомъ проходили черезъ него.

Съ нѣкоторыми высшими чинами артурской эскадры нужно было умѣть говорить. Одни не хотѣли понимать изъ-за упрямства, начальническаго гонора, а другіе прямо лишены были способности понимать.

Нужно было имѣть много данныхъ, чтобы умѣть въ полчаса убѣдить сдѣлать то или другое, да еще часто бесѣдуя по телефону.

Россіи не такъ иногда нужны хорошіе дипломаты для внѣшнихъ сношеній, какъ высокоталантливые для внутреннихъ.

Въ этомъ отношеніи Мокалинскій удовлетворялъ своему назначенію.

Вечеромъ я поѣхалъ отдохнуть на берегъ моря. Нужно было освѣжиться. Хотя нѣсколько часовъ побыть въ относительной безопасности: не слышать зловѣщаго полета снарядовъ, взрывовъ, ружейной трескотни и убійственнаго ритма пулеметовъ.

Нервы отупѣли.

Страстно хотѣлось покоя.

Ночь на берегу.

Особенно покойный вечеръ.

Давно уже поздній вечеръ смѣнилъ ясный день. Съ берега не видно на разстояніи 200 шаговъ. Звѣздное небо не свѣтитъ. Море дремлетъ. Прибоя волнъ почти нѣтъ. Какой-то шопотъ идетъ по всему берегу. Легкой грядой катятся покойныя волны и чуть, а когда сильнѣй... заропщутъ у прибрежныхъ камней.

Передо мной, какъ въ рамѣ, море, ограниченное справа утесомъ Крестовой горы, слѣва крутымъ обрывомъ, на кото-

ромъ чернѣть часовой съ подчаскомъ. Плавно спускающійся звѣздный небосклонъ, незамѣтно сливаясь съ безбрежной далью океана, вѣнчаетъ картину ночи.

Горизонтъ въ чуть замѣтной дымкѣ.

На морѣ покой и трепетный свѣтъ звѣздной ночи.

Если бы не присутствіе товарища, направо вырисовывающійся силуэтъ часового, доносившіеся орудійные выстрѣлы, да мѣрно проходящіе по уснувшему берегу патрули и чуть не шопотомъ произносимое: „кто идетъ?“, ничто не говорило бы, что я на берегу грозной морской осажденной крѣпости.

Мы оба молчали.

— Столько покоя, столько безмѣрнаго простора... а люди, забывая...

— А вѣдь этотъ покой не спроста: что все это значитъ? Даже прожектора не свѣтятъ—оборвалъ нить моихъ мыслей товарищъ.

— Да, вотъ такъ и есть; смотри: въ морѣ огни. То же самое было и въ ночь на 20 апрѣля.

Дѣйствительно, далеко, далеко чуть блестятъ прожектора противника. Водятъ изъ стороны въ сторону: проходъ ищутъ. Странное впечатлѣніе: кругомъ умиротворяющая тишь, мерцаніе вѣчныхъ звѣздъ, покойное море, а впереди верстъ за 20 стоятъ непріятельскія блокирующія суда и что-то замышляютъ, поводя своими ночными очами.

Но не долго они глядѣли.

Съ двухъ сторонъ прорвались лучи нашихъ береговыхъ прожекторовъ и, устроивъ свѣтовую преграду, преломили свѣтъ противника. Эскадра ослѣпла. Куда ни взглянешь—вездѣ заслоняютъ ей наши.

До разсвѣта продолжалась безмолвная свѣтовая борьба.

Долго мы сидѣли на берегу, наблюдая за лучами прожекторовъ.

Съ моря повѣяло свѣжимъ вѣтеркомъ, стало прохладно.

— Если будетъ что-нибудь подозрительное, ты мнѣ доложишь подтвердилъ мой товарищъ, командиръ десантной роты, проходящему патрулю и съ этими словами, пожелавъ мнѣ досидѣться благополучно до утра, отправился отдыхать.

Предоставленный наконецъ себѣ, очарованный покоемъ, дремлющей поверхностью глубокаго моря, постепенно замиравшей жизни крѣпости—многое вспомнилъ изъ недавняго и далекаго прошлаго.

Мысли, воспоминанія, упреки себѣ и другимъ неслись нестройной, бурной толпой.

Кругомъ покой глубокой ночи, нарушаемый лишь шопотомъ морского прибоя, шуршавшаго у подножья крутого утеса, и гуломъ отдаленныхъ выстрѣловъ.

Итакъ, неизбежное свершилось.

Маленькій, трудолюбивый народъ, побалованный немного судьбой, увлеченный нашептываніемъ коварныхъ друзей, заглушивъ въ себѣ голосъ холоднаго разсудка,—ринулся въ неравный бой съ великимъ народомъ, мощной душой.

Неизбѣжное минеть, пройдутъ часы испытанія, взойдетъ же надъ міромъ свѣтъ примиренія!.. Враги разойдутся, начнутъ честно работать и мирно трудиться.

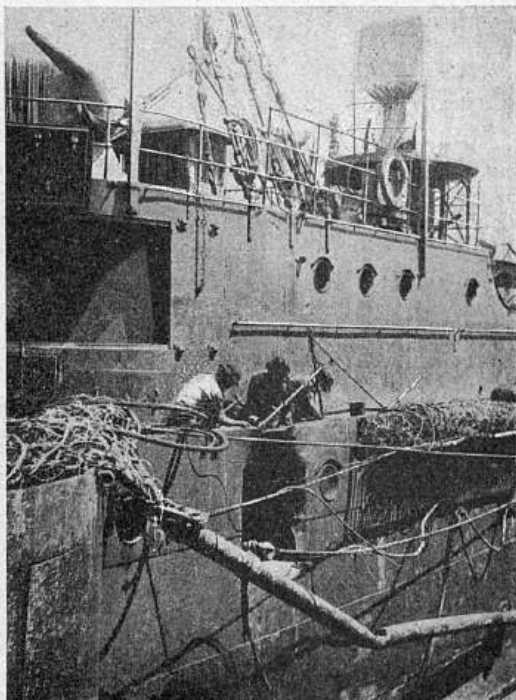
За будущее я покоенъ. Японія смирится. Часъ смиренія уже близокъ. Россія проснулась, желѣзною цѣпью охватить она врага...

Вотъ что мы тогда думали.

Покойная полутьма звѣздной ночи нарушалась лишь лучами прожекторовъ. Медленно ползутъ они по темной глади океана изъ стороны въ сторону. Сойдутся, вопьются другъ въ друга и, во мгновеніе разорвавшись, метнутъ по небу, опять чуть-чуть сдвигаются. Справа на темномъ фонѣ мерцаетъ электрическая точка, посылающая въ даль горизонта огромный снопъ свѣта.

Опять то же, опять безмолвная ночь ожиданія, опять безшумная, но дѣйствительная свѣтовая охрана.

Вдругъ сзади что-то мелькнуло; не успѣлъ оглянуться—грязнулъ страшный ударъ выстрѣла. Воздухъ дрогнулъ, заходилъ; пронесся, завывъ и улета, снарядъ; посыпались изъ-подъ

Послѣ боя.

ногъ камни; взметнулась прибрежная чайка, жалобно пронзительно запищавъ—и опять все смолкло.

Лѣвѣе прожекторъ обнаружилъ судно.

Другой выстрѣлъ, еще, еще. Все сильнѣе, сильнѣе. То ближе, то дальше. Снаряды съ зловѣщимъ, страшнымъ, душу леденящимъ воемъ несутся одинъ за другимъ вслѣдъ охваченному прожекторами японскому судну, идущему расходящимся курсомъ съ открывшимися на горизонтѣ боевыми фонарями противника.

Что-то будетъ? Десантъ, брандеры... бомбардировка.

Наступила опять артурская ночь.

Канонада растетъ. Въ бинокль ясно видно, какъ вокругъ судна кипитъ вода. Снаряды непрерывнымъ дождемъ сыплются, вздымая огромные столбы воды. На встрѣчу пароходу изъ глубины темной дали вынырнули два миноносца. Канонада еще увеличилась. Батарея № 22 открыла страшный огонь. Прожекторы, скользя въ паре, освѣщаютъ миноносцы. Вдругъ миноносцы, осыпаясь градомъ снарядовъ, прорѣзавъ лучи прожектора, вошли въ темную полосу. Прожекторы освѣтили мѣсто, гдѣ только что былъ пароходъ. Только огромный вѣерообразный столбъ дыма и пара, и больше ничего. Судна какъ не бывало. Миноносцы, давъ два пронзительныхъ свистка, ясно донесшіеся среди выстрѣловъ, моментально скрылись и болѣе прожекторами обнаружены не были. Огонь батарей сталъ быстро стихать.

Только батарея № 22 еще минутъ 5—10 громила непріятельскіе миноносцы въ бухтѣ Тахэ, которые отвлекали вниманіе прожекторовъ лѣваго фланга береговой обороны.

При первомъ выстрѣлѣ, интересуясь подъемомъ людей по боевой тревогѣ, бѣгу къ ротѣ. Заливаются свистки взводныхъ. Кругомъ полутьма звѣздной ночи. Ясно различаю группу домиковъ на берегу, ежесекундно освѣщаемыхъ красноватыми отблесками выстрѣловъ. Вхожу. За дверьми грохотъ выстрѣловъ и непрерывный вой снарядовъ, а здѣсь одѣваются при абсолютной тишинѣ, иногда лишь освѣщаемые какъ бы вспышками далекаго зарева, 200 человѣкъ. Зданіе дрожитъ; при каждомъ новомъ ударѣ такъ и кажется, что все рухнетъ. Въ моменты мгновеннаго затишья слышатся лишь постукиваніе штыковъ и шорохъ живой, въ торопяхъ копошащейся человѣческой массы.

— Ну, живо, живо, живѣй, одѣвайся, патроны не забудь, выходи впередъ, стройся—торопятъ взводные. Масса торопится и молчитъ, какъ нѣмая: ни единого звука.

Не прошло 2—3 минутъ, какъ взводы на берегу.—Смирно, на плечо!.. раздаются послѣдовательно во всѣхъ взводахъ—шагомъ маршъ!

Бѣглымъ шагомъ люди пошли занимать окопы.

Проходить мимо взводъ. Слышу:—Помни, братцы, слушать мою команду—будемъ стрѣлять по японцу залпами.

Какъ-то особенно внушительно и вмѣстѣ съ нѣкоторой лаской звучали эти слова въ тембрѣ его голоса. Учитель обращался къ своимъ ученикамъ.

Взводъ залегъ въ окопы. Кругомъ грохотъ, визгъ, вой выстрѣловъ, а среди людей царитъ полная, торжественная тишина. Внимательно, зорко глядятъ они въ море—не покажется ли что-нибудь. Никто не отвлекается—все какъ будто замерли. Черная масса лежитъ неподвижно, иногда лишь освѣщаемая отблесками выстрѣловъ, мелькнувшими по стальнымъ штыкамъ.

Снаряды противника въ концѣ боя, не долетая до берега 200-300 шаговъ, падали въ виду окоповъ, беззвучно подымая столбы воды.

Наконецъ все стихло. Люди отправлены въ помѣщенія. Усилена бдительность дозоровъ и часовыхъ.

Опять мертвый покой, нарушаемый лишь неумолчнымъ говоромъ наступившаго прибоя.

14-ое августа. Восточный фронтъ.

Въ ночь съ 13 на 14 августа, согласно приказанію начальника обороны, шт.-кап. Бабушкинъ съ 16 охотниками 7 роты 16 полка произвелъ рекогносцировку на подверженные трехчасовому убійственному артиллерійскому огню редуты.

Развѣдка эта установила, что японцы бросили редуты. Имъ же захвачено воззваніе непріятели объ уборкѣ раненыхъ и убитыхъ.

Въ редутахъ нагромождены другъ на друга трупы японцевъ. Въ промежуткахъ между убитыми найдено много брошеннаго снаряженія, одежды, обуви, вооруженія—очевидно, оставленнаго уползшими ранеными.

14 августа, съ 12 часовъ, въ продолженіе часа между Хоумеромъ и Ліеромъ по направленію къ Дапалиджуану прошло около 2 баталіоновъ пѣхоты. Двигались они группами отъ 10 до 40 человекъ.

Когда по нимъ былъ открытъ огонь, движеніе прекратилось и въ этомъ мѣстѣ больше не наблюдалось.

Съ 5 часовъ вечера непріятель сталъ снова перебѣгать изъ деревни Дапалиджуанъ по направленію редута № 1.

Перебѣжка шла по одному. Несли небольшіе брусья и ящики на воздвигнутую ими батарею къ сѣверо-востоку отъ редута № 1.

Согласно приказанію коменданта крѣпости, была начата съ 7 часовъ вечера сосредоточенная артиллерійская стрѣльба по редутамъ №№ 1 и 2, вновь занятымъ японцами. Въ 10 часовъ огонь былъ прекращенъ.

Когда, по окончаніи стрѣльбы, къ редуту продвинулись наши охотники, то были встрѣчены ружейнымъ огнемъ.

Въ редутѣ № 2 оказалось до 100 японцевъ, а въ № 1 число не установлено.

Въ обоихъ редутахъ всю ночь производились работы, которымъ мѣшалъ рѣдкій огонь нашей артиллеріи.

До 3 часовъ по линіи обороны восточнаго фронта наступило относительное затишье.

Въ началѣ 4-го часа утра разразился страшный ливень, сопровождаемый сильнымъ вѣтромъ.

Противникъ, воспользовавшись наступившей темнотой, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перешелъ въ наступленіе, предполагая, что съ нашей стороны ослаблена бдительность.

Въ пунктахъ, гдѣ было обнаружено наступленіе, артиллерія и стрѣлки развили сильный огонь.

Противникъ повелъ наступленіе отъ редута № 2 (впереди Скалистаго Утеса), но былъ немедленно отбитъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ.

Въ 4 часа поддерживалась только артиллерійская стрѣльба, ружейная совершенно стихла.

У насъ ранено 10 стрѣлковъ.

Ночью былъ взорванъ между редутомъ № 2 и фортомъ фугасъ, нанесшій пораженіе наткнувшемуся на него непріятелю.

До 12 часовъ пополудни 15 августа на восточномъ фронтѣ особыхъ перемѣнъ не замѣчалось.

Западный фронтъ.

14 августа, съ 6 час. вечера, временное укрѣпленіе № 5 очень удачно стрѣляло по непріятельскимъ батареямъ, расположеннымъ сѣвернѣе дер. Ичадзфоанъ.

Къ вечеру было обнаружено на склонахъ Трехголовой горы около 30 непріятельскихъ орудій.

Въ 10 часовъ вечера охотничья команда 26-го полка выступила на вылазку съ серьезнымъ порученіемъ и приказаніемъ въ случаѣ удачи дѣйствовать рѣшительно.

Въ ночь на 15 августа, около 3½ час., противникъ, пользуясь наступившей тьмой и ливнемъ, повелъ демонстративное наступленіе на горы Высокую, Длинную и фортъ № 4.

Весь участокъ развилъ сильный орудійный и ружейный огонь.

Атака на Высокую была быстро отбита, и къ 4 часамъ все стало постепенно стихать.

На Высокую гору лѣзла цѣпь японцевъ съ сѣверо-запада, со стороны соединительнаго хребта; временами цѣпь останавливалась и открывала частые залпы.

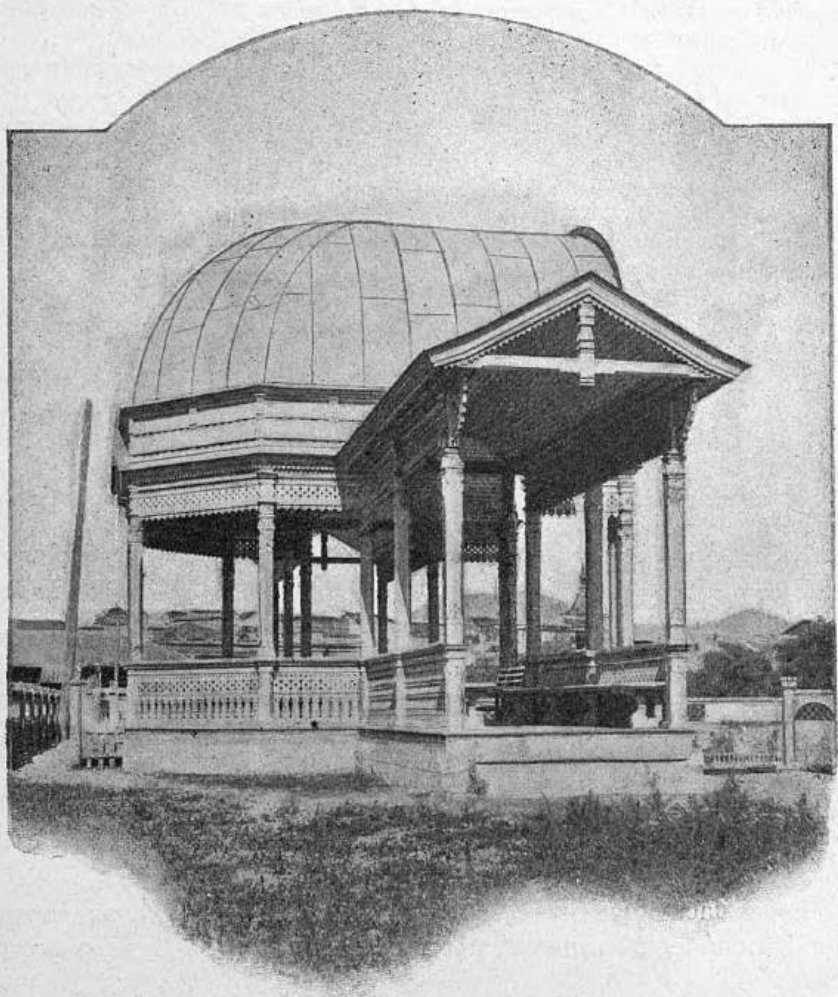
Ранены на Высокой горѣ 2 стрѣлка.

Охотники 26 полка, подойдя къ оврагамъ, охватывающимъ редутъ № 2 вилкой, и окруживъ его съ тыла и фланговъ, обнаружили до 400 японцевъ, занятыхъ земляными работами.

Команда тихонько подползла впередъ и открыла огонь частыми залпами.

Японцы, ничего не ожидая, страшно переполошились и въ полномъ безпорядкѣ бросились кто къ винтовкамъ, кто съ лопатами впередъ, а большинство вразсыпную.

Наши методично разстрѣливали ихъ залпами; перепуганные японцы пришли въ нѣкоторый порядокъ и, залегши, въ свою очередь открыли огонь, поддержанные подошедшими изъ резерва.

Музыкальная ротонда въ саду противъ дома намѣстника.

Когда противникъ, благодаря усиленной поддержкѣ, сталъ угрожать громаднымъ превосходствомъ въ силахъ, охотники отступили безъ потерь.

Неприятель не рѣшился преслѣдовать.

Другая часть охотничьей команды прокралась за деревню Сюйшань, но встрѣтила сплошные окопы и массу пулеметовъ.

Во избѣжаніе потерь, охотники, не ввязываясь въ бой, отошли къ нашему расположенію.

Правая сторона д. Сюйшинъ занята баталіономъ пѣхоты.

Въ общемъ это было молодецкое дѣло.

Ночь на постахъ западнаго фронта прошла спокойно. Развѣдчики, подъ начальствомъ подпоручика Дубинникова, несмотря на всю свою ловкость, далѣе дер. Вандзятунъ проникнуть не могли. Развѣзды по всей линіи встрѣчаются сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Въ этихъ мѣстахъ японцы особенно бдительны.

Всѣ окопы предгорья Угловой заняты противникомъ, между ними глубокіе ходы сообщенія.

Ночью замѣчено усиленное передвиженіе обоза по берегу бухты Луизы на полуостровъ.

Днемъ 15 августа въ деревнѣ Сяодзятунъ замѣчено большое скопленіе людей, повозокъ и лошадей.

Въ 12 ч. дня на Сѣдловую гору прибыло двѣ роты японцевъ, которыя расположились въ окопахъ.

Наша артиллерія открыла по нимъ огонь.

Мортирной батареей Тигроваго Хвоста разбито совершенно два неприятельскихъ орудія.

До полудня особыхъ перемѣнъ на западномъ фронтѣ не наблюдалось.

Свѣдѣнія отъ китайцевъ.

Въ деревнѣ Цаудзятунъ умеръ одинъ изъ дѣятельныхъ и способныхъ генераловъ, но о смерти его запрещено говорить.

Въ деревнѣ Далунгоу находятся значительныя силы, въ деревню Далинджуанъ временами прибываютъ небольшія партіи, преимущественно передъ разсвѣтомъ. Сосредоточеніе массъ въ одномъ пунктѣ не производится. Войска разбросаны во многихъ мѣстахъ и незначительными силами.

Теперь большихъ работъ не производится.

Въ деревнѣ Литангоу и Ванцзяденцзы находился складъ снарядовъ и припасовъ, которые сожжены нашими снарядами.

Во время пожара японцамъ удалось вытащить только нѣсколько ящиковъ, остальное погибло.

Соломы нѣтъ.

Ложная тревога.

Въ 2 часа ночи надъ Артуромъ разразилась южная гроза. Шель тропическій ливень; раскаты, удары грома будили все и всѣхъ.

Ночь темная, черная. Дождь льетъ, какъ изъ ведра. Впереди въ двухъ шагахъ зги не видать.

На оборонительной линіи все на-чеку. Люди у брустверовъ. Десятки тысячъ глазъ устремились впередъ, десятки тысячъ глазъ пронизываютъ ночь, завѣсу ливня.

Нѣтъ, ничего не видно и не слышно.

Всѣ наэлектризованы. Всѣ смотрятъ впередъ — ждуть.

Громъ стихалъ, по небу въ землю катились послѣдніе удары.
Дождь усилился.

Ничего—ничего не видно. Сосѣдъ сосѣда едва различаетъ.
Всѣ ждуть штурма.

Дозоры молчатъ. Донесеній не получается.

Вдругъ при послѣднихъ, страшныхъ ударахъ грома начали взрываться фугасы.

— А! общій штурмъ!!!—какъ электрическій токъ пронизало мозгъ обороняющихся...

Въ кабинетѣ коменданта тихо.

Телефонъ молчитъ. Смирновъ по обыкновенію дремлетъ на кушеткѣ, не раздѣваясь.

Загремѣла страшная канонада.

Фронтъ ревѣлъ отъ моря и до моря.

— Штурмъ, общій штурмъ!—была мысль вскочившаго коменданта.

Но куда направлять главный ударъ?! Куда подтягивать резервы? Оборонительная линія 27 верстъ...

Звонитъ къ Хвостову.

— Что такое, почему нѣтъ донесеній?! Что случилось?

— У меня тоже нѣтъ! Я разослалъ охотниковъ. Очевидно, общій штурмъ...

Отъ штаба въ карьеръ, сломя голову, неслись конные охотники.

Въ штабѣ переполохъ.

Положеніе ужасное, тревожное, безпомощное.

— Сѣдлать коней! крикнулъ Смирновъ...

Въ квартирѣ Стесселя замелькали огни...

Дождь стихалъ. Тучи быстро неслись, словно къ себѣ звалъ ихъ глухо далеко-далеко рокотавшій громъ.

Прояснило. Фронтъ умолкъ.

Задребезжали телефоны, посыпались донесенія.

Это была ложная тревога, стойвшая намъ нѣсколькихъ тысячъ снарядовъ.

Впечатлѣнія дня.

Когда сидѣлъ въ штабѣ, около 5 часовъ бомбардировка усилилась до степени небывалой.

Бомбардировали съ двухъ сторонъ. Особенно много ложилось снарядовъ около Пушкинской школы.

Когда снаряды понеслись въ портъ, всѣ облегченно вздохнули (какой собственно эгоизм!).

— Ну, теперь будетъ сыпать въ одно мѣсто—улыбаясь, сказалъ поручикъ Князевъ: можно и отдохнуть.

Однако онъ ошибся: снаряды продолжали рваться вокругъ штаба.

Къ чему только человѣкъ не привыкаетъ? Стоимъ и словно въ low tennis играемъ. Смотримъ, куда упадетъ снарядъ, а площадь паденія и приблизительнаго разсѣиванія—мѣсто, гдѣ мы стоимъ.

Выстрѣлъ въ сторонѣ противника, приближающійся вой снаряда... Всѣ смотрятъ. Затѣмъ шипѣніе, ударъ съ взрывомъ и рѣзкимъ визгомъ, жужжаніемъ, словно большихъ пчелъ, разлетающихся и падающихъ вокругъ осколковъ. А каждый такой

Холодно.

осколокъ въ лучшемъ случаѣ сорветъ черепъ, а то изувѣчить, чему примѣровъ уже не мало.

Далеко въ поле ушелъ безъ шапки начальникъ штаба полковникъ Хвостовъ и что-то разглядываетъ.

Вдругъ снарядъ, взрывъ, визгъ осколковъ...

Хвостовъ наклонился. Думали, что ранило. Нѣтъ, идетъ къ намъ.

Такой большой, своей покойной походкой и улыбается.

— Господа, вотъ счастливо отдѣлался. Въ нѣсколькихъ вершкахъ осколокъ впился. Откопалъ шельмеца. Вотъ онъ!

Осколокъ былъ дюйма 2 въ діаметръ—еще теплый.

Послышался опять вой снаряда...—Смотрите, смотрите! зашипело нѣсколько голосовъ...

По дорогѣ, не совсѣмъ изящно подобравъ трѣнъ, неслась дама—очевидно, хотѣла убѣжать отъ снаряда. Но снарядъ упалъ

прямо на крышу дома судебныхъ установлений; тамъ никого не было. Рядомъ жилъ въ другомъ домѣ мировой судья Дмитріевъ съ супругой—у него повыбило всѣ стекла.

Дмитріевъ до конца дней Артура исполнялъ свои обязанности, а супруга его работала въ качествѣ сестры милосердія въ одномъ изъ госпиталей.

Сегодня произошелъ крайне интересный случай.

Подъѣзжаетъ къ Маріинской общинѣ на рикшѣ барышня. Разсчитывается. Не успѣла войти въ ворота, снарядъ прямо въ рикшу. Отъ рикши дыра въ землѣ, а она осталась цѣла.

Не угодно ли! Послѣ этого будь увѣренъ, что завтра и отъ тебя не останется лишь дыра въ землѣ!

Хвостовъ сегодня въ отличномъ настроеніи духа, но немного ноетъ.

— Въ штабѣ района чуть не дерутся изъ-за наградъ, потому что дѣла у нихъ нѣтъ никакого. А я, ей Богу, готовъ подписку дать, что отказываюсь отъ наградъ, лишь бы кончилась эта каторжная жизнь.

Право, не знаешь, что лучше теперь: надѣяться жить, или надѣяться умереть.

Дѣйствительно, иногда самъ не знаешь, что лучше. Такъ иногда томить эта обстановка полной неизвѣстности.

Кто не унываетъ, такъ это наши коммерсанты. Лупятъ за все въ тридорога. Да оно и вѣрно. Если хотятъ будущіе мертвецы покушать, пусть платятъ за это подороже. Рано или поздно все равно убьютъ. И дерутъ, дерутъ наши благодѣтели.

А запасы еще большіе.

Кому смерть, а кому нажива!

15 августа. Восточный фронтъ.

15 августа. Ночь на 15 августа прошла по всей линіи относительно покойно.

Ночью вылазочная партія съ форта № 2 принесла 4 лѣстницы, нѣсколько шестовъ и разные взрывчатые материалы.

Въ 9 час. утра непріятель открылъ огонь изъ двухъ орудій, укрыто поставленныхъ, по батарее № 22. Шт.-капитанъ Вамензонъ быстро развилъ по нимъ сильный огонь, заставивъ ихъ замолчать. Непріателемъ влѣво отъ Орлинаго Гнѣзда поставлена полевая батарея. Орудія размѣщены очень рѣдко, въ углубленныхъ окопахъ. Когда наши крѣпостныя орудія открываютъ по ней огонь, она немедленно умолкаетъ, а въ промежуткахъ, когда нашъ огонь прекращается, по-орудійно стрѣляетъ по Большому Орлиному Гнѣзду и Скалистому Утесу.

Съ трехъ часовъ пополудни противникъ началъ сильно обстрѣливать фортъ № 3. Лѣвѣ горы Сиротка строится новая батарея въ два яруса.

Въ 8 часовъ вечера нѣсколько орудій этой батареи дали залпъ по городу и начали обстрѣливать Курганную батарею.

16 августа. Непріятель всю ночь на 16 августа обстрѣливалъ рѣдкимъ шрапнельнымъ огнемъ тыловыя дороги, начиная отъ батареи лит. А влѣво.

За три дня предано землѣ болѣе 700 японскихъ труповъ на линіи сѣверо-восточнаго фронта. Работы производятся крѣпостными жандармами впереди фортовъ и редутовъ съ невѣроятными трудностями, подъ не прекращающимся огнемъ противника. Вывозить трупы, въ виду ихъ полного разложенія, стало фактически невозможнымъ, почему ихъ въ ночь на 16 августа зарывали на мѣстѣ. Приняты самыя энергичныя мѣры къ оздоровленію мѣстности. Ночью противникъ развилъ довольно сильный шрапнельный огонь по мѣсту, на которомъ производилось погребеніе японцевъ.

Западный фронтъ.

15 августа. Ночь на 15 августа прошла по всей линіи покойно. Значительнаго передвиженія противника не замѣчалось. Японскіе посты на старыхъ мѣстахъ. Въ расположеніи нашихъ конныхъ командъ безъ перемѣнъ.

Въ теченіе всего дня впереди позицій изрѣдка замѣчались китайцы, производившіе полевые работы. На сѣверо-западъ отъ Дивизионной горы, въ котловинѣ, расположенъ бивуакомъ баталіонъ японцевъ, который принужденъ былъ отойти, когда его начали осыпать снарядами съ фортовъ и батарей.

Въ 2—3 верстахъ западнѣе дер. Сюйшінъ, въ низинѣ, расположена батарея, временами открывающая огонь по форту № 4 и Зубчатой горѣ.

16 августа. Ночь прошла совершенно покойно; никакихъ передвиженій со стороны противника не наблюдалось.

Въ 5 часовъ утра Высокая гора открыла огонь по скопившимся за Угловой горой японцамъ, послѣдніе немедленно разбѣжались. Всю ночь батарея на Высокой горѣ поддерживала рѣдкій огонь по японскимъ окопамъ на Сѣдловой и Угловой горахъ, мѣшая скопленію рабочихъ.

Официально.

Командующій маньчжурской арміей телеграммой извѣстилъ коменданта генераль-лейтенанта Смирнова, что 30 іюля Богъ далъ Россіи Наслѣдника Цесаревича, нареченнаго при рожденіи Алексѣемъ.

15 августа вечеромъ Курганная батарея очень удачно обстрѣляла осадную батарею, подбивъ два орудія.

Въ ночь на 16 августа нѣсколько охотниковъ 3-й роты 26 полка, обогнувъ деревню Сюйшінъ слѣва и не встрѣтивъ никакого сторожевого охраненія, прошли въ тылъ деревни. Пробираясь назадъ среди фанзъ, они въ переднихъ окопахъ наткнулись на часового, который при ихъ приближеніи убѣжалъ, бросивъ винтовку.

Порывшись въ окопахъ, молодцы-охотники нашли массу предметовъ солдатскаго вооруженія и какой-то ящичекъ; покончивъ со своими изслѣ-

дованіями—пошли вдоль окоповъ и, замѣтивъ издали японскую заставу у Мандаринской дороги, незамѣтно отошли въ редуть.

Тѣмъ временемъ другая партія охотниковъ, въ 25 человекъ, подошла оврагомъ къ восточной сторонѣ дер. Сюйшіна. Передовые окопы оказались пустыми. Взявъ оставленные тамъ, очевидно, на ночь, кирки и лопаты, двинулись дальше. Осторожно продвигаясь впередъ, охотники открыли расположившуюся бивуакомъ японскую роту. Давъ по ней нѣсколько залповъ и воспользовавшись поднявшимся переполохомъ, отошли, сопровождаемые бѣглымъ, безпорядочнымъ ружейнымъ огнемъ.

Въ эту же ночь, до назначенной артиллерійской стрѣльбы, нѣсколько человекъ отправились впередъ для наблюденія за ея результатами.

Ночь была очень свѣтлая и тихая, каждый шорохъ отчетливо слышенъ.

Развѣдчики, продвинувшись далеко впередъ и миновавъ непріятельское сторожевое охраненіе, донесли о результатахъ ночной стрѣльбы.

Наши снаряды попадали въ самый редуть, осыпая осколками роту, рывшую окопъ. Поражалась очень удачно лощина за редутомъ. Отовсюду ясно доносились все усиливающіеся стоны многихъ раненыхъ. Когда огонь съ нашей стороны участился, японцы, бросивъ работу, разбѣжались.

Въ церкви.

Зашелъ сегодня въ церковь. Молящихся всего на всего 19 человекъ. А давно ли въ концѣ іюля церковь была полна народомъ? Положимъ, церковь на створѣ непріятельскихъ батарей, она можетъ быть обстрѣляна, какъ обстрѣливается почти цѣлый мѣсяцъ весь городъ.

Молиться пришло мало. Теперь въ опасныя минуты больше надежды на блиндажи...

Теперь, быть можетъ, каждый въ душѣ смутно сознавалъ, что онъ что-то не то дѣлалъ, когда крестилъ себѣ лобъ, кланялся и ставилъ десятикопеечную свѣчку Избавительницѣ. Все это онъ продѣлывалъ въ смутной надеждѣ, что все это пригодится въ смертный часъ. Когда же смертный часъ приблизился для многихъ, когда стало ясно, что выхода нѣтъ, что, если не сегодня, завтра, то черезъ недѣлю въ любомъ неблиндированномъ помѣщеніи оторветъ голову, а то и совсѣмъ смететъ съ лица земли, „церковный христіанинъ“ крестится на спѣхъ, но въ Домъ Божій, куда онъ раньше имѣлъ такое тяготѣніе, не идетъ, предпочитаетъ сидѣть въ прочномъ блиндажѣ, ругательски ругая правительство за тѣ ужасы, которые приходится переживать, совершенно забывая, что онъ часть этого правительства, которое вмѣстѣ съ другимъ, японскимъ, правительствомъ устроило эту бойню человѣческую.

Что было, когда 25 іюля во время молебна началась бомбардировка? Всѣ быстро разбѣжались, съ священниками во главѣ. Гдѣ, куда дѣвалась парадная вѣра, надежда въ Бога-Избавителя?

То была жалкая комедія! Молились объ избавленіи отъ смерти Всемогущему. Стоило только смерти, какъ пугалу, взглянуть изъ-за Волчьихъ горъ, всѣ, такъ торжественно молившіеся, разбѣжались, словно дѣти маленькія, забывъ Того, Кого просили, на кого надѣялись...

Разбѣжались и такъ напугались, что и въ церковь забыли путь.

Нѣтъ! что не отъ сердца, отъ того быстро отречешься въ минуты смертельнаго ужаса.

Что искренно, не на показъ, что мучительно продумано, прочувствовано—отъ того не отречешься такъ легко не только въ минуты, даже въ часы, дни, недѣли смертельнаго ужаса, а еще больше увѣришься, потому что мысль и душа, какъ нераздѣльное цѣлое, опять прошли черезъ остромучительный процессъ бытія.

Спрашиваю одного большого любителя ходить въ церковь:

— Что это вы церковь не посѣщаете?

— Да знаете ли, не ровень часъ, снарядъ попадетъ.

— Да тамъ, гдѣ вы живете, не лучше.

— Да знаете ли, дома какъ-то спокойнѣе. Затеплишь лампадку, помолишься. Вотъ, если не будутъ стрѣлять, непременно пойду. Грѣшно, знаете ли: больше трехъ недѣль въ церкви не былъ, просфору не вынималъ...

Спрашиваю другого.

— Я, батенька, теперь не только въ церковь не хожу, всѣмъ образа снималъ. Довольно съ меня. Посмотрите, что кругомъ дѣлается. Сходите въ госпиталь...

Нѣтъ, нѣтъ, довольно. Если мы не чувствуемъ въ себѣ Бога, все вотъ это—онъ указалъ рукой на церковь—ни къ чему положительному не ведетъ. Молятся, молятся, а чуть дошло до дѣлежки—звѣрями становятся. Мало того—молятся, чтобы Господь помогъ имъ побольше истребить и изувѣчить такихъ же людей, какъ они сами, словно Богъ не одинъ для всѣхъ. А когда дѣло дошло до развязки, боятся смерти куда больше, чѣмъ вѣрять Богу.

Другой разъ хочу помолиться, а какъ вспомню, какъ въ госпитальъ корчатся, словно змѣи, отъ боли—не могу.

Вижу я, что истиннаго Бога люди давно потеряли, отъ временъ далекихъ.

Нужно искать въ себѣ Бога! Найдемъ Его—не будетъ этихъ ужасовъ.

...Опять сегодня удивительно красивая, покойная, лунная ночь. На рейдѣ тишина. Горы молчатъ. Изрѣдка блеснетъ огонь на Тигровомъ, позолотитъ дома, грянетъ выстрѣлъ, повторитъ ему отчетливо эхо, разсыпавшееся на много отголосковъ, — и опять все стихнетъ, опять полная тишина.

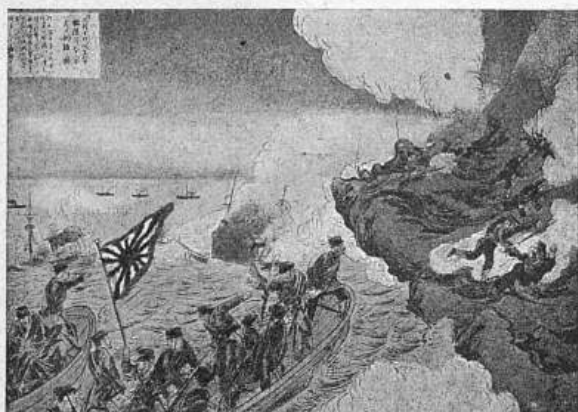
Внутренній рейдъ не дохнетъ.

Прозвучитъ лишь изрѣдка:—Кто гребетъ?

— Мимо—и снова тишь, снова покой.

И не вѣрится, что кругомъ враги, рѣшившіе истреблять другъ друга.

Но вѣришь, вѣришь, быстро освобождаешься отъ sentimentalнаго настроенія—въ сторонѣ Орлинаго Гнѣзда начала рвать—ся шрапнель. Какъ солдаты говорятъ:—Зачали шрапней кидать.

Штурмъ Портъ-Артура.
(Съ японскаго оригинала).

Возвращаюсь домой. Везутъ раненаго. Забинтованы руки, ноги. Мѣсяцъ свѣтитъ лицо, страдальческое, изнуренное, съ неизмѣнной печатью младенческой покорности.

Обращаюсь къ раненому.

Молчитъ. Большіе ясные глаза широко раскрыты. Въ упоръ на меня глядитъ. Мягкій свѣтъ луны серебрить коротко остриженные волосы, блѣдно-матовый цвѣтъ лица, а на бинтахъ выступившія черныя-черныя кровяныя пятна...

Отвѣчаетъ за него провожатый.

— Такъ что, ваше благородіе, флотскій; значить, сидѣлъ подъ Орлинымъ—шрапня хватила.

А сколько уже эта „шрапня“ жизней хватила?! Сколько семей по міру пустила?! Сколько женъ сумой снабдила?! Сколько

бездомныхъ дѣтей длинной, безконечной вереницей идетъ уже и пойдетъ еще просить милостыню!? Сколько изъ нихъ создастся нравственно падшихъ людей, которые заполнять контингентъ т. н. „преступниковъ“, о которыхъ начнетъ усердно заботиться государство: судить, сажать въ тюрьмы, посылать на каторгу...

Въ отвратительномъ настроеніи пришелъ домой и долго, долго не могъ заснуть. Эта „хватаящая шрапня“ принимала въ моемъ воображеніи гигантскіе размѣры, и луна, свѣтившая въ окно, начала все расти, расти; казалось, что это былъ вовсе не мѣсяцъ, это была огромная „шрапня“, она все увеличивалась, росла, росла; я каждую минуту въ смертельномъ ужасѣ ожидалъ—вотъ, вотъ разорвется и превратитъ меня и весь Артуръ въ ничто... такъ и не дождался. Галлюцинація въ полудремѣ—одолѣла усталость, и я уснулъ крѣпкимъ, но не здоровымъ сномъ.

Далеко за полночь разбудила канонада на западномъ фронтѣ. Орудія рокотали въ сторонѣ Ляотъшаня.

16 августа. Восточный фронтъ.

16 августа, въ пять часовъ пополудни, противникъ открылъ сильный артиллерійскій огонь на фронтъ, отъ форта № 3 до лит. Б.

Главнымъ образомъ обстрѣливалось Малое Орлиное Гнѣздо шестидюймовыми фугасными бомбами и шрапнелью.

Въ деревнѣ Сюйшннъ замѣчено, что японцы приспособили переднія фанзы въ направленіи Водопроводнаго редута, пробивъ въ нихъ бойницы для пулеметовъ или орудій.

Въ 9 часовъ вечера рота охотниковъ 26-го полка, подъ командой поручика Иващенко, и 3-я рота квантунскаго экипажа выступили отъ Скалестаго кряжа на рекогносцировочную вылазку въ редуть № 2.

Въ 9 час. 50 мин. стрѣлки незамѣтно подползли къ самымъ окопамъ бросились впередъ на „ура“ и моментально ихъ заняли.

Японцы, по обыкновенію, открыли страшный ружейный и пулеметный огонь.

Несмотря на это, стрѣлки настойчиво наступали, кинувшись въ штыки. Противникъ, смятый внезапнымъ наступленіемъ, не выдержалъ штыка и въ паникѣ бросился въ самый редуть, откуда, сильно поддержанный, опять открылъ огонь, но настолько сильный, что дальнѣйшее наступленіе стало немыслимымъ.

Рекогносцировка выяснила, что на ночь редуть № 2 непріятель занимаетъ сильнымъ отрядомъ.

17 августа. Ночь, послѣ окончанія рекогносцировки, по всей линіи восточнаго фронта прошла покойно.

Западный фронтъ.

16 августа. Ночь на западномъ фронтѣ прошла покойно.

Наше сторожевое охраненіе и посты противника на старой линіи.

Въ 10 часовъ утра замѣчено, что непріятельскіе кавалеристы по одиночкѣ стягивались къ деревнѣ „Безъ названія“, что за Угловой горой. Собралось до 50 всадниковъ. Въ этомъ же направленіи шелъ обозъ изъ 10 двуколокъ, сопровождаемый 15 конными.

Немедленно по группѣ былъ открытъ огонь и настолько удачно, что группа разсѣялась.

Морской раіонъ.

Въ ночь на 17 августа, около 12 часовъ, въ лучѣ прожектора была замѣчена недалеко отъ брандера, у бухты Бѣлый Волкъ, японская миноноска, открывшая огонь по прожекторамъ. Вскорѣ ее прогнали огнемъ съ Тигроваго Хвоста, дежурной канонерки и лагерной батареи и, видимо, съ поврежденіями.

Уборка труповъ.

Въ ночь на 16 августа уборка труповъ производилась двумя партіями: одна, состоявшая изъ 4 жандармовъ и 25 китайцевъ, убирала ихъ въ предѣлахъ Водопроводнаго редута; другая, состоявшая изъ 6 жандармовъ и 55 китайцевъ съ 5 повозками, работала въ мѣстности передъ редутами первымъ и вторымъ, Куропаткинскимъ люнетомъ, Орлинымъ Гнѣздомъ и Китайской стѣной. Обѣ партіи приступили къ своей тяжелой работѣ въ 12 ч. ночи.

Въ 2 часа ночи японцы открыли орудійный и ружейный огонь по первой партіи, при чемъ былъ убитъ одинъ китаецъ, ранено 2 китайца и ун.-оф. Калѣкинъ. Вслѣдствіе не прекращающагося японскаго огня, работу въ этой мѣстности пришлось прекратить, убравъ только 150 труповъ.

Вторая партія, проработавъ до разсвѣта, зарыла около 500 труповъ и вывезла 100 труповъ. Потери второй партіи въ эту ночь: ранено 4 китайца, контужено 2 жандармскихъ ун.-офицера, да 2 китайца пропали безъ вѣсти.

Вернувшись съ оборонительной линіи, я по обыкновенію отправился въ штабъ крѣпости для составленія отчета.

— Я сегодня отправляю въ Петербургъ почту; если хотите, давайте телеграмму—обращается ко мнѣ князь Микеладзе: только никому ни гугу. Узнають—немедленно донесутъ Стесселю. Пойдемъ лучше ко мнѣ.

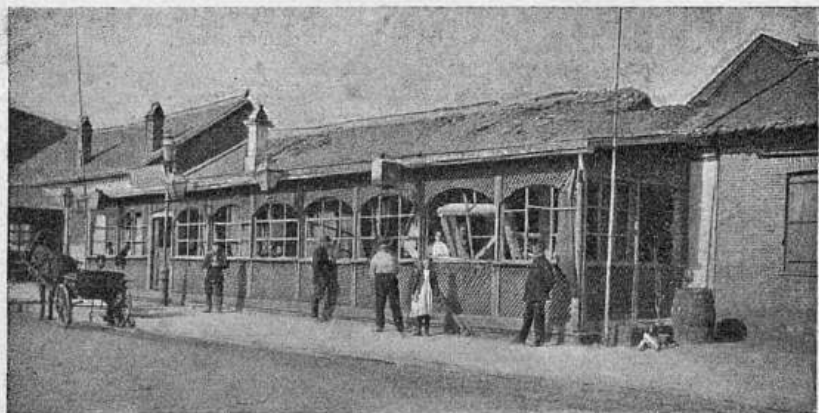
Я написалъ своему родственнику въ Петербургѣ и знакомымъ двѣ однородныхъ телеграммы:

„Артуръ держится Смирновымъ и его честнымъ помощникомъ Кондратенко. Стессель, благодаря своей полной несостоятельности, проигралъ все дѣло укрѣпленнаго раіона. Когда сообщу подробности, волосы станутъ дыбомъ. Доведите до свѣдѣнія Государя. Стесселя необходимо убрать.“

Князь Микеладзе при особомъ письмѣ на официальномъ бланкѣ отправилъ телеграммы въ отдѣльномъ пакетѣ на имя нашего консула въ Чифу г. Тидемана.

Телеграммы эти г. Тидеманъ получилъ, и, несмотря на особую просьбу князя Микеладзе отправить ихъ по назначенію, не отправилъ, мотивируя свой поступокъ тѣмъ, что телеграммы эти „дискредитировали“ де гремѣвшее по всему міру имя Стесселя.

Г. Тидеманъ не посчиталъ возможнымъ отправленіемъ моихъ телеграммъ „дискредитировать“ личность генерала Стесселя (несмотря на то, что онъ препровождались при особомъ письмѣ начальника крѣпостныхъ жандармовъ), онъ не могъ допустить, не говоря уже про меня, что офицеръ, переживая Артуръ и непосредственно оцѣнивая личность и дѣятельность Стесселя, говорить правду.

Ресторанъ „Саратовъ“.

Онъ не посчиталъ даже своей обязанностью донести объ этомъ своему начальству, исходя изъ простого соображенія, что вѣдь дыму безъ огня не бываетъ.

Онъ, какъ вѣрный птенецъ стараго режима, оберегалъ лишь себя, свой покой, а все остальное для него было трень-трава.

Но тѣмъ не менѣе, когда я прибылъ въ Чифу (въ концѣ осады Артура) на миноносцѣ „Расторопный“, на которомъ я шелъ и значился по списку, „какъ офицеръ отъ крѣпости“, отправленный изъ Артура съ вѣдома и распоряженія коменданта и всѣхъ адмираловъ (Стессель хотѣлъ меня, какъ онъ выражался, „упразднить“), то г. Тидеманъ, получивши вслѣдъ за моимъ прибытіемъ отъ Стесселя телеграмму, что я—„японскій шпіонъ“, быстро снесся со всѣми начальствующими лицами и проявилъ удивительную энергію въ моемъ арестѣ, отъ котораго меня

избавилъ чифускій *даотай* (китайскій губернаторъ), заявившій, что онъ выплететь вооруженную силу для моей охраны.

Г. Тидеманъ, вдыхая зараженную атмосферу дипломатическихъ канцелярій, никакъ не могъ уложить въ своемъ дипломатическомъ мозгу понятія, что на Руси Святой, помимо чиновниковъ, есть еще люди, обыкновенные люди, но люди способные здраво смотрѣть на вещи и отчетливо различать черное отъ бѣлаго.

Въ представленіи г. Тидемана Стессель былъ бѣлымъ, въ моемъ—чернымъ.

Г. Тидеманъ долго въ этомъ былъ убѣжденъ, потому что не получалъ официальной бумаги за №, что, молъ, хотя намъ и казалось, что Стессель бѣлый, но по докладу его превосходительству о совершившемся въ Артурѣ столпотвореніи, его превосходительство пришелъ къ заключенію, что Стессель черный, и впредь до особаго распоряженія приказалъ считать его таковымъ.

Получивши такую бумагу, г. Тидеманъ протеръ глаза, еще разъ прочиталъ ее, посмотрѣлъ №, разглядѣлъ подписи, вспомнилъ дѣятельность Стесселя и, непреложно увѣровавъ въ черноту послѣдняго, отправился къ Смирнову (уже въ Петербургѣ) просить награды за свою дѣятельность въ Чифу...

Я думаю, рѣдкій артурецъ не знаетъ имени г. Тидемана. Всѣ, начиная съ высшихъ чиновъ крѣпости и кончая развитымъ фельдфебелемъ, возмущались дѣятельностью этого правительственного агента, который,—благодаря своей неподвижности и тому вредному вліянію, которое на него имѣлъ студентъ нашей миссіи, нѣкто бывшій іудей *Горовецъ*, по принятіи православія ставшій *Горовцевъ*,—былъ скорѣй союзникомъ японцевъ, чѣмъ Россійскимъ Императорскимъ консуломъ.

17-ое августа. Восточный фронтъ.

17 августа, въ 5 час. 30 м. пополудни, снарядомъ, выпущеннымъ стрѣлковой батареей, былъ взорванъ японскій пороховой погребу.

Начальникъ крѣпостной артиллеріи генералъ-маіоръ Бѣлый немедленно приказалъ командиру батареи капитану **Мошинскому** участить огонь по взорванному погребу.

По наблюденіямъ, снаряды ложились отлично, лишивъ непріятеля возможности продолжать спасеніе имущества. Группы японцевъ, разбѣжавшись, держались въ значительномъ отдаленіи.

Въ 6 ч. 30 м. развѣдчики въ числѣ 10 человѣкъ, подъ начальствомъ унтеръ-офицера, двинулись рѣдкой цѣпью отъ открытаго капонира къ реду.

Продвинувшись къ самому брустверу редута и обнаруживъ, что за заднимъ его фасомъ сосредоточенъ довольно сильный резервъ, отошли.

Влѣво отъ горы Сиротка возводится батарея крупнаго калибра.

Батареи приморского фронта поддерживают непрерывный огонь по возводимой батарее и весьма удачно.

Около 8 часов вечера в Большую деревню, что лѣвѣе деревни Хоудзятунь, прошла колонна кавалеріи, въ этомъ же направленіи двигались небольшія части пѣхоты.

Ночь на 17 августа на фронтѣ прошла покойно.

Городъ бомбардировался до 2-хъ часовъ ночи.

18 августа. Съ сухопутнаго и приморскаго фронта съ ранняго утра развили и поддерживаютъ сильный огонь по возводимой непріателемъ батарее.

Съ 12 часовъ дня началось обстрѣливаніе противникомъ Опасной горы.

Западный фронтъ.

17 августа. Старшій унтеръ-офицеръ 12-го полка Куксичъ съ двумя стрѣлками ходилъ на дальнюю развѣдку, обнаруживъ слѣдующее:

На горномъ хребтѣ Угловой горы, въ неглубокихъ окопахъ лежить густая японская цѣпь, численностью до 400 человекъ.

Весь день укрѣпленіе 5-е и батарея лит. Д обстрѣливали горный кряжъ, соединяющій Угловую съ Высокой, на которомъ противникъ роетъ траншеи.

Ночь на западномъ фронтѣ прошла тихо. Перемены въ боевой обстановкѣ не произошло.

Капитанъ Москвинъ очень удачно въ 9 часовъ утра обстрѣлялъ обозъ, шедшій изъ деревни Хоудзятунь къ бухтѣ Луизы.

Въ 11 часовъ утра командиръ саперной батареи капитанъ Вельяминовъ удачной стрѣльбой совместно съ береговыми батареями по непріательской батарее—подбилъ три орудія и разбилъ два блиндажа.

Морской раіонъ.

17 августа. Въ 7 часовъ 30 мин. утра былъ замѣченъ въ ста кабельтовыхъ бѣлый пароходъ съ краснымъ крестомъ на трубѣ. Подойдя ближе, пароходъ поднялъ англійскій флагъ и направился къ бухтѣ Луизы.

Назначеніе Стесселя генераль-адъютантомъ.

При ка з ы

по войскамъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона.

Августа 17 дня 1904 г. Кр. П.-Артуръ.

№ 547.

Сего числа я имѣлъ великое счастье получить телеграмму Государя Императора.

Генераль-адъютанту Стесселю.

Сегодня, въ день крещенія Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Алексѣя Николаевича, я назначилъ васъ моимъ генераль-адъютантомъ и командира 26-го полка полковника Семенова моимъ флигель-адъютантомъ.

Николай.

И вторую телеграмму отъ Намѣстника Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ.

Портъ-Артуръ, генераль-лейтенанту Стесселю.

— Сего 11 августа, по случаю рожденія Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Алексѣя Николаевича—Государю Императору благоугодно было всемилостивѣйше назначить ваше превосходительство своимъ генераль-адъютантомъ и командира 26-го в.-с. стрѣлковаго полка Семенова—флигель-адъютантомъ.

Видя въ этихъ высокихъ Монаршихъ наградахъ воздаяніе доблести войскъ, защищающихъ Портъ-Артуръ подъ вашимъ начальствомъ, сердечно поздравляю я васъ и полковника Семенова и шлю лучшія пожеланія храброму гарнизону, который, я увѣренъ, честно и непоколебимо исполнить свой долгъ до конца и отстоять нашу родную твердыню, не взирая на всѣ отчаянныя усилія врага.

Генераль-адъютантъ Алексѣевъ.

№ 548.

Дорогіе мои боевые славные товарищи, Высочайшая милость Царя назначить меня генераль-адъютантомъ есть, разумѣется, воздаяніе за вашу безмѣрную доблесть, которой удивляется весь свѣтъ. Послѣ Царскаго спасибо вамъ, я могу только преклоняться передъ всѣми вами, доблестными защитниками крѣпости, стоящей въ безмѣрныхъ условіяхъ. Молитвы мои къ Господу Богу и Великому Подвижнику Преподобному Серафиму, Саровскому Чудотворцу, всегда возносятся за васъ, героевъ Россіи, и я увѣренъ, что врагъ будетъ побѣжденъ вами.

№ 549.

19 сего августа, въ 7^{1/2} ч. утра, на площади казармъ 10-го в.-с. с. полка отслужить молебствіе Господу Богу, по случаю дарованія Царю-Батюшкѣ и великой родинѣ Наслѣдника Престола. Быть всѣмъ, кому возможно; отъ войскъ по сборной ротѣ въ 48 ряд., по назначенію начальниковъ дивизій и командира квантунской крѣпостной артиллеріи, и 24 ряда—отъ квантунскаго экипажа. Парадомъ командовать флигель-адъютанту полковнику Семенову, а если будетъ бой, то командиру саперной роты полковнику Жеребцову. Музыка отъ 14 полка. Парадъ выстроить штабсъ-капитану Колесникову.

Начальникъ Кван. укр. района
генераль-адъютантъ Стессель.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

Вотъ что пишетъ истинный герой обороны Артура, покойный Сергѣй Александровичъ...

„...Послѣднее всѣ мы находимъ совершенно справедливымъ (награжденіе Семенова флигель-адъютантомъ), но что Стессель генераль-адъютантъ, такъ это лишній разъ ярко подтверждаетъ, какъ часто вознаграждаются стоящіе у власти за заслуги другихъ...“

Ничего не ожидая, я сидѣлъ въ штабѣ и составлялъ отчетъ. На фронтѣ и въ городѣ сравнительная тишина—текла сѣренькая жизнь осажденной крѣпости,—ни свѣта ни просвѣта.

Въ штабѣ тихо: всѣ заняты.

Вдругъ входитъ начальникъ штаба полковникъ Хвостовъ. Нѣсколько взволнованный видъ, противорѣчащій его солидной, всегда покойной, статной фигурѣ.

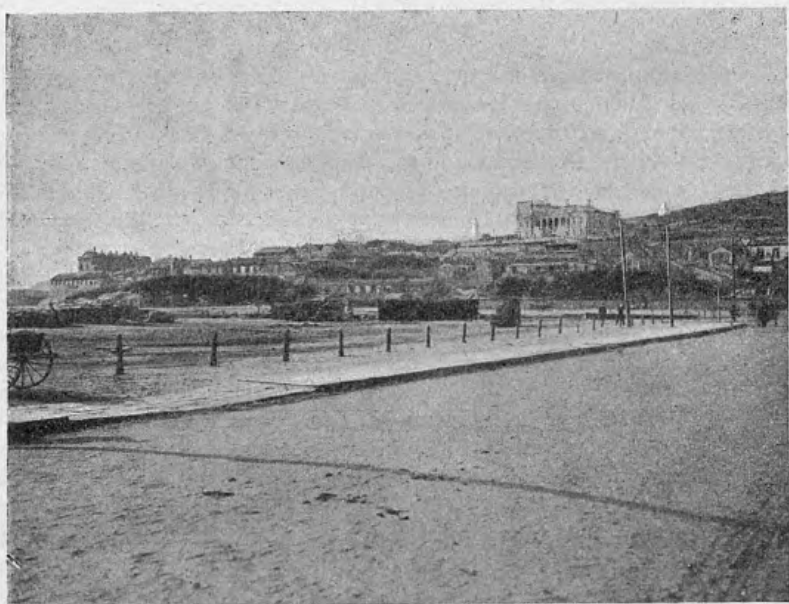
— Господа! неожиданная новость!

Всѣ собрались въ кабинетъ: капитанъ Водяга, лейтенантъ Мокалинскій, поручики—Князевъ, Гаммеръ и еще кто-то.

— Комендантъ кратко передалъ по телефону: пріѣхали два офицера, былъ удачный бой...

На лицахъ у всѣхъ оживленіе. Мы рады были вѣрить всему.

— Куропаткинъ наступаетъ...

Набережная.

Всѣ невольно продвинулись впередъ, обратились въ слухъ. На фронтѣ загудѣло сильнѣе.

— Стесселя Государь... Хвостовъ на нѣсколько секундъ остановился. Я наблюдалъ. У всѣхъ на лицахъ любопытство.

— ...убираетъ,—сказалъ кто-то весело.

— ...поздравилъ генераль-адъютантомъ, Семенова—флигель-адъютантомъ!—отчеканилъ Хвостовъ и, облокотившись на руки, пристально глядѣлъ на присутствовавшихъ.

Всѣ такъ и застыли.

Водяга вышелъ—на устахъ его играла торжествующая улыбка.

— А Смирнову?

— Кондратенко?

Всѣ разбрелись по своимъ мѣстамъ, убитые, сумрачные—словно произошло какое-то непоправимое несчастье...

Къ 12 часамъ весь официальный Артуръ потянулся съ поздравленіями къ вновь пожалованному генераль-адъютанту.

Я не хотѣлъ итти. Но мнѣ настоятельно совѣтовали принести свои „искреннія привѣтствія“.

— Идите, непременно идите, иначе вы наживете всемогущаго врага.

— Онъ сотретъ васъ съ лица земли, лишитъ возможности наблюдать и собирать цѣнный историческій матеріалъ—говорили опытные, дальновидные люди.

Я подчинился велѣнію разсудка и, поборовъ въ себѣ неприязнь, въ 4 часа отправился къ „всегомушему“.

Генераль принялъ въ высшей степени любезно. Усадилъ, предложилъ курить, весело болтая. Онъ былъ въ самомъ лучшемъ настроеніи духа и, какъ ребенокъ, не могъ побороть въ себѣ той радости, которая отражалась въ каждомъ его движеніи, взглядѣ, жестѣ.

Онъ, съ свойственнымъ ему женскимъ складомъ ума, забылъ о совершенномъ подлогѣ, объ обманѣ, которымъ онъ окружилъ Царя, все забылъ и только радовался. Радовался такъ, какъ радуется ребенокъ, котораго, вмѣсто заслуженной дѣры, обласкали и наградили подарками.

— Да, неудобно ли! Назначили генераль-адъютантомъ, а я простой, сѣрый солдатъ! Какъ я тамъ, при дворѣ покажусь? Вѣдь я ни ступить ни молвить не умѣю.

— Что будетъ впереди, ваше превосходительство, неизвѣстно. Вѣдь у насъ нельзя поручиться не только за завтрашній день, въ грядущемъ часѣ мы не увѣрены. Того и гляди на тотъ свѣтъ отправишься.

На свѣтлое чело генераль-адъютанта налетѣло сумрачное облако.

— Совершенно вѣрно, совершенно вѣрно, воевать надо, а тутъ награждаютъ...

Въ кабинетъ входилъ командиръ саперной роты подполковникъ Жеребцовъ и приносилъ „искреннія“ поздравленія...

Я откланялся.

Вечеромъ зашелъ къ коменданту. Онъ давно уже жаловался на желудокъ (въ сильной степени дезинтерія) и послѣдніе

два дня, по категорическому предписанію врача, не садился на коня. Выглядѣлъ Смирновъ сильно похудѣвшимъ.

На фронтѣ было тихо. Телефонъ молчалъ. Донесенія поступали рѣдко.

Только городъ обстрѣливался довольно сильно. Направо, по всей площади Старого города, то и дѣло рвались снаряды.

Пришелъ Хвостовъ.

Комендантъ, несмотря на недомоганіе, былъ по обыкновению и бодръ и оживленъ, увлекательно рассказывая, какъ онъ не попалъ на Дальній Востокъ въ китайскую кампанію и какъ волею судебъ очутился здѣсь теперь.

— Да, да, господа, въ серьезныя минуты жизнедѣятельности человѣка, въ тревожныя минуты, переживаемыя народомъ, нужно совершенно забыть себя, нужно жить и дѣйствовать не по сердцу, а по разуму...

На этомъ мы простились, о Стесселѣ за весь вечеръ не было произнесено ни слова.

18-ое августа. Западный фронтъ.

Въ ночь съ 18 на 19 августа къ нашимъ передовымъ постамъ подкрались пѣшіе развѣдчики, которые были отогнаны назадъ. На казачій постъ у дер. Хоудзятунъ вышелъ развѣздъ въ числѣ 6 человѣкъ на разномастныхъ лошадяхъ, но, когда окликнули—японцы карьеромъ ускакали, провожаемые залпами. Ночами японцы усиленно ведутъ окопныя работы на Угловой горѣ.

Въ деревнѣ Дакоудинъ находится японскій госпиталь.

Съ 12 часовъ ночи фортъ № 4 открылъ сильный и очень удачный огонь по непріятельской батарее и Панлуншанскимъ окопамъ.

Развѣзды 14 и 15 полковъ дошли до дер. Вандзятунъ, но, встрѣченные сильной конной заставой, на поддержку которой показалась значительная пѣхотная часть—отошли. Развѣзды обнаружили, что по линіи постовъ японцы протянули проволоку съ колокольчиками.

Всѣ развѣзды, посылаемые къ сѣверу отъ Малой Голубиной бухты, встрѣчаются сильнымъ огнемъ изъ окоповъ, вырытыхъ по горамъ. Утромъ въ бухту Луизы вошелъ пароходъ Краснаго Креста и остановился у горнаго побережья, гдѣ въ деревнѣ Дакоудинъ находится госпиталь.

Восточный фронтъ.

Весь вечеръ 18 и большую часть ночи на 19 августа батареи весьма удачно обстрѣливали производимыя непріателемъ осадныя земляныя работы

Морской раіонъ.

18 августа, въ 10 час. вечера, въ лучахъ прожекторовъ было обнаружено нѣсколько непріятельскихъ миноносцевъ и одно судно типа заградителя. По нимъ былъ открытъ огонь съ фортовъ морского фронта. Удачнымъ выстрѣломъ съ одной изъ батарей заградитель былъ пушенъ ко дну: сна-

рядъ переломилъ судно пополамъ. Было ясно видно, что подъ водою сначала показались винты, а затѣмъ носовая часть, послѣ чего судно скрылось въ водѣ.

Экстренно.

Августа 18 дня 1904 года. Кр. Портъ-Артуръ. № 552.

Въ ночь съ 16-го на 17-ое августа снова была произведена вылазка и атака редута № 2 охотниками и моряками. Охотники ворвались въ траншеи, но моряки не исполнили всего того, что на нихъ возлагалось, а потому атака вышла въ общемъ неудачной, да и даромъ потери. Предписываю на будущее время **безъ моего на всякій разъ личнаго разрѣшенія** подобныя атаки не повторять. Полагаю, что подобныя вылазки наилучше объединять подъ командой, напр., такого лица, какъ начальника штаба крѣпости, какъ отлично знающаго мѣстность.

Генераль-адъютантъ Стессель.

Комендантъ крѣпости, съ занятіемъ японцами редутовъ I и II, считалъ настоятельно необходимымъ организовывать вылазки къ редутамъ, но генераль Стессель всѣми силами старался противодѣйствовать имъ. Съ паденіемъ редутовъ, противникъ садился къ намъ на фронтъ и, конечно, использовалъ всѣ выгоды. Онъ немедленно отъ редутовъ повелъ назадъ траншеи, что, конечно, было несравненно легче, чѣмъ вести ихъ впередъ, подвергаясь орудійному огню нашихъ батарей.

Лишь только Стессель понялъ, что побѣда надъ Смирновымъ одержана—немедленно наложилъ свое veto на вылазки, не желая входить въ разсужденія, чѣмъ руководствуется комендантъ, настаивая на послѣднихъ. Достаточно было, что этого требуетъ Смирновъ, и вылазки запрещались.

19-ое августа. Западный фронтъ.

19 августа. Около 6 часовъ вечера временное укрѣпленіе № 5 открыло огонь по показавшемуся въ деревнѣ Синдятенъ непріятельскому эскадрону. Послѣ нѣсколькихъ попаданій, кавалеристы разсѣялись.

Въ 9 часовъ вечера непріятель неожиданно открылъ орудійный огонь по производимымъ ротой моряковъ работамъ на Длинной горѣ и сейчасъ же перешелъ въ наступленіе изъ Мертвой сопки. Наступленіе было немедленно парализовано орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ, и непріятель съ огромнымъ урономъ отбитъ. Къ 12 часамъ ночи на западномъ фронтѣ все стихло. Во время наступленія одна изъ непріятельскихъ колоннъ наравлась на фугасъ между Длинной и Дивизионной горами. Эффектъ былъ дѣйствительный и ужасный: въ мгновеніе отъ цѣлой массы живыхъ людей ничего не осталось.

Восточный фронтъ.

19 августа. Стрѣльба по редуту № 1 была очень хорошая: часть вала изъ мѣшковъ обвалилась, много попаданій было въ самый редутъ и окопы.

Огонь по реду № 2 былъ еще удачѣй: три снаряда, попавъ въ блиндажъ, совершенно его разрушили.

Ясно было видно, какъ люди разбѣгались послѣ каждаго попаданія въ брустверь.

Въ 5 ч. пополудни противникъ сосредоточеннымъ огнемъ началъ обстрѣливать батарею лит. Б и прилегающія къ батареямъ дороги.

Съ 4 часовъ до 7 пополудни опять была произведена стрѣльба по редутамъ №№ 1 и 2.

Наблюдавшій за паденіемъ снарядовъ шт.-кап. Ясенскій доложилъ, что на редутѣ № 1, помимо значительныхъ разрушеній, замѣчено много убитыхъ и раненыхъ.

Морской районъ.

19 августа, около 10 час. утра, на S были видны непріятельскія суда: „Матсушима“, „Ицкишима“, „Хагиндате“, „Акаши“ и 12 миноносцевъ. Изъ-за м. Кепа появились „Чинъ-иень“, 2 парохода и 3 катера.

Парадъ.

9 часовъ утра.

День ясный, голубой.

Кругомъ тихо, словно и японцы удивляются тому, что творится въ Артурѣ.

Кончилось молебствіе. Убрали аналой, священники ушли.

Въ центрѣ выстроившихся покоемъ войскъ остался генераль-адъютантъ, окруженный многочисленной свитой.

Онъ головой выше всѣхъ.

Все смолкло...

— ... Слушай! На к-а-р-а-у-л-ь! Господа офицеры! — раздалась команда. Всѣ застыли.

— Дорогіе мои боевые славные товарищи! Великій Государь нашъ Императоръ, по случаю великой радости, дарованія Господомъ Богомъ Ему, Царю Батюшкѣ, и Великой родинѣ Наслѣдника Престола, пожаловалъ меня своимъ генераль-адъютантомъ. Эту высокую награду получилъ я, благодаря вашимъ геройскимъ дѣламъ. Земно кланяюсь вамъ, герои: стрѣлки, артиллеристы и моряки. Въ честь нашего Великаго Государя—ура!

Загремѣлъ оркестръ, покатилося „ура“. Долго стоялъ этотъ шумъ.

Генераль-адъютантъ махнулъ.

Все стихло.

Отдѣляется генераль Фокъ.

— Ребята! Государь Императоръ пожаловалъ нашего высшего начальника высокимъ званіемъ своего генераль-адъютанта.

Знаете ли вы, что такое генераль-адъютантъ?

Генераль-адъютантъ, это самое приближенное лицо къ Особѣ Государя Императора.

Государь черезъ своихъ генераль-адъютантовъ вѣщаетъ народу свою волю.

Генераль-адъютантъ Стессель среди насъ. Онъ посланникъ Государя. Онъ замѣщаетъ здѣсь священную Особу Царя.

Итакъ, помните:

Все, что будетъ говорить генераль-адъютантъ Стессель, говоритъ Самъ Государь Императоръ.

Все, что будетъ дѣлать генераль-адъютантъ Стессель, дѣлаетъ Самъ Государь Императоръ!

Въ честь вновь пожалованнаго генераль-адъютантомъ генераль - лейтенанта Стесселя—ура!

Опять гремѣлъ оркестръ, катилось „ура“.

Фокъ, цѣлуя, обнималъ Стесселя, Стессель, обнимая, цѣловалъ Фока.

Волной перекашивалось „ура“, оркестръ гремѣлъ. Птенцы торжествовали, остальные—кто улыбался, кто стоялъ съ сумрачнымъ, тупымъ, злобнымъ выраженіемъ лица.

Герои, наконецъ, оторвались другъ отъ друга.

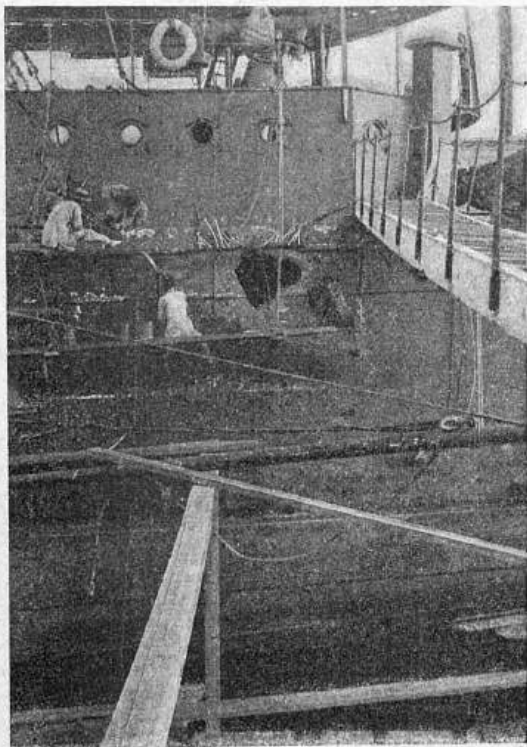
— Къ ц-е-р-е-м-о-н-і-а-л-ь-н-о-м-у маршу!

Войска перестраивались.

Кончился маршъ.

Гражданскій комиссаръ (губернаторъ Квантуна) полковникъ Вершининъ подошелъ съ привѣтствіемъ отъ лица гражданского населенія Артура.

Генераль-адъютантъ грубо оборвалъ:

Работы на затопленномъ брандерѣ.

— Какое здѣсь гражданское населеніе, какой такой теперь гражданскій комиссаръ? Ничего такого не знаю. Чего вы лѣзете?

Площадь казармъ 10-го полка быстро опустѣла.

Долго потомъ говорили объ этомъ парадѣ. Возмущались. Судили, рядили.

А позорная гибель Артура уже предрѣшалась.

20-ое августа. Западный фронтъ.

20 августа. Послѣ отбитія штурма—ночь прошла безъ перемѣнъ въ боевой обстановкѣ.

Развѣздъ 16 полка дошелъ до непріятельскаго расположенія и обнаружилъ, что среди пѣхотныхъ солдатъ много матросовъ.

Передвиженій значительныхъ силъ не замѣчается, но большія группы пѣшихъ и конныхъ въ районѣ деревень Цинзятунъ — Хаидзятунъ показываются чаще, чѣмъ прежде.

Удачными выстрѣлами съ мортирной батареей № 7 по горѣ, что правѣе и рядомъ съ Длинной горой, разбиты пять пулеметовъ, разрушены всѣ блиндажи, убито много японцевъ; остальные разбѣжались.

Около 4 часовъ пополудни около 2 ротъ японцевъ перебѣжали въ деревню „Безъ названія“.

Пѣшіе дозоры все время бродятъ передъ постами.

Высокій гаолянъ сѣвернѣе деревни Вандзятунъ способствуетъ скрытному передвиженію японцевъ.

Вечеромъ по берегу бухты Луизы на полуостровъ сѣвернѣе Голубиной бухты прошло 25 вьючныхъ лошадей. Есть основаніе предположить, что шла горная артиллерія, т. к. черезъ каждыя 8 лошадей ѣхалъ всадникъ.

Весь день по берегу Луизы наблюдалось много конныхъ и пѣшихъ.

Вообще движеніе въ этомъ районѣ усилилось.

Восточный фронтъ.

20 августа. Ночь на фронтѣ прошла покойно. Утромъ замѣчено движеніе противника небольшими группами отъ желѣзнодорожнаго моста къ Сахарной Головѣ. Въ этомъ же направленіи двигались повозки.

Въ 10 часовъ утра 20 августа было замѣчено, что отъ деревни Вандзятунъ по дорогѣ, у рѣчки, къ деревнѣ Тандаятунъ человекъ 80 тянули что-то тяжелое, вѣроятно, осадное орудіе.

Батареи немедленно открыли огонь, парализовавъ дальнѣйшую работу.

Въ 6 часовъ вечера мичманомъ Ломанъ были выжжены двѣ деревни Палиджуанъ.

Штабсъ-капитанъ Краевскій донесъ, что правѣе редута № 1 японцы выдвинули два орудія, изъ которыхъ былъ открытъ огонь по форту № 3 въ 9 часовъ вечера.

Морской районъ.

20 августа, въ 10 час. утра, непріятельскій миноносецъ въ 14 миляхъ на SO, наскочивъ на мину, пошелъ ко дну.

На горизонтѣ все время держатся нѣсколько непріятельскихъ судовъ и очень много миноносцевъ.

Свѣдѣнія отъ китайцевъ.

- 1) 18 августа изъ Дальняго прибыло 8,000 въ дер. Тюйдзятунъ.
- 2) Въ деревню Суанпегоу 4 осадныхъ пушки.
- 3) Черезъ 4, 5 дней предполагають штурмъ.
- 4) Въ деревнѣ Тюйдзятунъ 300 чел. заболѣло желудкомъ—отправлены домой.

5) Большой начальникъ не дастъ больше войскъ—говорить, что здѣсь уже и такъ много погибло. Еще попробуютъ одинъ, два штурма и уйдутъ совсѣмъ отъ Портъ-Артура.

- 6) У японцевъ подъ Артуромъ погибло больше 200,000.

20 августа, 1904 г.

Копія.

Свѣдѣнія отъ китайцевъ 19 августа 1904 года.

Его превосходительству, контръ-адмиралу Григоровичу.

Имѣю честь донести вашему превосходительству слѣдующее:

1) Японцы за послѣднее время заняты обученіемъ войскъ. Убѣжденные горькимъ опытомъ въ непригодности ихъ прежняго строя при штурмѣ портъ-артурскихъ батарей и позицій—японцы предполагають при слѣдующихъ штурмахъ примѣнить новые приемы.

2) Японцы предполагають значительный отрядъ сухопутныхъ войскъ направить изъ Дальняго черезъ Ин-чен-цзы на юго-западъ долиной къ бухтѣ Голубиной съ тѣмъ, чтобы произвести единовременно штурмъ Ляотъ-шаня съ суши и обстрѣливаніе его съ моря.

Все это можетъ произойти, при условіи благоприятныхъ успѣховъ оружія у генераловъ Куроки и Оку.

3) Японская батарея, находившаяся въ сѣверо-западной части горъ Панлуншань, перенесена нѣсколько впередъ въ ложину—ближе къ Артуру.

Студентъ Петръ Сивяковъ.

Отъ судьбы не уйдешь.

Встрѣтившись съ полковникомъ Хвостовымъ, поговорили о невозможномъ поведеніи нашей артурской полиціи.

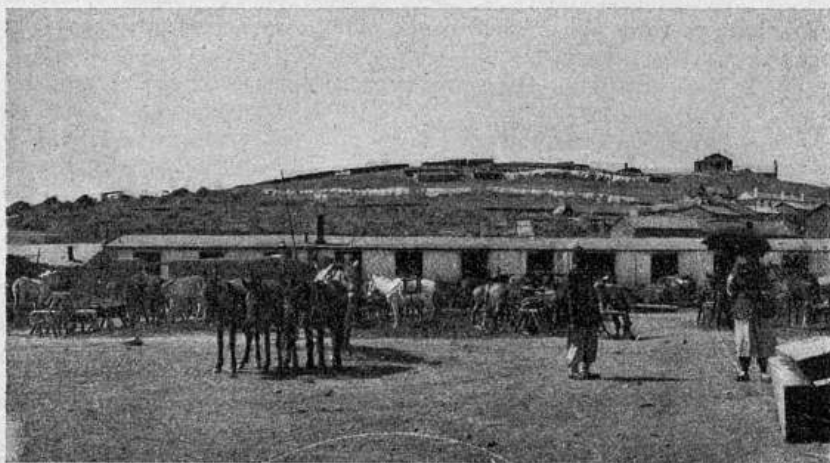
Генералъ-адъютантъ такъ все распустилъ, что положительно съ ней нѣтъ никакого сладу.

Полицмейстеръ дошелъ до такого нахальства, что, пользуясь благоволеніемъ генералъ-адъютанта, пишетъ въ категорической формѣ предписанія артурскому мировому судѣ г. Дмитриеву.

Тауцъ прямо неистовствуетъ. Дѣлаетъ онъ это, конечно, изъ желанія угодить Стесселю, такъ какъ послѣдній положительно не выносить ничего гражданскаго.

— Э! батюшка! Теперь у насъ наступили такія времена, что не замѣтишь, какъ по физіономіи получишь. Представленіе о законности и порядкѣ генераломъ Стесселемъ и его ближайшими помощниками давно утеряно. Тоже нашли, чѣмъ возмущаться! Теперь надъ Артуромъ царить произволъ, а онъ полиціей возмущается.

Я вотъ вамъ лучше расскажу, какъ подтверждается пословица: „отъ судьбы не уйдешь“.

Китайскій постоянный дворъ.

Знавали вы Лейбошица? Маленькій этакій еврейчикъ, содержаль еще часовой магазинъ, а послѣднее время геройски себя вель въ санитарномъ отрядѣ ротмистра Познанскаго.

Приходитъ онъ позавчера домой.

Въ фанзу его попалъ снарядъ. Входитъ въ комнату. На столѣ—его фотографическая карточка, только не цѣльная: осколкомъ оторвало голову. Настолько это на него произвело удручающее впечатлѣніе, что онъ не рѣшился ночевать дома.

Отправился къ пріятелю.

Что бы вы думали?

Попадаетъ въ фанзу пріятеля снарядъ, и бѣдный Лейбошицъ отправляется въ горня Сіона съ начисто, какъ ножемъ, отрѣзанной головой!

Жаль Лейбошица. Хорошій, честный и храбрый, на диво былъ храбрый человекъ, хотя еврей.

Познанскій представилъ его къ георгіевскому кресту.

Да, вотъ оно что значить судьба и къ какимъ она иногда способна шуткамъ.

21-ое августа. Восточный фронтъ.

21 августа. Ночь на линіи восточнаго фронта прошла покойно.

Съ 2 ч. 20 м. утра непріятель усиленно бомбардировалъ Старый городъ, а съ 5 часовъ перенесъ огонь въ Новый городъ.

На редутъ № 1 непріятель ведетъ спѣшныя работы.

Тоже усиленно идетъ производство работъ отъ Дагушаня до Палиджуана.

Въ 8 часовъ утра обнаружено было движеніе въ сторону Сахарной Головы.

Показались колонна пѣхоты и кавалерія, которыя немедленно были разстрѣляны полевой артиллеріей.

21 августа непріятель усиленно продолжаетъ днемъ и ночью пролагать окопы противъ исходящаго праваго угла капонира № 2.

Развѣдка редутовъ №№ 1 и 2 выяснила, что каждый изъ нихъ занимаетъ отъ 2-хъ до 3-хъ ротъ пѣхоты, которыя, подъ прикрытіемъ стрѣлковъ цѣпей, продолжаютъ земляныя работы.

Западный фронтъ.

21 августа. Деревня „Безъ названія“ японцами очищена.

Развѣздами капитана Романовскаго выяснено, что японцы линіей постовъ занимаютъ высоту сѣвернѣе дер. „Безъ названія“, деревню Гоудзятунъ и высоты сѣвернѣе Голубиной бухты. Когда укрѣпленіе № 5 обстрѣливало Вандзятунъ и Игажуанъ, японцы отошли въ ближайшія долины, а затѣмъ вновь ихъ заняли.

Днемъ къ нашимъ постамъ подходили японскіе развѣзды. Въ бухтѣ Луизы наблюдалось сосредоточеніе противника.

Дальнія развѣдки.

Съ 20-го на 21-е августа охотниками сводной роты 11 и 12 полковъ шт.-кап. Соловьева были произведены двѣ дальнихъ развѣдки.

Лѣвая партія. Старшій ун.-оф. 11 полка Федотъ Вѣтеръ съ 10 стрѣлками, съ наступленіемъ сумерекъ, проползли между японскими сторожевыми постами. Когда остановились для роздыха, стрѣлокъ Демченко упрасивалъ своего старшаго разрѣшить снять японскаго часового, который, ничего не замѣтивъ, спокойно стоялъ лицомъ къ нашему расположенію, освѣщаемый прожекторомъ съ укрѣпленія № 5. Старшій не разрѣшилъ, т. к. трудно было незамѣченнымъ проползти свѣтовую полосу.

Отдохнувъ, охотники двинулись впередъ. Мимо нихъ прошелъ дозоръ 7 человекъ, не замѣтивъ присутствія приросшихъ къ землѣ смѣлча-

Разминувшись съ дозоромъ, стрѣлки поползли до деревни у подошвы высоты № 92.

Японцы, почуявъ что-то неладное, не выходя изъ деревни, открыли беспорядочную стрѣльбу, которая постепенно стихла. Обойдя деревню, наши отошли назадъ и расположились въ засадѣ въ оврагѣ, что идетъ вдоль дороги изъ деревни Мгоязтунъ въ кумирню.

На разсвѣтѣ изъ деревни показался разъѣздъ въ 8 человѣкъ. Допустивъ его на дистанцію 800 шаг., стрѣлки открыли огонь залпами. Разъѣздъ ошалѣлъ съ испугу. Два всадника, какъ подкошенные, скатились на землю, лошади вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими кавалеристами понеслись въ деревню Даянтоува.

Прогнавъ разъѣздъ, молодцы-развѣдчики вернулись на свою позицію.

Правая партія. Старшій стрѣлокъ 12 полка Филиппъ Солодкій съ 8-ю стрѣлками-однопольчанами незамѣченными пробрался къ небольшой деревушкѣ, что къ сѣверо-востоку отъ деревни Томидзуанъ, подѣ Угловой горой. За деревушкой лежала въ цѣни приблизительно одна рота. Часовые, услышавъ подозрительный шорохъ, дали два выстрѣла; наши притаились.

Въ деревушкѣ залаяли собаки, изъ нея бѣгомъ кинулись засѣвшие японцы къ своей цѣпи, въ которой начался шумъ и суета.

Пошумѣвъ—японцы успокоились.

Пользуясь шумомъ, развѣдчики поползли дальше, въ деревню Игазуанъ, за которой въ окопахъ обнаружили до 2 ротъ.

Все было тихо, только лучъ прожектора бродилъ по этому мѣсту и наконецъ остановился.

Нѣсколько минутъ спустя, съ укрѣпленія № 5 долетѣлъ звукъ выстрѣла, прошипѣлъ снарядъ и разорвался прямо въ окопѣ.

Послѣ оглушительнаго взрыва, стоны раненыхъ зашумѣли поднявшейся невообразимой суматохой: крикъ, шумъ, не то руганье, не то приказанія.

— Порядка тамъ совсѣмъ не было—докладывали развѣдчики. —Всѣ замечались. Бросались впередъ, назадъ, а снаряды одинъ за другимъ разрывались. Лучъ прожектора стоялъ неподвиженъ.

Японцы бросились въ оврагъ. Батарея, замѣтивъ это движеніе, перенесла огонь дальше.

Во время суматохи наши развѣдчики дали по убѣгающимъ нѣсколько залповъ.

Японскій разъѣздъ, показавшійся до начала стрѣльбы изъ орудій впереди дер. Игазуанъ,—при первыхъ же выстрѣлахъ вскачь удалился въ глубину своего расположенія.

Когда японцы очистили окопъ, спрятавшись въ оврагѣ, наши поползли до него и просидѣли до разсвѣта, наблюдая за противникомъ.

Съ разсвѣтомъ охотники вернулись, идѣвъ по дороге, какъ японцы очищали окопъ подѣ Угловой горой, осыпавъ снарядомъ укрѣпленія № 5.

Морской раіс

21 августа, въ 3 час. 45 м., послѣ обѣда за бухтой Тахэ, подѣ правымъ бортомъ крейсера „Ицикушима“ взорвалась мина; крейсеръ накренился до 10°, и на немъ возникъ пожаръ. За симъ крейсеръ выправился и ушелъ.

Свѣдѣнія отъ китайцевъ.

1) Японцы до 28 августа ежедневно будутъ поддерживать огонь, съ цѣлью обстрѣлять и подбить наши батареи. Если раньше этого числа японцамъ не удастся подготовить штурмъ Портъ-Артура, то 28 августа они непремѣнно хотятъ штурмовать Портъ-Артуръ по всей линіи.

2) Нѣкоторыя части японскихъ войскъ, выйдя изъ Дальняго, уже начали располагаться на избранныхъ позиціяхъ подъ Портъ-Артуромъ.

3) Среди японскихъ войскъ начались, хотя пока еще въ небольшомъ количествѣ, острые желудочныя заболѣванія.

4) При Кинчжоу, кромѣ разныхъ искусственныхъ преградъ, японцами приспособляется также электрическая проволока.

21 августа 1904 г.

Уборка труповъ.

Въ ночь на 21 августа въ мѣстности подъ Орлинымъ Гнѣздомъ и Куропаткинскимъ люнетомъ жандармами и китайцами было зарыто 500 труповъ; во время работы ранены одинъ жандармъ и три китайца.

Заходилъ къ коменданту крѣпости. Благодаря тому, что онъ, не подчиняясь требованію врача лежать, все время работалъ, ведя подвижную дѣятельность, процессъ выздоровленія слегка затянулся.

Докторъ ^{хотѣлъ} выпустить его дней черезъ пять.

Не даромъ ^{говорили} говорили, что Смирновъ двужильный. Болѣзнъ въ самой жестокой степени, а онъ бодръ и дѣятеленъ.

— Чортъ возьми, нужно проѣхать на фронтъ, а нельзя. Зап. ^{тишя беда} ты, хуже будетъ—сердито говоритъ комендантъ.

Прейтти ^{дой} кой сцены былъ я сегодня свидѣтелемъ. Начальникъ штаба ^Х ^Х стовъ допрашивалъ китайца-лазутчика.

Перезодникъ ^{служилъ} служилъ десятилѣтній мальчикъ, кажется, сынъ одного ^{жандармскихъ} жандармскихъ унтеръ-офицеровъ.

Сначала ^{китаецъ} китаецъ началъ молоть какую-то ерунду по-русски.

Хвостовъ ^{прехладнокровно} слушалъ, слушалъ, да и говоритъ:

— Нѣтъ, ничего не понимаю, несетъ что-то невозможное.

— Капитанъ ^{возно} возно. Все можно. Одинъ тамъ ходи мѣсяць.

Другой ^{при} ^{скажи} скажи: капитанъ, ходи десять тысячъ...

— Нѣтъ ^а ать, замочи, мы съ тобой каши не сваримъ.

Позовите-ка ^{переводчика} переводчика

Мальчуганъ ^{явился} явился.

— Здорово, молодчикъ ^{ГНО} ГНО!

— Здравія желаю вашему высокородію! отрубилъ мальчуганъ.

— Ну, спроси, спроси—сколько японцы считают у себя убитыми подъ Артуромъ.

Мальчуганъ съ китайцемъ громко заспорили. У обоихъ глаза горять, пѣтушатся.

— Да ты не спорь съ нимъ, спроси только.

Мальчуганъ подбочился и строго спрашиваетъ, подстукивая ногой.

Китаецъ сосредоточенно отвѣчаетъ. А у самого глаза хоть серьезно, но хитро смотрять.

Опять заспорили. Китаецъ злится. Мальчуганъ наступаетъ.

— Ты опять споришь!

Послѣ бомбардировки.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе: китаецъ вретъ! Онъ говоритъ, что убито здѣсь 20,000, осталось 30,000.

А самъ говоритъ, что пригнали подъ Артуръ 85,000. Я его нѣсколько разъ спрашивалъ—сколько? Твердитъ 85,000. Гдѣ же 35,000 дѣвалось?

Общій хохоть.

22 августа. Восточный фронтъ.

22 августа. Ночь на линіи фронта прошла относительно покойно. Противникъ велъ окопныя работы, изрѣдка обстрѣливаемая нашими батареями. Сторожевые посты доносили, что влѣво отъ Сахарной Головы слышались движеніе повозокъ, ржаніе лошадей, шумъ и говоръ людей.

Подпоручикомъ Кронивецкимъ, занимающимъ капониръ № 2, замѣчено, что въ 150 шагахъ отъ бруствера капонира японцы возвели окопъ.

Въ 8 час. 20 м. вечера съ сѣверо-востока, изъ оврага показались три японца съ фонарями и бросились къ рву Водопроводнаго редута, поддерживаемые стрѣлковою цѣпью. Наши встрѣтили ихъ пулеметами и залповымъ

ружейнымъ огнемъ. Японцы не выдержали и, оставивъ много убитыми и ранеными, убѣжали въ оврагъ, гдѣ у нихъ проложенъ крытый ходъ.

Въ теченіе всего дня противникъ показывался въ разныхъ мѣстахъ небольшими группами. На сѣверо-западномъ склонѣ горы Сюгушанъ ясно наблюдалась группа въ 8 человекъ, одинъ изъ нихъ семафорилъ флагами. Несмотря на тщательное наблюденіе, приѣмной станціи обнаружить не удалось.

Наши батареи сѣверо-восточнаго фронта очень удачно поражали осаждающія батареи противника и его расположение. Заредутная батарея, открывъ сильный огонь по полевой батарее, лѣвѣ горы Сиротка, заставила послѣднюю замолчать. Потушивъ эту батарею, Заредутная перенесла огонь на бивуакъ противника у деревни Вандзятунъ по бѣлѣвшимъ палаткамъ.

Совмѣстный сосредоточенный огонь батарей—Курганной, Заредутной, Мортирной и форта № 3 по редутамъ №№ 1 и 2 и ходу сообщенія между ними далъ отличные результаты: въ редутахъ разбиты блиндажи, изъ хода сообщеній выгнаны японцы.

Деревня Палиджуанъ, впереди Скалистаго редута, сожжена три дня тому назадъ, а оставшіяся стѣны разрушены вчера окончательно.

Сегодня японцы усилили бдительность.

Орудія у Скалистаго очень беспокоятъ противника. Вечерняя развѣдка редутовъ №№ 1 и 2 обнаружила слѣдующее: на редутѣ № 1 работаютъ около двухъ ротъ, выставившихъ часовыхъ и секреты. Снарядъ, влетѣвшій въ самую средину работавшихъ, заставилъ послѣднихъ разбѣжаться; во 2-мъ редутѣ тоже идетъ усиленная работа: ломаютъ навѣсь, вытаскиваютъ доски, переносятъ ихъ на редутъ № 1, а назадъ возвращаются по одиночкѣ, съ какой-то ношей.

По окончаніи развѣдки, по редутамъ открытъ былъ сильный артиллерійскій огонь.

Западный фронтъ.

22 августа. Ночь на линіи фронта прошла покойно.

Ночью японскія заставы придвигаются къ нашимъ постамъ.

Въ деревнѣ Чуйдіуэва стоятъ 6 полевыхъ и 6 осадныхъ орудій. Въ деревнѣ Пандеа живетъ генераль со штабомъ.

Около 12 часовъ пополудни наблюденіями капитана Стемниевскаго 1-го установлено, что въ направленіи отъ деревни Инчензы къ бухтѣ „го кораблей“ двигался обозъ, численностью около 200 двуколокъ.

Днемъ временное укрѣпленіе № 5 стрѣляло по японской пѣхотѣ и кавалеріи, показавшихся открыто въ деревнѣ Гоудзятунъ. Противникъ немедленно скрылся за дер. „Безъ названья“.

Въ 6 часовъ вечера японская рота, перебѣжавъ въ дер. „Безъ названья“, стала наступать на нашъ постъ.

Постъ открылъ сильный ружейный залповый огонь и, поддержанный подоспѣвшей заставой, отогналъ роту, заставивъ ее отступить въ ближайшую ложину. Непріятель оставилъ 2 убитыхъ и нѣсколько раненыхъ.

Въ 8 час. веч. въ направленіи фортовъ, на сѣверо-востокъ, между 6 и 9 госпиталемъ, стали появляться огневые сигналы, по которымъ противникъ открылъ орудійный огонь. Четыре снаряда разорвались на площади противъ дома Соловья, а одинъ разбилъ крышу 9 госпиталя.

CXXXIV

Сегодня проѣхалъ одинъ на атакованный фронтъ.

Когда мой Худобинъ узналъ, что мы ѣдемъ на сѣверо-восточный фронтъ, да еще одни—возмутился.

— И охота вамъ, Евгений Константиновичъ, къ чорту въ когти лѣзть.

Такъ я хорошо съ пожарными въ карты игралъ ¹⁾. А теперь, на-косъ!

— Ничего, Николай Терентіевичъ, мы живо объѣдемъ.

— Да, да—живо въ госпиталь попадемъ.

Пока не осѣдлалъ лошадей, все время бубнили.

— Себя не жалѣете, скотину бы пожалѣли.

— А о себѣ ты не заботишься?

— Я-то что? Мое дѣло служба. Приставили къ вамъ — значить и не того.

По дорогѣ заѣхалъ въ „катакомбы“.

Катакомбами артурцы назвали трубу для стока воды, проложенную у импани Краснаго Креста и имѣвшую въ діаметрѣ до 1 сажени. Сверху въ нѣсколько саженъ земля. Отличный, прочный блиндажъ, въ которомъ ютились болѣе робкіе артурцы во время бомбардировокъ. Многіе туда перебрались съ постелями и частью имущества.

На голомъ полу стояли рядами кровати. Помѣщеніе напоминало казарму.

Было тамъ и прохладно и довольно сухо.

Только во время дождя тамъ было неудобно.

Каналъ превращался въ быстро несущуюся горную рѣчку, забиравшую въ своемъ теченіи все, что не успѣли поставить на постели.

Если дождь шелъ сильнѣй, то всплывали и койки.

Зато въ часы бомбардировокъ—тамъ было безопасно.

Когда я подѣхалъ къ „катакомбамъ“, все населеніе высыпало на воздухъ, усыпавъ склоны оврага живописными группами оживлявшимися веселымъ щебетаніемъ дѣтишекъ.

Дымились самовары, горѣли костры съ треножниками надъ ними—готовились ужинать.

Вечеръ былъ тихій и ясный.

Городъ не бомбардировался.

Скоро добрались и до Утеса.

¹⁾ Я жилъ рядомъ съ пожарной командой.

Зашелъ въ блиндажъ.

Генералъ Надѣинъ, неизмѣнно покойный. Начальникъ его штаба—Степановъ, утомленный. Нѣсколько офицеровъ. Полковникъ Мехмандаровъ. Послѣдній съ увлеченіемъ вспоминалъ свой родной Кавказъ.

Поздоровавшись, онъ продолжалъ:

— Кавказъ очень хорошъ! Природа на все положила печать, съ ручательствомъ за доброкачественность. Но бѣда въ томъ—гдѣ нужно камня, его нѣтъ, гдѣ не нужно—тамъ тьма. Гдѣ нужно воды—ея нѣтъ, гдѣ въ ней нѣтъ никакой необходимости, ея море.

А исламъ? Все хорошее онъ въ будущей жизни даетъ. Все хорошо, только намъ обѣщано въ раю семь гурій, и что же вы думаете? Всѣ онъ съ круглыми глазами. Ну, не досада ли?

А знаете, я теперь ничего не хочу—ни раю ни гурій. Я хочу только немного отдыха.

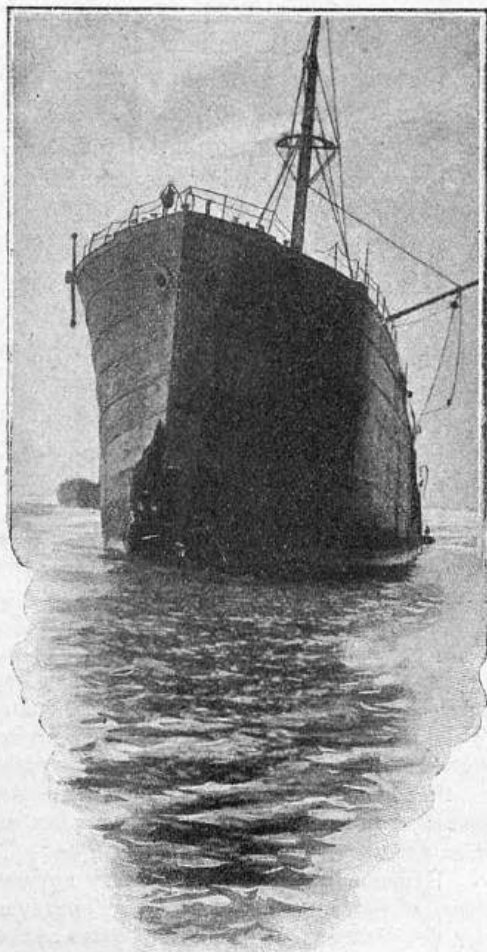
Дѣйствительно, кругомъ все время рвутся снаряды. Два разорвались на крышѣ блиндажа.

Остальные, перелетая, рвутся въ лощинѣ.

Кругомъ работаютъ стрѣлки, столько же обращая вниманія на снаряды, какъ на мухъ.

Пришелъ полковникъ Стольниковъ—тянется передъ генераломъ, докладывая:

— Тамъ, за Орлинымъ Гнѣздомъ, ваше превосходительство, не дають показаться, на выборъ бьютъ. Я приказалъ сво-

Брандеръ подъ Золотой горой.

имъ артиллеристамъ пострѣлять. Нельзя ихъ безнаказанными оставлять.

— Пострѣляйте, пострѣляйте — спокойно соглашался убѣленный сѣдинами, почтенный давними годами генераль Надѣинъ. Я внимательно наблюдалъ за всѣми.

Каждый изъ нихъ не увѣренъ въ слѣдующемъ часѣ, слѣдующей минутѣ. Снарядъ не разбираетъ: старость ли глубокая, молодость ли кипучая—ему все равно. Шипѣніе, ударъ, мгновеніе—взрывъ, и все кончено.

Это не Севастополь!

Бомбы не зальешь, не засыплешь!

Наблюдалъ и диву давался.

Вѣдь это не день, не два, а недѣли, мѣсяцы долгіе.

Шумятъ, смѣются, трунятъ другъ надъ другомъ, японцами...

— Ваше превосходительство, ѣдемъ? спросилъ Степановъ.

— Да, да, конечно, нужно произвести вечерній объѣздъ. Быстро засѣдлали лошадей.

23-е августа. Восточный фронтъ.

23 августа. Ночь прошла покойно.

Въ боевой обстановкѣ на линіи фронта переменъ не произошло.

Въ 8 часовъ утра въ долину за Угловой горой показался эскадронъ кавалеріи. Батареи на Длинной горѣ немедленно открыли огонь.

Снаряды начали ложиться настолько хорошо, что эскадронъ моментально разсѣялся.

Въ 11 часовъ утра японцы начали передвигаться группами въ 30—40 человекъ впереди Волчьихъ горъ съ западнаго фронта на восточный.

Японцы пошли тихой сапой и окружили Водопроводный редутъ со всѣхъ сторонъ окопами, доходящими въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 300 шаговъ.

Работы идутъ и днемъ, при чемъ японцы настолько умѣло прикрываются, что видны только взмахи кирокъ и лопатъ, а сами остаются неуязвимыми для ружейнаго огня.

Ближайшія батареи, открывая временами огонь фугасными бомбами, мѣшаютъ производимымъ работамъ, разрушая окопы.

Въ 5 часовъ вечера опять было замѣчено съ Зубчатой батареи передвиженіе японцевъ на нашъ правый флангъ.

Въ 11 часовъ утра изъ редута № 1 вышелъ японецъ съ двумя ящиками на виду у всѣхъ, спокойно направился къ Китайскому валу, занятому нашими стрѣлками.

Изъ открытаго капонира открыли по немъ огонь.

Японецъ продолжалъ быстро подвигаться впередъ, не обращая вниманія на свистѣвшія вокругъ пули.

Ружейный огонь увеличился.

Наконецъ японецъ не выдержалъ—былъ ли онъ раненъ, или нѣтъ, но остановился, бросилъ ящики и пустился бѣгомъ назадъ. Добѣжавъ до долины, упалъ, какъ подкошенный, и болѣе не поднимался.

За оставленными ящиками отправились нѣсколько охотниковъ, которые имъ удалось благополучно доставить въ расположеніе 12 роты. Въ одномъ изъ ящиковъ оказался запаль съ капсюлемъ, а къ другому были привязаны два Бикфордова шнура.

Бывшій при раскупориваніи ящиковъ саперный офицеръ Дебагорій—Мокріевичъ констатировалъ, что въ нихъ оказался лиддитъ, прессованный въ небольшіе куски, завернутые въ восковую бумагу. Ящикъ изъ сосновыхъ досокъ, шириной въ 4 вершка и длиной въ 6 вершковъ.

Вечеръ на фронтѣ прошелъ покойно.

24 августа. Ночь прошла безъ переменъ въ боевой обстановкѣ.

Въ 8 часовъ утра съ Зубчатой батареей замѣтили, что у деревни Мухаудзи кавалерійскій полкъ производитъ ученіе.

Западный фронтъ.

23 августа. Ночь на фронтѣ прошла покойно.

Въ расположеніи передовыхъ частей на западномъ фронтѣ безъ переменъ.

Въ 3 часа пополудни непріятель открылъ орудіиный огонь изъ трехъ пушекъ по нашему расположенію на Высокой горѣ.

Фортъ № 5 немедленно потушилъ батарею противника.

Укрѣпленіе № 4 начало обстрѣливать Сѣдловую гору, гдѣ засѣли японскіе стрѣлки, открывъ бѣглый ружейный огонь по нашимъ окопамъ.

Снаряды быстро очистили окопы отъ японцевъ, которые послѣ нѣсколькихъ удачныхъ попаданій разбѣжались. Когда фортъ № 5 заставилъ замолчать непріятельскую батарею, по ней открыла огонь батарея на Высокой горѣ 6-ти дюймовыми бомбами. Стрѣльба была очень удачна: орудія подбиты, брустверъ разрушенъ.

Въ районѣ деревень Синдятунъ, Тянзятунъ и Ханцятунъ движеніе противника усилилось.

Около 9 часовъ вечера наши заставы, выставленныя для наблюденія за юго-западнымъ склономъ Высокой горы и тыломъ Сѣдловой, донесли капитану Стемпневскому 1-му, что по нимъ въ 6 ч. вечера непріятель открылъ орудіиный огонь, заставивъ отойти немного назадъ. Японцы, воспользовавшись отходомъ, заняли окопы на предгорьяхъ Высокой горы.

Получивъ это донесеніе, капитанъ Стемпневскій немедленно вызвалъ охотниковъ и предложилъ офицерамъ сдѣлать вылазку для захвата окоповъ.

Въ 10 час. 45 м. вечера 27 охотниковъ, подъ начальствомъ прапорщика Алаыкина, подкрѣпленные 30 стрѣлками изъ заставы, имѣя въ резервѣ столько же, и по плану, предложенному капитаномъ Стемпневскимъ, съ двухъ сторонъ ползли къ окопамъ, занятымъ противникомъ.

Японцы, замѣтивъ нашихъ смѣльчаковъ, безъ выстрѣла очистили занятые ими позиціи.

Послѣ удачной вылазки, безъ мѣры напугавшей японцевъ, ночь на горахъ Высокой и Длинной прошла покойно.

Вечеромъ укрѣпленіе № 4 и Саперная батарея обстрѣляли Мертвую гору, гдѣ, по донесенію капитана Москвина, замѣчено было значительное скопленіе японцевъ, и доносился шумъ производимыхъ работъ.

Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ выстрѣловъ—противникъ совершенно очистилъ Мертвую гору.

24 августа. Въ расположеніи передовыхъ частей западнаго фронта безъ перемѣнъ.

Японскіе посты на старой линіи. Ночью была небольшая перестрѣлка между нашимъ дозоромъ и непріятельскими развѣдчиками, которые подкрались къ нашимъ постамъ.

Въ то часовъ утра съ Высокой горы было замѣчено, что въ бухту „го кораблей“ идетъ бѣлый пароходъ.

Морской раіонъ.

Изъ Ляотѣшаня въ 3 часа дня 24 августа сообщаютъ, что на горизонтѣ, вправо отъ острововъ Мяотао, видно 5 судовъ, изъ нихъ одно накренилось.

Извозчики привезли раненыхъ.

Его буксируютъ два парохода, и конвоируютъ два военныхъ крейсера 2-го класса. Позднѣе тамъ же былъ замѣченъ вновь взрывъ.

Свѣдѣніе отъ китайцевъ.

Прибыль 24 августа развѣдчикъ китаецъ Ліумин-ши.

Выѣхавъ 18 августа изъ Голубиной и высадившись въ Тоза, выяснилъ:

Въ деревнѣ Тоза постъ японцевъ въ 12 чел. Въ Санд-зейза живутъ въ фанзахъ 80 кавалеристовъ. Въ Ваныдвяндынъ около 1000 солдатъ, тамъ же 20 полевыхъ орудій, которыя не стрѣляли, ибо наши батареи мѣшаютъ ихъ ставить. Въ деревнѣ Вандзятунъ 200 кавалеристовъ, Шидзейза—150 кавалеристовъ. Подъ горой Юдяюрръ (Юдоосанъ) стоятъ 4 большихъ орудія: 19 августа наши батареи стрѣляли по нимъ, но все были перелеты. Изъ Дальняго два раза въ день подвозятъ по ж. дор. (по 14 вагоновъ) въ Чан-

слинзды консервы, соленую зелень, сладкій картофель, дрова, солому, ячмень.

Японцы передавали китайцамъ, что у нихъ за недѣлю выбыло подъ П.-Артуромъ 30,000; теперь наступать они не могутъ, т. к. осталось мало людей, и они боятся. Англичане очень недовольны, что японцы не взяли до сихъ поръ Артура. Солдаты не хотятъ воевать, многіе начальники уѣхали въ Дальній и, говорятъ, поѣдутъ потомъ въ Японію. Черезъ пять дней придетъ подкрѣпленіе.

Одна изъ телефонограммъ генерала Кондратенко на имя коменданта крѣпости о бездѣтельности инженеровъ.

23 августа 1904 г., 8 ч. 35 м. утра, съ батареи лит. Б.

Копія.

Доношу, что на участкѣ инженера Бармина Китайская стѣна между лит. Б и Куропаткинскимъ люнетомъ совершенно не приспособлена къ оборонѣ. Блиндажей не имѣется, бойницы не годны. Прошу ваше превосходительство о понужденіи капитана Бармина къ рапортѣ или о смѣнѣ его другимъ, болѣе дѣтельнымъ инженеромъ, т. к. указанный участокъ наиболѣе опасный на всемъ фронтѣ.

Генераль Кондратенко.

О дѣтельности портъ-артурской полиціи.

Помѣщаемый ниже officialный документъ въ полной мѣрѣ освѣщаетъ дѣтельность и поведеніе чиновъ городской полиціи. Полицмейстеръ Тауцъ со времени воздвигнутаго на полковника Вершинина гоненія со стороны Стесселя—мало считался съ гражданскимъ губернаторомъ. Его можно было только припугнуть либо Стесселемъ, либо Смирновымъ.

Его высокоблагородію, господину полицеймейстеру
гор. Портъ-Артура.

Сообщаю вашему высокоблагородію, что чины вѣрнной вамъ полиціи, поселившіеся, согласно разрѣшенія господина гражданского комиссара, основаннаго на вашемъ ходатайствѣ, въ зданіи Пушкинскаго училища, — вечеромъ 22-го и большую часть ночи на 23-е августа устроили въ занимаемомъ ими помѣщеніи Пушкинскаго училища попойку (безобразную оргію), съ пѣніемъ, музыкой, пляской, гикомъ, визгомъ и крикомъ.

Я, въ лицѣ завѣдующей Пушкинскимъ училищемъ, не могу допустить, чтобы въ зданіи, предназначенномъ для цѣлей просвѣщенія, въ зданіи, которое уже 5 лѣтъ посѣщалось дѣтьми, а въ послѣднее время подъ кровомъ котораго находили себѣ пріютъ раненые и умирающіе защитники Артура, стало сборищемъ пьянствующей компаніи, компаніи, члены которой состоятъ на службѣ городской полиціи—призванной общегосударственными законами къ борьбѣ съ общественной безнравственностью, а въ нынѣшнее тяжелое время тѣсной блокады Артура, приказами генераль-лейтенанта Смирнова, къ особенно интенсивной борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ.

Не находя никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ въ поведеніи вѣрренныхъ вамъ чиновъ полиціи, поселившихся въ Пушкинскомъ училищѣ, я вынуждена буду обратиться къ придерживающей власти объ освобожденіи вѣрреннаго мнѣ зданія отъ безобразій и своеволія артурской полиціи.

Завѣдующая училищемъ М. Савельева.

Съ возвращеніемъ сего Г. Завѣдывающей Пушкинскимъ городскимъ 2 класснымъ училищемъ, полицейское управленіе увѣдомляетъ, что г. полиціймейстеръ наложилъ слѣдующую резолюцію. „По приказанію Его Превосходительства Генерала Стесселя, сегодня же команда переведена изъ школы; пьянства тамъ никогда не было это выдумка прошу больше никогда не беспокоить“. 26 августа 1904 года.

Помощникъ полиціймейстера

Штабсъ-Капитанъ Капшуковъ.

Дѣлопроизводитель N. N.

Нужно замѣтить, что m-lle Савельева отличалась особенной энергіей въ борьбѣ не только съ полиціей, но и со всѣми начальствующими лицами. Единственно передъ кѣмъ она склоняла голову, это передъ величіемъ генераль-адъютанта Стесселя, сдавшего Артуръ японцамъ. Она была послѣдней русской подданной, выѣхавшей изъ Артура, ухитрившись прожить въ немъ до мая мѣсяца 1905 г. Уѣхала она лишь тогда только, когда, при помощи и покровительствѣ японцевъ, съ которыми жила душа въ душу, съ полнымъ успѣхомъ ликвидировала всѣ свои дѣла. Одною изъ характерныхъ чертъ этой выдающейся по своей энергіи женщины была способность удивительно умѣло приспособливаться къ обстоятельствамъ и не пренебрегать въ цѣляхъ достиженія разъ намѣченной цѣли никакими средствами.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

23 августа.

„...Офицеры и солдаты на позиціяхъ тоже извелись и только хотѣли бы скорѣе какого-нибудь конца, — но только опредѣленнаго.“

Положеніе становится съ каждымъ днемъ потому тяжелѣй, что каждый изъ защитниковъ понималъ, что ожидать помощи съ сѣвера въ ближайшемъ будущемъ нѣтъ никакихъ основаній.

Противникъ все туже и туже стягивалъ желѣзное кольцо своихъ батарей.

Подвозъ продуктовъ съ каждымъ днемъ уменьшался.

Уже въ августѣ чувствовался недостатокъ въ зелени и овощахъ.

О фруктахъ мы и думать забыли.

Но это былъ лишь первый приступъ легкаго отчаянія.

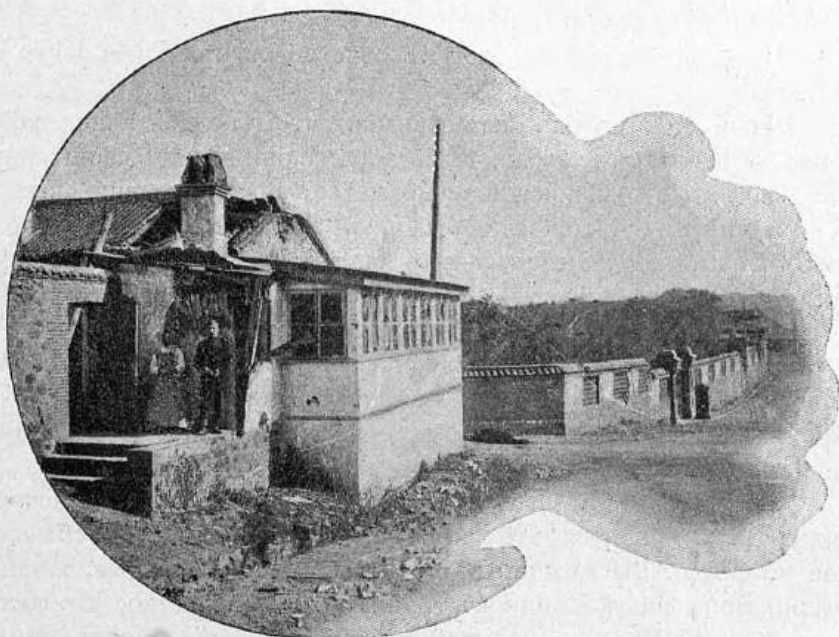
Чѣмъ туже, чѣмъ тяжелѣй жилось, тѣмъ призрачныя надежды росли, лаская насъ скорымъ концомъ тяжелаго испытанія.

Хотя мнѣ неоднократно приходилось слышать, въ особенности отъ дамъ:

— Помилуйте, да вѣдь это безчеловѣчно!

Вѣдь этакъ можно съ ума сойти.

Каждый день, почти каждый день бомбардировка. Снаряды рвутся всюду и вездѣ. Ни днемъ ни ночью нѣтъ покоя. Мы,

Домъ полицмейстера.

здоровые, извелись—что же должны переживать несчастные больные, живущіе подъ ежеминутнымъ опасеніемъ новыхъ раненій, новыхъ страданій, а то и смерти?

Посмотрите, что дѣлается съ несчастными, когда начинается бомбардировка города.

О Боже мой, Боже мой, какъ все это жестоко, какъ все это дико!

Вѣдь это не люди, не люди, а звѣри осаждаютъ городъ!

Они не имѣютъ права бомбардировать госпиталя!

Они пользуются правами сильнаго и творятъ свою волю!

Они знаютъ, чѣмъ насъ довести, они добиваютъ нашихъ раненыхъ.

Вотъ ужъ мѣсяцъ скоро, какъ мы забыли, что такое безопасность.

Нѣтъ, довольно! Все равно, японцы возьмутъ городъ. За чѣмъ же напрасно томить несчастныхъ раненыхъ?

Вѣдь это непростительная жестокость.

Я увѣрена, что весь міръ, вся Россія хочетъ конца этой бойни.

Я увѣрена, что, если мы сдадимся, насъ ожидаетъ не позоръ, а триумфъ. Подумайте, цѣлый мѣсяцъ ни минуты покоя. Вѣдь это одно уже подвигъ!!

Прошло уже время, когда можно было поражать міръ геройствомъ.

Люди стали умнѣй. Разъ сознаешь, что ты слабѣй, и сдавайся. Чѣмъ образованнѣе люди, тѣмъ дороже они цѣнятъ свою жизнь.

Зачѣмъ это непонятное упрямство? Все проиграно, все.

Я увѣрена, что, если бы міръ зналъ хотя сотую долю того, что мы переживаемъ,—онъ заступился бы за насъ и прекратилъ бы эту бойню.

Въ погонѣ за славой—вонъ тамъ упорствуютъ...

Я всегда безмолвно выслушивалъ эти долгіе, страстные монологи и думалъ: Стессель, Стессель, зачѣмъ ты оставилъ въ Артурѣ Вѣру Алексѣевну, а съ ней великое множество ненужнаго и вреднаго элемента?

— Вы со мной не согласны? Я вѣдь всего васъ насквозь вижу. Вамъ нравится это упорство, глупое, дикое, бессмысленное упорство. Вы мужчины—еще дикари, кровожадные, хищные звѣри. Вонъ вашъ Смирновъ трунить еще:—Отлично, что госпитали обстрѣливаются, по крайней мѣрѣ меньше будетъ мнимобольныхъ.

Ему нужна кровь, раны въ аршинъ шириною,—тогда это только дѣйствительно больной. А нервовъ онъ не признаетъ? А?

Онъ не знаетъ, что отъ испугу можно заболѣть. Если онъ останется живъ, его увѣшаютъ крестами съ ногъ до головы, а убитымъ и искалѣченнымъ что будетъ? Его обезпечать! А калѣкъ пустять по міру! Ничего. Мы дамы, но мы сильнѣй васъ. Мы не допустимъ кровопролитія. Благо, что главный-то нашъ не холостъ, не бобыль. Его жена убережетъ отъ глупости.

Вы вашему Смирнову расскажите, какъ Х. послѣ первой бомбардировки чуть съ ума не сошелъ. Спрятался къ себѣ и на всѣхъ входившихъ псомъ рычалъ...

Отъ этого испытанія меня всегда выручала начинающаяся бомбардировка.

Не скрою, что подобнаго рода разговоры разговаривали не только барыни, но къ стыду говорившихъ, и мужчины.

Начиналась бомбардировка.

Гудѣли повсюду взрывы, а въ мозгу словно молоточкомъ выстукивало:

— Стессель, Стессель, на гибель свою оставилъ ты въ Артурѣ Вѣру Алексѣевну, а съ ней великое множество ненужнаго и вреднаго элемента!

24-ое августа. Выѣздъ коменданта на атакованный фронтъ.

24 августа, въ 8 часовъ утра, комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ Смирновъ, въ сопровожденіи и. д. комендантскаго штабъ-офицера шт.-капитана **Вадяги** и адъютанта поручика Гаммера, направился въ передовую боевую линію для осмотра восточнаго фронта. Обѣздъ былъ тяжелый и крайне опасный.

Окончивъ осмотръ заканчиваемыхъ работъ, производимыхъ подъ шрапнельнымъ огнемъ, ген.-лейт. Смирновъ въ 11 часовъ пополудни уѣхалъ домой.

Восточный фронтъ.

24 августа. Впереди батареи лит. Б, по линіи черезъ деревню Вандзятунъ къ оврагу у лит. А, противникъ продолжаетъ энергично вести окопы.

Какъ только полевая артиллерія откроетъ огонь, — работы прекращаются.

Систематическія ночныя развѣдки и наблюденія, производимыя днемъ, устанавливаютъ, что работа и охрана редутовъ №№ 1 и 2 производятся круглыя сутки.

Въ 9 часовъ вечера на высшей точкѣ Волчьихъ горъ шла продолжительная сигнализациа бѣлыми и красными фонарями.

Въ 8½ час. вечера вызвавшіеся охотники, согласно приказанію командира 26 полка флигель-адъютанта полковника Семенова, отправились изъ Водопроводнаго редута на вылазку противъ окружавшихъ редутъ непріятельскихъ окоповъ.

Какъ только окончательно стемнѣло, охотники, спустившись внизъ, поползли во флангъ ближайшаго японскаго окопа.

Незамѣтно, какъ кошки, подкрались, безшумно, какъ по командѣ, сняли 5 часовыхъ и поползли дальше, но нарвались на протянутую проволоку съ колокольчиками, притаились, но уже было поздно—японцы всполошились.

Обнаруживъ себя, охотники не дали опомниться противнику и бросились въ штыки, а затѣмъ, опрокинувъ, открыли огонь продольно окопамъ.

Японцы не выдержали неожиданнаго смѣлаго удара—въ безпорядкѣ побѣжали во вторую линію окоповъ, открывъ изъ нихъ сильный, но безпорядочный ружейный огонь.

Вылазка проведена настолько удачно, а послѣдній натискъ былъ столь стремителенъ, что японцы и не подумали преслѣдовать нашихъ, провожая ихъ лишь сильнымъ, но безпорядочнымъ огнемъ. Загнавъ непріятеля во вторую линію окоповъ, охотники, совершенно разрушив оставленный окопъ (окопъ японцевъ вверху узкій, а внутри въ видѣ грота), отошли назадъ.

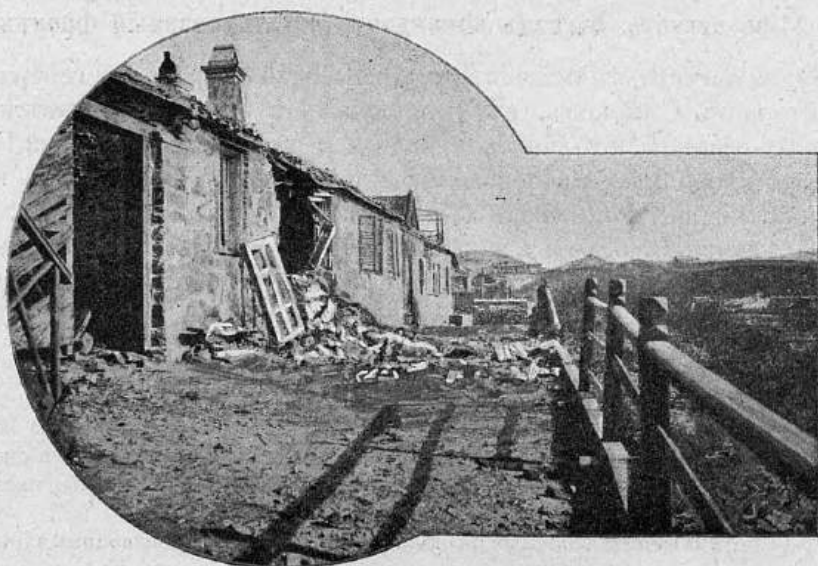
Потерь съ нашей стороны не было никакихъ.

Разрушая окопъ, охотники сосчитали 46 убитыхъ.

Въ составъ команды, произведшей выдающуюся по храбрости и умѣнью вылазку, вошли стрѣлки 26-го, 10-го и 15-го полковъ и пограничники.

По окончаніи вылазки, на участкѣ противъ Водопроводнаго редута до полуночи царилъ тишина.

Въ 12 часовъ ночи японцы, замѣтивъ, что впереди Водопроводнаго

Послѣ бомбардировки.

редута нами производятся работы, въ количествѣ болѣе 2 ротъ неожиданно перешли въ наступленіе, но были отбиты съ громаднымъ урономъ.

25 августа. Послѣ отбитаго штурма Водопроводнаго редута — ночь на линіи восточнаго фронта прошла безъ перемѣнъ.

Западный фронтъ.

24 августа. Въ 12 часовъ дня въ бухту Луизы вошелъ большой коммерческій пароходъ и спустилъ три шлюпки. Черезъ нѣсколько времени подошли еще два судна.

Въ 2 часа дня отъ бухты „Ю кораблей“ къ бухтѣ Луиза потянулся длинный обозъ. Высокая гора открыла по немъ непрерывный огонь.

До вечера въ расположеніи передовыхъ частей западнаго фронта перемѣнъ не произошло. Весь день японцы рѣдкимъ ружейнымъ огнемъ

обстрѣливали наши посты, но за дальностью разстоянія нельзя разобрать, какой вред наносить отвѣтный огонь.

25 августа. Ночь въ боевой обстановкѣ западнаго фронта прошла безъ перемѣнъ.

Ночью восточнѣе деревни Хоудзятунъ около 2 ротъ японцевъ рыли окопы.

У деревни Сюдятенъ наблюдалось движеніе непріятельской пѣхоты.

Морской раіонъ.

Въ 9 часовъ вечера въ лучѣ Электрическаго утеса въ разстояніи 22 кабельтовыхъ показались два миноносца, а въ 11 часовъ прожекторъ утеса обнаружилъ 1 миноносецъ въ 18 кабельтовыхъ.

Уборка труповъ.

Въ ночь на 24 августа подъ Орлинымъ Гнѣздомъ и Куропаткинскимъ люнетомъ убрано 600 труповъ; контуженъ ун.-оф. Калининъ, рацены 2 китайца.

Приказы генераль-адъютанта Стесселя 24-го августа.

Приказы

по войскамъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона.

Августа, 24 дня, 1904 г., кр. П.-Артуръ.

№ 572.

Сего 23 числа я имѣлъ высокое счастье получить слѣдующую телеграмму:

Ляоянь, 15 августа. П.-Артуръ, генераль-адъютанту Стесселю.

Мною получена отъ Государя Императора депеша слѣдующаго содержанія:

Командующему Маньчжурской арміей, для передачи въ Портъ-Артуръ генераль-адъютанту Стесселю.

Въ воздаяніе доблести и мужеству портъ-артурскаго гарнизона, Я повелѣлъ считать службу всѣхъ чиновъ военнаго и морского вѣдомствъ, защищающихъ Портъ-Артуръ, по разсчету мѣсяцъ за годъ, начиная съ 1-го мая до конца осады.

Васъ жалую кавалеромъ ордена Георгія третьей степени и ожидаю вашихъ представленій о награжденіи всѣхъ отличившихся въ бою.

Николай.

Генераль-адъютантъ Стессель.

Сего 23 числа я имѣлъ высокое счастье получить слѣдующія телеграммы:

Портъ-Артуръ. Генераль-адъютанту Стесселю.

14 августа я имѣлъ счастье получить слѣдующую Высочайшую телеграмму:

Въ воздаяніе доблести и мужеству портъ-артурскаго гарнизона, Я повелѣлъ считать службу всѣхъ чиновъ военнаго и морского вѣдомствъ, защищающихъ Портъ-Артуръ, по разсчету мѣсяцъ за годъ, начиная съ 1-го мая до конца осады. Генераль-адъютанта Стесселя жалую кавалеромъ

ордена Георгія 3 степени. Ожидаю отъ него представленій о награжденіи всѣхъ отличившихся въ бояхъ.

Сообщая объ изложенномъ, сердечно поздравляю васъ и славныхъ защитниковъ крѣпости съ высокой Монаршей милостью и предлагаю телеграфировать непосредственно мнѣ фамиліи отличившихся, и къ какимъ наградамъ представляются.

Генераль-адъютантъ Алексѣевъ.

Счастливъ поздравить васъ кавалеромъ ордена Святого Георгія третьей степени и передать вамъ и всѣмъ доблестнымъ защитникамъ славнаго артурскаго гарнизона чрезвычайную Монаршую милость, оказанную Державнымъ вождемъ Русской арміи. Поздравляю васъ и гарнизонъ съ дарованной Высочайшей милостью и прошу поспѣшить съ дополнителнымъ представленіемъ къ наградамъ всѣхъ отличившихся Его Императорскому Величеству.

Генераль-адъютантъ Куропаткинъ.

Великая Царская милость—повелѣніе считать мѣсяцъ за годъ службы—послана намъ Господомъ Богомъ. Онъ, Владыка, молитвами Царя и Россіи подкрѣпляетъ насъ и направляетъ руку нашу къ одолженію невѣрныхъ враговъ Святой Россіи. Помолимся, братцы, Всевышнему Творцу, вознесемъ свои благодаренія за Батюшку Царя, Царицу, Наслѣдника Родины и за ту великую Царскую милость, которая ниспослана намъ и, подкрѣпляя насъ, ведетъ къ гибели супостата. Слава начальникамъ, слава войскамъ, утѣшившимъ Царя и родину! Ура!

Молебствіе будетъ назначено.

№ 573.

26-го сего августа, въ 7^{1/2} часовъ утра, на площади казармъ 10-го в.-с. стрѣлковаго полка отслужить молебствіе Господу Богу, по случаю великой Царской милости войскамъ.

Быть всѣмъ, кому возможно; отъ войскъ по сборной 48 рядовъ, по назначенію начальниковъ дивизій и командира квантунской крѣпостной артиллеріи, и 24 ряда отъ квантунскаго экипажа.

Парадомъ командовать 25-го в.-с. стрѣлковаго полка подполковнику Обручеву.

Музыка отъ 14-го в.-с. стрѣлковаго полка. Если будетъ бой, то парадъ отменяется.

Начальникъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона,

генераль-адъютантъ Стессель.

Телеграмма намѣстника и назначеніе адмирала Лощинскаго и капитана I ранга Вирена и о прорывѣ судовъ во Владивостокъ.

Сегодня получена сдѣдующая телеграмма намѣстника:

„Князю Ухтомскому слать командованіе отрядомъ броненосцевъ и крейсеровъ капитану I ранга *Вирену*, а послѣднему, по исправленіи судовъ, стараться прорваться во Владивостокъ.

Контръ-адмиралъ *Лощинскій* назначается завѣдующимъ морской и минной обороной“.

Собраніе флагмановъ и командировъ, обсудивъ вопросъ о прорывѣ эскадры, пришло къ вполнѣ правильному рѣшенію: въ виду неисправности судовъ, недостатка снарядовъ и команды, при обстоятельствахъ, вдвое худшихъ, чѣмъ обстоятельства, сопровождавшія походъ эскадры 28 іюля, — выполнить прорывъ судовъ во Владивостокъ не представляется возможнымъ.

Брешь отъ одиннадцатидюймоваго снаряда.

Дѣйствительно, эскадра, совершенно обезсиленная передачей своей артиллеріи на сухопутный фронтъ, въ значительной степени ослабленная августовскими штурмами какъ въ личномъ, такъ и въ командномъ составѣ, не имѣющая возможности войти въ докъ для починки подводныхъ частей, обладающая неравной скоростью въ ходѣ, — не имѣла абсолютно никакихъ шансовъ на успѣхъ похода.

Походъ этотъ безусловно погубилъ бы всѣ суда, т. к. противникъ за цѣлый мѣсяцъ успѣлъ починиться и отдохнуть. Встрѣча въ открытомъ морѣ съ вдвое сильнѣйшимъ, свѣжимъ и преобладающимъ въ ходѣ противникомъ, имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи огромное количество миноносцевъ, — окончилась бы полнымъ разгромомъ эскадры, а Артуръ остался бы безъ сна-

рядовъ и нѣсколькихъ тысячъ защитниковъ, успѣвшихъ уже доказать свой героизмъ, отвагу и презрѣніе къ смерти.

Какъ назначеніе **Вирена**, такъ и назначеніе **Лощинскаго** привѣтствовалось всѣми.

Какъ первый, такъ и второй въ теченіе всей кампаніи (первый въ дѣлахъ „Баяна“, второй въ дѣлѣ охраны береговъ и минированіи бухтъ) явились самыми выдающимися, какъ по энергіи, храбрости, такъ и дѣеспособности, старшими морскими начальниками.

Сегодня, несмотря на довольно сильное недомоганіе, Смирновъ выѣхалъ на вновь оборудываемую третью линію артиллерійской обороны, на которой устанавливались орудія съ броненосцевъ и крейсеровъ.

Эта новая линія шла отъ сѣверной части городской ограды на Каменоломенный кряжъ, Отрожную гору и Большую гору.

Работы по всей линіи кипѣли. Разрабатывались дороги, рыли, кололи, взрывали, подвозили лѣсъ...

— Эхъ, и молодцы же эти матросы! Любо, дорого смотрѣть, какъ они работаютъ!

Здорово, друзья! Здорово, родные! то и дѣло привѣтствовалъ работавшихъ комендантъ.

— Молодцы, молодцы моряки, стрѣлкамъ не уступать. Смотри у меня!

Противникъ замѣтилъ производимыя работы и поэтому всю площадь держалъ въ шрапнельномъ огнѣ.

Работы шли безостановочно, съ лихорадочной поспѣшностью.

На шрапнель никто не обращалъ вниманія—раненыхъ еще не было.

— Какъ только выведу эту линію—я буду совершенно покоенъ.

— А японцы-то затихли?

— Китайцы доносятъ, что они что-то замышляютъ на западномъ...

— Дѣйствительно, они сильнѣй зашевелились тамъ.

— Ну, за тотъ-то фронтъ я спокоенъ.

— Ваше превосходительство, они, вѣрно, будутъ штурмовать Высокую гору? спросилъ Гаммеръ.

— По всему вѣроятію, да.

Но у нихъ еще очень мала артиллерія для атаки этой горы.

А поведутъ, поведутъ, непременно поведутъ. Всѣ данныя къ тому.

Обойдя пѣшкомъ всю третью линію, комендантъ, совершенно уже измученный, отдавъ послѣднія распоряженія по установкѣ орудій, потребовалъ лошадей.

Мы быстро приближались къ городу. Подъѣзжая къ дому „раіона“, встрѣтили Стесселя.

— Нууу, такъ и есть—гдѣ военнаго корреспондента увидишь, тутъ и коменданта ищи, ха, ха, ха—грубо привѣтствовалъ насъ новый генераль-адъютантъ и кавалеръ...

Смирновъ, поздоровавшись, ничего не отвѣтилъ.

Грубость Стесселя была слѣдствіемъ новой, незаслуженно полученной, Высочайшей награды.

Стессель умышленно оскорблялъ Смирнова.

Какъ долженъ былъ поступить Смирновъ?

Полковникъ Артёмевъ, прекрасно понимая, что пожалованіе Стесселя генераль-адъютантомъ вызвано было той безсовѣстной ложью, которою онъ, какъ паукъ, опуталъ Государя, рѣшилъ писать исключительно о дѣятельности коменданта крѣпости генераль-лейтенанта Смирнова, совершенно игнорируя имя Стесселя, въ предположеніи, что „Новый Край“, попадая въ Чифу, раскроетъ рано или поздно истину. (Писать же что-нибудь о Стесселѣ—противорѣчить истинѣ).

Приблизительно въ это время получились съ прибывшей изъ Чифу шаландой газеты, между прочимъ № Ostasiatischer Loyd.

Въ номерѣ этомъ, очень подробно распространявшемся объ Артурѣ, между прочимъ говорилось:

„... Душа и сердце обороны Артура—это не прославленный на весь міръ Стессель, а комендантъ Артура, генераль-лейтенантъ Смирновъ...“

Злосчастный № этотъ попалъ сначала къ Фоку, а затѣмъ, подчеркнутый краснымъ карандашемъ, былъ преподнесенъ генераль-адъютанту въ переводѣ и при соотвѣствующихъ, конечно, комментаріяхъ по поводу этой статьи.

Генераль-адъютантъ понялъ, что виною всему „Новый Край“, цѣлый уже мѣсяцъ подробно описывающій выѣзды и работу Смирнова какъ на всемъ, такъ и на атакованномъ фронтѣ...

Онъ понялъ, что „Новый Край“, попадая въ Чифу, непременно будетъ опровергать своимъ правдивымъ повѣствованіемъ всѣ хвалебные гимны, составляемые на англійскомъ языкѣ поручикомъ Малченко и полковникомъ Рейсъ и періодически отправляемые въ Шанхай съ благословенія ихъ начальника.

Онъ понялъ, что этой крамольной газетѣ, подрывающей его авторитетъ артурскаго колосса, нужно зажать ротъ.

Въ лицѣ своего друга и пріятеля генерала Никитина, специализировавшагося исключительно на чрезмѣрномъ употребленіи алкоголя, юродствованіи подъ впечатлѣніемъ Бахуса и собираніи всевозможныхъ гарнизонныхъ сплетенъ, — генераль-адъютантъ нашелъ дѣятельнаго и талантливаго со-
вѣтника.

На фортѣ первомъ.

Къ нимъ не преминулъ присоединиться Фокъ, приласкался и Рейсъ.

Друзья и Бертрамъ рѣшили дѣйствовать. Ждали лишь удобнаго случая. Новая телеграмма отъ Государя была какъ нельзя кстати: она развязала имъ окончательно руки.

Не успѣли мы оправиться отъ неожиданнаго удара, гораздо болѣе тяжелаго, чѣмъ всѣ предшествовавшія бомбардировки; не успѣли мы освоиться, привыкнуть къ мысли, что Стессель, Стессель генераль-адъютантъ, въ душѣ тая слабую надежду, что, можетъ быть, это ошибка, — какъ раздался второй ударъ.

Стессель награжденъ Георгіемъ 3-ей степени!!

Стессель, оказывается, герой!

Нашъ Стессель герой!?

Какъ пало въ нашихъ глазахъ значеніе Георгіевскаго креста!

Жутко становилось при сознаніи, что тамъ, далеко, въ родной Россіи, обманутъ Государь, миллионы обмануты.

Милліоны привѣтствуютъ новаго Георгіевскаго кавалера за дѣло людей, имена которыхъ еще никому неизвѣстны, но которыя уже теперь достояніе исторіи.

Мы, переживавшіе всѣ ужасы бомбардировокъ, свидѣтели страшныхъ страданій мучениковъ долга, съ самаго начала войны на каждомъ шагу глубоко возмущавшіеся дѣлами и поступками Стесселя—должны были покорно смотрѣть, какъ человѣкъ, обманувшій и обманывающій весь міръ, парадировать передъ нами въ тогѣ народнаго героя.

Это было выше силъ человѣческихъ. Разсудокъ готовъ былъ помутиться.

Артуръ негодовалъ.

Артуръ волновался.

Артуръ къ 4 часамъ пополудни опять потянулся покорной толпой къ ступенямъ генераль-адъютантскаго дома.

Коляска за коляской подкатывали къ крыльцу. Фигура за фигурой то входили, то выходили изъ дома Стесселя.

Всѣ спѣшили принести свои „искреннія привѣтствія“.

Въ домѣ стоитъ шумъ.

Генераль привѣтливо жметъ всѣмъ руки. Онъ счастливъ. Онъ вѣритъ, онъ повѣрилъ наконецъ, что, если его „слезница“ не достигла цѣли, то самъ Государь, помимо Куропаткина, его оцѣнилъ и видитъ въ немъ надежную опору.

Онъ вѣритъ теперь въ свои силы. Онъ вѣритъ, что это только начало.

Онъ ни минуты теперь не сомнѣвается, что онъ поступилъ правильно.

Онъ доволенъ собой—чего же больше?

Вонъ они, друзья неизмѣнные, совѣтники разумные. Они надоумили, не выдадутъ.

А если выдадутъ, кто противъ меня—посланника Государя???

Никто!!

Вонъ Фокъ, Никитинъ, Рейсъ, Савицкій, Гандуринъ, Колесниковъ, Рябининъ, Павловскій, Корживецъ, ... силища. Я ихъ не забуду. Я ихъ засыплю наградами, они мои.

А вотъ и Кондратенко! Онъ тоже мой, онъ въ меня еще вѣритъ. Хотя и онъ хитеръ, мы его перехитримъ.

Но вотъ Смирновъ!

Не разберешь, что онъ думаетъ. Всегда дисциплинаренъ. Съ Вѣрой Алексѣвной всегда почтителенъ и любезенъ. Какъ я ни стараюсь его допечь, ничего не выходитъ. Опасный человекъ!

Ну, да ладно. Съ такими молодцами, какъ Фокъ, Никитинъ, Савицкій, Рейсъ, мы живо его обрабатываемъ.

Мысли зигзагами проходили въ его разгоряченномъ мозгу.

Глаза подъ узкимъ лбомъ иногда загорались и сверкали недобрыми, тревожными огнями.

Совѣсть была не чиста.

Не хотѣлъ я итти съ поздравленіемъ. Долго меня уговаривали—колебался. Злость закипала, черная, тягучая...

Пошелъ.

Но пошелъ лишь на слѣдующій день, 25-го августа, часамъ къ тремъ.

„Живи не по сердцу, а по разуму“, твердилъ чуждый мнѣ голосъ.

Пришелъ.

Опять въ кабинетъ. Не долго ждалъ.

Генералъ вышелъ, видъ заспанный: видимо, его подняли прямо съ постели.

Я началъ поздравлять:

— Считаю долгомъ вторично поздравить васъ съ тѣмъ, какъ Государь мой безмѣрно васъ награждаетъ.

— Благодарю васъ. Да, да, безмѣрно—за дверями послышался женскій кашель—прошу садиться.

Генералъ смотритъ на меня, я на него. Китель, рубаха растегнуты, видна богатырская грудь.

— Курите? Отчего вы перестали писать въ газетѣ?

— Въ настоящее время Артуръ живетъ интересомъ часа. Всѣ въ обстановкѣ боевой, болѣе или менѣе опасной. Интересуются исключительно дѣйствіями противника и нашими. Требуютъ сухихъ отчетовъ, пренебрегая въ полной мѣрѣ беллетристикой, т. к. являются сами непосредственными свидѣтелями бомбардировокъ и штурмовъ, смерти и страданій.

— А кто пишетъ „Извѣстія“ въ „Новомъ Краѣ“?

— Не знаю. (Я имѣлъ право такъ отвѣтить, т. к. подъ извѣстіями не подписывался, хотя отлично зналъ, что Стесселю давно извѣстно, кто пишетъ эти „Извѣстія“).

— Что же вы теперь дѣлаете?

— Собираю матеріалъ, который впоследствии предполагаю издать отдѣльной книгой.

Генераль становился сумраченъ, тонъ мѣнялся.

— И будете тамъ писать только правду?

— Только правду!

— Э! батенька, всѣ корреспонденты врутъ. Кто больше заплатитъ—тамъ и правда.—Генераль смотрѣлъ на меня вызывающе.

— Я, ваше превосходительство, поставленъ теперь и до окончанія кампаніи въ рамки военной цензуры, но впоследствии, памятуя Высочайшія слова, обращенныя къ представителямъ столичной прессы, я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ въ будущемъ писать правду, одну только правду, которая убережетъ Россію и Государя отъ участи—пережить когда-нибудь второй Портъ-Артуръ.

Штурмъ Портъ-Артура.

Затѣмъ считаю умѣстнымъ вашему превосходительству напомнить и совѣтую впредь не забывать, что я ношу никѣмъ еще не запятнанную фамилію стариннаго дворянскаго рода.

Честъ имѣю кланяться.—

Отъ Стесселя отправился прямо къ Смирнову, передалъ ему содержаніе моей бесѣды.

— Погорячились, погорячились. Я вамъ говорилъ! на веранду входилъ генераль Кондратенко — а, Романъ Исидоровичъ, ну, что добраго скажете?

— Ваше превосходительство, неуждно ли будетъ посмотрѣть пробную стрѣльбу минами?

Черезъ нѣсколько минутъ ординарецъ доложилъ о приходѣ полковника Крестинскаго.

Всѣ тронулись на холмъ за домомъ Стесселя, гдѣ уже былъ установленъ заряженный минный аппаратъ ¹⁾.

Пришелъ и генераль-адъютантъ Стессель. Народу собралось

¹⁾ Идея лейтенанта Н. К. Подгурскаго (старшій минный офицеръ съ крейсера I ранга „Баянъ“).

смотреть на диковинное зрѣлище много. Тутъ были и штабные и строевые офицеры.

Опытъ оказался удачнымъ. Мина, давъ при полетѣ довольно крутую траекторію, впиалась своимъ остриемъ въ землю и, конечно, разорвалась бы, если бы была заряжена.

Стрѣльба изъ минъ предполагалась по траншейнымъ работамъ японцевъ, окружившихъ Водопроводный редутъ.

Генераль Стессель, облеченный по обычаю въ сѣрую рубаху и сѣрые сапоги, опираясь на палку, одобрилъ и благословилъ установку миннаго аппарата на Водопроводномъ редутѣ. Къ сожалѣнію, затѣя эта не оправдала возлагаемыхъ на нее надеждъ. Механизмъ миннаго аппарата крайне нѣженъ, и поэтому первая попавшая пуля приводила его въ негодность.

Лейтенантъ Подгурскій ликовалъ. Нужно отдать полную справедливость, что этотъ офицеръ, не говоря уже про выдающуюся храбрость, храбрость, которая поражала всѣхъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательно изобрѣтателенъ и подвиженъ. Въ теченіе всей осады проявляя непрестанно удивительную энергію, онъ не мало принесъ несприятностей японцамъ, а на своихъ дѣйствовалъ въ самыя критическія минуты благотворно.

Съ горки, гдѣ производился опытъ, по какой-то непонятной случайности мы возвращались домой en quatre: Стессель, Смирновъ, Хвостовъ и я.

Давно мнѣ пришлось слышать, что на холмѣ, на которомъ только что производился опытъ, погребенъ китайскій генераль, защищавшій Артуръ отъ японцевъ. Меня подмывало спросить объ этомъ сейчасъ. Я громко началъ:

— Кажется, холмъ, на которомъ мы только что были, служить могилой главнаго китайскаго начальника, защищавшаго Артуръ.

— Развѣ? я объ этомъ не слышалъ. Вотъ Хвостовъ долженъ знать—сказалъ Стессель.

— Кажется, здѣсь.

— А гдѣ онъ былъ убитъ? Говорятъ, на Большомъ Орлиномъ Гнѣздѣ, гдѣ онъ наблюдалъ за штурмомъ?

— Не знаю, не знаю.

Зашла рѣчь о свистѣ пуль.

— Вотъ Евгений Константиновичъ—сказалъ Смирновъ—отлично умѣетъ теперь различать свистъ пуль, какая на излетѣ, какая...

— А я не могу различить—возразилъ Стессель: глухъ на ухо.

Мы подходили къ дому Стесселя. Навстрѣчу, отдѣлившись отъ огромнаго стога сѣна, бѣжалъ щенокъ.

— Юпилазъ, Юпилазъ—звалъ и ласкалъ Стессель—я этого пса назвалъ въ честь геройской защиты Юпилазы.

— А отчего не Куинъ-Саномъ? онъ много памятникѣ намъ—пошутить я.

— Ну-съ, господа, до свиданія. Такъ помните — завтра парадъ я назначилъ въ 8 часовъ.

— Ваше превосходительство, это немного поздно.

— Почему?

— Японцы начинаютъ бомбардировку съ разсвѣтомъ. Если завтра будутъ бомбардировать городъ, не состоится торжество.

— Ну вотъ, вотъ, онъ все шутить.

До свиданія, господа!

Парадъ 26-го августа.

Войска были уже выстроены къ параду въ 7 часовъ утра на площади казармъ 10-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка.

Ровно въ 7^{1/2} часовъ прибылъ генераль-адъютантъ. Начался обходъ войскъ.

Я сталъ на лѣвомъ флангѣ, нѣсколько отступя отъ группы генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, не бывшихъ въ строю.

Стессель, увидавъ меня, крикнулъ на всю площадь:

— Штатскіе, назадъ!

Не сразу всѣ поняли, что этотъ окрикъ былъ по моему адресу. Кругомъ, кромѣ меня, никого ни было. У стѣнъ зданій приткнулись рѣдкія фигуры нестроевыхъ.

Публика совершенно отсутствовала.

Кончился обходъ.

Началось молебствіе.

На фронтѣ опять тишина.

День ясный и жаркій.

Кончился молебенъ.

Офицеры прикладывались ко кресту...

— Полковникъ Хвостовъ—послышался опять голосъ Стесселя, махавшаго въ воздухѣ кулакомъ: скажите Ножину, если онъ еще разъ позволитъ себѣ стать въ строй, я его такъ пугну... кулакъ послѣдній разъ взлетѣлъ на воздухъ и больше уже не подымался.

Раздалась команда.

Все стихло.

Генераль Стессель читаль Высочайшую телеграмму.
Громовое „ура“ покатилося.

Оркестръ игралъ гимнъ.

Еще живые артурцы, приготовившіеся умирать, благодарили Царя за милость.

Долго, очень долго гремѣло это восторженное „ура“.

Но клики стихали. Оркестръ умолкъ.

Опять и здѣсь и кругомъ тишина.

На фронтѣ затишье.

На середину площади шель комендантъ...

Тишина—совсѣмъ, совсѣмъ тихо.

Старый городъ.

— Друзья! вы сейчасъ слышали о Высочайше дарованной войскамъ крѣпости Портъ-Артуръ милости. Вмѣстѣ съ этимъ Государь Императоръ пожаловалъ нашему начальнику и руководителю генераль-адъютанту Стесселю орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія третьей степени. Свѣтъ этой высокой военной награды озаряетъ и насъ, всѣхъ защитниковъ крѣпости и соратниковъ генераль-адъютанта Стесселя.

Воздадимъ же ему подобающую воинскую почесть!

Генералы, штабъ- и оберъ-офицеры, по своимъ мѣстамъ!!!

Слушать моей команды!!

Парадъ! Слушай!..

На караулъ!

Музыка,—стрѣлковый маршъ!

Новому Георгіевскому кавалеру, генераль-адъютанту Стесселю—ура!

Грянулъ оркестръ. Понеслось „ура“.

Смирновъ въ центрѣ площади—салютуетъ.

Стессель впереди группы офицеровъ.

Кругомъ покоемъ стройныя линіи ротъ.

Все словно окаменѣло.

Генераль-адъютантъ махнулъ.

Все опять смолкло.

Стессель благодарить поклономъ коменданта.

Смирновъ отдавалъ честь.

— Ребята! Когда будетъ снята осада, и вы разойдетесь по разнымъ мѣстамъ Россіи, то вездѣ расскажите, что въ дни тяжелой осады Артура комендантомъ этой крѣпости былъ генераль-лейтенантъ Смирновъ, который, непосредственно руководя обороной, командовалъ войсками и руководилъ ихъ геройскими дѣйствіями.

Въ честь генераль-лейтенанта Смирнова—„ура“! закончилъ Стессель.

Опять „ура“, опять оркестръ.

Опять безконечныя здравицы и много, многоглаголаніе. Генераль Стессель воодушевился.

Здравицы наконецъ закончились здравицей за общаго любимца раненыхъ, самоотверженнаго идеалиста егермейстера **Балашова**.

Съ парада я прямо отправился къ Смирнову.

— Ваше превосходительство, разрѣшите съ первой отходящей шаландой выѣхать изъ Артура.

— Это почему?

— Вы были свидѣтелемъ сегодняшней сцены во время парада...

— Хорошо, я вамъ дамъ разрѣшеніе, если вы уже такъ хотите ѣхать.

Но все это вздоръ-съ!

Что это за малодушіе!

— Я хочу проѣхать къ Куропаткину и рассказать все, что тутъ происходитъ, а затѣмъ вернуться.

— И это вздоръ-съ. Кто вамъ тамъ повѣритъ?

Положимъ, вы вернетесь. Но стоитъ ли изъ-за оскорбленнаго личнаго самолюбія почти цѣлый мѣсяцъ не быть въ Артурѣ. А здѣсь что ни день, то историческій.

Ради начатаго дѣла я вамъ не совѣтую ѣхать.

Если вы, въ сыновья мнѣ годящійся, не можете стоически

отнестись, собственно говоря, къ глупѣйшему инциденту, что же долженъ тогда я дѣлать?

Стыдитесь!

Ежедневно, ежечасно я получаю жестокие уколы своему самлюбю.

Мнѣ мѣшаютъ защищать крѣпость! Я не отчаиваюсь.

Вы видите, я остаюсь вѣрнѣе принятому долгу. Я всѣми силами стараюсь ладить со Стесселемъ, чтобы всѣми путями — черезъ Кондратенко, Бѣлаго, парализовать его вредное вмѣшательство, дикія выходки, полную неосвѣдомленность. Борюсь съ инженерами, которые хотятъ во мнѣ видѣть лишь подчиненнаго Стесселю и на каждомъ шагу на мои распоряженія науськиваютъ Стесселя. Борюсь съ лѣнью, халатностью, недобросовѣстностью. Несмотря на всѣ тернiя, я все-таки надѣюсь отстоять Высочайшей волею ввѣренный мнѣ Артуръ. Теперь будетъ борьба со Стесселемъ труднѣй. Но что же дѣлать!?

Интересы родины дороже всего. Будемъ бороться, а тамъ—
что Богъ дастъ!

А вы? малодушничаете!

Стыдитесь!

Спрячьте ваше самолюбіе и работайте.

Но повторяю: если хотите вздохнуть—поѣзжайте.

Александръ Михайловичъ, вы дадите соотвѣтствующее разрѣшеніе—обратился Смирновъ къ присутствовавшему при этомъ разговорѣ полковнику Хвостову...

...Буду вечеромъ въ редакцію. Встрѣчаю завѣдующаго типографіей г. Томаровича.

— Вы слышали послѣднюю новость?

— НѢТЬ.

— Газета закрыта на одинъ мѣсяцъ.

— Поздравляю—только и могъ я отвѣтить.

Прихожу въ редакцію.

Секретарь, разглаживая свою окладистую бороду, сосредоточенно ходит изъ угла въ уголъ.

Помощникъ редактора, покойный уже Веревкинъ, сидитъ и жжетъ папироску за папироской.

— А гдѣ Петръ Александровичъ?

— Уѣхалъ къ Стесселю.

Жизнь въ редакціи замерла.

Машины въ бездѣйствіи. Наборщики разбрелись. Китайцы о чемъ-то шушукуются.

Пришелъ Левитовъ (сотрудникъ) и никакъ не можетъ понять, за что можетъ быть закрыта газета.

Всѣ молчатъ, не возражаютъ.

Пришелъ метранпажъ и тоже молчитъ.

Догадались наконецъ зажечь лампу.

Ну, вотъ и самъ Артемьевъ. Видъ разстроенный.

— Стессель ничего не хочетъ слушать. Газета закрыта на одинъ мѣсяцъ. „Своихъ приказаній не отмѣняю.“

Наступила тяжелая тишина.

— Господа, ничего не подѣлаешь. Будемъ терпѣть до конца. Идемте ко мнѣ ужинать. Тамъ поговоримъ и все обсудимъ—сказалъ Артемьевъ, взявшись за фуражку и портфель.

Закрытіе газеты „Новый Край“.

Приказъ

по войскамъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона.

Августа 26 дня, 1904 года. Кр. Портъ-Артуръ.

№ 579.

Въ виду того, что, несмотря на неоднократныя указанія, въ газетѣ „Новый Край“ продолжаютъ печатать не подлежащія оглашенію свѣдѣнія о расположеніи и дѣйствіяхъ нашихъ войскъ, изданіе газеты прекращаю на одинъ мѣсяцъ.

Генераль-адъютантъ Стессель.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

„...Послѣдовало неостроумное распоряженіе Стесселя о прекращеніи выхода „Новаго Края“ якобы за то, что въ немъ печатаются свѣдѣнія о вылазкахъ, развѣдкахъ и проч., могущія пригодиться японцамъ. Это совсѣмъ дико: газета проходила двойную цензуру—командира порта и штаба крѣпости; и вдругъ лишить насъ, по одному лишь капризу и изъ-за видимаго желанія сдѣлать косвенную непріятность коменданту, единственнаго источника свѣдѣній и извѣстій извнѣ...“

Несмотря на всевозможные хлопоты, даже просьбы уважаемаго всѣми егермейстера Балашева—генераль Стессель былъ твердъ въ своемъ рѣшеніи.

Въ особенности неистовствовалъ генераль Никитинъ.

Онъ былъ крайне недоволенъ, что съ газетой и ея сотрудниками такъ мягко обращаются.

— Мало закрыть газету—всѣхъ этихъ писакъ перевѣшать слѣдуетъ.

Генераль Стессель былъ гуманнѣе своего друга. Онъ ограничился лишь закрытіемъ газеты.

Генераль Никитинъ въ Артурѣ.

Генераль Никитинъ, котораго Стессель величалъ въ своихъ всеподданнѣйшихъ телеграммахъ „истиннымъ героемъ и помощникомъ“, въ дѣйствительности, которую подтвердить, какъ непреложную истину, каждый портъ-артурскій артиллеристъ — **никакого** отношенія къ крѣпости и ея оборонѣ не имѣлъ.

Специализировался генераль Никитинъ исключительно на всевозможныхъ интригахъ и на травлѣ флота, который непонятно ненавидѣлъ всѣмъ своимъ существомъ.

По должности своей онъ былъ начальникомъ артиллеріи 3-го сибирскаго армейскаго корпуса и попалъ въ Артуръ совершенно случайно, пріѣхавъ явиться своему командиру корпуса—въ то время генералу Стесселю — но, за отрѣзанностью сообщенія неприятелемъ, такъ въ немъ и остался.

Прежде всего, Никитинъ старый товарищъ Стесселя и съ нимъ на „ты“¹⁾.

Это было главнымъ поводомъ къ той извѣстности и къ тѣмъ наградамъ, которыми, не въ примѣръ прочимъ, старался наградить своего „товарища“ Стессель. Какъ человекъ хитрый, Никитинъ сразу сумѣлъ оріентироваться въ своей обстановкѣ: онъ смотрѣлъ въ глаза Стесселю и громко вторилъ ему въ тонъ.

Этого было вполне достаточно, чтобы создать себѣ карьеру, будучи въ сторонѣ отъ всякаго дѣла.

Сначала Стессель придумалъ ему назначеніе начальника всей полевой артиллеріи, когда она находилась еще на передовыхъ позиціяхъ. Здѣсь было много дѣла, и много пользы можно было принести, но, какъ бездарный и безличный человекъ, Никитинъ не могъ ничего сдѣлать (ранѣе онъ командовалъ мортирнымъ полкомъ и о матеріальной части, не только нынѣшней скорострѣльной, но и прежней поршневой, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія). Никто никогда не слышалъ отъ него ни одного распоряженія по части артиллеріи.

А я добавлю, что, если онъ и выѣзжалъ впередъ, то очень рѣдко, да и поѣздки эти были лишь веселымъ пикникомъ въ ночное время.

¹⁾ Саперъ. „Генераль Стессель въ Портъ-Артурѣ.“ Критическій очеркъ. Книгоиздательство „Нашъ Голосъ.“ Серія „На разныя темы“, № 3. С.-Петербургъ 1906 г.

Продолжаю характеристику Никитина по оцѣнкѣ одного изъ начальниковъ отдѣльной части въ Артурѣ:

„Во время осады крѣпости, когда вся артиллерія перешла въ вѣдѣніе Бѣлаго, Никитинъ ни къ какому дѣлу приуроченъ не былъ, отчасти по его болѣзненности; онъ сидѣлъ большую часть времени дома за стаканомъ „добраго вина“ да изрѣдка навѣдывалъ Стесселя. Иногда, въ качествѣ гастролера или туриста, какъ онъ выражался, пріѣзжалъ на нѣкоторыя позиціи и... уѣзжалъ обратно на покой.

Подъ конецъ Стессель придумалъ для него довольно комичное назначеніе: **повѣрять и слѣдить, чтобы ночью не спали на позиціяхъ.**

Вотъ вся его дѣятельность.

Все свободное время генераль этотъ на чемъ свѣтъ стоитъ ругалъ флотъ, не стѣсняясь даже присутствіемъ нижнихъ чиновъ...”

Характеристика, даваемая г. Саперомъ, вполне отвѣчаетъ дѣйствительности.

Спрашивается—Георгиевскій крестъ, который онъ носитъ на своей груди (3-ей степени), не понижаетъ ли въ арміи значеніе этого высокаго ордена?

Рикши.

Имѣетъ ли онъ право его носить? Нѣтъ ¹⁾!

Орденъ этотъ не заслуженъ, и ордену этому не мѣсто на шеѣ у этого генерала.

Георгиевскій кавалеръ долженъ быть безупреченъ!

Онъ гордость и надежда арміи!

Что же мы можемъ ожидать отъ генерала, подобнаго Никитину?

Какую пользу онъ можетъ принести арміи, которая жаждетъ обновленія, стремится стать тѣмъ, чѣмъ она быть можетъ?

Никитинъ и ему подобные, георгиевскіе кавалеры, не подлежатъ увольненію отъ службы.

Они вѣчные для арміи.

¹⁾ Когда въ комиссіи генерала Роопа спросили Никитина, за что онъ получилъ орденъ, онъ пренаивнѣйшимъ образомъ отвѣтилъ: „не знаю.“

Грянетъ громъ войны, и ихъ, непременно ихъ, какъ испытанныхъ героевъ, пошлютъ въ первую голову.

Что они въ состояніи будутъ сдѣлать?

Что они могутъ вдохнуть въ живой, здоровый и сильный организмъ войсковыхъ массъ?

Ничего или растлѣніе.

Начертывая эти строки, я далеку отъ пристрастія.

Тогда, когда видишь, что армія наша, великая и сильная, несетъ на себѣ позоръ проигранной кампаніи—не мѣсто ошибкамъ въ оцѣнкѣ дѣятельности ея генераловъ.

Я страдаю вмѣстѣ съ арміей.

Я жажду ея обновленія.

Я вѣрю въ ея великое будущее. Оно возможно, но при условіи, если она будетъ избавлена отъ такихъ генераловъ, какъ Фокъ, Рейсъ, Никитинъ, Савицкій и т. д.

Итоги августовскихъ штурмовъ.

Придавая блестяще парализованнымъ августовскимъ штурмамъ огромное, доминирующее значеніе въ дѣлѣ всей дальнѣйшей обороны крѣпости, я позволяю себѣ еще разъ вернуться къ нимъ.

8, 9 и 10-го августа комендантъ Артура переживалъ тревожныя минуты.

Ясно было, что противникъ готовитъ послѣдній ударъ генеральнаго штурма.

Но куда онъ направитъ???

Фронтъ крѣпости 25 верстъ.

Гдѣ будетъ диверсія, куда устремятся главные силы!?

Шара въ крѣпости не было.

Неоткуда было наблюдать, гдѣ сосредоточивается противникъ ¹⁾.

А мѣстность кругомъ извилистая, сотни лощинъ, долинъ, овраговъ, балокъ, не скошенный гаолянъ. Они скрывали намѣренія японцевъ.

Теперь еще, словно я вотъ сейчасъ вижу, какъ японцы бѣгутъ, прячась въ гаолянъ, какъ по одиночкѣ, открывая себя на секунды, прыгаютъ въ оврагъ.

Батареи наши открываютъ шрапнельный огонь. Движеніе стихаетъ, опять начинается, снова стихаетъ. Днями это продолжалось. Въ особенности 8, 9 и 10-го.

¹⁾ На донесенія китайцевъ полагаться было трудно.

Подъ вечеръ 10-го августа комендантъ, выѣхавъ на Большую гору, долго и внимательно рекогносцировалъ расположеніе противника.

Пули непрерывно пѣли. Нѣжныя нотки ласкали слухъ, упорно, настойчиво напѣвая пѣсню невидимой смерти.

Въ бинокль мы ясно различали большое движеніе въ оврагахъ Дапалиджуана и Уцзяфана. Противникъ энергично сосредоточивался.

Смирновъ, сдвинувъ густыя брови, не отрывалъ сверкающихъ глазъ отъ бинокля.

Мы лежали кругомъ, притаивъ дыханіе, не смѣя потревожить его вопросомъ.

Только пули продолжали пѣть свою отрывистую пѣсню; онѣ никого не стѣснялись.

Высота горы царитъ надъ всѣмъ фронтомъ. Канонада уже стихла. Сумерки надвигались. Наши батареи молчатъ. Рѣдко, рѣдко раздастся выстрѣлъ, сразу два, три, и тихо, все тихо. Шумитъ лишь беззаботно внизу городъ.

Вернувшись въ штабъ, Смирновъ пододвинулъ къ Орлиному Гнѣзду послѣдній баталіонъ 14-го полка.

Въ общемъ резервъ оставались только двѣ роты подъ Перепелиной горой, для прикрытія долины Лун-хе.

Только двѣ роты!!

Все было влито въ оборонительную линію.

Придвинувъ къ Гнѣзду послѣдній баталіонъ, комендантъ приказалъ адмиралу Вирену быть готовымъ снять резервъ десанта (800 человѣкъ, обслуживающихъ корабли на якоряхъ).

Это было въ 7 часовъ вечера.

Всѣ мы, кто зналъ истинное положеніе вещей, переживали томительные часы ожиданія.

Чѣмъ глубже вечеръ, чѣмъ ближе ночь—тѣмъ минуты тянулись дольше, тѣмъ тише становилось на фронтѣ.

Наконецъ все стихло, все.

Надъ Артуромъ воцарилась ночь.

Ночь ранняя. Тихая ночь.

Ночь, свѣтлая и лунная, дышала покоемъ и нѣгой.

Артуръ спалъ.

Крѣпость же нервно вдыхала десятками тысячъ грудей ароматъ недвижнаго воздуха.

Десятки тысячъ сердець бились въ униссонъ дыханію японцевъ, сплошными массами притаившихся въ темныхъ, не освѣщенныхъ еще мѣсяцемъ лощинахъ сѣверо-восточнаго фронта.

Враги ждали призыва къ бою.

Самъ Ноги, стоявшій на высшей точкѣ Волчьихъ горъ, пристально глядѣлъ на погруженный во мракъ Артуръ.

Сосредоточивъ на участкѣ отъ редута II-го до лит. Б (5 верстъ) болѣе 2 дивизій, численностью свыше 35,000 человекъ, рѣшивши однимъ ударомъ занять фортъ II, лит. Б и Орлиное Гнѣздо,—тревожно, мучительно тревожно стремился пронизать кровавую завѣсу грядущаго.

Результаты взрыва одиннадцатидюймового снаряда.

Смирновъ, какъ бы по наитію свыше предвосхитивъ замыселъ главы враговъ, всѣ свои силы влилъ туда, куда устремлялся Ноги.

Только съ той разницей: Смирновъ рассчитывалъ каждую роту, взводъ, тогда какъ командующій осадной арміей игралъ десятками тысячъ.

Кануль въ вѣчность одиннадцатый часъ 10-го августа 1904 года, и по единому знаку Ноги живая лавина людей неудержимо полилась на Артуръ...

Изъ лощинъ, овраговъ, долинъ показались японцы...

Затрещали винтовки, зарокоталъ пулеметь, загудѣли, загромыхали орудія, завывли снаряды, запѣли пули...

Брызнули лучи прожекторовъ...

Зашипѣли, какъ огромныя змѣи, боевыя ракеты, стремительно несшіяся на небо, и, разрываясь на сотни огромныхъ, яркихъ шариковъ, затмившихъ свѣтъ вѣчныхъ звѣздъ,—ослѣпили атакующихъ, бѣжавшихъ на насъ маленькихъ храбрыхъ людей.

Бѣгутъ, падаютъ, поднимаются, кучами валятся, копошатся...

На фосфорическомъ свѣтѣ прожекторовъ—красно-кровавые взрывы снарядовъ.

Вой, гулъ, трескъ, грохотъ, ревъ тысячъ людей.

Бѣгутъ они, падаютъ, падаютъ... Страшно, жутко.

Наши, во весь ростъ, прицѣльно развили неумолкаемый пачечный огонь.

Все кругомъ гремитъ и стонетъ. Что-то стихійное!

Не штурмъ, а адъ!

Но вотъ—тише, тише...

Японцы не выдержали, отхлынули.

Лучи прожекторовъ впились впередъ и медленно ведутъ.

Живыхъ почти не видно, одни трупы; раненые копошатся...

2 часа ночи.

Вторая волна надвигается. Еще неудержимѣй.

Ливень чугуна, свинца и стали не можетъ сломить.

Съ невѣроятными усилиями атакующіе овладѣли Китайской стѣнкой противъ Заредутной батареи.

Идетъ рукопашный бой. Наши штыками выбиваютъ.

Лучи прожектора впились, свѣтятъ—свѣтомъ могилы.

Грозная картина и отвратительная.

По приказанію Смирнова, отъ Перепелиной горы бѣгомъ приближались послѣднія 2 роты резерва.

Прожектора свѣтятъ—упорно, настойчиво.

Бой стихаетъ на стѣнкѣ. Послѣднихъ живыхъ враговъ добиваютъ.

Лучи поползли дальше, ищутъ враговъ.

Все пространство, до чего ни коснутся они, усыяно трупами.

3 часа. Ночь глубокая.

Луна уже на закатѣ. Въ городѣ тихо.

Начался третій штурмъ.

Безстрастный Ноги хочетъ добиться своего.

Кровавая завѣса поднялась.

Живая новая волна людей катилась. Бѣгутъ.

Ударъ этотъ, страшный ударъ волны живой сопровождался не храбростью людей!

Нѣтъ!

Это былъ ударъ, натискъ, прыжокъ разсвирѣпѣваго, разъяреннаго, опьяненнаго кровью стада тигровъ—но не людей.

Сатанинскій говоръ тысячъ винтовокъ, раскаты орудій, пулеметовъ, посылавшихъ тучи металла и огня—были не дѣйствительны. Волна взметнулась, ее гналъ ураганъ.

Волна людей, свѣтящаяся въ лучахъ прожекторовъ, въ блескѣ ракетъ, кипѣла и неудержимо-властно неслась впередъ.

Волна, заливавшая потоками горячей человѣческой крови; какъ брызгами, устилавшая долины, овраги, балки горячими, исковерканными трупами, корчившимися, кричащими ранеными,—взметнулась обрушилась и перекатилась черезъ Китайскій валъ...

Японцы неудержимо лѣзли на Заредутную, Волчью батарею и наполовину овладѣли ею.

Прибывшія во-время 2 роты спасли все.

Послѣ рукопашнаго отчаяннаго боя, враги были опрокинуты, и всѣ до одинаго легли костью.

Волна отхлынула и захлестнула заднихъ. Самый страшный моментъ!

Густые резервы, скучившіеся въ лощинѣ между Китайской стѣной и Заредутной горой, освѣщенные неподвижными лучами прожекторовъ, метались въ ужасѣ, словно волны, кипящія въ гигантскомъ водоворотѣ, — быстро уничтожаемые орудійнымъ и пулеметнымъ огнемъ.

Красноватый паръ на фонѣ рвущихся снарядовъ и блекнувшихъ лучей прожекторовъ подымался надъ долиной смерти, словно предразсвѣтный туманъ.

Да, востокъ уже и пылалъ за горами.

Погасли огни.

Свѣтло уже...

Наши утомились.

Штурмъ отбить.

Ни пяди земли не отдали врагамъ.

Но зато страшно было глядѣть впередъ и вокругъ.

Взошло солнце...

Сплошная, въ нѣсколько рядовъ, груды труповъ на еще намъ принадлежащей землѣ.

Смерть торжествовала.

22,000 жизней сломились на сопротивленіи крѣпости, которую японцы рѣшили взять открытой силой.

Всѣ надежды Японіи на быстрое паденіе Артура разсѣялись, какъ дымъ.

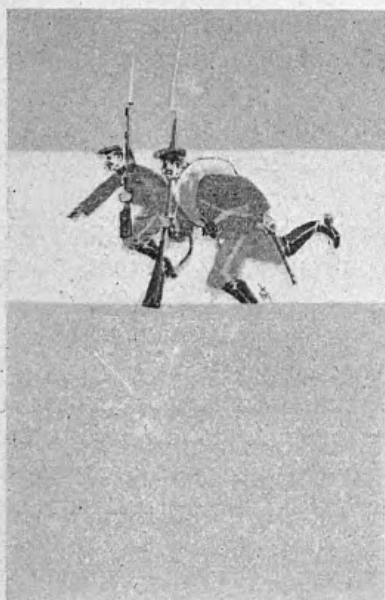
Это былъ моральный ударъ.

Пришлось начать правильную осаду.

Ноги никакъ не ожидалъ, во что превратился Артуръ въ рукахъ Смирнова.

Съ занятіемъ японцами редутовъ I-го и II-го, они сѣли, присосались къ нашему сѣверо-восточному фронту.

Исходящій уголъ этого фронта былъ почти въ ихъ рукахъ. Я говорю „почти“ потому, что большую часть времени развалины ихъ являлись нейтральной зоной, благодаря развиваемому по нимъ Смирновымъ страшному артиллерійскому огню. Японцы

Русскіе солдаты въ японскомъ изображеніи.

не могли тамъ держаться и занимали его лишь рѣдкимъ сторожевымъ охраненіемъ.

Какъ только редуты были оставлены, генераль Смирновъ, придавая владѣнію ими огромное значеніе, рѣшилъ во что бы то ни стало вернуть ихъ, отбросить японцевъ отъ фронта и этимъ заставить осаждающаго начать атаку снова.

Онъ придавалъ владѣнію редутами столь важное значеніе въ дальнѣйшей оборонѣ крѣпости, что рѣшилъ для достиженія этой цѣли пожертвовать, если бы понадобилось, даже двумя-тремя тысячами стрѣлковъ.

Возвратъ редутовъ, какъ я уже говорилъ, страшно затруднилъ бы противнику постепенную атаку.

Ему пришлось бы брать редуты либо вновь фронтальной атакой, либо издали начать веденіе инженерныхъ работъ.

Генераль Смирновъ рѣшилъ организовать сильную вылазку.

Вмѣшательство Стесселя въ это дѣло испортило все. Онъ своимъ приказомъ отъ 18 августа, № 552, парализовалъ намѣреніе Смирнова организовать сильную вылазку, настаивая на вылазкахъ партіями.

Усовѣщеванія Смирнова, Кондратенко не привели ни къ чему: Стессель былъ твердъ въ своемъ рѣшеніи.

Небольшія же вылазки на редуты, кромѣ напрасной траты людей, не приводили положительно ни къ какимъ результатамъ.

Офицеры, нижніе чины, вполне понимая, насколько важно вернуть редуты, рвались въ дѣло.

Смирновъ продолжалъ настаивать.

Но Стессель, подъ вліяніемъ Фока, былъ твердъ въ своемъ рѣшеніи.

Не говоря уже объ огромныхъ практическихъ результатахъ овладѣнія нами редутами, оно имѣло бы огромное вліяніе на духъ гарнизона.

Люди увидѣли бы, что не только могутъ защищаться, но проявлять и активную дѣятельность.

Духъ гарнизона былъ далеко не повышенъ, несмотря на то, что попытка противника овладѣть крѣпостью открытой силой потерпѣла полную неудачу. Кромѣ систематическаго отступленія, онъ ничего не видѣлъ. Это всѣми силами старался внушить Смирновъ Стесселю.

Но Стессель былъ твердъ въ своемъ рѣшеніи—сильная вылазка не разрѣшалась.

Японцы же не теряли драгоценнаго времени. Воспользовавшись оврагами, лощинами и развалинами деревень Палиджуанъ и Уцзяфанъ, они вывели подступы къ гласисамъ редутовъ.

Вредное вмѣшательство Стесселя въ дѣло вылазокъ парализовало возможность выбить японцевъ съ гласисовъ редутовъ I-го и II-го, несмотря на то, что въ это время мы владѣли такими прекрасными плацдармами въ тылу и на флангѣ ихъ расположенія, какими являлись Водопроводный редутъ и Скалистый редутикъ.

Противникъ, потерявъ при фронтальномъ штурмѣ открытой силой свыше 22,000, не рѣшился уже итти дальше тѣмъ же путемъ. Присасываясь все крѣпче и крѣпче къ с.-в. фронту, его исходящему углу, образуемому редутами I-мъ и II-мъ, онъ началъ закладывать первую параллель и продвигаться къ атакованному

фронту тихой сапой. А попутно стремился овладѣть Водопроводнымъ и Кумирнскимъ редутами, окружая ихъ траншеями, и вмѣстѣ съ тѣмъ оживлялъ мѣстность впереди Высокой горы (сосредоточивался въ значительныхъ силахъ).

Придавая большое значеніе Водопроводному и Кумирнскому редутамъ, генераль Смирновъ всѣми силами старался поощрять вылазки изъ этихъ редутовъ.

Флигель-адъютантъ Семеновъ въ полной мѣрѣ шелъ этому навстрѣчу.

Водопроводный и Кумирнскій редуты, какъ передовые опорные пункты, имѣли огромное значеніе и, благодаря геройской стойкости нашихъ, покрыли уже себя славой.

Но положеніе ихъ съ каждымъ днемъ становилось все серьезнѣй.

Японцы окружили ихъ въ нѣсколько рядовъ траншеями.

Необходимы были энергичныя и сильныя ночныя вылазки для порчи и замедленія траншейныхъ работъ противника, которыя росли съ невѣроятной быстротой и настойчивостью.

Читатель долженъ помнить, что ночная вылазка это очень трудное и очень опасное дѣло. Идутъ на нее только охотники при охотникѣ-офицерѣ.

Отъ всѣхъ участниковъ, помимо безавѣтной храбрости, требуется полное сознаніе, что можетъ никто не вернуться, а потому каждый, проникнувшійся этимъ сознаніемъ, для успѣха дѣла долженъ быть гибокъ, какъ змѣя, остороженъ, какъ кошка, и чутокъ, какъ птица.

На вылазку идутъ самые отборные, самые отважные, самые смысленные офицеры и стрѣлки.

Такими людьми нужно дорожить и цѣнить ихъ.

Они ядро и мощь гарнизона.

Они—все въ осажденной крѣпости.

Что же дѣлаетъ Стессель?

Вмѣсто поощренія, онъ пишетъ слѣдующій приказъ:

Приказъ

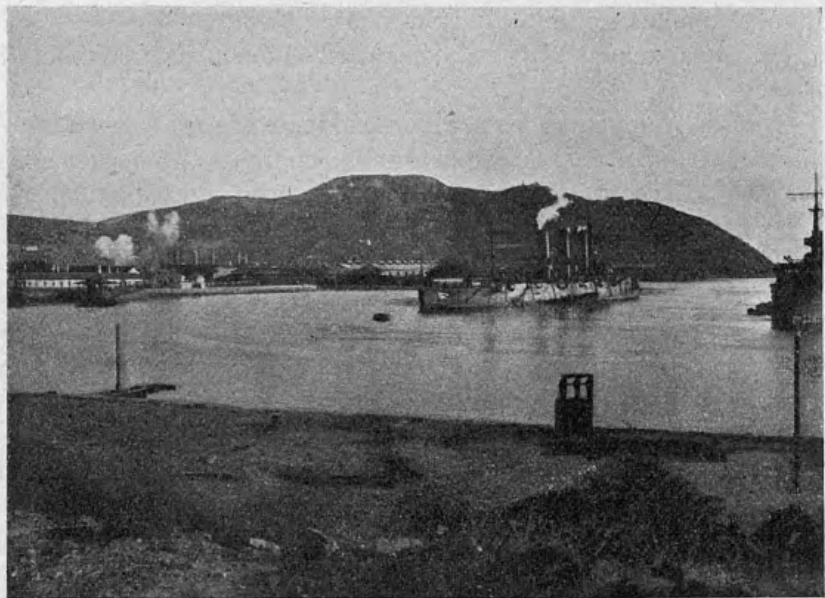
по войскамъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона.

Августа 27-го, 1904 г., кр. Портъ-Артуръ.

№ 590.

Въ ночь съ 26-го на 27-ое августа 26-го в.-с. стрѣлковаго полка поручикъ **Ендржіевскій**, не доложивъ даже командиру полка, самовольно взялъ половину, 100 челов., охотничьей команды

(какая же это охотничья команда въ 200 челов.? Удивляюсь!) ¹⁾ и пошелъ производить различные геройскіе поступки, цѣли, разумѣется, никакой не имѣющіе, а показывающіе только: 1) что есть офицеры, которые жизнь солдата, его командѣ ввѣреннаго, считаютъ ни за что и считаютъ себя въ этомъ неотвѣтственными, такому господину для совершенно безсмысленнаго предпріятія ничего не значить загубить нѣсколько человѣкъ, да потомъ еще доказываетъ, что онъ молодецъ; 2) что въ нѣкоторыхъ частяхъ нѣтъ твердаго порядка; подобное явленіе, какъ уводъ команды съ бивуака, безъ вѣдома командира, явленіе очень странное.

Взрывъ снаряда въ порту.

Предписываю отрѣшить этого офицера отъ должности за то, что самовольно взялъ команду и безцѣльно потерялъ 5 убитыми и 19 ранеными, къ наградамъ его отнюдь ни къ какимъ не представлять, а для несенія службы прикомандировать къ 27-му в.-с. стрѣлковому полку. Командиру 26-го в.-с. стрѣлковаго полка флигель-адъютанту полковнику Семенову ставлю на видъ недостатокъ внутренняго порядка.

Генераль-адъютантъ *Стессель*.

¹⁾ См. телефонограмму флигель-адъютанта Семенова отъ 27 августа, стр. 699.

Когда приказъ этотъ сталъ достояніемъ гарнизона, настроеніе сразу понизилось.

Всѣ старанія, заботы, организаторскія способности лучшихъ, храбрѣйшихъ и способнѣйшихъ офицеровъ гарнизона были разбиты однимъ почеркомъ пера.

Случай и издѣвательство Стесселя надъ поручикомъ **Ендржіевскимъ** тяжелымъ камнемъ опустились на офицерскую среду.

Если бы Стессель хоть немного отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ, хоть иногда подумалъ, что подчиненные ему офицеры не манекены, а люди,—онъ никогда не позволилъ бы себѣ такого возмутительнаго издѣательства надъ поручикомъ **Ендржіевскимъ**, самоотверженно бросающимся изъ желанія подольше удержать Кумирнскій редутъ въ нашихъ рукахъ изъ огня да въ полымя.

Въ описываемое время Кумирнскій редутъ представлялъ изъ себя кипящій котелъ. Всѣ силы, все вниманіе противника было сосредоточено на немъ. Тамъ люди таяли подъ непрерывнымъ ружейнымъ, пулеметнымъ и орудійнымъ огнемъ.

И мы и осаждающій прекрасно понимали—что мы отстаиваемъ и чего онъ домогается.

Все честное, разумное въ гарнизонѣ возмутилось варварствомъ Стесселя, издѣвающегося, глумящегося надъ безотвѣтнымъ, но храбрымъ офицеромъ.

Каждый понималъ, что малѣйшая неудача—и надъ головой разразится глумленіе.

Сегодня живъ, завтра неудачное дѣло, послѣзавтра глумленіе Стесселя, а потомъ... потомъ—либо смерть отъ шальной пули, осколка, либо невыносимыя страданія отъ ранъ.

Всѣ какъ-то сжались.

Энергія упала.

Лучше сидѣть себѣ покойно и ждать приказаній. Будешь мудрствовать лукаво—мало того, что рискуешь быть убитымъ, искалѣченнымъ, того и гляди попадешь въ Стессельскую литературу.

— Оно, знаете, спокойнѣе—сиди себѣ да и жди приказаній начальства; за спиной у него куда безопаснѣе — сплошь и рядомъ говорили мнѣ офицеры послѣ **Ендржіевского инцидента**.

Послѣ этого печальнаго случая вылазки перестали быть интенсивными. Офицеры прямо избѣгали ихъ.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ и покойный полковникъ Рашевскій въ своемъ дневникѣ, описывая оборону въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцѣ.

Мнѣ часто и многообразно приходится слышать выставляемые въ защиту Стесселя аргументы, что Стессель любилъ и былъ любимъ своими подчиненными.

Что Стессель не уважалъ своихъ подчиненныхъ—это доказываетъ его приказъ по адресу поручика **Ендржіевскаго**.

Портъ-Артуръ въ теченіе 5 долгихъ мѣсяцевъ былъ подъ непрерывнымъ огнемъ противника.

Въ грядущемъ днѣ и часѣ никто, кромѣ сидѣвшихъ въ каменныхъ блиндажахъ, не былъ увѣренъ.

Всѣ обыкновенные смертные въ городѣ, а въ особенности на позиціяхъ, были ближайшими кандидатами преисподней. Поэтому тотъ, кто въ состояніи былъ безнаказанно издѣваться надъ человѣкомъ, обреченнымъ на смерть, надъ человѣкомъ, который приближалъ себя къ концу ради блага общаго дѣла, дѣла защиты крѣпости—не человѣкъ.

А разъ онъ не человѣкъ, то и самое чувство любви, основанное на уваженіи, ему чуждо.

Лгутъ, безсовѣстно лгутъ тѣ, кто утверждаетъ, что Стессель любилъ подчиненныхъ.

Стессель зналъ только самого себя.

Говорятъ, что его любили подчиненные.

Нѣтъ. Они его лишь боялись.

Большинство боялось. Меньшинство лѣзло за подачками и, получая ихъ, трезвонило о благодѣтеляхъ.

Стессель настолько любилъ своихъ подчиненныхъ, что не посчиталъ своимъ долгомъ объѣхать атакованный фронтъ, хотя бы въ одинъ изъ дней затишья, и лично поздравить бойцовъ съ отбитымъ штурмомъ.

Онъ боялся туда выѣхать, а Государю между прочимъ доносилъ:

„Ваше Императорское Величество, милость Ваша и повелѣніе зачесть намъ службу мѣсяцъ за годъ объявлены мною сегодня на позиціяхъ. *(Если считать позиціями площадь въ казармахъ до полка—самый безопасный уголъ крѣпости)*. Восторгъ, слезы умиленія и громы „ура“ были отвѣтомъ на великую Царскую милость. Пожалованіе мнѣ Георгія 3-ей степени превыше всѣхъ моихъ **дарованій** и **заслугъ**. Молю Бога, чтобы подкрѣпилъ и далъ мнѣ силы оказаться достойнымъ великихъ милостей и наградъ, мнѣ пожалованныхъ за геройскія войска....“

Стессель, пользуясь тѣмъ, что Государь за тридевять земель, что никто его не провѣритъ, лжетъ, какъ „истинно-русскій“.

Безпощадно и безнаказанно обманывая Государя въ Петер-

бургѣ, приготавливаетъ для Россіи сюрпризъ въ видѣ капитуляціи Артура.

Въ Артурѣ же, безпощадно и безнаказанно издѣваясь надъ своими подчиненными, медленно, но вѣрно растлѣваетъ гарнизонъ.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

29 августа.

„...Да, и дѣйствительно, хорошая вылазка могла бы теперь причинить большой вредъ японцамъ, но вылазки категорически запрещены...“

27-го августа. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

27 августа 1904 г.

Копія.

Капитанъ Галицинскій доноситъ, что въ часть дня близъ 2-го моста вышли на линію желѣзной дороги два японскихъ офицера и пошли вдоль линіи по логу; черезъ 20 минутъ за офицерами пошли 2-ое носилокъ съ ранеными и провели двухъ вороныхъ коней. Въ 3 часа еще появились раненые съ повязками на головахъ и рукахъ и т. д. Это мѣсто удачно обстрѣляно 4-ой мортирной батареей, что сзади, вблизи кирпичныхъ печей.

Капитанъ Степановъ.

Скалистый Утесъ. 7 час. 20 мин. вечера.

Около 5¹/₂ час. вечера замѣчено движеніе двуколокъ 30 шт., въ сопровожденіи конныхъ, отъ дер. Ліеръ и вдоль желѣз. дороги въ дер. Чжендзятунъ.

Отъ дер. Вандзятунъ замѣчено движеніе отдѣльныхъ людей до 100 человекъ.

Полковникъ Покладъ.

Опасная гора, 8 час. 30 м. вечера.

Развѣдчики донесли, что въ редутѣ № 1 имѣются части японцевъ, выставлющія отъ себя сторожевую цѣпь. Въ ложементахъ, идущихъ отъ № 1 и № 2, расположена цѣпь стрѣлковъ, имѣющая сзади нѣсколько поддержекъ. Въ редутѣ № 2 залегла партія въ видѣ резерва, впереди которой на скатѣ, въ оврагѣ, поставлены сторожевые посты. Полная тишина. Производятся саперныя работы.

Подполковникъ Раздольскій.

11 час. 50 м. вечера.

Начальникъ пѣшей охотничьей команды 26 полка поручикъ Ендржіевскій донесъ: только что стемнѣло, онъ выслалъ на развѣдку 16 охотниковъ, которые подирались къ кумирнѣ, что влѣво отъ деревни Шуйшинъ, и безъ выстрѣла возвратились. Спустила часъ взялъ 100 чел., желая выбить японцевъ

изъ кумирни. Японцы встрѣтили убійственнымъ огнемъ. Пришлось отступить. Потери 15. Раненыхъ унесли. Въ Шуйшинѣ не менѣ баталіона пѣхоты.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

12 ч. 30 м. ночи.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

27 августа, 1904 г.

Копія.

Ночь на передовыхъ частяхъ западнаго фронта прошла покойно. На разсвѣтъ правофланговые посты конной команды 14 полка послѣ небольшой перестрѣлки отѣснили японскіе посты, продвинулись впередъ, расположившись сѣвернѣ деревни „Безъ названія“; южнѣ деревни Тамицжуанъ, на горѣ, въ окопахъ залегла японская рота; около одной роты занимають Гоудзятунъ и небольшія пѣхотныя части дер. Шазуанъ Вандзятунъ.

Капитанъ Романовскій.

9 час. 35 м. утра.

Японскіе посты мѣткимъ ружейнымъ огнемъ обстрѣливають мѣсто расположеніе нашихъ постовъ. Развѣдчики шт.-кап. Соловьева, у карантина близъ бѣ встрѣченные сильнымъ огнемъ, вступили въ перестрѣлку. Развѣдкой конныхъ командъ выяснено, что въ Гоудзятунѣ сильная пѣшая застава; въ Хайдзятунѣ около роты пѣхоты; восточнѣ Гоудзятуня и импани японцы рыли окопы.

Днемъ за высотой бѣ стояли двѣ канонерки.

Капитанъ Романовскій.

8 час. 50 м. вечера.

Уборка труповъ.

Въ ночь на 27 августа подъ редутами первымъ и вторымъ и Куропаткинскимъ люнетомъ было убрано 550 труповъ.

Вслѣдствіе непрекращающагося огня японцевъ (ранены одинъ жандармъ и китаецъ), работу на этотъ разъ пришлось прекратить ранѣ обыкновеннаго.

Объѣздъ комендантомъ крѣпости генералъ-лейтенантомъ Смирновымъ атакованнаго фронта.

Сегодня комендантъ рѣшилъ объѣхать весь с.-в. фронтъ. Прибывъ въ штабъ Надѣина, Смирновъ, сопровождаемый Надѣинымъ, Степановымъ и Мехмандаровымъ, скрылся въ блиндажъ. Совѣщаніе продолжалось часа 1½.

Изъ штаба по совершенно открытой дорогѣ, обстрѣливаемой со стороны Волчьихъ горъ, направились къ Скалистому Утесу. По крутой, почти отвѣсной лѣстницѣ поднялись на гребень.

Залегли за огромными каменными глыбами. Все расположение противника, какъ на ладони. Вправо, наискосокъ—развалины редутовъ I-го и II-го, Китайская стѣна, форты, укрѣпленія; все подернуто легкой дымкой.

То и дѣло по всѣмъ направленіямъ раздаются рѣдкіе выстрѣлы.

Надъ головой непрестанно поютъ свинцовыя птички. Все чаще и чаще ударяются онѣ, словно звукъ хлыста, о камни. Изрѣдка прошуршитъ шрапнель.

Комендантъ внимательно, то въ бинокль, то простымъ глазомъ изучаетъ мѣстность, время отъ времени обращаясь къ разостланной передъ нимъ картѣ японскихъ осадныхъ работъ. Капитанъ Шварцъ, опустившись на одно колѣно, даетъ поясненія.

— Совершенно вѣрно, совершенно вѣрно. Японцы заложили параллели.

Ээ! да въ этихъ подступахъ я узнаю цѣлую систему Вобана. Замѣчательно быстро они производятъ свои работы.

Здѣсь передъ нами сосредоточился весь цвѣтъ японскихъ инженеровъ.

Они съ замѣчательнымъ искусствомъ ведутъ свои работы.

Будемъ, будемъ бороться. Будемъ отстаивать каждую пядь нашей земли. Нелегко намъ, нелегко и имъ будетъ вести атаку.

Благодарю васъ, капитанъ, ваша карта вполне отвѣчаетъ дѣйствительности.

— Ваше превосходительство, а вотъ этотъ ходъ сообщенія поворачиваетъ сюда и, давая...

Смирновъ опять углубился въ карту, смотрѣлъ впередъ,—капитанъ Шварцъ увлекся, всталъ:

— Ваше превосходительство, тамъ, правѣе редута I—вотъ отсюда видно лучше...

Оба встали во весь ростъ, пристально разглядывая какую-то траншею.

Пули засвистѣли чаще.

Смирновъ и Шварцъ спохватились и спрятались за камни.

Японскіе солдаты.

Отъ Скалистаго Утеса обошли весь с. - в. фронтъ. Шли ходами сообщенія, очень мелкими, настолько мелкими, что они напоминали скорѣе рвы по колѣно глубиною, чѣмъ ходы сообщенія. Дальше, глубже рыть ихъ не представлялось никакой возможности: шелъ сплошной гранитъ.

Отвратительное чувство, когда каждую минуту ожидаешь либо шрапнели, либо взрыва бомбы—на пули уже какъ-то мало всѣ обращаютъ вниманія.

Каково здѣсь быть все время?

Сколько хладнокровія и мужества нужно имѣть, чтобы спокойно проводить долгія и многія сутки среди постоянной, непрерывной смертельной опасности.

Къ 12 часамъ стало невыносимо жарко.

— Теперь немного лучше. Труповъ, какъ видите, убавилось. Вони меньше—говорилъ мнѣ одинъ изъ сопровождавшихъ офицеровъ.—А первые дни послѣ штурма здѣсь было что-то ужъ очень скверное. Труповъ навалило тысячами. Жарища. Убирать ихъ не успѣвали. Да японцы днемъ и не позволяли убирать. Подъ палящими лучами солнца они быстро превращались въ какую-то жидкую массу. Лопатами приходилось сгребать. Зловоніе кругомъ было невыносимое, невѣроятное!

Все, буквально все пропиталось трупнымъ запахомъ. Бѣтъ первое время не могли, несмотря на обиліе приправляемаго чеснока. Теперь попривыкли.

Дѣйствительно, кругомъ стоялъ отвратительный запахъ: смѣсь труповъ, карболки и чеснока.

Какое выносливое животное человѣкъ! Собаки давно уже всѣ сбѣжали.

Всюду на шестахъ висятъ полотнища, смоченныя карболовой кислотой. Люди, пользуясь затишьемъ, отдыхаютъ, положительно зарывшись, гдѣ можно было, въ землю.

Китайская стѣна возобновлена. На всемъ протяженіи занята она стрѣлками.

Вотъ она, настоящая обстановка осажденной крѣпости. Вотъ они, черные деньки веселаго Портъ-Артура.

Со всѣхъ концовъ земли великой собраны сюда люди для защиты этой пяди земли...

Капитанъ Степановъ, идя рядомъ съ Смирновымъ, оживленно докладываетъ ему о положеніи вещей.

Смирновъ останавливается, здороваётся съ людьми, знакомясь попутно съ произведенными и производимыми работами.

Такъ теперь все изрыто, что положительно не узнаешь уже знакомыхъ участковъ. Что же будетъ дальше?

Комендантъ словно бравивируетъ опасностью—то и дѣло, идя ходомъ сообщенія, останавливается и, несмотря хотя на рѣдкій, но не прерывающійся свистъ пуль—подолгу стоитъ на одномъ мѣстѣ.

Приходится останавливаться и намъ. Ничего не подѣлаешь.

Измучились мы всѣ страшно, когда Смирновъ, выйдя на военную дорогу, приказалъ подать лошадей.

Когда очутились наконецъ внѣ опасности, на душѣ положительно стало веселѣй.

Очевидно, человѣкъ это такое существо, которое хочетъ жить, жить во что бы то ни стало.

Ему все равно, что кругомъ люди тысячами умираютъ, лишь бы онъ остался живъ.

28-ое августа. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

28 августа.

Копія.

На разсвѣтѣ японцы открыли ружейный огонь по окопамъ на Сягушанѣ. Раненъ матросъ въ животъ.

Полковникъ Покладъ.

12 час. 10 м. дня.

Сегодня ночью передъ фортомъ № 2 взорвался самодѣйствующій фугасъ подъ наступавшими японцами. Сегодня непріятель обстрѣливалъ это мѣсто, и отъ снаряда взорвался другой фугасъ.

Подполковникъ Крестинскій.

4 часа 20 мин. дня.

Сегодня съ форта 2 высланъ охотникъ для осмотра ходовъ сообщенія и окоповъ, устроенныхъ японцами. Онъ прошелъ, японцевъ не встрѣтилъ. Въ 1000 шагахъ отъ форта 2 изъ сожженной деревни по немъ былъ открытъ одиночный, рѣдкій огонь, на который отвѣчалъ. Много труповъ и пулеметъ безъ ствола.

Полковникъ Покладъ.

10 час. утра.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

28 августа.

Копія.

Расположеніе частей западнаго фронта безъ переменъ. Ночью на постахъ небольшая перестрѣлка съ непріятельскими развѣдчиками.

Пользуясь предрассвѣтнымъ туманомъ, рота японцевъ подошла къ позиціи шт.-капитана Соловьева. Во-время замѣтили, отогнали залпами.

Капитанъ Романовскій.

11 часовъ 45 мин. утра.

Съ форта 4-го и Зубчатой доносятъ, что за Ляотъшанемъ слышенъ сильный гулъ выстрѣловъ, будто идетъ сильный морской бой, но на горизонтѣ ничего не видно.

Оказалось, что японскій миноносецъ разстрѣливалъ мины.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

4 часа дня.

Комендантъ крѣпости, благодаря тому, что не совершенно оправившимся выѣхалъ вчера на атакованный фронтъ, сегодня чувствуетъ себя опять больнымъ.

29-ое августа. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

29 августа.

Копію.

Замѣчается, что на редутахъ 1 и 2 непріятель работаетъ болѣе открыто и подходитъ къ редутамъ съ ношею до 10, 9 час. вечера. Въ это время нужно обстрѣливать редутъ и измѣнить часы развѣдокъ.

Генераль Надѣинъ.

3 час. 30 м. дня.

Противъ Высокой горы японцы навалились на одинъ самодѣйствующій фугасъ.

Подполковникъ Крестинскій.

5 час. вечера.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

29 августа.

Копію.

Въ расположеніи передовыхъ частей западнаго фронта безъ перемѣнъ. Ночь прошла покойно.

Капитанъ Романовскій.

6 час. утра

Непріятель тихой сапой чуть не вплотную подошелъ къ Кумирнскому и Водопроводному редутамъ—дистанція 100-110 шаговъ. Всякое обстрѣливаніе прекращаетъ работы противника, но съ умолчаніемъ огня возобновляются, исправляются и выдвигаются впередъ. На Водопроводномъ редутѣ производятъ такое впечатлѣніе ихъ работа, что они хотятъ своими сапами отрѣзать редутъ отъ другихъ частей и обстрѣливать подходы къ нему.

Рѣшено съ нашей стороны вести контръ-сапу.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

8 час. утра.

Въ расположеніи передовыхъ частей западнаго фронта безъ перемѣнъ. Японцы окапываются у деревни Даянтоуа. Подъ вечеръ 60 японцевъ, подкравшись по гаюляну, вытѣснили наши секреты изъ деревни Людзятунъ. У Вандзятуня, по дорогѣ Гоудзятунъ забиваютъ колья для сѣтей. Около

3¹/₂ часовъ берегомъ бухты Луиза по направленію къ Угловой горѣ 50-60 всадниковъ, два полевыхъ орудія. Окопныя работы они производятъ ночью.

Капитанъ Романовскій.

9 час. утра.

За Волчьими горами въ 8 час. 25 м. утра японцы пустили воздушный шаръ. Въ бухтѣ Луизы канонерка.

Полковникъ Третьяковъ.

9 час. 30 м. утра.

Во время развѣдки въ ночь съ 27 на 28 въ командѣ поручика Ерофѣева выбыло изъ строя 2 нижнихъ чина. Одинъ дружинникъ, Кушинниковъ, раненъ тяжело въ голову.

Капитанъ Романовскій.

4 часа дня.

Поручикъ Плотнецкій отлично обстрѣлялъ мѣстность въ 160 шаговъ впереди Кумирнскаго редута мортирами.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

7 час. вечера.

Въ 3 часа дня Золотая гора, № 9 и Курганная открыли огонь по дер. Шуйшину.

Въ долинѣ рѣки Тахэ японцы подъ вечеръ производили практическую ружейную стрѣльбу. Мишени къ морю.

Сегодня въ 5 час. вечера сдѣлано пять фугасныхъ взрывовъ въ деревнѣ Шаличозца.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

8 час. 20 мин. вечера.

Негласный надзоръ за внутренними врагами.

Въ виду относительнаго затишья на всей оборонительной линіи, у коменданта крѣпости идутъ продолжительныя совѣщанія.

Генералъ Стессель, не принимая въ нихъ ни малѣйшаго участія, продолжаетъ воевать съ мирными жителями.

Понемногу раздѣливается со всѣми своими недругами.

И смѣшно и зло беретъ. Кругомъ враги, рѣшившіеся во что бы то ни стало овладѣть крѣпостью, а въ крѣпости главный начальникъ ведетъ другую войну.

Штабъ укрѣпленнаго раіона превратился въ верховное тайное учрежденіе.

Рейсъ, какъ магъ и кудесникъ, окруженный Рябининымъ, Павловскимъ, Колесниковымъ, Желтенко, о чемъ-то по ночамъ

совѣщается. Надъ комендантомъ, штабомъ крѣпости, Вершининымъ, редакцій—учреждается не гласный, но строгій надзоръ.

Всѣ бухты строго охраняются, чтобы ни одна записка не выскользнула изъ Артура.

Савицкій, Фокъ, Никитинъ подолгу заживаются у Стесселя. Все вниманіе обращено на внутреннихъ враговъ Стесселя. Атмосфера въ Артурѣ сгушалась.

Несмотря на назначеніе Стесселя генераль-адъютантомъ, болѣе дальновидные люди въ откровенной бесѣдѣ, съ оглядкой

Послѣ разрыва одиннадцатидюймового снаряда.

порицая дѣятельность начальника района, съ увѣренностью говорятъ:

— Кончится осада—не сдобровать ему. Приѣдетъ нашъ новый генераль-адъютантъ въ Петербургъ—возьмутъ, непременно возьмутъ его тамъ въ два кнута.

„Быть бычку на веревочкѣ“—чуть ли не припѣвомъ стало при разговорѣ о Стесселѣ.

Очевидно, всѣ эти разговоры доводились тѣмъ или инымъ путемъ до свѣдѣнія генераль-адъютанта, и послѣдній положительно день ото дня становился свирѣпѣе.

30-ое августа. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

30 августа.

Копія.

Къ бухтѣ „до кораблей“ прошло много обоза, 1000 пѣшихъ и много конныхъ. Изъ окоповъ у деревни Удзифанъ за Волчыя горы ушло до 100 людей. Черезъ перевалъ на Волчьихъ горахъ у 11 версты желѣзной дороги спустили на югъ обозъ.

Генераль-маіоръ Надѣинъ.

2 часа 45 м. дня.

Въ 2 часа дня по Заредутной батареевѣ непріятель открылъ огонь. Укрѣпленіе 3 и остальные батареи получасовымъ сосредоточеннымъ огнемъ потушили. У насъ потерь нѣтъ.

Генераль-маіоръ Надѣинъ.

8 час. вечера.

Въ 11 часовъ утра осадныя батареи послѣ восьмидневнаго молчанія открыли частый огонь. Батареи крѣпости потушили.

Около 5¹/₂ час. вечера по дорогѣ на перевалѣ вышлага хребта Волчьихъ горъ, въ тылу потушенныхъ батарей, были замѣчены команды въ 100-200 человекъ, въ двѣ шеренги тянувшія орудія.

Батарея № 22 съ разстоянія 9 верстъ открыла огонь по перевалу и разогнала. Вторая команда пыталась собраться два раза, люди шли сгибаться, но вновь открытый огонь заставилъ ихъ разсѣяться. Во второй разъ команда эта собралась черезъ часъ, но была опять разсѣяна.

Капитанъ Вамензонъ.

12 часовъ ночи.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

30 августа.

Копія.

Охотники шт.-капитана Соловьева очистили деревню Людзятунь отъ японскихъ развѣдчиковъ и въ ночь ее заняли.

На линіи западнаго фронта безъ переменъ.

Капитанъ Романовскій.

9 час. утра.

Въ полдень укрѣпленіе 4 открыло огонь по Угловой—замѣчены двуколки.

Развѣдчики капитана Неклюдова обнаружили, что на сопкахъ къ сѣверо-западу отъ дер. Вандзятунь вырыты окопы съ блиндажами. Передвиженія значительныхъ силъ не замѣчается.

Капитанъ Романовскій,

4 часа 45 м. дня.

Надсмотрщики, ун.-оф. Мельянцева и Абрамова, посланные исправить испорченную линию телефонов береговой обороны, **обнаружили введенный японский телефонъ.** Включение было и въ телефонную и въ телеграфную линии.

Мичманъ Ивановъ.

5 часовъ дня.

Наблюдалось сильное движеніе въ теченіе всего дня отъ бухты „Ю кораблей“ сильно груженныхъ китайскихъ арбъ.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

6 час. 20 м. вечера.

По линии постовъ и заставъ западнаго фронта приготовлены костры. Въ случаѣ отступленія ихъ зажгутъ наши.

Капитанъ Романовскій.

11 час. 20 м. вечера.

Уборка труповъ.

Въ ночь на 30 августа въ центрѣ сѣверо-восточнаго фронта убрано 500 труповъ; во время уборки раненъ китаецъ.

31-ое августа. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

31 августа.

Konin.

Вчера вечеромъ были посланы съ Куропаткинскаго люнета заурядъ-прапорщикъ Лозинскій съ 3 саперами и 3 артиллеристами съ заготовленнымъ фугасомъ; положивъ его въ ближайшій окопъ, взорвали—чѣмъ и испортили послѣдній.

Другая команда 11 роты 28 полка подходила къ Большому окопу, на правомъ флангѣ котораго стоялъ японскій часовой, при лучѣ прожектора прятавшійся въ окопъ. Впереди окопа лежала цѣпь японцевъ въ 10 шагахъ. Въ Большомъ окопѣ производились работы полуротой, другая полурота стояла съ ружьями (составл.) у деревни.

Полковникъ Покладъ.

6 час. утра.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

31 августа.

Konin.

Около 12 час. японцы повели наступленіе отъ Хоудзятуня и Таминзуана на посты конныхъ командъ. Наступленіе велось не менѣ какъ 3-мя ротами, густая цѣпь шла на фронтъ дер. „Безъ названія“. Особенно тѣснили фланговый постъ 14 полка. Посты, стоявшіе впереди деревни „Безъ названія“, отступили, зажегши костры. Форты въ этомъ направленіи открыли огонь. Снаряды ложились отлично — японцы отошли. Наши заняли

старое расположеніе. Потери у японцевъ большія, т. к., помимо снарядовъ, ихъ встрѣтили дружными залпами. Артиллерія же блестяще поражала площадъ наступленія (команды 14 и 15 полковъ).

Капитанъ Романовскій.

7 часовъ утра.

По донесенію казачьихъ постовъ: 1) отъ бухты Луизы къ деревнѣ Тамицуанъ и Угловой прошли 3 баталіона и эскадронъ; 2) на скатахъ Высокой и Угловой, въ окопахъ, замѣтно значительное движеніе и прибавленіе людей. На берегу бухты Луизы, у дер. Сяохондятунъ, видны люди, лошади.

Капитанъ Романовскій.

12 часовъ 20 м. дня.

Подробный объѣздъ генераломъ Смирновымъ атакованнаго фронта.

Рано, очень рано было, еще вѣяло утренней прохладой, когда мы выѣхали на фронтъ.

Кругомъ было тихо, лишь на с.-в. раздавались одиночные ружейные и орудійные выстрѣлы.

Противникъ весь атакованный фронтъ постоянно держалъ подъ рѣдкимъ орудійнымъ огнемъ.

Добрались ходами сообщенія до лит. Б. Большею частью пришлось идти совершенно открыто.

— Не люблю я этой гадости (ходы сообщенія)—сказалъ Смирновъ съ сердцемъ, поднимаясь на батарею.

Лит. Б представляла картину полного разрушенія.

— Это Вахнѣевъ виновать, что батарею такъ раздѣляли. Помните,—обратился комендантъ къ присутствовавшимъ командиру сектора капитану Жуковскому и другимъ: когда японцы возводили батареи, онъ не давалъ имъ покоя; во всѣ стороны стрѣлялъ и ко всѣмъ пристрѣлялся.

Японцы терпѣливо молчали, но зато и задали же ему трезвону во время бомбардировокъ.

Глядя на эту картину разрушенія, я вспомнилъ описаніе обороны Севастополя.

Какая огромная разница!

На долю внуковъ досталось горшее испытаніе.

Когда Смирновъ, а за нимъ и другіе поднялись на площадку орудія, подошелъ фейерверкеръ.

— Такъ что, ваше превосходительство, извольте сойти. Какъ только они кого увидятъ у орудія, полагаютъ, что наводятъ, сейчасъ пускаютъ, и не услышишь, изъ-за Сахарной головы. А прицѣлъ вѣрный, промаху не даютъ.

Только сошли, глазомъ не успѣли моргнуть: громъ, огонь, пыль, песокъ, осколки—снарядъ уже разорвался.—Комендантъ про-

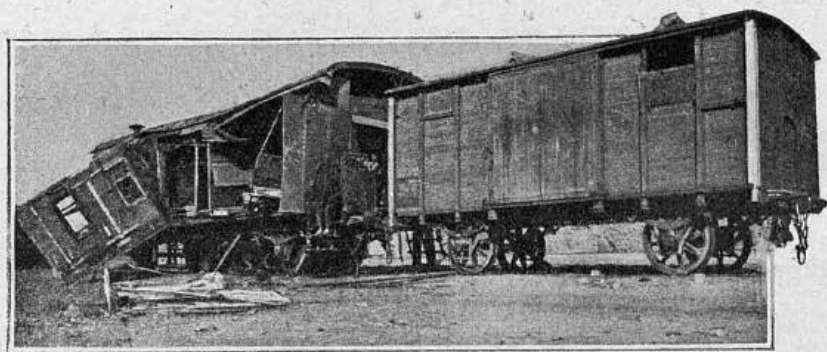
двинулся къ брустверу и, чуть выглядывая изъ-за него, бесѣдовалъ съ капитаномъ Жуковскимъ. Прорекогносцировавъ мѣстность, комендантъ тронулся дальше.

На фронтѣ огонь замѣтно оживлялся.

Опять началось это томительное путешествіе ходами сообщенія. Опять, повторяю, въ большинствѣ случаевъ это была лишь пародія на нихъ. Каменистый грунтъ, почти сплошной гранитъ не поддавался киркѣ.

Подходя къ Куропаткинскому люнету, попали подъ основательный ружейный огонь: пули съ рѣзкимъ свистомъ, казалось у самого уха, стремительно пронизывали воздухъ.

Взошли на капониръ. Всѣ постройки разбиты, бруствера оправлены, бойницы завѣшаны брезентомъ, изъ-за котораго

Разрушенный снарядомъ вагонъ.

караулятъ наши японцевъ. Чуть кто покажется—сухой трескъ винтовки, а со стороны японцевъ тоже въ отвѣтъ нѣсколько пуль. Обыкновенно достается японцамъ—кто-нибудь кувиркается.

Смирновъ подошелъ къ бойницѣ.

— Ну, молодчинище, дай-ка винтовку. Попробую и я снять кого-нибудь.—Стрѣлокъ, широко улыбаясь, подаетъ ружье.

Смирновъ взялъ винтовку и, отодвинувъ слѣгка брезентъ, началъ караулить.

Пули то и дѣло то цокали въ землю, то съ легкимъ свистомъ перелетали черезъ голову.

Комендантъ далъ нѣсколько выстрѣловъ. Всѣ наблюдаютъ.

— Кажется, удачно, а если и неудачно, то коменданту это, пожалуй, простительно—давно не стрѣлялъ. Какъ вы думаете, господа?

Въ отвѣтъ послѣдовало нѣсколько улыбокъ, фразъ, жестовъ...

Тронулись дальше.

Неприятное на меня произвела впечатлѣніе эта охота на людей, охота другъ на друга.

До какихъ невѣроятныхъ абсурдовъ можетъ дойти человѣкъ!

На капонирѣ есть любитель стрѣлокъ, который почти не сходитъ съ вала и бьетъ безъ промаха.

Говорятъ, что много на его душѣ японскихъ жизней.

Вотъ уже и на форту II-мъ, совершенно правильно названномъ Рашевскимъ: „нашъ страстотерпецъ“.

Внутренній дворъ, бруствера — все уже имѣло растерзанный видъ.

Смирновъ вышелъ на брустверъ, откинулъ брезентъ, пристально смотреть впередъ.

Стоимъ всѣ подъ деревянной нишей — прикрытіе отъ шрапнели, но и только: фугасная бомба пронизываетъ ее насквозь. А все-таки чувствуешь себя лучше, надежнѣе, какъ будто стоишь подъ вѣрной защитой.

Нужно только себя въ этомъ убѣдить, и становишься неизмѣримо спокойнѣе.

Всѣ эти безстрашные офицеры, стрѣлки, разгуливающіе совершенно спокойно, непринужденно разговаривающіе, беззаботно смѣющіеся, — всѣ они безусловно были въ состояніи полугипноза.

А иначе развѣ мыслимо прожить здѣсь долго, выдержать вихрь бомбардировокъ?

Видъ у людей сравнительно бодрый; но печать лишений, глубокихъ, сильныхъ волненій, пережитыхъ томительныхъ часовъ лицомъ къ лицу со смертью, — рѣзкой гранью и навсегда легла на ихъ сѣрыя, загорѣлыя лица.

Ознакомившись съ боевой обстановкой II-го форта, тронулись дальше.

Миновали животрепещущій мостъ съ завѣшенной стороной къ неприятелю.

Только подъ прикрытіемъ полотнища брезента можно проскользнуть съ надеждой не быть раненымъ.

Весь брезентъ испещренъ пулями.

Опять потянулись ходами сообщенія.

Былъ періодъ, когда путь отъ форта II-го до форта III-го обстрѣливался съ 3-хъ сторонъ: сзади редутъ II, вправо редутъ I и впереди, прямо — тоже расположеніе противника.

Сначала шли изгибомъ и подъ прикрытіемъ Китайской стѣны.

Затѣмъ пошли совершенно открыто. Сзади возвышался редутъ II-ой.

Всѣ забыли о немъ. Смирновъ о чемъ-то оживленно бесѣдовалъ съ однимъ изъ сопровождавшихъ его офицеровъ.

Я занялся осмотромъ могилъ.

Ямы рылись неглубокія; сваленные трупы заливались известкой и наскоро засыпались землей.

Вѣтеръ, разсѣивая песокъ, обнажалъ руки, ноги, а то и головы погребенныхъ японцевъ.

Картина была не изъ обыденныхъ.

Вдругъ засвистали пули сзади.

— Эге! да насъ съ редута обстрѣливаютъ.

Оглянулись: такъ и есть—мы подъ обстрѣломъ редута. Пуля за пулей впивались вокругъ насъ въ землю.

Бруствера—какъ на ладони, а мы на постоянномъ прицѣлѣ.

Смирновъ, не прибавляя ходу, шелъ да только посмѣивался.

Я далекъ былъ отъ веселья.

Нѣтъ ничего отвратительнѣй, когда обстрѣливаютъ васъ въ спину.

Я положительно не понималъ этого издѣвательства со стороны Смирнова.

Мы продолжали покорно идти за нимъ.

Впереди, какъ земля обѣтованная, виднѣлась опять Китайская стѣна съ устроенными для предохраненія отъ ружейнаго огня траверсами, сложенными изъ земляныхъ мѣшковъ.

Отлегло на душѣ, когда очутились за прикрытіемъ перваго траверса.

Вотъ здѣсь, теперь, идя этой дорогой смерти, я воочию убѣдился, какое превосходство имѣлъ противникъ, овладѣвъ редутами I-мъ и II-мъ. Почти полпути отъ форта II до форта III обстрѣливалось ружейнымъ огнемъ.

Пришлось положить массу труда и времени для обезпеченія сообщеній и гарнизона отъ пораженія пулями.

Это уже было послѣ перваго штурма.

Лавируя между траверсами, стали чувствовать себя легче.

Пуль не такъ легко было насъ пронизать. Зато трупный удушливый запахъ сталъ нестерпимъ.

Всюду попадались полузакопанные трупы... миллиарды мухъ звенѣли въ тихомъ, раскаленномъ воздухѣ полудня.

Наступилъ на совершенно уже обнажившійся черепъ. Наклонился, чтобы его взять. Капитанъ Жуковскій, замѣтивъ мои манипуляціи, крикнулъ:

— Охота вамъ трогать. Смотрите, не совѣтую!

Я машинально повиновался.

Измученные, грязные, добрались наконецъ до форта Ш-го. Комендантъ, принявъ рапортъ, вышелъ опять на брустверь.

— Ваше превосходительство, сойдите: сейчасъ привлечете огонь!

— Да я черезъ эти щелочки ничего не вижу. Мнѣ нужно поближе разглядѣть, что творять у васъ здѣсь японцы.

Однако пришлось подчиниться.

Коммерсанты Портъ-Артура.

Всѣ опять подъ нишей бруствера, бойницы котораго также были завѣшены парусиной.

Кругомъ та же обстановка, что и на фортѣ II-мъ.

Все тѣ же измученные, загорѣлые лица.

Говорять, что въ войнѣ есть поэзія.

Есть она, но только въ воображеніи поэта.

Возвращаясь къ штабу Надѣина, уже верхомъ подымаясь въ виду непріятеля по совершенно открытой дорогѣ въ направленіи Скалистаго Утеса, я невольно вспомнилъ югъ Россіи.

То же солнце, тѣ же люди.

Но какъ тамъ тихо и покойно. Милліоны людей, съ лихорадочнымъ интересомъ читавшіе объ оборонѣ Артура и теперь

совершенно забывшіе эту величественную картину великой осады, не имѣли даже приблизительнаго понятія, что такое защита крѣпости при современной техники артиллеріи. Самая пылкая фантазія не могла предвосхитить того, чему русскіе люди были непреложными свидѣтелями въ Артурѣ.

Тихо было иногда и у насъ на фронтѣ.

Но это затишье передъ грозой!

Японцы постепенно собирались съ силами. Они методичны во всемъ.

Они, не теряя секунды, готовились къ новой атакѣ, новому штурму.

Десятки тысячъ враговъ, стальнымъ кольцомъ окружившіе насъ, твердо рѣшили:

— Хотя на одинъ день, но Артуръ будетъ нашъ!!

1-ое сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

Копія.

1 сентября.

Около полудня черезъ переваль Шининзы прошло 6 полевыхъ орудій.

Поручикъ Соломоновъ.

1 час. 20 м. дня.

В 8 часовъ

орудій.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

1 сентября.

Копія.

Развѣдчики 26 полка, пройдя черезъ Дивизионную, черезъ долину Кумирни, взобрались на противоположную гору, прокрались мимо часовыхъ и направились къ Острой сопкѣ, правѣ Угловой. Наткнулись на пустые окопы. На горахъ двѣ линіи окоповъ, а въ долинахъ три линіи. Не доходя дороги, замѣтили на Мертвой горѣ работы. Пробрались въ тылъ. На южномъ склонѣ Острой сопки увидѣли 9 орудій. Подошли, увидѣли, что это болванки: жестяныя большія трубы, положенныя на китайскія арбы. На сѣверномъ склонѣ оказалось 3 болванки, у орудія 20 японцевъ. Хотѣли пробраться на Трехголовую—тамъ много японцевъ. Возвращаясь назадъ, въ окопахъ усмотрѣли часовыхъ. Подкрались—оказались чучелами изъ мѣшковъ, большихъ и малыхъ. Японцы работаютъ съ 7 вечера до 12 ч. ночи. Развѣдка длилась двѣ ночи.

Прошу вылазкой задержать работы противъ Кумирнскаго редута.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

8 часовъ утра.

Въ 3 часа дня весь западный фронтъ открылъ огонь по квадратамъ.
Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

6 час. вечера.

Около 6 ч. вечера замѣчено движеніе на предгоріяхъ Угловой и у деревень Игазуанъ и Тамидзуанъ. Днемъ были небольшія перестрѣлки нашихъ дозоровъ съ японскими постами.

Въ расположеніи безъ перемѣнъ.

Японцы таскали ящики на Угловую и ея предгорія.

Капитанъ Романовскій.

8 час. 15 м. вечера.

Въ госпиталѣ.

Длинные палаты. Ряды коекъ. Скученно. Неуютно. Всѣ мѣста заняты. Большинство лежитъ. Поправляющіеся въ желтыхъ халатахъ группами сидятъ на кроватяхъ, стоятъ у оконъ. Шума нѣтъ, но и не тихо. Санитары слоняются въ замусленныхъ, грязныхъ фартукахъ. Суетится добровольная сестра милосердія. Величественно отъ больного къ больному шествуетъ фельдшеръ. Воздухъ спертый, грязные полы. Недостатокъ въ бѣльѣ.

Впечатлѣніе тяжелое.

Это Дальнинскій госпиталь.

Подошелъ къ группѣ больныхъ.

Всѣ встали.

— Сяди съ, дорогіе.

Какъ тамъ живется?

— Сиди, баринъ. На фронтъ не пускаютъ. Совсѣмъ здоровъ, кажется, а докторъ наказываетъ ходить.

Постепенно всѣ втянулись въ бесѣду. Разспрашиваютъ про новости съ фронта.

Сталъ ободрять, обнадеживать.

Разсказывалъ подробно, что происходитъ на линіи, что за предѣлами Артура.

Группа больныхъ увеличивалась.

Всѣ внимательно слушали, жадно ловя каждое слово.

Посыпались вопросы. Едва успѣвалъ отвѣчать. Оживленіе росло. Начались шутки, смѣхъ. Спрашивали — правда ли, что всѣ артурцы получаютъ георгіевскіе кресты. Обнадежилъ. Трунилъ.

Совсѣмъ разошлись больные — о пережитомъ не было и помину.

— Баринъ, а баринъ! — вдругъ потянулъ меня рядомъ лежащій. — Очень мнѣ плохо! Выживу ли? — молящимъ, упавшимъ осомъ почти шепталъ раненый.

Я изъ Россіи, съ витебскаго полка переведенъ.

Вотъ уже третій мѣсяцъ, и все хуже, хуже...

Видъ истомленный, лихорадочный; сухой блескъ красивыхъ юношескихъ глазъ отражалъ много терпѣнія, много страданія.

Говорившій умолкъ—вѣки медленно опустились, руки безпомощно легли на грудь.....

Я спросилъ стоящаго рядомъ служителя — куда раненъ больной? Санитаръ, съ головой, напоминающей конусъ, съ преглупѣйшей фізіономіей, рѣзко спросилъ, поправляя раненому подушку:

— Энтотъ?

Помрѣтъ! убѣжденно отвѣтилъ конусъ и повернулся къ другому раненому.

Я, перебивъ служителя, хотѣвшаго еще что-то ляпнуть, взглянулъ на страдальца.

Большіе черные глаза смотрѣли на меня. Углы рта дрожали.

Глаза уже не были сухи, слеза катилась.

Я сталъ обнадеживать.

Раненый вдругъ скорчился отъ приступа боли. Выпрямился и, уставивъ на меня большущіе глаза, задумчиво сказалъ:

— Нѣтъ, не помрѣтъ!!

Баринъ, я четвертаго году служилъ въ Россіи, пригнали сюда. Раненъ только въ бедро. А болить все тѣло, ноетъ, болить.... Правда, я не умру? Правда, баринъ?

Взоръ его свѣтился мольбой.

Рядомъ лежалъ совсѣмъ еще мальчикъ съ ампутированной выше колѣна ногой.

На мой вопросъ отвѣтилъ почти дѣтскимъ голосомъ, послушнымъ, добрымъ, измученнымъ:

— Ногѣ отрѣзали.

— Когда?

— Вчера, а сегодня руку.

Смотритъ на меня сърыми, добрыми глазами. Въ лицѣ ни кровинки.

Другая рука тоже не дѣйствуетъ. Муха ползетъ по лицу.

— Сестрица, господинъ фельдшеръ, накройте пожалуйста лицо—тихо проситъ изуродованный человѣкъ.

— Какъ твоя фамилія?

.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать одинъ. Осенью взяли.
Солнце бросало уже косые лучи въ окно.
Быстро спускались сумерки.
Подавали ужинъ.

Противъ окна, въ сидячемъ положеніи, голова съ головой съ юношей—бородатый запасной; отъ человѣка осталась лишь его тѣнь. Въ груди хрипять.

— Что съ тобой?

— Вотъ животъ отсель и досель жжетъ, все жжетъ и жжетъ, а такъ все хорошо—на фронтъ бы ужъ пора.

Стоявшая сзади сестра шепчетъ мнѣ:

— Чахотка къ концу. Легкія изрѣшетены пулями.

Въ концѣ комнаты госпитальный фельдшеръ умираетъ отъ чахотки. Агонія. Отъ лица — комочекъ, отъ здоровеннѣйшаго мужчины—жалкій скелетъ.

Солнца уже нѣтъ.

Въ палатахъ зажигали огни.

2-ое сентября.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

2 сентября 1904 г.

Копіи.

Въ часъ ночи рота охотниковъ 26 и 16 полковъ, подъ командой подпоручика Пруссова и при зауряд-прапорщикахъ Нагорновъ и Шевчикъ и при подпоручикѣ 16 полка Цѣхановскомъ, атаковала Кумирнскія работы слѣва. Пруссовъ съ мѣста раненъ въ животъ. Шевчикъ убитъ рядомъ. Цѣхановскій, встрѣченный сильнымъ огнемъ изъ дальнихъ окоповъ, пробѣжавъ 50 шаг., залегъ. Пришлось отступить. Вылазка была подготовлена рѣдкимъ орудійнымъ огнемъ.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

5 час. утра.

Въ 5 часовъ утра вылазка съ цѣлью помѣшать работамъ не удалась. Раненъ прапорщикъ Крыляновъ.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

7 час. 25 м. утра.

Отъ бухты „то кораблей“ по холерному кладбищу къ Сироткѣ прошло нѣсколько обозовъ.

Подпоручикъ Юзеховичъ.

3 час. 35 м. дня.

Къ бухтѣ „10 кораблей“ шелъ обозъ, Перепелиная (лейтенантъ Сухо-млиновъ) открыла огонь. Два снаряда попали въ обозъ. Убито 5 человекъ, остальные скрылись въ кукурузу.

Контръ-адмиралъ Григоровичъ.

4 часа 55 м. вечера.

Въ расположеніи передовыхъ частей западнаго фронта безъ перемѣнъ. Японцы производили спѣшныя работы за Угловой и на хребтѣ, соединяющемъ ее съ Высокой, и таскали большіе жестяные ящики. Наши снаряды ложились прекрасно. Японцы прекратили работы и разбѣжались, но потомъ возобновили. Длинные окопы возводятся впереди дер. Тамицзуанъ.

Капитанъ Романовскій.

7 час. вечера.

Охотники Соловьева выяснили, что деревня Даянтоува и карантинъ заняты сильными пѣхотными частями. Японцы очень бдительны: при малѣйшемъ шорохѣ въ гаолянѣ открываютъ огонь. На Угловой работы идутъ; тамъ сосредоточено 20,000; тамъ же гелиографъ; отъ дер. Хоудзятунъ къ Угловой замѣтно движеніе артиллеріи.

Капитанъ Романовскій.

11 час. 10 м. ночи.

Японцы въ 70 челов. атаковали лунетъ правѣ Кумирнскаго редута, занимаемый охотничьей командой 26 полка поручика Ломана. Ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ лунета и редута отброшены. Идетъ сосредоточеніе въ дер. Шуйшінгъ, противъ Кумирнскаго редута.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

11 час. 15 м. ночи.

Секреты донесли, что японцы сосредоточиваются въ дер. Шуйшінгъ, противъ Кумирнскаго редута. На правомъ флангѣ вспышки, позже на немъ зажженный факель.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

12 час. ночи.

На „Монголіи“.

Тихо, хорошо было въ Артурѣ.

Свѣжее утро сентября прозрачно и ясно.

На фронтѣ и въ городѣ затишье.

Отъ набережной отваливалъ катеръ съ „Пересвѣта“.

— Братцы, доведите до „Монголіи“—вамъ мимо.

— Садитесь, садитесь, баринъ.

Дали задній ходъ.

Быстро неслись по почти зеркальной поверхности внутренней гавани.

— Нашъ-то командиръ капитанъ I ранга Бойсманъ тожъ на „Монголіи“.

— А что, хороший командиръ?

— Отца родного краше, лучше—заговорили всѣ разомъ.—
А въ бою! Ой, ой, ой, баринъ! Орелъ! Изъ орловъ орелъ!

Больно мы о немъ соскучились, желаемъ его назадъ. Все говорить: скоро да скоро, а не ѣдетъ. Да ужъ больно его испортило. Много ранъ, а ему ничего, это когда снарядъ ударилъ. Ушелъ, перевязался. Глянь—черезъ то минутъ назадъ. Обмотанный стоялъ на мостикѣ всю ночь. На рейдъ вошли, въ гавань стали,

На сухопутномъ фронтѣ.

а онъ не сходить. Распоряжается. Дивились мы ему. А жалостливый, этой самой жалости въ немъ конца края нѣтъ.

Отецъ родной!

Вы ему уже скажите, что команда соскучилась.

Катеръ былъ уже у трапа „Монголіи“.

— Да, сердешный человекъ нашъ командиръ, геройскій командиръ — басомъ санкціонировалъ сидѣвшій на рулѣ боцманъ. — Жестокій бой былъ. Будь съ той или другой стороны свѣжая сила—кто-нибудь раковъ ловилъ бы.

Вы, удѣляющій время моей книгѣ, уже знакомы съ „Монголіей“. Но я хочу еще ближе познакомить васъ съ назначеніемъ и дѣятельностью этого идеально устроеннаго пловучаго госпиталя.

Бывшій экспрессъ восточно-китайской желѣзной дороги,

быстроходный пароходъ „Монголія“ въ самомъ началѣ кампаніи былъ зафрахтованъ морскимъ министерствомъ для оборудованія на немъ пловучаго госпиталя и переданъ для выполненія этой задачи обществу Краснаго Креста.

Внезапно вспыхнувшая война и всѣ трудности, сопряженные съ ея послѣдствіями, не помѣшали уполномоченному Краснаго Креста егермейстеру Балашову, при энергичномъ содѣйствіи лицъ, преданныхъ задачамъ Краснаго Креста, — превратить экспрессъ въ кратчайшій срокъ въ пловучій госпиталь.

Изъ Петербурга, немедленно по объявленіи войны, со всѣмъ необходимымъ инвентаремъ выѣхалъ отрядъ докторовъ, сестеръ милосердія общины св. Георгія, студентовъ, фельдшеровъ и цѣлый штатъ санитаровъ.

Въ Артурѣ тѣмъ временемъ шли спѣшныя работы по оборудованію госпиталя, такъ что къ пріѣзду медицинскаго отряда 16 февраля онъ былъ уже почти готовъ.

Цѣль и значеніе этого госпиталя были очень широки: „Монголія“ должна была слѣдовать за эскадрой и все время держаться вблизи нея. Во время боя, она собственными средствами спасаетъ, въ случаѣ аварий, раненыхъ и погибающихъ какъ своихъ, такъ и непріятеля, и эвакуируетъ ихъ въ ближайшіе береговые госпитали Артура или Владивостока. Въ виду такихъ широкихъ задачъ, мнѣ показалось страннымъ, что пароходъ не имѣлъ собственныхъ паровыхъ катеровъ. Это единственный дефектъ, замѣченный во всемъ оборудованіи „Монголіи“. Приведенный краткій перечень активныхъ дѣйствій „Монголіи“ даетъ понятіе, насколько сложны и насколько могли быть плодотворны ея функціи въ открытомъ морѣ во время и послѣ боя, и говоритъ о томъ огромномъ рискѣ, которому подвергался весь ея медицинскій персоналъ и командный составъ.

Нужно при этомъ имѣть въ виду, что „Монголія“ представляла изъ себя не простой транспортъ для временной перевозки раненыхъ, не перевязочный пунктъ, а идеально устроенный госпиталь, отвѣчающій всѣмъ требованіямъ современной хирургіи и даже терапевтики и ввѣренный въ надежныя руки прекрасныхъ хирурговъ, какъ главный докторъ Р. Р. Кинастъ, врачей и студентовъ военно-медицинской академіи, цѣлаго штата сестеръ милосердія, изъ которыхъ многія дѣлаютъ вторую кампанію, а большинство изъ нихъ долгіе уже годы посвятили себя служенію страждущимъ; затѣмъ, отличныхъ фельдшеровъ и цѣлаго отряда обученныхъ санитаровъ.

Въ виду вынужденной стоянки эскадры въ порту—„Мон-

голія“ выполняла тѣ же функціи, какъ и береговые госпитали и лазареты, принимая раненыхъ для оперированія и лѣченія, которые послѣ каждаго боя, брандеровъ и бомбардировокъ распредѣлялись равномѣрно. Стоя въ порту, она принесла много пользы, какъ ближайшій къ морю госпиталь. Чудомъ спасшійся съ погибшаго броненосца „Петропавловскъ“ его командиръ, капитанъ 1 ранга Яковлевъ, котораго я видѣлъ на четвертый, а затѣмъ на 30-й день катастрофы, и который въ настоящее время благополучно здравствуетъ въ Россіи, а въ то время мало давалъ вначалѣ надежды на поправленіе — выхоженъ на „Монголію“. А сколько жизней отстояла еще „Монголія“! Имъ нѣсть числа.

Всѣ классныя и палубныя помѣщенія и верхніе трюмные отсѣки превращены въ больничныя палаты. Пассажирскія помѣщенія I класса превращены въ офицерскія палаты, а остальные для нижнихъ чиновъ.

Весь лазаретъ предназначенъ главнымъ образомъ для хирургическихъ больныхъ, но также есть отдѣленіе для внутреннихъ заболѣваній и отдѣленіе для заразныхъ больныхъ, которыми завѣдуетъ особый ординаторъ докторъ Ковалевскій.

Обходя всѣ помѣщенія, предназначенныя для больныхъ, на каждомъ шагу приходилось убѣждаться, что здѣсь всюду прошла заботливая рука, руководимая знаніемъ и любящимъ сердцемъ, отъ вниманія котораго не ускользнула ни одна мелочь, которая съ той или другой стороны не облегчала бы положеніе страдальцевъ.

Не говоря уже о прекрасномъ, свѣжемъ, питательномъ столѣ, ослѣпительной бѣлизнѣ постельнаго и носильнаго бѣлья (на „Монголіи“ собственная паровая механическая прачечная, уступленная броненосцемъ „Пересвѣтъ“), постоянномъ дежурствѣ около больныхъ очередныхъ сестеръ милосердія, присутствіе которыхъ, какъ женщинъ, посвятившихъ себя служенію страждущимъ, вносило въ печальную обстановку больничныхъ каютъ смягчающій элементъ,—сдѣлано было все, положительно все, чтобы насколько возможно предоставить больше удобствъ раненымъ и смягчить ихъ невольныя, но жестокія страданія. Напримѣръ, для доставленія на судно больныхъ приспособлена была огромная площадка, спускавшаяся къ водѣ посредствомъ крана къ приставшему катеру или лодкѣ. Больныхъ, не тревожа, укладывали на кровати-носилки, устанавливали на спущенную площадку (иначе какъ трудно и сколько мученій для раненыхъ во время бури или сильной зыби поднимать ихъ по трапу!) и

затѣмъ, поднявъ тѣмъ же путемъ на палубу, опускали черезъ огромный, специально приспособленный люкъ — прямо въ помѣщеніе для больныхъ, противъ малой операціонной.

Рядомъ съ общимъ помѣщеніемъ для хирургическихъ больныхъ расположена малая операціонная, двѣ перевязочныхъ и ванная комната. Всѣ помѣщенія просторны, очень свѣтлы, съ обильнымъ притокомъ свѣжаго воздуха и вечернимъ электрическимъ освѣщеніемъ.

На верхней палубѣ, въ бывшемъ—просторномъ, въ два свѣта—курительномъ салонѣ устроенъ главный операціонный залъ.

На сухопутномъ фронтѣ.

Эта операціонная, очевидно, пользовалась особеннымъ уходомъ и вниманіемъ всего медицинскаго персонала. Глазу не на чемъ было остановиться. Все блестѣло восхитительной, безукоризненной чистотой, начиная отъ, какъ зеркало, блестѣвшаго пола—до обтянутыхъ бѣлымъ линолеумомъ стѣнъ и выкрашенныхъ бѣлой краской потолковъ и шкафовъ съ хирургическими инструментами.

Въ одной изъ каютъ былъ установленъ рентгеновскій аппаратъ, посредствомъ котораго х-лучами опредѣляются мѣста нахождения застрявшихъ въ организмѣ пуль и осколковъ.

Если бы не море кругомъ и лѣсбезно сопутствовавшій мнѣ капитанъ парохода И. Д. Костюринъ, то трудно было бы повѣрить, что все, что мнѣ пришлось видѣть,—достояніе „Монголіи“, а не принадлежность одного изъ благоустроеннѣйшихъ береговыхъ лазаретовъ.

Кромѣ больничныхъ помѣщеній, перевязочныхъ, операционныхъ, на суднѣ прекрасная, богато снабженная всевозможными медикаментами аптека, въ завѣдываніи провизора М. С. Фейгельсонъ.

Нужно отдать полную справедливость г. Фейгельсону, что имъ сдѣлано было все, предусмотрѣны всѣ мельчайшія подробности хорошо, безукоризненно функционирующей аптеки, несмотря на то, что время для сборовъ въ Петербургѣ дано было минимальное. Главной заслугой г. Фейгельсона нужно считать установку аппарата, добывающаго кислородъ. Благодаря энергіи и знанію дѣла, аппаратъ этотъ настолько быстро и хорошо работалъ, что давалъ возможность снабжать этимъ цѣннымъ продуктомъ нѣкоторые береговые госпитали и лазареты.

Здѣсь на каждомъ шагу васъ поражала образцовая, безукоризненная чистота, которой можно достичь только на морѣ, и пунктуальность во всемъ распорядкѣ больничной жизни, возведенная въ квадратъ, такъ какъ госпиталь до извѣстной степени подчинялся судовымъ порядкамъ.

На мое восхищеніе по поводу замѣченной больничной чистоты и опрятности всего судна и больничныхъ помѣщеній, капитанъ парохода И. Д. Костюринъ, признанный достойнѣйшимъ занять отвѣтственную передъ всей Россіей должность командира „Монголіи“, поразилъ меня отвѣтомъ:

— А я нахожу, что у меня недостаточно чисто, благодаря не полному количеству судовой команды.—Мнѣ оставалось только развести руками.

Среди сестеръ милосердія на пароходѣ „Монголія“, помимо старшей сестры Ольги Серебряковой, въ качествѣ завѣдующей матеріальной частью служила сестра Ольга фонъ-Баумгартенъ, бывшая съ отрядомъ Краснаго Креста на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Трансваалѣ.

Осматривая матеріальную кладовую и искренно восхищаясь ею образцовымъ порядкомъ, я поинтересовался узнать у сестры разницу впечатлѣній пережитой и переживаемой войны.

— Тамъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлается здѣсь, были пустяки. Тамъ маленькія раны, а здѣсь одинъ ужасъ.

Послѣ обѣда въ каютъ-кампаніи, я съ командиромъ Измаиломъ Дмитріевичемъ Костюринымъ отправился пить чай на палубу.

Ночь уже царила. Красивая, южная.

Въ гавани и кругомъ, въ городѣ, на фронтѣ было тихо.

Всѣ, видимо, отдыхали въ этомъ покоѣ, наслаждались имъ, стараясь забыть, что это лишь временно.

Покой хоть на часъ былъ необходимъ. Онъ дѣйствовалъ цѣлительно. Потомъ что угодно, но теперь—еще, еще немного покоя.

Въ сторонѣ Водопроводнаго редута начался шумъ, все усиливаясь и усиливаясь.

Затрещали винтовки, зата-та-такалъ пулеметъ, загудѣли оружіе выстрѣлы.

Поднялись на командный мостикъ.

Грянула Перепелка, загудѣлъ с.-в. фронтъ. Засвѣтили боевыя ракеты, заметался лучъ прожектора.

Началось наступленіе въ сторонѣ редутовъ.

На мостикъ поднялась м-ме Гадъ, супруга лейтенанта — командира миноносца „Сильный“.

Всѣ мы, облокотившись на мостикъ, преспокойно наблюдаемъ за наступленіемъ, разсуждая—въ какихъ силахъ его вести противники.

Нервы притупились, никто не говоритъ, старается не думать, что тамъ льется кровь, что тамъ, умирая, стонуть, корчатся, ползая и грызя землю отъ боли, молятъ о смерти...

Непосредственно вокругъ „Монголіи“ тихо. Черныя громады броненосцевъ неподвижно, сумрачно стоятъ.

Онѣ словно необитаемы, словно все живое оставило ихъ. Ни огонька ни проблеска свѣта.

Моряки знаютъ, что врагъ замышляетъ ихъ истребить.

Неподвижныя громады ждутъ своей участи.

Наступленіе на редуты то усиливалось, то уменьшалось.

Постепенно все стало стихать, только Золотая гора, выбрасывая столбъ пламени, дыма и искръ, оглушая грохотомъ выстрѣла, заставляла вздрагивать, нарушая, воцарившійся покой.

Наконецъ и она стихла.

М-ме Гадъ оживилась, преискренно возмущаясь уже уфхавшимъ германскимъ морскимъ военнымъ агентомъ, который ей, русской подданной, осмѣлился порицать русскихъ, что они не умѣютъ воевать, что японцы непременно возмуть Артуръ, и больше русскимъ его не видать.—Я не знала, продолжала м-ме Гадъ, куда мнѣ дѣться. Ждала мужа.

Предложила невоспитанному гостю играть въ карты и то разъ подрядъ выиграла. Наконецъ онъ догадался уйти. На прощаніе я ему все-таки сказала:—Какъ я десять разъ выиграла, такъ и русскіе всегда выиграютъ.—Онъ ушелъ недовольный.

До глубокой ночи на палубѣ шла оживленная бесѣда.

Покой и просторъ звѣздной ночи манилъ къ себѣ, разсѣивая усталость, вселяя надежды...

Въ салонѣ кто-то, чуть дотрогивась до клавишъ, будилъ грѣзы Шопена.

А внизу, на первой палубѣ и глубже—сотни раненыхъ уже спали.

Тяжелые и слабые лишь жалобно, тревожно стонали...

Скоро и „Монголія“ уснула.

Простившись съ командиромъ—на двухвесельной миниатюрной лодочкѣ отправился на берегъ.

Ночь темная. Бухта покойна. Звѣздъ миллионъ.

Тихо, лишь отдаленные выстрѣлы изрѣдка гудятъ, прожектора свѣтятъ...

Люди—устали.

3-го сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

3 сентября 1904 г.

Копія.

Изъ Далунтоу въ Суншугоу спускались 30 вьюковъ безъ дистанціи, вплотную. 5-ю бомбами разбилъ. Потомъ удачно три бомбы по группамъ всадниковъ и вьюковъ.

Капитанъ Вамензонъ.

11 час. утра.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

3 сентября 1904 г.

Копія.

На западномъ фронтѣ безъ перемѣнъ. На Угловой японцы носятъ ящики. Ночь прошла покойно.

Капитанъ Романовскій.

9 ч. утра.

Стемпневскій 1-ый доноситъ, что японцы сзади Угловой горы разбираютъ наши блиндажи и приурочиваютъ для своихъ окоповъ.

Полковникъ Третьяковъ.

10 час. 20 м. утра.

По наблюденію капитана Стемпневскаго 1-го—40 всадниковъ, двигавшихся къ бухтѣ Луизы, разсыпались отъ нашихъ выстрѣловъ.

Полковникъ Третьяковъ.

4 час. 10 м. дня.

Морской районъ.

Телефонограммы.

3 сентября 1904 г.

Копии.

Миноносецъ „Расторопный“ привелъ захваченную японскую шхуну. Въ ней ящикъ пива и 8 японцевъ. На горизонтѣ блокирующія суда и миноносцы.

Лейтенантъ Мокалинскій.

3 часа 20 м. дня.

4-го сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

4 сентября 1904 г.

Копии.

Вчера вечеромъ охотники 4 роты 16 полка (6 чел.), подъ командой унтеръ-офицера Карпова, пошли снять японскій постъ. Охотники дождались прихода поста. Убили трехъ.

Полковникъ Покладъ.

5 часовъ утра.

Ночью наши батареи очень удачно обстрѣливали окопы. У Сахарной Головы прошли 5 повозокъ съ ранеными.

Полковникъ Покладъ.

7 час. 10 м. утра.

Непріятель въ часа началъ обстрѣливать Заредутную, Большое Орлиное Гнѣздо, капониръ № 1, фортъ 3-й.

Шт.-капитанъ Булгаковъ.

4 час. 11 м. дня.

Съ 4 часовъ противникъ съ батареей у Волчихъ горъ развилъ огонь по мѣстности лѣвѣе Орлиной.

Полковникъ Покладъ.

6 час. 20 м. вечера.

Въ 1 часъ 50 м. ночи, въ ближайшемъ окопѣ къ Водопроводному редуту (въ 80 шагахъ отъ редута) произошелъ взрывъ. Японцы немедленно открыли беспорядочный ружейный огонь, но отъ пулемета замолчали. Цѣлый день редутъ обстрѣливался рѣдкимъ огнемъ.

Капитанъ Головань.

8 час. 10 м. вечера.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

4 сентября 1904 г.

Копии.

Въ часъ ночи на Дивизионной горѣ перестрѣлка. Японцы отвѣчали съ Мертвой. Все быстро стихло.

Полковникъ Ирманъ.

4 час. утра.

Въ расположеніи западнаго фронта безъ перемѣнъ. Ночью канонерки обстрѣливали посты и заставу 14 полка. Рота японцевъ выбила нашу отдѣльную наблюдательную заставу изъ дер. Хоудзятунъ.

Капитанъ Романовскій.

5 час. 20 м. утра.

Въ 1 часъ ночи противникъ открылъ шрапнельный огонь по нашимъ передовымъ постамъ изъ орудій, поставленныхъ сѣвернѣе карантина, что на Малой Голубиной бухтѣ. Одновременно открыла огонь канонерка. Въ 3 часа ночи рота японцевъ отгѣснила нашихъ 12 развѣдчиковъ изъ дер. Людзятунъ. Развѣдчики съ постовъ встрѣтили залпами, но принуждены были отступить.

На Угловой, въ окопахъ и ея предгорьяхъ, замѣтно движеніе.

Вообще, послѣдніе дни противникъ на лѣвомъ флангѣ сталъ значительно предпріимчивѣе, и движеніе въ районѣ усилилось.

Капитанъ Романовскій.

11 час. утра.

Въ 5 часовъ дня непріятель обстрѣливалъ съ высоты у Волчьихъ горъ лит. Д. Снаряды, давая перелетъ, ложились у саперныхъ казармъ.

Полковникъ Петруша.

6 час. вечера.

Въ 4^{1/2} часа вечера непріятель открылъ огонь по форту 5. Отвѣчаютъ форты 3, 5, Саперная батарея, Высокая гора.

Полковникъ Ирманъ.

6 час. 50 м. вечера.

Обѣздъ генераль-лейтенантомъ Смирновымъ западнаго фронта.

Слѣдуя по Мандаринской дорогѣ, прибыли на Кладбищенское укрѣпленіе еще раннимъ утромъ.

Коменданта встрѣтили флигель-адъютантъ Семеновъ, подполковникъ Лебединскій, Крестинскій и многіе другіе.

Полковникъ Семеновъ по обыкновенію былъ энергиченъ и оживленъ, подробно докладывая коменданту о состояніи вѣреннаго ему отдѣла.

Впереди ясно различались Водопроводный и Кумирнскій редуты.

Смирновъ въ шутовомъ тонѣ критиковалъ проводимую генераломъ Фокъ теорію о разжиженіи стрѣлковыхъ цѣпей въ траншеяхъ.

— Фокъ вѣчно твердитъ (въ томъ числѣ и по моему адресу): подлецъ тотъ, кто густо сажаетъ цѣпь, резервы нужно далеко держать.

Я съ нимъ вполне былъ бы согласенъ, если бы количество можно было замѣнить качествомъ, т. е. хладнокровными, давно обстрѣленными и мѣткими стрѣлками. Если этого нѣтъ, то каждый изъ чувства самосохраненія и при извѣстной долѣ стадности—входя въ цѣпь рѣдкую, которую въ продолженіе долгихъ часовъ душатъ артиллерійскимъ огнемъ, не выдерживаетъ натиска, а если къ тому еще резервъ далеко—то всегда для противника обезпеченъ успѣхъ и прорывъ.

Всѣ, изъ опыта многихъ боевъ, вполне соглашались съ говорившимъ.

Послѣ бомбардировки.

— Нѣтъ, если бы я слушалъ Фока—мы бы сохранили много резервовъ, но пришлось бы скоро проститься съ Артуромъ. Съ Кладбищенскаго укрѣпленія проѣхали на Зубчатую гору. Во что превратилась фланкирующая ее Саперная батарея! Всѣ бруствера разрушены, изъ четырехъ орудій одно лишь осталось.

Моряки быстро ихъ исправляютъ; бруствера возобновляются.

Герой командиръ ея, кандидатъ на военно-судебныя должности, исполняющій обязанности казеннаго защитника, капитанъ **Вельяминовъ** былъ раненъ. Теперь уже оправившійся, встрѣтилъ коменданта съ рапортомъ.

Прощаясь съ капитаномъ Вельяминовымъ, я просилъ разрѣшенія его навѣщать. Въ этомъ офицерѣ чувствовался человѣкъ съ большой душой.

Его стихотвореніе на смерть Макарова:

Видѣніе матроса.

Самъ я съ собой совладать не могу,—
Былъ бы хоть сонъ, а вѣдь то на язу...
Какъ-то я ночью на стражѣ стоялъ;
Было темно ужъ, по морю бѣжалъ
Лишь безпокойный прожектора лучъ,
Да иногда выходилъ изъ-за тучъ
Мѣсяцъ, и снова скрывался изъ глазъ.
Вдругъ—это было въ полуночный часъ—
Вижу, идетъ броненосецъ;—у насъ
Всѣ ужъ стояли тогда на мѣстахъ.
Самъ я не знаю—объялъ меня страхъ:
Мнѣ бы тревогу скорѣе поднять,—
Я-жъ неподвижнымъ остался стоять...
Что-то родное въ немъ видѣлось мнѣ.
Судно скользило по сонной волнѣ...
Ближе и ближе... И тутъ я узналъ:
То „Петропавловскъ“ нашъ къ намъ подплывалъ.
Свѣтомъ какимъ-то особымъ облить,
Словно алмазами весь былъ покрытъ.
Шелъ онъ на рейдъ и, вотъ, сталъ, гдѣ стоялъ...
Только гляжу я: съ него адмиралъ
Дѣдушка сходитъ такой, какъ всегда;
По вѣтру вьется его борода;
Смотритъ такъ ясно, такъ смѣло впередъ;
Слѣдомъ за нимъ его штабъ весь идетъ.
Много народу у бухты стоитъ,
Что-то такое онъ имъ говоритъ;
Машетъ рукою—знать, катеръ зоветъ;
Вижу, и катеръ къ нему ужъ плыветъ.
Сѣлъ онъ, смѣется открытымъ лицомъ,
Словно какъ было предъ страшнымъ тѣмъ днемъ...
Днемъ, когда скрылся на вѣкъ подъ волной
Воинъ съ великою русской душой.
Сѣлъ онъ, и катеръ съ нимъ въ море плыветъ,
Дальше и дальше, впередъ, все впередъ!!..

Скоро туманъ поднялся надъ волной,
Небо смѣшалось съ сѣдой глубиной...
Скрылся и катеръ совсѣмъ ужъ изъ глазъ...
Я вдругъ очнулся, ночной то былъ часъ;
Холодъ какой-то по мнѣ пробѣжалъ;
Спать-же—я помню—тогда я не спалъ;
Было все то не во снѣ—на яву.
Съ этой поры совладать не могу
Съ думой, что камнемъ на сердцѣ лежитъ;
Дѣдушка все предо мною стоитъ.
Волны чернѣютъ, бушуютъ кругомъ,
Онъ же стоитъ съ просвѣтленнымъ лицомъ,
Смѣло куда-то стремяся впередъ...
Знать, и теперь онъ лишь нами живетъ,
Сердцемъ великимъ о насъ лишь скорбитъ,
Съ нами на морѣ повсюду стоитъ,
Слово какое-то хочетъ сказать,
Только не всякій-то можетъ понять
Мертваго тихую, тихую рѣчь!
Можетъ, въ могилу не можетъ онъ лечь,
Спать безпробуднымъ, таинственнымъ сномъ
Прежде, чѣмъ слово то всѣ мы поймемъ.
Все же какой-то мнѣ голосъ твердитъ—
Будетъ яснѣе онъ намъ говорить!
И какъ наступитъ таинственный часъ—
Съ моря теперь не свожу я ужъ глазъ,—
Жду не дождуся, когда онъ придетъ.
Вотъ и теперь—часъ ночной настаетъ,
Пусть засыпаютъ, кто можетъ лишь спать,
Я же на стражѣ вновь буду стоять.

Его работа на батарее, среди орудіянаго грохота, гула взрывовъ, гдѣ онъ лицомъ къ лицу встрѣчалъ смерть, а затѣмъ поѣздки въ городъ, на засѣданія военнаго суда, гдѣ онъ защищалъ обвиняемыхъ—вырывалъ ихъ изъ рукъ карающей Θεмиды—заставляли всѣхъ насъ относиться къ нему съ особымъ, глубокимъ уваженіемъ.

Этотъ человѣкъ жилъ полною жизнью. Жилъ такъ, какъ подсказывала ему его совѣсть.

Для многихъ онъ могъ служить примѣромъ.

Зубчатая батарея пострадала неизмѣримо меньше, т. к. на послѣдней былъ довольно устойчивый бетонъ.

По удивительной случайности, правофланговое морское 120 m.m. друдіе, ничѣмъ, кромѣ щита, не защищенное, было слабо повреждено, а прислуга совершенно не понесла потерь.

По дорогѣ на укрѣпленіе IV кто-то изъ сопровождавшихъ Смирнова разсказалъ преинтересный инцидентъ.

Оказывается, что во время послѣдняго объѣзда оборонительной линіи с.-в. фронта, когда Смирновъ приказалъ открыть огонь изъ полевыхъ мортиръ по перебѣгавшимъ группамъ

На сухопутномъ фронтѣ.

японцевъ, и непріятель немедленно отвѣтилъ шрапнелью,—генералъ Стессель сидѣлъ на Большой горѣ, находившейся на створѣ дѣйствующей артиллеріи. Шрапнель могла залетѣть и къ нему.

Генераль-адъютантъ страшно переполошился.

— Этотъ комендантъ куда ни покажется, немедленно затѣветъ перестрѣлку.

На форту IV и укрѣпленіи IV всѣхъ насъ поразила чистота и порядокъ. Не то, что на форту II и III. Положимъ, тамъ шла непрерывная борьба.

Возвращаясь въ городъ, заѣхали къ раненому полковнику Юлшину.

Разговоръ о дѣятельности нашихъ инженеровъ.

— Плохи, плохи они у насъ.

Рашевскій, Шварцъ, а затѣмъ и именъ нѣтъ.

Стессель отдалъ приказъ, чтобы Лиле и Родіоновъ не отлучались съ фортовъ. Этого имъ только и нужно. Засѣли и ровно уже ничего не дѣлають.

— Да, ваше превосходительство, инженеры у насъ ниже всякой критики—подтвердилъ Юлшинъ—ото всѣхъ это слышишь.

Не угодно ли, Лиле! Онъ просился въ Чифу съ порученіемъ; конечно, его не пустили.

Многому, многому научили насъ японцы, а мы и теперь не хотимъ работать, какъ слѣдуетъ.

Да, раньше долго насъ училъ западъ. А теперь дожили до того, что насъ началъ учить востокъ. Японія, недавно вышедшая изъ колыбели, явилась въ роли нашей строгой наставницы!!

Мы, занявъ Артуръ, живя наканунѣ вскрытія великихъ событий—не потрудились укрѣпить и вооружить Артуръ, отстоящій отъ центра имперіи за 10,000 верстъ.

Инженеры все взваливають на центръ. Правы!

Но все-таки, если бы здѣсь сидѣли люди честные, желающіе работать и меньше заглядывающіе въ „казенный карманъ“, всегда бы могли сдѣлать то въ теченіе шести лѣтъ, что сдѣлано было Смирновымъ въ теченіе 3—4 мѣсяцевъ.

Наши „большіе“ и „малые“ инженеры совершенно забыли, что техника артиллеріи бѣшено прогрессируетъ. Они, какъ оказалось, совершенно не были знакомы съ современной артиллеріей.

Они, дремля на золотыхъ лаврахъ, преспокойно слѣдовали архаическимъ завѣтамъ старыхъ учебниковъ о мобилизаціонныхъ работахъ въ крѣпости.

Въ крѣпости съ каменистымъ грунтомъ, которымъ обладаетъ Артуръ, грунтомъ, съ которымъ не справиться шанцевымъ инструментамъ, всѣ мобилизаціонныя работы въ главныхъ чертахъ должны были быть подготовлены заранее, на томъ простомъ основаніи, что противникъ всегда можетъ предпринять въ началѣ т. „Зауэровскую атаку“, что и подтвердили августовскіе штурмы.

Мобилизаціонныя же работы въ Артурѣ начались лишь съ прибытіемъ въ крѣпость новаго коменданта 4-го марта, до этого времени мобилизаціонныхъ работъ не производилось.

Все вниманіе было обращено на центральную ограду и, конечно, на форты и укрѣпленія.

Мобилизаціоннаго плана въ крѣпости не было, комендантъ его не видѣлъ.

Можетъ быть, генералу Базилевскому онъ и былъ извѣ-

стенъ, какъ ему, конечно, было извѣстно постепенное распределение крѣпостныхъ работъ, разсроченныхъ на 10 лѣтъ.

Но, къ несчастію, всѣ эти дѣла въ общей кучѣ были отправлены въ Харбинъ и никому не были извѣстны, съ новымъ комендантомъ во главѣ.

Спрашивается, почему новому коменданту не былъ врученъ планъ мобилизаціонныхъ работъ, планъ не скороспѣлый, планъ, въ которомъ за шесть лѣтъ можно было все предусмотрѣть и поработать.

На сухопутномъ фронтѣ.

Почему генераль Базилевскій не потрудился, если у него таковой былъ, вручить Стесселю мобилизаціонный инженерный планъ крѣпости? Почему Куропаткинъ, объѣзжая крѣпость, не потребовалъ плана мобилизаціонныхъ работъ крѣпости, исполненнаго хотя бы въ общихъ чертахъ?

По всему вѣроятію, его вовсе не было!!

Что же касается генерала Стесселя, то весьма возможно, что онъ даже не зналъ, что крѣпость должна имѣть мобилизаціонный планъ.

Есть вѣроятіе предположить, что онъ даже не зналъ, что такое мобилизаціонный планъ.

Всѣ крѣпостныя работы были изъяты изъ вѣдѣнія генерала Стесселя.

Онѣ были сконцентрированы у генерала Базилевскаго, дѣйствовавшаго совершенно самостоятельно и подчиненнаго только намѣстнику.

Генераль Стессель считалъ главной своей обязанностью разгонять и ругать на улицѣ извозчиковъ, возвращать не по формѣ одѣтыхъ нижнихъ чиновъ въ казармы, подсчитывать ному встрѣчнымъ и нагоняемымъ командамъ...

Въ особенности онѣ преслѣдовалъ фурлейтовъ, которые, при спускѣ двуколокъ, не могли удержаться на шагѣ и скатывались рысью.

Это уже было такимъ криминаломъ, что онѣ считалъ необходимымъ дѣлать объ этомъ намѣстнику особые доклады.

Этимъ занимался Стессель, и ему, конечно, было не до мобилизаціоннаго плана.

Что же въ это время дѣлалъ генераль-лейтенантъ Базилевскій?! генераль-лейтенантъ Величко?!

5-ое сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

5 сентября 1904 г.

Копіи.

Съ Волчьихъ горъ замѣчено групповое передвиженіе японцевъ въ дер. Шуйшинъ и въ блиндажи противъ Водопроводнаго редута.

Капитанъ Головань.

3 часа дня.

На фронтѣ происшествій не было.

Замѣтилъ сосредоточеніе противника въ направленіяхъ:

- 1) Отъ 11 версты къ дер. Дапалиджуанъ.
- 2) Съ середины Волчьихъ горъ туда же.
- 3) Отъ дер. Дапалиджуанъ къ горѣ Дагушанъ.

Капитанъ Степановъ.

4 часа 10 м. вечера.

По правому склону Сяогушаня въ окопахъ засѣли японцы, поддерживаютъ ружейный и пулеметный огонь по направленію передовыхъ постовъ и охотничьей команды. Посты на прежнихъ мѣстахъ и отвѣчаютъ.

Поручикъ Соломоновъ.

11 час. 30 м. вечера.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

5 сентября 1904 г.

Копіи.

4 сентября, съ 3 1/2 час. до 6 часовъ вечера осыпалъ фортъ V снарядами.

Полковникъ Третьяковъ.

2 часа ночи.

Около 2 час. ночи покатили изъ Кумирнскаго шаровую мину.

Сначала шаръ не катился. Лейтенантъ **Подгурскій** съ минеромъ вскочили на гласисъ и шаговъ десять толкали шаръ, пока онъ не загромыхалъ по доскамъ къ неприятелю, который, предполагая, что мы наступаемъ, открылъ самый сильный огонь и взорвалъ свои двѣ мины. Лейтенантъ **Подгурскій** и минеръ остались невредимы; отъ взрыва на редутѣ погасли всѣ огни. Непріатель сразу прекратилъ огонь изъ ближнихъ окоповъ, продолжая стрѣлять изъ дальнихъ.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

3 часа ночи.

Со стороны бухты „го кораблей“ къ деревнѣ Шетиза и Михоудзы шло около 2-хъ баталіоновъ пѣхоты, по которымъ открылъ огонь съ Перепелиной батареи. Удачными выстрѣлами приостановилъ большое движеніе частей пѣхоты, оно продолжалось маленькими частями (приблизительно по полувзводу).

Лейтенантъ Сухомлиновъ.

12 часовъ дня.

На западномъ фронтѣ замѣтно движеніе на Угловой и въ окопахъ тоже. Съ заходомъ луны канонерка обстрѣливаетъ позиціи капитана Неклюдова. Отдѣльные группы японцевъ перебѣгали въ дер. Гоудзятунъ.

Капитанъ Романовскій.

4 часа дня.

Воскресеніе.

Цѣлый день густо-облачно. Прохладно. Осенью вѣтъ.

На фронтѣ и въ городѣ тишина. Съ полудня вначалѣ рѣдкіе выстрѣлы, затѣмъ они все чаще, чаще, сильнѣй.

Началась артиллерійская борьба.

Растетъ она и расширяется по всей оборонительной линіи.

Загудѣлъ береговой фронтъ, заревѣли изъ своихъ двѣнадцати-дцатидюймовыхъ чудовищъ броненосцы.

Канонада во всей силѣ.

Въ 4 часа пришелъ оркестръ квантунскаго экипажа къ Марінской общинѣ.

Черезъ полчаса донеслись звуки музыки.

Оркестръ игралъ увертюру изъ „Тангейзера“.

Начались оригинальные звуковые эффекты.

То слабѣй, то сильнѣй звучитъ безсмертное твореніе великаго Вагнера, а ему аккомпанируетъ говоръ сотенъ орудій, то стихая, то усиливаясь и моментами удачно подчеркивая *fortefortissimo* своимъ демоническимъ ревомъ.

Что сказалъ бы могучій Вагнеръ, прослушавъ „Тангейзера“ въ такомъ диковинномъ исполненіи?

Второй штурмъ. 6-ое сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

6 сентября 1904 г.

Konin.

Прожекторъ на форту III разбитъ японскими пулями. Мѣстность освѣщается ракетами.

Капитанъ Степановъ.

1 часъ 15 м. ночи.

Ночью противникъ обстрѣливалъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ охотничью команду, фортъ I и посты по всему участку.

Передъ укрѣпленіемъ № 2 пытался перерѣзать проволоку, но былъ встрѣченъ залповымъ огнемъ и разбѣжался, оставивъ на мѣстѣ 2 ружья и окровавленную туфлю.

Полковникъ Покладъ.

3 часа 10 м. утра.

Въ 9 часовъ утра сильный огонь по Большому Орлиному Гнѣзду.

Капитанъ Степановъ.

9 часовъ 40 м. утра.

На третьемъ участкѣ ночь прошла покойно. Пользуясь отсутствіемъ освѣщенія, японцы продвинулись сапой подъ капониръ № 2 и заложили окопъ въ 16 мѣшковъ на ближайшемъ скатѣ форта № 2.

Съ 7¹/₂ вечера непріятель открылъ стрѣльбу по участку отъ горы Сиротка, съ Волчьихъ горъ близъ 11 версты и Дагушаня.

1-е и 3-е направленіе фланкируютъ 3-ій участокъ, обстрѣливая пути сообщенія.

Идетъ массовая работа осадныхъ батарей.

Наши батареи отвѣчаютъ сосредоточеннымъ огнемъ. На вершинѣ Дагушаня 2 орудія.

Подполковникъ Гандуринъ.

11 часовъ утра.

Одиночные люди перебѣгаютъ по крытымъ ходамъ редута № 2.

Поручикъ Соловьевъ.

4 часа дня.

Ружейная перестрѣлка и убійственный артиллерійскій огонь сосредоточены на Водопроводномъ редутѣ.

Генераль-маіоръ Надѣинъ.

5 час. 15 м. вечера.

Съ Орлинаго Гнѣзда сообщили, что замѣчается большое движеніе у вокзала на 11 верстѣ.

Поручикъ Соловьевъ.

6 час. 15 м. вечера.

Доношу, что при штурмѣ Водопроводнаго редута подь непріятелемъ вались самодѣйствующие фугасы.

Подполковникъ Крестинскій.

7 час. 30 м. вечера.

День прошелъ въ артиллерійской борьбѣ. Къ вечеру замѣчено скопленіе японцевъ въ окопахъ передь фортомъ № 3, капонирами 2 и 3 и за редутами 1 и 2. Ночью или на разсвѣтѣ можно ожидать штурма.

Подполковникъ Гандуринъ.

9 час. вечера.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

6 сентября.

Копіи.

Поручикъ Друсскій въ 10 час. вечера доложилъ, что наши занимаютъ самый край задняго фаса Водопроводнаго редута. Атаки ротъ 27 полка пока безуспѣшны, жду результата послѣ прибытія подполковника **Бутусова** и новой роты 13 полка. Необходимо много носилокъ, санитаровъ, рикшъ. Убыль огромная.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

12 час. 20 м. ночи.

На Волчьей два пулемета подбито, остался одинъ. На Длинной испортился—отправленъ въ штабъ. На обѣихъ горахъ аппараты для бросанія минъ испортились. Прощу 2 пулемета.

Полковникъ Ирманъ.

1 час. 45 м. ночи.

Въ 6 часовъ утра непріятель отгѣснилъ наши посты за дер. „Безъ названія“. Подъ Угловой, передь Гоудзятунъ и далѣе на полуостровѣ японцы устроили глубокой ходъ сообщенія.

Въ конной командѣ 5 полка ранено 2 стрѣлка.

Капитанъ Романовскій.

6 час. 20 м. утра.

По западному склону длиннаго хребта, что между Угловой и Высокой горой, по направленію къ послѣдней прошло 3 баталіона. Вѣроятно, ночью будетъ штурмъ Высокой.

Капитанъ Романовскій.

1 час. 40 м. дня.

Японцы въ 100 шагахъ отъ Водопроводнаго редута поставили орудія и разрушаютъ брустверъ; кромѣ того, идетъ канонада со всѣхъ батарей на него и Кумирнскій.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

3 часа дня.

Непріятель разгромилъ атакуемый Кумирскій редутъ. Идетъ сильная перестрѣлка.

На Водопроводномъ тоже.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

4 часа 20 м. дня.

Кумирскій весь разрушенъ. Орудійный огонь усиливается, въ равной мѣрѣ ружейный и пулеметный. Всѣ непріятельскіе окопы сильно заняты.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

4 час. 20 м. дня.

На хребтѣ, соединяющемъ Высокую съ Угловой, и въ лощинахъ къ западу противникъ продолжаетъ сосредоточиваться. Въ окрестности Угловой сосредоточено до 2-хъ полковъ.

Капитанъ Романовскій.

4 часа 25 м. дня.

Съ 1 часа 30 м. дня начали обстрѣливать Высокую гору. Броненосецъ „Чинъ-иенъ“ и 2 канонерки тоже по Высокой.

Полковникъ Ирманъ.

4 часа 40 м. дня.

Непріятельскія батареи съ 2 час. сильно обстрѣливаютъ Длинную и Высокую горы, изрѣдка V фортъ. Противникъ долиной отъ бухты Луизы продвинулся впередъ. Въ деревняхъ по ротѣ, а впереди цѣпь, которая перестрѣливается съ нашими конными постами.

Посты отступили.

Капитанъ Веселовскій.

5 час. 15 м. вечера.

Японцы цѣпями по полуротн перебѣгаютъ съ Мертвой горы на Длинную и сильно обстрѣливаютъ форты 4, 5, укрѣпленіе 4-е, Длинную и Высокую.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

5 час. 55 м. вечера.

Въ 5 часовъ вечера за Высокой горой показались японскія колонны, по которымъ фортъ V открылъ огонь изъ всѣхъ орудій.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

6 час. вечера.

На Водопроводномъ редутѣ оба пулемета подбиты. Раненыхъ много. Убить шт.-капитанъ минной роты **Богговуть**. Редутъ весь разбитъ — безъ бруствера и закрытій.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

6 час. 55 м. вечера.

На Водопроводномъ редутѣ наши занимаютъ задній фасъ. Траншеи вправо отъ редута заняты японцами, т. к. охотничья команда 15 полка отступила.

Охотничьей командѣ приказано взять обратно.

Одна рота посылается на поддержку Кумирнскаго редута, другая къ Крепаторной импани.

Резерва нѣтъ. Просить выслать прямо къ нему одну роту.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

8 час. 10 м. вечера.

Капитанъ Скурыгинъ доноситъ, что онъ держаться на Водопроводной не можетъ: шесть разъ бросались въ атаку, но безуспѣшно.

Вмѣсто Скурыгина назначенъ **Бутусовъ**.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

10 час. 5 м. вечера.

Японцы ворвались и заняли часть нижняго окопа 27 полка на Длинной горѣ.

Наши выбиваютъ штыкомъ. Резервы японцевъ лѣвѣ Мертвой сопки.

Полковникъ Ирманъ.

11 час. 10 м. вечера.

За сѣвернымъ склономъ Угловой 6 орудій. Наши мало по нимъ стрѣляли, они безнаказанно обстрѣливаютъ Высокую.

Капитанъ Романовскій.

11 час. 30 м. вечера.

Стрѣльба по Высокой стихла. Изрѣдка огонь. Большія силы непріателя скопились за Сѣдловой горой, въ оврагахъ и предгорьяхъ Высокой.

Полковникъ Третьяковъ.

12 час. ночи,

Начался второй, сентябрьскій штурмъ.

Вся сила артиллерійскаго огня изъ сотенъ орудій сосредоточилась на Водопроводномъ и Кумирнскомъ редутахъ.

Превративъ ихъ въ груды развалинъ, противникъ устремилъ на нихъ штурмовыя волны.

Шесть разъ Водопроводный редутъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Шесть бѣшеныхъ контръ-атакъ, безумно храброй штыковой работы, гибель сотни жизней—не спасли редута.

Прибылъ **Бутусовъ**, и онъ ничего не могъ сдѣлать.

Японцы озвѣрѣли—тысячами лѣзли на редутъ.

Редутъ, обильно политый кровью защитниковъ, превращенный въ безформенную массу песка, камней, труповъ, желѣза и балокъ, достался наконецъ упорному, храброму и настойчивому врагу.

На развалинахъ редута развѣвалось знамя страны Восходящаго Солнца.

Редутъ водопровода горѣлъ и дымился. Кумирнскій продолжалъ еще держаться.

Но и онъ уже былъ въ агоніи.

7-ое сентября. Западный фронтъ.

Телефонограммы.

7 сентября.

Копія.

Противникъ ведетъ наступленіе на Высокую гору со стороны Голубиной бухты.

Слышно ура.

Капитанъ Головань.

1 ч. 40 м. ночи.

Комендантъ форта 3 сообщаетъ, что на наружномъ фасѣ Кумирнскаго редута виденъ японскій флагъ.

Капитанъ Степановъ.

9 час. 20 м. утра.

Фортъ 3 передаетъ: въ 8 час. 50 м. утра шт.-капитанъ Спредовъ и врачъ Аворовъ усмотрѣли въ бинокль японскій флагъ, простиравшійся на листвѣ деревьевъ влѣво отъ Кумирнскаго редута. По положенію предполагаютъ, что онъ водруженъ на редутѣ. Въ 9 час. 5 м. утра флага не видно. Лѣвѣе Кумирнскаго японцы сигналили зеркаломъ.

Наши съ Кумирнскаго отступаютъ массой, по одиночкѣ и по 2-3 лѣвѣе укрѣпленія 3-го.

Шт.-капитанъ Булгаковъ.

9 час. 50 м. утра.

Перепелиная удачно обстрѣляла 4 роты японцевъ, занявшихъ блиндажи вправо Кумирнскаго редута.

Лейтенантъ Сухомлиновъ.

11 час. 10 м. утра.

На участкѣ полковника Поклада шла перестрѣлка съ приблизившимся противникомъ.

Капитанъ Степановъ.

12 ч. дня.

Непріятель открылъ сильный огонь по Мортирной, Большому и Малому Орлиному Гнѣзду.

Капитанъ Степановъ.

4 часа 25 м. дня.

Въ деревнѣ Сюйшинѣ замѣтны непріятельскія колонны. Одиночные люди перебѣгаютъ къ Кумирнскому и Водопроводному редутамъ.

Капитанъ Головань.

5 час. 35 м. вечера.

Въ теченіе дня огонь по лит. Б, укрѣпленію 2, Большой, Опасной горѣ Ружейныя перестрѣлки передовыхъ частей.

Полковникъ Покладъ.

9 час. 25 м. вечера.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

7 сентября.

Копіи.

Японцы ведутъ атаку на лѣвый флангъ Высокой горы.

Роты 27 и 28 полковъ совершенно не обучены.

У меня изъ шести ротъ ничего не осталось.

Если не будетъ подкрѣпленій, не ручаюсь за исходъ боя.

Полковникъ Третьяковъ.

12 час. 35 м. ночи.

Всѣ три Кумирнскихъ укрѣпленія отступаютъ. Панлуншанскій держится.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

9 час. утра.

Японцы изъ пулеметовъ и 37 м/м орудій съ Сѣдловой горы обстрѣливаютъ окопы 2-ой роты.

Около 10 челов. прорвались черезъ окопы 4-ой роты и залегли на вершинѣ (уступъ горы), ихъ обстрѣливаетъ фортъ 5-ый шрапнелью.

Нижніе окопы 4 роты занялъ баталіонъ японцевъ.

Осадная батарея на Волчьихъ горахъ больше всего намъ вредить. Много убитыхъ и раненыхъ. Пулеметъ до сумерекъ поставить нѣтъ возможности.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

9 час. 35 м. утра.

Атака на Высокую отбита, только нижніе окопы въ рукахъ врага. Масса японцевъ убито, ранено.

Шт.-капитанъ Баумъ.

9 час. 50 м. утра.

Всю ночь до 9½ утра шелъ штурмъ Длинной и Высокой горъ. Съ разсвѣтомъ открылъ огонь по видимой цѣли—10 колоннамъ и цѣпямъ, штурмующимъ Высокую. Немедленно противникъ сталъ засыпать фортъ снарядами изъ осадныхъ орудій, выдвигая впередъ все время полевые. Два раза японцы всходили на Высокую и выкидывали свои флаги, оба раза были отбиты съ большимъ урономъ. Все время продолжалъ огонь совместно съ батареями лѣваго фланга. Японцы на лѣвомъ флангѣ отбиты. Съ форта вижу массу труповъ и раненыхъ, лежащихъ въ кучахъ и отдѣльно. Наши потери на Высокой и Длинной 200.

Мичманъ Романовъ.

10 час. 25 м. утра.

Изъ 150 чел. 9 роты 5 полка осталось 50. Всѣ окопы разрушены на Длинной. Помощью мѣшковъ исправляемъ. Мѣшаетъ орудiйный огонь.

Полковникъ Ирманъ.

1 часъ 30 м. дня.

На Кумирскомъ редутѣ горятъ блиндажи. Было нѣсколько удачныхъ попаданiй въ середину редута. На Водопроводномъ пожаръ. Лѣвѣ Кумирскаго редута укрѣпление занято нашими. Крематорная импань изрѣдка обстрѣливается фугасными бомбами.

Ни на Водопроводномъ ни на Кумирскомъ не замѣтно непрiятеля. Очевидно, попрятались по блиндажамъ. Рѣдкiй ружейный огонь на Панлуншанъ.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

1 часъ 30 м. дня.

Открытъ огонь по Зубчатой. Одинъ изъ Свинцовыхъ барачковъ взорванъ тремя подкравшимися лицами.

Передвиженiя у противника не замѣчается ни въ совокупности ни въ одиночку.

Водопроводный и Кумирскiй дымятся и обстрѣливаются нашими батареями.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

2 часа 40 м. дня.

Съ Длинной горы наши отступаютъ.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

4 часа 30 м. дня.

Начальникъ района находить необходимымъ подкрѣпить отрядъ Ирманъ. Высокую и Длинную необходимо удержать во что бы то ни стало.

5 ч. вечера.

Полковникъ Рейсъ.

Орудiя поставлены у подошвъ проэктирующихся за дер. Сюйшинъ горъ; открыли огонь по городу и Кладбищенской импани.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

5 час. 30 м. дня.

Длинная гора занята японцами.

Высокая, Дивизионная держатся. Плоскую и промежутокъ между ними держимъ, но съ трудомъ, т. к. Длинная гора командуетъ и обстрѣливаетъ тылъ. Идетъ усиленная бомбардировка Высокой, готовится штурмъ.

Полковникъ Ирманъ.

6 час. вечера.

Занять вновь Длинную средствъ нѣтъ. Длинная занята полкомъ около полка на правомъ флангѣ.

Полковникъ Третьяковъ.

6 час. вечера.

Лѣвый склонъ Высокой освѣщается съ моря прожекторами и въ то же время оттуда обстрѣливается.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

8 час. 20 м. вечера.

Воды въ водопроводахъ нѣтъ. Японцы прервали водопроводъ.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

8 час. 25 м. вечера.

Фортъ V бомбардируется съ Волчьихъ горъ, съ суши и канонерскихъ лодокъ изъ Голубиной бухты.

Сильно разрушенъ.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

9 час. 50 м. вечера.

Канонерки весь день сильно обстрѣливаютъ расположеніе нашихъ конныхъ постовъ, посты передовыхъ частей по линіи деревни „Безъ названія“ и горки восточнѣе Людзятуня.

Капитанъ Романовскій.

10 час. 10 м. вечера.

Передъ сумерками по Мандаринской дорогѣ прошелъ полкъ пѣхоты.

Капитанъ Романовскій.

10 час. 30 м. вечера.

Паль и Кумирнскій редутъ.

Сосредоточенный орудійный огонь сравнялъ его съ землей.

Забравъ эти два важныхъ передовыхъ пункта, всю силу удара противникъ направилъ на Высокую и Длинную горы.

Оставляется нами и Длинная.

Удержать ее нѣтъ возможности. Гарнизонъ таялъ.

Комендантъ Длинной капитанъ Москвинъ сильно раненъ. Стрѣлки начали отступать.

Капитанъ Москвинъ, увидѣвъ, что гарнизонъ его отходить, поднялся:

— Ребята! не оставляйте меня! Я комендантъ и долженъ здѣсь умереть—съ этими словами бросился впередъ къ брустверу и въ изнеможеніи упалъ.

Стрѣлки ринулись за нимъ.

Но удержать гору не было силъ.

Ее густо заняли японцы.

Штурмъ усилился.

Японцы неудержимо стремились на Высокую.

Съ занятіемъ Водопроводнаго редута, городъ лишился водопровода, но это не имѣло никакого значенія, такъ какъ, по

приказанію Смирнова, была вырыта масса колодцевъ, которые, помимо опрѣснителя, давали съ избыткомъ воды для потребностей гарнизона и населенія.

8-ое сентября. Западный фронтъ.

Телефонограммы.

8 сентября 1904 года.

Копіи.

Лѣвый флангъ Дивизионной горы обстрѣливается съ двухъ совершенно противоположныхъ сторонъ, при этомъ съ высшихъ точекъ. Теперь потери не велики, но днемъ нельзя будетъ держаться. Безъ приказанія отступать не буду.

Поручикъ 5 полка Костюшко.

2 час. 20 м. ночи.

Видна колонна японцевъ, поднимающаяся изъ-за Мертвой горы на Угловую.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

8 час. 45 м. утра.

На Водопроводномъ поставлена батарея. Кумирнскій густо занятъ, производятъ работы.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

8 час. 32 м. утра.

Штурмъ на Высокую отбитъ.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

8 час. 45 м. утра.

Идетъ сильная бомбардировка Высокой. Отвѣчать нельзя. Градъ бомбъ, шрапнелей, и пулеметный огонь съ Длинной.

Офицеры 5 полка переутомлены. Прошу смѣны изъ глубокаго резерва.

Полковникъ Ирманъ.

10 час. 40 м. утра.

Съ 1 часа дня японцы нѣсколько разъ превосходными силами перешли на наступленіе, но были отбиты.

Особенно тѣснили команду 14 полка поручика Руссау и $1\frac{1}{2}$ сотни казаковъ.

Капитанъ Романовскій.

11 час. 15 м. утра.

Наши пошли на Высокой въ атаку, чтобы выбить изъ миннаго блиндажа.

Поручикъ Глѣбовичъ-Полонскій.

1 часъ 55 м. дня.

Передовые посты на западномъ фронтѣ по старой линіи; противъ Голубиной сосредоточеніе противника.

Капитанъ Романовскій.

9 час. 20 м. вечера.

Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

8 сентября.

Konin.

Перепелиная открыла огонь по батареѣ на Волчьихъ горахъ—правѣе обстрѣливающей Курганную и фортъ № 3.

Снарядъ попалъ въ лѣвое орудіе въ моментъ выстрѣла. Орудіе перестало стрѣлять, оставшись съ угломъ возвышенія. Унесли трехъ раненыхъ или убитыхъ.

Лейтенантъ Сухомлиновъ.

9 час. 50 м. утра.

Съ 7 часовъ утра обстрѣливается Заредутная и весь участокъ лѣвѣе.

Вчера вечеромъ, во время бомбардировки укрѣпленія III-го ранены мичманъ Бошнякъ, 3 стрѣлка и 1 минеръ. Уничтожены блиндажи, мѣсто для пулемета. Капониръ II окруженъ окопами.

Подпоручикъ Соловьевъ.

10 час. утра.

Непріятель изъ-за желѣзной дороги обстрѣливаетъ ружейнымъ огнемъ фортъ № 3.

Шт. капитанъ Булгаковъ.

11 час. вечера.

Двѣ роты, двинувшіяся въ атаку, залпами отбиты и отступили къ Кумирскому и Водопроводному редутамъ.

Капитанъ Скурыгинъ.

Съ передовой цѣпи на линіи ж. д.

12 час. ночи.

Съ ранняго утра японцы повели усиленный штурмъ на Высокую гору, на которой главнымъ образомъ сосредоточили страшный орудійный огонь. Весь западный фронтъ и часть восточнаго фронта отвѣчали массовымъ огнемъ. Штурмъ усиливался; колонна за колонной стремились на Высокую гору, устилая всѣ ея предгорья и склоны горами труповъ. Въ 8 час. 45 мин. утра штурмъ былъ отбитъ; японцы остановили наступленіе, занявъ $\frac{3}{4}$ всей горы; въ нашемъ распоряженіи осталась лишь военная дорога, соединяющая Высокую гору съ крѣпостью.

Штурмъ этотъ отличался особеннымъ упорствомъ, сопровождаясь безумной храбростью. Мнѣ пришлось самому наблю-

дать, какъ японцы послѣ отбитія штурма не ринулись назадъ, а начали на гранитныхъ склонахъ Высокой горы устраивать изъ своихъ убитыхъ и раненыхъ товарищей, за неимѣніемъ земляныхъ мѣшковъ, бруствера, изъ-за которыхъ и поддерживали цѣлый день частый ружейный огонь по Высокой горѣ, всѣмъ ея подступамъ, форту № 5 и военной дорогѣ, прекративъ по ней всякое сообщеніе.

Цѣлый день, съ ранняго утра до поздняго вечера, осаждающій держалъ Высокую въ непрерывномъ орудійномъ огнѣ.

Положеніе Высокой съ каждымъ часомъ становилось тревожнѣй.

Результаты бомбардировокъ.

Японцы, занявъ ее на $\frac{3}{4}$, рѣшили во что бы то ни стало овладѣть ею. Медленно ползли впередъ.

Умирали, катились назадъ, но все-таки стремились впередъ.

Тащили трупы убитыхъ товарищей, сооружали изъ нихъ бруствера, за которыми прятались, спасались отъ ружейнаго огня нашихъ.

Японцы притаились и ждутъ подкрѣпленій, и никакая сила не могла ихъ отогнать назадъ.

Живые люди, спрятавшись за трупы убитыхъ товарищей, зорко слѣдятъ, что творится на вершинѣ горы.

Всѣ помыслы ихъ сходятся въ одномъ, устремлены къ одной цѣли:

Овладѣть Высокой! Овладѣть во что бы то ни стало!

Наши съ вершины отбиваются. Не беретъ ружье — скатываютъ огромныя каменныя глыбы.

Глыба катится, давитъ, расплющиваетъ мертвецовъ; живые отскакиваютъ и тутъ же падаютъ отъ пуль караулившихъ ихъ стрѣлковъ.

Вотъ она — поэзія войны.

Вотъ она — изнанка батальной картины.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

8-го сентября.

„... За два дня, 5-го и 6-го, мы израсходовали до 70000 патроновъ, въ снарядахъ же уже давно чувствуется недостатокъ, благодаря которому очень часто батареямъ не приходится отвѣчать на неприятельскіе выстрѣлы.

Съ 13 мая, т. е. со дня боя на Киньчжоу, и до 5 сентября общая наша убыль выразилась: убитыми 3,200 чел. нижнихъ чиновъ и 59 офицеровъ, ранеными 8,500 нижнихъ чиновъ и 286 офицеровъ. Изъ раненыхъ до настоящаго времени оправилось уже и вернулось въ строй не менѣе 2500-3000 ч.“

Уборка труповъ.

Въ ночь на 8-ое сентября уборка труповъ производилась подъ Высокой горой. Убрано было всего ок. 900 труповъ. Изъ партіи убитъ одинъ китаецъ, ранено два жандарма и два китайца.

9-е сентября. Западный фронтъ.

Телефонограммы.

9 сентября.

Копи.

Наша атака — выбить японцевъ изъ нижняго блиндажа — не удалась. Японцы стрѣляли изъ пулеметовъ (4 р. 28 полка капитанъ Аверьяновъ и 2 р. 13 полка поручикъ Ясевичъ — послѣдній раненъ).

Полковникъ Третьяковъ.

1 час. 35 утра.

Японцы наступаютъ по всему фронту на Высокую гору. Японская батарея стрѣляетъ съ Волчьихъ горъ. Держаться трудно.

Полковникъ Третьяковъ.

2 часа утра.

Показались 4 броненосца, „Ниссинъ“ и „Кассуга“.

Бонди.

7 час. 40 м. утра.

Сегодня въ 2 часа между Длинной и Мертвой взорвался самодѣйствующій фугасъ.

Поручикъ Дебагорій-Мокріевичъ.

2 часа 40 м. дня.

Шт.-капитанъ Ясенскій отлично обстрѣлялъ резервы на предгорьяхъ Высокой. Когда побѣжали — благодаря прекрасной корректировкѣ, орудейный огонь фортовъ, скорострѣлокъ 3 батареи и укрѣпленія V былъ энергиченъ и дѣйствителенъ.

Полковникъ Ирманъ.

6 час. 20 м. вечера.

Посты передовыхъ частей на старой линіи. Взводъ шт.-капитана Ясенскаго прекрасно обстрѣлялъ резервъ, притаившійся въ предгорьяхъ Высокой. Японцы сосредоточены южнѣ деревни „Безъ названія“. Передъ фронтомъ нашихъ постовъ они значительно усилились.

Капитанъ Романовскій.

10 час. 25 м. вечера.

Весь день фортъ V бомбардировался. Ранено 4.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

10 час. 45 м. вечера.

Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

9 сентября.

Копи.

60 въюковъ перешли переваль Шининзы къ Артуру.

Поручикъ Соломоновъ.

9 часовъ 50 м. утра.

На редутъ I поставлено 2 осадныхъ орудія, обстрѣливающія во флангъ фортъ III.

Шт.-капитанъ Булгаковъ.

5 час. 5 м. дня.

Рекогносцировка Высокой горы генераль-лейтенантомъ Смирновымъ и отбитіе штурма.

— Ну, господа, пора, ѣдемъ!

Посмотрите, какъ засыпаютъ Золотую гору; опять снарядъ разорвался на дорогѣ. Вотъ вѣдь удовольствіе — того и гляди засвѣтитъ сюда.

Городъ, портъ и Золотая гора усиленно обстрѣливались. И это который день, съ утра до вечера.

— Опять телефонъ — Смирновъ подошелъ. — Да откуда? Хорошо, согласенъ (садится, лицо стало серьезнымъ, взглядъ сосредоточенный), только успѣютъ ли? Романъ Исидоровичъ знаетъ объ этомъ? Хорошо! Я сейчасъ ѣду на рекогносцировку Высокой.

Помните, что это очень серьезно, а главное во-время. Отлично, отлично.

Ну-съ, до свиданія.

Вотъ, неугодно ли — прямо не отпускаютъ отъ телефона. Ну, идемте, идемте, а то опять кто-нибудь забарабанить.

Гаммеръ, сообщите въ штабъ и центральную, что я на фортъ V.

— Слушаю-съ!

— А карту взяли?

Вышли наконецъ.

— Здорово, друзья!

Ну, господа, какой дорогой?

Весь городъ подъ огнемъ. Кавалерійскому развѣдчику вмѣняется въ обязанность ѣхать рысью въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ открытое пространство, поражаемое непріятельскимъ огнемъ, и ѣхать на дистанціи 5 лошадей.

У насъ впереди все открытое пространство, непріятель дуетъ въ слѣбую—шутить Смирновъ.

Надъ головой воютъ снаряды; впереди, направо, налево, сзади рвутся на улицахъ снаряды.

Перешли на рысь.

На улицѣ обычное, нѣсколько задержавшееся оживленіе.

Навстрѣчу солдаты, дружинники, матросы съ ружьями, безъ ружей.

Лавки открыты. Статскихъ почти не видно. Если пропадается служащій въ торговой фирмѣ—иностранецъ. Всѣ русско-подданные переведены въ дружины; если они не въ формѣ, то съ крестомъ на головномъ уборѣ. Видъ у всѣхъ усталый; да какъ не утомиться за эти два мѣсяца, когда положительно никто не увѣренъ не только въ грядущемъ часѣ — минутѣ?

Изъ дверей магазиновъ выглядываютъ приказчики, одни почтительно кланяются, другіе прячутся.

Видъ у коменданта, дѣйствительно, суровый.

Съ каждымъ отдѣльнымъ встрѣчнымъ Смирновъ здоровается.

Старая исторія: одни отвѣчаютъ молодцевато, другіе совершенно теряются.

Потѣшаютъ дружинники: идти съ винтовкой на плечѣ; на „здорово, молодецъ“ ничего не отвѣчаетъ, но очень граціозно раскланивается, снимая фуражку. Смирновъ то и дѣло отмахивается отъ нихъ.

— Уничтожаемъ мы японцевъ безъ конца, а они лѣзутъ, какъ саранча. Нѣтъ, съверъ насъ совсѣмъ забываетъ—началь комендантъ.

Эка невидаль—собрать въ десять разъ сильнѣйшую армію и раздавить. Это не искусство.

Побѣдить армію, равную по силѣ — это дѣло даровитаго полководца.

Часть береговой линіи.

Побѣдить превосходящую въ силѣ, это заслуга неоцѣненная. Однако, чего мы такъ несемъ?

Миновали уже казармы квантунскаго экипажа, поднимаемся по военной дорогѣ.

— Э! фортъ-то V-й какъ засыпаютъ!

Вотъ пристрѣлялись! Шрапнель въ шрапнель садятъ. Ловко!

Дѣйствительно—на фонѣ совершенно чистаго, голубого неба надъ фортомъ V держится цѣпь бѣлыхъ-бѣлыхъ шрапнельныхъ облачковъ. Едва успѣетъ разсѣяться одно, рядомъ съ нимъ появляется другое, совершенно бѣлое, круглое, а затѣмъ овалъ нѣсколько расширяется и, теряя свою бѣлизну, начинаетъ разсѣиваться.

— Японцы перемѣнили тактику штурмовъ. Теперь они ведутъ дневную атаку. Ночью они не могутъ поддержать штурмъ артиллеріей: слишкомъ невѣрная стрѣльба. Днемъ же атакуемый пунктъ долбятъ фугасными и бризантными бомбами, а затѣмъ, переходя въ наступленіе, держатъ его подъ сильнѣйшимъ, сосредоточеннымъ шрапнельнымъ огнемъ.

Нашимъ показаться нельзя, да стрѣльба крайне невѣрная. Атакующихъ обыкновенно чистить, какъ это было на томъ фронтѣ, фланкирующая батарея.

Незамѣтно выѣхали на открытое мѣсто.

— Эхъ, чортъ возьми, не той дорогой поѣхали. Ну, все равно, не возвращаться же—рѣшилъ Смирновъ.

Слышно, какъ на форту рвется шрапнель и характерное завываніе сотенъ пуль, вылетающихъ изъ стакана.

Двѣ шрапнели разорвались впереди, правѣе.

Непріятель, замѣтивъ насъ съ ближайшей батареей, участилъ огонь.

— Дистанція 5 лошадей, рысью!—скомандовалъ Смирновъ. Гаммеръ повторилъ.

Конвой былъ далеко, не слышалъ, продолжалъ слѣдовать тѣсной группой.

Я полнымъ голосомъ повторилъ приказаніе—услышали.

Перейдя на рысь—я заглядѣлся направо. Развернулась красивая картина: крутой скатъ, дорога на Высокую, дальше склоны горъ, проектирующіеся одинъ на другомъ. Вдругъ слышу шуршаніе въ воздухѣ—словно большая птица пролетѣла совсѣмъ, совсѣмъ близко.

Разрывъ и пѣніе пуль.

Шрапнель разорвалась, казалось, надъ генераломъ, онъ былъ значительно впереди. Комендантъ нагнулся, конь въ карьеръ. Второй разрывъ ближе къ намъ. Перешли тоже въ карьеръ.

Японцы, очевидно, выпустили очередь.

Сейчасъ, сейчасъ, сію минуту будетъ вторая!!

Гаммеръ, пригнувшись къ лукѣ, летитъ, я за нимъ.

— Что съ комендантомъ, раненъ? — кричу.

Не слышитъ.

Еще ближе прошуршало въ воздухѣ—теперь уже раздались два взрыва, но далеко влѣво.

Комендантъ уже у подошвы форта.

Мы въ ужасѣ подлетѣли къ нему, предполагая, что онъ раненъ.

Шрапнель продолжала рваться надъ самой дорогой.

— Эхъ, вы, а еще адъютантъ,—обратился генералъ къ Гаммеру, когда мы подъѣхали, — видите, что къ намъ пристрѣливаются, и молчите.

Начали подниматься на фортъ. Прошли мимо маленькой противотанковой батареи, фланкирующей задній фасъ форта.

Артиллеристы повылѣзли изъ воображаемыхъ блиндажей. Смотрятъ во всѣ глаза.

— Здорово, молодцы артиллеристы! Спасибо за геройскую службу.—Здорово, часовой!

Комендантъ сошелъ съ коня, приказавъ укрыть коней. Подошли къ крутой лѣстницѣ, ведущей прямо на фортъ. Проѣхать открытой дорогой нельзя: она густо въ огнѣ.

— Такъ что, ваше превосходительство, на фортъ итти нельзя—доложилъ часовой.

— Это почему?— удивился Смирновъ.

— Тамъ, ваше превосходительство, этихъ много лопается. Вотъ, думаю, молодецъ — выручилъ.

— Спасибо, голубчикъ, а все-таки мнѣ туда нужно.

Не вывезло. Пошли.

Смирновъ хохочетъ.—Какъ это вамъ нравится? коменданта на фортъ не пускаетъ.

Шрапнель между тѣмъ начала чередоваться съ бомбой.

Поднялись и очутились прямо въ кухнѣ.

Попробовали пищу. Въ это время надъ кухней разорвалась шрапнель, по крышѣ забарабанили пули.

Въ открытую дверь видно, какъ солдаты въ минуты затишья стремглавъ перебѣгаютъ изъ блиндажа въ блиндажъ. Точь-въ-точь какъ это бываетъ во время сильного дождя—бѣгутъ скорчившись.

Фортъ V, это только по названію фортъ; здѣсь нѣтъ ни одного бетонного блиндажа. Уже теперь онъ представляетъ сплошную развалину.

Время обѣда.

Стрѣлки съ мисками несутся къ намъ; вбѣжали и опѣшили.

— Здорово, друзья! Ну, ну, не останавливайся, проходи, проходи, а то царапнетъ еще.

Выждутъ, какъ только разорвется шрапнель—во всю прыть черезъ дворъ въ свой блиндажъ.

— Такъ тошно, ваше превосходительство, страсть много онъ сюды пушаетъ, вздохнуть не даетъ—говоритъ кашеваръ.

Черезъ дворъ спѣшилъ комендантъ форта.

— Пожалуйте, ваше превосходительство, въ офицерскій блиндажъ.

— А гдѣ офицеры?

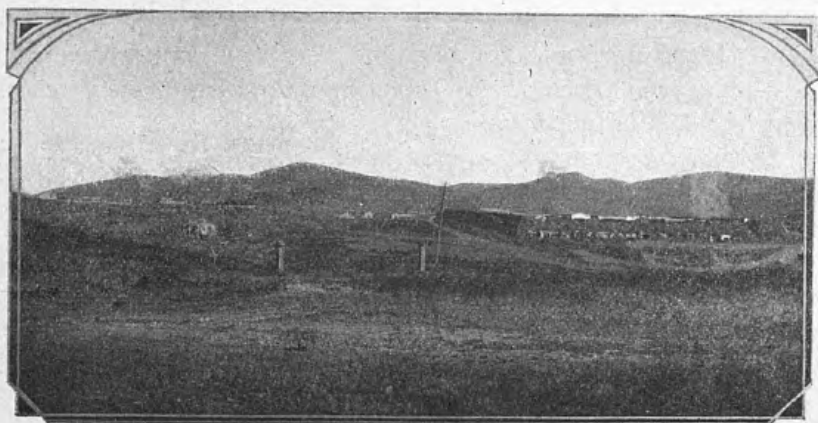
— Сейчасъ придутъ.

— Нѣтъ, я пройду вотъ туда, въ солдатскій.

— Только скорѣе, ваше превосходительство, сейчасъ бомба. Вышли. Не прошли трехъ шаговъ — бомба разорвалась посреди дворика, вслѣдъ за ней шрапнель.

Опять бомба, шрапнель — и пошло.

— Вотъ попали въ грязную исторію. Носу нельзя показать — все шутить Смирновъ.

Бомбардировка сѣверо-восточнаго фронта.

На дворѣ пусто.

Стремглавъ влетаетъ въ блиндажъ командиръ артиллеріи штабсъ-капитанъ Бѣлый, входитъ лейтенантъ Романовъ.

— Э! да у васъ тутъ и пульки летаютъ?

— Сегодня мало, ваше превосходительство, а вотъ ночью цѣлые рои визжали.

— Господа, однако я пріѣхалъ къ вамъ не въ блиндажъ сидѣть. Покажите, откуда лучше видно японцевъ на Высокой.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, теперь немыслимо — хоромъ всѣ заговорили. Подождите до 10 часовъ, въ это время огонь значительно слабѣе — японцы въ это время „чифанять“¹⁾.

(Японцы жили на часъ раньше, по токійскому времени. Это мы узнали при парламентарскихъ переговорахъ).

¹⁾ Обѣдаютъ.

— Вотъ что, Гаммеръ, прикажите-ка по телефону—пусть Электрическій утесъ побезпокоить японцевъ. (Всѣ просіяли. Еще бы—огонь немедленно станетъ слабѣе).

— Въ какомъ квадратѣ обстрѣливающія васъ батареи?

— 285 Мш, ваше превосходительство.

Всѣ уже наизусть знаютъ. Еще бы!

— Только телефонъ плохо работаетъ, ваше превосходительство.

— Ничего, доберетесь. Пока тамъ раскачаются—меня уже здѣсь не будетъ. Я о васъ забочусь. Нужно дать вамъ отдохнуть. Да и наказать ихъ слѣдуетъ, какъ они смѣютъ обстрѣливать коменданта (*смѣется*). Пусть восчувствуютъ.

Гаммеръ хотѣлъ итти.

— Пусть матросъ сбѣгаетъ, вы тутъ еще запутаетесь.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство; онъ скорѣй перепутаетъ.—Гаммеръ скрылся.

Пріѣхалъ генераль Горбатовскій.

Огонь самъ по себѣ началъ слабѣть; двинулись къ переднему фасу форта.

— Чего они суетятся? говоритъ мнѣ вернувшійся Гаммеръ.

— Коменданта вѣдь не проведешь. Сколько тутъ ни берегись—хлопнетъ фугасная въ блиндажъ, и кончено. Это—одни игрушки.

Поднялись на брустверъ.

Шрапнель продолжаетъ рваться надъ серединой форта.

Комендантъ наблюдаетъ, рядомъ Горбатовскій, Романовъ.

Высокая гора съ трехъ сторонъ обложена японцами, слышится ружейная трескотня. Надъ нами поютъ пули.

Сигнальщикъ-матросъ, стоя у дверей земляного блиндажа съ краснымъ флажкомъ, наблюдаетъ за обстрѣливающей фортъ батареей.

— Огонь! кричитъ онъ, взмахивая флагомъ, и черезъ секунду, другую спокойно скрывается въ блиндажъ.

Группа, стоящая у бруствера, рѣдѣетъ.

Смирновъ, Горбатовскій, Романовъ, Бѣлый, комендантъ форта остаются у бруствера.

Доносится звукъ выстрѣла, а черезъ нѣсколько секундъ слышно зловѣщее шипѣніе, гудѣніе какъ бы невидимой въ воздухѣ, быстро приближающейся змѣи.

— Есть—заявляетъ высунувшійся изъ блиндажа сигнальщикъ.

Посреди двора столбъ песку, камней, и грохотъ взрыва.

Матросъ опять у бруствера лицомъ къ противнику.

Опять „Огонь!“—и повтореніе стараго.

— Огонь!

Бббуухъ! раздался глухой взрывъ.

Снарядъ разорвался на склонѣ форта. Фортъ на горѣ.

Очевидно, пристрѣливаются къ группѣ.

— Однако, у васъ тутъ хорошая гимнастика — смѣется генераль, глядя на вползающихъ и выползающихъ изъ блиндажа стрѣлковъ и матросовъ.

— Такъ точно, ваше превосходительство. И смѣхъ и горе. Мочи уже нѣтъ.

— А японцы все-таки дикари! Смотрите—они лежатъ за своими мертвецами, которые, право, кажется, понемногу начинаютъ оживать отъ копошащихся въ нихъ червей. Дѣло не легкое. Коль жить хочется—и за мертвеца спрячешься.

Въ мою бытность въ Японіи, я наблюдалъ, какъ японцы боятся мертвецовъ. А тутъ днями около нихъ, и ничего.

Съ чѣмъ только смерть и боязнь смерти не примиряетъ?

— Огонь!

— О, чортъ возьми! — выругался кто-то. Снарядъ, словно испугавшись, перелетѣвъ, далеко разорвался за фортomъ.

Смирновъ, кончивъ наблюденіе, началъ прощаться. Обращаясь къ капитану Здановскому (коменданту форта), сказалъ:

— Я вамъ ночью пришлю лѣсъ, мѣшковъ и назначу инженера, который устроить вамъ во рву капониръ и усилить ваши блиндажи.

Гаммеръ, запишите-ка все это въ вашу книжку. —

Немедленно за разорвавшимся посреди форта снарядомъ быстро направились къ выходу.

Достигли его благополучно, подбодряемые рвавшимися сзади на наше счастье снарядами.

Уже спустились на дорогу, когда береговой фронтъ открылъ огонь по батареямъ, обстрѣливавшимъ фортъ V.

— Вотъ, наконецъ-то раскачались. Чистое несчастье!

Ну, и телефоны! Комендантъ не можетъ отдать сразу соотвѣтствующаго приказанія.

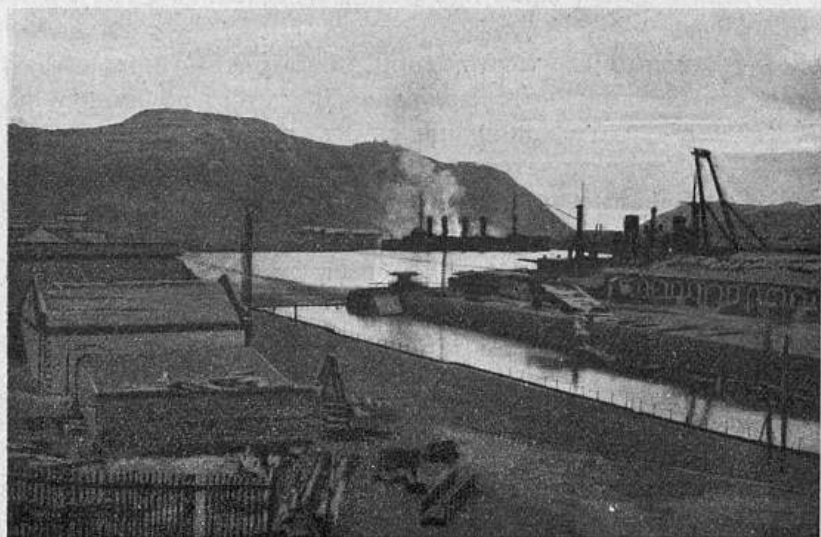
Да, телефоны въ крѣпости были ниже всякой критики.

А теперь я въ „Военномъ Сборникѣ“ читаю въ статьѣ „Нѣчто о Портъ-Артурѣ“, подписанной г. Тимченко-Рубанъ: „Средствами для устройства телеграфныхъ и телефонныхъ сообщеній крѣпость была снабжена, можно сказать, почти роскошно...“

Бумага все терпитъ.

На обратномъ пути генераль обратился къ Гаммеру:

— Дѣло обстоитъ съ Высокой горой очень тревожно. Японцы на $\frac{3}{4}$ ее заняли. Ждутъ ночи, будутъ штурмовать. Гдѣ-нибудь держать резервы. Надо ихъ опредѣлить и обстрѣлять. Если возьмутъ Высокую гору, дѣло будетъ нѣсколько серьезнѣй. Но *за этоѣ-то фронтѣ* я не боюсь. Здѣсь, вотъ на этой цѣпи горъ, я возведу двѣ вспомогательныя линіи обороны. Ситуація всей этой мѣстности для обороны восхитительна. Только вотъ городу и порту

Взрывъ снаряда на крейсере „Баянъ“

будетъ сильно доставаться. Съ Высокой горы они будутъ вести корректировку и начнутъ топить суда.

Ну, нѣтъ-съ, я имъ такъ дешево Высокой горы не уступлю.

Въ 1 часъ дня получилось съ наблюдательнаго поста на Голубиной бухтѣ отъ поручика **Ерофѣева** донесеніе, что въ полуверстѣ отъ него съ небольшой сопки открывается видъ на глубокую лошину, идущую къ подножію Высокой горы, въ которой притаился непріятельскій резервъ въ составѣ почти двухъ полковъ, очевидно, ожидавшій наступленія сумерекъ, чтобы начать новый штурмъ Высокой горы.

Генераль Смирновъ немедленно лично по телефону приказалъ начальнику своего штаба полковнику Хвостову вызвать изъ-подъ Ляотѣшаня или форта VI взводъ скорострѣльной батареи, съ приказаніемъ обстрѣлять притаившійся резервъ. Совмѣ-

стно съ этимъ приказалъ предупредить весь западный артиллерійскій фронтъ—быть наготовѣ дѣйствовать шрапнелью и сегментными снарядами по юго-западному подножію Высокой горы, откуда долженъ показаться непріятель.

Вызванный изъ-подъ Ляотѣшаня взводъ скорострѣльной батареи полковника Лаперова, подъ командой поручика Ясенскаго, тайкомъ, между складками мѣстности, не будучи замѣченнымъ осадными батареями, подкрался къ намѣченной лощинѣ. Открывъ бѣглый шрапнельный огонь по отдыхавшимъ и ничего не ожидавшимъ колоннамъ, началъ производить страшное опустошеніе. Японцы хлынули на скаты и, открывшись всей крѣпостной артиллеріи западнаго фронта, попали подъ его невѣроятно сильный огонь. Нѣсколько тысячъ труповъ устѣли всѣ скаты и лощину, остальные въ паникѣ разсѣялись. Конечно, взводъ скорострѣльной батареи, выѣхавъ на разстояніе 2 версты отъ непріятельскихъ аванпостовъ, могъ быть отрѣзанъ даже ружейнымъ огнемъ, а тѣмъ болѣе осадными орудіями, отъ которыхъ онъ находился въ 4-5 верстахъ. Но крайняя опасность подхода, лихость выѣзда, быстрота и вѣрность огня настолько ошеломили японцевъ, что они сразу не открыли огня. Когда осадныя батареи повели по взводу пристрѣлку, то послѣдній, исполнивъ первую задачу, перенесъ огонь на наши траншеи Высокой горы, которыя заняли японцы.

Между тѣмъ осадныя батареи успѣли пристрѣляться, и снаряды ихъ стали ложиться у самаго взвода; тогда орудія были скачены въ оврагъ.

Съ наступленіемъ сумерекъ, взводъ, не понеся никакихъ потерь, молодецки исполнивъ это трудное дѣло, вернулся на свою позицію, на Ляотѣшань.

Итакъ, у насъ былъ полный успѣхъ на южной половинѣ Высокой горы. Сѣверо-западная же сторона продолжала занимать японцами, расположившимися въ нашихъ блиндажахъ въ 60-80 шагахъ отъ вершины.

Въ эту же ночь, съ 9-го на 10-ое сентября, лейтенантъ Подгурскій (съ крейсера „Баянъ“) скатилъ въ непріятельскія траншеи полупудовую пироксилиновую мину, взрывъ которой имѣлъ потрясающія послѣдствія. Масса японцевъ была разорвана буквально въ клочки, многіе смертельно обожжены и ранены. Оставшіеся въ живыхъ бросились бѣжать; наткнувшись же на наши проволочныя загражденія и преслѣдуемые огнемъ и штыками 5 роты 5-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка, подъ командой штабсъ-капитана Сычева, были совершенно отброшены

внизъ. Послѣ этого японцы все-таки еще два раза пытались штурмовать съ остервенѣніемъ Высокую гору съ сѣверо-западной стороны, но оба штурма были отбиты со страшными потерями.

Утромъ 10 сентября баталіонъ японцевъ, расположившійся въ лошинѣ близъ Высокой горы, вновь попалъ подъ огонь нашихъ батарей, снова бросился на скаты и въ теченіе какихъ-нибудь 10 минутъ былъ уничтоженъ.

Такимъ образомъ, инициатива отбитія штурма на почти занятую уже Высокую гору всецѣло принадлежала коменданту крѣпости генераль-лейтенанту Смирнову, своимъ удивительно вѣрнымъ военнымъ глазомъ оцѣнившему обстановку и приказавшему во-время послать взводъ скорострѣльной батареи туда, куда послать ни одинъ частный начальникъ не рѣшился бы, боясь его истребленія или даже захвата въ плѣнъ ¹⁾.

Съ момента окончательнаго отбитія штурма на Высокую гору, постепенно начали очищать окопы передъ ея предгоріями, укрѣплялись лишь на Угловой горѣ. Всю энергію сапныхъ работъ направили на сѣверо-восточный фронтъ. Впереди всего западнаго фронта крѣпости остались лишь Высокая гора, Плоская и Дивизионная.

Августовскіе и сентябрьскіе штурмы сложились на Высокой горѣ, серьезное значеніе которой, какъ стратегическаго пункта, блестяще оправдалось. А сколько генералу Смирнову пришлось преодолѣть гигантскихъ препятствій, чтобы вооружить эту гору! Кто не помнитъ про фарсъ, разыгранный въ самомъ началѣ войны Стесселемъ, при его посѣщеніи Высокой горы?

— Зачѣмъ тутъ орудія ставить? Что за ерунда! Я прикажу полевой батарее, она лихо выѣдетъ на позицію Высокой горы и начнетъ громить штурмующихъ.

Генераль Стессель наивно думалъ, что противникъ будетъ осадять Артуръ безъ осадной артиллеріи и вести штурмъ, не подготовивъ его артиллерійской атакѣй.

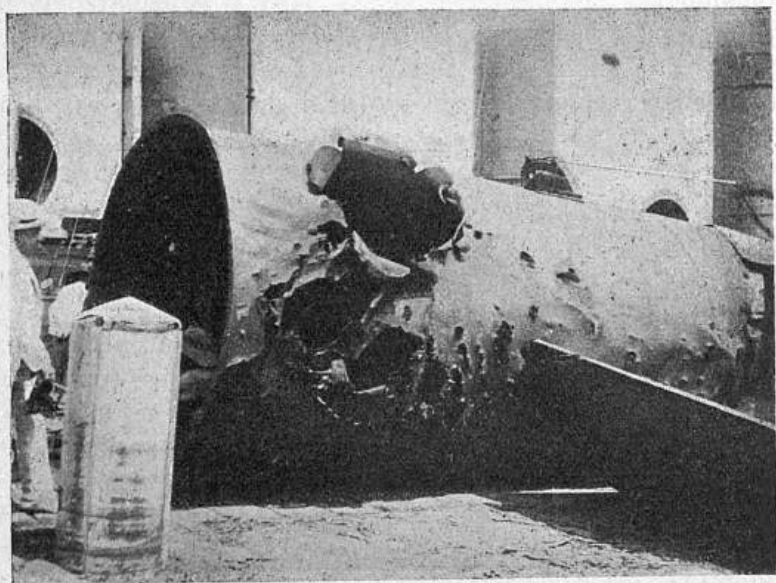
Генераль-адъютантъ Стессель въ своемъ приказѣ отъ 9 сентября, за № 637, отдалъ по крѣпости приказаніе, которое между прочимъ закончилъ слѣдующими словами:

„Слава и благодареніе Богу, слава войскамъ, героямъ. Слава Ирману, Сычеву, Подгурскому. Слава всѣмъ героямъ, начальникамъ и офицерамъ. Слава и благодарность героямъ охотникамъ,

¹⁾ Многие изъ артурскихъ генераловъ это дѣло приписываютъ себѣ, въ томъ числѣ и генераль Никитинъ, который гордо увѣряетъ, что георгіевскій крестъ полученъ имъ именно за Высокую гору.

взорвавшимъ блиндажъ. Богъ далъ намъ возможность отбить врага. Молитесь Ему". (Читая этотъ приказъ, мы никакъ не могли понять, кому рекомендуетъ намъ генераль-адъютантъ молиться, Богу или врагу?).

Въ приказѣ ни однимъ словомъ не упомянуто о генералѣ Смирновѣ, главномъ виновникѣ отбитія штурма. Въ этомъ видѣ пошло донесеніе въ Петербургъ и попало во всѣ газеты. Съ момента своего назначенія, генераль-адъютантъ, не стѣсняясь никѣмъ и ничѣмъ, прямо подтасовывалъ по своему усмотрѣнію всѣ факты.

Одна изъ трубъ крейсера „Аскольдъ“ послѣ боя 28 іюля.

Въ крѣпости началась опять невыразимая безтолковщина. Генераль Смирновъ, ежедневно лично знакомясь съ положеніемъ оборонительной линіи, отдавалъ приказанія, генераль-адъютантъ ихъ отмѣнялъ.—Смирновъ, видя, что тѣ или другія работы должны быть безусловно производимы, посылалъ къ нему генераловъ Кондратенко и Бѣлаго, чтобы послѣдніе путемъ долгихъ убѣжденій настояли на крайней необходимости исполненія тѣхъ или иныхъ приказаній, отданныхъ Смирновымъ. Главная заслуга генерала Кондратенко во время осады, помимо его **трудоспособности, поощренія изобрѣтателей** ¹⁾ въ цѣляхъ успѣха обороны,

¹⁾ Часто крайне легкомысленныхъ.

идеальной честности. присутствія по должности начальника обороны въ боевой линіи, заключалась еще въ томъ, что онъ умѣлъ обезвреживать Стесселя и доказывать ему, что совѣты Фока, которые были всегда діаметрально противоположны распоряженіямъ генерала Смирнова—безусловно несостоятельны и пагубны для крѣпости.

Генераль-адъютантъ, помимо Фока, Никитина, выбралъ еще въ послѣдствіи и Кондратенко, на котораго въ своихъ представленіяхъ, въ ущербъ Смирнову, валилъ все, такъ какъ прекрасно сознавалъ, что слава Кондратенко не можетъ затмить его славы по той простой причинѣ, что между нимъ и Кондратенко была черезчуръ большая разница въ функціяхъ. Онъ — главный начальникъ, а Кондратенко—только начальникъ крѣпостной дивизіи, непосредственно подчиненный Смирнову, какъ главѣ крѣпости.

Комендантомъ былъ установленъ такой порядокъ: ежедневно утромъ и позднимъ вечеромъ къ нему собирались послѣ обѣда боевой линіи генераль Кондратенко, начальникъ артиллеріи генераль Бѣлый, начальникъ инженеровъ полковникъ Григоренко и начальникъ штаба полковникъ Хвостовъ, гдѣ и рѣшались всѣ вопросы объ оборонѣ крѣпости и вырабатывались программы работъ по дальнѣйшему вооруженію, укрѣпленію, расположенію войскъ и ихъ довольствію. Стессель же и его штабъ **никогда** не принимали въ этомъ **абсолютно никакого участія**. Каждый изъ совѣщавшихся получалъ вполне опредѣленные указанія и на слѣдующій день докладывалъ о результатахъ. Генераль-адъютантъ обыкновенно вмѣшивался послѣ того, какъ Смирновымъ были отданы приказы, и своими приказами отмѣнял ихъ. Несмотря на ихъ отмѣну, работы продолжались, такъ какъ каждый понималъ, что онѣ необходимы; тѣмъ не менѣе все это вносило невыразимую путаницу, тормазило успѣшность работъ, деморализовало и растлѣвало гарнизонъ.

П р и к а з ь.

Сентября 9 дня, 1904 года. Кр. Портъ-Артуръ.

№ 636.

Согласно донесенія полковника Ирмана, сего числа въ 5 час. вечера штабсъ-капитанъ Ясенскій открылъ огонь изъ орудій своего взвода со стороны Голубиной бухты по тылу Высокой горы. Огонь былъ настолько дѣйствителенъ и энергиченъ, что японцы были выгнаны изъ лѣваго нижняго окопа на Высокой горѣ. Благодаря прекрасному наблюденію, японцы

въ то время, когда сбѣгли съ горы, сильно поражались огнемъ изъ орудій 3 батареи 4 бригады, что на укрѣпленіи № 5.

Объявляю благодарность штабсъ-капитану Ясенскому, командиру батарей форта № 5, вр. укрѣп. № 5 и л. Д и командиру взвода 3 батареи 4-й бригады фельдфебелю Юрію Лукашкѣ.

Генераль-адъютантъ **Стессель.**

Гарнизонъ, читая этотъ приказъ, конечно, не могъ предположить, кто былъ главнымъ виновникомъ истребленія непріятельскаго резерва, кто спасъ намъ еще въ сентябрѣ Высокую гору.

Въ приказѣ имена генерала Смирнова и поручика Ерофѣева не упоминались.

А мнѣ доподлинно теперь извѣстно, что вся японская армія, съ военными агентами всѣхъ государствъ во главѣ—была поражена этимъ блестящимъ дѣломъ нашей скорострѣльной артиллеріи.

Инициативу, на основаніи донесенія поручика Ерофѣева, проявилъ Смирновъ; лихо выполнилъ эту трудную задачу поручикъ Ясенскій.

Да никто, кромѣ Смирнова и Ерофѣева, и не зналъ о скопленіи резервовъ.

Поручикъ Ерофѣевъ, замѣтивъ притаившіеся резервы и сознавая, что каждая минута дорога, минуя всѣхъ начальниковъ, прямо донесъ коменданту. Онъ прекрасно понималъ, что выѣздъ батареи на совершенно открытое мѣсто, въ виду батарей противника, можетъ быть гибельнымъ, и, конечно, никто изъ начальниковъ, кромѣ самого коменданта, не рѣшится взять на свою отвѣтственность это рискованное дѣло. Комендантъ, получивши это донесеніе на моихъ глазахъ, немедленно провѣривъ по картѣ и убѣдившись, что Ерофѣеву указываемое имъ мѣсто видно, сію же минуту отдалъ по телефону приказаніе о высылкѣ взвода.

Такъ это дѣло было совершенно замято.

Защитники Артура, читая эти строки, а моряки въ особенности, только теперь узнаютъ, что некто иной, какъ Смирновъ и Ерофѣевъ, отдалили паденіе Высокой горы почти на два съ половиною мѣсяца.

Только послѣ большихъ трудовъ Смирнову удалось настоять на награжденіи Ерофѣева и Ясенскаго.

Насколько я помню, когда Смирновъ вошелъ съ представленіемъ о награжденіи этихъ офицеровъ крестами, Стессель разорвалъ рапортъ. Пришлось вести цѣлую переписку.

10-е сентября. Западный фронтъ.

Телефонограммы.

10 сентября.

Копія.

Съ вечера шелъ сильный бой на Высокой горѣ.

Въ 1 часть ночи охотники, бросавшіе пироксилиновые шашки, разрушили блиндажъ и испортили пулеметы. Воспользовавшись паникой, вызванной взрывами 18-ти фунтовыхъ пироксилиновыхъ шашекъ — комендантъ горы шт.-капитанъ Сычевъ бросился въ атаку. Японцы побѣжали. Потери у нихъ огромныя. У насъ подъемъ духа. Отличились всѣ. Въ особенности лейтенантъ Подгурскій, руководившій бросаніемъ шашекъ. Его энергіи мы обязаны, что блиндажъ разрушенъ.

Полковникъ Ирманъ.

4 часа 10 м. утра.

Посты передовыхъ частей на западномъ фронтѣ на старой линіи.

Значительныя силы японцевъ въ лоцинѣ, что къ сѣверо-востоку отъ деревни „Безъ названія“.

По скату горокъ у нихъ вырыты блиндажи въ отвѣсно вырытыхъ откосахъ. Большую пользу приносить мортирный огонь.

Капитанъ Романовскій.

10 час. 5 м. утра.

На Высокой ночью въ окопахъ отбито одно орудіе и два пулемета. Днемъ взять нельзя — обстрѣливаютъ; ночью орудія и пулеметы будутъ переведены къ штабу 5 полка.

Полковникъ Ирманъ.

10 час. 25 м. утра.

Японцы сосредоточиваются за высотой 67, направляясь туда съ праваго фланга. Не предполагаютъ ли они направить главный ударъ на центръ нашего расположенія?

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

11 час. 45 м. утра.

Японцы выбиты изъ всѣхъ окоповъ Высокой штыками и пироксилиномъ. Среди японцевъ поднялась страшная паника; они побросали все оружіе и бѣжали, ихъ преслѣдовали штыками до самой лоцины. Очень мало ушло живыми — почти всѣ перебиты. Потери ихъ свыше 3000. Трусами покрыта вся Высокая. Тамъ теперь не слышно выстрѣловъ. Наши провожаютъ убѣгающихъ залпами; фортъ V непріятель весь день держалъ подъ шрапнельнымъ огнемъ.

Сейчасъ на предгоріи Высокой опять, повидимому, японцы готовятъ къ штурму.

Мичманъ Романовъ.

8 час. 50 м. вечера.

Посты на старой линіи. Передъ фронтомъ выставили сильныя заставы. Послѣ удачнаго обстрѣливанія — японцы скрылись въ ближайшихъ ложищахъ.

Капитанъ Романовскій.

9 час. 45 м. вечера.

П р и к а з ъ.

Сентября 10 дня, 1904 года. Кр. Портъ-Артуръ.

№ 637.

6, 7, 8 и 9 числа шли ожесточенныя штурмы съ переменнымъ счастьемъ. Важный для насъ пунктъ, Высокая гора, былъ облѣпленъ японцами; они вѣзли дни и ночи, много тамъ храбрыхъ легло. Сегодня, въ час. 45 м. утра, отъ храбраго изъ храбрѣйшихъ — полковника Ирмана я получилъ слѣдующее донесеніе:

„Съ вечера шелъ сильный бой на Высокой горѣ съ наступающими японцами. Около 1 часу ночи нашимъ охотникамъ, высланнымъ впередъ въ пироксилиновыми зарядами, удалось разрушить блиндажъ въ нашемъ копѣ, который занимали японцы и гдѣ стоялъ ихъ пулеметъ; воспользо-вавшись паникой, вызванной у непріятеля взрывами 18-ти фунтовыхъ зарядовъ пироксилина, комендантъ горы штабсъ-капитанъ Сычевъ приказалъ атаковать и занять окопы. Потери у непріятеля громадныя, у нашихъ сильный подъемъ духа. Отличились всѣ, а особенно лейтенантъ Подгурскій, руководившій бросаніемъ пироксилиновыхъ зарядовъ и даже самъ бросившій ихъ. Его энергіи и храбрости мы обязаны тѣмъ, что блиндажъ былъ разрушенъ.

Полковникъ Ирманъ.“

Слава и благодареніе Богу, слава войскамъ-героямъ, слава Ирману Сычеву, Подгурскому, — слава всѣмъ героямъ, начальникамъ и офицерамъ, слава и благодарность героямъ охотникамъ, взорвавшимъ блиндажъ. Богъ намъ возможность отбить врага. Молитесь Ему.

П. п. Начальникъ Квантунскаго укрѣпленнаго района

генераль-адъютантъ Стессель.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского 10 сентября.

„Что поражаетъ при осмотрѣ укрѣпленій Высокой — это невозможное устройство окоповъ. Окопы, опоясывающіе всю вершину, устроены, видимо, подъ влияніемъ нашего полусумасшедшаго генерала Фока: на откосахъ горы вырыты глубокіе и узкіе окопы, перекрытые сверху сплошнымъ потолкомъ; получаются длинные темные корридоры съ узкими бойницами въ передней стѣнкѣ.

Занимать подобные окопы страшно тяжело, да и для обороны они совсѣмъ неудачно приспособлены — бойницы устроены подъ самымъ потолкомъ, такъ что выглянуть внизъ изъ нихъ невозможно, т. е. обстрѣла нѣтъ почти вовсе; и дѣйствительно,

все, что далѣе 5-10 сажень, находится въ мертвомъ пространствѣ, и атакующій безъ потерь можетъ подойти почти къ самому окопу, при этомъ еще стрѣлять крайне неудобно, т. к. выпрямиться высота окопа не позволяетъ—приходится стрѣлять полусогнувшись... Вообще устройство окоповъ таково, что для атакующаго является полная возможность съ наименьшими потерями вскочить чуть ли не на голову защитниковъ и занять вершину горы, откуда затѣмъ по одиночкѣ выбивать нашихъ изъ-подъ блиндажей окоповъ. Если Высокая до сихъ поръ еще держится, то благодаря исключительному **геройству защитниковъ**, ихъ хладнокровію и выдержкѣ, съ какимъ они встрѣчаютъ мѣткимъ огнемъ противника, показывающагося при штурмѣ всего въ 10 саженьяхъ отъ окоповъ. Съ другой стороны, объясняется это **нерѣшительностью японцевъ** въ послѣдніе моменты штурма—стремительности и быстрого удара въ штыки они до сихъ поръ не проявляютъ“.

Стессель и артиллерійская оборона.

Снарядовъ въ крѣпости мало. Комендантъ съ Бѣлымъ экономятъ ихъ елико возможно.

Изъ арсенала повытаскали всякую дрянъ.

Производятъ всевозможныя комбинаціи. Приноравливается стрѣльба изъ тѣхъ орудій, огонь которыхъ по даннымъ условіямъ менѣе дѣйствителенъ, но зато они имѣютъ большее количество снарядовъ.

Работы у коменданта и начальника артиллеріи масса.

Конечно, Смирновъ не можетъ размѣниваться и входить въ обсужденіе мелкихъ деталей. На это у него есть масса помощниковъ по нисходящимъ ступенямъ, которые при свободѣ проявленія собственной инициативы, которую въ предѣлахъ возможнаго всегда допускалъ Смирновъ, во многомъ ему облегчали защиту крѣпости.

Стессель же, ровно ничего не понимая, кромѣ „тринчика“, вмѣшивается, суфлируемый Фокомъ и Никитинымъ, положительно во все.

Получается однажды крайне интересная записка.

„Коменданту.

Часто показываются у Панлуншаня перебѣгающія группы въ 3-5 человекъ. Артиллерія не стрѣляетъ. Почему? При перебѣгающей пѣхотѣ некогда ожидать приказаній.

Нужно организовать артиллерійскую стрѣльбу.

Замѣчаю не первый разъ.

Г.-А. Стессель“.

Не могъ, не могъ понять „генераль-адъютантъ“, что задача крупныхъ калибровъ—бороться съ артиллеріей противника, а не охотиться за перебѣгающими группами.

Мы и во время штурмовъ берегли снаряды крупныхъ калибровъ, т. к. въ нихъ ощущался недостатокъ.

По показавшейся же пѣхотѣ стрѣляетъ полевая и противостурмовая артиллерія безъ приказанія и какъ только замѣтитъ. Но дѣло въ томъ, что въ Артурѣ была крайне пересѣченная мѣстность.

Сидя на одной изъ батарей крупнаго калибра, можно усмотрѣть перебѣгающія группы, въ то же время малокалиберная не видитъ, или видитъ, но за дальностью разстоянія огня не открываетъ.

Вотъ этого-то никакъ нельзя было внушить генераль-адъютанту.

Комендантъ передалъ записку Бѣлому. Бѣлый, прочитавъ её, прямо въ бѣшенство пришелъ—побѣждалъ къ Стесселю объясняться.

А у „генераль-адъютанта“ въ такихъ случаяхъ одинъ отвѣтъ: — Я—ничего, это вотъ болваны мнѣ наплели.

11-ое сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

11 сентября.

Копію.

Вылазкой изъ капонира 2 установлено, что редутъ 2 занятъ японцами. Развѣдчики вынесли оттуда 8 винтовокъ и ящикъ консервовъ.

За ночь японцы увеличили и удлиннили окопы передъ фортомъ 2. Японцы усиленно работаютъ на Скалистомъ редутѣ.

Капитанъ Степановъ.

2 часа дня.

Японцы настойчиво перебѣгаютъ небольшими группами (челов. 10) изъ деревушки въ редутъ 1 по правой канавѣ. Въ капонирѣ нижніе окопы заняты японцами. Правая сторона наша.

Подполковникъ Оберучевъ.

4 часа дня.

Повидимому, японцы хотятъ атаковать съ 2-хъ сторонъ, т. к., кромѣ батареи, поставленной у редута 1, ставятъ за Скалистымъ утесомъ.

Подпоручикъ Даниловскій.

6 час. 15 м. вечера.

Фортъ 2 сильно поврежденъ сегодня 11" бомбами.

Подпоручикъ Даниловскій.

6 час 20 м. вечера.

Влѣво отъ открытаго капонира, на занятомъ японцами редутѣ, замѣчено движеніе. Прибываютъ отдѣльныя группы и перебѣжчики. Окопы капонира разбиты и завалены трупами убитыхъ стрѣлковъ. Днемъ выносить нѣтъ возможности. Трупы лежатъ уже нѣсколько дней. Страшное зловоніе. Въ моемъ распоряженіи 120 чел., прошу прислать резервъ въ виду возможности штурма.

Заурядъ-прапорщикъ Марченко.

6 час. 30 м. вечера.

День на 1 и 2 участкѣ прошелъ благополучно. По Опасной два снаряда.

Полковникъ Покладъ.

7 час. вечера.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

11 сентября.

Копія.

Неприятель обстрѣливаетъ лит. Б и укрѣпленія.

„Ретвизанъ“ открылъ огонь.

Мичманъ Воилярлярскій.

6 час. 30 м. вечера.

Японцы производятъ работы на Угловой для батарей.

Полковникъ Третьяковъ.

7 час. 10 м. вечера.

Въ расположеніи на западномъ фронтѣ безъ перемѣнъ. На постахъ весь день рѣдкая перестрѣлка. Сосредоточеніе идетъ главнымъ образомъ въ лощинѣ, на с.-в. деревни „Безъ названія“. Въ этой деревнѣ ночью были слышны гулы голосовъ, ломали фанзы для блиндажей, которые строятъ за скалами ближайшихъ вершинъ.

У деревни Дакоудинъ госпиталь.

Капитанъ Романовскій.

10 час. 55 м. вечера.

За Волчьими горами наблюдались вспышки и гулы орудій.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

11 час. 30 м. ночи.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

11 сентября.

... „Говорятъ, японцы подбросили записку, въ коей совѣтуютъ Электрическому утесу стрѣлять осторожнѣе, чтобы не попасть въ Куропаткина. Это очень остроумно...“

Вспоминая обѣщанія нашего заурядъ-фельдмаршала, я не могу не бросить ему упрека въ томъ, что онъ, маневрируя на „ретирадахъ“, какъ выразился одинъ изъ артурскихъ генераловъ, совершенно забылъ, что можно обмануть разъ, ну два, ну три, четыре наконецъ, но обманывать гарнизонъ безъ конца — это прямо непростительно.

Вѣдь Артуръ вѣрилъ Куропаткину.

CXXXV.

Суббота.

Зашелъ въ отрядную церковь.

Всенощная подходила уже къ концу.

Служба въ ускоренномъ темпѣ.

Молящихся мало: нѣсколько человѣкъ.

Я уже говорилъ—храмъ на створѣ непріятельскихъ батарей, обстрѣливавшихъ портъ.

Въ церкви опасно, уже были попаданія.

Настоятель торопится кончить службу.

Молящіеся торопятся отмолиться.

А говорятъ, было время, когда населеніе осажденной крѣпости старалось проводить большую часть времени ближе къ Тому, въ Кого такъ горячо вѣрили, на Кого надѣялись, Кому молились.

Въ храмахъ непрерывно служились молебны, молебны съ продолжительными акафистами. Люди — распростертыя, колѣно-преклоненные—въ безысходной тоскѣ, со слезами, съ безконечной вѣрой, безхитростно, горячо молились. Неотступно, страстно молили, просили защиты...

Теперь больше, чѣмъ когда-либо, каждый былъ во власти Того, Кто управляетъ вселенной, Кто наказуетъ...

Въ этотъ тягостный періодъ ежеминутной, ежечасной, днями, недѣлями, мѣсяцами продолжавшейся смертельной опасности, ужасовъ смерти и страданій—каждый долженъ былъ часто и подолгу уходить въ свой внутренний, сокровенный міръ.

Уходить въ него и бесѣдовать съ самимъ собой.

Уходить въ себя и искать въ себѣ потеряннаго человѣка.

Многіе должны были въ періодъ осады духовно переродиться и изъ невѣрующихъ стать вѣрующими.

Вѣдь многіе, не отдавая себѣ положительно никакого отчета, изъ подражанія лишь глумятся надъ религіями вообще, а своей въ частности, не нося въ себѣ самихъ ничего, н-и-ч-е-г-о, кромѣ стремленія жить—все равно какъ, но только жить.

Я интересовался—многіе ли изъ населенія и гарнизона крѣпости приготовляли себя къ смерти: исповѣдывались и пріобщались Святымъ Тайнамъ Христовымъ?

Вѣдь смерть могла ежеминутно, ежесекундно прикрыть своимъ вѣчнымъ крыломъ.

Наводилъ справки и удивлялся результатамъ.

Случаи были далеко не часты.

Чѣмъ это объяснить? Почему?

Перерождались ли люди духовно?

Или совершенно уже забыли Бога?

Въ плѣнѣ.

Почему они не прибѣгали къ давно испытаннымъ средствамъ?

Кто этому виной? Учителя, духовные наставники, сумѣвшіе или не сумѣвшіе проломить брешь въ сознаніи и указать путь?

Пожалуй, люди Артура рѣшили, что не во внѣшнемъ почитаніи Бога смыслъ религіи разумныхъ, просвѣщенныхъ людей?

Быть можетъ, они, сидя у себя дома, подъ вой, свистъ снарядовъ, гулъ, громъ выстрѣловъ и взрывовъ, подъ безысходнымъ гнетомъ сознанія, что кругомъ и вокругъ умираютъ въ ужасѣ страданій десятки тысячъ людей, повинныхъ лишь въ томъ, что они люди и хотятъ жить, все равно какъ, но только жить, — внимательно и чаще читали и вчитывались въ смыслъ Вѣчной Книги, имя которой Евангеліе?

Не знаю.

12-ое сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

12 сентября.

Копіи.

Шт.-капитанъ Курдюковъ, командиръ 4 роты 25 полка, съ 7 стрѣлками зарылъ непріятельскіе окопы, перерѣзалъ мѣшки, забралъ шанцевый инструментъ.

Ночью отъ Дагушаня къ желѣз. дорогѣ усиленное движеніе; къ дорогѣ рысью, оттуда тихо. Слышенъ былъ на Дагушанѣ шумъ работъ. Охраненіе непріятельскихъ окоповъ бдительное. Скалистый редутъ соединенъ ходомъ сообщенія съ Водопроводнымъ. Въ деревнѣ Палиджуанъ работаетъ японскій отрядъ—рубить деревья, роетъ окопы.

Несмотря на нашъ огонь, работы въ головѣ сапы подвигаются.

Капитанъ Степановъ.

10 час. 50 м. утра.

Въ сторонѣ Сахарной Головы ночью шумъ отъ обоза и орудій. Сейчасъ у станціи 16 вер. замѣчено—прокатили 4 пустыхъ вагонетки къ ю., а по одной возвращаются груженныя. Флотская батарея отлично обстрѣляла. Видно, какъ принялись бѣжать. Проскакалъ съ вокзала верховой.

Окопы за день прибавились. Удлинены передъ Куропаткинскимъ люнетомъ и капониromъ.

Капитанъ Степановъ.

11 ч. 15 м. утра.

Перепелка разсѣяла 3 эскадрона по пути изъ „бухты 10 кораблей“ къ деревнѣ Шитиза.

Лейтенантъ Сухомлиновъ.

12 час. дня.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

12 сентября.

Копіи.

Лит. Д подбила орудіе на западномъ склонѣ предгорья Угловой горы. Былъ взрывъ.

Капитанъ Гобято.

9 час. 20 м. утра.

На западномъ фронтѣ безъ перемѣнъ.

4 развѣдчика шт.-капитана Соловьева подползли вплотную къ дер. Гоудзятунъ—тамъ сильная застава и дозоры. Развѣдчики выстрѣлами сняли съ крыши фанзы двухъ человекъ. Противникъ сосредоточенъ въ лощинѣ—на с.-в. деревни „Безъ названія“.

Капитанъ Романовскій.

12 час. 20 м. дня.

На горизонтѣ Голубиной появились шаланды въ небываломъ количествѣ.

Полковникъ Ирманъ.

4 часа дня.

На западномъ фронтѣ безъ переменъ. Въ окопахъ Угловой и ея предгорьяхъ замѣтно движеніе. Подъ вечеръ прошло въ бухту Луиза до 70 шаландъ.

Капитанъ Романовскій.

8 час. 40 м. вечера.

CXXXVI.

Воскресеніе.

Несмотря на то, что „этажерка“ (садъ передъ зданіями порта) расположена такъ же, какъ и церковь, на створѣ непріятельскихъ батарей, громившихъ день и ночь портъ, въ часы затишья она усердно посѣщалась публикой, въ особенности когда играла музыка.

Было уже 5 часовъ, когда со стороны порта донеслись звуки оркестра.

Пошелъ поглядѣть на отдыхающій Артуръ.

День тихій, но сумрачный, непривѣтливый.

Играетъ хоръ 14-го полка и играетъ очень хорошо.

На фронтѣ иногда громыхаютъ.

Въ городѣ тихо.

По дорожкамъ много гуляющихъ.

Большинство — пѣхотные офицеры и сестры милосердія. Среди офицеровъ много раненыхъ. Моряковъ совсѣмъ не видно.

Беззаботнаго оживленія, сутолоки, которая была здѣсь два мѣсяца назадъ, нѣтъ и намека.

На все легли сумрачные тона.

Всѣ уже сильно измѣнились.

Тѣ же шутки, тотъ же смѣхъ, улыбки, но люди какъ будто не тѣ: осунулись словно, поблѣднѣли; взглядъ неувѣренный, безпокойный.

Миловидныя, изящныя, хорошенькія женскія головки, такъ кокетливо мелькавшія здѣсь въ нарядныхъ шляпкахъ, теперь скромно покрыты бѣлыми косынками сестеръ милосердія.

Видимо, всѣ страстно хотятъ чувствовать себя, какъ въ минувшіе дни: хорошо, покойно, уютно, беззаботно.

Хотятъ—но и только.

На всемъ лежитъ печать тревоги: не скрыть ея.

Смерть и страданія не любятъ веселья. Они непримиримые враги.

На одной изъ дорожекъ вижу тучнаго офицера. Идетъ, опираясь на палку, и убійственно хромаетъ.

Хромаетъ такъ глубоко, видимо такъ страдаетъ, что, казалось, одинъ неосторожный шагъ—и страдалецъ упадетъ въ изнеможеніи.

Встрѣчные оглядываются; по лицамъ скользить насмѣшливая улыбка.

Думаю—что это за странная фигура? Что за комедія? За чѣмъ пришелъ сюда мучиться? Нервы у всѣхъ притупились—разжалобить трудно.

Ко всему уже привыкли.

Полковникъ Тыртовъ.

Генераль Смирновъ.

Полковникъ Артемьевъ.

Генераль Костенко.

Сестры, почти дѣти, — какъ примѣръ, дочь капитана Гимельмана—спокойно работаютъ у постели мучениковъ долга, среди душу раздирающихъ сценъ, жестокихъ страданій.

Пошелъ навстрѣчу.

Замелькало между листвою низко спустившихся вѣтвей знакомое, широкое, полное, лоснящееся, довольное и упитанное лицо.

Это былъ одинъ изъ артурскихъ буффъ-героевъ—полковникъ Савицкій.

Я до сихъ поръ не знаю—гдѣ, куда и когда былъ раненъ этотъ полковой командиръ.

Также я не могу понять, какъ, подъ командой такого командира 14-й восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ явился однимъ изъ самыхъ доблестныхъ полковъ всего артурскаго гарнизона.

Очевидно, здоровый и сильный организмъ полковой офицерской среды не поддался вредному вліянію „отца командира“.

Тѣнь несчастнаго капитана Лопатина, опозореннаго, убитаго еще при жизни, по милости и благодаря двустворчатой совѣсти „отца командира“—вопіетъ о мщеніи.

Документы и протестъ артурскаго военно-окружнаго суда по этому дѣлу пропали. Неужели Фокъ и Савицкій не понесутъ достойнаго возмездія? Неужели орденъ рыцарей долга, георгіевскій крестъ, до конца ихъ дней будетъ блистать на ихъ груди? Гдѣ же справедливость? Во что обратится этотъ высокій орденъ?

13-ое сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

13 сентября.

Копія.

Ночью противникъ пулеметомъ обстрѣливаетъ окна 4 роты 25 полка.

Полковникъ Покладъ.

9 час. утра.

40 человекъ охотниковъ (14 и 15 полковъ) вчера, подъ командой унт-офицера Черепанова, съ наступленіемъ темноты двинулись изъ капонира къ окопу. Ихъ замѣтили, встрѣтили огнемъ. 6 человекъ добѣжали. Разсмотрѣли—окопъ глубиною сажень, вверху уже.

Капитанъ Степановъ.

10 час. утра.

По Мандаринской дорогѣ идетъ обозъ, колонны и конная часть.

Капитанъ Головань.

6 час. вечера.

Противъ участка 4 роты 25 полка непріятель роетъ глубокую траншею, ружейный огонь по немъ недѣйствителенъ. Огонь продолжается. Орудійный огонь рѣдкій.

Полковникъ Покладъ.

9 час. утра.

На фортъ 3 попалъ 11" снарядъ.

Шт.-капитанъ Булгаковъ.

12 час. ночи.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

13 сентября.

Копии.

На западномъ фронтѣ безъ перемиръ. На горахъ сѣвернѣ Голубиной офицеры дѣлали рекогносцировку. По ходамъ сообщенія къ предгорьямъ Высокой прошло въ 4 часа дня 3 роты.

Китайцы сообщаютъ, что потери у японцевъ тяжкія. Много раненыхъ отправлено въ Японію.

Значительное сосредоточеніе въ деревняхъ Вандзятунъ, Игозуанъ и Тамидзуанъ (по 200 чел.).

Капитанъ Романовскій.

11 час. 30 м. вечера.

Объѣздъ западнаго фронта.

Цѣлое утро потрачено на подробный осмотръ всего западнаго фронта.

Незамѣтно доѣхали до лит. Д. Комендантъ, въ сопровожденіи артиллеріи подполковника Романовскаго, полною рысью взлетѣлъ на гору.

Сойдя съ коня, комендантъ мигомъ взобрался по отвѣсной лѣстницѣ на брустверь.

— Вы, господа, не особенно, не особенно-то показывайтесь. Сейчасъ шрапнелью угостятъ,—а самъ во весь ростъ идетъ по брустверу.

Мы съ поручикомъ Гаммеромъ едва одолѣли лѣстницу и тоже взобрались на брустверь.

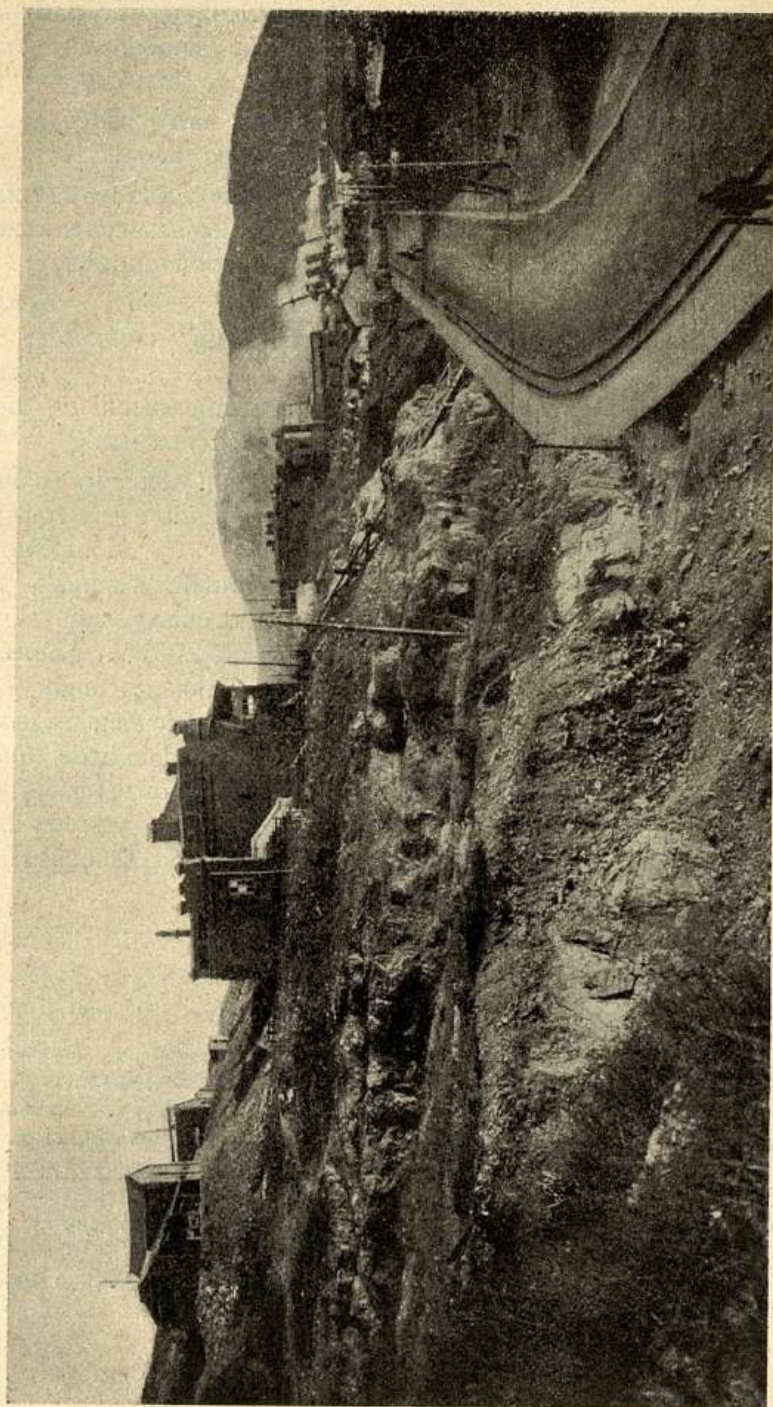
— Вамъ говорю—спрячьтесь. Непремѣнно хотите привлечь огонь—сердито бросилъ намъ Смирновъ, оторвавшись отъ бинокля.

Пришлось съ удовольствіемъ покориться. Внизу куда уютнѣе.

Подробно прорекогносцировавъ мѣстность и отдавъ собравшимся начальствующимъ лицамъ рядъ распоряженій и указаній,—приказалъ подать лошадей.

Спускаемся верхами не по дорогѣ, а по страшно крутому откосу горы. Кони пугливо подвигаются внизъ.

— Что, не особенно ловко? — хохочетъ Смирновъ, спускаясь на своемъ сильномъ и коренастомъ Монголь.—Ничего, тренируйтесь. Я хочу убѣдиться, насколько этотъ спускъ можно разработать подъ дорогу.

Усиленная бомбардировка Старого города, гавани и порта.

Ничего, можно. Нужно только убрать камни и подсыпать земли.

Я глядѣлъ на коменданта и диву давался, сколько въ этомъ человѣкѣ энергіи. А вѣдь онъ уже перешагнулъ за пятьдесятъ.

— А знаете, господа, ей Богу какой-нибудь фанатикъ-японецъ, по окончаніи кампаніи, меня ножомъ пырнетъ.

На всѣхъ планахъ, отобранныхъ у японскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, нанесены только укрѣпленія, разбитыя на основаніи Высочайше утвержденного плана.

Они наносили ихъ во время своихъ мирныхъ рекогносцировокъ до войны.

Офицеры японскаго генеральнаго штаба представили въ Токио подробный планъ крѣпости. Тамъ детально разработали атаку крѣпости. Все должно было идти, какъ по писанному, и вдругъ все рушилось.

Тамъ, гдѣ ничего не ожидали, наткнулись на укрѣпленія довольно сильной профили. Здорово опростоволосились!

Два мѣсяца съ лишнимъ бьются и ничего не могутъ сдѣлать.

За сѣверо-восточный фронтъ я очень боялся, пока не оборовалъ тамъ довольно сильную оборону изъ морскихъ орудій *).

А на этомъ (западномъ) фронтѣ мы долго можемъ держаться, даже при многихъ и стремительныхъ штурмахъ.

Нѣтъ, японцы знаютъ, гдѣ наше слабое мѣсто. Присосались къ сѣверо-восточному фронту. На томъ-то фронтѣ всѣ жизненные и боевые запасы крѣпости.

Ну, да ладно! Оборвалъ ихъ на первомъ штурмѣ, теперь они мнѣ не страшны. Я вполне освоился съ ихъ тактикой.—

Мы ѣхали уже по улицѣ Новаго города. Показался заколоченный домъ Сидорскаго, гдѣ осколкомъ снесло голову баронессѣ Франкъ.

— Мы еще подыдемся на Зубчатую батарею...

Свернули за уголъ.

На улицѣ, въ двѣ шеренги, стоитъ выстроенная рота. Очевидно, ожидаетъ командира. Видъ у людей утомленный, потрепанный. Обмундированіе пестрое. Въ разныхъ фуражкахъ.

Фельдфебель скомандовалъ.

Комендантъ поздоровался:—Здорово, друзья!

Изъ-за угла выбѣжалъ капитанъ; на ходу:—Смирно-о-о-о!

№ 70.

*) Въ дополнение къ приказу временно командующаго эскадрой Тихаго океана контръ-адмирала князя Ухтомскаго, отъ 7 августа сего года, за № 32, объявляю ниже сего подробный списокъ укрѣплений, съ распределеніемъ по районамъ и съ указаніемъ числа установленныхъ на нихъ морскихъ орудій и прожекторовъ и числа людей, состоящихъ на этихъ укрѣпленіяхъ.

Название батарей.	Число орудій.	Пржекторовъ.	Прислуга.	
			Оруд.	Прож.
Эскадренный броненосецъ «РЕТВИЗАНЪ».				
Батарея № 20	I—24 см.	—	18	—
Кишка Тахэ.	VI—37 мм.	—	12	—
Фортъ № 1-й.	III—47 мм., VI—37 мм.	I—90 см.	21	10
Между спиной Дракона и № 19	IV—47 мм.	—	12	—
Между спиной Дракона и № 1.	I—37 мм.	—	2	—
Оврагъ Тахэ	II—47 мм.	—	5	—
Правѣ форта № 1.	II—47 мм.	—	5	—
Лѣвѣ форта № 1.	II—47 мм.	—	4	—
Открытый капониръ	—	I—40 см.	—	6
Спина Дракона.	II—6" нов.	—	12	—
Батарея Лит. А.	II—47 мм., VII—37 мм., I—21½".	I—40 см.	21	6
Укрѣпленіе № 2.	IV—74 мм., 2 пулемета.	I—40 см.	21	6
Фортъ № 2.	II—47 мм., IV—37 мм.	—	10	—
Крейсеръ I-го ранга «БАЯНЪ».				
Фортъ № 3.	XII—37 мм.	I—75 см., I—40 см.	19	9
Укрѣпленіе № 3-й	II—6", I—47 мм., VIII—37 мм.	—	28	—
Курганная батарея	II—75 мм., IV—37 мм., I—120 мм.	I—75 см., I—60 см.	27	13
Гора Перелелокъ.	II—6", I—120 мм.	I—40 см.	20	6
Скалистый кряжъ	I—120 мм., X—75 мм., II—47 мм., II—37 мм.	—	60	—
Импанъ надъ Кит. гор.	IV—47 мм.	—	16	—
Импанъ надъ Кит. гор.	IV—47 мм.	—	16	—

Эскадренный броненосец «ПОЛТАВА».

Кладбищенская импань	IV—75 мм., IV—47 мм., IV—37 мм.	39	—	39
Лит. В. и подь ней.	I—120 мм., II—47 мм.	11	13	3
Фортъ № 4	IV—75 мм., II—47 мм.	39	4	2
Промежуточная	II—75 мм., II—47 мм., II—37 мм.	—	—	—
Укрѣпленіе № 4	2 пулем.	37	—	—
Обелисковая	II—75 мм., IV—37 мм.	14	2	—
Соборная	I—6'''', VIII—47 мм.	32	—	—
	II—9 фунт.	13	—	—

Эскадренный броненосец «ПЕРЕСВѢТЬ».

Фортъ № 5	II—6'', II—75 мм.	28	11	—
Голубиная	II—75 мм., IV—37 мм.	30	—	—
Триангуляціонная	I—6'' обр. 77 г.	15	—	—
Фортъ Лит. Д.	I—6 дюймовая.	13	6	—

Крейсеръ I-го ранга «ПАЛЛАДА».

Укрѣпленіе № 5	IV—75 мм., IV—47 мм., X—37 мм.	62	—	—
Лѣсная горка	II—75 мм., IV—47 мм., IV—37 мм.	44	7	—

Эскадренный броненосецъ «ПОБѢДА».

Фортъ № 6	II—47 мм.	9	6	—
Бѣлый Волкъ	II—37 мм., II—21/2'''	—	6	—
Соленая горка	IV—75 мм., IV—37 мм., I—21/2''.	28	—	—
Батарея у входа	I—120 мм.	—	—	—
Батарея № 9	—	—	9	—

Эскадренный броненосецъ «СЕВАСТОПОЛЬ».

Лягушанъ маякъ	IV—6'', IV—37 мм., IV—21/2''.	45	7	2
вершина	—	—	—	—
218 и 200	I—21 см., 2—6'', III—37 мм., II—21/2''.	54	15	—

Подписалъ: контръ-адмиралъ Виренъ.

ЦИРКУЛЯРЪ

Штаба командующаго отдѣльнымъ отрядомъ броненосцевъ и крейсеровъ въ Портъ-Артурѣ.

Портъ-Артуръ, ноября 2 дня, 1904 года.

№ 241.

Въ дополненіе приказа № 70 и циркуляра № 205, штабъ объявляетъ, что командующій отрядомъ приказалъ причислить къ районамъ:

- Эскадреннаго броненосца „Ретвизанъ“ . Фортъ литера „Б“ II 47 мм.
Эскадреннаго броненосца „Пересвѣтъ“ . Тыловую батарею III 37 мм.
и I—75 мм.
Эскадреннаго броненосца „Полтава“ . . Саперную батарею I—75 мм.
Эскадреннаго броненосца „Побѣда“ . . Батарею № 1 (на Тигровомъ
полуостровѣ) II—47 мм.
Крейсера I ранга „Паллада“ 47 мм. орудіе, поставленное у
Больш. Голубиной бухты.
Крейсера I ранга „Баянъ“ Гору въ тылу укрѣпленія
№ 3, III—47 мм.

— Это, ваше превосходительство, сводная рота. Вчера вечеромъ мы смѣнились съ Высокой, сейчасъ идемъ къ флигель-адъютанту Семенову.

Смирновъ верхомъ молча слѣдуетъ по фронту, вглядывается въ каждое лицо.

Рота впиалась въ него глазами. Медленно поворачиваютъ за нимъ головы.

Какихъ тутъ лицъ не было? Суровыя, серьезныя, бородатыя, веселыя, усатыя, наивныя, безусыя, озабоченныя, беззаботныя, глупыя, умныя...

Все ближайшія жертвы снарядовъ, пуль; кандидаты въ общія могилы, госпиталя; будущіе калѣки, о которыхъ, конечно, позаботится родная Россія ¹⁾).

Грустная картина.

— Спасибо, дорогіе, за геройскую службу!

Рота гаркнула въ отвѣтъ. Эхо звонко откликнулось здѣсь, между ближайшими построиками, и оттуда, изъ-за горъ, куда люди шли умирать, словно смерть ихъ звала оттуда.

Комендантъ поднялъ своего Монгола въ галопъ.

Солнце сильно припекало. Жарко было въ природѣ—грустно и холодно въ душѣ.

¹⁾ Видѣлъ я и вижу, какъ заботилась и заботится о нихъ родная Россія. Почему ихъ забыли?—спрашиваю. А потому, что кампанія проиграна.

Поравнялись съ домомъ Сидорскаго.

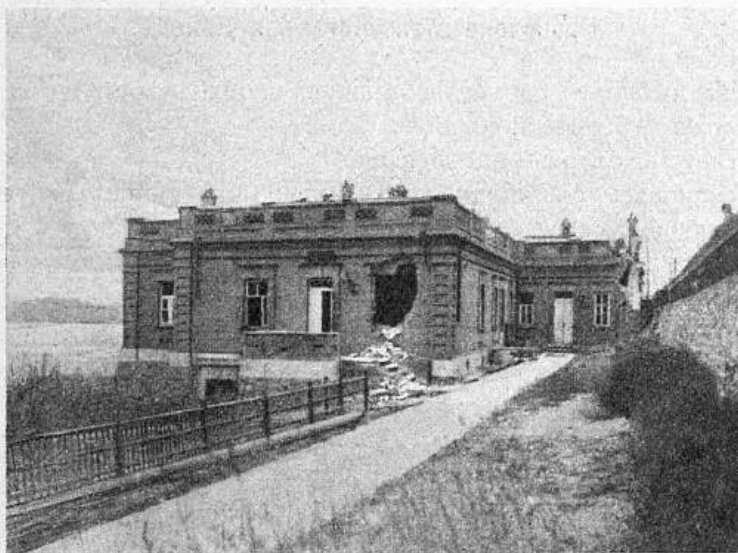
Въ памяти рельефно возстали картины 26 февраля.

Я перешелъ въ минорный тонъ.

Вспомнилъ о невинныхъ, безвременныхъ жертвахъ; m-elle Калевичъ—юную, женственную, красивую; ея страшныя страданія, горячую, страстную мольбу спасти жизнь...—Спасите! спасите! молила она...

— А знаете, на меня теперь положительно не дѣйствуютъ чужія страданія...

— Это такъ говорятъ всѣ, ваше превосходительство, кто

Бреши отъ двѣнадцатидюймовыхъ снарядовъ.

много и глубоко перечувствовалъ и чувствуетъ, сказалъ Гаммеръ.

— Нѣтъ, право, я какъ-то притупился.

Мы быстро подымались на Зубчатку.

Оттуда спустились дорогой, ведущей къ центральной электрической станціи, расположенной въ глубокой лощинѣ, вблизи завода Ноюкса.

Встрѣтили охотника 26-го полка, уже знакомаго читателю г. Загоровскаго (членъ портъ-артур. окружнаго суда), ставшаго молодцевато во фронтъ.

— Здравствуйте, привѣтливо поздоровался комендантъ.

Г. Загоровскій, не моргнувъ глазомъ, вытянувшись въ струнку, приложивъ руку къ головному убору по всѣмъ правиламъ дисциплины, браво отчеканилъ:

— Здравія желаю вашему превосходительству.

Смирновъ подалъ руку.

Загоровскій оставался вѣренъ себѣ и отвѣчалъ, какъ подчиненный.

Многимъ можно было взять примѣръ съ Загоровскаго, я уже не говорю про его выдающуюся храбрость.

Посѣтивъ Семенова, мы скоро были уже въ Старомъ городѣ.

Проволока и г.г. Коганъ и Донецъ.

Въ крѣпости ощущалась крайняя необходимость въ изолированной электрической проволоцѣ.

Бились, бились—нигдѣ нѣтъ.

Наконецъ сообщили коменданту, что проволока есть у мѣстнаго коммерсанта, нѣкоего г. Коганъ.

Оказывается, что онъ предлагалъ продать ее въ портъ и приносить даже образцы.

Командиръ порта нашелъ ее вполне удовлетворяющей требованіямъ, но не приобрѣлъ, такъ какъ продавецъ заломилъ несурово высокую цѣну.

Комендантъ крѣпости, узнавъ, что проволока есть, приказалъ начальнику инженеровъ крѣпости, не запугивая г. Когана, поторговаться съ нимъ, а затѣмъ, если таковая окажется, приобрести ее реквизиціоннымъ путемъ.

Спрошенный господинъ нѣкій Коганъ, отвѣтилъ, что проволоки у него еще нѣтъ, а есть лишь образцы ея. Проволока же по данному образцу заказана въ Чифу, данъ задатокъ въ обезпеченіе заказа, но послѣдній еще не прибылъ.

Въ подтвержденіе изложеннаго г. Коганъ далъ подписку.

Нѣтъ—нѣтъ. Ничего не подѣлаешь.

Спустя нѣкоторое время коменданту докладываютъ, что проволока есть и спрятана она у г. Когана.

Тогда Смирновъ приказалъ комиссіи, въ составѣ комендантскаго штабъ - офицера, полицмейстера, жандармскаго офицера и лейтенанта, произвести у г. Когана внезапный повальный обыскъ.

Комиссія явилась, какъ снѣгъ на голову, и приступила къ дѣйствію.

Г. Коганъ до смерти испугался и чистосердечно повѣдать всю правду о проволокахъ.

Оказывается, что портовый чиновникъ г. Донецъ, войдя съ нимъ въ соглашеніе, обѣщалъ доставить изъ порта на Голубиную бухту проволоку и уступить ему таковую за 23,000 р. (Нормальная стоимость 11,000).

Отправились въ портъ.

Командиръ порта заявилъ, что онъ вообще не понимаетъ, какъ у него быстро исчерпался весь запасъ проволоки, хотя по книгамъ показанъ весь расходъ полностью.

Приступили къ поискамъ.

Проволока была найдена и утилизирована для фугасовъ.

Я не знаю, гдѣ теперь г. Донецъ и г. Коганъ.

Съ увѣренностью можно сказать, что поступокъ ихъ равносильнъ измѣнѣ, за которую они должны были бы быть попросту повѣшены.

Спросятъ: почему они не были повѣшены?

Не знаю.

Въ госпиталѣ.

Шли сентябрьскіе штурмы. Въ госпиталяхъ энергичный наплывъ раненыхъ. Едва успѣвали принимать.

Стонъ и крикъ стоитъ въ палатахъ.

Сестры, фельдшера, не чувствуя усталости, но терзаемые видомъ чужихъ страданій, блѣдные, изможденные, мечутся около страдалцевъ, накладываютъ перевязки, подаютъ лѣкарства...

Доктора оперируютъ—рѣжутъ, рѣжутъ безъ конца.

Одинъ изъ только что отоперированныхъ раненыхъ былъ очень безпокоенъ, страшно громко время отъ времени вскрикивалъ отъ приступовъ страшной боли.

Его стали спрашивать:

— Не шуми, голубчикъ, не безпокой другихъ, сейчасъ, сейчасъ, дорогой, легче будетъ, потерпи немного.

Больной утихъ, утихъ... только навсегда.

Другой.

Лежалъ тихо; глухо, жалобно стоналъ.

Вдругъ стремительно поднялся, съѣлъ и громкимъ, увѣреннымъ голосомъ:

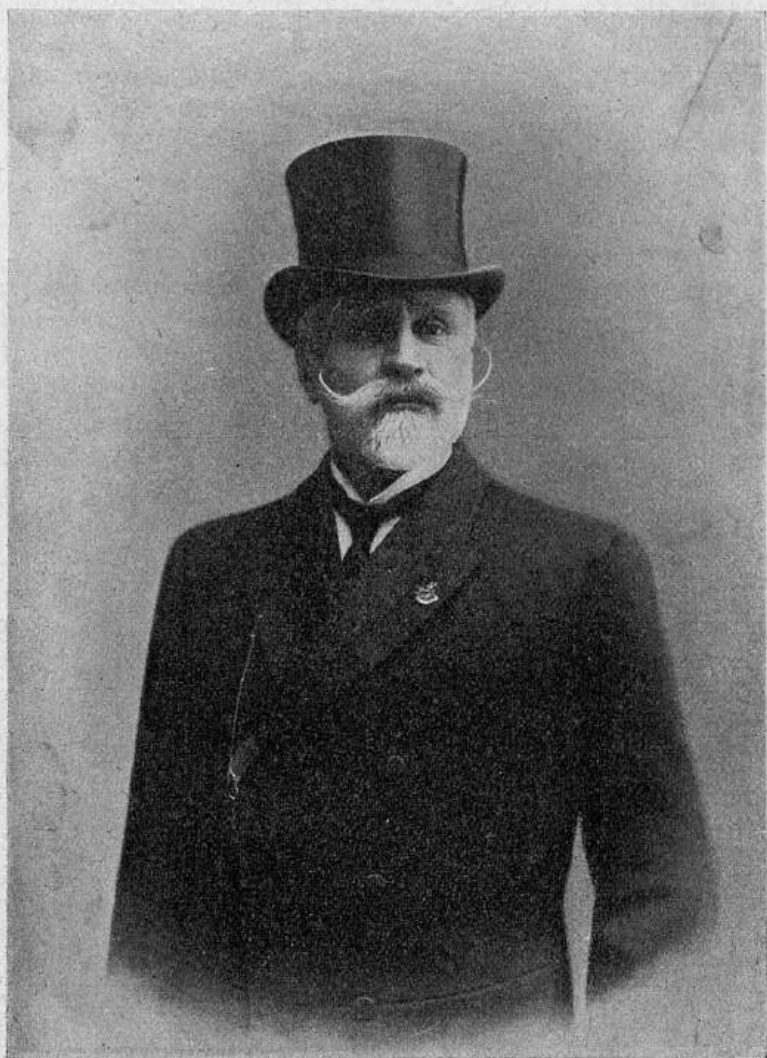
— Сестрица, я, я сейчасъ умру!

Я сейчасъ умру! возвысилъ голосъ.

Подбѣжали сестра, санитаръ.

— Я сейчас умру! — Глаза смотрять властно, строго, серьезно. Видимо, въ полномъ сознаниі.

— Всѣ сюда! всѣ! Народу больше, больше! уже торжественно говорилъ больной. —

Генераль К Н. Смирновъ въ плѣну.

У меня дома... запнулся, глаза остановились и неестественно расширились — темные, темные стали, потомъ скверно скопились; весь съежился какъ-то, сълъ... Умеръ онъ.

14-ое сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

14 сентября.

Копии.

Противникъ ночью обстрѣливалъ секреты, проволочное заграждение и окопы 4 роты 25 полка.

Полковникъ Покладъ.

5 час. 40 м. утра.

За Волчьими горами поднять шаръ.

Капитанъ Вамензонъ.

8 час. 35 м. утра.

Въ ночь съ 13-го на 14-е прибылъ лейтенантъ Подгурскій съ цѣлью пустить мину по головѣ сапы.

Началась артиллерійская подготовка. Роты, заставы открыли огонь.

Какъ только раздался взрывъ мины, по головѣ сапы направленъ ору-
дѣйный огонь. Вторая мина не разорвалась (аппаратъ былъ испорченъ пулей).

Пришлось остановить огонь артиллеріи. Произошла задержка. Японцы опомнились. 3 сапера, 15 охотниковъ добѣжали, поддержка не успѣла, т. к. противникъ открылъ сильный огонь изъ другихъ окоповъ.

Наши стрѣлки, взобравшись въ окопы, не могли отойти, пришлось прибѣгнуть къ артиллеріи. Послѣ ея огня удалось отступить.

Голова сапы разбита. Изъ редута 2 подходилъ резервъ, чтобы отрѣ-
зать развѣдчиковъ. Фортъ 3 обстрѣлянъ шрапнелью. Потери противника въ
ходахъ сообщенія серьезны.

Наши потери—2 убиты и 11 ранены.

Сегодня работы въ сапѣ не идутъ, исправляютъ ходы сообщенія.

Капитанъ Степановъ.

12 час. 30 м. дня.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

14 сентября.

Копии.

День 14-го прошелъ покойно.

Укрѣпленіе Высокой, Дивизионной и Плоской идетъ безостановочно и
успѣшно.

Японцы тоже укрѣпляются.

Полковникъ Ирманъ.

10 час. вечера.

15-ое сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

15 сентября.

Копии.

Сегодняшнюю ночь японцы вели земляныя работы. Окопами окру-
жаютъ Куропаткинскій люнетъ и форты №№ 3 и 2. Организовывается обстрѣ-
ливаніе мертвыхъ пространствъ передъ фортами.

Капитанъ Степановъ.

9 час. утра.

На перевалѣ Шиненцзы прошло 40 выючныхъ лошадей.

Поручикъ Соломоновъ.

10 час. утра.

Идетъ бомбардировка форта 3 и Курганной батареи.

Подполковникъ Стольниковъ.

8 час. вечера.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

15 сентября.

Копии.

Японская канонерка дала 15 выстрѣловъ по позиціи капитана Неклюдова.

Капитанъ Романовскій.

10 час. утра.

Капитанъ Стемпневскій П доноситъ, что отъ Трехголовой горы къ Угловой прошло 2 орудія; движеніе продолжается.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

6 час. вечера.

Въ расположеніи передовыхъ частей западнаго фронта безъ перемѣнъ Японцы продолжаютъ окапываться въ старыхъ мѣстахъ. Небольшими группами бродятъ.

Капитанъ Романовскій.

10 час. вечера.

Пріемъ генераль-адъютантомъ Стесселемъ иностранныхъ корреспондентовъ.

Утромъ 15-го сентября съ наблюдательнаго поста Золотой горы замѣтили, что отъ державшихся на горизонтѣ японскихъ миноносцевъ отвалилъ вельботъ въ направленіи Артура.

Немедленно объ этомъ протелефонировали начальнику береговой обороны контръ-адмиралу Лоцинскому.

На встрѣчу адмиралъ выслалъ стоявшій подъ парами миноносецъ.

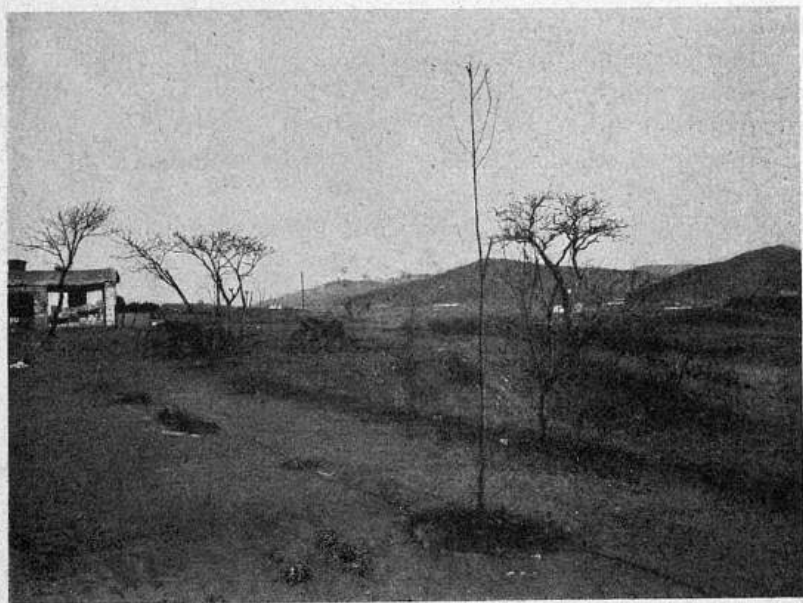
Вельботъ подъ французскимъ флагомъ держалъ курсъ отъ о. Міаотао на Ляотъшань.

Миноносецъ подошелъ къ вельботу и прибуксировалъ его въ портъ.

Прибывшіе на вельботѣ Марсель Смитъ и Эдвинъ Эмерсенъ назвали себя корреспондентами газетъ „Matin“ и „Chicago Daily News“.

Пока командиръ порта контръ-адмиралъ Григоровичъ доложилъ по телефону коменданту о прибывшихъ, послѣдніе успѣли рассказать собравшимся офицерамъ, что генералъ Куропаткинъ разбитъ подъ Ляояномъ, а Балтійская эскадра вернулась въ Либаву. Мы давно уже не получали никакихъ извѣстій извнѣ, и поэтому грозныя новости быстро разнеслись по всей крѣпости, произведя самое удручающее впечатлѣніе.

Какъ только комендантъ получилъ донесеніе отъ командира порта, немедленно командировалъ комендантскаго адъютанта по-

Осень въ Артурѣ.

ручика Князева для пріема прибывшихъ и препровожденія ихъ въ штабъ крѣпости для допроса, а начальнику штаба приказалъ доложить о результатѣ.

Отдавъ эти распоряженія, Смирновъ занялся текущими дѣлами. По дѣламъ службы прибылъ къ нему одинъ изъ командировъ полковъ, если не ошибаюсь, полковникъ Петруша.

Прошло часа два, три.

Комендантъ вспомнилъ о прибывшихъ—звонитъ въ штабъ.

Отвѣчаютъ, что корреспонденты по дорогѣ были встрѣчены адъютантомъ начальника района и направлены къ нему на квартиру.

Получаса не проходитъ—ординарецъ подаетъ двѣ карточки:

„Марсель Смитъ.“ „Эдвинъ Эмерсенъ“.

Корреспонденты, идя, въ сопровожденіи поручика Малченко, осматривать крѣпость и проходя мимо дома коменданта, считали некорректнымъ не нанести ему свой визитъ.

(Это вмѣсто того, чтобы быть допрошенными въ штабѣ крѣпости и, конечно, задержанными).

Комендантъ ихъ не принялъ. Звонитъ въ штабъ.

Приходитъ начальникъ штаба полковникъ Хвостовъ и докладываетъ, что иностранцы были у Стесселя, чествовались обѣдомъ и теперь, въ сопровожденіи поручика Малченко, отправились на верки крѣпости.

По требованію портового начальства не представили никакихъ документовъ, заявивъ, что везутъ письмо Стесселю, адресъ котораго написанъ крайне безграмотно.

Присутствовавшіе слушаютъ съ возрастающимъ изумленіемъ; если хотите, то, пожалуй, недовѣріемъ.

Комендантъ, дымя папирсой, прищурившись, пристально смотритъ на начальника своего штаба.

Полковникъ Хвостовъ продолжаетъ; спокойно, по обыкновенію разсѣренно и красиво течетъ его рѣчь.

Прибывъ къ Стесселю, иностранцы вручили ему письмо отъ Христофорова (Христофоровъ и князь Радзивиллъ привозили Стесселю телеграмму о назначеніи его генераль-адъютантомъ, а затѣмъ, проживши на Ляотъшанѣ 2 недѣли, уѣхали въ Чифу).

Прочитавши довольно безграмотное посланіе, Стессель пригласилъ ихъ къ столу.

Послѣ нѣсколькихъ бутылокъ вина, бесѣда приняла интимный характеръ.

Генераль откровенно излагалъ состояніе крѣпости, распространялся о недостаткѣ снарядовъ, продовольствія. Никитинъ что-то говорилъ объ артиллеріи.

Переводчикомъ былъ артурскій лингвистъ полковникъ Рейсъ.

По окончаніи хлѣбосольной трапезы, хозяинъ разрѣшилъ гостямъ осмотрѣть верки крѣпости, а самъ, извинившись неотложностью дѣлъ на атакованномъ фронтѣ, гдѣ долженъ лично отдать нѣкоторыя распоряженія, уѣхалъ (вмѣсто обычнаго послѣ обѣденнаго отдохновенія на постели) на прогулку по городу.

Начальникъ штаба кончилъ.

Нѣсколько мгновеній всѣ молчали.

Вихрь мыслей мелькнулъ въ головѣ коменданта: Стессель, неуклонно вѣшиваясь въ распоряженія, систематически портитъ дѣло защиты крѣпости.

На каждомъ шагѣ подрываетъ авторитетъ. Нужно кончить съ этимъ...

Смирновъ поблѣднѣлъ. Глаза метали молніи... Нѣтъ, время еще не приспѣло. Худой миръ лучше доброй ссоры. Еще рано...

— Господа, я сейчасъ иду къ Стесселю и постараюсь его убѣдить, что прогулка по городу и крѣпости подозрительныхъ корреспондентовъ немыслима. Ихъ нужно задержать и обстоятельно допросить.

Тяжело было ему итти. Переломилъ себя—пошелъ.

Придя къ генераль-адъютанту, комендантъ крайне сдержанно сталъ доказывать, что прибытіе иностранцевъ, въ виду и, очевидно, съ благословенія японцевъ, отсутствіе у нихъ документовъ—даютъ основаніе отнести къ нимъ крайне подозрительно, и что имъ никоимъ образомъ нельзя разрѣшать осмотръ крѣпости.

Стессель, у котораго прошло уже очумленіе при словѣ и видѣ „иностраннѣйшій корреспондентъ“, понялъ, что попался въ просакъ, но, благодаря упрямству, свойственному его характеру, запротестовалъ.

— Это все вздоръ. У страха глаза велики. Какія они тамъ подозрительныя лица! Они привезли мнѣ письмо.

Когда же ему было указано, что письмо написано безграмотно, и что трудно допустить, чтобы русскій офицеръ не могъ написать правильно нѣсколько словъ,—отвѣтилъ.

— Да Христофоровъ, „кулигвардъ“, кавалерійскій офицеръ, только кончилъ кавалерійское училище; много они грамотѣ обучены; а князь Радзивиллъ еще проще: онъ прапорщикъ запаса гвардейской кавалеріи, былъ ротмистромъ англійской службы въ бурской войнѣ. Да у него—ха, ха, ха,—всѣ языки перепутались.

Генераль Смирновъ, убѣдившись, что Стессель не хочетъ себя скомпрометировать въ глазахъ иностранцевъ и рѣшилъ во что бы то ни стало отстоять ихъ свободу,—заявилъ:

— Если вамъ, ваше превосходительство, неудобно, неловко отъ своего имени задержать этихъ корреспондентовъ послѣ оказаннаго гостепріимства, то я все беру на себя—задержу ихъ и допрошу, какъ комендантъ крѣпости ¹⁾.

Пусть все ихъ неудовольствіе обрушится на меня. Впослѣдствіи, когда мы обнаружимъ, что они свободны отъ какихъ бы

¹⁾ Въ это время иностранцы отбыли на фронтъ. Начальникъ жандармовъ послалъ для наблюденія за ними своихъ унтеръ-офицеровъ.

то ни было подозрѣній, они не васъ, в. п-во, а меня обвинять и разславятъ, какъ русскаго варвара.

— Нѣтъ, пусть себѣ осматрять городъ, не много имъ покажутъ крѣпости. Бѣды въ этомъ нѣтъ. Приѣдутъ назадъ, будутъ писать, что мы не землю ѣдимъ, а музыка у насъ играетъ. Да какіе они шпіоны, когда меня просили принять ихъ охотниками-добровольцами и позволить лупить японцевъ?

Неожиданно Стессель былъ прерванъ его благовѣрной, Вѣрой Алексѣвной.

Раненые.

— А знаешь—лицо одного изъ нихъ мнѣ знакомо. Онъ изъ жидковъ, чѣмъ-то здѣсь въ Артурѣ раньше торговалъ.

— А, если такъ, то я выселю.

Стессель долженъ былъ сдаться.

Рейсу отдано было приказаніе на слѣдующее утро изготovitъ отъѣздъ гостей.

Иностранцы, познакомившись, при любезномъ содѣйствіи поручика **Малченко** (будущій парламентаръ по предложенію сдать крѣпость), съ крѣпостью и городомъ, отдохнувъ ночь въ помѣщеніи штаба района, приготовились къ отъѣзду.

16 августа они, напутствуемые пожеланіями, нагруженные письмами, отвалили отъ гостепріимныхъ артурскихъ береговъ.

Лишь только они отъѣхали отъ крѣпости (среди бѣла дня), ихъ подобралъ японскій миноносецъ.

Впослѣдствіи я видѣлся съ Марселемъ Смитъ въ Китаѣ. Онъ показалъ мнѣ паспортъ, выданный французскимъ консуломъ въ Чифу, который былъ визированъ въ штабѣ района 15 сентября. Внизу была *visa* штаба Ноги, отвѣчающая 16 сентября.

Изъ штаба Ноги Эдвинъ Эмерсенъ уѣхалъ въ Нагасаки, гдѣ у него дядя американскій консулъ, а Марсель Смитъ въ Чифу, откуда и протелеграфировалъ въ „*Matin*“ небылицы о Стесселѣ.

Въ день отъѣзда иностранныхъ корреспондентовъ генераль-адъютантъ Стессель прямо ошеломилъ насъ.

Мы долго не могли понять, сонъ мы переживаемъ, или дѣйствительность.

Ко всевозможнымъ курбетамъ приучилъ насъ начальникъ района, но ниже помѣщаемого шедевра мы и отъ него не ожидали.

Экстренно.

Приказъ

по войскамъ Квантунскаго укрѣпленнаго района и крѣпости
Портъ-Артуръ.

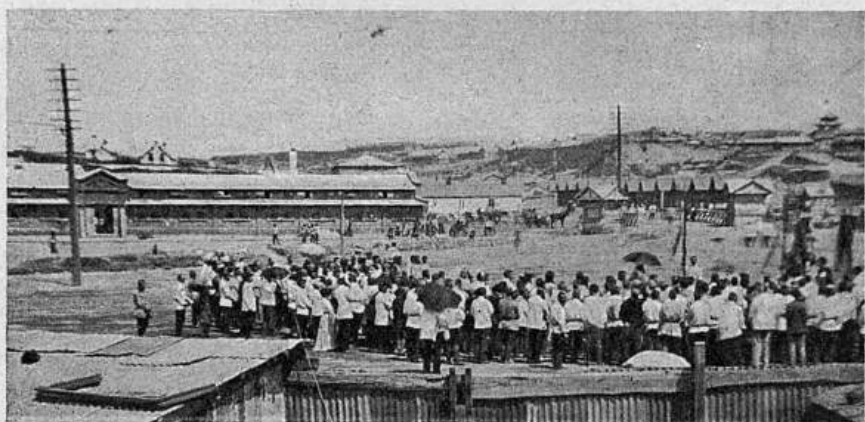
Сентября 16 дня, 1904 г., кр. Портъ-Артуръ.

№ 663.

Вчера, 15-го сентября, въ Артуръ изъ Чифу прибыли два корреспондента иностранныхъ газетъ, французской и нѣмецкой. Были они спущены на берегъ въ порту безъ разрѣшенія коменданта и безъ тщательнаго осмотра бумагъ. У нихъ имѣются консульскія удостовѣренія, но нѣтъ officialнаго разрѣшенія изъ штаба арміи быть военными корреспондентами. Прибыли они, разумѣется, чтобы пронюхать, каково настроеніе въ Артурѣ, такъ какъ въ одной газеткѣ пишутъ, что мы уже землю ѣдимъ, въ другой—что у насъ музыка играетъ, и мы ни въ чемъ не нуждаемся. Продержавъ ихъ сутки при штабѣ корпуса, подъ надзоромъ офицера, я предписалъ начальнику штаба произвести осмотръ бумагъ ихъ, такъ какъ они прибыли безъ вещей, а затѣмъ немедленно выселить изъ крѣпости, такъ какъ я не имѣю данныхъ разрѣшить имъ пребываніе; и безъ того въ иностранныхъ газетахъ печатается всякій вздоръ, начиная отъ взятія Портъ-Артура и до отступленія генераль-адъютанта Куропаткина

чуть не до Харбина. А вѣдь у насъ извѣстно, какъ дѣлается—мы первые всякой газетѣ вѣримъ, будь тамъ написанъ хотя видимый для всѣхъ вздоръ, напр., что Куропаткинъ отошелъ туда-то; а когда посмотришь это разстояніе, то видимо, что надо въ два дня сдѣлать 150 верстъ, но наши умники все-таки вѣрятъ, потому въ газетѣ написано, да еще въ иностранной. **Впредь прошу портовое начальство** отнюдь никого не *спускать на берегъ безъ разрѣшенія коменданта крѣпости* или, *разумѣется, моего* и безъ тщательнаго осмотра документовъ. **Коменданту же предлагаю организовать это дѣло.**

П. п. начальникъ Квантунскаго укрѣпленнаго района генералъ-адъютантъ Стессель.

Молебствіе 25 іюля.

Съ под. вѣрно: начальникъ штаба полковникъ Рейсъ.

Полагаю, что комментаріи къ этому приказу излишни.

Приказъ этотъ въ полной мѣрѣ рисуетъ, до чего можетъ дойти человѣкъ, очутившійся у власти.

Намъ оставалось лишь ждать послѣдствій отъ посѣщенія иностранцевъ.

Послѣдствія не замедлили обнаружиться.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

„Пріѣхавшіе на вельботѣ оказались подозрительными авантюристами-корреспондентами. Распространяли извѣстія, коими, видимо, хотѣли смутить духъ гарнизона... Ихъ довольно деликатно выпроводили изъ Артура.“

16-ое сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

16 сентября.

Копія.

Истекшей ночью, около 11 час., непріятель изъ дер. Палиджуанъ перешелъ въ наступленіе на открытый капониръ № 3. Артиллерійскій и ружейный огонь цѣлую ночь.

Атака на капониръ, имѣвшая демонстративное значеніе, отбита.

Капитанъ Степановъ.

10 час. утра.

Цѣлый день противникъ обстрѣливалъ лит. Б.

Полковникъ Покладъ.

8 час. 40 мин. вечера.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

16 сентября.

Копія.

Укрѣпленіе Высокой, Дивизионной и Плоской идетъ безостановочно. Японцы тоже укрѣпляются.

Полковникъ Ирманъ.

8 час. утра.

На 3 форту безъ перемѣнъ.

Капитанъ Романовскій.

1 часъ дня.

Фортъ 5 сильно обстрѣливался.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

3 час. 10 мин. дня.

Посты на западномъ фронтѣ по старой линіи. Наблюдалось большое оживленіе въ лоцинѣ на с.-в. деревни „Безъ названія“. Непріятель усилился. Японцы вновь таскаютъ жестяные ящики, очевидно съ гранатами.

Капитанъ Романовскій.

8 час. 30 мин. вечера.

Въ Пушкинскомъ училищѣ.

Опять началась усиленная бомбардировка города.

Сегодня сильно не здоровилось, рѣшилъ заняться всецѣло своимъ дневникомъ.

Воздухъ опять словно кипитъ отъ летящихъ снарядовъ. Летятъ высоко, разрывы далеко—едва слышны.

Грохнуло орудіе въ сторонѣ противника—шипѣніе, шелестъ въ воздухѣ и взрывъ.

Утесъ началъ гремѣть залпами.

Воздухъ скрипитъ отъ летящихъ снарядовъ; громъ выстрѣловъ далекимъ, стихающимъ эхомъ покатился между горъ. Загремѣла Перепелка. Загромыхалъ „Дядя Мошинскій“ (стрѣлковая батарея). Треснуло, именно треснуло двѣнадцатидюймовое орудіе на броненосцѣ.

Опять началось повтореніе стараго.

Противникъ неутомимъ — посылаетъ снарядъ за снарядомъ.

За Перепелкой затрещали винтовки, пулеметь.

Гуль стоитъ надъ городомъ.

Смотрю въ окно. Бѣжить тетушка.

Ну, конецъ — сейчасъ панику разведетъ.

— Вотъ черти проклятые—опять стрѣляютъ! Просто житья нѣтъ.

Ты знакомъ съ комендантомъ?... Неужели...

Ахъ да, вѣдь я прибѣжала окна закрыть. Вотъ страсти-то!

Боже упаси, какъ стрѣляютъ.

— Да вѣдь если окна закроете, не спасетесь отъ снаряда.

— Глупый, совсѣмъ, совсѣмъ глупый! Я хочу, чтобы они съ петель не слетѣли. Что ты меня учишь? Я прекрасно знаю, что я дѣлаю.

Да здѣсь, если хочешь, и поглупѣть недолго. Ни днемъ ни ночью покоя... Чаю хочешь? Только крѣпкаго не...

О Господи Иисусе—вотъ стрѣляютъ!

Чтобъ они провалились.

И скоро ли эта, какъ его, Куропатка придетъ?

— Да не Куропатка, а Куропаткинъ.

— Ну, не все ли равно, кто тамъ?

Лишь бы пришелъ и прогналъ япошекъ.

Электрическій утесъ выпустилъ очередь. Тетушка, перекрестившись, бросилась запирать окна...

— Подумай, лукъ, простой лукъ два рубля фунтъ, и то еле достали; зелени совсѣмъ нѣтъ. Слыханое ли дѣло—коробка, обыкновенная коробка масла 5 руб. Да они совсѣмъ сдурѣли. А еще, говорятъ, цѣны тутъ установлены.

Грабежъ, одинъ грабежъ!

Залаяли собаки. Лай поднялся невыносимый, страшный, да и не мудрено: въ домѣ 8 псовъ.

Вышелъ.

По саду торжественно идетъ бойка, за нимъ рикша везетъ что-то донелзя грязное. Псы заливаются.

— Что такое?

Видъ у китайца отмѣнно серьезный.

Наши барыни къ нему.

— Что ты?

— Водъ моя привези зелень.

Только шиббко мало есть.

— Почему?—въ одинъ голосъ.

Резервь.

Канонада усилилась, собаки подняли форменный ревъ. Въ-стовой отгоняетъ. Куда—не справиться съ этой горластой оравой: сердитыя стали.

— Везде стрѣляй—продолжаетъ сосредоточенно китаецъ—китайцы бѣги, все брозай. Мозно привезти только мѣскѣ...

Беретъ изъ колясочки грязный мѣшокъ.

... Капитанъ увидитъ—сейчасъ одбирай и денегъ давай, сколько хошь. Очень трудно. Въ воротахъ одбирай, деньги не давай. Шиббеко худо есть.

Вынимаетъ морковь, петрушку, лукъ—все миниатюрное, въ минимальномъ количествѣ.

— Что же ты такъ долго не приходилъ?

— Сидѣлъ, ждалъ рыбы.

Нѣдъ и нѣдъ. Есть больжой, сдеглянный, китайзы кужай, русскій нѣдъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ея не нужно. Богъ съ ней.

— Вотъ я сидѣлъ, сидѣлъ и приходи.

Вчера маленький полизмейстеръ ново-китайзскій городъ ходи Чифу-Цинтіусъ.

Видъ у китайца крайне серьезный. Онъ понимаетъ, что онъ очень теперь нужный человѣкъ. Но изъ рамокъ корректности не выходитъ.

А канонада все усиливается. Прямо оглушаетъ.

— Бойка, иди покушай. Оедоръ подай ему и рикшамъ тоже.

Бой усѣлся за столъ въ нашей столовой, перенесенной въ кухню въ полуподвалѣ, надъ которой устроено нѣчто, напоминающее блиндажъ; рикши расположились на дворѣ.

Началось насыщеніе.

Наконецъ китаецъ покушалъ. Спросилъ разрѣшеніе курить. Закурилъ. Потомъ полѣзъ въ мѣшочекъ у пояса. Вытащилъ что-то живое, разсыпалъ на столъ зерна.

Наблюдаю съ большимъ любопытствомъ. Понять не могу, что такое.

Оказалось, что это перепелка, выдрессированная для азартной игры.

Китаецъ взялъ ее въ лѣвый кулакъ, пальцемъ правой руки слегка долбитъ ей въ голову, а затѣмъ ногтями трещить. Перепелка нѣсколько разъ клюнула. Китаецъ опять. Перепелка опять клюнула.

Продѣлавъ эти манипуляціи нѣсколько разъ, спрятали въ мѣшокъ, подвязавъ у пояса подъ своимъ балахономъ.

— Бой, вѣдь ей мало воздуха. Она задохнется.

— Ничеггго, если здѣсь не удержи, не хочетъ играй.

Аргументъ былъ сильный—пришлось согласиться.

Забываешься на минутку, но Утесъ напоминаетъ ежеминутно, что мы въ осадѣ.

Весь домъ ходуномъ ходитъ. Рамы дрожатъ. А домъ нашъ солидной постройки.

Снаряды начинаютъ ложиться все ближе и ближе. Вонъ какой страшный взрывъ у дома намѣстника.

Береговой фронтъ ожесточился. Молчить лишь Золотая.

На скотномъ дворѣ у насъ жизнь течетъ нормальнымъ путемъ. Скотамъ не до бомбардировокъ. Кормятъ ихъ, холятъ. Началось кормленіе свиней, гусей, утокъ.

Огромный Полканъ лежитъ и наблюдаетъ.

Наши животныя живутъ въ общемъ мирно, иногда лишь слегка поспорятся у корыта.

Полканъ вскочить, залаетъ...

Но все кончается безъ кровопролитій.

Право, иногда не вѣрится, что люди собрались и истребляютъ другъ друга.

Лейтенантъ Мисниковъ ¹⁾.

Но стоитъ вспомнить госпиталь... быстро возвращаешься къ дѣйствительности.

Къ вечеру воздухъ обильно насыщенъ испареніями, звуки выстрѣловъ тонуть въ немъ. Видны лишь фосфорическія, безшумныя вспышки.

Прожектора устремились въ одну точку. Очевидно, идетъ частный штурмъ. Выстрѣловъ не слышно.

) Объ этомъ выдающемся офицерѣ я буду подробно бесѣдовать.

Огонь постепенно усиливался.

Минутами вспышки образуютъ непрерывную линію, весь фронтъ въ огнѣ.

Начали свѣтить ракеты.

Сверкнула Крестовая, оставивъ на нѣсколько секундъ огненный слѣдъ на небѣ. Чуть слышнымъ долетѣлъ звукъ выстрѣла.

Стало совершенно темно, а за хребтомъ Дракона чуть свѣтаетъ.

Близокъ восходъ луны. Она взойдетъ какъ разъ надъ вершиной Крестовой...

17-ое сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

17 сентября.

Копія.

Рѣдкій огонь по лит. Б и окопамъ 4 роты 25 полка.

Полковникъ Покладъ.

6 час. утра.

Ночь на 3 участкѣ. Съ 8 часовъ началась сильная перестрѣлка отъ капонира 3 до укрѣпленія № 3. Непріятельскій орудійный огонь по лощинѣ между фортомъ 3 и укрѣпленіемъ 3 и самому форту.

Японцы три раза бросались въ атаку съ цѣлью завладѣть отнятымъ у нихъ окопомъ. Отбиты, 11 рота 25 полка отражала огнемъ и штыкомъ.

Японцы оставили въ окопахъ и впереди 230 убитыхъ.

Развѣдчики изъ капонира, 39 человекъ, пробрались на редутъ 2, подожгли блиндажъ, бросали бомбочки въ непріятельскій окопъ, но не заняли благодаря продольному огню.

Японцы окапываются вдоль полотна желѣзной дороги.

Капитанъ Степановъ.

12 час. дня.

Демонстрированіе при боевой обстановкѣ впереди капонира 3 ручныхъ ракетъ. Результатъ блестящій.

Поручикъ Дебагорій-Мокріевичъ.

5 час. 30 мин. дня.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

17 сентября.

Копія.

Въ расположеніи западнаго фронта безъ переменъ.

Японцы окопами подвигаются впередъ.

Капитанъ Романовскій.

9 час. вечера.

Сегодня день именинъ Вѣры Алексѣевны Стессель.

Весь Артуръ опять потянулся къ дому главнаго начальника осажденной арміи съ „искренними привѣтствіями“.

Зашелъ къ коменданту.

Генераль только что отпустилъ собравшійся совѣтъ.

По обыкновенію энергиченъ и бодръ.

Зашла рѣчь объ иностранцахъ.

Они стали въ гарнизонѣ „притчей во языцѣхъ“.

Пожаръ во время бомбардировки.

— Ваше превосходительство, спросилъ я генерала: не боленъ ли Стессель? Бываетъ же, что человѣкъ, сѣвшій за азартную игру, сходитъ съ ума, когда ему начинаетъ баснословно везти.

Всѣ увѣрены, что онъ ненормаленъ.

Неужели его нельзя устранить?

Вѣдь этакъ онъ и крѣпость сдать?

Среди нижнихъ чиновъ упорно держится слухъ, что Артуръ проданъ японцамъ. Основывается онъ на подметныхъ письмахъ японцевъ: „Чего вы деретесь? вѣдь Артуръ намъ проданъ. У насъ и бумаги есть“. Для темной массы это убѣдительно.

Случай же съ корреспондентами даетъ еще большую пищу воображенію. Среди нижнихъ чиновъ эта легенда утверждается.

Это все вздоръ, но съ этимъ придется считаться, когда моральное состояніе гарнизона пойдетъ на убыль.

— Ваше превосходительство, булки принесли — доложилъ вѣстовой.

— Откуда этотъ даръ? Да отвѣчай же!

— Изъ интендантской пекарни, ваше превосходительство.

— Не хотите ли съ молокомъ? Вѣдь это теперь роскошь.

Принялись уничтожать.

— Я одного боюсь. Стессель принималъ этихъ франтовъ. Они расскажутъ, гдѣ живетъ главный генераль—японцы и начнутъ сюда зашпаривать. Стессель этого добивался. А я то, я то? Вѣдь это будетъ „въ чужомъ пиру похмѣлье“.

Ничего не подѣлаешь—придется и это претерпѣть. Только Стессель сейчасъ же уѣдетъ.

Я же никуда отсюда не тронусь.

Слышали? Виренъ произведенъ въ адмиралы, Фокъ—въ генераль-лейтенанты.

— Фокъ?!?

— Ничего не подѣлаешь. Мнѣ приходится защищать крѣпость отъ японцевъ и отъ Стесселя съ К^о.

Они все больше и больше чувствуютъ себя хозяевами положенія. —

Нашей бесѣдѣ помѣшалъ Хвостовъ, пришедшій напомнить, что пора уже принести поздравленія супругѣ генераль-адъютанта.

Долго потомъ доносилось изъ дома Стесселя „восторженное“ ура въ честь дорогой именинницы.

Во время обѣда, словно нарочно, усердствовалъ береговой фронтъ, особенно отличался „Дядя Мошинскій“.

Періодъ четвертый.

18-е сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

18 сентября.

Копія.

На восточномъ фронтѣ ночь прошла покойно. Отбитый окопъ углубленъ.

Генераль-маіоръ Надѣинъ.

8 час. утра.

Рѣдкій огонь 11'' бомбами по форту 3-му изъ-за Сахарной Головы.

Капитанъ Оношко.

10 час. утра.

На фортъ II упало восемь 11'' бомбъ. Пробить казематъ.

Капитанъ Степановъ.

10 час. утра.

Обстрѣливаніе ружейнымъ огнемъ японцами окоповъ впереди форта III.

11-я рота 15-го полка и фортъ III отвѣчаютъ.

Капитанъ Оношко.

7 час. вечера.

Съ полудня непріятель открылъ огонь 11'' бомбами по фортамъ II, III. Подбиваютъ артиллерию.

Окопы его охватываютъ съ обѣихъ сторонъ фортъ II съ Куропаткинскимъ люнетомъ, войдя ходами сообщенія въ мертвое пространство по обоимъ флангамъ.

Голова окопа праваго подступа въ 150-200 шагахъ отъ Китайской стѣны.

Капитанъ Степановъ.

7 час. вечера.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

18 сентября.

Копи.

Вчера ночью партія охотниковъ—30 чел. шт-капитана Соловьева, подъ командой стар. унтеръ-офицера **Шебанова**, вышла съ цѣлью разрушить окопы.

Незамѣтно подошли. Японцы бросились бѣжать. Охотники разрушили окопы. Пришлось отойти, т. к. были встрѣчены ротой. Благодаря распоряжительности **Шебанова** потерь нѣтъ.

Капитанъ Романовскій.

7 час. 20 мин. утра.

На западномъ фронтѣ безъ перемѣнъ. Легкое движеніе къ Угловой.

Капитанъ Романовскій.

9 час. утра.

На атакованномъ фронтѣ.

Раннимъ - рано выѣхали въ штабъ генераль - маіора На-дѣина.

Утро восхитительное.

На фронтѣ затишье.

Миновали знаменитую „центральную ограду.“ Ее занимаютъ дружинники. Большая ихъ часть отправлена на Ляотѣшань.

На часахъ у рогатки дружинникъ.

— Здорово, дружинникъ, привѣтствовалъ Смирновъ.

Воинъ снялъ фуражку, началъ продѣлывать какія-то таинственныя манипуляціи съ винтовкой и въ концѣ концовъ, совершенно запутавшись, просто отвѣтилъ:—Здравствуйте, ваше превосходительство.

Всѣ расхохотались.

— Вотъ воинство! Вотъ кто будетъ у меня умирать послѣдними, когда перебьютъ строевыя части.

Ничего, подтянутся, молодцами будутъ умирать.

Спасибо, молодецъ дружинникъ, за службу—уже обернувшись на конѣ и взявъ подъ козырекъ, крикнулъ генераль.

Дружинникъ отвѣтилъ что-то уже совсѣмъ несурзное.

Прибыли въ ставку Надѣина.

Переноска раненыхъ.

Отлично устроенный блиндажъ.

Кругомъ цѣлое хозяйство.

Самъ Надѣинъ производитъ впечатлѣніе патріарха—высокій, сѣдой, съ большой окладистой бородой. Голова забинтована.

Насъ замѣтили еще на поворотѣ дороги.

Коменданта встрѣтили рапортомъ.

Вышелъ Надѣинъ.

Развернули верстовку — началось совѣщаніе. Капитаны Шварцъ и Степановъ давали обстоятельныя отвѣты, поясненія.

Долго шло совѣщаніе.

Пришелъ представиться начальнику отряда молоденькій офицеръ, принимавшій роту отъ капитана, отставленнаго отъ командованія за самовольное очищеніе ввѣреннаго окопа.

Комендантъ, Надѣинъ, Степановъ подробно познакомили его съ расположеніемъ, которое ему ввѣряется.

Во время совѣщанія получилось донесеніе, что на фортъ II-ой упала 11" бомба, разворотившая бетонъ. Нѣсколько человѣкъ убито, ранено.

Присутствовавшіе высказали предположеніе, что началась бомбардировка съ моря.

— Нѣтъ, нѣтъ, это вновь поставленные орудія крупнаго калибра. Они будутъ гвоздить ими форты и эскадру.

Большинство изъ присутствовавшихъ сомнѣвалось.

— Не вѣрите, сомнѣваетесь? Напрасно. Ближайшее будущее вамъ это докажетъ.

Господа, однако вы отлично устроились, у васъ тутъ маленькая усадьба!!

Отправились пѣшкомъ по горамъ.

Едва взобрались на Митрофаньевскую гору, на фортъ II-омъ взвился столбъ дыму, песку и камней—словно гигантское дерево выросло и рушилось.

Время отъ времени, съ точностью часового механизма, въ разныхъ направленіяхъ с.-в. фронта вырастали фантастическія деревья, громыхали страшные взрывы, развивающіе огромную разрушительную силу.

По вершинѣ горы шли довольно глубокими окопами; пули свистѣли надъ нами.

Нѣтъ, положительно нѣтъ ничего хуже этого свиста.

Онъ изводитъ въ конецъ, пытается. Къ снарядамъ привыкаешь, а къ этому невинному писку невидимыхъ птичекъ—не привыкнуть.

Спускаясь въ лощину по откосу Митрофанія, почувствовали себя въ полной безопасности—хорошее, пріятное сознаніе, что теперь тебя уже не пронизетъ, словно иглой, пуля.

Вся лощина усеяна неразорвавшимися снарядами, шрапнельными стаканами, осколками.

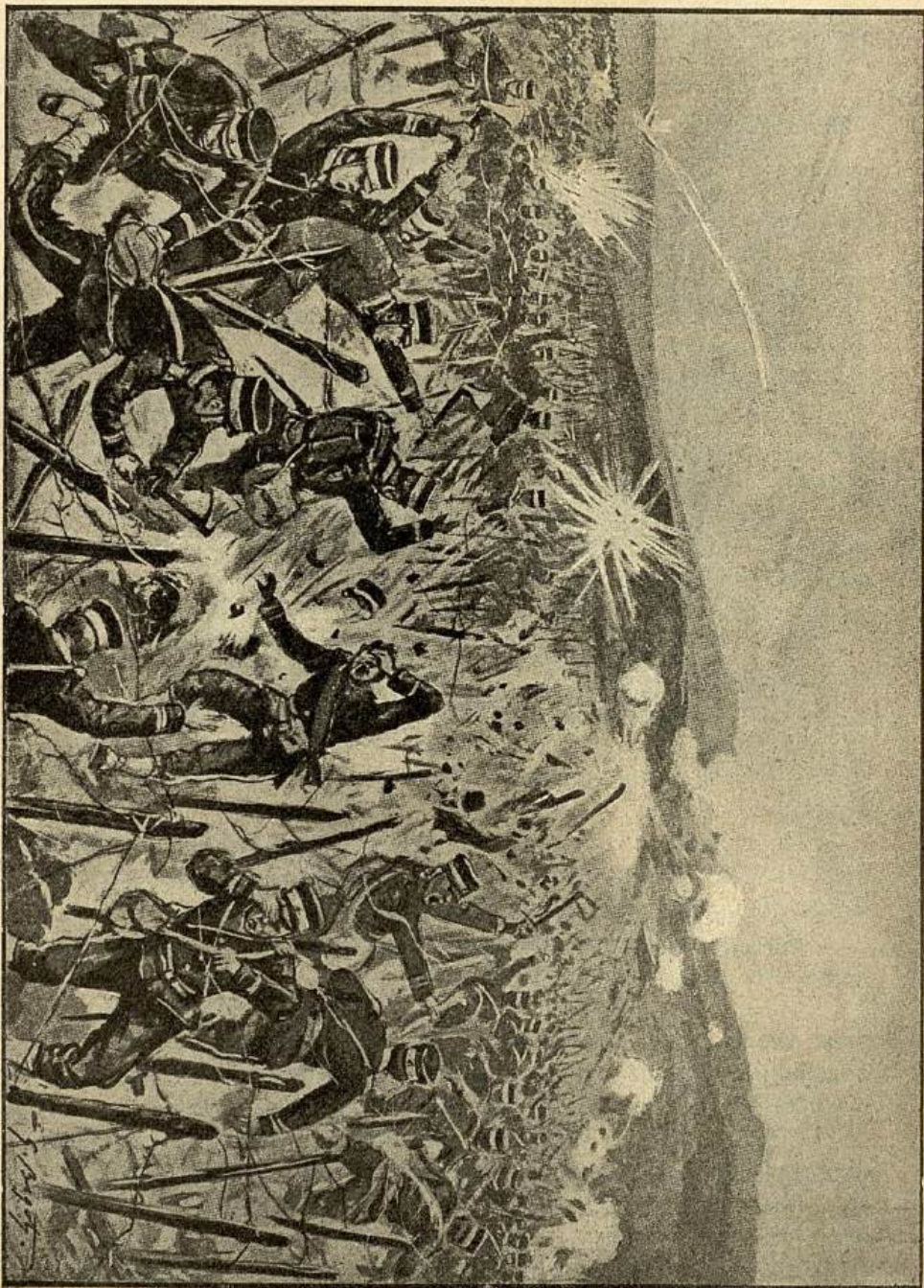
Съ высоты Безыменной горы открылась рѣдкостная панорама всего сѣверо-восточнаго фронта. Снаряды по всѣмъ направленіямъ неустанно бороздили укрѣпленія и форты.

Наша оборонительная линія молчала, словно притаилась она.

Внизу форты, батареи, укрѣпленія, люнеты, капониры, окопы, казалось, вымерли—никакихъ признаковъ жизни.

Все залито свѣтомъ яркаго солнца. Высоко оно и жжетъ немилосердно.

Вдругъ отдаленный гулъ, шипѣніе и взрывъ, столбъ желтобураго дыма, медленно разсѣивающійся въ тихомъ, покойномъ воздухѣ.

Перебрались на Каменоломенную гору. На ней батареи исключительно из морских орудий.

Начальник сектора лейтенантъ Подушкинъ.

— Молодцы, молодцы наши моряки, восторгался комендантъ, глядя, какъ матросы оборудовывали себѣ блиндажи на зимовье.

Около 2 часовъ пополудни началось совершенно неожиданно стремительное обстрѣливаніе города.

Нѣсколько снарядовъ сразу разорвались вокругъ госпиталя Маріинской общины Краснаго Креста.

Затѣмъ огонь былъ перенесенъ дальше и сконцентрировался у мельницы Тифонтая.

Огонь съ каждой минутой усиливался.

Площадь паденія снарядовъ постепенно сокращалась—очевидно, что цѣль бомбардировки—мельница, питавшая весь гарнизонъ мукой.

Бѣгутъ оттуда китайцы, рикши, мчатся извозчики, двухолки.

Бѣгутъ женщины, дѣти. Спасаются.

На лицахъ у всѣхъ ужасъ и смятеніе.

Это первый день бомбардировки специально по городу. Это уже не недолеты, а форменное, сознательное бомбардированіе города.

Никто не ожидалъ.

Вѣдь до сихъ поръ къ намъ въ городъ ложились лишь недолеты.

Пока еще нѣтъ убитыхъ среди дѣтей. Слава Создателю!

Ко всему привыкли. На все смотримъ хладнокровно. Но думаю, что при видѣ растерзаннаго ребенка можно было бы сойти съ ума.

Вонъ мчитъ рикша со своей колясочкой. Обезумѣлъ отъ страха и не знаетъ—куда ему броситься, гдѣ искать спасенія. Кругомъ рвутся бомбы. Завылъ снарядъ. Несчастный метнулъся вправо и пустился по улицѣ стремглавъ.

Свистъ еще стоялъ отъ полета, а снарядъ уже разорвался—облако дыма.

Отъ китайца — полтуловища, рядомъ, накренившись, колясочка съ поднявшимся отъ напора воздуха верхомъ—словно задумалась она надъ своимъ изуродованнымъ хозяиномъ.

И ничего. Нервы притупились. Впечатлѣнія — нуль.

Бомбардировка продолжается; нѣсколько снарядовъ попало уже въ зданіе мельницы.

Послѣдствія посѣщенія „иностранцевъ“ сказываются.

А вотъ, неугодно ли! На пьяномъ извозчикѣ мчится пьяный матросъ. Погоняетъ самъ лошадей—да прямо къ мельницѣ. Скрылся за постройками—слышно лишь, какъ оретъ дикимъ голосомъ, возница ему вторитъ. Городовой побѣжалъ за ними и остановился—кричить, рукой машетъ.

Бомбардировка продолжается.

Испугался смерти до смерти.

Обстановка осажденной крѣпости; томительная, тягучая неизвѣстность, неувѣренность; постоянная неумолимая смертельная опасность—начинаютъ сказываться.

Молодые нервы сдаютъ.

Печальный эпизодъ съ однимъ изъ офицеровъ, прибывшимъ на войну по собственному желанію, ярко иллюстрируетъ, до чего могутъ довести томительная обстановка осажденной крѣпости и впечатлѣнія штурмовъ.

Послѣ жаркаго рукопашнаго боя—кажется, на Водопроводномъ редутѣ, —въ которомъ юный офицеръ принималъ горячее участіе, показавъ на дѣлѣ выдающуюся храбрость, самоотверженіе, и вышелъ изъ него совершенно невредимымъ, — юноша затосковалъ, сильно затосковалъ, сталъ неузнаваемъ.

Товарищи замѣтили.

Зашла рѣчь о причинахъ.

Въ откровенной дружеской бесѣдѣ объяснилось, что вся обстановка боя произвела на него такое сильное, потрясающее впечатлѣніе, что онъ съ ужасомъ думаетъ о слѣдующемъ дѣлѣ, въ которомъ ему по долгу службы придется рано или поздно опять принять участіе.

Онъ искренно признавался, что мысль эта его преслѣдуетъ.

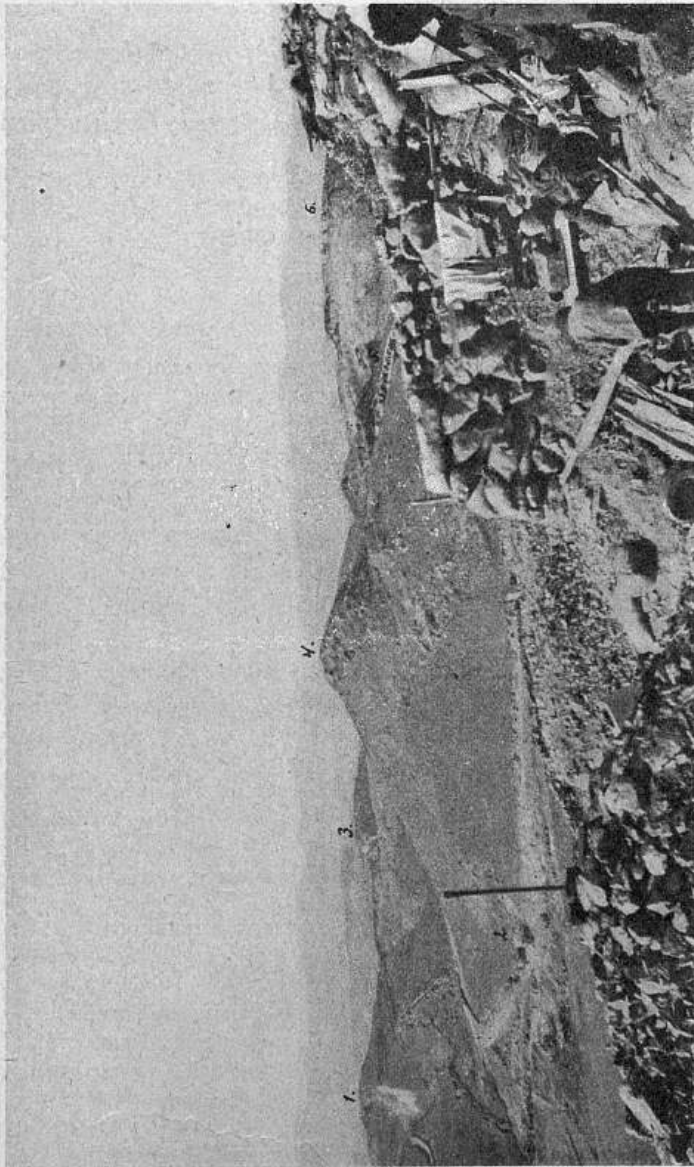
Открыто говорилъ, что онъ можетъ не выдержать, нервы сдадутъ, окружающіе замѣтятъ, заклеятъ его именемъ „труса“.

Бѣдняга мучился этимъ сознаніемъ. Юноша заболѣлъ, но боролся съ собой.

Его, какъ могли, успокаивали, ободряли. Товарищи въѣдъ многое могутъ сдѣлать.

Временами онъ чувствовалъ себя бодрѣй, какъ будто успокаивался. Но въ душѣ у него шелъ сложный и мучительный психическій процессъ.

Въ его молодой, чистой, непосредственной духовной природѣ, не привыкшей еще итти на компромиссъ съ своей совѣстью, шла жестокая борьба. Одна мысль, что на него можетъ

Центръ сѣверо-восточнаго фронта.
1. Курганная батарея. 2. Блиндажъ начальника участка. 3. Укрѣпленіе III. 4. Скалистый край.
5. Китайская стѣна. 6. Фортъ III.

лечь тѣнь трусости, приводила его въ отчаяніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что онъ не въ состояніи будетъ быть храбрымъ тамъ, гдѣ храбрымъ быть должно.

Онъ глубоко сознавалъ, что его страшить не самый актъ смерти, а вся эта грозная обстановка, которая неизмѣримо тяжелѣй самой смерти.

Долго и упорно боролся съ собой юноша.

И не выдержалъ.

Товарищи ушли обѣдать, оставивъ его въ палаткѣ въ довольно жизнерадостномъ настроеніи.

Вернулись. Въ палаткѣ лежалъ трупъ, уже бездыханный.

Юноша застрѣлился.

19-е сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

19 сентября.

Копіи.

Сегодня ночью секреты 25 полка выстрѣлами мѣшали работать. Огонь былъ настолько мѣтокъ, что японцы, оставивъ окопъ и 5 чиновъ убитыми, бѣжали.

Полковникъ Покладъ.

4 часа 20 м. утра.

Вчера въ 7 час. вечера пытались овладѣть отнятымъ окопомъ. Отбиты 11 ротой 15 полка.

Стрѣлки 15 полка, подъ командой шт.-капитана Бурзи, разрушили часть окопа, высыпали и принесли 96 мѣшковъ.

Есть разрушеніе на форту III.

Генераль-маіоръ Надѣинъ.

6 час. 10 м. утра.

На фортъ IV упало вчера девять 11'' бомбъ.

Капитанъ Головань.

7 час. 25 утра.

Поручикъ Орловскій доноситъ—съ горъ спускаются къ деревнѣ Данапиджуанъ по одиночкѣ японцы.

Капитанъ Степановъ.

10 час. утра.

11'' мортира расположена правѣ и сзади Сахарной Головы.

Шт.-капитанъ Булгаковъ.

2 час. дня.

Въ деревнѣ Шуйшинъ 2 роты японцевъ.

Капитанъ Головань.

3 час. 25 м. дня.

Въ теченіе дня на восточномъ фронтѣ все спокойно.

Полковникъ Покладъ.

9 час. 15 м. вечера.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

19 сентября.

Копія.

Ночью шла уборка труповъ. Японцы огнемъ мѣшали.

Полковникъ Ирманъ.

8 час. утра.

Надъ Волчьими горами воздушный шаръ.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

9 час. 17 м. утра.

Въ 2 верстахъ отъ форта V идетъ ружейная перестрѣлка нашихъ охотничьихъ командъ.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

12 час. ночи.

Выписка изъ дневника С. А. Рашевского.

„Вчерашняя, 19 сентября, стрѣльба изъ орудій большого калибра повторилась и сегодня. Оказалось, къ нашему общему изумленію, что 11'' мортира стрѣляетъ бомбами закаленного чугуна. Вотъ такъ сюрпризъ—чего, чего, но этого ужъ никто не ожидалъ.

Такихъ батарей, видимо, двѣ.

При вчерашней стрѣльбѣ, одинъ изъ снарядовъ попалъ въ 3'' бетонный сводъ на второмъ форту и пробилъ его насквозь, убивши двухъ и трехъ ранивши прицѣльная стрѣльба снова была удачна для японцевъ: около 10 снарядовъ попало въ „Пересвѣтъ“...

Полдня надъ Волчьими горами стоялъ японскій воздушный шаръ—вѣроятно, онъ имѣлъ главной цѣлью опредѣлить мѣсто стоянки судовъ...”

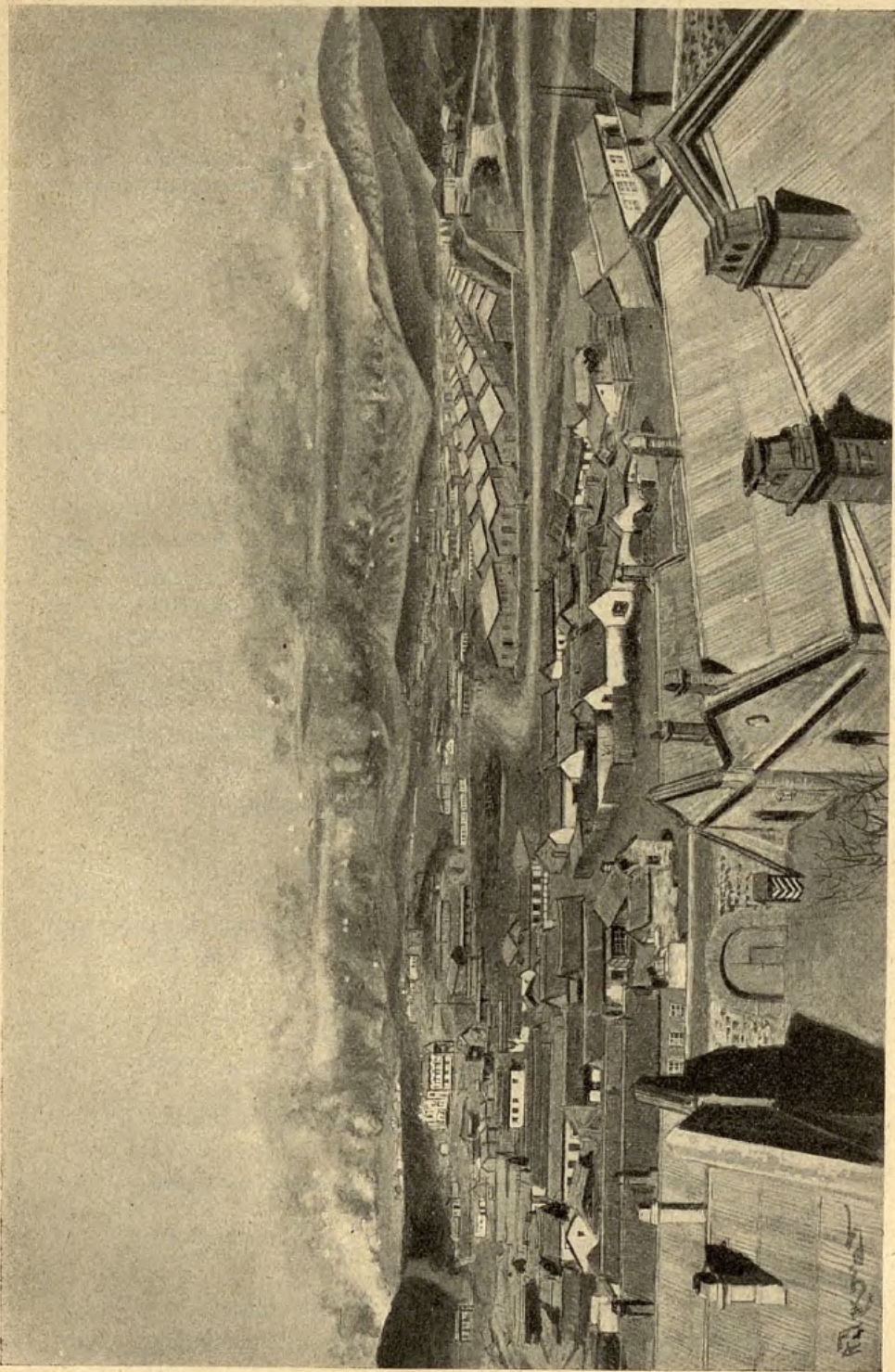
Приказъ.

№ 676.

Генераль-лейтенантъ Фокъ представилъ мнѣ свою замѣтку; совершенно соглашаясь со всѣмъ, въ ней изложеннымъ, предписываю инженерамъ всѣхъ участковъ передѣлать бойницы, какъ выражено въ замѣткѣ.

ЗАМѢТКА.

Во многихъ мѣстахъ передовой позиціи можно видѣть тюфяки, набитые камнями. Тюфяки выданы вовсе не для набивки ихъ камнями, а для шитья изъ нихъ форменныхъ саперныхъ мѣшковъ, которые употребляются

Бомбардировка сѣверо-восточнаго фронта.

для устройства бойницъ или для исправленія старыхъ бойницъ. Изъ нихъ даже нельзя шить мѣшки размѣровъ провіантскихъ мѣшковъ, такъ какъ холстъ тюфачный тонкій и пропрѣвшій, а тѣмъ болѣе набивать ихъ камнями; вѣдь вѣсъ такого мѣшка, пожалуй, будетъ болѣе десяти пудовъ, къ тому же такой мѣшокъ ни для какого дѣла не годится. Слѣдовало и провіантскіе мѣшки разрѣзать пополамъ и сшить изъ нихъ мѣшки. Изъ мѣшковъ такого размѣра можно было бы устроить правильныя бойницы, и матеріала бы пошло вдвое меньше. Говорятъ, что некогда шить, по приказу о бойницахъ былъ отданъ еще въ іюнѣ, а теперь уже сентябрь.

Нынѣшнія бойницы никакого боевого значенія не имѣютъ, намъ онѣ принесли больше вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ лѣннивцамъ даютъ предлогъ не углубляться. Правда, фортамъ онѣ придали нѣкоторый эстетическій видъ, такъ какъ, смотря на форты издали, кажется, что вся оборонительная линія украсилась фестонами женскихъ юбокъ.

По полученіи приказа объ устройствѣ бойницъ, по всей оборонительной линіи наставили рядъ мѣшковъ, одинъ отъ другого въ разстояніи отъ шести до восьми вершковъ, покрыли ихъ другимъ рядомъ и вообразили, что устроили бойницы, а между тѣмъ устроили не бойницы, а безформенныя дырѣя, такъ какъ отъ непогоды мѣшки разтѣлись.

Бруствера стали выше, нагляднѣе и толще, каждый снарядъ выносить рядъ мѣшковъ и бить ими, какъ камнями. Вести перестрѣлку изъ такихъ дырѣ нельзя, оказалось—что показали Кумирнинскій и Водопроводный редуты. На всемъ восточномъ фронтѣ эти дырѣ затыкали камнями.

Слѣдовало каждый мѣшокъ разрѣзать и шить изъ него два мѣшка, изъ четырехъ такихъ же мѣшковъ сложить бойницы; отступя на $\frac{1}{2}$ аршина отъ первой, сложить такимъ же образомъ вторую бойницу, и такъ далѣе... Промежутки между бойницами засыпать землею. Такъ устроенныя бойницы составили бы однородную массу съ самою траншеею.

Подлинное подписать: генераль-лейтенантъ Фокъ.

Подлинное подписалъ: начальникъ Квантунскаго укрѣпленнаго района,
генераль-адъютантъ Стессель.

Съ подлиннымъ вѣрно:

начальникъ штаба, полковникъ Рейсъ.

Предоставляю читателю самому разобраться въ этой запискѣ.

Съ своей стороны добавляю, что она была написана съ спеціальной цѣлью доказать, что безъ Фока ничего путнаго не выйдетъ.

Фокъ былъ устраненъ отъ участія въ оборонѣ Смирновымъ, какъ вредный генераль, но это не мѣшало Стесселю постоянно напоминать гарнизону о лукавомъ мудрствованіи своего совѣтника.

День на „Пересвѣтъ“.

Портъ и эскадра давно бомбардируются. Цѣлыми днями наши суда непрерывно разстрѣливаются непріателемъ.

Тяжелое, томительное, безпомощное положеніе.

Раннимъ утромъ отправился на набережную.

Воскресеніе. День ясный, теплый. Вѣтра нѣтъ. Внутренній рейдъ—какъ зеркало. Бомбардировка только что началась.

У берега ни одной шампуньки.

Недавно въ пристань попалъ снарядъ — всѣ разбѣжались.

На одномъ изъ судовыхъ катеровъ добрался наконецъ до „Пересвѣта“.

Большой, темный, грозный, стоялъ онъ по срединѣ западнаго бассейна.

Трубы уже исправлены. вмѣсто сбитыхъ мачтъ, надставлены новыя. По борту слѣды перенесеннаго жестокаго боя.

За брустверомъ.

Зіяютъ, словно раскрытыя ворота, огромныя надводныя пробоины, надъ которыми спѣшно работаютъ десятки матросовъ. Работы уже подходятъ къ концу.

Командиръ броненосца капитанъ I ранга Бойсманъ, нынѣ уже покойный, любезно показалъ мнѣ весь свой броненосецъ, огромную пловучую крѣпость.

Всюду и вездѣ слѣды взрывовъ непріятельскихъ снарядовъ. Все по мѣрѣ возможности приведено въ порядокъ, но это все на каждомъ шагу напоминаетъ о минувшемъ сраженіи.

У людей видъ бодрый, веселый. Не падай кругомъ снаряды, не обращай на себя вниманія страшные слѣды разрушенія—и въ голову не пришло бы, что эти жизнерадостные люди перенесли бой 28 іюля.

Подошелъ къ командиру судовой священникъ съ вопросомъ, можно ли сегодня служить обѣдню.

— Нѣтъ, батюшка, опасно. Бомбардировка усиливается. Непріятель, очевидно, пристрѣливается сегодня къ намъ. Людей нужно спрятать.

Вахтенный доложилъ, что ѣдетъ адмиралъ.

Быстро подлетѣлъ къ трапу двухтрубный паровой катеръ.

Адмиралъ Виренъ однимъ взмахомъ былъ уже на палубѣ.

Принявъ строевой рапортъ, скрылся у себя въ каютѣ.

Послѣ одиннадцати сѣли завтракать. Завтракъ былъ накрытъ не въ каютѣ-компаніи, а въ одной изъ батарейныхъ палубъ шестидюймовыхъ орудій.

За столомъ пили за здоровье новаго контръ-адмирала. Зашла рѣчь, конечно, о Стесселѣ.

Меня нѣсколько поразило: за исключеніемъ нѣсколькихъ, большинство офицеровъ хранило глубокое молчаніе.

Дружного возмущенія поступками генерала Стесселя не встрѣтилъ.

Пожалуй, это понятно. Соглядатаи генералъ-адъютанта могли донести, и виновный могъ бы подвергнуться если не преслѣдованію, то по меньшей мѣрѣ опалѣ.

Очутиться же въ опалѣ никому не улыбалось, т. к. для большинства въ перспективѣ была строевая служба на сухопутномъ фронтѣ. Всѣ же отлично уже знали, что Стессель враговъ своихъ не жалуется.

На слова мои, обращенныя къ контръ-адмиралу Вирену, въ которыхъ я выразилъ надежду, что адмиралъ, бывший непреложнымъ свидѣтелемъ всего, что творилось и творится въ Артурѣ, поддержитъ печать и въ частности меня въ разоблаченіи дѣйствій Стесселя и К^о,—послѣдній отвѣтилъ очень горячо, что онъ всегда будетъ стремиться къ тому, чтобы правда восторжествовала.

Адмирала поддержалъ старшій артиллерійскій офицеръ лейтенантъ Де-Ливронъ.

Для меня это было большимъ утѣшеніемъ, придало мнѣ бодрости, воскресило надежды, утвердило въ сознаніи, что рано или поздно, а правда восторжествуетъ, и Государь, Россія узнаютъ, какъ безпощадно ихъ обманывали артурскіе герои.

Когда подали кофе, бомбардировка усилилась.

Командиръ то и дѣло подымался наверхъ. Снаряды начинали ложиться все ближе и ближе.

Японцы пристрѣливались.

Передъ отъѣздомъ адмирала, я попросилъ разрѣшеніе его снять.

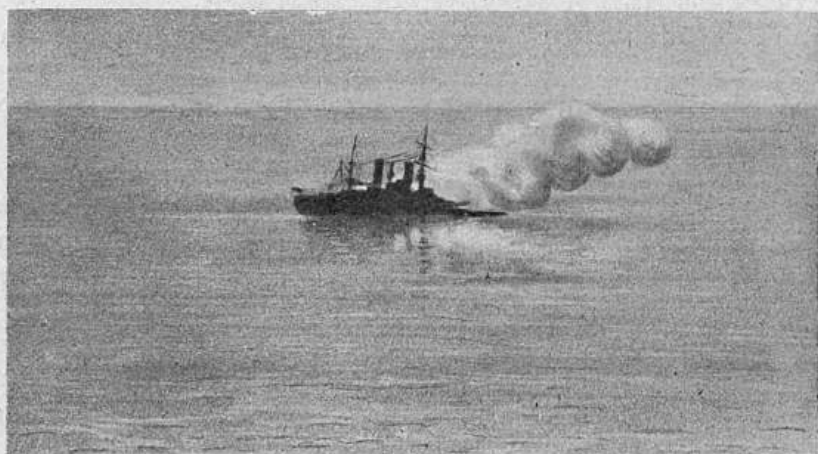
Снималъ на кормѣ, внизу, надъ самой водой, на адмиральскомъ мостикѣ.

Черезъ полчаса два снаряда попали въ адмиральское помѣщеніе. Одинъ исковеркалъ панцырную дверь, у которой стоялъ адмиралъ, другой раздробилъ въ щепы самый мостикъ.

Около 2 часовъ попаданія участились. Огонь осаждающаго сосредоточился исключительно на „Пересвѣтъ“.

Вышли.

На верхней палубѣ никого.

Гибель броненосца „Петропавловскъ“.

(Фотографія С. А. Рашенскаго).

Только вахтенный офицеръ, подвахтенный и часовой у кормового флага.

Громада броненосца стоитъ недвижно.

Снарядъ за снарядомъ падаетъ въ воду, вздымая при взрывѣ огромные столбы воды.

Слышенъ вой снаряда, сердце замретъ, прислушиваешься—куда упадетъ? Ждешь... Въ воду. Опять вой! Въ воду. Опять. Еще, еще.

Вой—долгій, протяжный. Трескъ, гулъ—ударило въ бортъ. Громада броненосца какъ бы нервно вздрогнула.

Спустились внизъ.

Вѣстовые подали чай.

У стола въ креслѣ сидитъ м-те Черкасова, читаетъ книгу. Совершенно покойна. Словно не слышитъ, что снарядъ за снарядомъ рвутся вокругъ и въ самомъ броненосцѣ.

Присутствующие офицеры непринужденно болтаютъ.

Кто пьетъ чай, кто читаетъ, прогуливается...

Бомбардировка продолжалась.

Во время этого испытанія характеровъ и нервовъ отдѣльных личностей, я зорко наблюдалъ за офицерами и матросами.

Полное безразличіе къ смертельной опасности.

Жизнь текла обычнымъ путемъ.

Только въ самый моментъ попаданія, всѣ прислушивались, старались угадать, гдѣ упалъ снарядъ.

А каждый слѣдующій снарядъ могъ упасть именно сюда къ намъ, гдѣ мы сидѣли.

Попаданія все чаще, чаще.

Нѣкоторые бросаются туда, гдѣ снарядъ разорвался, несмотря на строгое приказаніе командира не показываться безъ дѣла на палубу.

Меня несказанно поражала супруга старшаго артиллерійскаго офицера m-те Черкасова. Я искренно благоговѣлъ и удивлялся этой юной, изящной женщинѣ, ея выдержкѣ, огромной силѣ воли, которой могли бы позавидовать многіе изъ представителей сильнаго пола.

Ни тѣни страха, растерянности. Словно это было не во время бомбардировки, когда каждый слѣдующій снарядъ могъ превратить всѣхъ насъ въ безформенную массу, а въ уютномъ салонѣ гдѣ-нибудь на югѣ Франціи.

Сидя въ креслѣ и читая книгу, она время отъ времени покойно обращалась къ тому или другому изъ офицеровъ, выбѣгавшихъ къ мѣсту попаданія снаряда.

— Ну зачѣмъ, зачѣмъ вы идете? Вамъ тамъ дѣлать положительно нечего. Моему мужу надо итти, онъ по обязанности службы, а вы пожалуйста сидите смирно. Командиръ сердится. У насъ и такъ мало осталось офицеровъ, всѣхъ забрали на позицію.

Это говорила женщина, почти еще ребенокъ!

Бомбардировка усиливалась.

Около 5 часовъ снарядъ разорвался въ кухнѣ, гдѣ люди брали кипятокъ.

Побѣжалъ туда.

Нѣсколько убито, нѣсколько ранено.

Двумъ оторвало ноги.

Въ помѣщеніи стоялъ густой, удушливый дымъ.

Раненые жалобно стонали, кругомъ испуганныя лица уцѣлѣвшихъ.

Въ дыму суетятся санитары, фельдшера.

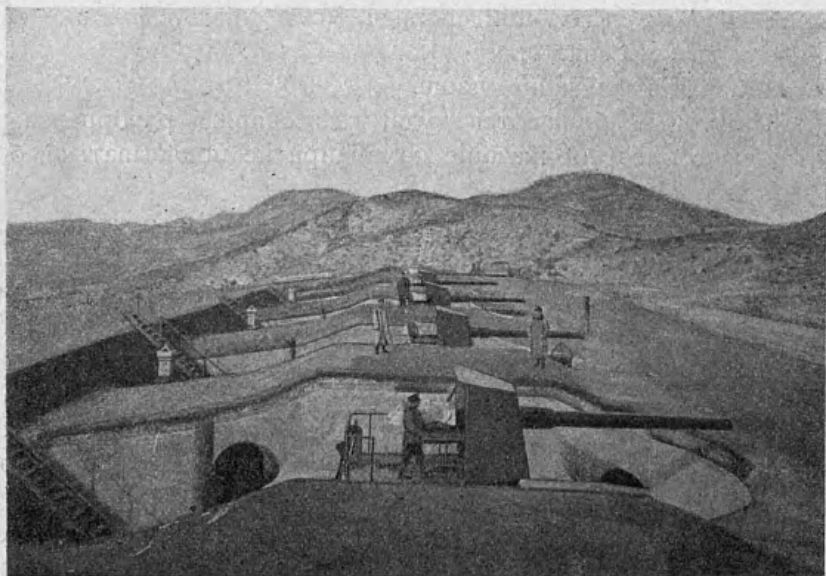
Дымъ разсѣлся.

Электрическія лампочки ярко свѣтятъ мѣсто взрыва—все разворочено.

Кровь, кровь, лужа крови; куски одежды, куски мяса...

Раненыхъ бережно переносили въ судовой лазаретъ.

Докторъ Августовскій, во всемъ бѣломъ, принимаетъ матроса П. Скрынникова съ оборванными ногами.

На восточномъ фронтѣ.

Второй мученикъ долга уже лежитъ на столѣ, около него священникъ въ эпитрахили.

Петръ Скрынниковъ, въ полуобморочномъ состояніи, глухо стонетъ.

Ноги оторваны выше колѣнъ.

Очнулся.

Озирается вокругъ блуждающимъ взоромъ, откидываетъ голову. Остановился на докторѣ, поддерживавшемъ ему голову. Пристально, зло на него смотреть.

Фельдшеръ затягиваетъ ногу съ цѣлью прекратить кровотеченіе.

— ... Ну, ты! Мясникъ!... Такъ и есть—мясникъ... Говорю, не тронь!... и муху не тронь...

Священникъ у другого стола кончилъ исповѣдь; умирающій, сложивъ руки на груди, впился въ служителя Христа покорно молящимъ взоромъ.

Губы шевелятся—чуть слышно повторяютъ слова молитвы: „... не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзанія Ти дамъ, яко Іуда“... Кругомъ стоятъ, понутивъ головы, товарищи матросы, блѣдные, растерянные...

Въ открытый люкъ доносится снарядовъ вой, взрывовъ гулъ, шумъ воды... „но яко разбойникъ, исповѣдую Тя: помяни мя, Господи“...

Генералы Ноги и Стессель.

Всѣ крестятся. У головы умирающаго стоитъ лейтенантъ Черкасовъ, на немъ лица нѣтъ... „во царствіи Твоемъ“ — шепталъ уходявшій отъ насъ...

Взоръ его потухалъ.

Въ глазахъ, устремленныхъ туда, высоко, и на лицѣ—мольба, нѣмая, покорная, тихая. Заходили у глазъ неуловимыя тѣни. Губы дрогнули и перестали шевелиться...

„Да не въ судъ или во осужденіе будетъ мнѣ... Господи, но во исцѣленіе души и тѣла. Аминь.“ закончилъ уже священникъ одинъ.

Судъ земной свершился.

Передъ нами лежалъ трупъ.

Снаряды продолжали падать, потрясая весь броненосецъ.

День кончался.

Спускались сумерки.

Бомбардировка стихала.

Еще день Артура уходилъ въ вѣчность.

Наступилъ вечеръ, за нимъ ночь.

Все стихло.

Въ городѣ, въ бухтѣ и кругомъ царилъ мертвый покой, когда я во второмъ часу ночи подходилъ къ дому.

У дома намѣстника и у нашихъ воротъ я наткнулся на невиданные еще, огромные неразорвавшіеся снаряды.

Понять не могъ, откуда они.

Неужели обронили по дорогѣ наши артиллеристы?

— Такъ что, ваше в-діе—пояснилъ мнѣ городской—не подходите близко, это, значить, японцы оттеля бросили.

Городовой показалъ въ сторону Сахарной Головы.

— Ааа...!

Такъ вотъ чѣмъ насъ будутъ теперь угощать?

Это были одиннадцатидюймовые снаряды.—

Начался четвертый періодъ осады.

20-е сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

20 сентября.

Копія.

Вчера съ вечера непріятель противъ капонира 3 и Куропаткинскаго люнета произвелъ демонстративную вылазку. Очевидно, хотѣлъ провѣрить—во сколько времени можетъ добѣжать до сѣтки, а также провѣрить нашу бдительность.

Капитанъ Степановъ.

7 час. утра.

Вчера ночью произведена вылазка охотниками 4 роты 25 полка; принесли 5 щитовъ.

Охотники 28 полка и 11 роты 26 чел. ходили зарыть японскій окопъ. Занять окопъ не удалось.

Капитанъ Степановъ.

8 час. утра.

Въ 7 час. 15 мин. изъ-за Сяогушаня сдѣлано три шрапнельныхъ выстрѣловъ по прожектору на № 22.

Орудіе на вершинѣ горы бухты Тахэ заставило замолчать.

Капитанъ Вамензонъ.

8 час. 10 м. утра.

Въ 1 часть 30 м. непріятель обстрѣлялъ 11'' мортирами № 20.

Капитанъ Вамензонъ.

2 часа 10 м. дня.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

20 сентября.

Копія.

Ночью 4 роты японцевъ перешли въ наступленіе, выйдя изъ окоповъ. Посты, поддерживаемые заставами и слѣва пѣшими командами Соловьева и Неклюдова, открыли дружный огонь залпами. Не доходя 800 шаговъ, японцы остановились и отступили.

Капитанъ Романовскій.

7 час. утра.

Поднялся воздушный шаръ.

Мичманъ Вонлярляскій.

11 час. утра.

Послѣ бури замѣчено, что движеніе усилилось.

Капитанъ Романовскій.

11 час. вечера.

Одиннадцатидюймовыя бомбы.

Итакъ, вчера около 12 часовъ ночи, когда Артуръ уснулъ, а на всей оборонительной линіи царилъ покой,—среди чудной звѣздной сентябрьской ночи, въ вышинѣ небосклона что-то зашумѣло, загудѣло, завывло и съ страшнымъ свистомъ рухнуло въ землю.

Черезъ пять минутъ—опять.

Всѣ пришли въ ужасъ, но никто не могъ понять, что происходитъ? Что значить этотъ шумъ, напоминающій шумъ стремительно приближающагося экспресса?

Шумъ послѣ двухъ разъ не повторился.

Бѣдные артурцы тревожно уснули до ранняго утра.

Вѣсть объ упавшихъ въ ночь бомбахъ быстро разнеслась по городу.

Масса любопытныхъ осматривали эти чугуныя глыбы.

Городовые принимали самое живое участіе, они сдерживали чрезмѣрно любознательныхъ, энергично поясняя, что близко подходить нельзя.

Подходить къ толпѣ мастеровой—видимо, съ похмелья.

— Что тутъ такое случилось?

Отвѣтили.

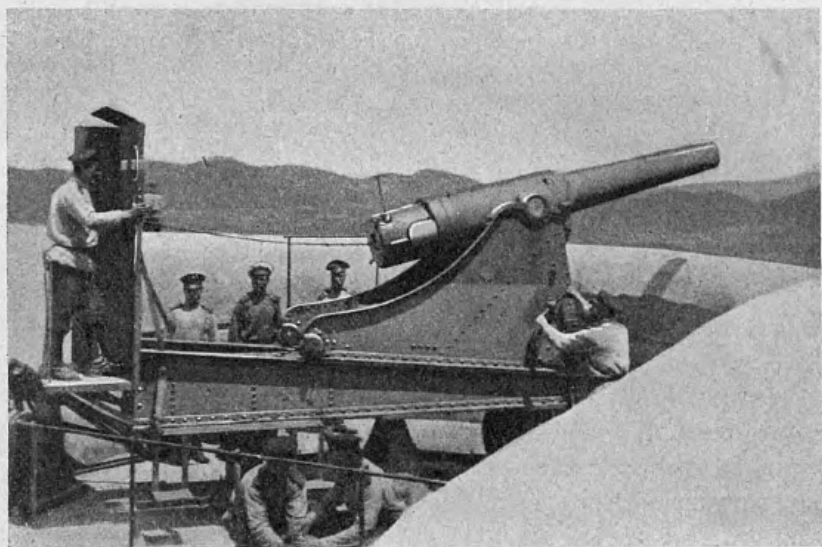
— А! Бомба! Когда же она сюда съѣла? Ишь какая коровища! А?

— Ночью прилетѣла.

— Ночью, значить? Ну, этого я не слыхалъ, потому что былъ пьянъ и скандалилъ. А теперь ее и очень хорошо вижу. Это потому, что у меня утромъ полиція слезу прошибла.

— Чего же ты такъ разжалобился? Жаль полиціи стало, прошедшаго дня, что ли?—спрашиваетъ кто-то въ толпѣ.

— Нѣтъ, врешь! Не о днѣ я плакалъ, а о пьяной ночи. Потому что меня сегодня въ полиціи здорово пороли.

Передъ выстрѣломъ.

Кабы я зналъ, я полицмейстера „папашей“ назвалъ бы, и меня бы не стегали. Одинъ сказалъ ему: „папаша“, онъ его и освободилъ. А мнѣ и невдомѣкъ—ну и отодрали.

Утромъ плакалъ съ горя, а теперь пойду напьюсь. Пусть либо до смерти запорютъ, либо снарядъ меня разорветъ. Я это, значить, рѣшилъ умереть. Такого сраму не хочу носить. Пойми ты, дурья голова, у меня тамъ, далеко, далеко, пять душъ дѣтей.

Пріѣхалъ сюда для нихъ, все имъ малымъ коплю. Вчера съ тоски, значить, о нихъ думая, выпилъ; ну, нашумѣлъ это съ непривычки—я-то вѣдь не пьющій.

Эй, городской! Иду пить! Потомъ пьяного поволокешъ въ свой застѣнокъ...

21-е сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

21 сентября.

Копія.

Передъ фортомъ II японскія работы по скату дошли до мертвого пространства.

Ночью охотники 5 роты 15 полка сдѣлали вылазку и принесли 120 мѣшковъ.

Ночью японцы вели окопы по всей линіи, а одна ихъ рота пошла въ обходъ нашихъ окоповъ у желѣзной дороги. Наши открыли по нимъ фланговый огонь. Убито 20, одинъ офицеръ.

Капитанъ Степановъ.

8 часа 20 м. утра.

Японцы по одиночкѣ приближаются и залегаютъ въ траншеяхъ противъ редута I, въ 1800 шаг. отъ Китайской стѣны.

Шт.-капитанъ Булгаковъ.

3 часа дня.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

21 сентября.

Копія.

На западномъ фронтѣ все покойно.

Капитанъ Романовскій.

9 час. 50 м. утра.

22-е сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

22 сентября.

Копія.

Въ 11 часовъ открылся ружейный огонь по всему восточному фронту. Мѣшали работамъ.

На участкѣ полковника Поклада 4 роты японцевъ перешли въ наступленіе.

Къ правому флангу охотничьей команды японцы подплыли въ лодкахъ. Команда не удержалась, отошла къ слѣдующей сопкѣ.

Капитанъ Степановъ.

3 часа дня.

Около бухты „до кораблей“ шло кавалерійское ученіе. Огонь по форту V и Высокой. Въ дер. Сюйшінъ японцы ломали фанзы и таскали лѣсъ на Водопроводный редутъ.

6 час. вечера.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

22 сентября.

Копія.

На западномъ фронтѣ безъ перемѣнъ.

Капитанъ Романовскій.

4 час. 50 м. утра.

Морской районъ.

Телефонограммы.

22 сентября.

Копія.

Въ концѣ дня на Тигровомъ Хвостѣ пожаръ отъ непріятельскихъ снарядовъ.

Поручикъ Никольскій.

5 час. вечера.

Утромъ произведена была атака на Сигнальную горку, которую наши вчера ночью оставили.

Послѣ упорнаго и довольно кровопролитнаго боя Сигнальная горка отобрана назадъ.

До самой капитуляціи Артура эта горка оставалась въ нашихъ рукахъ.

Выписка изъ дневника С. А. Рашевского.

„... Параллели и подступы постепенной атаки, ведущейся японцами противъ форта № 2, открытаго капонира № 3 и батареи лит. 8, все приближаются. Работаютъ японцы удивительно настойчиво, несмотря на нашъ (впрочемъ, довольно таки рѣдкій) огонь и вылазки. Теперь рѣшено особенно усилить и участить послѣднія...“

23-е сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

23 сентября.

Копія.

Небольшая вылазка на с.-в. Ружейный огонь съ обѣихъ сторонъ съ цѣлью обоюднo мѣшать работамъ.

Капитанъ Степановъ.

8 час. утра.

Огонь по форту III и укрѣпленію.

За послѣднія темныя ночи окопныя работы сильно подвинулись впередъ; почти по всему фронту ходами сообщенія подошли къ мертвому пространству.

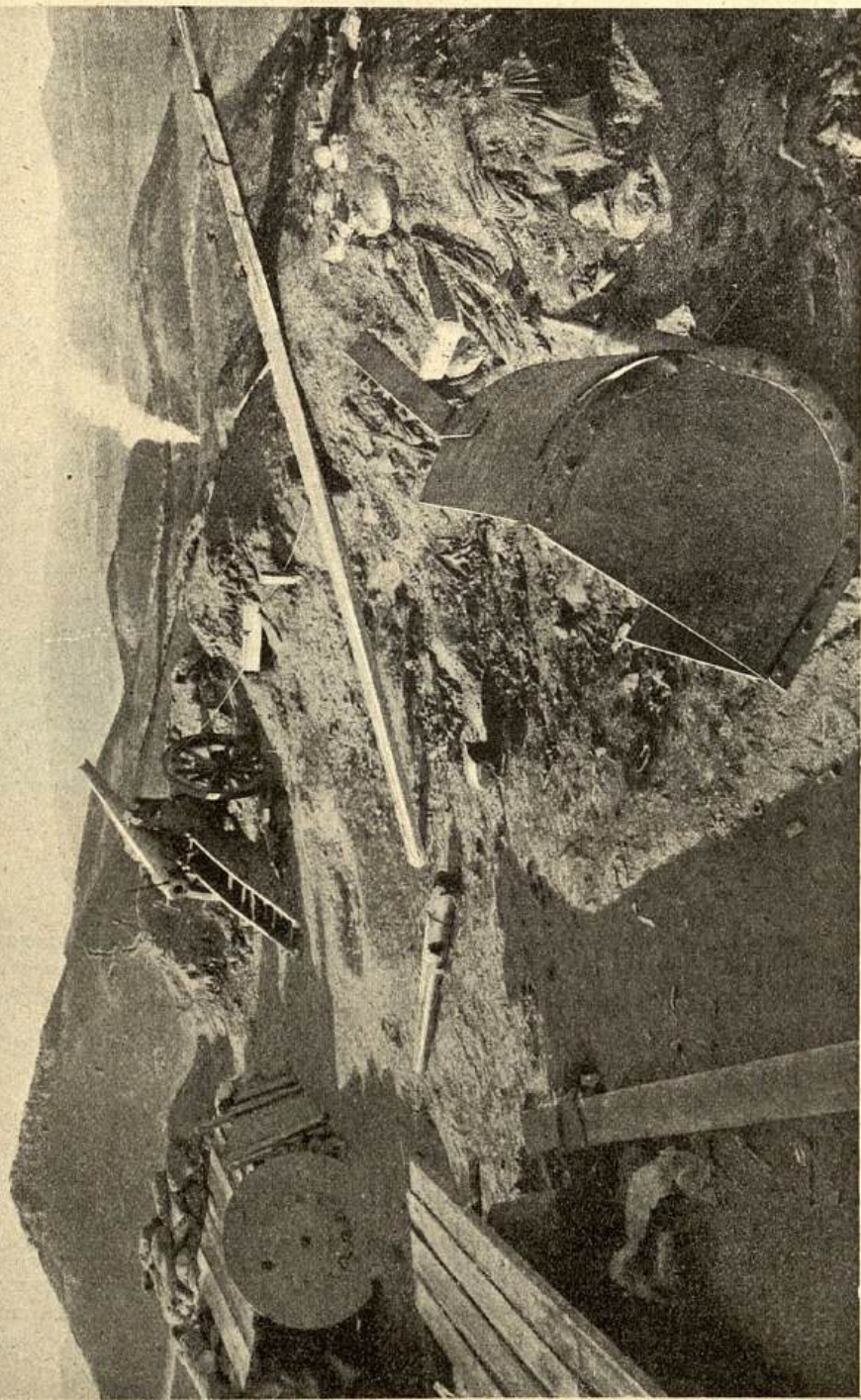
Подполковникъ Гандуринъ.

9 час. 20 м. утра.

Почти всѣ фугасы наши взорваны грозой.

Капитанъ Вамензонъ.

10 час. утра.

На атакованномъ фронтѣ.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

23 сентября.

Копи.

На западномъ фронтѣ тихо.

Прилива и отлива силъ не замѣчено.

Капитанъ Романовскій.

8 час. утра.

24-е сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

24 сентября.

Копи.

Около 11 часовъ замѣчено по дальнинской дорогѣ движеніе къ Дагушаню двухъ баталіоновъ пѣхоты (въ черномъ и бѣломъ платьѣ).

Капитанъ Степановъ.

1 часть дня.

Японцы провели вѣтвь отъ желѣзной дороги за Сахарную Голову. Катятъ вагонетки.

Капитанъ Степановъ.

3 часа 10 м. дня.

Нашъ окопъ окруженъ съ трехъ сторонъ. Поражаютъ въ затылокъ со стороны капонира 3.

Капитанъ Ливель.

5 час. дня.

По донесенію начальника охотничьей команды поручика Флорова, на Сигнальной горѣ подобрано и похоронено 17 японскихъ труповъ. На скатѣ, обращенномъ къ бухтѣ Тахэ, есть еще нѣсколько труповъ, но подобрать ихъ невозможно.

Полковникъ Покладъ.

7 час. 20 м. вечера.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

24 сентября.

Копи.

Около часу дня, правѣ Трехголовой показалось около ста конныхъ, которые спѣшно осматривали нашу позицію; повидимому, это былъ японскій генералъ со свитой. Было видно не болѣе $\frac{1}{4}$ часа, а затѣмъ уѣхали по направленію бухты Луизы.

Полковникъ Третьяковъ.

2 часа 10 м. вечера.

Шт-капитанъ Дидрихсонъ съ укрѣпленія 4 зажегъ блиндажи на Мертвой горѣ.

Полковникъ Ирманъ.

8 час. вечера.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

24 сентября.

„...Подступы также все настойчивѣе продвигаются къ нашимъ укрѣпленіямъ, въ нихъ теперь иногда даже днемъ замѣтна работа, а мы также не въ силахъ сосредоточить по нимъ артиллерійскій огонь. Особенно опаснымъ становится положеніе апро-

Кладбищенская батарея.

шей передъ 3-имъ открытымъ капониромъ, гдѣ разстояніе между нашими и японцами доходитъ до 50 шаговъ...”

Романъ Исидоровичъ Кондратенко заболѣлъ. У него сильнѣйшій плевритъ.

Въ 3 часа пополудни, послѣ нѣкотораго затишья страшной, гремѣвшей весь день канонады—японцы совершенно неожиданно начали обстрѣливать дома Стесселя и Смирнова.

Стрѣляли залпами изъ малокалиберной артиллеріи.

Внезапная и удивительно мѣткая стрѣльба эта служить лучшимъ доказательствомъ того, что японцы отъ корреспондентовъ узнали, гдѣ живетъ „главный комендантъ“.

До визита иностранцевъ осаждающій энергично обстрѣливалъ домъ намѣстника.

Теперь, очевидно, будетъ обстрѣливать Стесселя и Смирнова.

Какъ только у дома начальника района разорвались первые снаряды, генераль Стессель приказалъ приготовить себѣ домъ

генерала Волкова, что у подошвы Перепелиной горы; немедленно началась перевозка вещей.

Попавшій въ этотъ домъ 11" снарядъ заставилъ генерала отказаться отъ этой затѣи, весь его скарбъ потянулся на старое пепелище.

Въ 3 ч. 20 м. надъ Артуромъ прошелъ небывалый еще, страшный ураганъ, заставившій мнительныхъ людей предположить и увѣрять, что это предзнаменованіе скорого освобожденія Артура.

Ураганъ надѣлалъ много хлопотъ на оборонительной линіи, размывъ много земляныхъ сооружений.

25-е сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

25 сентября.

Копіи.

Два большихъ японскихъ орудія на полотнѣ желѣзной дороги установлены на особо приспособленныхъ платформахъ, начиная отъ 9 вер. и далѣе Инчензы, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга.

Платформамъ же подаются снаряды.

Шт.-капитанъ Берестроудъ.

6 час. 40 мин. утра.

Изъ квадрата 593 Ж непріятель стрѣлялъ по Заредутной и Мортирной батареямъ.

Поручикъ Шуба.

6 час. вечера.

Бомбардировка фортовъ шла энергичнѣе прежняго. Пораженій мало.

Капитанъ Степановъ.

8 час. вечера.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

25 сентября.

Копіи.

На западномъ фронтѣ безъ переменъ.

Капитанъ Романовскій.

9 час. утра.

Празднуя батарейный праздникъ 3 батареи 4 бригады, офицеры бригады и другихъ частей лѣваго фланга сухопутной обороны пьютъ за здоровье вашего превосходительства.

Коменданту крѣпости генералъ-лейтенанту Смирнову.

Полковникъ Ирманъ.

12 часовъ 20 м. дня.

На западномъ фронтѣ безъ перемѣнъ. Китайцы убираютъ поля. Японцы продолжаютъ работать на предгорьяхъ Высокой, таскаютъ ящики. **Гдѣ убранъ гаолянъ, замѣтны проволочныя сѣти.**

Капитанъ Романовскій.

10 час. вечера.

Большую сослужилъ японцамъ службу неубранный во-время гаолянъ. Они безнаказанно передвигались въ немъ на виду у всей крѣпости. Онъ имъ иногда прямо замѣнялъ ходы сообщенія.

Морской районъ.

Телефонограммы.

25 сентября.

Копія.

На Тигровомъ Хвостѣ отъ непріятельскаго снаряда возникнулъ пожаръ.

Поручикъ Никольскій.

11 час. утра.

Лагерная батарея попала въ миноносецъ, послѣдній ушелъ.

Капитанъ Григорьевъ.

10 час. 50 м. вечера.

У деревни Чилендзы большой лагерь, ясно различаемый. Не можетъ ли обстрѣлывать „Пересвѣтъ“? Крѣпость не можетъ.

Генераль-маіоръ Бѣлый.

9 час. вечера.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

25 сентября.

„... 11“ орудія съ 9 часовъ занялись обстрѣливаніемъ нашихъ мортирныхъ батарей №№ 20, 21.

Къ 1 часу дня они успѣли выпустить по нимъ около 55 снарядовъ. Лѣвая половина бетонной батареи № 21 послѣ обстрѣливанія представляла картину полного разрушенія.

Бетонъ разбитъ во многихъ мѣстахъ, и отвалился цѣлыми глыбами, осколками его и галькой засыпало внутренность орудійныхъ двориковъ.

... Утромъ стрѣляли по городу залпами...”

Приказъ.

Сентября 25 дня, 1904 года. Кр. Портъ-Артуръ.

№ 698.

Въ виду неоднократно поступающихъ заявленій, что содержатели торговыхъ магазиновъ и лавокъ непомѣрно повысили цѣны на всѣ пред-

меты потребленія, какъ-то: на бѣлье, обувь и матеріалы для шитья ихъ, а также на оставшіеся нераспроданными жизненные припасы,—въ послѣдній разъ вновь объявляю содержателямъ магазиновъ, лавокъ и другихъ торговыхъ заведеній, что всѣ предметы потребленія обязательно должны продаваться по нормальнымъ цѣнамъ, какія существовали до осады крѣпости.

Я рѣшительно не вижу никакихъ причинъ къ повышенію ихъ, такъ какъ торговцы распродаютъ большею частію заваль, оставшуюся отъ многихъ лѣтъ, и которая покупается потребителями лишь по нуждѣ, за немѣнимъ ничего лучшаго; пользоваться же безвыходностію положенія жителей и гарнизона осажденной крѣпости по меньшей мѣрѣ недобросовѣстно. Лицъ, уличенныхъ въ неисполненіи настоящаго приказа, я буду подвергать штрафу въ высшей мѣрѣ, а затѣмъ закрою торговлю.

Комиссару по гражданской части и полиціи наблюдать, чтобы приказъ этотъ исполнялся въ точности, и, въ случаѣ неисполненія его, составлять акты и представлять ихъ мнѣ.

Генералъ-адъютантъ Стессель.

Приказъ этотъ искренно привѣтствовался всѣми.

Дѣйствительно, аппетиты торговцевъ разыгрались. Цѣны на все быстро росли, и конца возвышенію ихъ не предвидѣлось.

Я положительно не могу понять, какъ у людей торговыхъ могла развиваться эта отталкивающая алчность.

Вѣдь никто изъ жившихъ въ Артурѣ не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ.

Вмѣсто того, чтобы итти на встрѣчу измученнымъ людямъ, грабить ихъ — это положительно непонятно и непростительно.

Они, эти милые благотворители на городскую дешевую столовую, были хуже враговъ.

Счастливымъ исключеніемъ явилась фирма „Кунстъ и Альберсъ“, и, къ стыду нашему, нужно признаться, что фирма эта была иностранная.

Большинство служащихъ, съ управляющимъ фирмой г. Релль-во главѣ, были германскіе подданные.

Бомбардировка одиннадцатидюймовыми снарядами.

Уже шесть дней городъ осыпается 11'' бомбами, этими огромными металлическими глыбами съ страшной разрушительной силой.

Теперь нигдѣ нѣтъ отъ нихъ спасенія.

Единственное мѣсто, гдѣ можно отъ нихъ укрыться, это блиндажъ m-me Субботиной, высѣченный въ скалѣ.

Бетонъ фортовъ, броня судовъ пронизываются ими насквозь.

Въ Артурѣ съ 18 сентября стало тяжелѣй.

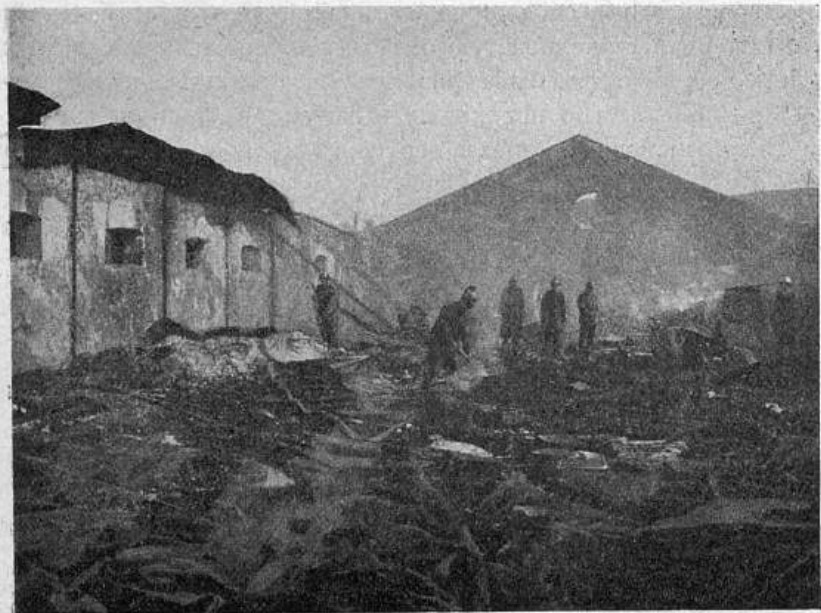
Огонь 11'' бомбъ сильно угнеталъ все живое въ крѣпости,

давно уже освоившееся съ взрывами снарядовъ меньшихъ калибровъ.

25 сентября первый „паровозъ“ прошелъ послѣ 9 вечера и совершенно неожиданно разорвался въ домикѣ, отведенномъ мнѣ гражданскимъ комиссаромъ въ саду Пушкинскаго училища.

Я былъ въ это время въ домѣ русско-китайской школы. Зданіе солидной постройки, при взрывѣ, вздрогнуло—лампа потухла, посыпались стекла.

Снарядъ разорвался саженьхъ въ пятнадцати.

Пожаръ склада г. М. Гинсбурга.

Всѣ поблѣднѣли, пристально смотрять другъ на друга.
Началось.

На дворѣ тихо и темно.

Вѣтра нѣтъ.

Городъ спитъ или притаился.

Вышли въ садъ.

Тихо.

Кой-гдѣ залаетъ собака и, словно испугавшись, оборветъ, смолкнетъ.

Опять тихо. Тишина осажденной крѣпости.

Только въ сторонѣ сѣверо-восточнаго фронта, въ направ-

леніи редутовъ I и II-го раздаются, какъ удары хлопущи, рѣдкіе ружейные выстрѣлы.

Вспыхиваютъ отблески орудіиныхъ выстрѣловъ, звукъ которыхъ доносится долго спустя.

И опять все, все тихо.

Отъ настоящей-то, мирной тишины, когда кругомъ дѣйствительно все замираетъ, мы давно уже отвыкли.

Наблюдаемъ.

Вотъ за Большимъ Орлинымъ Гнѣздомъ мелькнулъ красноватый взблескъ выстрѣла.

Это выстрѣлъ ея, одиннадцатидюймовой гаубицы.

Чуть-чуть улавливается онъ, и непосредственно за нимъ, секундъ черезъ 25-30, едва различаешь приближающееся урчаніе—шипѣніе, быстро переходящее въ громовой шорохъ.

Еще мгновеніе—шорохъ перешелъ въ непонятный грозный шумъ съ сопровождающимся гуломъ.

Еще шумитъ воздухъ, заполняющій разрѣженную полетомъ снаряда полосу—уже гудитъ взрывъ.

Опять взрывъ, ближе. Весь домъ ходуномъ заходилъ.

Снарядъ разорвался за домомъ въ саду.

Выйти туда посмотреть—жутко.

Денщикъ Ѳеодоръ (саратовскій колонистъ), приткнувшись къ притолкѣ дверей, смотритъ на дворъ.

— „Идоть!“ заявляетъ Ѳеодоръ.

Всѣ притаились.

Низко, низко, надъ самымъ домомъ пронесся съ демоническимъ шорохомъ—свистомъ снарядъ.

Громовой взрывъ—и тишина, затѣмъ зашумѣли осколки по крышѣ, по землѣ.

— Господа, идемте. Бѣжимъ. Прошу васъ, ради Бога, идемъ. Сейчасъ, сейчасъ къ намъ упадетъ—говоритъ блѣдная, въ смертельномъ ужасѣ, начальница школы. Пусть разобьютъ домъ, но намъ нужно спастись. Слышите, или нѣтъ? Бѣжимъ, или я сам...

— „Идоть“ — какъ привратникъ ада, безстрастно вѣщаетъ Ѳеодоръ.

Опять шорохъ, свистъ какого-то чудовища. Грохотъ взрыва. Невольно дрожь пробѣжала.

— ...Господи! да что же это? Бѣжимъ. Вѣдь тутъ сама смерть, сейчасъ всему конецъ. Если не хотите, Ѳеодоръ меня проводить...

— Куда?

— Все равно куда, только не здѣсь. Сейчасъ все разобьѣтъ.—Говорившая была близка къ истерикѣ.

— Я иду, я жить, жить хочу...

— „Идоть“, гулко раздается въ коридорѣ голосъ Оедора. „Совсѣмъ близко“, прехладнокровно добавляетъ онъ.

Казалось, надъ самымъ ухомъ пронесся снарядъ. Свистъ ворвался въ дверь, окно.

Ударъ грома. Лампы потухли. Домъ словно вскинуло; посыпалась штукатурка, стекла.....

Капитанъ Шихлинскій.

Шт.-капитанъ Высокихъ.

Всѣ застыли. На лицахъ ужасъ.

Снарядъ упалъ непосредственно за домомъ, попавъ въ горку, гдѣ стояла теперь разрушенная ротонда.

Я наблюдалъ за всѣми.

Гдѣ же вѣра? Почему не молятся?

А вѣдь всѣ они ходятъ въ церковь.

Сейчасъ, сію минуту мы можемъ превратиться въ кучу мусора.

А о Богѣ всѣ забыли.

Всѣ хотятъ только жить, все равно какъ, но лишь бы жить.

Съ началомъ тѣсной блокады всѣ мы ежеминутно подъ страхомъ смерти. Сегодня исполнилось два мѣсяца, какъ надъ Артуромъ съ сухопутья пропѣлъ пѣсню смерти первый снарядъ.

Къ этому всѣ постепенно привыкли.

Но сегодня, когда среди безмолвной ночи снарядъ за снарядомъ рвутся въ нѣсколькихъ саженьяхъ...

когда мы младенчески беспомощны защитить себя отъ этихъ смертоносныхъ чугунныхъ глыбъ, бросаемыхъ съ разстоянія 9 верстъ невидимой рукой...

... почему теперь никто не обращается къ Тому, во власти Котораго небо и земля...?

Всѣ имѣли растерянный видъ. Всѣ на что-то надѣялись, не имѣя для этого ровно никакихъ данныхъ.

— Поошла высоко! скаля зубы, доложилъ Ѳеодоръ.

Дѣйствительно, взрывы доносились уже со стороны порта.

Китаецъ бой, накинувъ свою ватную кацавейку, сообщилъ, что онъ уходитъ.

— Бой, ты подожди немного. Опасно еще.

— Нѣтъ, кончайло есть. Теперь ломаило пароходы — предлавнокровно отвѣтилъ длинноносый слуга и скрылся за дверью.

26-е сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

26 сентября.

Копии.

Ночь прошла покойно. Вылазки четырехъ ротъ 25 и 28 полковъ препятствовали работамъ.

Полковникъ Покладъ.

8 час. утра

На фортъ и капониръ 3 идетъ наступленіе.

Поручикъ Кишко.

2 часа 15 м. дня.

Фортъ 3 въ шрапнельномъ огнѣ. Наступленіе идетъ на капониръ 3 и роту впереди.

Фортъ 3 отвѣчаетъ малымъ калибромъ.

Штабсъ-капитанъ Булгаковъ.

2 часа 35 м. дня.

Поручикъ Амвросовъ удачно обстрѣливаетъ вновь занятый японцами окопъ. Въ шрапнельномъ и фугасномъ огнѣ капониръ 3.

Поручикъ Кишко.

3 часа дня.

Открыть сильный огонь по фарту 3 и капониру 3.

Шт-капитанъ Булгаковъ.

3 часа дня.

Съ форта 5 замѣчено большое скопленіе непріятеля у дер. „Безъ названія“ и въ лощинахъ.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

8 час. вечера.

Вечеромъ японцы тремя ротами наступали на позицію шт.-капитана Соловьева. Дерутся упорно.

Капитанъ Романовскій.

8 час. 31 минута.

Лучомъ прожектора обнаруженъ непріятельскій баталіонъ, переходившій къ Голубиной бухтѣ; былъ удачно обстрѣлянь фортомъ 5-мъ. Движеніе прекратилось.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

10 час. 45 м. вечера.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

26 сентября.

„До 12 ч. стояла полная тишина... Ровно въ 12 часовъ раздался залпъ по городу... Черезъ нѣсколько времени онъ повторился, а съ 2 часовъ непріятель обрушился сразу всѣми ближайшими батареями на окопъ впереди форта № 3, еще недавно отбитый нами... мы принуждены были снова уступить этотъ окопъ непріятелю.

Но сегодня была предположена вылазка на редуты съ цѣлью захватить ихъ и часть расположенныхъ впереди японскихъ окоповъ. Въ случаѣ успѣха, конечно, японцы принуждены были бы очистить свои параллели и подступы къ форту № 2, къ которому они уже успѣли подобраться чуть ли не на 150 шаговъ.

На вылазку назначены были 4 роты, а за ними должна была слѣдовать рота саперъ. Начали наступать съ 6 вечера, очень удачно, добрались чуть ли не до самыхъ редутовъ, но здѣсь были замѣчены; изъ-за редутовъ открытъ былъ по нашимъ сильнѣйшій огонь, его не выдержали и залегли—въ этомъ была погибель предпріятія, такъ какъ подъ такимъ огнемъ поднять людей не удалось, и пришлось отступить.....“

Передъ самымъ концомъ утренней бомбардировки снарядъ, пробивъ крышу и потолоки, влетѣлъ въ помѣщеніе строевого отдѣла морского штаба намѣстника.

Взрывомъ оторвало обѣ ноги старшему дѣлопроизводителю Михаилу Львовичу Де-Лакуру.

Г. Де-Лакуръ окончилъ уже заниматься, всталъ съ цѣлью запереть секретные документы въ негоряемый шкафъ...

Мгновение — и полный жизни, прекрасной души человекъ, честный, выдающийся по своимъ способностямъ чиновникъ — лежалъ изуродованный въ лужѣ собственной крови.

Адмиралы — Лошинскій, Григоровичъ, Виренъ посѣтили несчастнаго въ госпиталѣ.

Когда о несчастіи доложили по телефону адмиралу Григоровичу, послѣдній, распорядившись окружить раненаго самымъ заботливымъ уходомъ, сказалъ:

— Необходимо спасти жизнь этого достойнѣйшаго человека.

М. Л. Де-Лакуръ поплатился за упорное нежеланіе сидѣть въ блиндажѣ вмѣстѣ съ начальникомъ строевого отдѣла капитаномъ I ранга NN. Много онъ имѣлъ съ своимъ непосредственнымъ начальникомъ по этому поводу непріятностей.

27-е сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

27 сентября.

Копии.

Всю ночь перестрѣлка на восточномъ фронтѣ.

Полковникъ Покладъ.

6 час. утра.

Японцы въ Шуйшинѣ скрываются въ окопахъ и кустахъ противъ укрѣпленія 3 и лѣвѣе.

Шт.-капитанъ Булгаковъ.

3 часа 20 м. дня.

Сильная бомбардировка лит. Б и форта № 3 11- и 6-дюймовыми орудіями. Много поврежденій.

Капитанъ Степановъ.

6 час. 40 м. вечера.

Японцы съ редута 2 наступаютъ на открытый капониръ 3.

8 час. вечера.

Около 5 часовъ на Опасную брошено 25 снарядовъ.

Полковникъ Покладъ.

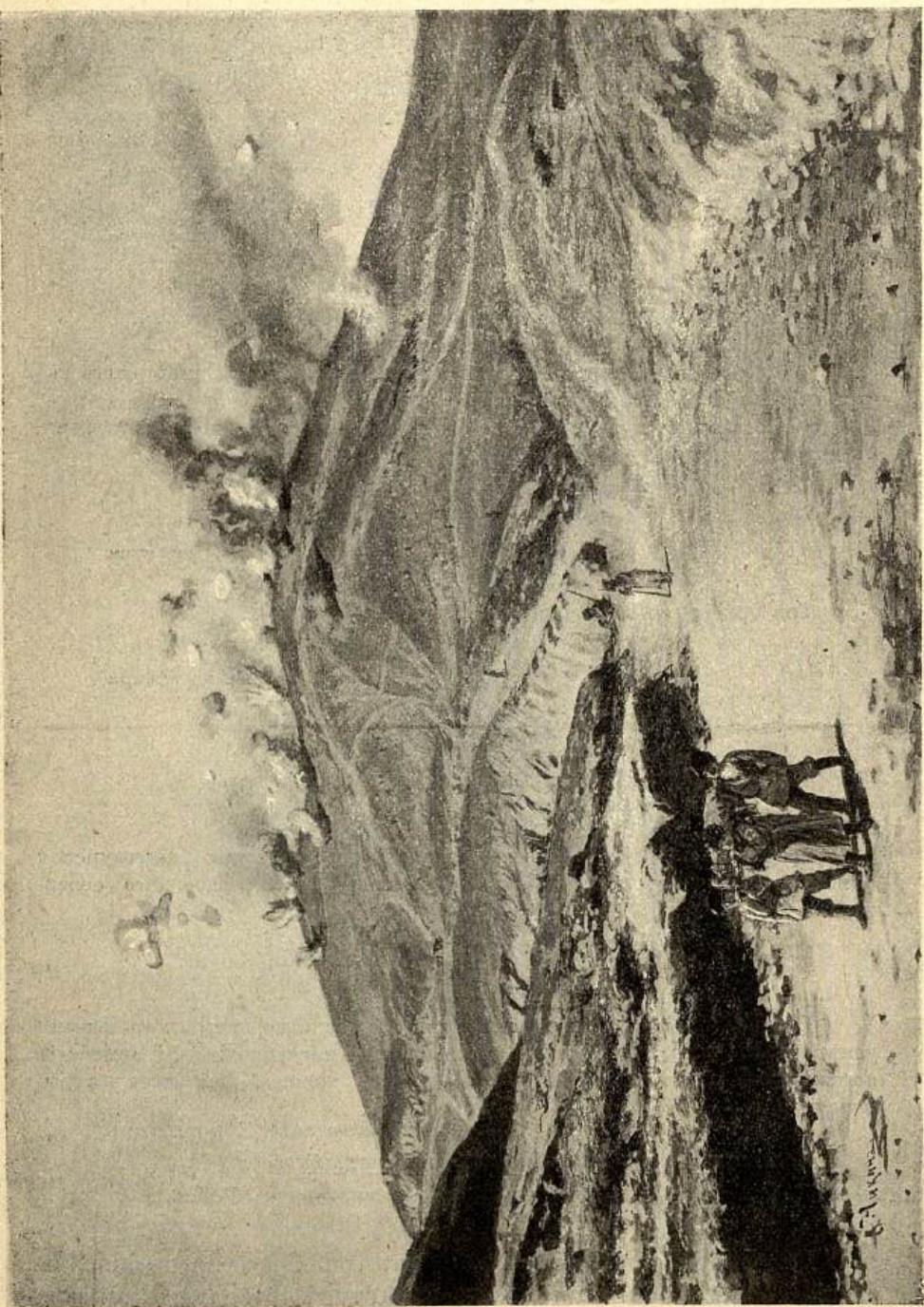
8 час. 10 м. вечера.

Японцы сосредоточиваются въ оврагѣ между фортомъ 3 и капониромъ 3. Наступали на послѣдній. Капониръ открытъ залпы.

Когда мѣстность освѣтилась, японцы бѣжали.

Подпоручикъ Барабашъ.

11 час. вечера.

Бомбардировка.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

27 сентября.

Копія.

Частичное наступленіе ночью японцевъ; къ утру отодвинулись.

Капитанъ Романовскій.

9 час. 25 м. утра.

Развѣдками выяснено:

1) Звонковъ нѣтъ. Коля и сѣти вбиты слабо, едва держатся.

2) Работы стихаютъ при орудійныхъ выстрѣлахъ.

3) Японцы нервничаютъ. Стрѣляютъ по пустякамъ. Одинъ нашъ выстрѣлъ вызываетъ беспорядочную трескотню.

4) Повѣрка постовъ вчера, 26-го, производилась окрикомъ по утиному, въ другихъ мѣстахъ—по-лягушечьи.

Смѣна—долгимъ свистомъ.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

11 час. утра.

Три орудія изъ-за Угловой обстрѣливали фортъ 5.

Капитанъ Романовскій.

9 час. 50 вечера.

Приказъ.

Сентября 27 дня, 1904 г. Кр. Портъ-Артуръ.

№ 709.

24-го сего сентября мною получена отъ командующаго маньчжурской арміею генераль-адъютанта Куропаткина телеграмма слѣдующаго содержания:

Портъ-Артуръ, генераль-адъютанту Стесселю.

Мукденъ, 7 сентября.

Получилъ вашу депешу 3 сентября. Сердечно поздравляю съ новымъ успѣхомъ. Мы усердно готовимся къ переходу въ наступленіе. I-ый армейскій корпусъ уже прибылъ къ намъ. Богъ вамъ въ помощь, надѣйтесь на вырубку. № 1140.

Генераль-адъютантъ Куропаткинъ.

Подлинное подписалъ: генераль-адъютантъ Стессель.

Съ подлиннымъ вѣрно: полковникъ Рейсъ.

Генераль Куропаткинъ, получивъ отъ Стесселя слезное посланіе съ просьбой оставить его въ Артурѣ, отправилъ таковое въ Петербургъ съ вопросомъ, какъ поступить (въ это время Стессель уже былъ награжденъ званіемъ генераль-адъютанта и

георгіевскимъ крестомъ), присовокупивъ, что онъ уже два раза его отзывалъ изъ крѣпости.

Петербургъ вполне резонно отвѣтилъ, что онъ всецѣло полагается на усмотрѣніе главнокомандующаго.

Казалось, вопросъ былъ исчерпанъ.

Нельзя же было въ самомъ дѣлѣ предположить, что новое придворное званіе и орденъ переродили Стесселя.

Полковникъ Сергѣй Александровичъ Рашевскій.

Генераль Куропаткинъ, конечно, не вѣрилъ въ перерожденіе Стесселя, но, какъ тонкій и искушенный дипломатъ, убоился категорически отозвать къ себѣ новаго генераль-адъютанта, увѣнчаннаго высокимъ орденомъ, и поэтому скромно умолкъ.

Стессель остался въ Артурѣ.

Друзья завели переписку и переписку преинтересную, самая соль которой былъ обоюдный обманъ.

Оба другъ друга по-дружески надували и дошли до пропасти.

Fallacia alia aliam trudit ¹⁾.

Terent. Andr. 4. 4. 39.

У Михаила Львовича Де-Лакура.

Прихожу въ штабъ. Гдѣ, спрашиваю вѣстового, г. Де-Лакуръ?—а у самого сердце притаилось: что отвѣтить—неужели умеръ?

— Ихъ здѣсь нѣту. Помѣщеніе забито.

— Да самъ-то, самъ г. Де-Лакуръ гдѣ?

— Имъ вчера-съ — такъ, четверть перваго — въ помѣщеніи значить, въ кабинетѣ, гдѣ они сидѣли и писали,—ноги оторвало. Такъ вотъ, значить, они въ госпиталѣ, въ домахъ Стирка помѣщаются.

— А ты не знаешь, что ему... онъ живъ? умеръ?

— Такъ точно.

— Умеръ?

— Никакъ нѣтъ, ваше вскородіе. Сказываютъ, живъ. Мученикъ—одно слово; крови у нихъ одной вытекло—страсть.

А баринъ молодой былъ, тихій такой, хорошій.

По сердцу жаль. Его всѣ мы любили.

Какъ это снарядомъ вдарило, прибѣжали. А онъ словно мертвый—бѣлый, бѣлый сталъ, кругомъ чернявая борода; ноги отвалились—на шкуркѣ держатся.

Страсть, до слезъ жаль было. Не хотѣлъ въ блиндяжѣ сидѣть, насъ совѣстился. Начальство-то все въ блиндяжѣ, а онъ ни за что.

Извѣстное дѣло, господинъ Де-Лакуръ настоящій баринъ, гдѣ ему въ блиндяжѣ сидѣть, тамъ воздуховъ мало.

Мы сидимъ въ *канцеляліи*, не хоронимся, всегда при дѣлѣ.

Онъ тожа все у себя въ кабинетѣ.

Хорошій, явственнѣйшій баринъ.

Не задача, значить. А нашего народу сколько побило, баринъ—страсть!.. —

Я разсѣяннo слушалъ, что онъ говоритъ, а потомъ спохватился.

¹⁾ Одинъ обманъ ведетъ другой.

Да вѣдь устами этого матроса говорить сама истина!

Де-Лакуръ дѣйствительно „явственнѣйшій“ баринъ. Онъ баринъ и по рожденію и по взглядамъ, которые неуклонно проводить въ жизнь. Онъ давно уже мнѣ жаловался, что его преслѣдуютъ за то, что онъ не соглашается сидѣть въ блиндажѣ.

Генераль-маіоръ Третьяковъ.

— Какое я имѣю право сидѣть въ блиндажѣ, когда мои подчиненные не могутъ тамъ быть?—говорилъ онъ мнѣ неоднократно. Прошелъ въ госпиталь.

Вижу—въ третьей палатѣ М. Л. причащается. Едва узналъ—такъ измѣнили его страданія и потеря крови.

Вышла добровольная сестра m-me Налетова. Спросилъ — есть ли надежда?

— О, да! Только онъ безъ ногъ... вы знаете?

Священникъ ушелъ.

У постели. Грустно и тяжело было смотрѣть на Михаила Львовича.

Де-Лакуръ изъ большого сдѣлался маленькимъ.

Подъ одѣяломъ обрисовывались два обрубка вмѣсто ногъ.

— Ну, Евгенийъ Константиновичъ, скоро конецъ, пишете некрологъ — едва прошепталъ Михаилъ Львовичъ, стараясь улыбнуться.

— Я вамъ дамъ некрологъ — сказалъ подходившій докторъ Ястребовъ и такъ сжалъ руку больному, что тотъ вскрикнулъ. — Ничего, поправитесь, молодцомъ будете.

Теперь на діету — молоко пить.

— Сколько мнѣ нужно гражданскаго мужества, чтобы пить молоко — пріободрившись отвѣтилъ Михаилъ Львовичъ.

— Вы ли не гражданинъ?!... язвительно отвѣтилъ Ястребовъ.

Если хотите — чѣмъ даровитѣе, просвѣщеннѣе человѣкъ, тѣмъ больше онъ знаетъ себѣ цѣну, дорожитъ жизнью, въ искреннемъ предположеніи, что отечеству его жизнь нужна болѣе жалкаго существованія другихъ, дюжинныхъ, рядовыхъ людей. Не гибнутъ же въ самомъ дѣлѣ отъ какого-то дурацкаго снаряда!

Въ Артурѣ многіе дорожили своей жизнью, въ особенности тѣ, которые въ мирное время занимали высокіе и отвѣтственные посты.

Многіе почти безвыходно сидѣли въ блиндажахъ. Первымъ по прочности былъ блиндажъ m-me Субботиной. М-me Субботина, укрывшись тамъ, — не покладая рукъ, шила бѣлье въ госпиталѣ, въ которомъ ощущался страшный недостатокъ; даровитые люди приходили ее развлекать.

28-е сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

28 сентября.

Копія.

Въ концѣ хода сообщенія, идущаго съ 11 версты къ редутамъ, замѣчено орудіе, которое пока молчитъ. Окопныя работы идутъ энергично.

Капитанъ Степановъ.

11 час. 40 м. утра.

подъ землей непріятеля нѣтъ, то галлереею эту рѣшили обратиться въ большой фугасъ...

Около 6 ч. вечера, когда уже стемнѣло, японцы неожиданно бросились на наши апрошныя работы впереди форта № 3 и быстро овладѣли окопомъ, устроеннымъ нами ниже и правѣ форта и еще никѣмъ почти незанятымъ. Въ то же время они атаквали окопъ, идущій вдоль линіи ж. д. на участкѣ между фортомъ № 3 и укрѣпленіемъ № 3, и только что начатый окопъ впереди укрѣпленія № 3 и довольно скоро овладѣли и имъ; непріятель развилъ страшный артиллерійскій и ружейный огонь, на который

Капитанъ П р. М. П. Васильевъ.
† 30 марта 1904.

Капитанъ Романовскій.

такимъ же огнемъ отвѣчали и наши укрѣпленія. Мнѣ пришлось въ это время оказаться впереди укрѣпленія № 3; **оказался буквально между двухъ огней**—казалось, что здѣсь мѣста живого нѣтъ, гдѣ бы не сыпались пули или не рвалась бы шрапнель и осколки; идти къ своимъ нельзя, какъ разъ примутъ за непріятеля, впередъ также некуда; **пришлось отсиживаться подъ огнемъ въ первой попавшейся канавкѣ**. Когда огонь немного стихъ, мы (со мной были инженеръ капитанъ Затурскій и 2 техника) вскочили и пошли къ своимъ, при чемъ пришлось преодолѣть на пути 2 ряда проволочной сѣти; хорошо еще, что первая изъ нихъ, электрическая, оказалась неисправной, и мы благополучно прошли правѣ укрѣпленія 3 въ крѣпость. Изъ окопа впереди

Охотники, посланные съ форта 3, обнаружили противника въ траншеѣ, сѣвернѣе деревни Вандзятунь. Когда наверху окопа показалось нѣсколько человѣкъ—ихъ залпами опрокинули, съ фланговъ траншей стали выползать японцы съ цѣлью отрѣзать, но залпами отбиты.

Капитанъ Головань.

1 часъ дня.

Наступленіе прекратилось. Огонь стихаетъ.

6 час. 10 м. вечера.

Уступили Китайскій окопъ. Надѣинъ приказалъ выбить.

Капитанъ Степановъ.

7 час. 30 м. вечера.

Орудійный огонь въ теченіе дня по лит. А, Б и Опасной.

Полковникъ Покладъ.

7 час. 30 м. вечера.

Линія желѣзной дороги впереди укрѣпленія 3 занята японцами. Рота послѣ отбитія двухъ атакъ отошла отъ желѣзной дороги въ окопы впереди укрѣпленія 3.

Поручикъ Соловьевъ.

10 час. 50 м. вечера.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

28 сентября.

Копія.

Въ расположеніи передовыхъ частей западнаго фронта безъ перемѣнъ.

Капитанъ Романовскій.

8 час. утра.

На западномъ фронтѣ покойно. Небольшая перестрѣлка.

Капитанъ Романовскій.

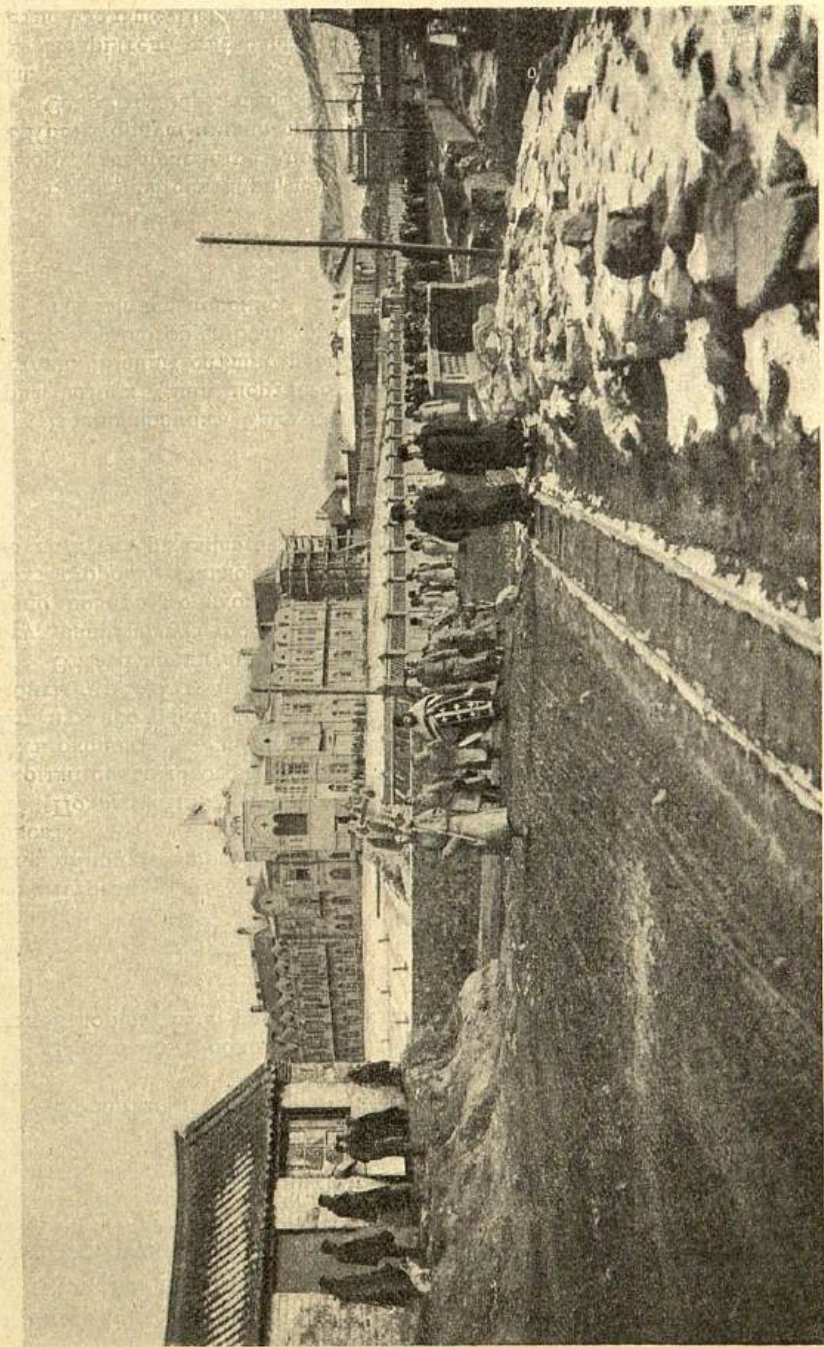
6 час. 30 м. вечера.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

28 сентября.

„ ...Подступы непріятеля замѣтно подвигаются; особенно угрожающее положеніе они имѣютъ у открытаго капонира № 3, послѣдняя параллель котораго расположена рядомъ съ проволочной сѣтью, шагахъ въ 50 отъ линіи огня капонира.

Изъ опасенія минной атаки этого пункта, нами раньше выведена была галлерей вперёдъ капонира; но, когда выяснилось, что

Похороны полковника Голшина.

форта № 3 и правой части окопа вдоль дороги удалось выбить японцевъ.

Окопъ впереди укрѣпленія № 3 три раза переходилъ изъ рукъ въ руки...

29-е сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

29 сентября.

Копія.

Противникъ обходитъ лѣвый флангъ подполковника Сайчука у желѣзной дороги, т. е. роты, отошедшей къ укрѣпленію 3.

Капитанъ Степановъ.

1 часъ ночи.

Курганная въ усиленномъ огнѣ. 10 рота 13 полка у желѣзной дороги оже. Японцы перебѣгаютъ отъ Водопроводнаго редута къ Сахарной Головъ.

Подполковникъ Гандуринъ доноситъ, что вчера съ вечера японцы крыли сильный огонь по форту 3 и до Курганной. Затѣмъ изъ ближайшихъ окоповъ въ значительныхъ силахъ бросились впередъ, вытѣснивъ насъ изъ неоконченнаго окопа передъ фортомъ 3. Засѣвшіе въ окопы были выбиты 7 ротой 15 полка.

Въ это время японцы повели атаку на склоны укрѣпленія 3, обойдя роту, занимавшую полотно желѣзной дороги. Подполковникъ Сайчукъ лично повелъ моряковъ въ атаку. Бросились въ атаку, но, охваченные со всѣхъ сторонъ, только послѣ третьей атаки отбросили японцевъ въ оврагъ, гдѣ тѣ и задержались въ мертвомъ пространствѣ до сихъ поръ.

Капитанъ Степановъ.

2 часа 30 м. ночи.

Подполковникъ Сайчукъ при помощи резерва отбилъ нападеніе резерва, выбилъ изъ мертваго пространства и занялъ линію между двумя мостами. Японцы спѣшно работаютъ окопъ передъ укрѣпленіемъ 3. Укрѣпленіе 3 открыло орудійный огонь по нимъ.

Теперь все покойно.

Капитанъ Степановъ.

4 часа 5 м. утра.

Вчера, 28 сентября, въ 6 часовъ вечера противникъ открылъ огонь изъ орудій и пулеметовъ по укрѣпленію 3 и по долиנѣ Лунхэ, обстрѣливая Крематорную импань и новую траншею.

Секреты, образовавъ цѣпь, огнемъ остановили наступленіе противника.

Неприятель нѣсколько разъ порывался перейти въ наступленіе, но тщетно—дальше Панлуньшанскаго редута не двигались.

Капитанъ Головань.

5 час. 40 м. утра.

Зубчатая въ огнѣ 11'' бомбъ.

Капитанъ Степановъ.

8 час. 10 м. утра.

Съ ро-восточный фронтъ весь день въ огнѣ. Японцы на правомъ флангѣ у форта № 2 выставляютъ охраненіе въ 20 шагахъ отъ стѣнки, въ мертвомъ пространствѣ, ниоткуда невидимомъ.

Капитанъ Степановъ.

5 час. 40 м. вечера.

На 11 верстѣ большое движеніе. На вагонеткахъ идетъ подвозъ снарядовъ.

Капитанъ Степановъ.

6 час. вечера.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

29 сентября.

Копія.

Укрѣпленіе Высокой продолжается. На Длинной японцы ведутъ большія работы.

Полковникъ Ирманъ.

2 часа дня.

Японцы часто заходятъ въ тылъ нашимъ окопамъ и на окликъ нашего часового отвѣчаютъ: „Свой идетъ, русскій“. Этимъ отвѣтомъ выдаютъ себя и бросаются вразсыпную.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

4 часа дня.

Приказъ.

Сентября 29 дня, 1904 г. Кр. Портъ-Артуръ.

№ 719.

Сего числа я встрѣчалъ въ самомъ городѣ массу нижнихъ чиновъ разныхъ полковъ, большинство изъ нихъ состоятъ вѣстовыми при чиновникахъ разныхъ управленій и вообще лицахъ, которые могутъ нынѣ, когда каждый человѣкъ дорогъ, обходиться и безъ нихъ.

Мною предложено начальнику штаба собрать и составить точныя свѣдѣнія со списками подобнаго расхода, и затѣмъ всѣ будутъ обращены въ строй. Даже встрѣтилъ одного личарда, состоящаго при фельдфебельшѣ. Это уже учесть довольно трудно.

Подлинное подписалъ: начальникъ Квантунскаго укрѣпленнаго района генералъ-адъютантъ Стессель.

Съ подлиннымъ вѣрно:

начальникъ штаба полковникъ Рейсъ.

Нужно отдать полную справедливость начальнику района, что онъ иногда положительно способенъ быть, отдавая и дѣльный приказъ, насмѣшить.

Учесть „личарда“ при фельдфебеляхъ дѣйствительно довольно трудно.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

29 сентября.

„...Подступы непріятеля все ближе продвигаются къ нашимъ укрѣпленіямъ; японцы съ удивительной энергіей и настой-

Старый городъ.

чивостью ведутъ ихъ къ форту № 2, открытому капониру № 2 и къ лит. Б.

Сегодняшней ночью, кромѣ того, выведены два подступа въ направленіи Куропаткинскаго люнета, и начата закладка параллели. Нашъ артиллерійскій огонь слишкомъ рѣдокъ, чтобы тормазить ихъ работы; вылазки производятся сравнительно рѣдко, да и охотниковъ на вылазки находится мало, такъ что ведутся онѣ вяло и никакихъ результатовъ не приносятъ; всѣмъ этимъ и объясняется, конечно, успѣхъ осадныхъ работъ. Въ послѣдней параллели передъ лит. Б. устроенъ японцами сплошной блиндажъ съ прикрытіемъ изъ китайскаго лѣса, видимо съ цѣлью предохранить гарнизонъ параллели отъ пораженія ручными бом-

бами и гранатами; блиндажъ прекрасно приспособленъ для стрѣльбы изъ него. На форту II насъ всѣхъ сильно беспокоитъ положеніе капонира головныхъ фасовъ. Капониръ минированъ за контръ-эскарпомъ, и его очень заманчиво подорвать, что японцы, видимо, и намѣреваются исполнить.

Въ предупрежденіе этого у насъ ведутся 2 контръ-минныя галлерей съ угловъ капонира, которыя предположено, выведя ихъ сажень на 5 впередъ, соединить общей галлереей, но такъ какъ грунтъ здѣсь почти скалистый, то работа эта потребуетъ много времени, и мы можемъ опоздать къ мѣсту движенія непріятельскаго миннаго хода. Чтобы выяснитъ мѣсто заложения и направленія этого хода, рѣшено на завтра организовать вылазку при участіи саперъ...

30-е сентября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

30 сентября.

Копія.

На восточномъ фронтѣ благополучно. У Сахарной Головы показались носилки.

Полковникъ Покладъ.

8 час. утра.

Ночь на с.-в. фронтѣ прошла покойно.

Капитанъ Степановъ.

8 час. 30 м. утра.

На перевалѣ Шининзы показались 400 двуколокъ, сопровождаемые конными. Наши батареи открыли огонь.

Поручикъ Гудковъ.

10 час. утра.

Во время бомбардировки 11'' бомбами на Курганной, сварядь попалъ въ офицерскій блиндажъ. Подполковникъ Сайчукъ придавленъ и засыпанъ. Раненъ шт.-капитанъ Сидоровъ.

Поручикъ Гудковъ.

11 час. утра.

Укрѣпленіе 3 въ огнѣ 11-дюймовыхъ мортиръ.

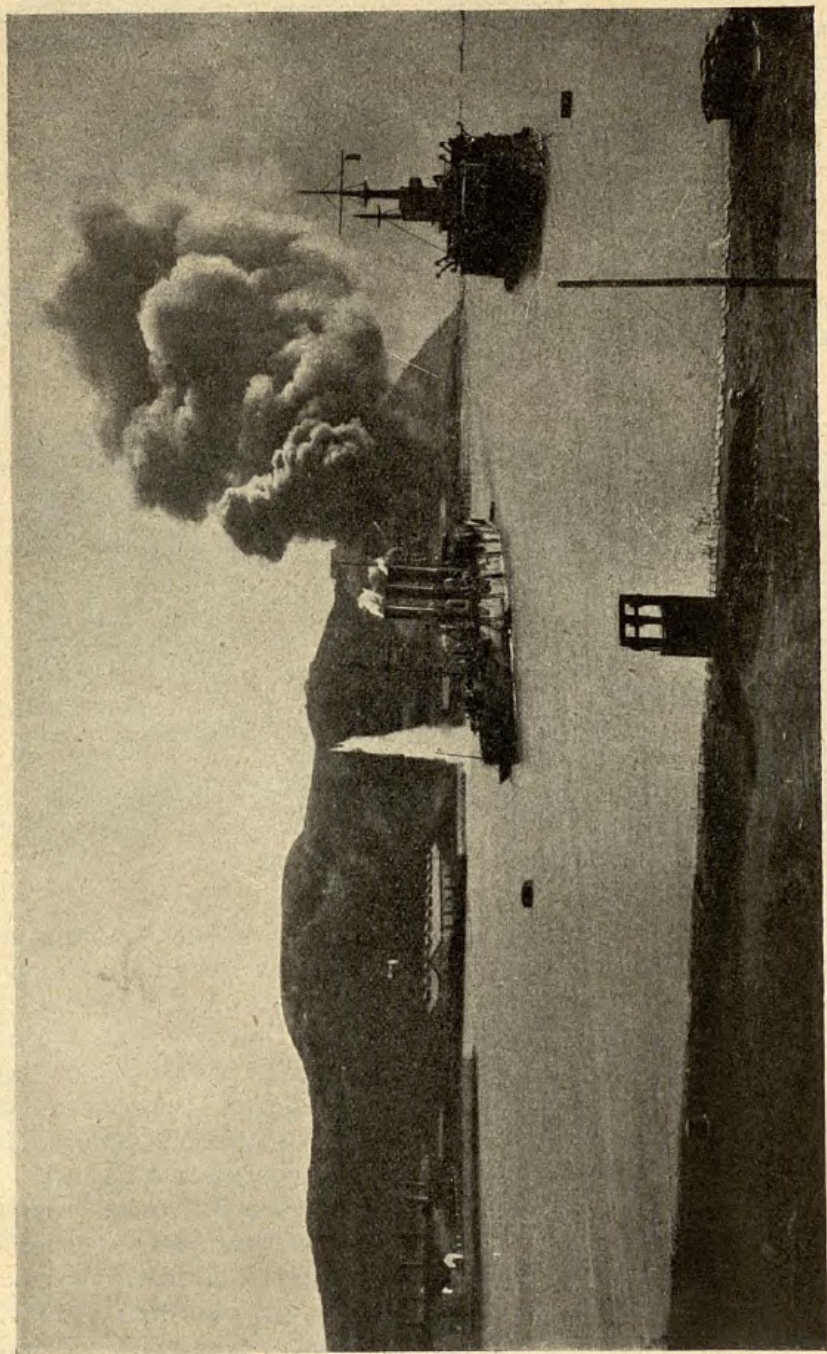
Капитанъ Шеметилло.

1 часъ 15 м. дня.

Курганная и укрѣпленіе 3 въ огнѣ 11'' мортиръ. Лощины между фортомъ 3 и укрѣпленіемъ 3 засыпаются шрапнелью.

Поручикъ Кишко.

5 час. вечера.

Бомбардировка порта и пожаръ.

Фортъ 3, укрѣпленіе 3, Курганная въ огнѣ.

Лейтенантъ Королевъ.

8 час. 15 м. вечера.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

30 сентября.

Копія.

На западномъ фронтѣ безъ перемѣнъ.

Капитанъ Романовскій.

10 час. утра.

Надъ Волчьими горами воздушный шаръ.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

12 час. 30 м. дня.

„Взвейтесь, соколы, орлами...“

Бомбардировка одиннадцатидюймовыми бомбами изводитъ всѣхъ.

Не можемъ мы къ нимъ привыкнуть.

День-денской по небу шумятъ эти „паровозы“.

Бомбардированіе ими начинается часовъ въ 10-11 утра.

День опять ясный, солнечный, безвѣтрный. Уже прохладно.

Все хорошо было бы, если бы не эти страшные „паровозы“.

Донеслось пѣніе. Прислушиваюсь.

Приближается. Все явственнѣй, громче.

Не похоронное пѣніе, нѣтъ.

Веселый мотивъ, что-то знакомое.

А-а!

„Взвейтесь, соколы, орлами, полно горе горевать!...“

Со стороны Скалистаго утеса приближается рота.

Пѣсня все громче, все яснѣе, отчетливѣе; разбираю слова.

Лихо затягиваетъ запѣвала—звонкимъ, сильнымъ, серебристымъ теноромъ.

Увѣренно звенить его молодой голосъ въ свѣжемъ воздухѣ.

„...горевать!“ протянулъ.

Товарищи полной грудью подхватили послѣднюю нотку—грязнулъ припѣвъ.

Сколько силы, сколько воли, ухарства слышалось въ этомъ довольно стройномъ хорѣ!

Рота шла на однодневный покой. Въ баню сходить, почиститься, пообшиться, вещи взять, привольно вздохнуть въ относительно безопасной обстановкѣ. Въ казармѣ все-таки не то, что въ окопѣ. Если выскочить по тревогѣ—не прямо подѣ пулю.

Пѣсня постепенно замирала. Надъ головой звучала другая. Много уже нашихъ соколовъ взвилось орлами.

Не горевали горе, взвивались орлами: умирали, умираютъ и будутъ умирать, когда этого потребуетъ воинскій долгъ.

Только на сѣверѣ забыли артурскихъ орловъ!

1-е октября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

1 октября.

Копію.

3 фортъ въ огнѣ. Противникъ въ значительныхъ силахъ передвигается отъ Волчьихъ горъ къ Палиджуану.

Штабъ-капитанъ Булгаковъ.

6 час. 20 м. вечера.

Японцы въ 40 шагахъ отъ гласиса форта 2. Съ вечера японцы произвели ложную тревогу, открывъ изъ всѣхъ окоповъ огонь. Къ полуночи все стихло.

Капитанъ Головань.

12 час. ночи.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

1 октября.

Копію.

На западномъ фронтѣ безъ перемѣнъ.

Капитанъ Романовскій.

9 час. 20 м. утра.

Усиленное движеніе арбъ отъ Голубиной къ Угловой.

Капитанъ Романовскій.

11 час. утра.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

1 октября.

„Вылазку со 2-го форта на первый разъ задумали произвести на разсвѣтѣ, когда ночные рабочіе уйдутъ и въ окопахъ останутся лишь дневные траншейные караулы. Къ 5 часамъ 100 человекъ вылезли по лѣстницамъ на прикрытый путь. **Къ сожалѣнію, это были не охотники**, и, вмѣсто того, чтобы выползти въ полной тишинѣ, зашумѣли лѣстницами, задѣли и сва-

лили камни съ кордона контръ-эскарпового укрѣпленія, стали громко разговаривать, подыматься во весь ростъ...“

Приказъ Стесселя по адресу поручика Ендрежіевскаго приносить свои послѣдствія. Охота къ вылазкамъ пропала. А разъ

Генераль-маіоръ Ирманъ и его штабъ.

охоты нѣтъ, нѣтъ энергичныхъ инициаторовъ—вылазка не можетъ удался.

Удачныя же вылазки—это полъ-успѣха въ оборонѣ.

Противника нужно все время беспокоить, держать въ страхѣ, утомлять. А разъ этого нѣтъ, онъ преспокойно подвигается впередъ.

Закрытіе отрядной церкви.

Приказъ.

Сентября 28 дня, 1904 года. Кр. Портъ-Артуръ.

№ 174.

Въ виду того, что возлѣ отрядной церкви и даже въ нее постоянно ложатся снаряды, предписываю все изъ церкви вынести и передать въ церковь 14-го полка. Часового снять. Все это исполнить до 1-го числа.

Ровно въ 8 часовъ утра непріятель далъ залпъ по городу.

Снаряды рвались по всѣмъ направленіямъ.

Второй залпъ, а затѣмъ началась обычная бомбардировка.

Такъ начался день Покрова Пресвятой Богородицы.

Уже 9 часовъ, а звона въ отрядной церкви не слышно.

Послѣднее время богослуженіе совершалось рано, задолго до начала канонады.

Приходить мой вѣстовой Николай Терентіевичъ Худобинъ.

— Что, развѣ служба кончилась?

— Какая тамъ служба? Изъ арестнаго дома пригнали людей. Они иконы, подсвѣчники куда-то тащатъ.

И нехристи же здѣсь! Ой, ой, ой!!

Виданое ли это дѣло, чтобы въ такой праздникъ и такъ небрежно со святыми иконами обращаться? У насъ это дѣлается все какъ слѣд-быть: крестнымъ ходомъ, пѣвчіе, священники въ ризахъ. А тутъ арестанты все кое-какъ, второпяхъ таскаютъ.

Пришли господа. Посмотрѣли. Спросили и ушли.

Не ладное дѣлается тутъ.

Не сдобровать Артуру.—

Худобинъ былъ глубоко увѣренъ, что даромъ это не пройдетъ.

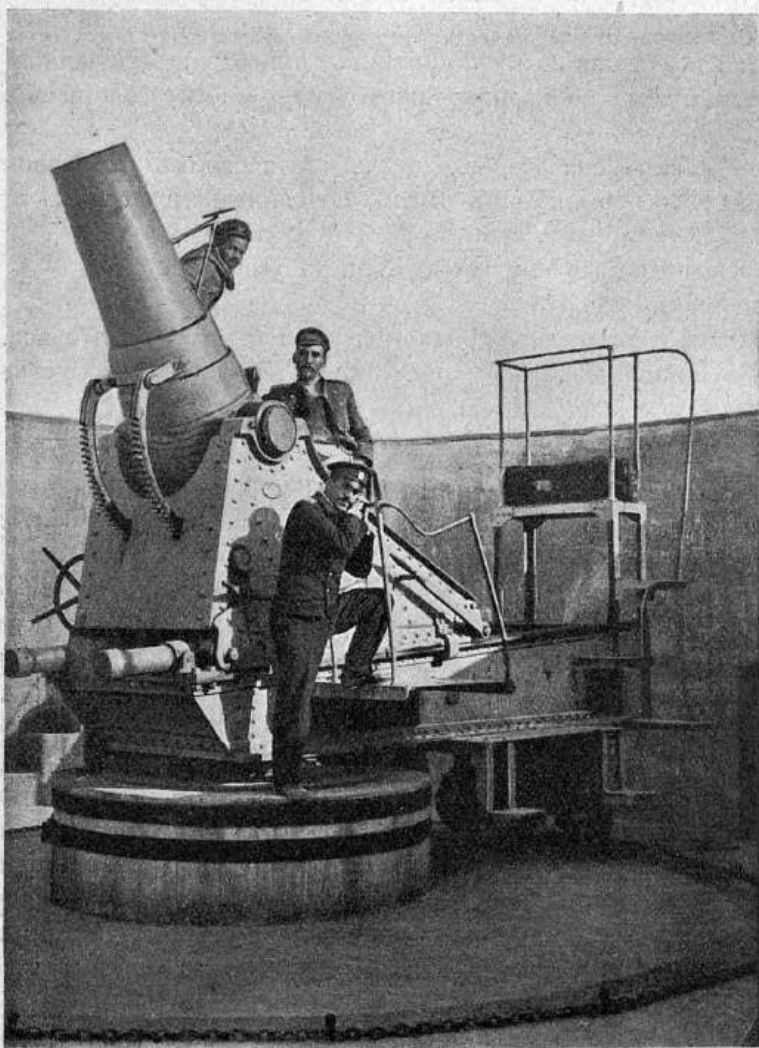
Его религиозное чувство было оскорблено.

Я понять не могъ—что такое случилось? Почему выносятъ иконы? Съ самаго начала тѣсной блокады въ храмъ начали попадать снаряды. Благодаря исключительной заботливости протоіерея Глаголева и старосты, полковника Тыртова, церковь быстро исправлялась. Попаданія въ церковь были случайныя и рѣдкія, т. к. японцы специально по ней не стрѣляли. Я недоумѣвалъ.

Оказалось, что генераль Стессель, помимо коменданта крѣпости, не спрашивая мнѣнія настоятеля, отца протоіерея Глаголева, и старосты церкви, военного прокурора полковника Тыр-

това,—отдалъ приказъ вынести всю церковную утварь, а церковь закрыть.

Протоіерей Глаголевъ, узнавъ объ отданномъ приказѣ,

У орудія на береговомъ фронтѣ.

идетъ къ генераль-адъютанту и проситъ оставить храмъ для богослуженія.

Отецъ Глаголевъ стремился убѣдить начальника района въ томъ, что закрытіе церкви крайне тяжело отзовется на гражданскомъ населеніи и портовыхъ рабочихъ.

Протоіерей энергично протестовалъ, просилъ, умолялъ— все было тщетно.

— Я своихъ приказовъ не отмѣняю—былъ гордый отвѣтъ.

Протоіерей по совѣсти и долгу, какъ духовный пастырь, продолжалъ усовѣщевать начальника района, доказывая ему, что онъ, какъ благочинный, не имѣетъ права закрыть церкви, что это, молъ, будетъ соблазномъ для другихъ; многое говорилъ отецъ Глаголевъ...

— Я вамъ сказалъ уже разъ, что я своихъ приказовъ не отмѣняю! Чего вы ко мнѣ лѣзете со своими іезуитскими просьбами?

Оскорбленный служитель Христа ушелъ.

Церковь заперта.

Вѣсть о закрытіи отрядной церкви быстро разнеслась.

Глубоко религіозные люди, качая головой, съ грустью говорили:

— Не доброе, не доброе это предзнаменованіе!

Впослѣдствіи, когда я встрѣтился въ Чифу съ статскимъ совѣтникомъ **Н. Н. Оедоровымъ**, везшимъ по Высочайшему повелѣнію въ Артуръ явленную икону,¹⁾ и разсказалъ ему о закрытіи Стесселемъ отрядной церкви,—послѣдній мнѣ замѣтилъ:

— А вѣдь, пожалуй, этотъ самодуръ меня и на берегъ бы не пустилъ.

Н. Н. Оедоровъ отправился изъ Чифу въ Артуръ на шаландѣ незадолго до паденія крѣпости.

Предпріятіе это было крайне рискованное. Ему грозила опасность съ четырехъ сторонъ: 1) быть разстрѣляннымъ японскими блокирующими судами, 2) убитымъ китайскими морскими разбойниками, чему былъ примѣръ съ германскимъ военнымъ агентомъ Гильгенгеймомъ, 3) умереть съ голоду и 4) погибнуть во время шторма, которые въ это время года очень часты въ Печилийскомъ заливѣ.

Добраться до Артура Н. Н. Оедорову не удалось. Въ морѣ заштилило, и шаланда, проболтавшись нѣсколько дней по океану, вернулась въ Чифу.

¹⁾ Она приснилась какому-то матросу на югѣ. Согласно его видѣнію, икона была написана и отправлена Скрыдлову во Владивостокъ. Но Скрыдловъ, какъ извѣстно, не могъ собраться выѣхать въ Артуръ, хотя мы въ святомъ невѣдѣніи о его способностяхъ ожидали адмирала съ нетерпѣніемъ. Ожидали даже, что онъ къ намъ на воздушномъ шарѣ прилетитъ.

На второй день возвращенія шаланды Артуръ палъ.

Николай Николаевичъ Оедоровъ изъ Петербурга проѣхалъ во Владивостокъ, взялъ у Скрыдлова икону, пробрался съ большимъ трудомъ въ Шанхай, а изъ Шанхая уже въ Чифу, гдѣ мы съ нимъ и встрѣтились.

2-е октября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

2 октября.

Копія.

Ночь на с.-в. фронтѣ прошла тревожно. Ночныя тревоги японцами введены въ систему. Ведутъ частичныя атаки, не доводя ихъ до конца, а подъ шумокъ ведутъ сапныя работы.

Ползуны-охотники съ пироксилиновыми шашками подкрались и разогнали японцевъ.

Капитанъ Головань (Степановъ заболѣлъ).

3 часа 45 мин. утра.

Цѣлый день непріятель слабо обстрѣливалъ наши позиціи.

Подъ вечеръ усиленно шрапнелью капонирь 3.

Въ 5 часовъ вечера замѣчено отъ 11 версты шесть колоннъ, по 100 чел.

Двинулись къ намъ. Скрылись за горами.

Капитанъ Головань.

9 час. вечера.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

2 октября.

Копія.

Ночь на западномъ фронтѣ прошла покойно. Лишь рѣдкій огонь. Продолжаются окопныя работы.

Капитанъ Романовскій.

10 час. 10 мин. утра.

Къ Съдловой продвинулся баталіонъ японцевъ.

Шт.-капитанъ Сычевъ.

6 час. 40 м. вечера.

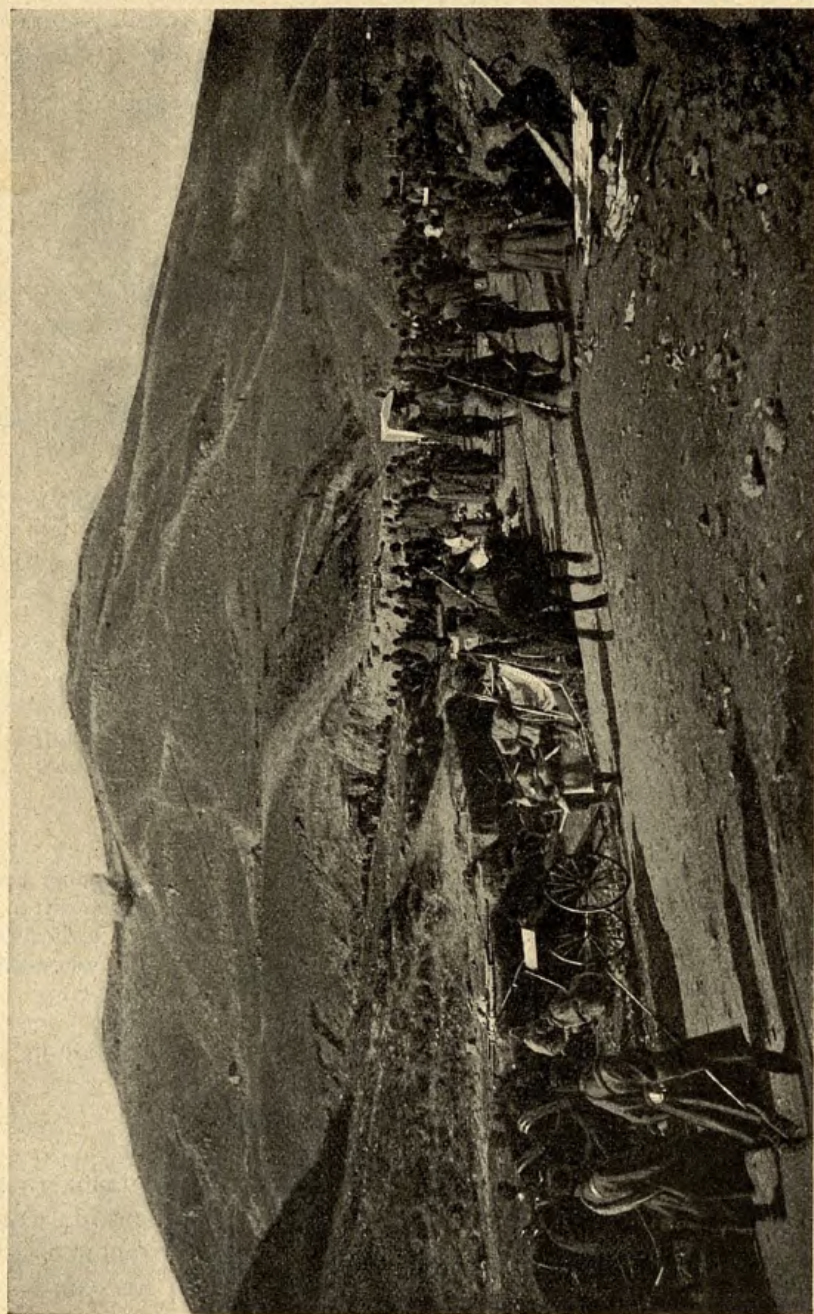
Приказъ

по войскамъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона.

Октября 2 дня, 1904 года. Кр. Портъ-Артуръ,

№ 729.

Тифъ увеличился, причина извѣстная—вода, а я прибавлю—и свинство, грязь; загаживаніе мѣстности, отравленіе естественныхъ надобностей повсемѣстно; какая-то особая халатность ко всему; посмотрите, что дѣлается

Резервы подъ Высокой горой.

возлѣ нѣкоторыхъ колодцевъ: вѣдь стоитъ зеленая грязь. Особенную клоаку представляютъ: оврагъ, ведущій отъ завода Ноюкса; казармы 10 полка, гдѣ теперь моряки; морскія казармы въ Новомъ городѣ, здѣсь у самыхъ воротъ все выбрасываютъ. Гдѣ наша славная санитарная коммиссія, которая въ мирное время исписала цѣлыя томы бумаги, а сама теперь ни за чѣмъ не смотритъ? гдѣ городской голова, первый отвѣтчикъ за санитарное состояніе города? гдѣ полиція? Все и вся отсутствуютъ по понятнымъ для всѣхъ причинамъ. Но, не дѣлая ничего, кромѣ, разумѣется, маранія бумаги, содержаніе продолжаютъ получать полностью. Мнѣ важно здоровье офицеровъ и солдатъ, а между тѣмъ они-то и болѣютъ. Приказываю строго и въ послѣдній разъ городской администраціи немедленно все привести въ порядокъ, иначе предамъ военному суду, какъ за неисполненіе своихъ обязанностей и неоднократныхъ моихъ приказаній. Возлѣ мѣстъ биваковъ слѣдить за санитарнымъ состояніемъ войсковому начальству, а особенно полковымъ и прочимъ войсковымъ врачамъ, донося объ антисанитарномъ состояніи корпусному врачу 3 сибирскаго армейскаго корпуса для доклада мнѣ.

Городскому головѣ подполковнику Вершинину ежедневно подробно осматривать городъ, считая это главнымъ, а не писаніе бумагъ. Прошу коменданта крѣпости лично и чрезъ начальника своего штаба провѣрять исполненіе сего важнаго требованія; всякій, бывшій въ походахъ и въ войнахъ, отлично помнить, что за бичъ эпидемическая болѣзнь, съ которой не справились въ самомъ началѣ. Инспектору госпиталей осматривать чаще госпитали и около нихъ; свинство и грязь вездѣ; вѣдь посмотрите, что дѣлается у Дальнинскаго госпиталя.

Подлинное подписалъ начальникъ Квантунскаго укрѣпленнаго района
генераль-адъютантъ Стессель.

Съ подлиннымъ вѣрно:

начальникъ штаба полковникъ Рейсъ.

Все отъ альфы до омеги въ приведенномъ выше приказѣ было чистымъ вымысломъ.

Комендантъ крѣпости, по полученіи этого приказа, немедленно вызвалъ къ себѣ крѣпостного военно-санитарнаго инспектора статскаго совѣтника Субботина и, не теряя минуты, верхомъ отправился въ Дальнинскій госпиталь, куда прибылъ совершенно неожиданно.

Въ госпиталѣ, во дворахъ и кругомъ былъ порядокъ; о грязи, упоминаемой въ приказѣ, не было и помину.

На вопросъ коменданта—когда въ госпиталь пріѣзжалъ генераль-адъютантъ, послѣдовалъ отвѣтъ, что онъ никогда не пріѣзжалъ.

Да оно иначе и быть не могло, такъ какъ путь, ведущій къ госпиталю, въ теченіе уже почти двухъ недѣль былъ подъ постояннымъ и сильнымъ орудійнымъ огнемъ.

Причиной отданія этого приказа были интриги врачей, постоянно посѣщавшихъ Стесселя и почему-то не взлюбившихъ.

такого дѣльнаго и энергичнаго врача, какимъ являлъ себя старшій врачъ Дальнинскаго госпиталя г. Надпорожскій.

Что же касается тифа, то это тоже была досужая фантазія, что свидѣтельствуешь нижеприведенная выписка изъ журнала городского совѣта:

..... Доложивъ приказъ, предсѣдатель просилъ обсудить его только въ предѣлахъ ст. 7 и 2 Вр. Пр. о Гор. Упр. и ст. 2 п. VI и ст. 63 п. 18 Гор. Пол., а именно: а) въ отношеніи мѣропріятій по охраненію народнаго здравія и по изысканію способовъ къ улучшенію мѣстныхъ условій въ санитарномъ отношеніи и б) въ отношеніи повѣрки дѣйствій городского управления, т. е. просилъ обсудить приказъ по существу, не касаясь формы его изложенія и тѣхъ пунктовъ, кои непосредственно относятся къ „городскому головѣ“.

Въ виду того, что содержаніе этого приказа, проникнувъ въ среду гражданскаго населенія города, уже встревожило послѣднее и дало поводъ къ возникновенію угрожающихъ слуховъ о существованіи эпидеміи тифа среди гражданскаго населенія города,—предсѣдатель совѣта предварительно просилъ и. д. городского врача доложить совѣту: въ какой степени эпидемія тифа угрожаетъ здравію городского населенія. Изъ доклада городского врача выяснилось, что среди городского населенія, какъ европейскаго, такъ и китайскаго, не только не наблюдается эпидеміи тифа, но не наблюдалось даже случаевъ отдѣльныхъ заболѣваній. Докладъ этотъ былъ дополненъ предсѣдателемъ справкой изъ врачебнаго отдѣленія гражданскаго управления, изъ коей видно, что во врачебномъ отдѣленіи гражданскаго управления не имѣется свѣдѣній о возникновеніи тифозной эпидеміи среди гражданскаго населенія, какъ европейскаго, такъ и китайскаго, и не поступало донесеній даже о случаяхъ отдѣльныхъ заболѣваній тифомъ. Такимъ образомъ, очевидно, что эпидемія тифа возникла и существуетъ только въ воображеніи начальника укрѣпленнаго района, и пока нѣтъ основаній для городского населенія тревожиться въ этомъ отношеніи.

Обращаясь къ указанію въ приказѣ на антисанитарное содержаніе колодезъ, предсѣдатель доложилъ, что, согласно ст. 63 п. 18 Гор. Пол., городскому совѣту принадлежитъ право повѣрки дѣйствій городского управления и рассмотрѣніе жалобъ на него, а потому онъ имѣетъ честь доложить совѣту о дѣйствіяхъ городского управления по сему предмету. Городскихъ колодезъ, открытыхъ для общаго пользованія, имѣется 8, и у частныхъ лицъ 4, а всего 12 колодезъ. Въ засѣданіи областной санитарно-исполнительной комиссіи 7 іюня с. г. было постановлено о приведеніи всѣхъ этихъ колодезъ въ хорошее санитарное состояніе.

1 іюля сего года это постановленіе городскимъ управленіемъ закончено исполненіемъ. Съ тѣхъ поръ, а особенно со времени закрытія водопровода, городскіе колодезы стали предметомъ особой заботливости не только со стороны городской администраціи, но и со стороны его превосходительства коменданта крѣпости, генераль-лейтенанта Смирнова, который ближайшее наблюденіе за колодцами ввѣрилъ начальнику крѣпостной жандармской команды князю Микеладзе. Послѣ совѣстнаго обсужденія предсѣдателя совѣта съ княземъ Микеладзе, установлена: а) охрана колодезъ азботами военнаго вѣдомства и б) заботами городского управления всѣ ко-

лодцы снабдить особыми ведрами (бадьями), при чемъ установлено также правило, чтобы водоносы не опускали въ колодцы собственныхъ ведеръ, а пользовались бадьями, ничего туда не бросали и не вливали; за исполненіемъ этого наблюдаетъ установленная охрана.

Вслѣдъ за полученіемъ обсуждаемаго приказа городскимъ управленіемъ были прошены о немедленномъ осмотрѣ колодцевъ: городской

Капитанъ А. В. фонъ-Шварцъ.

врачъ, техническое отдѣленіе городского управленія, въ лицѣ ис. об. вр. арх. подполковн. Рашевского, и завѣдывающій зданіями. Донесеніями всѣхъ этихъ лицъ отъ 4 и 7 октября, за №№ 122 и 243, установленъ фактъ, что городскіе общественные колодцы и мѣстности вокругъ нихъ находятся въ хорошемъ состояніи въ санитарномъ, техническомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Правильность этихъ донесеній вполне подтвердилась и при личномъ осмотрѣ городскихъ общественныхъ колодцевъ предсѣдателемъ городского

совѣта. Такимъ образомъ, становится очевиднымъ, что начальникъ укрѣпленнаго района, вѣроятно, былъ введенъ въ заблужденіе, принявъ за городскіе общественные колодцы, находящіеся въ мѣстности, составляющей по Высочайше утвержденному плану городскую собственность, точно такъ же и районы мѣстностей, указанные въ приказѣ, какъ содержимые анти-санитарно, составляютъ мѣста расположенія войскъ и, согласно ст. 2 Вр. Пр. о Город. Управ. и ст. 3 и 5 Высочайше утвержден. Гор. Пол., въ кругъ вѣдомства и дѣйствій городского управленія не входятъ. Но, оказавшись въ данномъ случаѣ на возможной высотѣ санитарнаго состоянія районовъ, составляющихъ собственность города, по мнѣнію предсѣдателя, не слѣдуетъ относиться индифферентно къ возникшей въ войскахъ эпидеміи тифа; слѣдуетъ нынѣ же обсудить мѣры предупрежденія и борьбы съ тифозной эпидеміей.

Хотя въ заслушанномъ приказѣ, доложилъ предсѣдатель, и упоминается о городской санитарно-исполнительной комиссіи, но таковой въ настоящее время не существуетъ, и не было причинъ для ея образованія. Обращаясь по сему предмету къ законодательству, которымъ донинѣ руководствовались въ подобныхъ случаяхъ, а именно: къ „Своду Правительственныхъ распоряженій по принятію мѣръ противъ чумы и холеры внутри Имперіи“, находимъ въ ст. 3, что санитарно-исполнительныя комиссіи учреждаются по полученіи распоряженія объ объявленіи мѣстности неблагополучной или угрожаемой по эпидеміи; въ этой же статьѣ опредѣляется и цѣль комиссіи, которой поручается принятіе мѣръ, какъ противъ заноса эпидеміи, такъ и по борьбѣ съ нею. Составъ городской санитарно-исполнительной комиссіи опредѣленъ ст. 10-й этого же законоположенія; въ ней предсѣдательствуетъ городской голова, а въ составъ ея входятъ: полицмейстеръ, городской врачъ и городская управа въ полномъ составѣ, т. е. городской совѣтъ долженъ будетъ составить и городскую санитарно-исполнительную комиссію; образуются она распоряженіемъ губернаторовъ или городскими думами съ разрѣшенія губернаторовъ.

Доложивъ вышеизложенное, предсѣдатель предложилъ на разрѣшеніе совѣта вопросъ: въ виду возникновенія эпидеміи тифа среди войскъ укрѣпленнаго района не является ли своевременнымъ возбудить надлежащее ходатайство объ образованіи городской санитарно-исполнительной комиссіи?

ПОСТАНОВЛЕНО:

Въ виду возникшей въ войскахъ укрѣпленнаго района эпидеміи тифа и возможности появленія ея въ средѣ гражданскаго населенія, — ходатайствовать объ образованіи городской санитарно-исполнительной комиссіи“.

Итакъ, читатель, вы убѣждаетесь, что приказъ былъ отданъ исключительно въ цѣляхъ сдѣлать неприятность коменданту и Вершинину.

А что это была ложь, то это очень мало трогало генерала Стесселя.

Читатель, вы не удивляйтесь. Вы оглянитесь кругомъ и, на-вѣрное, встрѣтите много маленькихъ „Стессель“.

Стессель—это одинъ изъ устоевъ, на которомъ зиждился старый, но, къ счастью, уже отживающій режимъ Россіи.

У всенощной.

Октябрь уже.

Стремительный НО съ полудня началъ стихать.

На всемъ береговомъ и сухопутномъ фронтахъ относительная тишина.

Японцы цѣлый день молчать.

Лишь съ нашей стороны на сѣверо-восточномъ фронтѣ рѣдкіе орудійные выстрѣлы.

Подозрительное затишье.

Засумерничало.

Воздухъ влаженъ и покоенъ.

Солнце, скрывшись за громадой Ляотъшаня, слегка освѣщаетъ Артуръ и окрестныя высоты, медленно погружающіяся въ едва уловимую мглу.

Внѣшній рейдъ, бухта, окутываемые легкой дымкой, тоже дремлютъ.

Тихо въ городѣ. Тихо на фортахъ и батареяхъ. Только орудійный выстрѣлъ, сухой трескъ винтовки, абсолютное отсутствіе освѣщенія въ городѣ и крѣпости да мучительные стоны раненыхъ въ госпиталяхъ напоминаютъ, что Артуръ осажденъ.

Слабый непрерывный прибой волнъ шуршитъ и шепчетъ что-то безмолвнымъ и безучастнымъ берегамъ Квантуна...

Вечерняя заря потухаетъ въ облакахъ, сисясь бросить послѣдній лучъ обогрѣнной кровью землѣ.

Еще день Артура канулъ въ вѣчность.

Заблаговѣстили ко всенощной. Звонъ небольшихъ колоколовъ, пробуждая ранній покой утомленныхъ боевой страдой гарнизона и гражданъ, зоветъ и манитъ къ себѣ.

Онъ напоминаетъ, онъ настойчиво, ударъ за ударомъ, твердитъ, что тамъ, по безконечной Сибири, по всему лицу Руси необъятной, въ этотъ часъ и на тѣ же звуки стекаются въ храмъ болѣющіе душой о тѣхъ, кто кровью своей обильно орошаетъ поля и горы далекой и чуждой Маньчжуріи.

Иду въ церковь. Прохожихъ почти не видно. Неподвижными силуэтами чернѣютъ городовые. На встрѣчу бредутъ отдѣльными группами стрѣлки, артиллеристы, моряки—оборванные, угрымые. Молча идутъ они, физически и нравственно утомленные.

Поравнялся съ командой моряковъ—слышу веселый, добрый голосъ.

— Эхъ, Митя, Митя, небось въ деревнѣ-то теперь какъ хорошо. И-и-и-хъ, какъ хорошо!

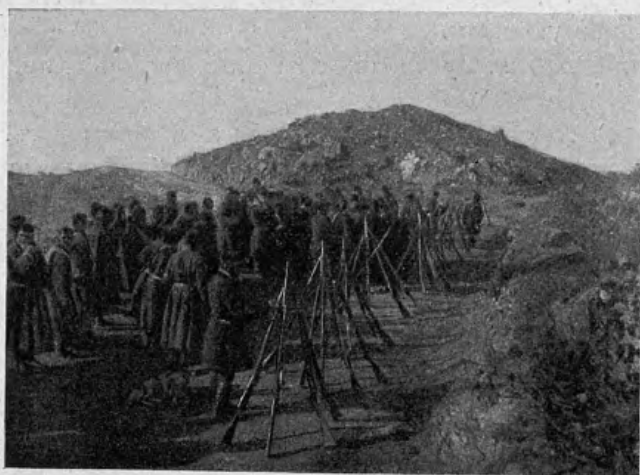
— Брось ты! Радъ, что языкъ во рту болтается. Будетъ тебѣ хорошо, коли завтра пулю въ бокъ всадятъ, аль голову оторветъ—отвѣтилъ невеселый голосъ.

Дальше я не слышу ихъ. Пронесся верховой, загремѣла наша неуклюжая двуколка. Извозчикъ плелся рысцой—на шапкѣ крестъ (дружинникъ), въ коляскѣ трое раненыхъ, одинъ совсѣмъ сползъ съ сидѣнія, на него навалился товарищъ.

— Откуда везешь?

— Отъ Скалистаго. Совсѣмъ свѣженькіе, только сейчасъ попортило пулями въ окопахъ. Да и доведу ли? Одинъ совсѣмъ кончается—икаетъ...

Въ коляскѣ страдалецъ глухо стоналъ.

На оборонительной линіи.

Поднялся на подошву Перепелиной горы. Вотъ уже и за оградой своднаго госпиталя. Здѣсь полный покой. Зданія кажутся необитаемыми и мрачными; окна плотно завѣшены, ни проблеска свѣта. По дорожкамъ безшумно идутъ больные въ желтыхъ халатахъ—спѣшатъ въ церковь.

Вхожу. Храмъ уже полонъ. Длинное, низкое, барачной постройки зданіе слабо освѣщено.

Больные все прибываютъ. Запоздали. Кого задержала перевязка, кого вечерняя визитація ординатора.

Скромно, безшумно занимаютъ они мѣста. Пестрѣютъ обвязанныя головы, руки, костыли. Лица сѣрыя, изнуренныя. Молодежи много, есть старики.

Быстро прошло, безцеремонно протискиваясь сквозь толпу, низшее госпитальное начальство, фельдшерскіе ученики—пѣвчіе.

Въ церкви тишина, нарушаемая лишь звономъ мѣдныхъ пятаковъ у выручки и громкимъ, грубоватымъ голосомъ кти-тора—смотрителя госпиталя капитана Бондарева.

Звучащій въ высокомъ тонѣ колоколь смолкъ.

Сейчасъ начнется. Все стихло, даже и у выручки, только въ открывшуюся дверь иногда доносится гулъ орудіяго вы-стрѣла.

Опоздавшіе, входя, останавливаются, невольно проникаясь торжественной тишиной, воцарившейся подъ сѣбно убогаго храма.

Уборъ церкви простъ и незатѣливъ: бѣдный сельскій храмъ—не болѣе. Но въ немъ чувствуется близость къ Тому, Который, нося въ себѣ источникъ свѣта, мира, правды и любви, жилъ такъ, какъ проповѣдывалъ, и умеръ со словами прощенія на устахъ.

Кругомъ меня раненые. Я въ толпѣ русскихъ людей, при-званныхъ сюда во имя присяги отечеству и царю страдать, надѣ-яться и умирать.

Я окруженъ ими, безропотно день въ день, ночь въ ночь созидающими и отстаивающими уже девятый мѣсяцъ мнимыя твердыни Артура.

Взоръ мой невольно скользилъ по ихъ лицамъ.

Я ищу въ нихъ выраженія скорби, муки и тоски; я хочу найти ропотъ, озлобленіе во взглядѣ, которые должны быть резуль-татомъ горестей и лишеній—неизбѣжныхъ, жестокихъ спутниковъ войны и разлуки съ родными и близкими.

Я, наконецъ, ищу тревоги, озабоченности.

Нѣтъ, я вижу только утомленіе и глубокое сознаніе, что все „это“ неизбежно, неизбежно, какъ сама вокругъ насъ вита-ющая смерть.

Я улавливаю въ ихъ взглядѣ только полное подчиненіе своего „я“, своей личной жизни волѣ Провидѣнія.

Какъ жестоко несправедливы тѣ, которые считаютъ эту сѣрую массу только „тоже людьми“.

Какъ отвратительно-гадко звучитъ снисходительное къ нимъ отношеніе, при видѣ ихъ страданій и покорныхъ смертей.

А фраза: „Да, это тоже люди“ приводитъ меня въ бѣшен-ство.

Вѣдь это люди, сѣрые, русскіе, но люди, люди, которымъ все человѣческое близко такъ же, какъ и аристократамъ ума, воли и состоянія.

И я угадываю, что они пришли сюда отдохнуть душой и въ горячѣй, искренней, безхитростной молитвѣ, исходящей изъ тайниковъ ихъ души, обновить въ себѣ иногда, кажется, уже потухающую искру надежды, что минетъ же когда-нибудь это страшное время, когда дадутъ отставку и поѣздъ помчитъ домой. Какъ весело, какъ легко будетъ жить и дышать! Мѣсяцъ дороги пролетитъ незамѣтно. Вотъ уже и родная губернія! Вотъ и городъ! Вотъ и знакомая улица, постоялый дворъ, присутствіе, гдѣ призывался, церкви! Все по старому. Потомъ, въ телѣгѣ, по большаку сворачиваемъ на родной проселокъ. Каждое деревцо, каждый камешекъ знакомъ. Рѣчка, зеленая мурава, лѣсъ шумитъ, такой сильный, здоровый. А озими, какъ хороши! — Да, вонъ и село—рукой подать!

Господи, да неужто наступитъ это время?—читаю я во взглядѣ вздохнувшего полною грудью молодого стрѣлка съ обвязанной головой и рукой на перевязи.

Онъ совсѣмъ еще мальчикъ, усы едва пробиваются — но большіе сѣрые глаза, съ выраженіемъ уже мужества и перенесенныхъ тяжелыхъ нравственныхъ и физическихъ страданій, пристально устремлены вверхъ.

Задумался онъ. Лампадка теплилась, и отблескъ ея, какъ слеза, блестѣлъ въ его зрачкѣ въ полуоборотъ обращеннаго ко мнѣ лица.

А, можетъ, то и была слеза?

— Слава Святѣй, Единосущѣй, Животворящѣй и Нераздѣльнѣй Троицѣ...—раздался вдохновенный голосъ настоятеля, отца Ѳеодора Скальскаго.

Словно тѣнь мелькнула по лицу раненаго. Не то испугъ, не то удивленіе на мгновеніе отразились на его юношескомъ, открытомъ лицѣ, обрамленномъ русой бородкой. Глаза широко раскрылись. Онъ закусилъ губу... Потянулся впередъ, занесъ было руку для крестнаго знаменія, но она не далась, испуганно посмотрѣлъ на одного товарища, на другого, взглянулъ вверхъ и медленно опустилъ голову.

Двѣ большихъ кристалльных слезы, сверкая, упали на грудь.

...Ни лѣсъ, ни рѣчка, ни широкія зеленыя поля—вовсе не родное село. Кругомъ стрѣлки, артиллеристы—товарищи раненые. Вотъ этотъ, Егоровъ, безъ ноги. Его на Кумирнскомъ редутѣ осколкомъ хватило. Думали—умреть; нога, словно туша коровья; а крови-то, крови сколько было—страсть...

— О мирѣ всего міра, о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ...—звучалъ голосъ священника задушевными, искренними нотами, въ минорномъ тонѣ.

В. В. Верещагинъ. † 30 марта 1904 г.

Раненый совсѣмъ пришелъ въ себя, истово кланялся, дѣлая пальцами неподвижно подвязанной правой руки крестное знаменье.

Я продолжалъ наблюдать. Юноша-воинъ весь ушелъ въ молитву; слова священника его вернули къ ужасной дѣйствительности переживаемаго.

Вдохновенныя молитвословія, произносимыя предстоятелемъ съ благоговѣніемъ, явственнo, не торопясь, видимо, глубоко западали въ души молящихся.

Они молились, молились такъ, какъ молятся только тамъ, гдѣ ежедневно, не часы, не дни, а мѣсяцы долгіе смерть неумолимая можетъ заключить въ свои холодныя объятія. А еще хуже—лишь прикрыть однимъ ядовитымъ крыломъ, оставивъ на всю жизнь калѣжкой безпомощнымъ.

Каждый изъ этихъ сѣрыхъ людей, тысячами умирающихъ, тысячами стонущихъ въ госпиталяхъ отъ невообразимыхъ страцій, одинъ видъ которыхъ леденитъ кровь,—тепло молились.

И вѣрилось тогда, горячо вѣрилось, что эта простая, безхитростная, задушевная мольба рядовыхъ борцовъ за честь и достоинство Россіи—будетъ услышана, что просьба ихъ дойдетъ до Всевышняго, и заслуги ихъ передъ родиной оцѣнятся по достоинству.

Душа болѣла при видѣ этихъ желтыхъ халатовъ, этихъ калѣкъ, которыхъ на родинѣ, дома, ждетъ нужда. Каждый изъ нихъ понимаетъ, что они нехотя будутъ приняты въ семьѣ—лишній ротъ. Кто скажетъ, а кто и не скажетъ, но въ душѣ то они будутъ чувствовать, что они въ тягость, обуза, лишніе. И эта пытка на всю жизнь. А за что?

— Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ... донеслось изъ алтаря.

Священникъ возвышеннымъ голосомъ, въ которомъ звенѣла струна крайняго душевнаго напряженія, читалъ Евангеліе.

Церковь замерла.

Извнѣ доносился убійственный ритмъ пулемета.

Смотрѣлъ я на этихъ людей, обреченныхъ на лишеніе и невзгоды въ грядущей безпросвѣтной и горестной судьбѣ, и слова Спасителя какъ бы укоромъ былому и надеждой въ настоящемъ продолжали звучать подъ низкими сводами госпитального храма.

Да, терпятъ они всю жизнь—и молятся!

Жестоко страдаютъ—молятся!

Умираютъ, оставляя въ нищетѣ ни въ чемъ не повинныхъ женъ и дѣтей—и имя Бога чаще, чѣмъ проклятіе, у нихъ на устахъ.

Вотъ они, эти сѣрые, темные „тоже люди“, оторванные отъ близкихъ, отъ родныхъ полей они, и только они, искренно вѣрятъ и молятся.

Вся надежда на будущее, все ихъ скромное благополучіе и личная жизнь—все въ рукахъ Того, Кто уже двѣ тысячи лѣтъ говорить о терпѣніи.

Они искренно и слѣпо вѣрили Его милосердно-терпѣливой мудрости.

Въ Артурѣ они мученически терпѣли „до конца“.

Но они „тоже люди“. Имъ „мало дано“, но они много дѣлають и мало взабѣнъ этого просятъ.

Эскадра въ западномъ бассейнѣ.

Они только просятъ вернуть здоровую прозу имъ принадлежащей земли.

Люди, которымъ „много дано“, интенсивнѣе отражая отблескъ Высшаго Разума, знаютъ, что они, въ видахъ собственной пользы, должны итти путемъ, освѣщаемымъ этимъ разумомъ.

Они прекрасно сознають, что, идя этимъ путемъ, они встрѣчаютъ все болѣе и болѣе яркіе лучи Высшаго Разума, который постепенно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, ведетъ ихъ къ нравственному и умственному совершенству.

Но большинство изъ нихъ пользуется умственнымъ превосходствомъ передъ „тоже людьми“ только въ эгоистическихъ цѣляхъ и самосовершенствуются постолку, поскольку это необходимо, чтобы удержать пріобрѣтенное какъ умственное, такъ и матеріальное благосостояніе и возможно меньше уступать ихъ „тоже людямъ“.

„Одаренные“ много думаютъ, много красиваго и умнаго пишутъ, проповѣдуютъ, увлекаютъ за собой „тоже людей“.

Но эти „тоже люди“ имъ интересны, только какъ инструменты, изъ которыхъ они извлекаютъ звуки, создавая гармонію жизни и мелодію всевозможныхъ научныхъ изысканій, религіозныхъ, философскихъ системъ и ученій.

Они даже страдаютъ и мучаются, но все это только результаты впечатлѣній отъ той, иногда крайне нестройной музыки, которая достигается путемъ игры на этихъ „тоже людяхъ“.

А для „тоже людей“ они въ большинствѣ случаевъ ровно ничего не дѣлаютъ. „Одаренные“ только слегка подкармливаютъ и подпаиваютъ ихъ всевозможными суррогатами, чтобы въ конецъ не износились и не переставали бы издавать нужные звуки для настраиванія ихъ на разные необходимые и пріятные лады.

Мысли вихремъ неслись, душа изстрадалась — и горечь, и злость, и смѣхъ, и слезы готовы были съ рыданьемъ вырваться изъ наболѣвшей груди.

Какое жестокое, какое ужасное преступленіе война!

Сколько несправедливости, страданій, слезъ и горя порождаетъ она!

Сколькохъ смертей, неописуемыхъ мукъ, кучъ мяса, грудъ труповъ мы стали уже живыми свидѣтелями!

Рѣдкій мясникъ видѣлъ столько истерзаннаго скотскаго мяса, костей, оторванныхъ конечностей, изуродованныхъ туловищъ, разбитыхъ череповъ, вывороченныхъ кишекъ, обрызганной мозгами земли и крови, крови безъ конца. И все это было человѣческое! На все мы уже безучастно смотримъ, готовые каждую минуту сами превратиться въ тлѣнь.

Я весь ушелъ въ міръ войны, въ ужасы штурмовъ, бомбардировокъ, госпиталей, у которыхъ стоятъ длинныя вереницы носилокъ. Молиться былъ не въ силахъ.

Ночь.

Темно, совсѣмъ темно.

Стоны, вопли, крики, шепотъ, проклятья, смрадъ, мольбы,

прямой запахъ крови, глухой шумъ голосовъ, громъ и грохотъ орудійной канонады, вой, свистъ летящихъ снарядовъ, громахъ взрывовъ, сатанинское урчаніе смертоносныхъ осколковъ, трескъ ружейнаго огня, убійственный ритмъ пулемета—смѣшиваются, создавая что-то чудовищно-страшное, грозное, отталкивающее.

Это какой-то надземный адъ, кошмаръ.

„Одаренные“ рѣшили воевать, а „тоже люди“, съ сѣрыми окровавленными лицами, съ блуждающими отъ боли и ужаса глазами, все прибываютъ.

Полковникъ Рашевскій.

Капитанъ 2-го ранга К. Ф. Шульцъ.

„Тоже люди“ все подносятъ искалѣченныхъ „тоже людей“. Кругомъ суетятся измученные безсмѣнной работой доктора, сестры, фельдшера, санитары—эти ангелы-хранители страждущаго міра.

— Сестрица, вотъ этому надо новый бинтъ скорѣй наложить, ужъ больно много крови теряетъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, видишь—зашиваю.

— Да кого же брать? Дохтуръ въ операционную требуетъ—нервно спрашиваетъ выбѣжавшій санитаръ.

— Бери этого — бросилъ фельдшеръ, занятый раной, изъ которой фонтаномъ бьетъ кровь.

— Мимо, братецъ, дорогой померъ—сумрачно говоритъ носильщикъ.—Носилки бы ослобонить—тамъ на позиціи недостатки.

— Ну, берите этого. Живъ еще.

Носильщики быстро поднимають.

— Ой, ой, ой, голубчики, родные, полегчай. Легче, легче. Ннн — надо! — голосомъ отъ адской боли взвыль раненый и стихъ.

Быстро подходитъ докторъ, весь въ бѣломъ, окровавленный, съ засученными рукавами, взглянулъ и отрывисто говоритъ:

— Сейчасъ кончится. Отнесите въ сторону. — Онъ поворачивается къ рядомъ лежащему, откидываетъ шинель и нащупываетъ зияющую рану.

— Господи, Господи, Господи, помилуй—шепчетъ въ полубезсознательномъ состояніи изувѣченный.

— Этого въ операціонную. — Ну, живо, братцы, раскачивайтесь!

— Сестрица, а сестрица, сердешная, этотъ вотъ отходить и руку откинулъ — растерянно, съ тупымъ выраженіемъ лица треплетъ за руку сестру маленькій стрѣлокъ (у него вся грудь въ крови). — Помоги этому — значитъ, землякъ мой; дотащилъ сюда.

Подходитъ сестра, совѣмъ, совѣмъ юная. Она успѣла уже привыкнуть къ картинамъ всяческихъ страданій, но и у ней навернулись слезы, углы губъ дрогнули. На носилкахъ лежатъ совѣмъ еще мальчикъ. Бѣлое лицо, безъ кровинки, но съ выраженіемъ жестокаго, казалось безысходнаго страданія.

Наклонилась она. Руку взяла. Умирающій другой рукой впился въ нее. Она стремится его утѣшить.

Раненый смотритъ на нее широко раскрытыми глазами, порывисто, тяжело дышитъ... Мучительная агонія въ полномъ разгарѣ.

— Ш-ш-ш...—видимо хочетъ, силится онъ что-то сказать, но выходитъ лишь свистъ и шипѣніе, а глаза, потухающіе глаза мучительно о чемъ-то молятъ...

...Надъ больнымъ наклоняется докторъ, стягивая шинель... Животъ развороченъ, какая-то каша...

Докторъ отвернулся и скороговоркой:

— Сестрица, этотъ безнадеженъ. Другіе ждутъ вашей помощи.

Порывисто вскочила та, потянувъ за собой безнадежнаго. Оторвалась отъ него и, смертельно блѣдная, съ глазами, полными слезъ, нетвердой походкой пошла къ ожидающимъ.

Все ночь еще темная.

Раненыхъ все подносятъ. Много, много ихъ. Священникъ въ эпитрахили наклоняется то здѣсь, то тамъ.

Штурмъ идетъ, канонада усиливается. Другъ друга не слышать, кричатъ.

— Да ты поставь носилки-то прямо—видишь, мается.

— Ой, маюсь, братцы, пришла смерть, здѣсь, вотъ тутотка жжетъ, охъ, испить бы...

— Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ.

Да, я... въ церкви.

На позиціи.

— Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ... — тихо, мелодично отвѣтилъ хоръ.

Желтая масса халатовъ волной опустилась на землю.

Я не могъ стоять дольше—у меня закружилась голова, и горло сдавило.

Жалость, безсиліе, беспомощность... Тяжело!

Вышелъ за ограду церкви.

Тихій вечеръ. Звѣздъ много. Народившійся мѣсяцъ какъ бы въ полуснѣ леть свой слабый свѣтъ на дремлющій Квантунъ.

Лишь на сѣверо-восточномъ фронтѣ раздаются рѣдкіе оружейные выстрѣлы. Щелкнетъ, словно хлопущка, ружейный выстрѣлъ. За-та-такаетъ и оборветъ пулеметъ. Опять все тихо. На морѣ тишь. Городъ спитъ. Кругомъ враги притаившіеся.

— ... и на земли миръ...—неотвязно звучитъ мотивъ великаго христіанскаго славословія.

Нѣтъ, никогда еще на землѣ не было мира и не будетъ, пока люди не начнутъ славить Бога не только на словахъ, но и на дѣлѣ.

Объ этомъ теперь можно только мечтать.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

2 октября.

„... Въ виду неудачи первой вылазки рѣшено было сдѣлать новую попытку произвести съ форта № 2 развѣдку... Охотниковъ собралось 62 человекъ и 5 саперъ. Руководителемъ вылазки взялся быть бывший штурманъ дальняго плаванія, прапорщикъ флота Алалыкинъ...

... По плану, Алалыкинъ со стрѣлками долженъ былъ пробраться съ лѣвой стороны форта, какъ менѣе наблюдаемой противникомъ; два сапера съ надрывными патронами, въ 18 ф. пироксилина каждый, должны были итти сзади, остальные 3 сапера, также съ патронами, вышли по лѣстницамъ, выходящимъ въ углу форта къ проволочной сѣти расположенной по гласису, и отсюда должны были броситься вмѣстѣ съ двумя, шедшими слѣва по гласису, стараясь отыскать минные колодцы и подорвать ихъ въ то время, когда охотникамъ-стрѣлкамъ удастся отгнать японцевъ изъ ближайшей параллели.

Въ 12 ч. ночи съ форта II-го произвели условный выстрѣлъ изъ миннаго аппарата миной Уайтхеда съ 70 ф. пироксилина.—Раздался страшный взрывъ—повидимому, мина не попала въ окопы... и черезъ 10 минутъ японцы снова принялись за работу.. По этому сигналу, охотники должны были, обогнувши фортъ, двинуться на японскія параллели.

... Прошло 10-15 томительныхъ минутъ... раздалось 6-7 выстрѣловъ... все стихло.

Черезъ полчаса вернулись люди, а за ними чуть **не плачущій** Алалыкинъ. Оказалось, что послѣ того, какъ съ японскаго поста послѣдовали выстрѣлы, ранившіе 2 охотниковъ, остальные повернули назадъ, и когда Алалыкинъ обернулся, то увидѣлъ, что остался съ 3 матросами, и, конечно, принужденъ былъ вернуться обратно.

Вылазки снова потерпѣли полную неудачу—ужъ очень ослабѣли нервами нашъ солдатикъ, въ немъ нельзя узнать прежняго легендарнаго русскаго воина. Обидно, придется итти впередъ нашими контръ-минами на **ощупь**“.

Я не могу согласиться съ покойнымъ Сергѣемъ Александровичемъ.

Не нервами ослабъ нашъ „солдатыкъ“, въ немъ живъ еще духъ суворовскихъ чудо-богатырей.

Не то!

Съ нашимъ солдатомъ-воиномъ нужно умѣть обращаться.

Не нужно забывать, что эта „безотвѣтная сѣрая скотинка“ хоть и немного, но умственно и духовно постепенно развивается.

Взрывъ пироксилина.

Не нужно забывать, что она уже полуграмотная. Нужно помнить, что она уже понемногу начинаетъ относиться критически ко всему вокругъ происходящему.

Приказъ генерала Стесселя по адресу поручика **Ендрежіевскаго** глубоко запалъ въ души стрѣлковъ.

Они и такъ, благодаря ненормальному теченію нашей войсковой жизни, большей частью лишь боятся, но не любятъ и не довѣряютъ своимъ офицерамъ.

Стессель же своимъ глумленіемъ надъ геройски-храбрымъ **Ендрежіевскимъ** усилилъ это недовѣріе къ офицерамъ вообще, а къ офицерамъ, вызывающимъ ихъ на дѣло крайне рискованное, въ частности.

А вѣдь жить и жить подольше всѣмъ хочется. Все равно какъ, но лишь бы жить.

Для того, чтобы *подвигнуть* нижнихъ чиновъ на героизмъ, нельзя глумиться надъ офицерами, съ которыми они идутъ умирать.

„Нашъ крестьянинъ до такой степени изголодался,—пишетъ одинъ изъ величайшихъ современныхъ русскихъ умовъ ¹⁾,—что военныя качества русскаго солдата непремѣнно должны были понизиться, и заслуживаетъ величайшаго удивленія та стойкость, которую все-таки обнаружилъ русскій солдатъ на Дальнемъ Востоѣ“.

Совершенно и безусловно вѣрно.

Не говоря уже про хроническое недоѣданіе на землѣ, артурскій крестьянинъ-воинъ давно уже въ самой крѣпости началъ питаться очень умѣренно, при максимумѣ физическаго и душевнаго напряженія.

Что же удивительнаго, если онъ издергался и пересталъ быть упругимъ?

Съ одной стороны, ненормальное питаніе, люди физически слабѣютъ.

Съ другой стороны—люди духовно (въ военномъ отношеніи) растлѣваются нетактичными, дикими выходками старшаго начальника.

Удивительно ли, что солдатъ нашъ началъ терять обликъ легендарнаго воина?

Люди, умиравшіе отъ ранъ, цынги, истощенія, долбимые, какъ въ ступѣ, снарядами—защищались.

Защищались до тѣхъ поръ, пока не приказали имъ положить оружіе и сдаться.

Русскіе люди, потерявъ обликъ легендарнаго воина, создали артурскаго страстотерпца.

3-е октября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

3 октября.

Копію.

Вылазка съ форта 2 не удалась.

Передъ фортомъ 2 и Куропаткинскимъ люнетомъ японцы въ мертвомъ пространствѣ усиленно работаютъ. Удерживать свои окопы тяжело.

Капитанъ Головань.

4 часа 20 м. утра.

¹⁾ Г. В. Плехановъ. Дневникъ, № 1. Мартъ 1905 г. Мукденъ.

Капониръ 3 въ орудійномъ огнѣ. Все разрушено. Держаться трудно. Надѣются удержать.

Капитанъ Головань.

3 часа 20 м. дня.

Стрѣлковая капитана Мошинскаго ¹⁾ батарея подбила два орудія, стрѣлявшія по городу.

Мичманъ Вонлярьскій.

5 час. 40 м. вечера.

Передняя часть капонира 3 взята японцами. Приказано отобрать.

Капитанъ Головань.

5 час. 50 м. вечера.

Наши занимаютъ заднюю часть капонира 3. Лѣвая передняя горитъ, правая въ рукахъ японцевъ. У нихъ метательный минный аппаратъ, пулеметы, бомбочки. Выбить трудно.

Капитанъ Головань.

10 час. 40 м. вечера.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

3 октября.

Копи.

Развѣдчики 26 полка ²⁾, подъ командой заурядъ-прапорщика Макурина, подползли къ непріятельскимъ окопамъ и, забросавъ бомбочками, заставили бѣжать. Испортили окопъ на 700 шаг. Забрали шанцевый инструментъ.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

6 час. 20 м. утра.

На западномъ фронтѣ безъ перемѣнъ.

Капитанъ Романовскій.

9 час. 55 м. утра.

Выписка изъ дневника Рашевского.

3 октября.

„День неудачъ: прежде всего, въ нашей лѣвой галлерей образовался провалъ, и изъ нея мы увидѣли ясное небо... Пришлось задѣлать чуть ли не на сажень готовой галлерей и опуститься сразу колодцемъ до материка.

... Очень скоро подъ выстрѣлами изъ осадныхъ мортиръ и 150 м/м пушекъ рухнули блиндажи на капонирѣ № 3, придавивши

¹⁾ Стрѣлковая батарея, подъ командой капитана Мошинскаго, отличалась въ теченіе всей осады замѣчательно мѣткой и удачной стрѣльбой.

²⁾ Полкъ флигель-адъютанта Семенова.

бывшихъ въ нихъ людей; начались пожары упавшихъ покрытій, и весь капониръ заволокло дымомъ... а еще болѣе отъ рвавшихся гранатъ...

... Комендантъ донесъ, что держаться не можетъ, и ему разрѣшено было очистить укрѣпленіе... Когда огонь утихъ, приказано было снова занять капониръ, но японцы засѣли въ передней его части, втащили сюда пулеметъ и отбили нашу попытку взять капониръ обратно. Но наши такъ и остались въ тыловой части капонира до поперечнаго хода сообщенія къ орудію, стоявшему на самой горбушкѣ горки, занятой капониромъ...

... За день мы потеряли 14 убитыми, 137 ранеными..."

4-е октября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

4 октября.

Копіи.

Кaponиръ 3 въ прежнемъ положеніи. Удерживать его трудно—обстрѣливается съ фланговъ и тыла.

Капитанъ Головань.

4 часа 25 м. утра.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

4 октября.

Копіи.

На западномъ фронтѣ безъ перемѣнъ.

Капитанъ Романовскій.

9 час. 35 м. утра.

Замѣченъ полетъ шара надъ Золотой горой къ бухтѣ „то кораблей“.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

5 час. дня.

7 часовъ вечера. Въ лощинѣ между Кумирнскимъ и Водопроводнымъ редутами сосредоточивается противникъ.

Японцы (видимо) подняли страшнѣйшій шумъ, гамъ, крикъ, смѣхъ.

Колонны двинулись, шумя, впередъ, съ такимъ же шумомъ къ подошвѣ укрѣпленія 3.

Орудійный огонь ближайшихъ батарей отогналъ назадъ къ деревнѣ Палиджуанъ, откуда поспѣшно отошли къ Шуйшину. Потери большія.

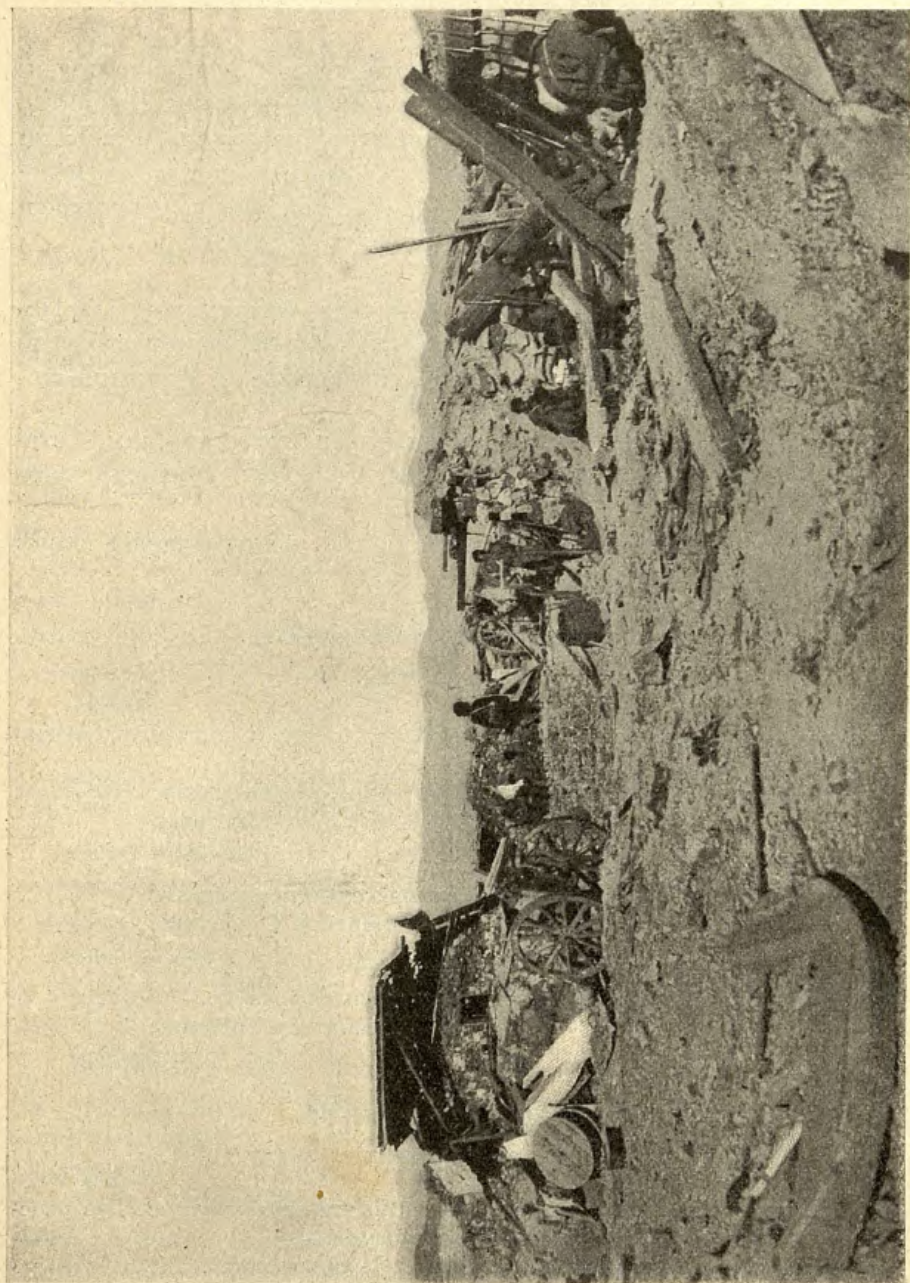
Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

8 час. вечера.

Замѣчено передвиженіе на нашъ правый флангъ.

Штабсъ-капитанъ Баумъ.

6 час. 50 м. вечера.

Куропаткинский люнетъ послѣ октябрьскаго штурма. Снимокъ полковника С. А. Рашевскаго.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

4 октября.

„На форту II минныя работы наладились и успѣшно подвигаются подъ непосредственнымъ наблюдениемъ поручика Рейнбота, Японцы, видимо, ведутъ мину съ открытаго капонира № 2. Нижніе чины замѣтили, что они выносятъ откуда-то землю въ мѣшкахъ. Принимаемъ также мѣры для усиленія форта искусственными препятствіями, вдоль бормы ставимъ штурвалы

... Вмѣсто начальника нашего праваго фланга генерала Надѣина, назначенъ генераль Гербатовскій. Мы всѣ привѣтствовали эту замѣну, т. к. послѣдній гораздо подвижнѣе и энергичнѣе“.

Генераль Надѣинъ преклоннаго возраста, почтенный старецъ, герой турецкой кампаніи, былъ на время командированъ на с.-в. фронтъ.

Генераль Гербатовскій отдыхалъ отъ переутомленія послѣ августовскихъ штурмовъ.

5-е октября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы. *)

5 октября.

Копія.

Ночью японцы обстрѣливали Китайскія ворота и противостурмовыя орудія.

Съ редута 2 и капонира 3 открыли огонь, мѣшая нашимъ работамъ.

Капитанъ Головань.

5 час. 35 м. утра.

Правѣ Широкой горы идутъ густыя колонны японцевъ.

Лейтенантъ Сухомлинь.

5 час. вечера.

День прошелъ на с.-в. фронтъ относительно покойно.

Капитанъ Головань.

9 час. 30 м. вечера.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

5 октября.

Копія.

Вчера конные охотники открыли огонь по партіи муловъ. Два раненыхъ прибѣжали къ намъ. Закололи въ пищу.

Укрѣпленіе позиціи идетъ успѣшно. Перемѣнъ нѣтъ.

Капитанъ Романовскій.

10 час. утра.

*) Всѣ телефонограммы отъ начальствующихъ и наблюдающихъ лицъ направлялись въ штабъ крѣпости.

Рекогносцировка восточнаго фронта.

5-го октября въ 6 часовъ утра комендантъ крѣпости съ контръ-адмираломъ Виреномъ, въ сопровожденіи начальника штаба подполковника Хвостова и личного адъютанта подпоручика Гамаря, отправился въ районъ передовыхъ частей восточнаго отряда генераль-маіора Горбатовскаго съ цѣлью лично произвести рекогносцировку ближайшихъ подступовъ противника къ форту и укрѣпленію № 3. Обходъ генерала, въ сопровожденіи генерала Горбатовскаго, полковника Мехмандарова и другихъ, начался со Скалистаго гребня, прекраснаго наблюдательнаго пункта. Отсюда комендантъ крѣпости, укрываясь за камнями, наблюдалъ за ходомъ земляныхъ работъ противника. Съ высоты развернулась картина расположенія какъ нашихъ, такъ и непріятельскихъ траншей послѣ послѣдняго штурма открытаго капонира № 3. Захватъ части капонира III-го ничего тревожнаго для насъ не представлялъ, въ виду господства надъ нимъ Китайской стѣнки и самого Скалистаго кряжика. Сгорѣвшіе и разрушенные блиндажи капонира еще продолжали тлѣть и дымиться. Здѣсь наши стрѣлки сошлись съ врагомъ почти лицомъ къ лицу, имѣя нейтральную полосу лишь въ 20—25 шаговъ.

Прикрываясь мѣшками, противникъ упорно, пядь за пядью, продолжаетъ сапную работу. Вонъ свѣжая земля непрерывно выбрасывается изъ глубокихъ траншей, скрывающихъ самихъ рабочихъ; лишь изрѣдка мелькаетъ лопата или черная фуражка.

По ходамъ сообщенія то тутъ, то тамъ пробѣжитъ одинъ, другой одѣтый въ черное японецъ, привлекая на себя одиночные ружейные выстрѣлы изъ нашихъ окоповъ.

Въ общемъ, все тихо, спокойно, благодаря раннему часу. На Скалистый прибыли также генераль Кондратенко и полковникъ Григоренко.

Выслушавъ подробный докладъ о ходѣ работъ, генераль Смирновъ приказалъ начальнику инженеровъ перегородить капониръ передъ его горжей ретраншаментомъ, спустился въ лошину между фортомъ и укрѣпленіемъ № 3. Въ цѣляхъ не навлечь на себя усиленный огонь противника, залегшаго шагахъ въ 100, пришлось лошину перебѣгать по одиночкѣ; рѣдкій ружейный огонь поддерживался противникомъ почти все время.

Поднявшись вдоль бойницъ изъ мѣшковъ къ укрѣпленію № 3, комендантъ крѣпости изъ бойницъ наблюдалъ за новыми окопами, возведенными противникомъ послѣ послѣдняго штурма;

бѣлые, свѣжіе еще мѣшки, окаймлявшіе сѣверный скатъ форта № 3, скрывали залегшаго врага.

Затѣмъ, перебѣжавъ перекинутый черезъ наружный ровъ мостъ, вошли въ укрѣпленіе № 3, пережившее наканунѣ силь-

Полковникъ Лаперовъ.

нѣйшую бомбардировку 11-и 6-дюймовыми снарядами. Весь плацъ былъ вспаханъ массой падавшихъ и рвавшихся снарядовъ; всюду были разбросаны обгорѣвшія бревна, доски (остатки разрушенныхъ блиндажей), гильзы, неразорвавшіеся снаряды... Но, не

взирая на это, все, начиная съ коменданта укрѣпленія капитана Шеметилло и кончая послѣднимъ стрѣлкомъ и артиллеристомъ, говорило за то, что всѣ грядущія грозы защитники перенесутъ такъ же бодро и стойко, какъ и предыдущіе ожесточенные натиски непріятеля. Всѣ смѣло и хладнокровно ожидали своей участи, отчетливо сознавая, что еще минута—и кого-нибудь не станетъ.

Едва только комендантъ крѣпости, поблагодаривъ всѣхъ за трудную боевую службу, спустился къ Курганной батарее, какъ на дворѣ укрѣпленія, только что покинутого, разорвался одиннадцатидюймовый снарядъ, за нимъ второй—началось обыденное обстрѣливаніе фортовъ, города и порта. Во время осмотра укрѣпленія III-го прибылъ начальникъ артиллеріи крѣпости генералъ Бѣлый, задержавшійся на Заредутной батарее. Посѣтивъ Курганную батарею, осмотрѣвъ всѣ поврежденія, причиненныя наканунѣ 11-дюймовыми снарядами, давъ указанія командиру крѣпостной артиллеріи относительно артиллерійской борьбы противъ упорно возводимыхъ противникомъ земляныхъ крытыхъ подступовъ,—комендантъ крѣпости спустился къ штабу восточнаго отряда, осмотрѣвъ по пути новую мортирную батарею и вблизи ея скорострѣльные пушки.

Послѣ продолжительнаго совѣщанія съ начальниками различныхъ отдѣловъ, Смирновъ вернулся домой.

6-е октября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

6 октября.

Копія.

Ночь на восточномъ фронтѣ прошла покойно.

Полковникъ Покладъ.

2 часа утра.

Ночью японцы стаскивали проволочную сѣть съ гласиса форта 3. Донесли секреты съ капонира 3.

Передъ фортомъ 2 японцы производятъ, судя по звукамъ, плотничьи работы.

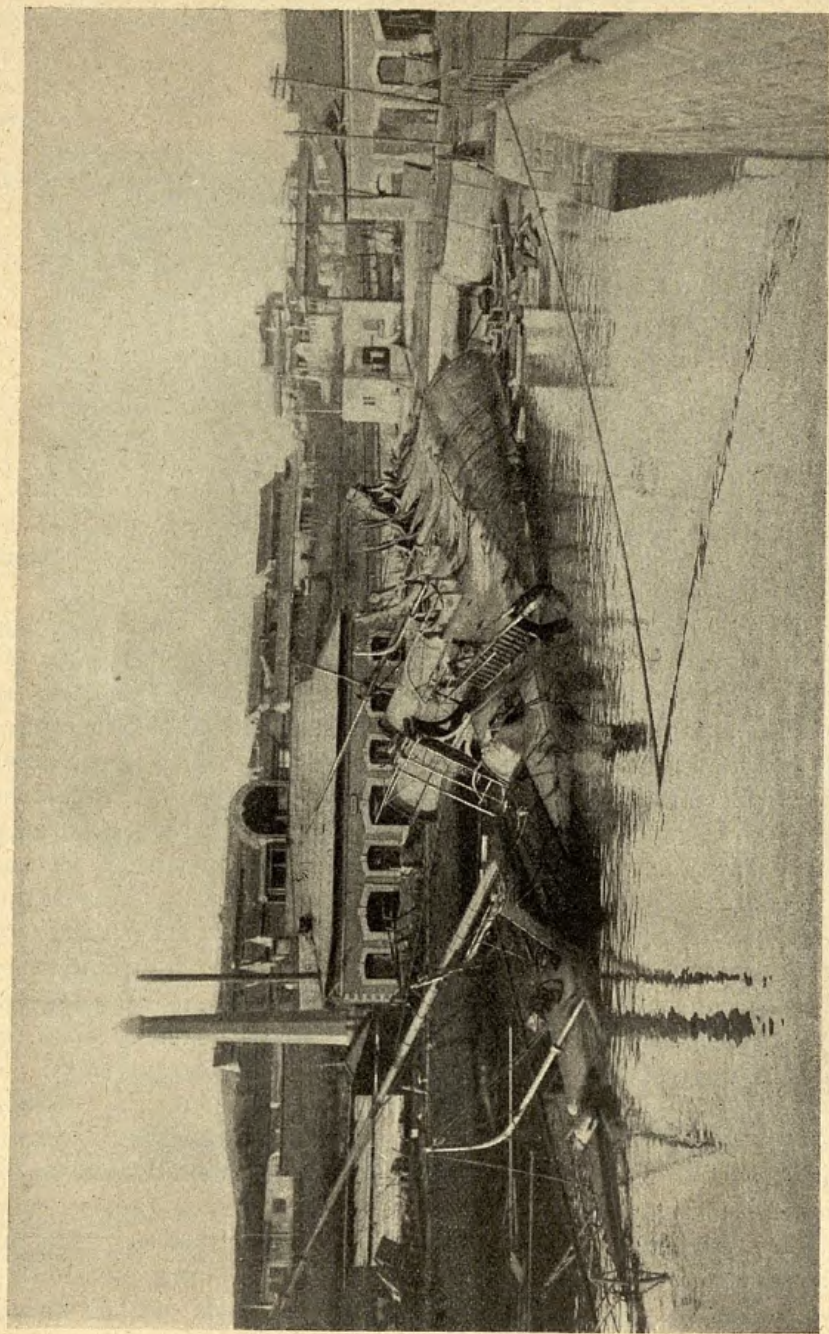
Капитанъ Головань.

5 час. 20 м. утра.

За Сахарной Головой показался баталіонъ. Заредутная батарея открыла огонь.

Капитанъ Головань.

2 часа 50 м. дня.

Минный крейсеръ „Амуръ“ въ докѣ.

Съ Орлинаго Гнѣзда замѣчено движеніе колоннъ къ пѣверстѣ. То же было передъ заходомъ солнца. По всему фронту рѣдкая орудійная стрѣльба.

Капитанъ Головань.

7 час. 30 м. вечера.

Съ утра были видны группы японцевъ, работавшія въ квадратѣ 472 П востлѣ 4 орудій, повидимому 120 м/м. калибра, поставленныхъ попарно вправо и между стоящими тамъ же 6-или 8-дюймовыми орудіями. Эти 120 м/м. орудія, повидимому, тѣ самыя, которыя обстрѣливали 3-й фортъ и 3-е укрѣпленіе при послѣднемъ штурмѣ 3-го капонира. По работавшимъ нѣсколько разъ стрѣляла Перепелиная гора, но они упорно послѣ каждого раза опять собирались. Около 10 час. утра отъ бухты „Десяти кораблей“ вышли 105 человекъ, ведя въ поводу лошадей, и прошли, обогнувъ высоту въ квадратѣ 380 Ф, на полуостровъ между бухтой Луиза и „Десяти кораблей“. Вскорѣ послѣ полудня батарея 594 П¹⁾ начала обстрѣливать бассейнъ и сдѣлала 23 выстрѣла, ей отвѣчали № 20-й изъ крупновской пушки, № 22-й и Стрѣлковая²⁾. Передъ заходомъ солнца около роты японцевъ въ черныхъ плащахъ прошли дорогой отъ деревни Хоулиеръ къ дер. Мьеръ и вошли въ послѣднюю; часть изъ нихъ, было видно, прошла влѣво къ окопамъ въ квадратѣ 593 подъ Волчьими горами, откуда у нихъ дорога въ деревню Дапалиджуанъ, а куда прошла другая часть, осталась ли она въ деревнѣ, затемнотю опредѣлить не удалось. Около 5 часовъ вечера болѣе 30 носилокъ съ людьми были пронесены за Волчьи горы по дорогѣ въ квадратѣ 503 А и „К“. Въ теченіе всего дня массоваго движенія по Мандаринской дорогѣ не замѣчалось, но одиночные люди спускались почти все время, хотя довольно рѣдко.

Лейтенантъ Ромашевъ.

9 час. вечера.

Наблюдательный постъ Волчья гора.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

6 октября.

Копія.

На западномъ фронтѣ безъ перемѣнъ.

Капитанъ Романовскій.

10 час. 15 м. утра.

Въ предгорьяхъ Высокой и деревнѣ „Безъ названія“ движеніе усилилось.

Капитанъ Романовскій.

4 часа 20 м. дня.

Приказъ о фурулейтахъ.

Генераль-адъютантъ, отдавши приказъ о появившемся тифѣ, былъ крайне огорченъ, что ни комендантъ крѣпости, ни предсѣдатель городского совѣта не протестовали, а крайне хладнокровно

1) Японская. 2) Капитанъ Мошинскій.

отнеслись къ его завѣдомой лжи и, видимо, мало были тронуты дерзкимъ приказомъ.

Природа же генерала требовала кипучей дѣятельности. Но работы нѣтъ. Нѣтъ работы! Надо выдумать. Выдумать не трудно. Стоитъ выѣхать въ городъ и встрѣтить фурлейтовъ. Выѣхалъ, встрѣтилъ—и матеріаль для приказа готовъ.

Октября 6-го дня, 1904 года. Кр. Портъ-Артуръ.

№ 743.

Сего числа мною были встрѣчены: 1) Квантунскаго флотскаго экипажа 6-й роты матросы Сергѣй Усаковский и Владиславъ Михалевичъ — гнали повозку во весь духъ, подстегивая мула. Командующему Квантунскимъ флотскимъ экипажемъ съ виновныхъ взыскать.—2) 28-го полка обозъ въ рѣдкомъ безпорядкѣ и опять безъ старшаго; лошади облѣплены грязью, одинъ конюхъ правилъ не своей повозкой, а хозяинъ сидѣлъ на другой повозкѣ; видно, что приказъ не желаютъ исполнять. Ротный командиръ нестроевой роты отрѣшается отъ командованія ротой, завѣдующаго хозяйствомъ подполковника Даль арестовываю на 7 сутокъ домашнимъ арестомъ, командующему полкомъ подполковнику Надхину объявляю выговоръ. 3) 13-го полка обозъ шелъ въ порядкѣ; старшій нестроевой роты Иванъ Шадринъ, ѣдучи впереди, **разумѣется, не видѣлъ**, что конюхъ стрѣлокъ Иванъ Романовичъ, сидя на патронной двуколкѣ съ патронами, курилъ. Командиру полка на стрѣлка Романовича наложить взысканіе.

4) 3-й батареи 4-ой бригады Борисъ Корнилевичъ—**ѣхалъ карьеромъ верхомъ на лошади, отговариваясь, что она понесла, но сразу ее остановилъ**. Командиру батареи взыскать съ виновнаго и 5) 4-ой роты 26-го полка Михаилъ Кожухъ и нестроевой роты 15-го полка Германъ Кыгмановъ **гнали лошадей по городу во весь духъ**. Командирамъ полковъ ставлю на видъ, а съ виновныхъ взыскать.

Генераль-адъютантъ Стессель.

Съ подлиннымъ вѣрно: полковникъ Рейсъ.

Вотъ какую многообразную и энергичную дѣятельность проявлялъ генераль.

Дѣйствительно, что можетъ быть возмутительнѣй, когда въ осажденной крѣпости одинъ конюхъ *правитъ не своей повозкой, а хозяинъ сидитъ въ другой повозкѣ?*

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

6 октября.

„...Наконецъ-то начальник сухопутной обороны ¹⁾, а за нимъ, конечно, всѣ прочіе согласились избѣгать сплошныхъ про-

¹⁾ Генераль Кондратенко.

тивошрапнельныхъ прикрытій надъ головами стрѣлковъ, очень опасныхъ въ смыслѣ потерь при попаданіи въ нихъ снарядовъ, такъ и въ смыслѣ вреднаго ихъ вліянія на нравственное состояніе защитниковъ, сидящихъ въ западнѣ, изъ-подъ которой онъ видитъ черезъ узкую бойницу лишь незначительный кусочекъ впереди себя, почему совершенно не можетъ отдать себѣ отчета въ происходящемъ впереди себя...

7-е октября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

7 октября.

Копія.

Ночь на с.-восточномъ фронтѣ и восточномъ прошла покойно.

Капитанъ Головань.

7 час. утра.

Съ наступленіемъ утра было замѣчено около 100 японцевъ, работавшихъ у морскихъ орудій; сегодня самыхъ орудій видно не было. Послѣ каждаго удачнаго выстрѣла разбѣгались. Работали весь день.

Лейтенантъ Ромашевъ.

9 час. 10 м. утра.

Крестовая обстрѣливается 11" мортирой.

Мичманъ Вонлярлярскій.

11 час. 35 м. утра.

Обстрѣливается 11" мортирами лит. А. Снарядъ совершенно разрушилъ блиндажъ.

Капитанъ Головань.

1 часъ 15 м. дня.

На 3 участкѣ покойно; раненъ стрѣлокъ 6 роты 25 полка. На лит А убитъ одинъ, ранено 2.

Полковникъ Покладъ.

2 часа дня.

Обстрѣливались Золотая гора и лит. А. Послѣ полудня до вечера рѣдкими группами по дорогѣ за Дагушанъ прошло болѣе 100 человекъ съ малиновыми перевязями; у нѣкоторыхъ изъ нихъ были въ рукахъ сложенные посылки.

Лейтенантъ Ромашевъ.

4 часа 20 м. дня.

Командиръ форта 2 доноситъ, что съ 2 часовъ дня изъ-за гласиса непріятель бросаетъ на фортъ бомбы. Въ теченіе получаса брошено 8 бомбъ, изъ нихъ пять упало въ ровъ, при чемъ легко раненъ саперъ, и по одной бомбѣ разорвалось на гласисѣ бруствера и на внутреннемъ дворикѣ форта. Надъ лѣвой минной галлереей японцы, повидимому, ведутъ земляныя работы,

такъ какъ подъ этимъ мѣстомъ поручикомъ Рейнботомъ услышанъ стукъ кирока. Батарея лит. Б открыла по гласису огонь. Изъ батареи сообщили, что мѣсто, съ котораго ведется стрѣльба минами, замѣчено.

Непріятель прекратилъ бросаніе бомбъ.

Капитанъ Головань.

5 час. вечера.

Скалистый Кряжъ.

Работы по укрѣпленію продолжались на всѣхъ участкахъ. Отъ 11 версты тянули орудіе на канатахъ.

Около 6 час. вечера отъ 11 версты прошли двѣ колонны къ намъ. Изъ-за Сахарной Головы тоже. Наша артиллерія открыла огонь.

Капитанъ Головань.

6 час. 10 м. вечера.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

7 октября.

Копію.

На западномъ фронтѣ безъ перемѣнъ.

Укрѣпленіе 5 мѣшало японцамъ работать.

Капитанъ Романовскій.

9 час. 50 м. утра.

Въ расположеніи передовыхъ частей безъ перемѣнъ.

Наблюдалось движеніе въ окопахъ впереди дер. „Безъ названія“ на предгоріяхъ Высокой.

Капитанъ Романовскій.

3 часа 30 м. дня.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

7 октября.

Вылазка.

„... Въ 3 часа ночи состоялась вылазка съ форта II... Организациія вылазки поручена была мнѣ, такъ какъ главной ея цѣлью была развѣдка работъ непріятеля, ближайшихъ къ форту. Участвовало въ вылазкѣ 40 стрѣлковъ и 5 саперъ. Въ виду неудачи двухъ предшествовавшихъ вылазокъ, задача этой третьей сужена была насколько возможно: людямъ приказано было обѣжать подошву гласиса и его скаты, обрушиться на головы 3-хъ непріятельскихъ подступовъ; если возможно, испортить работы противника и, не вдаваясь въ преслѣдованіе, тотчасъ же возвращаться обратно. 25 стрѣлковъ съ 3 саперами, подъ командой заурядъ-прапорщика **Марченко**, должны обойти фортъ слѣва и залечь скрытно на гласисѣ. Прапорщикъ **Марченко**, доброволецъ,

участникъ кампаніи 77—78 гг., имѣвшій уже за эту кампанію всѣ 4 степени георгіевскаго креста, шелъ съ твердымъ намѣреніемъ достигъ поставленной цѣли, серьезность которой онъ вполне сознавалъ.

Другая часть, подъ командой унтеръ-офицера **Березовскаго**, должна была пробраться черезъ проволочную сѣть, расположенную по гласису праваго фаса, и также безмолвно залечь здѣсь въ ожиданіи сигнала къ общему наступленію обоихъ отрядовъ.

Брандмейстеръ Вейканентъ. Полицейстеръ Тауцъ.

Зданіе полицейскаго управленія, пронизанное одиннадцатидюймовымъ снарядомъ.

Сигналомъ къ общему наступленію долженъ былъ послужить лучъ прожектора, наведенный на ближайшую къ намъ вершину Дагушаня. Въ первый разъ лучъ прожектора долженъ былъ быть наведенъ въ $2\frac{3}{4}$ ч. ночи, какъ предупрежденіе о томъ, чтобы всѣ были готовы, а второе наведеніе, ровно въ 3 часа, было сигналомъ общаго наступленія; послѣ этого сигнала оба отряда одновременно должны были броситься наискосокъ по гласису прямо къ намѣченной цѣли. При такомъ движеніи мы рассчитывали не попасть сразу же подъ огонь пулеметовъ, которые въ предыдущія вылазки работали по направленію исходящаго угла гласиса и вдоль боковыхъ овраговъ по сторонамъ форта.

До момента обнаруженія японцами нашего движенія не должно было быть сдѣлано ни одного намѣреннаго выстрѣла, кромѣ обычной ежедневной стрѣльбы по подступамъ и постамъ. Но какъ только японцы откроютъ огонь по вылазкѣ, орудія и стрѣлки нашихъ сосѣднихъ укрѣпленій должны были немедленно обстрѣливать японскіе окопы, не ближе извѣстнаго направленія къ подошвѣ гласиса, дабы отвлечь ихъ огонь. Въ то же время съ прикрытаго пути исходящаго угла долженствовала быть произведена демонстрація, состоящая въ томъ, что

Капитанъ Волковъ.

Капитанъ Б. Л. Миняевъ.
(Воспитанникъ Псковскаго корпуса).

поверхъ гласиса должны были приподниматься чучела и забрасываться на проволочную сѣть камни на веревкахъ, какъ будто мы намѣреваемся двинуться съ центра, а не съ боковъ. Такъ какъ всѣ участники вылазки заранѣе ознакомлены были съ мѣстомъ дѣйствія и цѣлью вылазки, то почти все удалось, какъ было расчитано. Вылазка была совершенно неожиданна для японцевъ, и, когда наши выскочили въ головы подступовъ, то ихъ (японцевъ) охватила полная паника. Я съ гласиса ясно слышалъ ихъ крики, выражавшіе величайшій испугъ, да и встрѣтили они вылазку сравнительно очень рѣдкимъ ружейнымъ огнемъ; пулеметы же вначалѣ вовсе не работали.

Послѣ криковъ японцевъ раздалось кротковременное „ура“, а затѣмъ, по прошествіи 5—10 минутъ, наши показались у кор-

дона капонира, куда они кинулись, испугавшись того, что японцы опомнились и начали работать их пулеметы. Вскорѣ, однако, наши успокоились и благополучно не спѣша обогнули капониръ и по лѣстницамъ спустились въ ровъ.

По опросу участниковъ опредѣлилось, что японцы, видимо, ведутъ подъ капониръ форта II галлерей—одна по оси капонира, а другая лѣвѣе, на лѣвый исходящій уголъ, справа же ихъ минныхъ работъ не обнаружено.

Головы галлерей найдены прикрытыми блиндажами, въ одинъ изъ которыхъ саперъ успѣлъ бросить 6-фунтовый пироксилиновый патронъ. Въ лѣвомъ блиндажѣ замѣченъ отблескъ огонька, будто бы свѣтящагося вдали.

У насъ 3 убитыхъ, 7 раненыхъ, въ томъ числѣ, къ общему огорченію, **тяжело раненъ** прапорщикъ **Марченко**.

По добытымъ результатамъ вылазка оказалась очень удачной, теперь наши контръ-минныя работы не будутъ вестись болѣе на ощупь, какъ это было до сихъ поръ...“

8-е октября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

8 октября.

Копія.

Ночь прошла покойно; въ укрѣпленіи позиціи противникъ вслѣ работы передъ капониромъ 2, Куропаткинскимъ люнетомъ, фортомъ 3 и укрѣпленіемъ 3. Наша артиллерія поддерживала рѣдкій огонь.

Капитанъ Головань.

8 час. 10 м. утра.

За ночь съ 7-го на 8-ое непріятель два раза стрѣлялъ изъ крупнокалиберныхъ орудій.

Въ 7 час. 30 м. два выстрѣла по Крестовой.

Съ 1 часа ночи до 3-хъ 20 снарядовъ въ бассейнъ. Отвѣчала Стрѣлковая, хребетъ Дракона (и т. д.).

Раннимъ утромъ японцы исправляли телефонъ къ батарее квадрата 72 П.

Лейтенантъ Ромашевъ.

8 час. 50 м. утра.

Подполковникъ Раздольскій доноситъ:

Замѣчено отъ 11 версты движеніе трехъ колоннъ по 100 человѣкъ. Японцы вырыли окопъ противъ капонира № 2 въ 60 шагахъ. Повидимому, окопъ соединяется съ окопомъ, идущимъ за редутомъ № 1.

Вчера 600 снарядовъ на фортъ 3-ій.

Капитанъ Головань.

12 час. дня.

На восточномъ фронтѣ днемъ благополучно.

Рѣдкій огонь противника. Комендантъ Куропаткинскаго люнета донесъ, что 4 стрѣлка 6 роты 25 полка вылазкой взорвали японскій блиндажъ правой половины окопа форта 2, ранили тамъ японцевъ, принесли переносный щитъ часового.

Японцы въ 100 шагахъ отъ форта 3 и въ ближайшемъ окопѣ роютъ колодезь.

Работы по укрѣпленію идутъ успѣшно.

Капитанъ Головань.

2 часа 40 м. дня

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

8 октября.

Копія.

На западномъ фронтѣ ночь прошла покойно. Съвернѣе позиціи Соловьева производились работы на горкѣ.

Слышенъ шумъ повозокъ.

Капитанъ Романовскій.

8 час. 20 м. утра.

На западномъ фронтѣ покойно. Замѣчена смѣна ротъ.

Капитанъ Романовскій.

9 час. утра.

Выписка изъ дневника инженеръ-полковника С. А. Рашевского.

8 октября.

„...Окопы японцевъ появляются вездѣ, откуда они могутъ обстрѣливать какую-нибудь дорожку или уголокъ нашей позиціи. Между фортомъ II и укрѣпленіемъ III и желѣзной дорогой буквально нигдѣ нельзя показаться безъ риска быть подстрѣленнымъ.

Наши контръ-апрошныя окопы подвигаются **невозможно** медленно; **русскій солдатъ предпочитаетъ быть лучше убитымъ, чѣмъ работать или отказать себѣ во снѣ, въ этомъ отношеніи онъ совершенное дитя, многіе офицеры не лучше; у японцевъ же окопы растутъ въ одну ночь, какъ грибы.**

Умеръ герой вчерашней вылазки прапорщикъ **Марченко**, всѣ страшно жалѣемъ его...”

Я опять не могу согласиться съ покойнымъ героемъ **Ишевскимъ**.

Дитя русскій солдатъ?!

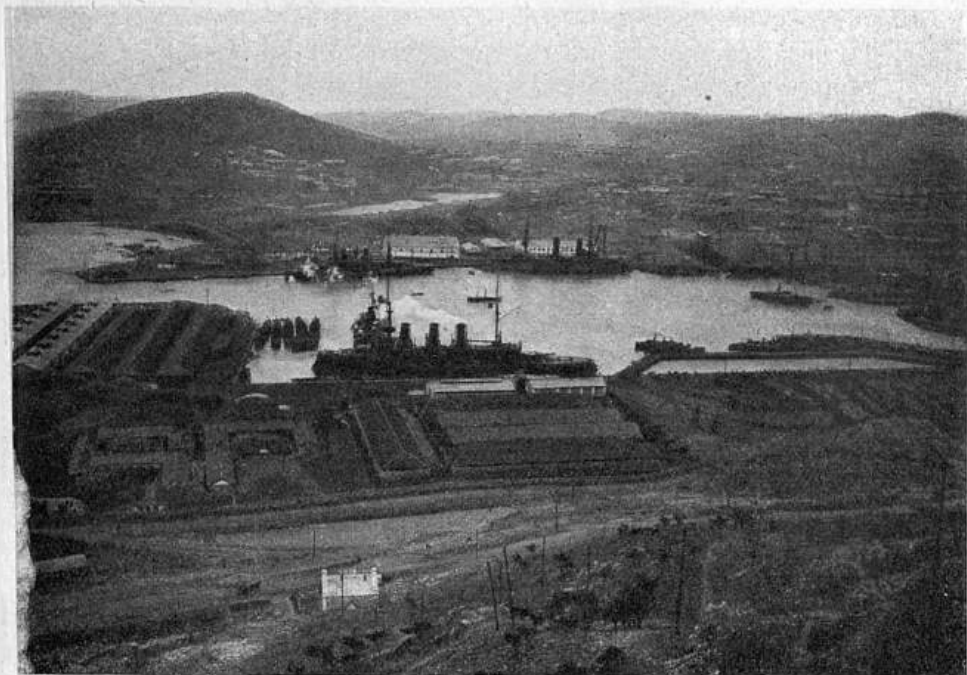
Пожалуй, вѣрно.”

Но дитя, въ большинствѣ случаевъ отъ младенческихъ лѣтъ приученное жить впроголодь.

И пришло это дитя въ Артуръ, лишь сильное духомъ, но физически слабое, изможденное.

Долго ли ему было въ конецъ износиться при тѣхъ суровыхъ условіяхъ, которыя создала осада?

Не слѣдуетъ забывать, что питаніе было сокращено еще въ маѣ мѣсяцѣ, на дворѣ же стоялъ октябрь.

Восточный бассейнъ.

Что же касается офицеровъ, то они въ отношеніи питанія были поставлены въ болѣе благоприятныя условія.

Если среди нихъ являлись инертные люди, то гдѣ ихъ не бываетъ?

Посмотрѣлъ бы я, какъ вели бы себя въ этихъ же самыхъ условіяхъ офицеры западныхъ европейскихъ армій.

Выѣздъ генераль-адъютанта Стесселя на атакованный фронтъ.

Октябрь. Вечеръ. Генераль Смирновъ отправился навѣстить начальника района.

Комендантъ крѣпости, какъ я уже много разъ говорилъ, несмотря на дерзкое, вызывающее поведеніе генералъ-адъютанта, всѣми силами старался поддерживать съ послѣднимъ возможно добрыя отношенія.

Постоянно поступаясь своимъ самолюбіемъ, онъ рѣшилъ этимъ по возможности парализовывать вредное вмѣшательство Стесселя въ оборону крѣпости.

Успѣшная защита Артура была руководящимъ началомъ всѣхъ стремленій и дѣйствій Смирнова, она была, скажу больше, цѣлью его существованія.

Итакъ, комендантъ въ кабинетѣ своего сосѣда.

Мирно течетъ ихъ бесѣда.

На дворѣ уже ночь.

На фронтѣ тихо.

Рѣчь въ кабинетѣ идетъ о вещахъ, мало касающихся обороны.

Генералы о ней говорятъ на разныхъ языкахъ, и поэтому вопросы о текущихъ, крайне серьезныхъ, операціяхъ на атакованномъ фронтѣ игнорируются въ полной мѣрѣ.

Приходитъ Кондратенко.

Стессель слегка оживаетъ.

Вошедшій оживленно обращается къ Смирнову:

— Я, ваше превосходительство, къ вамъ заходилъ. Мнѣ необходимо подробно вамъ доложить и посовѣтоваться насчетъ минныхъ работъ на форту II-мъ.

— Въ общихъ чертахъ я уже знакомъ съ результатами послѣдней ночной вылазки. Завтра я проѣду на фортъ и лично, непосредственно познакомлюсь съ положеніемъ вещей.

Кстати, не угодно ли будетъ и вамъ (обращается къ Стесселю), ваше превосходительство, проѣхать на второй фортъ? Японцы вывели къ нему презанятную траншею съ очевиднымъ намѣреніемъ...

— Господа, идемте закусить. Хозяйка давно уже проситъ и ждетъ—оборвалъ говорившаго хозяинъ.—Романъ Исидоровичъ, пожалуйста... пожалуйста, ваше превосходительство.

Кондратенко, между тѣмъ, увлекшись предложеніемъ Смирнова, пренаивнѣйшимъ образомъ началъ уговаривать Анатолія Михайловича выѣхать на фортъ, стараясь соблазнить его крайне интереснымъ видомъ непріятельскихъ работъ и относительной безопасностью выѣзда раннимъ утромъ.

— Если выѣхать часовъ въ 6 утра, на фронтѣ полное затишье, даже пуль нѣтъ. До 8 часовъ идетъ въ непріятельскихъ траншеяхъ смѣна карауловъ...

Стессель угрюмо слушалъ, нетерпѣливо молчалъ, подвигаясь въ столовую.

Кондратенко оживился, онъ старался увлечь своего начальника.

Незамѣтно вошли въ столовую.

Навстрѣчу поднялась m-me Стессель.

— Я тебѣ дамъ съ твоими выѣздами! Очень они нужны! И не подумай съ этими глупостями!.. Здравствуйте, здравствуйте, господа, садитесь. Милости просимъ, чѣмъ Богъ послалъ—уже не обезсудьте...

Смирновъ и Кондратенко почтительно прикладывались къ ручкѣ высокой хозяйки.

Ужинъ, отличавшійся обиліемъ и разнообразіемъ всевозможныхъ яствъ, подогреваемый добрымъ виномъ и всевозможными напитками, затянулся.

Хлѣбосольная хозяйка угошала на славу. Дамы весело щебетали. Кавалеры-генералы заражались оживленіемъ. Хозяинъ шутилъ. Хозяйка вторила.

Разговоръ постепенно принималъ фривольный оттѣнокъ.

Глядя на эту мирную обстановку,—просторную столовую, ярко освѣщенную, теплую; оживленные лица довольно многочисленнаго общества, энергично работающія челюсти, исправно уничтожавшія лакомыя блюда; языки, болтавшіе о самыхъ соблазнительныхъ вещахъ, мало касавшихся грозныхъ событій,—трудно было предположить, что все это происходитъ въ осажденномъ Артурѣ, на боевой линіи котораго въ это же время и въ эти же часы люди дрогнуть отъ холода и умираютъ...

Общество засидѣлось. Весело было. Когда начали прощаться съ хлѣбосольными хозяевами, часъ былъ уже поздній.

— Итакъ, ваше превосходительство, завтра вы выѣзжаете на фортъ II-й. Я приглашу туда всѣхъ старшихъ начальниковъ; адмиралъ Виренъ тоже будетъ—сказалъ на прощанье Смирновъ.

Кондратенко подхватилъ и снова началъ убѣждать генералъ-адъютанта выѣхать на фронтъ.

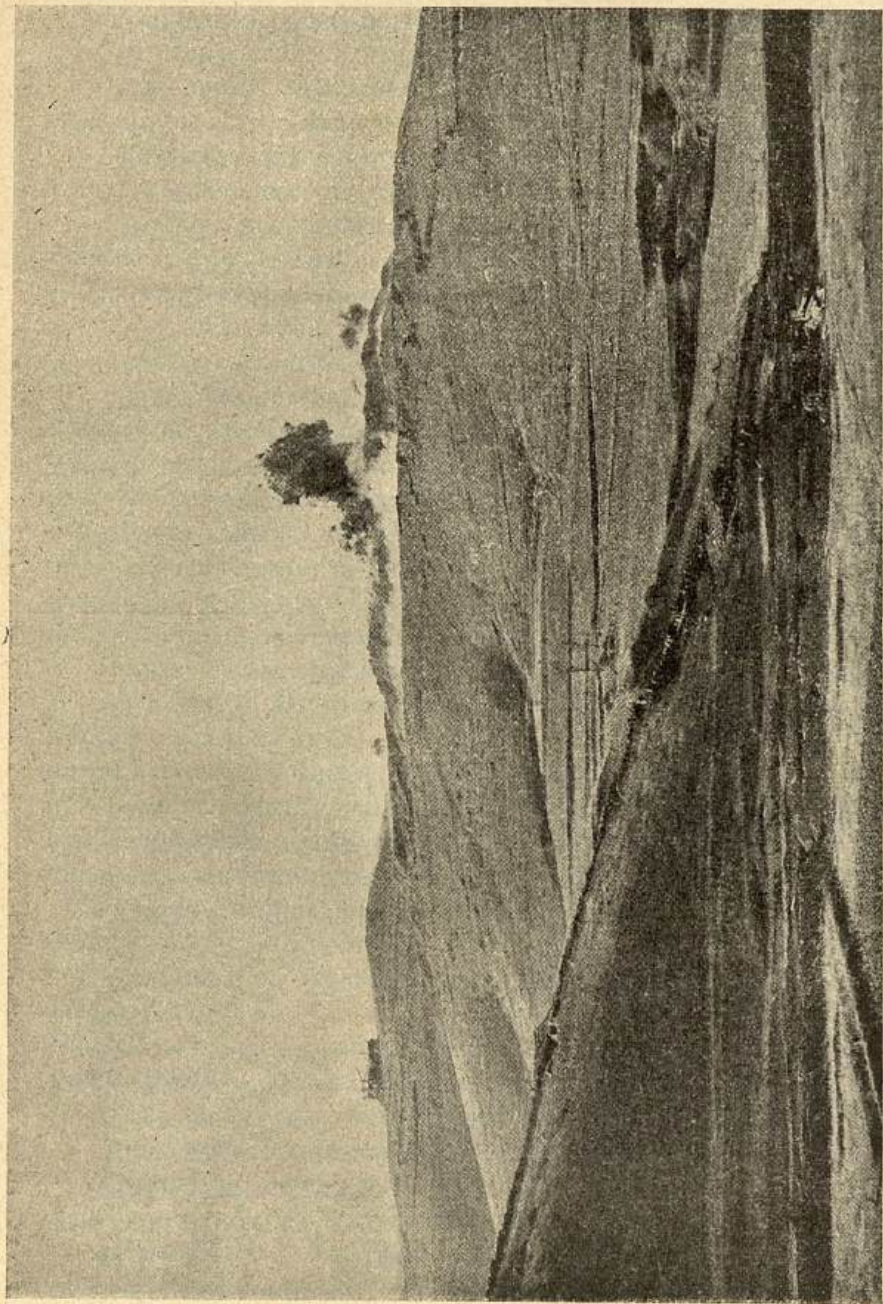
Хозяинъ безпокойно молчалъ и, видимо, въ душѣ ругательно ругалъ Смирнова, а въ особенности Кондратенко.

Наконецъ гости ушли.

Въ домѣ главы Квантуна воцарились тишина и покой.

Супруги удалились въ дальніе покои и отдались въ объятія Морфея.

Комендантъ, вернувшись домой, немедленно протелефонировалъ начальнику штаба Хвостову, приказавъ ему сообщить всѣмъ

Произведенный японцами 18 декабря взрывъ на укрѣплѣніи III.
Сѣверо-восточный фронтъ обороны.

старшимъ начальникамъ, что завтра утромъ, на разсвѣтъ, на фортъ II-ой выѣзжаетъ начальникъ района.

Хвостовъ немедленно разослалъ ко всѣмъ ординарцевъ съ оповѣстительными записками.

На утро, чуть забрезжилъ свѣтъ, Смирновъ, въ сопровожденіи контръ-адмирала Вирена, полковника Хвостова, поручика Гаммера, эскортируемый конными охотниками, — выѣхалъ на с.-в. фронтъ.

У дома Стесселя все было покойно. Казалось, онъ былъ погруженъ еще въ утренній, ранній, самый покойный, самый сладкій сонъ.

Свѣтало быстро. День обѣщалъ быть яснымъ.

Перейдя на рысь, быстро добрались до Новаго Китайскаго города.

— Ваше превосходительство, начальникъ района впереди!!

Дѣйствительно, впереди медленно подвигался, раскачиваясь на своей красивой, упитанной кобылѣ, генераль-адъютантъ.

Догнали. Поздоровались и разстались, т. к. Смирновъ, не терпѣвшій медленныхъ передвиженій, выбралъ прямую дорогу, допускаящую передвиженіе на быстрыхъ аллюрахъ.

Стессель повернулъ налѣво, пробираясь скрытыми мѣстами — тропой.

Опередивъ своего начальника по крайней мѣрѣ на полчаса, комендантъ прибылъ къ повороту на батарею лит. Б.

Здѣсь его ожидали всѣ старшіе начальники. Кондратенко еще не прибылъ. По обыкновенію онъ запоздалъ.

Спѣшилися. Верхами проѣхать на батарею немисливо — снимуть.

Поздоровавшись — Смирновъ съ Виреномъ тронулись на лит. Б, съ нея отлично проектировалась вновь возведенная къ форту II-му траншейка. Оттуда собственно только и можно было ее разглядѣть какъ слѣдуетъ.

Всѣ тронулись за комендантомъ.

— Господа, оставайтесь здѣсь — сейчасъ будетъ генераль-адъютантъ Стессель, мы его обогнали.

Всѣ отнеслись съ недовѣріемъ — хохочуть, форменно хохочуть.

— Я васъ увѣряю, что начальникъ района будетъ здѣсь черезъ четверть часа самое большее.

— Полноте, ваше превосходительство, шутить — говорить смѣясь генераль Горбатовскій. — Довольно того, что вотъ Александръ Михайловичъ ¹⁾ вчера ночью надъ нами подшутилъ. Развѣ

¹⁾ Полковникъ Хвостовъ.

мыслимо, чтобы теперь къ намъ заглянулъ Стессель?

Всѣ присутствовавшіе поддержали Горбатовскаго и, видимо, безповоротно рѣшили слѣдовать за комендантомъ.

В. І. Лебедевъ.

(Портъ-артурскій дружинникъ. Являлъ рѣдкій примѣръ энергіи и храбрости, два раза раненъ).

— Господа, повторяю и смѣю васъ увѣрить, что генералъ ѣдетъ, а потому категорически предлагаю всѣмъ остаться здѣсь и ожидать его прибытія.

Съ этими словами Смирновъ, въ сопровожденіи Вирена, быстро направился на лит. Б.

Рекогносцируя съ бруствера подступы непріятеля къ форту II-ому, замѣтили, какъ начальникъ района ходами сообщенія быстро пробирался на фортъ.

Послѣдовали за нимъ и быстро догнали, пройдя напрямки.

Боевая линія начала постепенно оживать. Смѣна траншейныхъ карауловъ противника, видимо, подходила къ концу. Изрѣдка пощелкивали ружейные выстрѣлы. Орудія еще молчали. Легкая изморозь. Ни темъ еще, ни свѣтъ. Наши закопошились въ окопахъ.

Слѣдуя ходами сообщенія, Стессель не здоровался съ людьми, грозно махая на нихъ руками: зашумятъ, привлекутъ огонь, будутъ жертвы.

— Сиди, сиди, не подымайся—бросаль онъ имъ, вмѣсто привѣтствія.

Добрались до Куропаткинскаго люнета.

Капитанъ Мацкунасъ вышелъ съ рапортомъ...

— Какой тутъ рапортъ!—безнадежно махнулъ рукой вдохновитель Артура. Взоръ его безпокойно блуждалъ. Въ глазахъ мелькала злость. До форта еще порядочно. Винтовки то и дѣло потрескиваютъ, пульки высоко посвистываютъ.

Наконецъ вотъ и фортъ, фортъ II-ой многострадаальный, фортъ страстотерпецъ.

Быстро взойдя на фортъ, окинувъ его нервнымъ, любящимъ взглядомъ, предложивъ приличія ради нѣсколько незначительныхъ вопросовъ—герой Артура спѣшилъ назадъ.

Обстановка форта настолько была серьезна, настолько тревожна, что генераль, жалѣя его защитниковъ, не здоровался съ героями, не благодарилъ ихъ за стойкость, выносливость, граничащую съ предѣлами возможнаго; онъ понималъ, что каждое оживленіе, ненужный шумъ—привлекутъ лишній разъ огонь, принесутъ незамѣнимыя потери.

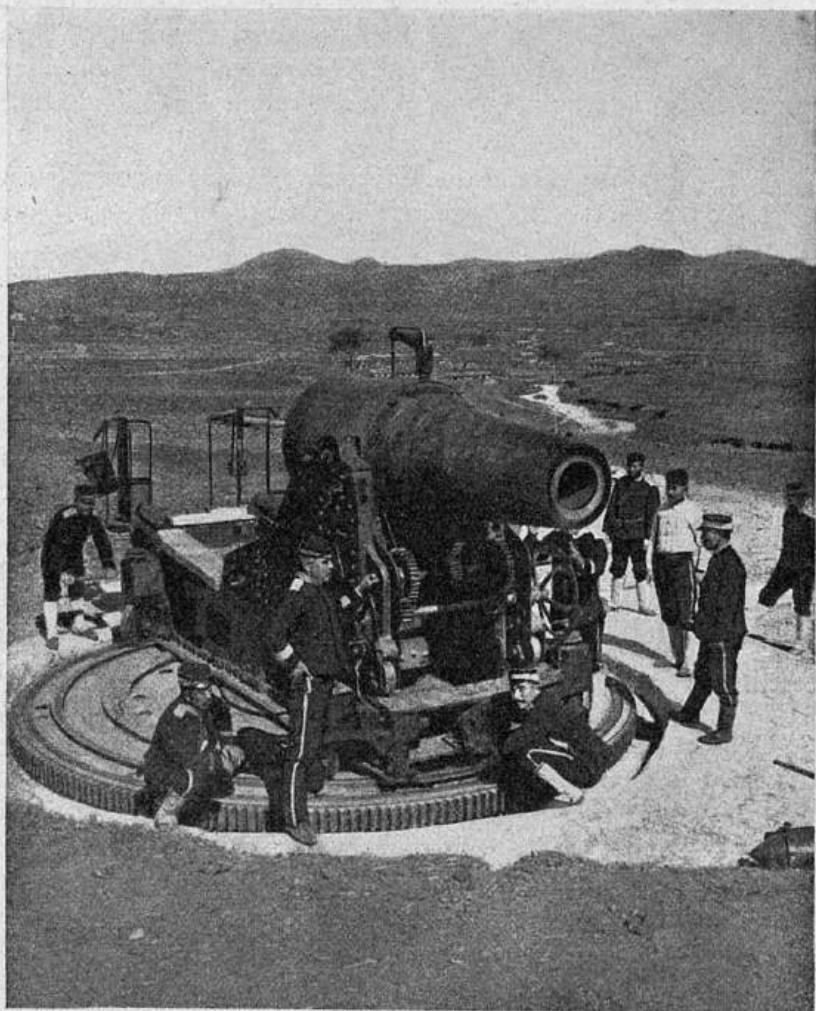
Не себя онъ жалѣлъ! Конечно, нѣтъ! Онъ жалѣлъ молодую жизнь, которая благодаря шальной пулѣ, снаряду, могутъ зря угаснуть, не принеся врагу вреда.

Что значить его привѣтствіе, его благодарность, въ сравненіи съ потерей нѣсколькихъ дорогихъ жизней?

Онъ, какъ генераль-воинъ гуманнаго стараго режима, понималъ, мучительно чувствовалъ это и, вопреки прирожденной храбрости, отвагѣ, спѣшилъ оставить фортъ. Мало того—онъ понималъ, что одно его присутствіе можетъ привлечь огонь на многострадаальный фортъ.

Онъ боролся съ собою и уходилъ.

Тяжело ему было. Дорого доставалась ему эта борьба: блуждающій, почти дикій взоръ, мертвенная блѣдность, легкая дрожь нижней челюсти, невѣрная поступь, легкое сгорбливаніе

Японская осадная артиллерія.
Одиннадцатидюймовая мортира.

его величественной, мощной фигуры. Въ немъ боролся просто человекъ и человекъ-воинъ.

Всѣ видѣли эту борьбу, всѣ понимали—что переживаетъ Стессель, и спѣшили, спѣшили за нимъ, едва поспѣвая.

Герой въ душѣ—переживалъ страшную душевную бурю и,

какъ воли сильной человѣкъ, рѣшилъ отказаться во имя чело-
вѣколюбія отъ отважнаго, свойственнаго его природѣ выступленія
на фортъ.

Онъ приносилъ себя въ жертву и почти уже бѣгомъ
удался.

Генераль Смирновъ, не понимая—что творится въ душѣ
генераль-адъютанта, предложить ему пройти на лит. Б, откуда
отлично видна вновь выведенная на фортъ траншея.

— Чего я тамъ не видѣлъ? Траншея, такъ траншея. Даромъ
огонь только привлечемъ—былъ отвѣтъ.

Генераль Смирновъ не понималъ Стесселя. Они говорили
и думали на разныхъ языкахъ.

День уже былъ.

Загремѣли орудія, участился ружейный огонь, завывали бомбы,
запѣли пули, загромыхали взрывы.

Картина осады и обороны во всей краѣ.

На слѣдующій день гарнизонъ и жители Артура читали
нижеслѣдующій приказъ:

Октября, 9-го дня, 1904 года. Кр. Портъ-Артуръ.

№ 750.

Вчерашняго числа на фортъ № 2 я нашелъ видъ людей отличный,
видна заботливость ротныхъ командировъ и г.г. офицеровъ. Люди, при
самой трудной боевой обстановкѣ, имѣютъ видъ веселый, указывающій на
полную вѣру въ своихъ начальниковъ и въ свои силы, а это очень важно.
Благодарю коменданта форта молодца капитана Рѣзанова, г.г. ротныхъ
командировъ и всѣхъ г.г. офицеровъ, а молодцамъ стрѣлкамъ, артиллери-
стамъ и саперамъ форта № 2 и Куропаткинскаго люнета сердечное спасибо.
Видно, что молитвы наши достигаютъ престола Всевышняго, и Онъ, Отецъ
нашъ, помогаетъ намъ не только отстаивать крѣпость, но и сохраняетъ во
всѣхъ защитникахъ тотъ русскій, молодецкій, геройскій духъ, сокрушить
который никому не удалось.

Подлинное подписалъ: начальникъ Квантунскаго укрѣпленнаго района
генераль-адъютантъ Стессель.

Съ подлиннымъ вѣрно: начальникъ штаба

полковникъ Рейсъ.

9-е октября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

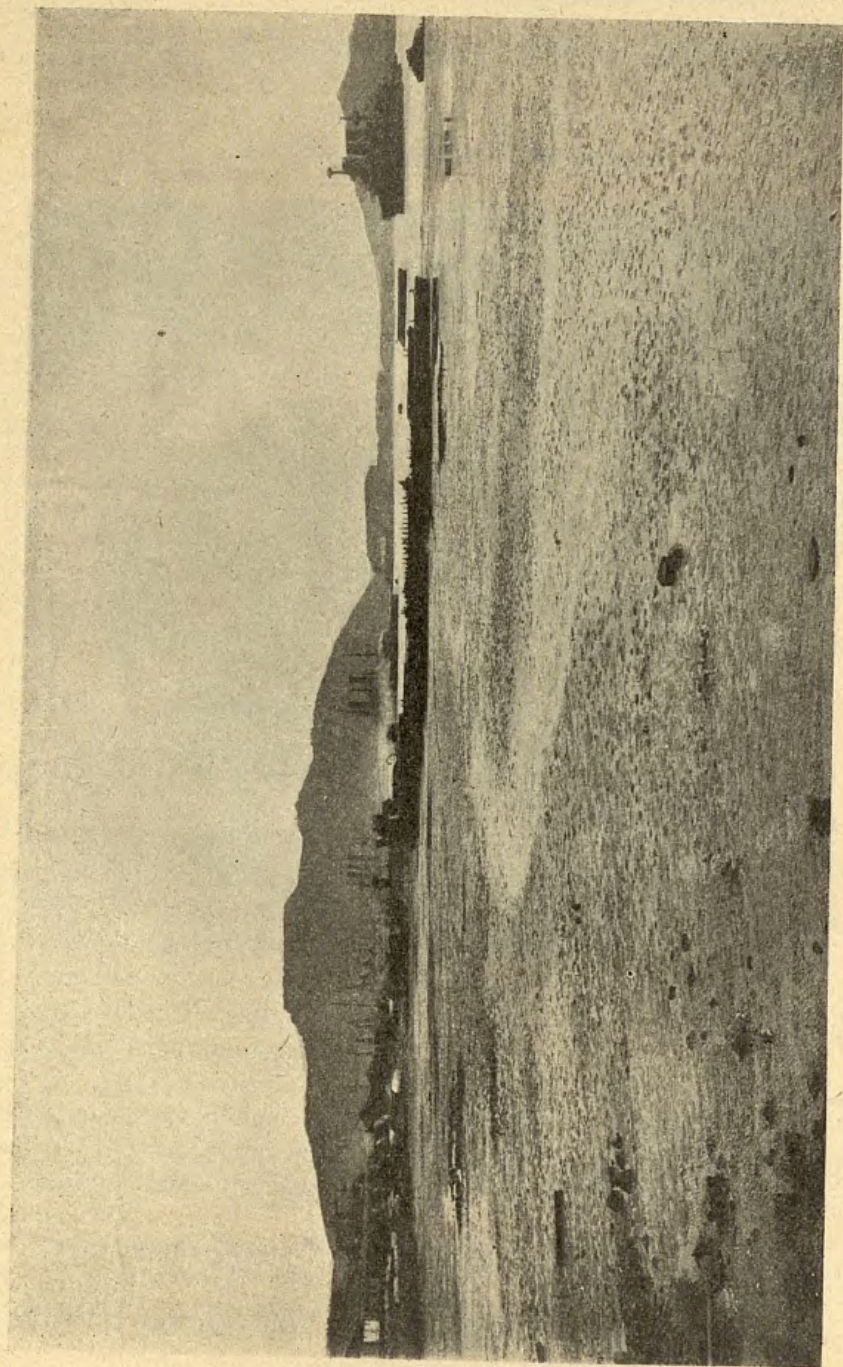
9 октября.

Копія.

Ночью японцы энергично ведутъ окопы. Перестрѣлка. Наши тоже
работаютъ.

Капитанъ Головань.

2 часа 4 м. ночи.

Золотая гора.

Западный бассейн гавани.

На восточномъ фронтѣ ночь покойна. Бросаютъ бомбочки безъ вреда для насъ.

Полковникъ Покладъ.

3 часа 10 м. утра.

Непріятель энергично обстрѣливаетъ дорогу отъ перевязочнаго пункта въ штабъ отряда, что раньше не наблюдалось.

На лит. А разорвалось орудіе, вчера починенное.

Капитанъ Головань.

3 часа дня.

Японцы рѣдкимъ огнемъ обстрѣливали наши посты. Подвозилось много лѣсу. Баталіонъ производитъ ученіе (разсыпаніе въ цѣпь и маршировка).

Въ ночь съ 8-го на 9-ое 11-дюймовыя батареи—квадраты 655 С и 594 Д обстрѣливали лит. Б, внутреннюю ограду у Плоскаго мыса. ¹⁾ Отвѣчали Стрѣлковая, Драконъ (и т. д.).

Въ 7 утра квадратъ 594 обстрѣливала городъ.

Съ 3 часовъ 11-дюймовыя орудія, квадраты 594 и 655, открыли огонь по форту 4 и Крестовой.

Къ перевалу Инчензы 200 японцевъ везли орудіе.

Лейтенантъ Ромашевъ.

Большая гора.

4 часа 5 м. дня.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

9 октября.

Копія.

Ночь на западномъ фронтѣ прошла покойно, безъ перемѣнъ.

Капитанъ Романовскій.

9 час. 40 м. утра.

На лѣвомъ флангѣ сухопутной обороны благополучно. Наблюдается ученіе эскадрона.

Укрѣпленіе позиціи безостановочно.

Полковникъ Ирманъ.

3 часа 10 м. дня.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

9 октября.

„...Подступы японцевъ получаютъ особенное развитіе за эти дни впереди Куропаткинскаго люнета. У форта II никакихъ новыхъ почти нѣтъ, но зато стрѣлки съ капонира II видѣли, что изъ-подъ гласиса выносятъ камни — видимо, изъ минныхъ галлерей.

¹⁾ Попаданіе въ 5-ый венерическій госпиталь; больные и доктора разбѣжались.

Въ нашихъ контръ-минахъ сегодня въ первый разъ услышанъ былъ подозрительный стукъ, однако я самъ долго прислушивался изъ обѣихъ галлерей, но ничего не слышалъ; думаю,

Баронъ Ногі.

что это просто ошибка, вызванная невольнымъ движеніемъ кого-нибудь въ самомъ капонирѣ. Тѣмъ не менѣе я приказалъ минерамъ прислушиваться возможно чаще и возможно внимательно...

10-е октября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

10 октября.

Копии.

Ночь на восточномъ фронтѣ прошла покойно. Всю ночь рѣдкая перестрѣлка.

Капитанъ Головань.

7 час. утра.

Ночью изрѣдка обстрѣливали 11-дюймовыми фортъ 3. Японцы ведутъ вездѣ послѣднія параллели.

Съ форта 3 были спущены 4 шаровыя мины, три приняли нежелательное направленіе.

Капитанъ Головань.

9 час. 20 мин. утра.

Съ утра сосредоточенный огонь. Обстрѣливаютъ Заредутную, Курганную и укрѣпленіе 2.

Одинъ изъ 11" снарядовъ попалъ на Курганную. Произошелъ взрывъ.

Капитанъ Головань.

4 часа 20 мин. дня.

На Дагушанѣ прибавилось 6-ое орудіе.

По городу вечеромъ стрѣляла новая батарея. Замѣчено, что на смѣну въ окопы шелъ морской офицеръ и 15 матросовъ.

Лейтенантъ Ромашевъ.

Большая гора.

11 час. вечера.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

10 октября.

Копии.

Ночь на передовыхъ позиціяхъ прошла покойно.

Капитанъ Романовскій.

9 час. 45 мин. утра.

Отдѣльныя группы бродили по деревнямъ въ равнинѣ между Угловой и полуостровомъ.

Днемъ японцы разбирали русскій домикъ близъ деревни Даянтоуа и таскали доски.

Днемъ японцы рѣдкимъ ружейнымъ огнемъ обстрѣливали позиціи Соловьева и конные посты.

Капитанъ Романовскій.

6 час. 40 мин. вечера.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

10 сентября.

„... До сихъ поръ японцы ничего не предпринимають, дабы цѣликомъ завладѣть открытымъ капониромъ № 3, и положеніе

Генераль Кондратенко.

тамъ самое оригинальное. Мы устроили окопъ, образовавши такимъ образомъ ретраншаментъ, и, помимо него, занимаемъ два отростка окоповъ. Въ концахъ отростковъ стоятъ наши часовые, не болѣе 15 шаговъ впереди у нашихъ обгорѣвшихъ блиндажей. За траверсами изъ мѣшковъ стоятъ японцы; изрѣдка наши бросаютъ къ японцамъ ручныя гранатки, но тѣ пока не отвѣчаютъ;

иногда переговариваются, при чемъ японцы ругаются. Положеніе наше тѣмъ болѣе странное, что нашъ ретраншаментъ по эту сторону вершины обстрѣла впередъ не имѣетъ.

При той близости, въ какой находятся теперь наши и японскіе окопы, неизбежна постоянная частая ружейная стрѣльба, при чемъ каждый старается высмотрѣть противника и пустить въ него пулю.

Наши солдатики прибѣгаютъ къ такому приему: одинъ прикрѣпляетъ къ себѣ на спину колъ съ папайхой на немъ и наброшенной шинелью и на четверенькахъ пробирается по траншеѣ,— японцы немедленно открываютъ огонь по движущемуся, обнаруживаютъ себя и даютъ возможность нашимъ воспользоваться этимъ и пристрѣлить одного-другого изъ непріятельскихъ стрѣлковъ.

Вообще духъ гарнизона не падаетъ; вѣдь русскому человѣку надо очутиться ужъ въ слишкомъ тѣсныхъ тискахъ, чтобы наконецъ начать энергично изъ нихъ выбиваться, а до этого онъ пальцемъ не шевельнетъ, чтобы отъ нихъ освободиться. Такъ и теперь—плохо приходится, мы не унываемъ, а наоборотъ, будто начинаемъ оживать. А между тѣмъ тягость осады все замѣтнѣе: наступаютъ холода, по ночамъ бываютъ уже чуть ли не заморозки, въ легкихъ блиндажахъ становится неуютно, а въ окопахъ и совсѣмъ-таки неважно; опасность отъ непріятельскихъ снарядовъ и пуль все больше; пища все скуднѣе... а наши солдатики какъ будто и не замѣчаютъ, а наоборотъ, стали какъ будто веселѣе и оживленнѣе...

Курица стоитъ 12 р., гусь 20 руб., яйцо 1 р. шт., фунтъ муки 1 р.; фунтъ конины 50 коп. "

Сегодня покойный Сергѣй Александровичъ мягче относится къ нашимъ солдатамъ.

Болитъ его инженерское сердце, что работы подвигаются медленно.

Оно вполне понятно.

Ему во что бы то ни стало хочется помѣшать работамъ противника, не дать ему возможности охватить траншеями форты.

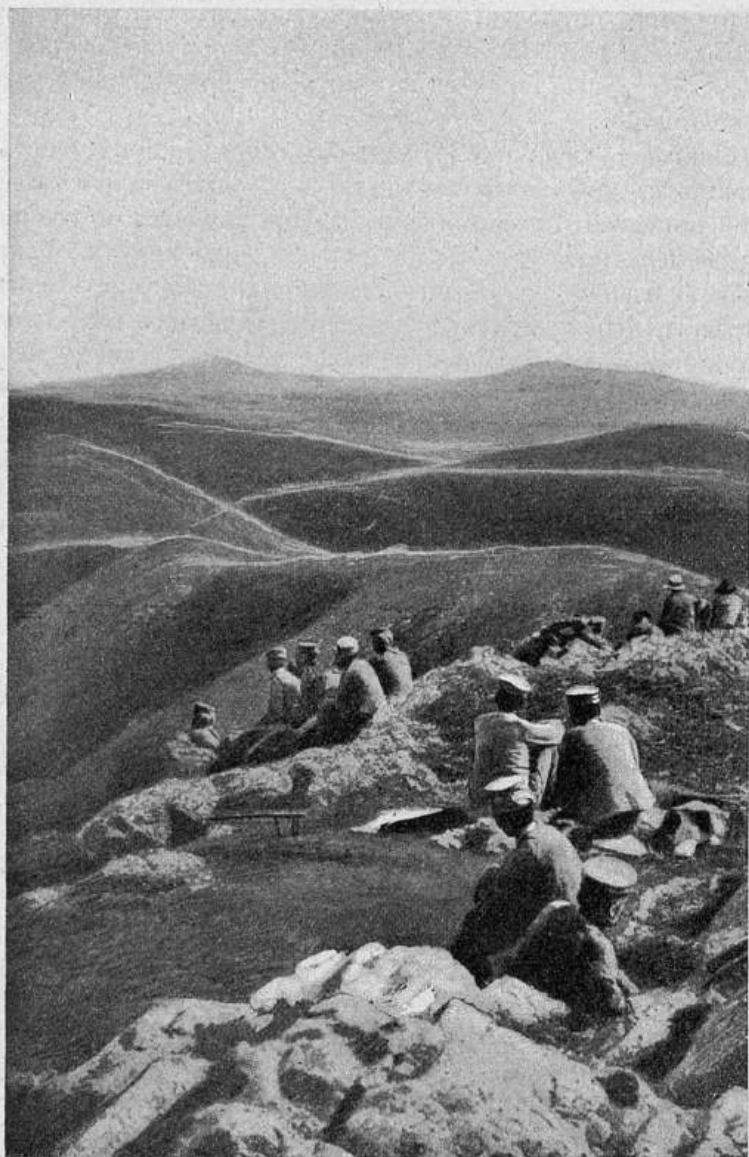
Но работа ему въ утѣшеніе стала подвигаться быстрѣй.

Всякое проявленіе дѣятельности, сообразительности, удали—приводитъ его въ восхищеніе.

Будучи по природѣ человѣкомъ крайне дѣятельнымъ и энергичнымъ, онъ не выноситъ инертности и медлительности.

Тиски сильно прижали обороняющихся—работа по всему с.-в. фронту закипѣла.

На форту II-омъ настроеніе защитниковъ крайне угнетенное. Боятся взрыва.

Японскій наблюдательный постъ на Волчьихъ горахъ.

Но дѣло нашихъ минныхъ работъ въ надежныхъ рукахъ Рашевского.

11-е октября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

11 октября.

Копи.

На восточномъ фронтѣ безъ перемѣнъ. Огонь по городу.
Къ окопамъ впереди форта 3 подошли на до шаговъ.

Капитанъ Головань.

7 час. утра.

Взрывы нашихъ блиндажей.

Японцы подвигаются очень близко окопами. Продолжаютъ вѣнчать свой фронтальный окопъ.

Не взирая на непрерывную стрѣльбу съ укрѣпленія № 5, противъ него заложили еще новую параллель.

Капитанъ Головань.

3 часа дня.

Въ полдень всѣ орудія въ квадратѣ 472 П открыли залповый огонь по городу, гавани, 3 форту, 3 укрѣпленію и Курганной.

Замѣчалось у дер. Палиджуанъ 500 японцевъ безъ винтовокъ—работали. Тащили 25 пулеметовъ.

Лейтенантъ Ромашевъ.

1 часъ 10 мин. дня.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

11 октября.

Копи.

На западномъ фронтѣ безъ перемѣнъ.

Капитанъ Романовскій.

10 час. утра.

На Ляотъшанскомъ участкѣ все спокойно.

По скату Сигнальной горки прокладывается телефонный кабель.

Подполковникъ Козьяковскій.

12 час. дня.

Въ деревнѣ лѣвѣ Сиротки стояла колонна; фортъ 4 разогналъ.

Полковникъ Ирманъ.

2 часа 20 мин. дня.

На западномъ фронтѣ безъ перемѣнъ.

Рѣдкій ружейный огонь по нашимъ окопамъ.

Капитанъ Романовскій.

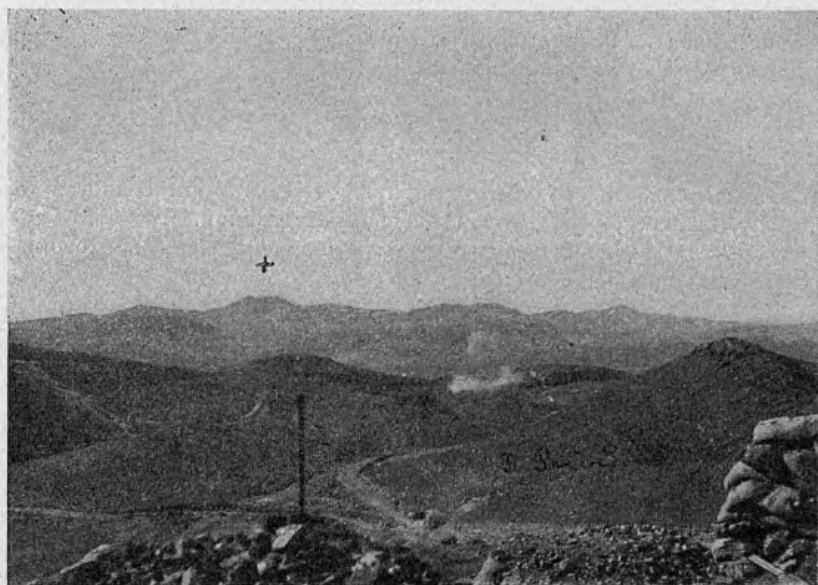
6 час. 30 мин. вечера.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

11 октября.

„...Вчера утромъ въ нашей лѣвой галлерей передъ фортомъ № II слышали звукъ работъ непріятеля, на этотъ разъ уже болѣе опредѣленный, чѣмъ наканунѣ; судя по силѣ звука, непріятель не ближе 10—12 сажень и идетъ впередъ, однако звуки очень неясные, судить по нимъ опредѣленно—трудно.

Сегодня звуки много явственнѣе, но они тотчасъ же замолкаютъ, какъ только мы приостанавливаемъ свою работу...

Съ высоты Заредутной батареи. На горизонтѣ проектируются горы западнаго фронта. (Крестомъ обозначена Высокая гора).

Видимо, бросаются мелинитовые патроны, осколкомъ одного изъ которыхъ вчера раненъ во рву саперный офицеръ прапорщикъ Ростовцевъ...”

CXXXVII.

Городъ сегодня неистово бомбардируется.

Обстрѣливаютъ его залпами и обстрѣливаютъ немилосердно.

Ожесточились японцы.

Особенно много рвется снарядовъ на улицахъ, прилегающихъ къ порту.

Зашелъ въ госпиталь, гдѣ лежитъ Де-Лакуръ.

Снаряды все время съ воемъ и свистомъ летятъ черезъ домъ, рвутся на улицѣ, въ порту, близко, совсѣмъ, совсѣмъ близко.

Тяжелое положеніе раненыхъ!

Ежеминутно, ежесекундно снарядъ можетъ ворваться въ палату. Стараешься объ этомъ не думать.

Но раненые, видимо, мало обращаютъ вниманія на эту страшную опасность.

Положеніе безысходное.

Къ чему, къ чему только человѣкъ не привыкаетъ?

Раненые преспокойно смотрятъ въ окно, какъ въ порту, на улицѣ непрерывно рвутся снаряды, вздымая къ небу огромные фонтаны песку.

Сестра милосердія m-me Налетова безшумно переходитъ отъ постели къ постели: оправляетъ бѣлье, утѣшаетъ, даетъ лѣкарство...

А снаряды все поютъ и воютъ, настойчиво, томительно. Домъ то и дѣло вздрагиваетъ отъ взрывовъ.

На мой вопросъ: не беспокоятъ ли Де-Лакура этотъ вой, эти грохочущіе взрывы (домъ, въ которомъ ему оторвало ногу, рядомъ)?—

— Положительно не обращаю на это никакого вниманія. Совершенно покоенъ. Что будетъ, то будетъ. Стараюсь забыть, развлечься. Все равно ничѣмъ не поможешь. Суждено—убьетъ и не меня одного, а вотъ всѣхъ.

Послѣ того, какъ со мной приключилось „это“ (съ грустнымъ взглядомъ показавъ на обрубленные ноги), я совершенно не реагирую на опасность. Что будетъ, то будетъ.

Въ это время затрещалъ въ сосѣдней палатѣ отвратительный граммофонъ.

— А, вотъ, вотъ она, моя мука египетская! Но, ничего, вѣдь ими забавляются раненые матросики. Да вотъ и японецъ любить послушать.—Въ этой фразѣ сказался весь Де-Лакуръ.

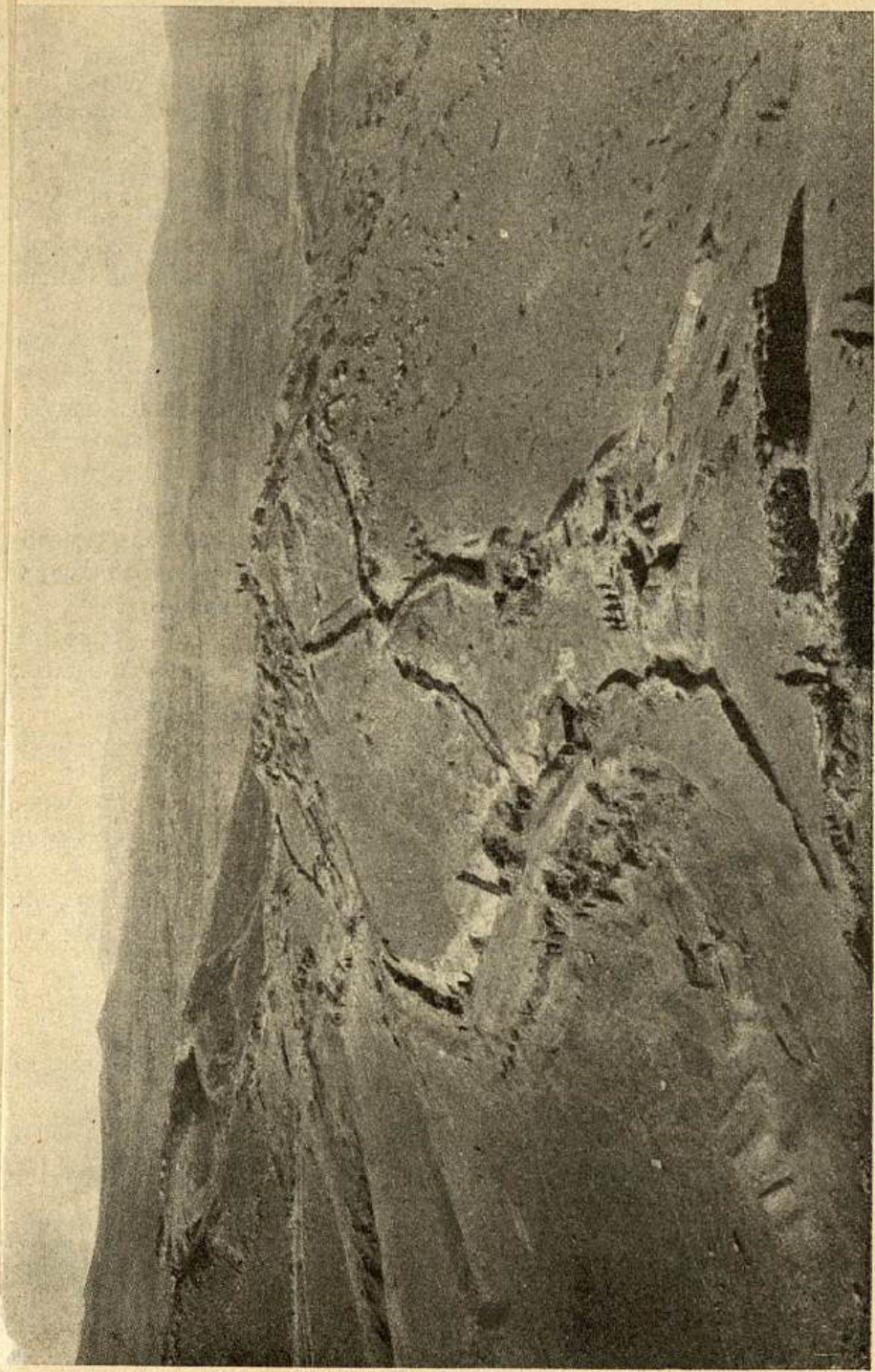
Рядомъ лежалъ изуродованный японецъ.

Недавнихъ враговъ помирили общія физическія страданія.

Японецъ ни слова не говорилъ по-русски, но началъ уже понемногу понимать русскую рѣчь.

Задумчиво, грустно смотрѣлъ онъ на всѣхъ.

У него тоже уже не было ногъ.

Фортъ Ш.

Сѣверо-восточный фронтъ.
Ходы сообщенія.

Зарядная батарея.

Осаждающий не довольствовался теперь одной дневной бомбардировкой.

Отъ вечерней до утренней зари, съ перерывомъ въ полдень и сумерками, городъ и внутренній рейдъ методично бомбардировались одиннадцатидюймовыми снарядами.

Лишь только стемнѣетъ, начинается это тяжелое испытаніе.

Наступить вечеръ.

Въ городѣ еще тихо.

Но каждую минуту ожидаешь начала.

Съ разрушеніемъ моего домика, пришлось перебраться въ гостинницу недалеко отъ набережной.

Ложился иногда очень рано.

День утомлялъ.

Только начнешь засыпать — загудятъ „паровозы“, рвутся черезъ нѣсколько домовъ.

Противникъ мѣтитъ въ эскадру.

Ночь. Кругомъ тишина.

Сосѣдъ по комнатѣ густымъ басомъ рассказываетъ о кавказскомъ гостепріимствѣ, размѣренно и образно течетъ его рѣчь. Кто-то перебиваетъ глупѣйшими вопросами.

Разсказчикъ стихъ.

Все стихло.

Чуть задремлешь — не тутъ-то было...

Вотъ чуть-чуть слышится все усиливающееся гудѣніе, свистъ, скрипъ въ воздухѣ. Прошелъ ураганъ. Тихо мгновеніе, а затѣмъ оглушающій взрывъ.

Часовъ до 12 проводишь въ полудрѣмѣ. Минутъ пять тихо. Начинаешь засыпать, но ухо чутко.

Опять съ недостигаемой высоты идетъ неровно, порывами усиливающийся звукъ, напоминающій шумъ вырывающагося изъ гигантскаго котла пара — громъ взрыва, трескъ, гулъ, звонкое жужжаніе осколковъ, и тишина.

Въ гостинницѣ поднялась суета, голоса на улицѣ, сосѣдъ торопливо выбѣгалъ... вѣрно, кого-нибудь убило.

Наконецъ, утомленный донельзя, забылся и умеръ до утра.—

12-е октября. Восточный фронтъ.

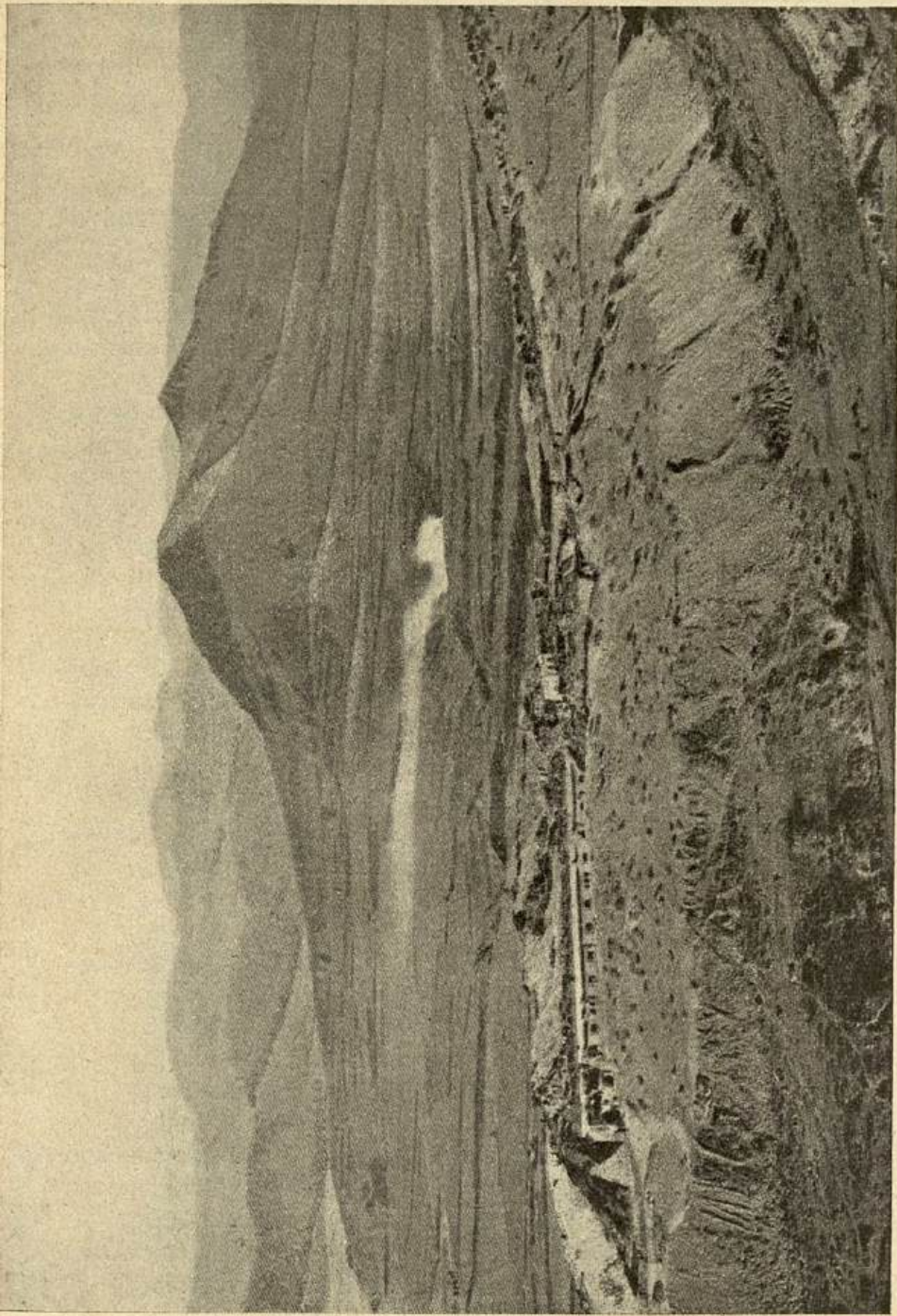
Телефонограммы.

12 октября.

Konin.

Ведутъ окопы и японцы и наши противъ Китайской стѣны.

Изъ нашихъ окоповъ впереди форта 3 брошено двѣ летучихъ мины. Около 20 чел. бѣжало изъ окопа, по нимъ открыли ружейную стрѣльбу.

Фортъ II. Склоны отъ ислешрены выбоинами отъ взрывовъ одиннадцатидюймовыхъ бомбъ.
На горизонтѣ Зеленая гора.

Дагушань.

Редутъ I японцами еще болѣе укрѣпленъ, начинаетъ господствовать надъ нашей Китайской стѣной.

Капитанъ Головань.

5 час. 20 мин. утра.

Съ 6 час. 15 минутъ обстрѣливается фортъ 2-ой 11'' снарядами. Люди уведены въ нижніе казематы.

Капитанъ Головань.

6 час. 50 мин. утра.

На 3 участкѣ японцы порывались перерѣзать проволоку. 4 рота 25 полка замѣтила и, открывъ огонь, прогнала.

Полковникъ Покладъ.

7 час. 35 мин. утра.

Непріятель перенесъ огонь съ форта 2 на Куропаткинскій люветъ и л. Б.

Подполковникъ Науменко.

11 час. утра.

Число батарей противъ бухты „Десяти кораблей“ увеличилось. На Волчьихъ тоже.

По форту 3 стрѣляютъ особенными снарядами: летятъ безъ звука, осколковъ не даютъ, разрушеніе большое, мѣткость мала.

Шт.-капитанъ Булгаковъ.

2 часа 30 мин. дня.

Въ 3 часа дня непріятельскій желѣзнодорожный поѣздъ остановился противъ обыкновенія не въ деревнѣ Чан-лин-зы, а прошелъ гораздо ближе, почти что къ 9 верстѣ.

Лейтенантъ Ромашевъ.

4 часа 40 мин. дня.

Отъ Сахарной Головы 70 чел. тянули къ ст. 11 версты большое орудіе. Изъ окопа, идущаго отъ редута 1 къ желѣзнодорожному мосту, были сняты 3 небольшихъ орудія, которыя перетаскивали черезъ желѣзную дорогу.

Капитанъ Головань.

5 час. дня.

Фортъ 2 въ огнѣ съ 6 час. утра, съ 9 часовъ Куропаткинскій люнетъ. Подполковникъ Глаголевъ контуженъ въ голову.

Весь день третій участокъ въ огнѣ.

Подполковникъ Науменко.

8 час. вечера.

Передъ фортомъ 3 на гласисѣ работаютъ японцы.

Капитанъ Головань.

12 час. ночи.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

12 октября.

Копии.

На западномъ фронтѣ безъ перемѣнъ. Рѣдкій огонь на позиціи шт.-капитана Соловьева.

Ночью подходили партіи, отогнали ружейнымъ огнемъ.

Капитанъ Романовскій.

6 час. 46 мин. утра.

Идетъ смѣна окопныхъ частей. На постахъ небольшія перестрѣлки.

Капитанъ Романовскій.

1 часть дня.

Непріятельскія батареи производили ученіе и скрылись за Волчьими горами. Японцы продолжаютъ окапываться. Укрѣпленіе позиціи идетъ безостановочно.

Полковникъ Ирманъ.

4 часа дня.

Выписка изъ дневника полковника Рашевского.

12 октября.

„... Съ 4 часовъ ночи непріятель прекратилъ работу передъ фортомъ II и не возобновляетъ ея до сего времени; это очень подозрительно—неужели же японцамъ удалось и здѣсь предупредить насъ? Во всякомъ случаѣ мы не останавливаемъ своихъ работъ, а усиленно двигаемся своими двумя галлереями и закладываемъ еще двѣ новыя...“

Рекогносцировка комендантомъ крѣпости восточнаго фронта изъ бухты Тахэ на миноносцѣ.

Чтобы лично убѣдиться, насколько будетъ дѣйствительна стрѣльба нашихъ судовъ со стороны бухты Тахэ по подступамъ противника къ веркамъ крѣпости, комендантъ просилъ командующаго эскадрой адмирала Виренъ предоставить ему для поѣздки въ названную бухту одинъ изъ миноносцевъ.

Выходъ миноносца былъ назначенъ въ 9 часовъ утра (время прилива). Противникъ, какъ будто предупѣдомленный о предстоящей поѣздкѣ коменданта, открылъ частый огонь осадныхъ орудій, осыпая 11-дюймовыми и 120-миллиметровыми снарядами всю мѣстность, прилегающую къ адмиральской пристани; на послѣдней снаряды рвались каждыя 3—5 минутъ, разрушая гранитную облицовку, бороздя всю площадь порта.

Въ проходѣ, ведущемъ на внѣшній рейдъ, падающіе снаряды вздымали высоко къ небу громадныя столбы воды.

На горизонтѣ и въблизи острова Кеппъ показались 3 крейсера и 2 миноносца.

Такъ какъ за послѣднее время противникъ набросалъ массу минъ, опуская ихъ лишь на 2 фута подъ поверхность воды, то, чтобы хоть отчасти отвратить опасность быть взорваннымъ миной, рѣшено было воспользоваться полнымъ приливомъ. Въ виду

Генераль Кондратенко.

послѣдняго обстоятельства, откладывать выходъ въ море не представлялось возможнымъ, и комендантъ крѣпости, въ сопровожденіи личнаго адъютанта подпоручика Гаммеръ, выѣхалъ къ пристани, гдѣ былъ встрѣченъ контръ-адмираломъ Виренъ, начальникомъ сухопутной обороны генераль-маіоромъ Кондратенко и состоящимъ при штабѣ крѣпости лейтенантомъ Макалинскимъ. Огонь по адмиральской пристани слегка стихъ.

Ожидавшій подъ парами миноносецъ „Сердитый“ быстро снялся съ якоря и понесся въ открытое море, взявъ направленіе на бухту Тахэ. Чтобы не быть заранѣе обнаруженнымъ непріятелемъ, который съ прибрежныхъ батарей немедленно всегда

открывалъ огонь по приближающимся судамъ, миноносецъ держался возможно ближе къ берегу, а затѣмъ, выйдя за Сигнальную гору, сразу пошелъ мористѣе и противъ бухты Тахэ далъ тихій ходъ.

Почти всѣ подступы къ веркамъ крѣпости закрывались громадою горъ Дагушань-Сяогушань, открывая взору лишь фортъ I, лит. А и вдали лит. Б.

Послѣ внимательнаго осмотра прибрежной мѣстности и видѣвшихся вдали частей крѣпости, комендантъ крѣпости приказалъ возвратиться въ портъ, куда и прибыли благополучно около 12 часовъ дня.

Пристать къ адмиральской и городской пристани не представлялось возможности вслѣдствіе все еще продолжавшейся усиленной бомбардировки порта и города.

Пришлось высадиться на пристани у вѣзда въ Новый городъ, откуда ускореннымъ шагомъ направились въ городъ, благополучно миновавъ Перепелиную гору и всю прилегающую мѣстность, непрерывно обстрѣливавшіяся громадными снарядами.

Результатъ рекогносцировки былъ тотъ, что обстрѣливаніе подступовъ броненосцемъ со стороны бухты Тахэ успѣха безусловно не дастъ никакого, а между тѣмъ выходъ броненосца, помимо опасности отъ минъ, подвергнетъ его большому риску ночныхъ атакъ.

Причиной рекогносцировки было домогательство Стесселя къ флоту. Онъ требовалъ выхода разоруженныхъ броненосцевъ (на броненосцахъ остались лишь 12'' орудія) для обстрѣла подступовъ къ атакованному фронту.

Начало октябрьскихъ штурмовъ.

13-е октября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

13 октября.

Копія.

Всю ночь шла рѣдкая ружейная и орудійная стрѣльба.

Исправляли бреши, траверсы, проволочныя загражденія форта 2.

Капитанъ Головань.

5 час. 40 мин. утра.

Съ 7 часовъ утра фортъ II въ 11-дюймовомъ огнѣ. Стараются обрушить эскарпъ.

Ночью разорвалась мина въ станкѣ.

Капитанъ Головань.

7 час. 30 мин. утра.

Генераль-маіоръ В. А. Ирманъ.

Фортъ 2 лит. Б въ обыкновенномъ 11", 6" огнѣ съ 7 час. утра.

Генераль-маіоръ Надѣинъ.

9 час. утра.

11" снарядъ упалъ на фортъ II. Взорвались ракеты. Обожжены 6 человекъ, подбиты 3 пулемета.

Капитанъ Головань.

9 час. 15 мин. утра.

Форты—2, 3, укрѣпленіе 3, батареи—Заредутная и л. Б въ сильномъ перекрестномъ огнѣ.

Капитанъ Головань.

10 час. утра.

Противъ окоповъ форта III японцы въ 20 шагахъ. Обстрѣливаютъ сосѣднія батареи.

Капитанъ Головань.

10 час. 20 мин. утра.

Съ 6—7 часовъ бомбардировка форта 2—л. Б. Много разрушеній и подбитыхъ орудій.

Окопы передъ фортомъ 3 и укрѣпленія 3 наполовину наши. Бой идетъ. Приняты мѣры къ выбитію.

На капонирѣ 3, на вершинѣ, японскій пулеметъ, наши въ 25 шагахъ—продвинуться дальше нельзя. Пулеметъ сбивается орудійнымъ огнемъ.

Капитанъ Головань.

10 час. 45 мин. утра.

Фортъ 3 и укрѣпленіе въ сильномъ мортирномъ и минномъ огнѣ.

Шт.-капитанъ Булгаковъ.

10 час. 55 мин. утра.

Охотничья команда 25 полка на Сигнальной горѣ обстрѣливается ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ.

Подполковникъ Науменко.

11 час. 20 мин. утра.

Мортирная бомба разбила пополамъ тѣло 6" орудія.

Шт.-капитанъ Булгаковъ.

12 час. 50 мин. дня.

Послѣ нѣкотораго затишья огонь по всему фронту усилился.

Роты, расположенныя въ окопахъ форта 3, несутъ потери отъ батарей изъ-за Дагушаня.

Капитанъ Головань.

2 часа 40 мин. дня.

Старый городъ.

Бомбардированіе усилилось по всему фронту.

Подполковникъ Науменко.

3 часа дня.

Началось наступленіе на фортъ II, капониры и укрѣпленіе 3.

Капитанъ Головань.

3 часа 30 мин. дня.

Усиленный огонь, вызванный желаніемъ занять окопы передъ укрѣпленіемъ 3, съ двухъ сторонъ. Не удалось. Въ окопы передъ фортомъ 3 скатить мины не удалось.

Капитанъ Головань.

4 часа 50 мин. дня.

Просятъ носильщиковъ. Изъ деревни Палиджуанъ на укрѣпленіе 3 и редутъ I двигаются 3 колонны.

Капитанъ Головань.

4 часа 50 мин. дня.

Благодаря тому, что Дагушанъ не былъ укрѣпленъ и вслѣдствіе этого былъ отданъ еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, онъ сослужилъ японцамъ большую службу.

Телефонограмма въ 2 часа 40 мин. свидѣтельствуешь объ этомъ.

Будь на Дагушанѣ фортъ или укрѣпленіе долговременнаго профиля, врядъ ли бы японцы такъ быстро присосались къ восточному фронту.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

13 октября.

Копія.

На Ляотышанѣ все спокойно.

Подполковникъ Козляковскій.

8 час. утра.

Въ расположеніи западнаго фронта безъ переменъ. Ночь покойна

Капитанъ Романовскій.

10 час. 25 мин. утра.

На западномъ фронтѣ безъ переменъ. На предгоріяхъ Высокой движеніе значительно усилилось.

Днемъ на постахъ небольшая перестрѣлка.

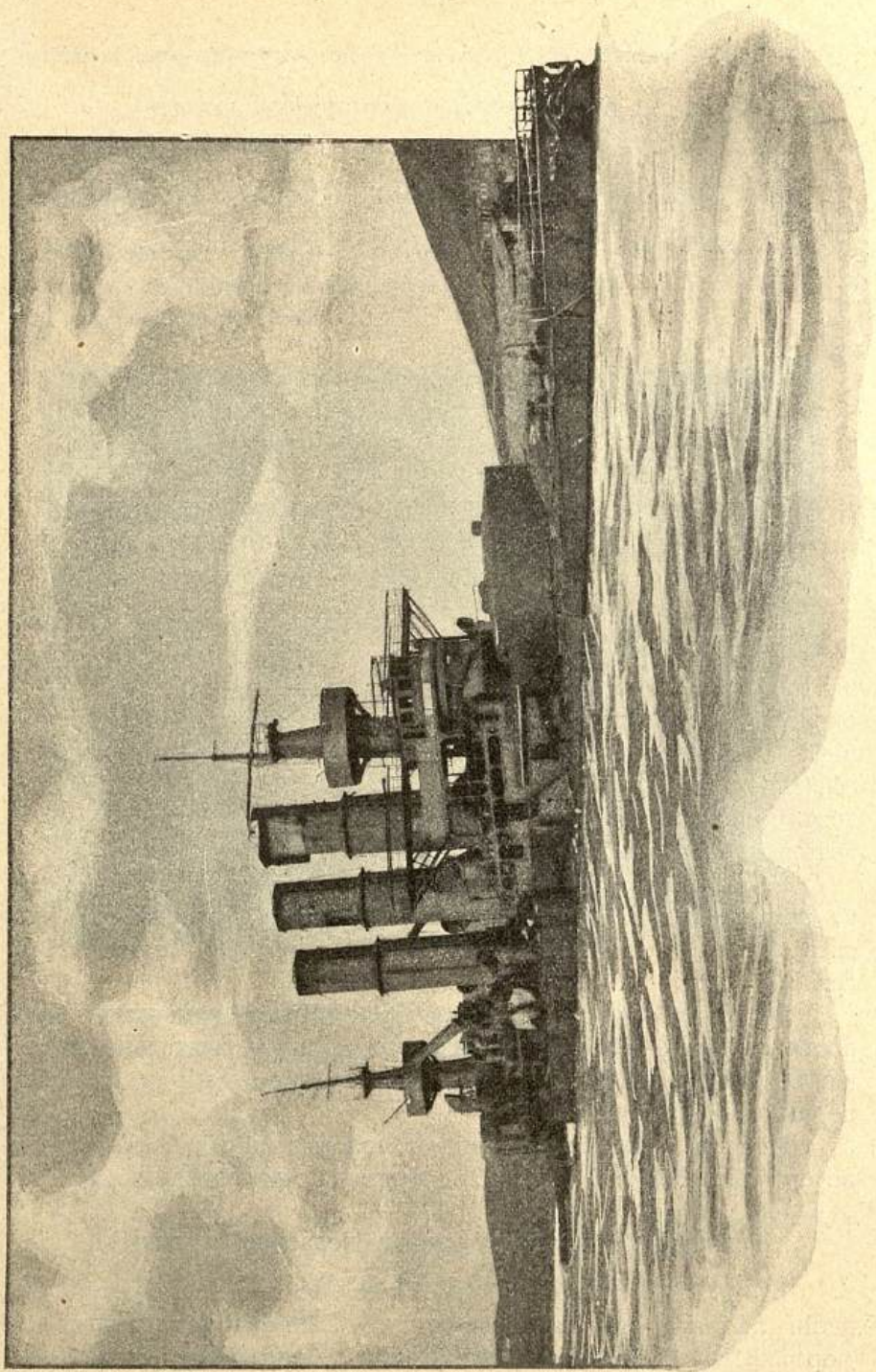
Капитанъ Романовскій.

3 часа дня.

День прошелъ покойно. Носили ящики изъ Трехголовой на Угловую. Позиціи укрѣпляются.

Полковникъ Ирманъ.

5 час. 20 мин. дня.

Затопленный броненосецъ „Ретвизанъ“.

Показался прожекторъ на Волчьихъ горахъ—лучи на фортъ 4 и П луншань.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

7 час. 5 мин. вечера.

Подъ Зелеными горами видны гуляющіе въ черныхъ солдатскихъ плащахъ.

На гласисѣ форта 3 японцы тащатъ на веревкахъ тяжелое орудіе.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

9 часовъ 20 мин. вечера.

На гласисѣ форта 3 поставлено горное орудіе.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

10 час. 55 мин. вечера.

Выписка изъ дневника покойнаго инженеръ-полковника Рашевского.

13 октября.

„... Въ 4 часа ночи изъ лѣвой галлерей передъ фортомъ II совершенно неожиданно услышали работу японцевъ, стукъ инструментовъ становился все ближе и явственнѣе, и, когда я около 9 часовъ прислушался къ нему, то получилось впечатлѣніе, что **врагъ работаетъ чуть ли не въ 2 аршинахъ лѣвѣе и нѣсколько выше**. Расчетъ камуфлета далъ зарядъ около 8 пудовъ пороха, и я немедленно приказалъ выбивать камеру и приготовить весь необходимый матеріалъ для забивки.

Послѣ самаго тщательнаго прислушиванія мы всѣ пришли къ заключенію, что противникъ опустился съ поверхности гласиса булевымъ колодцемъ съ цѣлью разрушить нашу лѣвую галлерей...

Въ 8 часовъ вечера на фортъ **пріѣхалъ комендантъ крѣпости генераль-лейтенантъ Смирновъ и, самъ тщательно выслушавъ работу непріятеля, выразилъ желаніе самому взорвать первый камуфлетъ...**

Передъ фортомъ III начали контръ-минныя работы 11-го вечеромъ... Работы ведетъ подпоручикъ Линденвельдъ...”

Генераль Смирновъ въ минной подземной галлерей.

Въ 7^{1/2} часовъ вечера комендантъ крѣпости, въ сопровожденіи личнаго адъютанта поручика Гаммеръ, отправился на фортъ II съ цѣлью лично выслушать и опредѣлить успѣхъ подземныхъ работъ противника.

Осаждающій велъ минную галлерею подъ фортъ II-ой съ цѣлью его разрушить.

Этого момента давно уже страшились безстрашные защитники, ожидая съ минуты на минуту ужасающаго взрыва.

Опасенія эти увеличились еще тѣмъ, что кто-то распространилъ слухъ, что противникъ заложить горнъ въ нѣсколько сотъ пудовъ динамита и весь фортъ взлетитъ на воздухъ. Слухъ, конечно, вздорный, но солдатики въ глубинѣ души довѣряли ему.

Разбитая снарядомъ комната.

На кровати трупъ. Человѣкъ убитъ спящимъ.

Положеніе защитниковъ было тяжелое.

Сознаніе, что фортъ ежеминутно можетъ взлетѣть, дѣйствовало подавляюще.

Вечеръ стоялъ тихій.

Полная луна.

Добравшись до атакованнаго фронта, пришлось оставить коней изъ опасенія быть открытымъ противникомъ.

У лит. Б, за горой, въ тѣни, были оставлены кони.

Двинулись пѣшкомъ.

Путь лежалъ по ходамъ сообщенія и стрѣлковымъ окопамъ, по которымъ противникъ поддерживалъ непрерывный ружей-

ный и пулеметный огонь, бросая въ нихъ разрывныя бомбочки и пироксилиновыя шашки.

Подвигаясь извилистыми окопами, ходами сообщенія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предохраняя себя отъ осколковъ, пуль и камней, — приходилось пробираться почти ползкомъ.

Вдали едва очерчивался фортъ II-ой и Куропаткинскій люнетъ, оба въ одиннадцатидюймовомъ огнѣ.

Въ окопахъ непрерывной цѣпью тянутся живые люди.

Въ холодныхъ шинеляхъ, папахъ, съ винтовками въ рукахъ, стоятъ, словно окаменѣлые.

Пристально смотрять впередъ, угрюмые, усталые.

Недвижный, мертвый свѣтъ мѣсяца серебрить всю эту суровую картину обороны.

Словно все замерло.

Прибывъ на фортъ и принявъ рапортъ отъ его коменданта капитана Рѣзанова, генераль осмотрѣлъ разрушенія въ бетонѣ, который только что былъ пробитъ одиннадцатидюймовыми бомбами.

Затѣмъ спустился въ подземный казематъ, гдѣ былъ встрѣченъ начальникомъ инженеровъ полковникомъ **Григоренко**, отряднымъ инженеромъ подполковникомъ **Рашевскимъ**, полковникомъ **Третьяковымъ** (специалистъ по миннымъ работамъ) и поручиками **Рейнботомъ**, **Бергомъ** и **Дебагорій-Мокріевичемъ**.

Спустившись въ низкій подземный ходъ, а затѣмъ ползкомъ добравшись до его конца, Смирновъ началъ внимательно выслушивать производимыя противникомъ работы.

Изъ этой галереи комендантъ проползъ въ другую, гдѣ тоже долго и внимательно слушалъ стукъ японскихъ кирокъ и кувалдъ.

Отъ врага отдѣляли 1½ аршина гранита, не болѣе.

Всѣ удивленно посматривали другъ на друга — отважный поступокъ Смирнова импонировалъ всѣмъ. Среди солдатъ во мгновение разнеслось: „Комендантъ самъ полѣзъ въ галерею“. Кто вѣрилъ, кто нѣтъ. Въ общемъ, впечатлѣніе сильное.

На совѣщаніи въ офицерскомъ казематѣ, гдѣ впоследствии былъ убитъ генераль Кондратенко, рѣшено было, не теряя времени, немедленно приступить къ устройству камуфлета.

Положеніе форта было дѣйствительно серьезное: каждый часъ, каждую минуту можно было ожидать взрыва.

Весь вопросъ былъ въ томъ — кто кого опередить.

Игра — но игра опасная!

На лицахъ у всѣхъ тревога.

Полная неизвѣстность.

Генераль Смирновъ простымъ, ласковымъ обращеніемъ добрымъ, участливымъ словомъ, шутками—подбодрилъ и успокоилъ героевъ.

Стрѣлки, артиллеристы повеселѣли.

Кругомъ же развернулась въ полномъ блескѣ картина боевой обстановки на атакованномъ форту.

Въ воздухѣ стоитъ свистъ, непрерывное жужжаніе пронизывающихъ его пуль; трескъ работающихъ пулеметовъ; взрывы бросаемыхъ къ нимъ и къ намъ бомбочекъ.

Удары, точно хлыстомъ, пуль о камни.

Темные силуэты стрѣлковъ у бруствера.

Артиллеристы у темныхъ, черныхъ тѣлъ орудій.

Весь фортъ погруженъ въ мракъ.

Гудѣніе и взрывы одиннадцатидюймовыхъ бомбъ.

Несмотря на крайнюю опасность, грандіозная картина заставляла невольно заглядѣться.

А въ основѣ сознаніе, какъ винтъ, сверлитъ мозгъ, что вотъ-вотъ раздастся взрывъ, и фортъ превратится въ груды развалинъ.

Всѣ это понимали и ни на минуту не забывали.

Гарнизонъ глубоко оцѣнилъ пріѣздъ самого коменданта на фортъ въ такую страшно опасную для него минуту.

Поблагодаривъ всѣхъ за тяжелый трудъ, геройскую стойкость, генераль со смѣхомъ обратился къ капитану Рѣзанову.

— А у васъ исправно салютуютъ японцы моему пріѣзду. Вонъ ружейный, пулеметный огонь—въ это время подходили къ мосту черезъ ровъ, загудѣлъ 11'' снарядъ—а вотъ и орудинный салютъ. Молодцы японцы!

Бомба разорвалась по ту сторону моста, осыпало пескомъ и камнями.

— Ваше превосходительство, спѣшите, они сейчасъ вторую пошлютъ—доложилъ Рѣзановъ.

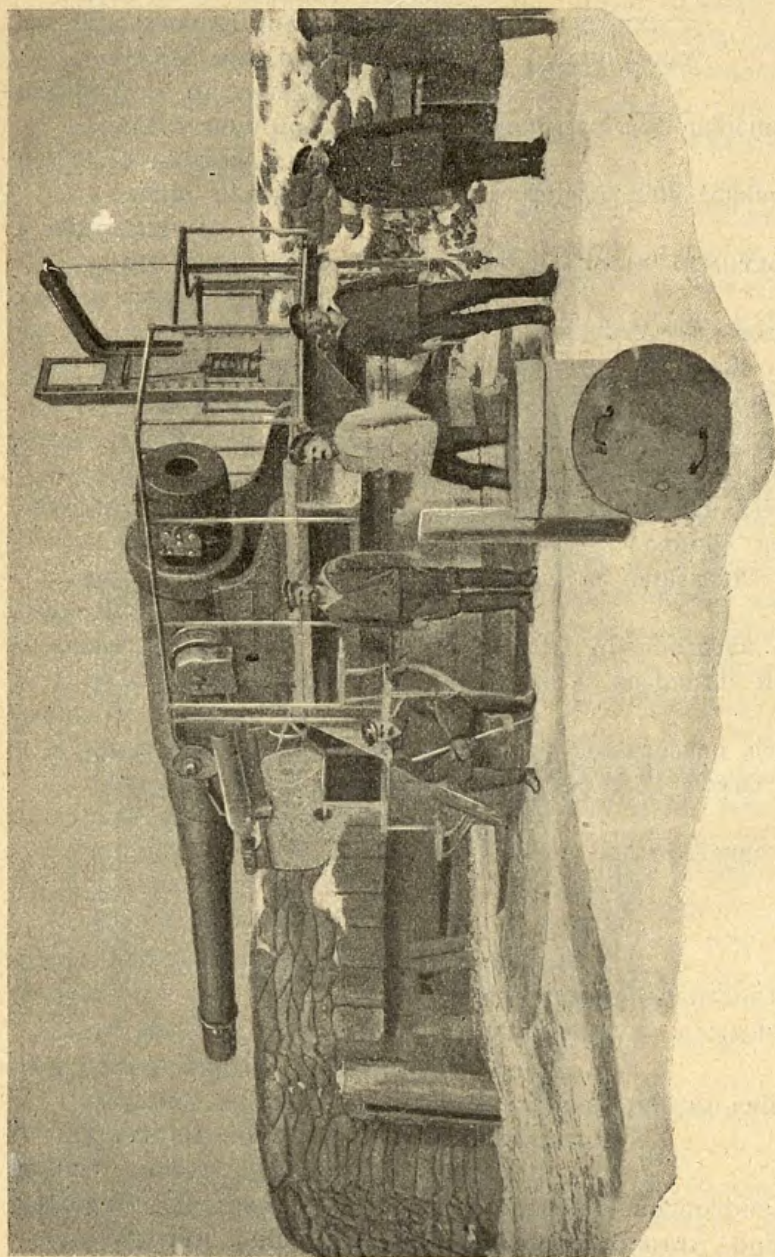
Пожавъ капитану руку, Смирновъ быстро перешелъ мостъ, и свернулъ въ ходъ сообщенія.

На пути встрѣтился стрѣлокъ. Разминулись.

Не прошли 10 шаговъ—загудѣлъ снарядъ...

Ускорили шагъ.

Снарядъ надвигался.

Береговой фронтъ.

Лейтенантъ Хоменко, минуя невфронтныя трудности въ теченіе одного мѣсяца поднялъ изображенное орудіе на высоту батареи и окончательно установилъ его.

Командиръ пушки лейтенантъ Винкъ.

Батарея № 20. 24 см. китайская пушка.

Секунды...

Дьявольскій свистъ надъ самой, самой головой.

Бросились на дно хода.

Взрывъ въ двухъ-трехъ саженьяхъ.

Буквально засыпало пескомъ и каменьями.

Съ форта крикнули:

— Убить! Комендантъ убить!

Но комендантъ уже уходилъ.

Надвигался третій снарядъ.

Былъ убитъ встрѣтившійся стрѣлокъ.

Опоздай на нѣсколько секундъ, и Смирнова бы не стало.

Полный разгромъ зданія газеты „Новый Край“.

Въ ночь съ 12-го на 13-ое октября въ 11 часовъ началась обыденная бомбардировка порта и эскадры.

Ночь стояла темная—мѣсяцъ лишь изрѣдка заигрывалъ съ Артуромъ изъ облаковъ.

Первый снарядъ упалъ на Стрѣлковой улицѣ.

Второй, пронизавъ насквозь столовую квартиры военного прокурора полковника М. А. Тыртова, разрушилъ на пути прихожую, вынесъ двери и разорвался на улицѣ.

За часъ передъ началомъ бомбардировки—мы покойно сидѣли въ этой столовой, мирно бесѣдуя.

Тема разговора—ночныя бомбардировки.

М-ме Тыртова увѣренно говорила командиру „Севастополя“ капитану Г. р. Эссенъ.

— Я совершенно не боюсь бомбардировокъ этими чудовищами.

Они преспокойно летятъ къ вамъ на суда. Намъ страшны маленькіе снаряды.

Замѣшкаясь Тыртовы двѣ, три минуты въ столовой—послѣдствія были бы для нихъ ужасны.

Послѣдующими двумя снарядами былъ разрушенъ въ основаніи домъ редакціи и типографіи.

Всѣ машины и шрифты были разбиты въ дребезги.

Къ счастью, въ типографіи было мало людей, шло печатаніе №.

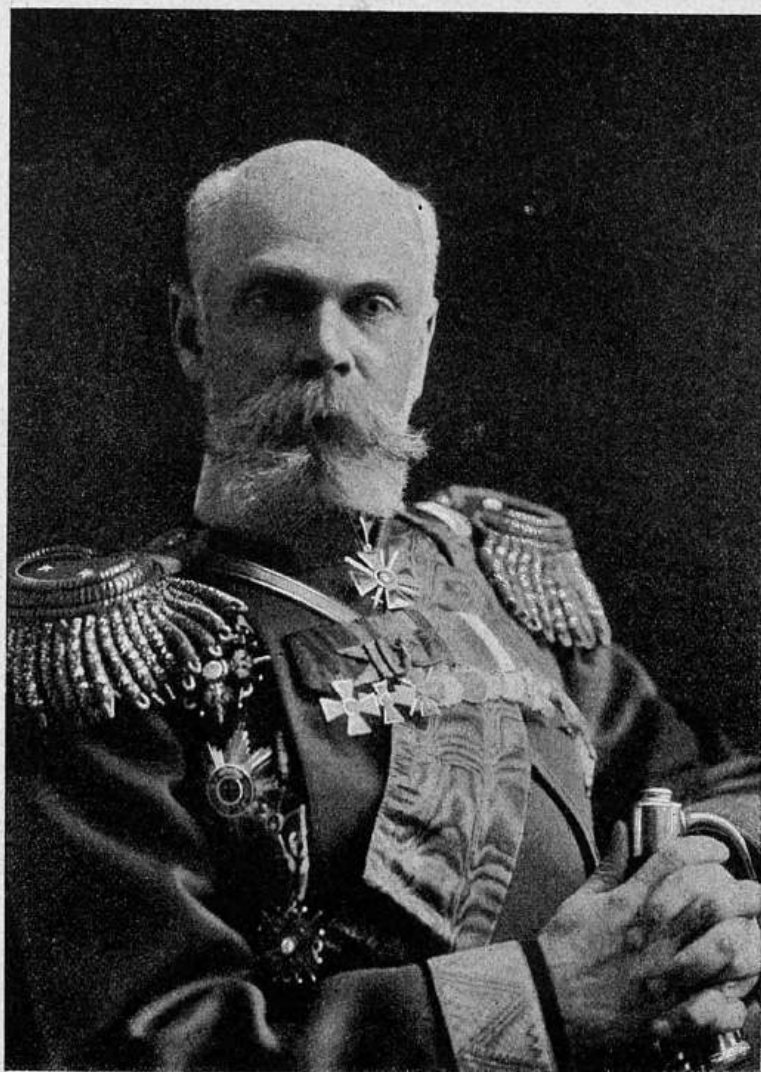
Подъ грудями развалинъ погибло нѣсколько китайцевъ.

Злой рокъ преслѣдовалъ газету.

Бомбардировка усиливалась.

Снаряды сыпались одинъ за другимъ, все время давая недолеты.

Темная ночь мѣшала корректировкѣ.

Генераль-маіоръ Владимиръ Николаѣвичъ Горбатовскій.

Занялся пожаръ.

Огромный столбъ пламени взвился надъ домомъ и складомъ артурскаго коммерсанта М. Гинсбурга и ярко-ярко освѣтилъ бухту и суда, подтянувшіяся къ Перепелиной горѣ.

Стало свѣтло, какъ днемъ.

Снаряды начали ложиться у судовъ.

Мы каждую минуту ожидали, что противникъ откроетъ бомбардировку по пожарищу.

Огонь разрастался.

Складъ Гинсбурга превратился въ гигантскій костеръ.

Огромные языки яркаго пламени лизали темный небосводъ.

Брандмейстеръ Вейканенъ съ своими героями-пожарными напрасно боролся съ огненной стихіей.

Огонь, побѣждая воду, предательски свѣтилъ врагу его цѣль.

Суда безмолвно истязались.

Тяжело и обидно было смотрѣть, какъ эти мощныя громады безнаказанно разстрѣливались на глазахъ у всей крѣпости.

Не говоря уже объ ихъ цѣнности—тяжело было сознавать, что мы безсильны парализовать неистовствовавшего врага.

Береговой фронтъ молчалъ.

Снаряды береглись для штурмовъ.

Ночь прошла безпокойно.

Лишь къ утру сталъ стихать бушевавшій огонь.

Осаждающій смилостивился, не бомбардировалъ пожарища.

А сколько было бы убитыхъ?

На пожарѣ была масса людей, спасавшихъ товары изъ экономического общества.

Складъ Гинсбурга сгорѣлъ до тла.

М. А. Гинсбургъ.

Итакъ, въ ночь на 13-ое октября отъ взрыва одиннадцатидюймоваго снаряда сгорѣли складъ и контора Гинсбурга, крупнейшаго на Дальнемъ Востокѣ русскаго коммерсанта.

Упомянувъ имя Гинсбурга, я долженъ познакомить читателя съ дѣятельностью этого лица на Дальнемъ Востокѣ.

Съ этимъ именемъ неразрывно связана исторія развитія и распространенія нашего вліянія на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ представителемъ могущества и величія Россіи на берегахъ Тихаго океана всегда являлся нашъ флотъ.

Къ 70-мъ годамъ относится начало дѣятельности Гинсбурга, который былъ тогда единственнымъ въ Японіи русскимъ, вполне знакомымъ съ мѣстными условіями, которому въ теченіе тридцати лѣтъ послѣдовательно смѣнявшіеся командиры и адмиралы довѣряли крупное и отвѣтственное дѣло обслуживанія всѣмъ

необходимымъ судовъ эскадры, постепенно увеличивавшейся въ своемъ составѣ.

Дѣятельность его, постепенно расширяясь, получила полное развитіе послѣ окончанія японско-китайской войны, когда въ 1895 году русскій флотъ стоялъ въ Чифу, готовый начать военныя дѣйствія противъ Японіи.

Разрушеніе въ бильярдной ресторана „Саратовъ“.

Тогда, благодаря только исключительной энергіи г. Гинсбурга и его умѣнію преодолевать всѣ препятствія, главнымъ же образомъ со стороны враждебныхъ намъ англичанъ, коммерческихъ хозяевъ на Дальнемъ Востокѣ,—эскадра въ кратчайшій срокъ была вполнѣ обеспечена углемъ, провизіей и всѣми необходимыми матеріалами судового хозяйства.

Эта заслуга была по достоинству оцѣнена, равно какъ и содѣйствіе, оказанное Гинсбургомъ въ 1897—98 г. при занятіи нашей эскадрой Портъ-Артура.

Во время боксерскаго возстанія Гинсбургъ проявляетъ кипучую и плодотворную дѣятельность по перевозкѣ изъ Портъ-Артура въ Таку нашихъ войскъ и военныхъ припасовъ. Этимъ онъ окончательно завоевалъ къ себѣ полное довѣріе начальствующихъ лицъ, которыя поняли, что Гинсбургъ въ жестоко-критическія минуты незамѣнимъ. Наконецъ, передъ началомъ минувшей кампаніи Гинсбургъ, имѣвшій въ Японіи и Китаѣ цѣлую сеть конторъ и наблюдающихъ агентовъ, энергично донося о приближеніи неминуемаго разрыва и предвосхищая настоятельную необходимость, опять въ кратчайшій срокъ (все это происходило на моихъ глазахъ, я жилъ въ это время въ Японіи) заготовилъ для эскадры огромный запасъ продовольствія, матеріаловъ и медикаментовъ (которые спасли въ періодъ тѣсной блокады не одну сотню жизней, такъ какъ въ крѣпости уже въ серединѣ осады ощущался недостатокъ во всемъ, а въ особенности въ медикаментахъ), а также свыше 100.000 тоннъ японскаго угля и почти такое же количество угля „кардифа“. Четыре парохода съ японскимъ углемъ удалось доставить въ Портъ-Артуръ во время уже начавшейся кампаніи.

Тотъ, кто знаетъ японцевъ, присущій имъ патріотизмъ, граничащій съ фанатизмомъ, тотъ пойметъ, какъ трудно было приобрести этотъ уголь у народа, который стремительно готовился къ войнѣ.

Другого же источника, кромѣ японскихъ каменноугольныхъ копей, не было.

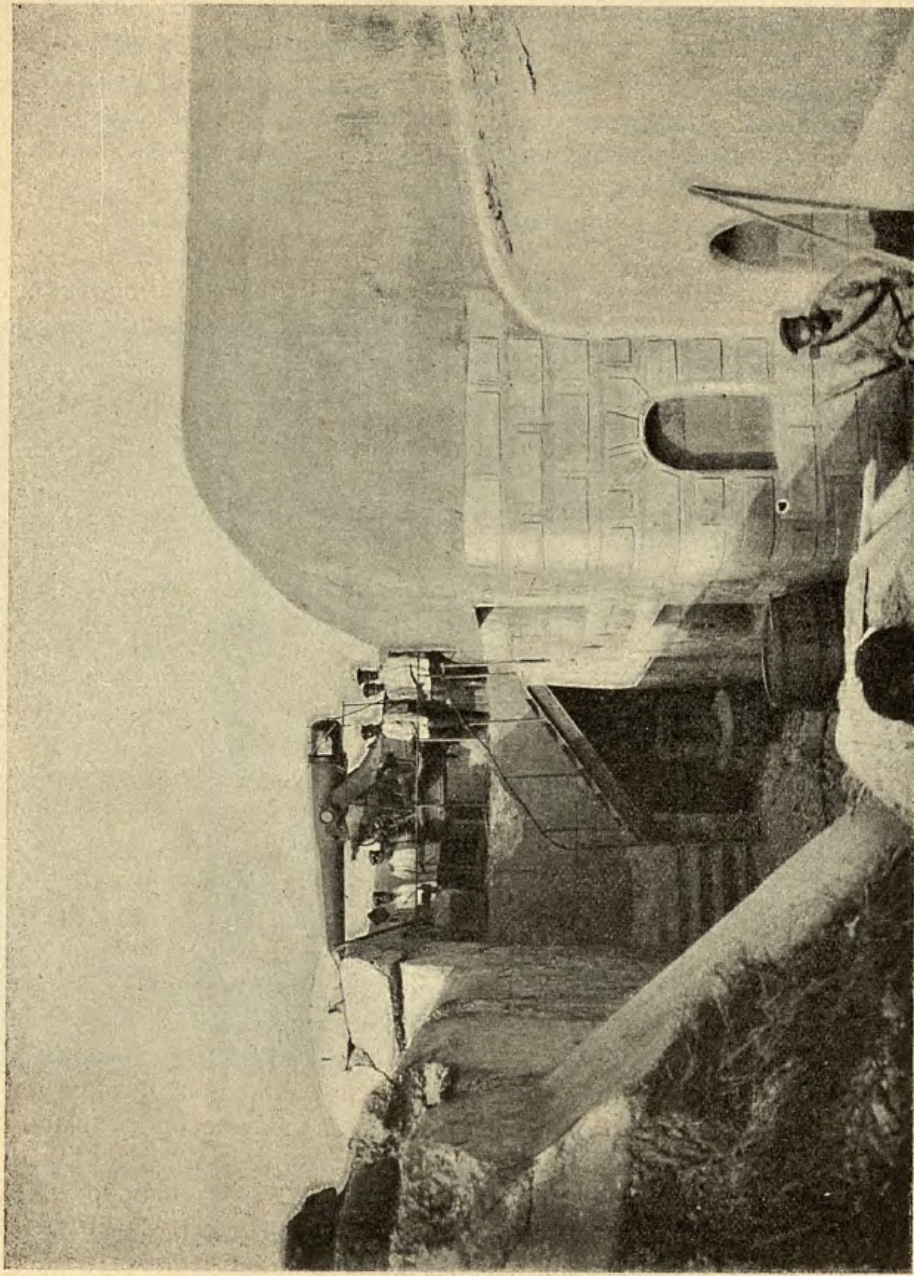
Что бы дѣлала эскадра безъ угля?!..

Съ началомъ войны, незадолго до перерыва сообщенія, Гинсбургъ получилъ приказаніе намѣстника обезпечить крѣпость, на случай полнаго ея обложенія, продуктами первой необходимости, и онъ въ теченіе двухъ недѣль доставилъ свыше 3000 головъ скота, муку, масло и проч.

Покойный нашъ Макаровъ, знавшій Гинсбурга по прежнимъ своимъ плаваніямъ и найдя дѣятельность его въ Портъ-Артурѣ очень продуктивной, обратился съ письмомъ къ морскому министру, въ которомъ рекомендовалъ поручить Гинсбургу обслуживаніе готовившейся къ походу эскадры Рождественскаго.

Какъ была исполнена Гинсбургомъ эта задача—я не знаю. Я пишу только то, чему былъ самъ непосредственнымъ свидѣтелемъ. Знаю, отлично знаю только то, что онъ былъ посвященъ почти во всѣ сокровенныя тайны какъ морскаго министерства, такъ и самого адмирала Рождественскаго, а также что съ Высо-

Снимокъ покойнаго инженера-полковника С. А. Рашевского.

Батарея лит. Б на сѣверо-восточномъ фронтѣ въ августѣ.

чайшаго соизволенія ему былъ открытъ необычайный кредитъ, которымъ онъ пользовался въ предѣлахъ ему извѣстныхъ необходимыхъ затратъ.

Всѣ болѣе или менѣе близко знакомые съ условіями коммерческой жизни на Дальнемъ Востокѣ въ предперіодѣ кампаніи и въ первый періодъ ея,—съ увѣренностью, съ непреложнымъ убѣжденіемъ открыто говорятъ, что дѣятельность Гинсбурга и его двухъ ближайшихъ сотрудниковъ—брата его М. А. Месса (въ Японіи) и Г. М. Гандельмана (въ Портъ-Артурѣ)—была въ высокой степени плодотворна въ смыслѣ предусмотрительно и заблаговременно произведенныхъ заготовокъ угля, провіанта и медикаментовъ, что дало возможность крѣпости держаться лишнихъ два-три мѣсяца.

Дни Артура сочтены были бы много раньше—онъ палъ бы отъ голода, а эскадра осталась бы безъ жизненнаго ея эликсира—угля.

Вотъ почему, оцѣнивая долготѣнную дѣятельность Гинсбурга, слѣдуетъ признать, что этотъ человѣкъ недоюжинныхъ способностей, желѣзной энергіи, принесъ много пользы, являясь постоянно въ самыя тяжелыя минуты надежнѣйшимъ помощникомъ представителей русской власти на Дальнемъ Востокѣ.

14-е октября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

14 октября.

Копія.

Орудійный и ружейный огонь продолжается.

На капонирѣ 3 наши занимаютъ незначительную часть въ горѣ капонира.

Пулеметы на вершинѣ капонира для насъ убійственны.

Въ окопахъ впереди укрѣпленія 3 наши съ помощью артиллеріи выбиваютъ японцевъ.

Японцы выбиты.

Огонь продолжается.

Капитанъ Головань.

3 ч. 45 м. ночи.

Послѣ нѣсколькихъ атакъ выбили японцевъ изъ окоповъ форта III, но изъ Китайскаго не могли—подошли резервы. Мы оставили окопы (совершенно разрушенные) и отошли къ Китайской стѣнѣ.

Японцы вновь заняли окопы укрѣпленія III.

Силились исправить поврежденія—не могли благодаря не прекращавшейся бомбардировкѣ.

Капитанъ Головань.

6 час. 50 м. утра.

Всю ночь фортъ III въ 11" огнѣ.

Шт.-капитанъ Булгаковъ.

7 часовъ утра.

Доношу, что 13 октября, послѣ страшной бомбардировки до 5 часовъ вечера, японцы изъ окоповъ расположились въ 150 шагахъ отъ укрѣпленія III, мгновенно бросились въ наши окопы и заняли ихъ.

Я всю силу ружейнаго и орудійнаго огня перенесъ на наши окопы.

Японцы дрогнули и побѣжали. 7-ая и 9-ая роты 16 полка вновь заняли окопы.

Небольшая часть японцевъ заняла небольшой окопъ шагахъ въ 50, перебросила мѣшки, укрѣпилась, прорывъ къ своимъ окопамъ ходъ сообщенія—связали себя крытымъ ходомъ.

Рота квантунцевъ не могла ихъ выбить.

На Сяогушанѣ замѣтно скопленіе людей.

Ночь прошла относительно покойно (Куропаткинскій люнетъ, лит. Б.).

Подполковникъ Науменко.

7 час. 40 м. утра.

Японцы окончательно утвердились въ окопахъ передъ фортомъ III и укрѣпленіемъ III.

Капитанъ Головань.

11 час. утра.

По дорогѣ къ 11 верстѣ прошло 150 носилокъ съ ранеными.

Подполковникъ Науменко.

11 час. утра.

Укрѣпленіе III въ 11" огнѣ. Поврежденія большія.

Капитанъ Головань.

11 час. 40 м. утра.

По дорогѣ къ 11 верстѣ еще прошло 200 носилокъ съ ранеными.

Мичманъ Вонлярлярскій.

12 часовъ 8 м. утра.

На гласисѣ форта 3 безнаказанно работаютъ японцы. Фортъ въ 11" огнѣ. Разбитъ.

Шт.-капитанъ Булгаковъ.

2 часа 40 м. дня.

Въ квадратѣ 652 О четыре большія палатки—повидимому, для начальства.

Мичманъ Вонлярлярскій.

2 часа 55 м. дня.

Взрывъ камуфлета на форту 2 удачно.

Капитанъ Головань.

Подъ фортомъ 3 собралось много непріятеля.

Шт.-капитанъ Булгаковъ.

5 час. 25 м. вечера.

Съ темнотой къ Артуру изъ дер. Вандзядензи двинулись 8 колоннъ.

Лейтенантъ Ромашевъ.

6 час. 10 м. вечера.

Отъ бухты „Десяти кораблей“ къ Трехголовой прошелъ эскадронъ въ 3 часа дня.

Весь день отъ укрѣпленія III до лит. А все въ огнѣ.

Капитанъ Головань.

6 час. 30 м. вечера.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

14 октября.

Konin.

Ночь на западномъ фронтѣ прошла покойно.

Капитанъ Романовскій.

10 часовъ утра.

На вѣренномъ мѣѣ флангѣ все покойно. Большое движеніе арбъ съ ящиками.

Полковникъ Ирманъ.

10 час. 12 м. утра.

Ночью миноноски обстрѣливали нашъ берегъ безъ результата. Легкія перестрѣлки.

Подполковникъ Козляковскій.

Выписка изъ дневника покойнаго инженеръ-полковника С. А. Рашевского.

14 октября.

„Всю ночь на форту II шла лихорадочная дѣятельность по зарядженію камеры и устройству забивки. Работа японцевъ постепенно слышалась все явственнѣе и явственнѣе, сначала слѣва и нѣсколько впереди, а затѣмъ сзади, т. е. они прошли мимо въ самомъ близкомъ разстояніи—**слышенъ былъ кашель и голоса работавшихъ.** Поспѣшно выдѣлывая камеру, а затѣмъ забивку,

мы все время продолжали стучать, сначала киркой, а затѣмъ кувалдой въ стѣнки задѣлываемой галлерей и сосѣдняго колодца, дабы обмануть бдительность врага, постоянно прислушивавшагося къ нашей работѣ—стоило намъ прекратить этотъ стукъ, и у нихъ тотчасъ же все смолкало.

Больше всего мы боялись, чтобы они, опредѣливши нашу работу, не зарядили бы наскоро колодца, помощью котораго они, какъ намъ казалось, опустили изъ верхней своей галлерей, двойнымъ зарядомъ безъ забивки и не дали бы намъ горна, чѣмъ разбили бы нашу галлерею и уничтожили всѣ наши надежды на успѣхъ; но, къ счастью, стукъ и работа въ ихъ галлерей продолжались неизмѣнно.

Забивку окончили только къ 11 часамъ дня. Изъ предосторожности въ камеру ввели 3 запала и устроили двѣ станціи.

Къ 12 часамъ пріѣхалъ **комендантъ крѣпости генераль-лейтенантъ Смирновъ**, и, такъ какъ онъ хотѣлъ непремѣнно видѣть эффектъ взрыва, то мы наскоро провели летучіе провода и индуктивный приборъ на валгангъ передняго фаса.

Въ 12 ч. 30 м. **комендантъ лично произвелъ взрывъ камуфлета**. Надъ мѣстомъ непріятельскаго колодца поднялся бѣлый столбъ дыма, лишь немного окрашенный земляной пылью, полетѣли вверхъ доски и камни.

Наша галлерей и камера вовсе не имѣли одежды, такъ что ясно было, что на воздухъ вылетѣли доски непріятельскаго колодца... камуфлетъ удался на славу...

...Дѣйствія противника становятся все болѣе и болѣе оживленными и нервными, стрѣльба изъ 11" орудій не прекращается, при чемъ главной цѣлью ея служатъ форты II, III и укрѣпленіе III, положеніе которыхъ становится тяжелѣе и тяжелѣе, болѣе всего утомляетъ гарнизоны ихъ невозможность найти совершенно безопасное укрытіе отъ этихъ снарядовъ. Особенно трудно защитникамъ форта III-го—когда непріятельскій огонь усиливается, то оставаться во внутреннемъ дворикѣ форта становится невозможнымъ: ежеминутно здѣсь лопаются бризантные снаряды, шрапнель и мелинитовые патроны, выбрасываемые японцами съ довольно значительныхъ разстояній; кромѣ того, вокругъ свистятъ пули на излетѣ, залетающія въ фортъ, а черезъ 2—3—5 минутъ раздается зловѣщее гудѣніе 11" снаряда и черезъ нѣсколько секундъ страшный трескъ его разрыва, окутывающій весь фортъ густымъ облакомъ дыма...

...Начался бой въ самомъ капонирѣ; когда я, получивши

увѣдомленіе объ этомъ, прибѣжалъ въ капониръ, то засталъ такую картину: въ капонирѣ царить почти полный мракъ, чтобы затруднить японцамъ возможность выстрѣлами поражать насъ,

Городская столовая, дѣйствовавшая до самой капитуляціи.

все вокругъ наполнено ѣдкимъ, удушающимъ дымомъ отъ взрывовъ пироксилиновыхъ, мелинитовыхъ патроновъ, огненные отблески взрыва которыхъ ежеминутно освѣщаютъ этотъ мракъ;

комендантъ форта и почти всѣ офицеры вынесены чуть ли не за смерть, потерявшіе сознание отъ удушья; **гарнизонъ въ паникѣ мечется** по узкимъ казематамъ и коридорамъ капонира и контрэскарповой галлерей. Въ первыя минуты рѣшительно не сознаешь, что можно сдѣлать; затѣмъ, столкнувшись съ саперомъ поручикомъ **Левбергомъ**, который успѣлъ сохранить полное присутствие духа среди этого ада, я просилъ его организовать послѣдовательную оборону капонира, перегородивши коридоры траверсами изъ мѣшковъ, а по телефону вызвалъ поручика **Дебагорія-Мокріевича**, чтобы онъ немедленно прибылъ съ подрывными патронами... гальванерами... Однако этого не понадобилось: черезъ $1\frac{1}{2}$ часа японцы не выдержали удушья атмосферы капонира... очистили сами казематы... Наши долго не рѣшались войти въ казематы, но отыскался храбрецъ рядовой 10 р. 25 полка **Илья Головачевъ**, который вышелъ самъ впередъ, а за нимъ бросился одинъ изъ санитаровъ, поручикъ **Дебагорій-Мокріевичъ**..."

Генераль Смирновъ взрываетъ камуфлетъ на форту II.

14 октября въ 11 часовъ утра комендантъ крѣпости, въ сопровожденіи личнаго адъютанта поручика Гаммеръ, ходами сообщенія (поражаемыми ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ) прибылъ на фортъ II, гдѣ все уже было готово къ производству камуфлета.

Генераль пожелалъ лично замкнуть токъ.

Всей крѣпостной артиллеріи было приказано, въ случаѣ удачнаго камуфлета, немедленно открыть огонь по осаднымъ батареямъ противника, если онъ всю силу своего орудійнаго огня сконцентрируетъ на форту II.

Осаждающій въ это время методично обстрѣливалъ 11" бомбами фортъ II, Куропаткинскій люнетъ и лит. Б.

Бомбы взрывались каждыя 2-3 минуты.

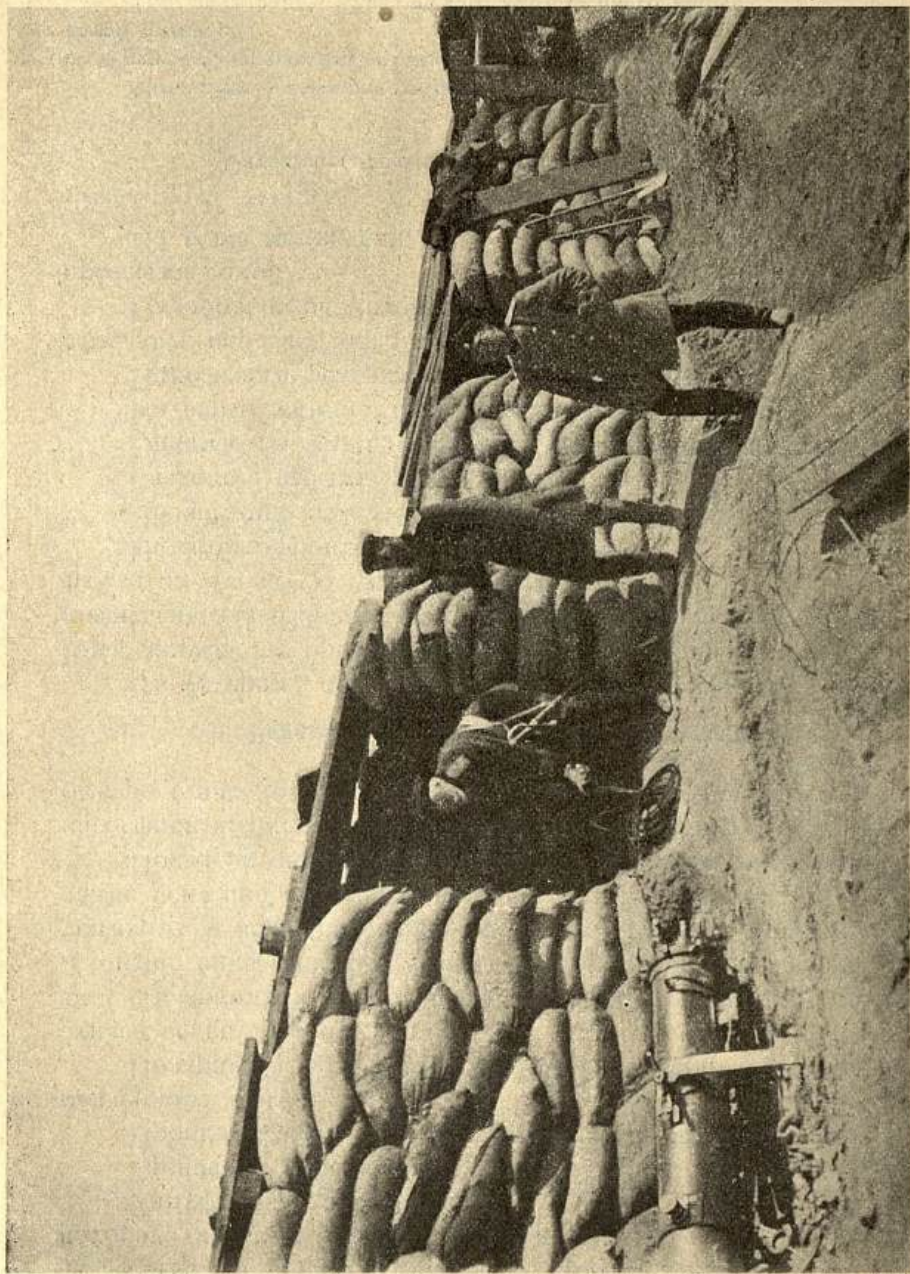
Послѣ осмотра забивки камуфлета было приказано протянуть провода отъ станціи въ казематы къ наружному брустверу.

Быстро, въ мигъ все изготовили молодцы-саперы: провели провода, принесли ящикъ съ батареей...

Снарядъ за снарядомъ продолжали падать и рваться.

Воспользовавшись промежуткомъ между только что разорвавшимся снарядомъ и слѣдующимъ выстрѣломъ, генераль взшелъ на брустверъ и...

Снимок покойного инженеръ-полковника С. А. Рашевского.

замкнулъ токъ.

...замкнулъ токъ.

Надъ капониромъ взвилось огромное облако дыма, среди котораго мелькнули доски, ка и и люди...

Камуфлетъ удался вполнѣ!

Гарнизонъ облегченно вздохнулъ.

Прошли ужасные, томительные часы ожиданія, горѣнія на медленномъ огнѣ.

Поздравивъ всѣхъ съ полнымъ успѣхомъ, комендантъ сгинутилъ во внутренний дворикъ.

Съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ провожали офицеры и нижніе чины генерала, когда онъ, прощаясь, поздравлялъ съ успѣхомъ и искренно, сердечно желалъ героямъ-защитникамъ и далѣе успѣшно оборонять ввѣренный имъ фортъ!

Появленіе коменданта въ самомъ опасномъ мѣстѣ атакованнаго фронта, рискъ, которому подвергалъ себя глава крѣпости, быстро стали достояніемъ всего гарнизона, утроивъ его энергію.

Раненіе генераль-адъютанта Стесселя.

Въ то время, когда генераль Смирновъ взрывалъ на фортъ II-мъ камуфлетъ, примѣромъ своего безстрашія вдохновляя гарнизонъ на дальнѣйшую упорную борьбу, начальникъ района выѣхалъ на Зубчатую гору западнаго фронта.

На этомъ фронтѣ все было покойно.

Неожиданно залетаеъ сварядъ.

Раздается взрывъ.

Однимъ изъ камней генераль былъ слегка оцарапанъ.

На горѣ смятеніе: генераль-адъютантъ раненъ!!!

Прибѣжалъ фельдшеръ и началъ усердствовать... не жалѣлъ онъ перевязочнаго матеріала.

Съ обильно забинтованной головой Стессель торжественно проѣхалъ домой.

На утріе мы читали:

Приказъ.

Октября, 14-го дня, 1904 года. Кр. Портъ-Артуръ.

№ 769.

Объявляю благодарность фельдшеру 4-ой роты 7-го запаснаго батальона Юсифу Сенетовскому, сдѣлавшему мнѣ сего числа перевязку подъ Зубчатой батареей.

П.п. начальникъ Квантунскаго укрѣпленнаго района
генераль-адъютантъ Стессель.

Съ подл. вѣрно: начальникъ штаба
полковникъ Рейсъ.

Въ Петербургъ къ Царю была экстренно на шаландѣ (стоимость шаланды 500 руб.) отправлена телеграмма о происшедшемъ несчастіи.

А въ Артурѣ литература о постигшемъ крѣпость бѣдствіи множилась.

Приказъ.

Октября, 18 дня, 1904 года. Кр. Портъ-Артуръ.

№ 779.

14-го сего октября, находясь въ окопахъ 26-го в.-с. с. полка у Зубчатой батареи, я былъ раненъ непріятельскою пулею изъ окоповъ внизу временнаго укрѣпленія № 3 въ правую темянную область съ поврежденіемъ кожного покрова и ушибомъ темянной кости. Пораненіе это внести въ мой послужной списокъ.

Основаніе: перевязочное свидѣтельство за № 20 и ст. 901 кн. VIII Св. Воен. Пост., изд. 1892 года.

Истинные защитники Артура хохотали.

Враги защиты—друзья и приспѣшники Стесселя—радовались.

Теперь нѣтъ и не будетъ предѣла его величію.

Прославленный герой—да еще страдалецъ!

Дальновидные же люди говорили:

— Посмотрите—Стессель сдаться крѣпость. Ему напоютъ, что онъ все сдѣлалъ, боролся до полученной раны включительно, что отвѣтственности бояться ему нечего. Онъ повѣритъ и сдаться.

Дѣйствительно, съ 14-го октября въ тѣсномъ, интимномъ кругу генераль-адъютантскаго дома уже зашла рѣчь о сдачѣ.

15-е октября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

15 октября.

Копія.

Японцы взрывомъ сдѣлали отверстіе въ стѣнѣ капонира 3. Его заложили. Еще взрывъ, и проникли. Выбиваютъ. Командированъ туда подполковникъ Рашевскій.

Капитанъ Головань.

5 час. 10 м. утра.

Капитанъ Рѣзановъ доносить, что удалось выбить японцевъ изъ капонира.

Рѣзановъ удушенъ газами.

Капитанъ Головань.

8 час. утра.

Поставлена новая 11" мортира. Огонь по форту II.

Мичманъ Вонлярлярскій.

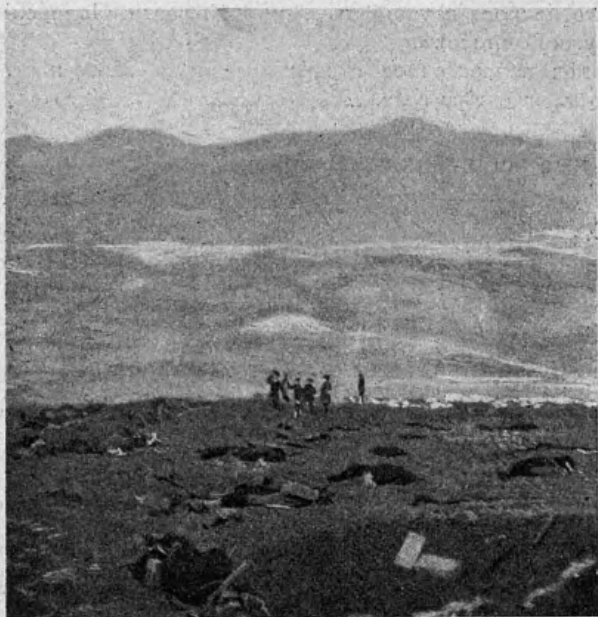
9 час. утра.

Съ сѣдла Дагушаня батареи сильно обстрѣливаютъ дорогу отъ Малаго къ Большому Орлиному Гнѣзду. Стрѣляютъ даже по одиночнымъ людямъ уже десять дней ¹⁾.

Крестовая двѣ недѣли назадъ сняла ихъ въ полчаса.

Прапорщикъ флота Алалякинъ.

3 час. 50 м. дня.

Перемиріе.

Въ окопы укрѣпленія з сбѣгаютъ японцы.

Шт.-капитанъ Булгаковъ.

4 часа дня.

¹⁾ Невольно всегда хочется спросить, почему г. Величко не настоялъ при распланировкѣ крѣпости на укрѣпленіи Дагушаня, этого естественнаго форта. Неужели онъ не понималъ, какъ тяжело защищать крѣпость, если съ самаго начала обстрѣливаются военныя дороги?

О Величко! Величко!

Егермestейръ Балашовъ.

Полковникъ князь Мачабелли †.

Полковникъ Науменко.

Подполковникъ Вершининъ.

Ожидаемъ наступленія на фортъ и укрѣпленіе 3, въ окопахъ много японцевъ.

Артиллерія открыла огонь. Малое количество орудій можетъ принять участіе. Желательна помощь Зубчатой.

Капитанъ Головань.

5 час. вечера.

Подъ Золотой горой.

Весь день по дорогѣ съ Волчьихъ горъ спускались пѣшіе и конные люди и обозы. По перевалу Шинизы тоже.

Лейтенантъ Романовъ.

Большая гора.

7 час. 30 м. вечера.

Куропаткинскій люнетъ усиленъ запасной ротой.

Подполковникъ Науменко.

9 час. 25 м. вечера.

Весь день весь восточный фронтъ въ огнѣ 11" мортирь.

12 час. ночи.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

15 октября.

Копии.

Замѣтно большое передвиженіе противника.
Необходимо на этомъ фронтѣ усилить огонь.

Капитанъ Романовскій.

10 час. утра.

По берегу бухты „Десяти кораблей“ идетъ на правый флангъ баталіонъ.

Лейтенантъ Сухомлиновъ.

11 час. 45 м. утра.

На оборонительной линіи.

Непріятель сильно беспокоенъ.
Съ запада къ Волчьимъ горамъ большое движеніе.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

1 часъ 15 м. дня.

Большое движеніе въ окопахъ форта III.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

1 часъ 35 м. дня.

Командиръ стрѣлковой батареи Мошинскій взорвалъ пороховой погребъ.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

1 часть 45 м. дня.

Отъ форта 2 и 3 несутъ къ Волчьимъ горамъ много раненыхъ.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

2 часа дня.

Японцы изъ-за Волчьихъ горъ большими колоннами двигаются къ дер. Шуйшинъ.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

5 час. 15 м. вечера.

Усиленное движеніе передъ фортомъ III. Виденъ красный огонь. Раньше замѣчались люди съ красными фонарями.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

5 час. 30 м. вечера.

Мортира шт.-капитана Моллера взорвала пороховой погребъ у 11-дюймового орудія.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

7 час. 26 м. вечера.

У форта III японцы сигналятъ красными фонарями на Волчьи горы.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

8 час. 25 м. утра.

Изъ долины горы Сѣдловой къ горѣ Угловой замѣчено передвиженіе группъ по 10 человекъ.

Полковникъ Ирманъ.

8 час. 35 м. вечера.

Минированіе собственныхъ фортовъ.

Съ первыхъ же дней осады комендантъ крѣпости лично и черезъ генерала Кондратенко старался внушить войскамъ, что форты никогда не сдаются, люди на нихъ умираютъ.

Гарнизонъ фортовъ и укрѣпленій всегда можетъ рассчитывать на поддержку, но никогда на выводъ изъ послѣднихъ.

Геройская стойкость гарнизоновъ во время третьяго штурма убѣдила генерала Смирнова, что гарнизоны вполнѣ прониклись сознаніемъ, что форты не сдаются, а умираютъ.

Стойкость и сознаніе людей, что форты умираютъ, но не сдаются, давала надежду, что японцамъ не скоро удастся взять

одинъ изъ пунктовъ, къ которымъ они въ буквальномъ смыслѣ слова присосались.

Казалось, что большаго и желать было нечего.

„Севастополь“ передъ выходомъ на вѣншній рейдъ.

Нѣтъ! Враги нормальной обороны не могли помириться съ этимъ.

Появилась подпольная записка генерала Фока, въ которой онъ, ссылаясь на примѣръ Малахова кургана, убѣждалъ начальника района заложить на самыхъ фортахъ мины. Заложены же онъ должны были быть съ той цѣлью, что, когда фортъ рѣшено будетъ сдать, послѣдній по очищеніи взрывается.

Генералъ Смирновъ энергично протестовалъ, всѣми силами стараясь убѣдить, что минированіе собственныхъ фортовъ (не

говоря уже про крайнюю опасность этой затѣи при оборонѣ) въ корнѣ подорветъ усвоенный людьми принципъ, что **фортъ умираетъ, а не сдается**—и въ конецъ деморализируетъ гарнизоны.

Но генераль Стессель, вѣрившій Фоку, настаивалъ.

Комендантъ посылаетъ тогда къ нему полковника Григоренко. Послѣдній дѣлаетъ подробный докладъ, которымъ съ очевидной ясностью доказываетъ, что результаты взрывовъ будутъ въ общемъ ничтожны, но зато заложенные мины будутъ страшно опасны для гарнизона, т. к. случайное попаданіе 11" бомбы можетъ вызвать несвоевременный взрывъ.

Генераль-адъютантъ все-таки настоялъ на своемъ, и на фортахъ начали раздѣлывать камеры для зарядовъ.

Только на форту II-мъ комендантъ послѣдняго поручикъ **Флоровъ** категорически заявилъ, что, пока онъ на форту, фортъ минированъ не будетъ.

Вмѣшательство генерала Стесселя въ артиллерійскую оборону.

Генераль Стессель, отдавая, помимо коменданта, частныя распоряженія начальнику крѣпостной артиллеріи Бѣлому, строжайше приказалъ не ставить ни одной пушки безъ особаго на каждый разъ разрѣшенія.

Такъ какъ на атакованномъ фронтѣ онъ никогда не бывалъ и поэтому положеніе вещей на мѣстѣ обсудить не могъ, то это приказаніе имѣло исключительной цѣлью сдѣлать непріятность и мѣшать продуктивной работѣ генерала Смирнова.

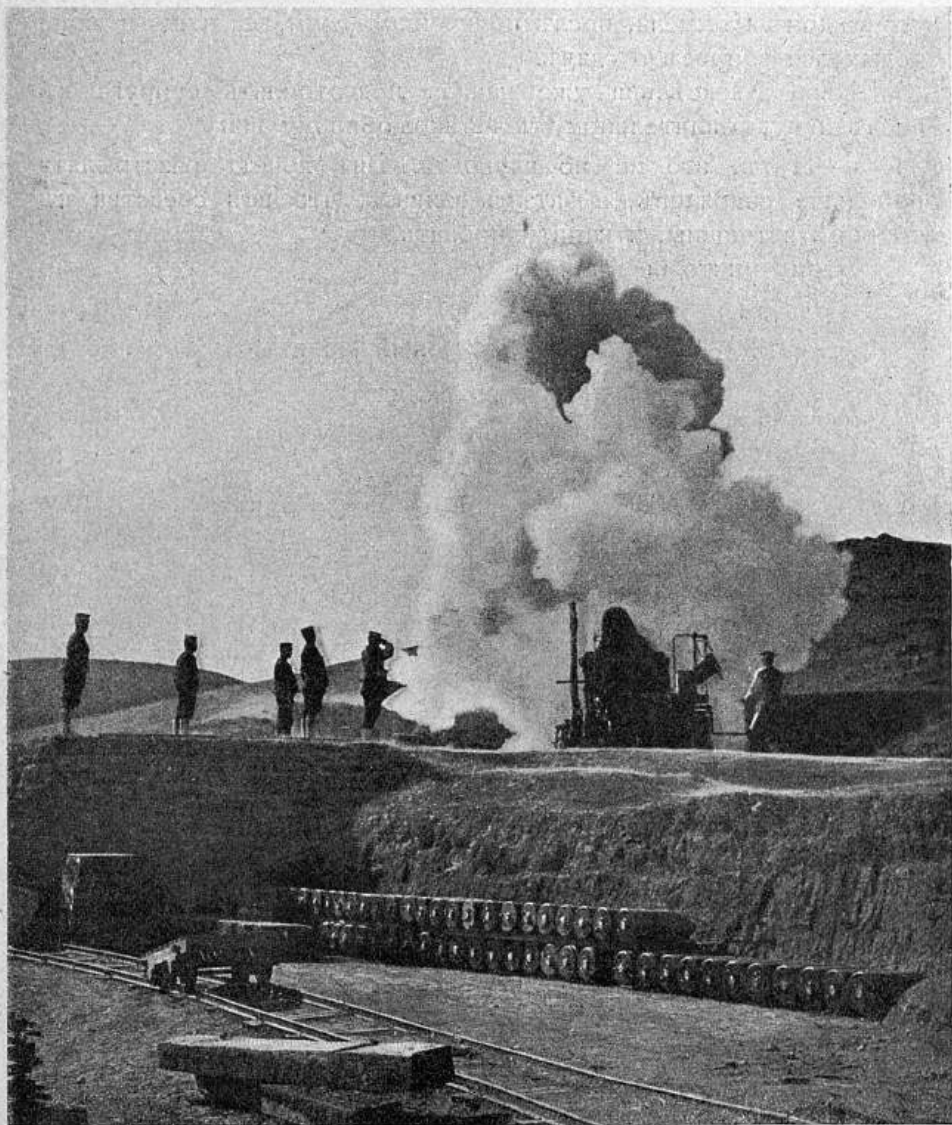
Конечно, въ итогѣ все дѣлалось такъ, какъ хотѣлъ Смирновъ, но все это страшно мѣшало и затрудняло оборону.

Когда начались спазматическія наступленія (приводимыя выше телефонограммы иллюстрируютъ положеніе вещей на атакованномъ фронтѣ) передъ генеральнымъ штурмомъ 17 октября, Стессель, минуя коменданта, отдаетъ приказаніе генералу Бѣлому съ заходомъ солнца открыть стрѣльбу съ сѣверо-восточнаго фронта по прилежащей къ укрѣпленіямъ площади. Вначалѣ рѣдкую, затѣмъ между 7 и 8 часами вечера частую и до 10 рѣдкую.

Причиной этой стрѣльбы было личное предположеніе Стесселя (на слѣдующій день послѣ раненія), что непріятель въ это время можетъ произвести штурмъ.

Штурмъ, конечно, не было, и, несмотря на всѣ протесты

Смирнова, Бѣлаго, Кондратенко, — генераль-адъютантъ категорически приказалъ начать таррарабумбію.

Выстрѣлъ 11" японской мортиры.

Ради упрямства Стесселя было совершенно напрасно истрачено нѣсколько тысячъ снарядовъ.

А каждый снарядъ былъ дорогъ для крѣпости.

Почему же такъ поступалъ Стессель?

По глупости?—спрашивали.

— Нѣтъ, убѣжденно говорили дальновидные люди, знавшіе, что въ домѣ Стесселя, послѣ полученной *раны*, все чаще и чаще подымался вопросъ о сдачѣ.

Вѣра Алексѣевна уже начала готовить супруга къ послѣднему, рѣшительному чело^вѣколюбивому шагу.

— Нѣтъ, это не по глупости. Онъ хочетъ разстрѣлять побольше снарядовъ, а затѣмъ заявить, что всѣ средства къ оборонѣ истощены, и капитулировать.

Этому никто не вѣрилъ.

16-е октября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

16 октября.

Копіи.

Окопъ на гласисѣ III укрѣпленія отбить.

Шт.-капитанъ Булгаковъ.

7 час. утра.

Всю ночь шла орудійная и ружейная стрѣльба.

Идетъ борьба за окопы.

На форту 2 японцы взрывомъ разрушили потолокъ и наружную стѣну капонира въ томъ мѣстѣ, гдѣ было отверстіе.

Поставили желѣзные щиты, подъ прикрытіемъ которыхъ наступаютъ.

Отъ отверстія японцы провели къ своему окопу траншею.

Въ галлерей капонира нами сдѣланы траверсы изъ мѣшковъ.

Огонь увеличился по форту III, укрѣпленію III и Курганной.

Капитанъ Головань.

7 час. 50 м. утра.

Роты впереди укрѣпленія III соединились. Углубляютъ окопъ, чтобы держаться.

Капитанъ Головань.

9 час. 40 м. утра.

Передъ окопомъ лит. В японцы перерѣзали сѣтъ.

Подполковникъ Науменко.

10 час. 10 м. утра.

Фортъ II съ 7 час. утра въ огнѣ 11" и 10" бомбъ.

Шт.-капитанъ Кватцъ.

10 час. 30 м. утра.

Сильный огонь по окопамъ отъ лит. Б до форта П. Противникъ подготавливаетъ атаку.

Подполковникъ Науменко.

12 час. 20 м. дня.

Японцы усиленно атакуютъ окопы передъ укрѣпленіемъ 3, которые мы сегодня отъ нихъ отобрали.

Генераль-маіоръ Горбатовскій.

1 часъ 20 м. дня.

Во время бомбардировки.

Японцы двигаются къ форту 2 и капониру 2 со стороны желѣзной дороги. Изъ-за Сахарной Головы замѣчено движеніе шеренгами.

Поручикъ Кишко.

3 часа 30 м. дня.

Стрѣляетъ новая мортирная батарея.

Мичманъ Вонярялскій.

3 часа 35 м. дня.

Послѣ жаркаго боя японцы заняли переднюю часть укрѣпленія 3.

Поручикъ Кишко.

4 часа дня.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

16 октября.

Копія.

Около 12 часовъ ночи японцы по всей линіи начали обстрѣливать наши посты, пытаясь отѣснить заставы Соловьева отъ берега моря. Перестрѣлка затихла, все на старыхъ мѣстахъ.

Капитанъ Романовскій.

12 ч. 30 м. ночи.

Высокая, фортъ 4 и укрѣпленіе 5 въ огнѣ 11-дюймовыхъ мортиръ. На Высокой разрушенъ блиндажъ.

На равнинѣ между бухтами Голубиной и Луизы оживленно. На берегу бухты „Десять кораблей“ эскадронъ кавалеріи производитъ ученіе. По желѣзной дорогѣ подвозятъ много снарядовъ.

Полковникъ Ирманъ.

10 час. 20 м. утра.

На западномъ фронтѣ безъ перемѣнъ.

Днемъ скопленіе японцевъ въ лощинахъ къ с.-в. деревни „Безъ названія“, гдѣ расположились бивуакомъ.

Высота 218 удачно обстрѣливалась нами.

Большое движеніе передъ фронтомъ нашихъ постовъ и Высокой.

Днемъ на постахъ перестрѣлка.

Капитанъ Романовскій.

3 часа 50 м. дня.

Японцы надъ южнымъ большимъ окопомъ Высокой построили блиндажъ.

Идетъ отъ бухты Луизы къ японскимъ окопамъ движеніе арбъ.

Между японцами замѣчены люди въ малиновыхъ халатахъ; говорятъ, это корейцы, пришедшіе недавно съ сѣвера.

Капитанъ Романовскій.

11 час. 30 мин. вечера.

По всѣмъ дорогамъ большое движеніе обоза, пѣшихъ и конныхъ къ Артуру и назадъ. Вчера въ 11 часовъ два 11-дюймов. снаряда, пущенные по бассейну, летѣли, кувыряясь въ воздухѣ; упали впереди броненосца.

Лейтенантъ Ромашевъ.

12 час. 15 м. ночи.

Выписка изъ дневника покойнаго инженеръ-полковника С. А. Рашевскаго.

16 октября.

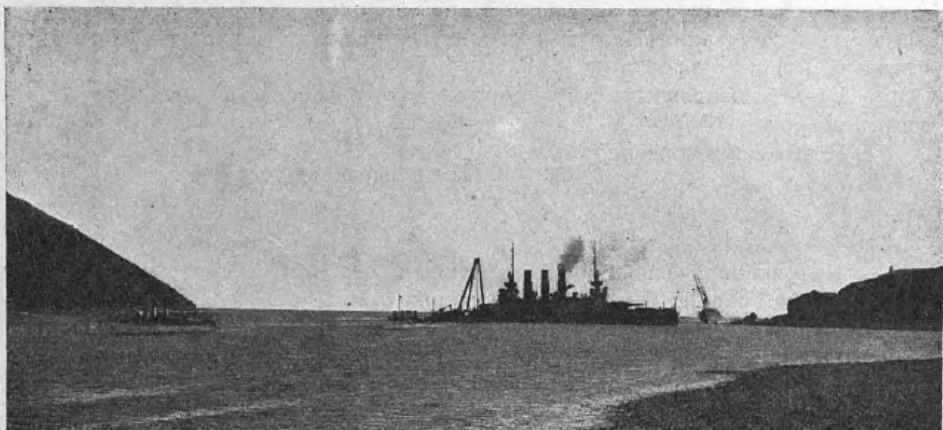
„... Въ виду тяжелаго положенія фортовъ II и III, у коменданта крѣпости состоялось утромъ совѣщаніе съ цѣлью выяснитъ, что возможно предпринять, дабы помочь фортамъ, и рѣшено нижеслѣ-

дующее: 1) Взамѣнъ обороны рвовъ изъ капонировъ, которые, вѣроятно, скоро будутъ разрушены, организовать оборону боковыхъ рвовъ форта III изъ временныхъ капонировъ-блочногаузовъ, поставленныхъ на днѣ рвовъ у горжи для обороны рва праваго фаса II форта.

4) Устроить по капитали форта II минную галерею подъ дномъ рва, дабы предупредить возможность обвала миной бруствера форта и дать укрытіе гарнизону отъ 11" снарядовъ.

Къ выполнению этихъ работъ, кромѣ поименованной въ пунктѣ 4, уже приступлено.

... Да, съ каждымъ днемъ мы **убѣждаемся**, насколько японцы страшный и серьезный врагъ.

Броненосецъ „Ретвизанъ“.

Такъ настойчиво, какъ они, вести атаку на крѣпость, такъ умѣло пользоваться своей артиллеріей, пулеметами и своими сатрами, такъ безстрашно итти на вѣрную смерть—для этого надо и много мужества и не мало умѣнья....“

Штурмъ третій.

17-е октября. Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

17 октября.

Копіи.

Вылазка съ форта III не удалась. Роты, не дойдя японскаго окопа, встрѣченные убійственнымъ ружейнымъ огнемъ и бомбочками, возвратились. Потеряли лучшихъ людей, шедшихъ впереди.

Генераль-маіоръ Горбатовскій.

2 часа 25 м. утра.

На форту II взорванъ правый капониръ.

Капитанъ Головань.

4 часа 58 м. утра.

Разрушеніе на капонирѣ заваливается мѣшками.

Капитанъ Головань.

5 час. 55 м. утра.

Идетъ сильная бомбардировка всего 2 и 3 участка.

Подполковникъ Науменко.

9 час. утра.

Передъ лѣвой крайней камерой головного капонира, нами не занятъ японцы сдѣлали галерею, устье которой величиною 2 кв. аршина засыпаютъ бомбочками. Самая камера полуразрушена. Въ верхнія отверстія наши бросаютъ бомбочки.

Безъ рѣшительныхъ мѣръ форту грозитъ опасность быть окруженнымъ во рву.

Необходимъ инженеръ.

Подполковникъ Науменко.

10 час. утра.

Цѣлую ночь сильнѣйшій орудійный огонь. Особенно пострадали фортъ и укрѣпленіе III и открытый капониръ 2.

Фронтъ и лѣвый уголъ капонира сметень.

Возлѣ самой сѣтки открытаго капонира 2 японца вырыли окопъ и сидятъ съ примкнутыми штыками, прикрываясь щитами.

Капитанъ Головань.

11 час. 45 м. утра.

Орудійный огонь усиливается. Началось обстрѣливаніе шрапнелъ. Идемъ атаки.

Подполковникъ Науменко.

11 час. 50 м. утра.

Японцы штурмуютъ лит. Б.

Мичманъ Вонлярлярскій.

12 час. дня.

На лит. Б идетъ штыковой бой.

Мичманъ Вонлярлярскій.

12 час. 30 м. дня.

На батарее лит. Б виденъ японскій флагъ на брустверѣ. Флагъ лѣтъ, но японцы вблизи пушекъ.

Мичманъ Вонлярлярскій.

12 час. 50 м. дня.